

ISSN 2225-756X (Print)
ISSN 2227-1295 (Online)

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

NAUCHNYI DIALOG

Научный диалог

2021. № 12

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

ISSN	2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online)
Свидетельство о регистрации	ПИ № ФС 77-47018 от 18.10.2011 г., Роскомнадзор
Год основания	2012
Периодичность	12 раз в год
Представление в каталогах, индексирование	• WoS <Emerging Sources Citation Index> • ERIH PLUS • Global Serials Directory Ulrichs Web • EBSCO • Российский индекс научного цитирования – РИНЦ • КиберЛенинка
Подписной индекс	29255, Объединенный каталог «Пресса России»
Адрес редакции	620050, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, оф. 57
E-mail редакции	nauka-dialog@mail.ru
Учредитель / Издатель	ООО «Центр научных и образовательных проектов»
Электронный адрес издателя	http://www.nauka-dialog.ru/
Адрес издателя	620098, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 43, к. 57
E-mail издателя	cnior@bk.ru

СТАТИСТИКА ВЫПУСКА

Тематика	07.00.00 Исторические науки	
	10.01.00 Литературоведение	
	10.02.00 Языкознание	
География авторов выпуска	Барнаул	Ницца (Франция)
	Белосток (Респ. Польша)	Пенза
	Владикавказ	Петрозаводск
	Воронеж	Псков
	Долгопрудный	Пятигорск
	Екатеринбург	Санкт-Петербург
	Ижевск	Тобольск
	Киров	Улан-Удэ
	Москва	Уссурийск
	Нижний Новгород	
Авторы, имеющие ученую степень	90 %	

Дата выхода в свет 24.12.2021

ISSN 2225-756X

Nauchnyi dialog
(Naučnyj dialog = Nauchnyy dialog = Scientific Dialogue = ND)

2021. № 12

ISSN	ISSN 2225-756X (Print), ISSN 2227-1295 (Online) Key title: Naučnyj dialog, Abbreviated key title: Naučn. dialog
Creative Commons	Attribution license 4.0 International (CC BY 4.0)
Mass Media Registration Certificate (by Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Informa- tion Technologies and Mass Com- munications)	PI № FS 77-47018 of 18.10.2011
Subscription Code	29255, Union Catalog “Pressa Rossii” (Russian Press)
Coverage	Russian Federation, foreign countries
Presence in Citation Bases, indexa- tion	• WoS <Emerging Sources Citation Index> • ERIH PLUS • Global Serials Directory Ulrichs Web • Science Index (Rus) • CyberLeninka
Text Presentation Form	• EBSCO • RSCI — All published articles are publicly available for reading and citing on the jour- nal’s website and in the National E-Library • CyberLeninka
Reviewing	All manuscripts submitted to the editorial office are to be reviewed

Главный редактор

Татьяна Валерьевна Леонтьева, д-р филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)

Редакционная коллегия

Анна Викторовна Щетинина, канд. филологических наук, доцент (Россия, Екатеринбург)
Александр Геннадиевич Нестеров, д-р исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Сергей Николаевич Пяткин, д-р филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Алессандро Витале, д-р наук, профессор (Италия, Милан)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, д-р филологических наук, профессор (Болгария, София)
Рафаэль Гусман Тирадо, д-р филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Татьяна Владимировна Гусейнова, д-р педагогических наук, профессор (Таджикистан, Душанбе)

Редакционный совет

10.02.00 Языкознание

Александр Константинович Киклевич, д-р филологических наук, профессор (Польша, Ольштын)
Арто Мустайоки, д-р философии (русский язык), профессор (Финляндия, Хельсинки)
Биляна Марич, д-р филологических наук, доцент (Сербия, Белград)
Вадим Витальевич Сдобников, д-р филологических наук, доцент (Россия, Нижний Новгород)
Евгения Викторовна Терехова, д-р филологических наук, профессор (Россия, Владивосток)
Мария Кирилова Китанова-Маркова, д-р филологических наук, профессор (Болгария, София)
Нина Марковна Разинкина, д-р филологических наук, профессор (Россия, Москва)
Рафаэль Гусман Тирадо, д-р филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Рenate Ратмайр, д-р филологических наук, профессор (Австрия, Вена)
Татьяна Геннадьевна Никитина, д-р филологических наук, профессор (Россия, Псков)
Татьяна Николаевна Бунчук, канд. филологических наук, доцент (Россия, Сыктывкар)
Тимур Беньюминович Радбиль, д-р филологических наук, профессор (Россия, Нижний Новгород)

10.01.00 Литературоведение. Журналистика. Фольклористика

Сергей Николаевич Пяткин, д-р филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Александр Самуилович Кацев, д-р филологических наук, профессор (Кыргызстан, Бишкек)
Андреана Борисова Ефимова, д-р наук, профессор (Болгария, София)
Галина Ивановна Родина, д-р филологических наук, профессор (Россия, Арзамас)
Евгения Николаевна Кузьмина, д-р филологических наук, профессор (Россия, Новосибирск)
Иво Поспишил, д-р наук (Чешская Республика, Брно)
Ольга Юрьевна Осьмухина, доктор филологических наук, профессор (Россия, Саранск)
Павел Федорович Лимеров, канд. филологических наук, доцент (Россия, Сыктывкар)
Рафаэль Гусман Тирадо, д-р филологических наук, профессор (Испания, Гранада)
Татьяна Алексеевна Савоськина, канд. филологических наук, доцент (Украина, Измаил)

07.00.00 Исторические науки. Этнография. Этнология

Александр Геннадиевич Нестеров, д-р исторических наук, профессор (Россия, Екатеринбург)
Алессандро Витале, д-р наук, профессор (Италия, Милан)
Альбина Советовна Жанбосинова, д-р исторических наук, профессор (Казахстан, Усть-Каменогорск)
Андрей Александрович Иванов, д-р исторических наук, профессор (Россия, Санкт-Петербург)
Юрий Дмитриевич Анчабадзе, д-р исторических наук, профессор (Россия, Москва)

Английский перевод аннотаций: Ирина Волгина

EDITOR-IN-CHIEF:

Tatyana Valeryevna Leontyeva, Doctor of Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)

SCIENCE EDITORS

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)
Alexandr Gennadiyevich Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)
Anna Viktorovna Shchetinina, PhD in Philology, associate professor (Russia, Yekaterinburg)
Marija Kirilova Kitanova-Markova, Doctor of Philology, associate professor (Bulgaria, Sofia)
Rafael Guzmán Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
Sergey Nikolayevich Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)
Tatyana Vladimirovna Guseynova, Doctor of Education, professor (Tajikistan, Dushanbe)

EDITORIAL BOARD

LINGUISTICS

Aleksander Kiklewicz, Doctor of Philology, associate professor (Poland, Olsztyn)
Arto Mustajoki, Doctor of Philosophy (Russian), associate professor (Finland, Helsinki)
Biljana Marič, Doctor of Philology, associate professor (Serbia, Belgrad)
Evgeniya Viktorovna Terekhova, Doctor of Philology, professor (Russia, Vladivostok)
Marija Kirilova Kitanova-Markova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)
Nina Markovna Razinkina, Doctor of Philology, professor (Russia, Moscow)
Rafael Guzmán Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
Renate Rathmayr, Doctor of Philology, professor (Austria, Vienna)
Tatyana Gennadyevna Nikitina, Doctor of Philology, professor (Russia, Pskov)
Tatyana Nikolayevna Bunchuk, PhD in Philology, associate professor (Russia, Syktyvkar)
Timur Benyuminovich Radbil, Doctor of Philology, professor (Russia, Nizhny Novgorod)
Vadim Vitalyevich Sdobnikov, Doctor of Philology, associate professor (Russia, Nizhny Novgorod)

LITERARY STUDIES. JOURNALISM. FOLKLORE

Sergey Nikolayevich Pyatkin, Doctor of Philology, professor (Russia, Arzamas)
Aleksandr Samuilovich Katsev, Doctor of Philology, professor (Kyrgyz Republic, Bishkek)
Andreana Borisova Eftimova, Doctor of Philology, professor (Bulgaria, Sofia)
Galina Ivanovna Rodina, Doctor of Philology, associate professor (Russia, Arzamas)
Evgenia Nikolayevna Kuzmina, Doctor of Philology, professor (Russia, Novosibirsk)
Ivo Pospíšil, Doctor of Philology, professor (Чешская Республика, Брно (Czech Republic, Brno))
Olga Yurevna Osmukhina, Doctor of Philology, professor (Russia, Saransk)
Pavel Fyodorovich Limerov, PhD in Philology, associate professor (Russia, Syktyvkar)
Rafael Guzmán Tirado, Doctor of Philology, professor (Spain, Granada)
Tatyana Alekseyevna Savoskina, PhD in Philology, associate professor (Ukraine, Izmail)

HISTORY. ETHNOGRAPHY. ETHNOLOGY

Alessandro Vitale, Doctor of Science, professor (Italy, Milan)
Alexandr Gennadiyevich Nesterov, Doctor of History, professor (Russia, Yekaterinburg)
Albina Sovetovna Zhanbosinova, Doctor of History, professor (Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk)
Andrey Aleksandrovich Ivanov, Doctor of History, professor (Russia, St. Petersburg)
Yuri Dmitriyevich Anchabadze, Doctor of History, professor (Russia, Moscow)

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Анхимюк О., Шимуля Р.</i> Средства выражения дуализма в проповеди «Слово на Новый годъ. Въ чемъ счастье челоуѣка и гдѣ его найти?»	9
<i>Багиян А. Ю., Моногарова А. Г.</i> Продуктивное манипулирование как элемент рекламного университетского дискурса : прагма-аксиологический анализ	30
<i>Березович Е. Л., Леонтьева М. О.</i> Лексика, обозначающая поясницу и поясничную боль в русских говорах : утин и чемер	50
<i>Куницкова М. О.</i> Метаязыковая активность креатора языковой игры в диалогах искусственных билингвов	71
<i>Леонтьева Т. В., Щетинина А. В.</i> Идентичность как организующая идея новой лексики и фразеологии	89
<i>Рогалева Е. И., Головина Л. С., Михайлова И. М.</i> Репрезентация механизмов игрового фразеомообразования в учебном словаре : из опыта практической лексикографии	106
<i>Широкова Е. Н.</i> Новостные интернет-заголовки : онтологический и ортологический аспекты	122
<i>Щеникова Е. В., Жданова Е. А.</i> Голофрастические неодериваты с центральным компонентом же в аспекте развития словообразовательных моделей	139

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЖУРНАЛИСТИКА. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Автаева Н. О., Гордеева Е. Ю., Щерова М. С.</i> Мир семьи в зеркале женской прессы периода НЭПа.....	160
<i>Богданова О. В., Власова Е. А.</i> Евангелие от Иосифа (поэма И. Бродского «Горбунов и Горчаков»).....	180
<i>Войку О. К., Жуков А. П., Ковалев Б. В.</i> Жанровое своеобразие романа М. Варгаса Льосы «Зеленый дом»	205
<i>Жаткин Д. Н., Рябова А. А.</i> Русская рецепция Джеймса Хогга (советский период).....	221
<i>Житенев А. А.</i> Об одном киноэкфрагмисе Ш. Абдуллаева	241
<i>Кихней Л. Г., Ламзина А. В.</i> Эпитафические посвящения Гумилеву собратьев по акмеистическому цеху : игра явных и тайных смыслов	256

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Батомункуева С. Р.</i> История культа Махакалы в Бурятии / С. Р. Батомункуева.....	273
<i>Дубровская Е. Ю.</i> Политическая самоидентификация российских военнослужащих в Финляндии весной 1917 года	289

<i>Дудайти А. К.</i> Внешняя политика Ирана в 1933—1939 годах : проблемы диверсификации отношений с ведущими мировыми державами	309
<i>Загороднюк Н. И.</i> Организация медицинской помощи заключенным Тобольского тюремного острога в конце XVIII — первой половины XIX веков	327
<i>Зайцева Л. Г., Бобров Д. С.</i> Пути сообщения Верхнего Прииртышья XVII — начала XVIII веков по материалам «Хорографической книги» и «Чертежной книги Сибири» <i>С. У. Ремезова</i>	344
<i>Кулешова Е. В., Старостин Д. Н.</i> Проблема периодизации истории античности в исследованиях И. М. Гревса и Н. И. Кареева в конце XIX — начале XX веков	363
<i>Поздеев И. Л.</i> Марийцы Удмуртии: факторы сохранения традиционной культуры в современных условиях	380
<i>Половникова М. Ю.</i> Епископ Аполлос (Беляев) и развитие Вятской епархии в 1866—1885 годы	396
<i>Рудковская М. М.</i> Документы по истории русской военно-морской эмиграции в региональных архивах южной Франции: проблемы поиска и изучения	413
<i>Симоненко Е. С.</i> Сэм Хьюз и мобилизация канадских добровольцев для участия в войне (август 1914 — октябрь 1915)	429
<i>Скворцов А. М.</i> Становление советской аспирантуры по истории в СССР в 1930-е годы : законодательное регулирование и практика	444
<i>Скрыдлов А. Ю.</i> Формирование органов административной статистики в Российской империи: Статистическое отделение Министерства полиции (1811—1819)	461
<i>Сорокин А. А., Медоваров М. В.</i> Система земских выборов по Положению о земских учреждениях 1890 года в оценках российской периодической печати	479
<i>Чемакин А. А.</i> Городские выборы на Кубани (весна — осень 1919 года)	497
АВТОРАМ	516
CONTENTS	521

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

LINGUISTICS

.....

Александр Юрьевич Багиян, канд. филол. наук (Пятигорск)
Алина Геннадьевна Моногарова, канд. филол. наук (Пятигорск)
Анна Викторовна Щетинина, канд. филол. наук (Екатеринбург)
Елена Александровна Жданова, канд. филол. наук (Нижний Новгород)
Елена Викторовна Щеникова, канд. филол. наук (Нижний Новгород)
Елена Ивановна Роголёва, д-р филол. наук (Псков)
Елена Львовна Березович, д-р филол. наук (Екатеринбург)
Елена Николаевна Широкова, д-р филол. наук (Нижний Новгород)
Ирина Михайловна Михайлова, канд. пед. наук (Псков)
Любовь Сергеевна Головина, канд. филол. наук (Псков)
Марина Олеговна Кунщикова, аспирант (Екатеринбург)
Татьяна Валерьевна Леонтьева, д-р филол. наук (Екатеринбург)
Мария Олеговна Леонтьева, лаборант-исследователь (Екатеринбург)
Ольга Анхимюк, канд. филол. наук (Белосток, Республика Польша)
Роберт Шимуля, канд. филол. наук (Белосток, Республика Польша)

Анхимюк О. Средства выражения дуализма в проповеди «Слово на Новый годъ. Въ чемъ счастье челоуѣка и гдѣ его найти?» / О. Анхимюк, Р. Шимуля // Научный диалог. — 2021. — № 12. — С. 9—29. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-9-29.

Anchimiuk, O., Szymula, R. (2021). Means of Expressing Dualism in Sermon "Slovo na Novyy God. V Chem Schastye Cheloveka, i Gde Ego Nayti?" [Word for New Year. What is Human Happiness, and Where to Find it?]. *Nauchnyi dialog*, 12: 9-29. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-9-29. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-9-29

**Средства выражения
дуализма в проповеди
«Слово на Новый годъ.
Въ чемъ счастье челоуѣка
и гдѣ его найти?»**

Анхимюк Ольга

orcid.org/0000-0003-2421-5148

кандидат филологических наук,

адъюнкт **кафедры**

восточнославянского языкознания и

региональной ономастики

o.anchimiuk@uwb.edu.pl

Шимуля Роберт

orcid.org/0000-0002-4879-4554

кандидат филологических наук,

адъюнкт **кафедры**

восточнославянского языкознания и

региональной ономастики

r.szymula@uwb.edu.pl

Университет в Белостоке
(Белосток, Республика Польша)

**Means of Expressing Dualism
in Sermon "Slovo na Novyy
God. V Chem Schastye
Cheloveka, i Gde Ego Nayti?"
[Word for New Year. What
is Human Happiness, and
Where to Find it?]**

Olga Anchimiuk

orcid.org/0000-0003-2421-5148

PhD (Faculty of Philology),

Adjunct of the Department of East Slavic

Linguistics and Regional Onomastics

o.anchimiuk@uwb.edu.pl

Robert Szymula

orcid.org/0000-0002-4879-4554

PhD (Faculty of Philology),

Adjunct of the Department of East Slavic

Linguistics and Regional Onomastics

r.szymula@uwb.edu.pl

University of Bialystok
(Bialystok, Republic of Poland)

© Анхимюк О., Шимуля Р., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Объект изучения — известная проповедь архиепископа Анастасия (Добрадина) *«Слово на Новый годъ. Въ чемъ счастье чловѣка и гдѣ его найти?»*, посвященная вопросу двойственного понимания счастья (философского, то есть светского, и религиозного). **Уделяется внимание** средствам вербализации понятия *счастья* в исследуемом тексте. Подчеркивается, что исследуемый текст является уникальным примером жанра «слово», его выделяет нетипичное для данного рода произведений обращение к светскому элементу. Проведен анализ этимологии и развития семантики существительного *счастье*. Изучена его лексическая сочетаемость в тексте проповеди. Выявлены полные и краткие формы прилагательных, выступающих атрибутивами при анализируемом существительном. Проанализированы функции этих форм: они служат для выражения положительной и отрицательной оценки. Доказано, что в исследуемом «Слове» проповедник относит понятие *«счастье»* не только к высокому, но и к низкому регистру, что связано с рассмотренными им двумя концепциями счастья, между лексическими репрезентантами которых он вводит разграничение также на графическом уровне (счастье, счастье). Особое внимание уделяется самому частотному в проповеди атрибутиву *истинный*, имеющему общую с существительным *счастье* сему *Бог*. Подчеркивается, что обычно эпиграф содержит основной смысл проповеди, однако эпиграф к «Слову ...» не включает лексему *счастье* в связи с тем, что вся проповедь посвящена переосмыслению этого понятия.

Ключевые слова:

религиозный дискурс; проповедь; счастье; коннотация.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The present study examines Archbishop Anastasy (Dobradin)'s famous sermon *«Слово на Новый годъ. Въ чемъ счастье чловѣка и гдѣ его найти?»*, dealing with the question of the dual understanding of “happiness” (philosophical, i.e. secular, and religious). Attention is paid to the means of verbalising the concept of happiness in the text under study. The text under analysis is a unique example of the homily, distinguished by its atypical for this genre appeal to a secular element, associated with the preacher's dual understanding of “happiness”. The article presents the results of the analysis of etymology and development of semantics of the noun *счастье*. Its lexical compatibility in the text of a sermon is investigated. Full and short forms of adjectives, which serve to express positive and negative connotations, are identified. It has been proved that in the studied homily the preacher attributes the concept of “happiness” not only to the high register but also to the low register, which is related to the two concepts of “happiness” considered by him, reflected also on the graphic level (счастье, счастье). Particular attention is paid to the most frequent attribute in the sermon, *истинный*, which has in common with the noun *счастье* the seme *God*. The epigraph of the homily, which usually presents the main point of the sermon, does not include the lexeme *счастье* because the entire sermon is devoted to redefining this concept.

Key words:

religious discourse; sermon; happiness; connotation.

Средства выражения дуализма в проповеди «Слово на Новый годъ. Въ чемъ счастье челоуѣка и гдѣ его найти?»

© Анхимюк О., Шимуля Р., 2021

1. Введение

Религия, являясь формой общественного сознания, играет важную роль в жизни человечества. С момента возникновения общества религия сопровождает все этапы его развития, формируясь и эволюционируя вместе с ним. Она ищет ответы на важнейшие вопросы бытия, которые обращены к логике, душе, разуму, воображению, интуиции, чувствам, желаниям и совести человека. Религии, в основе которых лежит Библия, — «это диалогические религии, в которых человек отвечает на призыв Бога, а религиозная связь основана на межличностном общении» [Kłoczowski, 1995, с. 10] (здесь и далее перевод выполнил Р. Шимуля). Коммуникативная практика, связанная с религией, — это один из самых древних типов общения членов общества. За века своего существования религиозная коммуникация сформировалась в полной мере и не раз становилась предметом научного изучения представителей разных дисциплин и направлений.

Изучению религиозного дискурса и религиозного стиля, языка религии посвящены работы И. Баеровой [Баерова, 1994], Е. В. Бобыревой [Бобырева, 2007; Бобырева, 2008], М. Вальчак-Миколайчаковой [Walczak-Mikołajczakowa, 2000], М. Войтак [Войтак, 2003; Wojtak, 2015], А. К. Гадомского [Гадомский, 2018], Т. В. Ицкович [Ицкович, 2015], М. Макуховской [Makuchowska, 2011], Н. Б. Мечковской [Мечковская, 1998], О. А. Прохвятиловой [Прохвятилова, 1999] и др.

Религиозный дискурс неоднороден и может включать интерферирующие компоненты Откровения, различных культовых дискурсов, катехизического, нормативного и научного [Wojtak, 2015, с. 59]. В связи с этим соответствующий термин не имеет общепризнанной, всеми принятой дефиниции. Принимая во внимание тему нашей статьи, остановимся на следующем определении религиозного дискурса — «набор определенных действий, ориентированных на приобщение человека к вере, совокупность речеактовых комплексов, сопровождающих процесс взаимодействия коммуникантов» [Бобырева, 2008, с. 162]. Для религиозного дискурса характерен единый хронотоп (общение преимущественно происходит в храме, в определенное время) [Карасик, 2002, с. 223; Wojtak, 2015, 58]; к числу его участников от-

носится Бог [Карасик, 2002, с. 221; Wojtak, 1998, с. 309—31; Zdybicka, 1984, с. 155]. Исходя из особенностей порождения и функционирования религиозного дискурса выделяются первичные (*псалмы, притча, молитва*) и вторичные речевые жанры (*исповедь и проповедь*) [Бобырева, 2008, с. 166—167].

2. Проповедь и слово

В христианстве проповедью называют наставительную речь, которую священник произносит в храме после литургии. Ее задачей является сообщение и разъяснение различных положений христианского вероучения [Иванов, 2003, с. 515]. С лингвистической точки зрения проповедь представляет собой речевой акт, в котором принято выделять коммуникантов, коммуникативное намерение и цель, канал связи, характер сообщения [Бобырева, 2007, с. 278]. Главной особенностью проповеди является ее тематическое двуединство: в ней присутствует реальное событие и духовная тема, связанная с реализацией христианского вероучения [Ицкович, 2015, с. 43]. Такая структура обусловлена отражением бинарного мира, представляющего собой связь духовного и материального, божественного и человеческого, души и тела, греха и добродетели, жизни и смерти, вечности и временности [Лихачев, 1979, с. 135].

Существует несколько форм проповеди: беседа, речь, поучение, слово. Слово — это синтетико-тематическая форма проповеди. В жанре слова исследуется и раскрывается одна тема, посвященная предметам религиозно-нравственного содержания, извлекаемым из Священного Писания, богослужебных текстов или идеи церковного праздника. Его отличительными признаками являются: внутреннее единство содержания, строгая логичность в развитии мысли, богатство языка и художественность речи [Игумен Тарасий (Ланге), 2013, с. 47—48]. Слово состоит из вступления, изложения, нравственного приложения и заключения. Эпиграф, предпосланный слову, «обычно содержит указание на рассматриваемый предмет, который составляет главное начало для мыслей и суждений проповедника» [Епископ Полоцкий и Глубокский Феодосий (Бильченко), 1999, с. 74]. Слово является самой совершенной формой церковной проповеди.

В своем исследовании мы обратились к проповеди Анастасия (Добрадина) «*Слово на Новый годъ. Въ чемъ счастье человека и гдѣ его найти?*» [Анастасий (Добрадин)]. Проповедь была произнесена в 1864 году и является сегодня самой известной проповедью архиепископа Воронежского и Задонского Преосвященного Анастасия (Добрадина) (1828—1913). Исследование проведено в рамках когнитивно-функционально-стилистического подхода и имеет целью осмысление специфики языковой, стилистической и риторической реализации понятия «счастье» в данной проповеди. Для этого

был проведен анализ этимологии и развития семантики номинаций, служащих основным средством его вербализации, изучение лексической сочетаемости существительного *счастье*, языковых средств, фиксирующих его положительные и отрицательные коннотации. Для реализации поставленных задач использованы элементы лексико-семантического метода, семантико-стилистического, сравнительно-исторического и этимологического методов, метода лингвистического и концептуального анализа.

3. Тема исследуемой проповеди

Новый год не являлся церковным праздником, поэтому, как правило, проповеди, произнесенные в этот день, имели нравственное содержание. Приведем примеры некоторых новогодних проповедей: «Слово на новый год (Размышление о времени и временном ...)», «Слово на новый год (Что такое обновление?..)» Святителя Феофана Затворника; «Слово на новый год. (О покаянии)» Святителя Тихона Задонского; «Слово первое на новый год. Об истинной уверенности (произнесено в 1994 году)» нашего современника Митрополита Владимира (Икима).

Иначе звучит само название анализируемой проповеди «Слово на Новый год. В чем счастье человека и где его найти?». Такое начало нетипично для проповеди, так как оно отсылает к устойчивому благопожеланию С Новым годом, с новым счастьем, имеющему светский характер. Его использование в данном жанре может объясняться тем, что автор хотел привлечь внимание адресатов. Одновременно оно соответствует структуре текста (переход от светского к религиозному). Само обращение к теме счастья свойственно жанру христианской проповеди. Уже в «Нагорной проповеди», являющейся первой христианской проповедью, включенной в Евангелие, приводятся заповеди блаженства (в православном дискурсе блаженство и счастье являются семантическими дублетами).

Одним из важнейших приемов в проповеди является повтор, в связи с тем что «искусно примененное повторение способствует более глубокому внедрению высказываемых мыслей в сознание слушателя» [Игумен Тарасий (Ланге), 2013, с. 77]. Этот же прием был обнаружен и в другой проповеди архиепископа Анастасия Добрадина «Слово в день рождения Его Императорского Величества, Благодетельнейшего Государя Императора, Александра Николаевича, 17 Апреля 1863 г. Молитва о царе есть лучшая дань верноподданнических чувств царю», где мы встречаем 38 лексем с корнем -благ-. Принимая во внимание факт, что главной темой исследуемой проповеди является понятие «счастье» и его содержание, самой частотной в этой проповеди является лексема счастье (ее формы и дериваты представлены 52 раза на 1765 слов).

4. Трактовка категории «счастье» с позиций разных дисциплин и дискурсов

Анализу понятия «счастье» посвящены работы многих исследователей. Оно было предметом изучения с позиций лингвокультурологического, когнитивно-семантического, психолингвистического, концептуального, философского, теологического и культурологического подходов в трудах А. Вежбицкой [Wierzbicka, 1999], С. Г. Воркачева [Воркачев, 2004], А. А. Зализняк [Зализняк, 2005; Зализняк, 2006], В. Кавецкого [Kawecki, 2018], В. В. Колесова [Колесов, 2006; Колесов, 2014], А. Корчака [Korczak, 2018], В. Татаркевича [Татаркевич, 1981; Tatarkiewicz, 2008] и др. Однако специфика материала вновь требует обращения к данной тематике.

4.1. Интерпретации понятия «счастье» в философии

В философском научном дискурсе под *счастьем* понимается «высшее благо как завершенное, самоценное, самодостаточное состояние жизни; общепризнанная конечная субъективная цель деятельности человека» [Гусейнов, 2010, с. 686—688]. Общие представления о счастье определил В. Татаркевич в четырех основных значениях: *‘благосклонность судьбы, удача’*; *‘состояние интенсивной радости’*; *‘обладание наивысшими благами’* и *‘чувство удовлетворения жизнью’* [Татаркевич, 1981]. Однако, по мнению исследователя, ни одно из определений полностью не раскрывает смысл понятия «счастье». «Философский словарь логики, психологии, этики, эстетики и истории философии» приводит следующую дефиницию: «Счастье — есть цель, к которой все стремятся; но так как вкусы и стремления у людей различны и индивидуальны, то и С. каждый понимает по-своему; но для всех сознание С. заключается в чувстве удовлетворенности, испытываемом человеком, жизнь которого складывается согласно его стремлениям и желаниям» [ФС, 1911, с. 249].

Согласно данным словарей, понятие, стоящее за словом *счастье*, не претерпело существенных изменений за столетие. Как видно из приведенных дефиниций, толкование, предложенное в «Философском словаре ...», очень близко к современной трактовке этого понятия.

4.2. Лингвистическое изучение представлений о счастье

Лингвистика уделяет внимание представлениям о счастье, отраженным в языковых единицах и текстах. Как отмечает С. Г. Воркачев, «понятие счастья, наряду с понятиями блага, смысла жизни, смерти, желания и любви, покрывает центральную часть аксиологической области личностного сознания» [Воркачев, 2012, с. 95—96]. В лингвистике для уточнения содержания этого понятия и концепта проводятся сопоставительные исследования: счастье рассматривается во взаимоотношениях с другими категориями: со смыслом жизни: «<...> находится где-то рядом со “смыслом

жизни» и другими фундаментальными и непостижимыми категориями бытия» [Зализняк, 2005, с. 169]; с Судьбой: «Судьба и Счастье — одно и то же, но только Счастье — это удавшаяся Судьба» [Колесов, 2014, с. 689]; с чудом: «Счастье сродни чуду, но это и есть чудо, то есть нарушение порядка, естественного хода событий» [Колесов, 2014, с. 692]; со случайной удачей (авось): «<...> рассчитывать на счастье в традиционной русской картине мира близко к тому, чтобы надеяться на авось, и подобно расчёту на авось может оцениваться невысоко» [Шмелев, 2005, с. 459]; с радостью и наслаждением [Зализняк, 2005, с. 161]. Как видно из вышесказанного, СЧАСТЬЕ является очень сложным, неоднозначным эмоциональным и этическим концептом. В религиозном дискурсе слово *счастье* соотносится с другими категориями.

4.3. Понятие счастья в религии

В христианстве принято иное толкование *счастья*. В православном дискурсе вместо лексемы *счастье* используется семантический дублет блаженство. В «Православной Энциклопедии под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла» *блаженство* определяется как «состояние совершенной духовной радости пребывающего в Божественной любви человека, достигнутое благодаря единению с Богом, обожению» [ПЭ]. В «Католической энциклопедии» дефиниция *счастья* содержит в своем составе элементы, присутствующие в приведенном выше толковании слова *блаженство*: «В богословии счастье — это естественное желание человека, заложенное в его сердце Богом <...>, только Он может удовлетворить его как личное благо; <...> земная действительность также является преходящей, поэтому она не может сделать человека постоянно счастливым; блага → Царства Божьего, напротив, вечны и должны быть принципом человеческих желаний; нетленное с. возможно только в вечности, когда человек окончательно соединится с Богом» [Pokrywka, 2013, с. 8].

5. Лексема *счастье* в лексикографических источниках

Основным способом вербализации понятия «*счастье*» в исследуемой проповеди является использование существительного *счастье*. М. Ф. Мурьянов отмечает полное отсутствие данного существительного и его производных в языке Древней Руси. По мнению исследователя, для обозначения этого понятия в то время использовалась лексема *блаженство*. Анализируя данные картотеки Института русского языка им. В. В. Виноградова, Мурьянов замечает, что в рукописи XI века «Пандекты Антиоха» лексема *сѣчастѣникъ* является эквивалентом греческого *symmetochos* (сопричастник), а в XVI веке писатель и богослов М. Грек понимал *счастье* как встречу, случай, судьбу [Мурьянов, 1999, с. 95, 97, 99]. Однако в словаре И. И. Срезневского представлены слова *сѣчастіе* ‘счастье, удача’ (с при-

мерами из летописей), счастливыми ‘благополучный’, а также счастъ-никъ ‘участник, сопричастник’ [Срезневский, т. 3, стр. 864]. В словаре XI—XVII веков слово *сѣчастіе* трактуется как ‘счастье, удача’; ‘благоденствие’; ‘участие, помощь’ [СРЯ XI—XVII, т. 29, с. 109]. Автор «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даль соотносит *счастье* с лексемами *рок, судьба, часть, участь, доля*, а значения определяет как ‘случайность, желанная неожиданность, талант, удача, успѣх, спорина в дѣлѣ, не по разсчету’; ‘благоденствіе, благополучіе, земное блаженство, желанная насущная жизнь, безъ горя, смуть, тревоги; покой и довольство; вообще, все желанное, все то, что покоить и доводить человѣка, по убѣжденьямъ, вкусамъ и привычкамъ его’ [Даль, 1882, т. 4, с. 381]. Другими словами, в первичном значении *счастье* обозначало независимое от усилий человека благоприятное случайное стечение обстоятельств, а во вторичном — состояние удовлетворенности жизнью, чувство довольства и радости. А. А. Зализняк замечает, что в современном русском языке существительное *счастье* имеет два основных значения: ‘удачное стечение обстоятельств, везение’, ‘высшее удовлетворение, земное блаженство’, причем оба они могут быть отчетливо противопоставлены, но могут и выражаться синкретично. Исследователь утверждает, что общая тенденция семантической эволюции состоит в сужении сферы употребления данной лексемы в значении ‘удача, везение’ и в расширении сферы употребления этого слова в значении ‘благоденствие, земное блаженство’, то есть в продолжающемся движении от первого значения ко второму значению [Зализняк, 2006, с. 262].

6. Понятие «счастье» в проповеди Анастасия (Добрадина) «Слово на Новый годъ. Въ чемъ счастіе человѣка и гдѣ его найти?»

6.1. Счастье как универсальное понятие

В исследуемой проповеди подчеркивается, что счастье, являющееся целью человеческой жизни, — это универсальное для всего человечества понятие, которому подчинена жизнь и деятельность всех людей:

(1) *Счастіе есть существенная потребность каждаго человѣка; счастіе есть цѣль, къ которой стремятся и народы.*

(2) *Посмотрите: изъ всѣхъ дѣйствій человѣческой предпріимчивости, какія не имѣютъ въ виду этой цѣли?*

Стремление к счастью является естественным элементом человеческой природы:

(3) *<...> оно существуетъ дѣйствительно и стремленіе къ нему также свойственно нашей природѣ, какъ живому, существу свойственно произвольное движеніе и чувствованіе: человѣкъ и сотворенъ для счастія, — ему суждено стремленіе къ счастію.*

Достижение поставленной цели является реальным:

(4) *Не есть ли это тѣнь, которая бѣжитъ отъ насъ по мѣрѣ того, какъ мы приближаемся къ ней? Не призракъ ли это, который чаруетъ наше воображеніе, пока служить предметомъ представленія, и разочаровываетъ, когда мы повидимому овладѣваемъ имъ? — Нѣтъ, слушатели, счастье — не призракъ.*

6.2. Светское и религиозное счастье

В проповеди представлены две противоположные концепции, которые можно назвать «светским счастьем» и «религиозным счастьем». Данные понятия разводятся и на графическом уровне: в тексте используется написание лексемы счастье для истинного небесного счастья и вариант счастье для **земного счастья**. Определяя светское счастье, автор обращает также внимание на людей, находящихся в его поиске, которых называет *искателями счастья*. Хотя словарная дефиниция лексемы *искатель* (*искатель* — ‘кто ищет что либо’ [Даль, 1882, т. 2, с. 47]) не несет какой-либо негативной эмоциональной оценки, но в сочетании *искатели счастья* в данной проповеди (как и в литературе XIX века) приобретает отрицательную коннотацию (по аналогии *искатель приключений* — авантюрист):

(5) *Среди них были богатые купцы и ничего не имевшие шарлатаны и искатели счастья и приключений, молодые и старые* (Волконский М. Н. Два мага, 1902);

(6) *Итак, на ходатайство выезжают канцелярские чиновники, помощники адвокатов и всякого рода искатели счастья, потому что это самое легкое и прибыльное ремесло, которого главное основание во лжи и обмане верителей* (Булгарин Ф. В. Иван Иванович Выжигин, 1829) [НКРЯ].

6.2.1. Религиозное понимание счастья

В тексте подчеркивается, что единственно правильным является счастье, соответствующее принципам православной веры:

(7) *<...> его настоящая жизнь, его дѣйствительное спокойствіе, его полная радость и слѣдовательно, истинное счастье — въ общеніи съ Богомъ, въ живомъ союзѣ съ Источникомъ жизни и радости, съ Виновникомъ неизмѣннаго счастья, вѣчнаго блаженства.*

Автор аргументирует свою точку зрения тем, что, если целью человеческой жизни на Земле является будущая вечная жизнь в раю (потребность бессмертной души), человек не в состоянии быть счастливым, удовлетворяя нужды тела (тело — временное прибежище души):

(8) *Это одно, къ чему стремится наше сердце и чѣмъ дѣйствительно можетъ быть успокоено оно или осчастливлено, — не можетъ быть временнымъ, преходящимъ; потому что духъ нашъ есть существо безсмертное и, значитъ, никогда не удовлетворится временнымъ.*

(9) *Такимъ образомъ духъ чело́вѣка не удовле́творяется време́нымъ, земе́нымъ.*

6.2.2. Светское понимание счастья

Религиозная концепция счастья противопоставляется в проповеди его светскому пониманию, близкому к его толкованию в философии. В данном случае дается множество дефиниций этого понятия, так как светское счастье, по мнению автора, — понятие неопределенное, зависимое от многих факторов и личных предпочтений:

(10) *Если бы у искателей счастья спросить, въ чемъ они полагаютъ счастье то какое **разнообразіе отвѣтовъ** получило́сь бы на предложенный вопросъ! <...> разви́вший въ себѣ животны́е инстинкты **нашелъ бы счастье въ удовле́твореніи гру́быхъ пожеланий и склонностей**; любитель денегъ ска́залъ бы, что **сча́стие заклю́чается въ облада́ніи сокрови́щами**; охотникъ до свѣтскихъ удо́вольствій **поче́тъ бы сча́стіемъ насла́жде́ніе удо́вольствіями**, которы́я представляются ему на общественны́хъ гуля́ньяхъ, на вечерахъ, балахъ, въ теа́трѣ, въ собра́ніяхъ; пристрастные къ мода́мъ <...> призна́лись, что **сча́стие состои́тъ въ томъ, чтобы́ пре́жде други́хъ одѣ́ться въ то или друго́е модное пла́тье**; <...>; такимъ образомъ кажды́й, какъ видите, ста́лъ бы полага́ть счастье въ томъ, что ему нра́вится.*

Отсутствие универсальной дефиниции является, по мнению архиепископа, серьезным недостатком светской концепции этого понятия — счастье должно быть точно определенным и универсальным, так как истина (смысл человеческой жизни) также единственная и точно определенная:

(11) *Но согласи́тесь, что истинное и постано́вное **сча́стие долж́но заклю́чаться въ чемъ нибудь одно́мъ**, подобно́ тому, какъ неизмѣ́нная, вѣ́чно-пребыва́ющая исти́на едина.*

Счастье в представленном в проповеди светском понимании относится автором к низкому регистру. Оно соответствует гедонической концепции (концепции наслаждения), помещающей источник счастья вне субъекта, являющейся аналогом однофакторной модели, ориентированной на объект фелицитарной¹ оценки. Согласно этой концепции, счастье — это сумма временных наслаждений, приносящих радость и другие положительные эмоции. Понятие *счастья* в таком понимании близко к понятию *удовольствия* [Воркачев, 2004, с. 70]. По мнению Зализняк, удовольствие относится к низкому регистру, низкому миру [Зализняк, 2006, с. 257]. А. Б. Пеньковский утверждает, что удовольствие не является чувством, это только положительная чувственная реакция. Оно является атрибутом тела, а не души, оно сиюминутно, «не более чем иллюзия и химера» [Пеньковский, 1991, с. 149—150, 153].

1 Фелицитарный — относящийся к счастью.

Счастье в таком — светском — понимании соотносится с несчастьем (горем, страданием, утратами). В тексте анализируемой проповеди также находим обращение к антонимической паре «счастье — несчастье»:

(12) <...> *все это не съ тою ли цѣлію совершается, чтобы человекъ какъ можно меньше чувствовалъ горечь жизни и возможно больше наслаждался ея благами?*

Однозначно отрицательная оценка светской концепции счастья подчеркивается на лексическом уровне. В контекстах, связанных с его таким пониманием, используются лексические единицы с отрицательной эмоциональной окраской, такие как: *недостойнство, бесплодные поиски, слепота, ложный путь, путь греха и неразлучных с ним несчастий, блуждать, заблуждения*:

(13) <...> *но вы свернули съ настоящаго пути на ложный — путь грѣха и неразлучныхъ съ нимъ несчастій.*

(14) *Разъ нарушили они волю Божію и тѣмъ удалили себя отъ Бога, лишились жизни и славы Божіей (Рим. 3, 23) и стали съ того времени блуждать внѣ пути къ истинному счастью; ходя по распутіямъ заблуждений, они искали счастья не тамъ, гдѣ бы слѣдовало.*

6.3. Сочетаемость лексемы счастье в тексте проповеди

Охарактеризуем сочетаемость имени существительного *счастье* с глаголами. В анализируемом тексте данная лексема не сочетается с глаголами, выражающими чувства, ощущения или переживания (*чувствовать, ощущать, испытывать*) [СССРЯ, 2002, с. 683—684], образует словосочетания только с глаголами поиска объекта (*искать / найти*), обозначающими активное действие (на что указывают их словарные дефиниции — ‘*ссыскивать, отыскивать, стараться найти, добиваться чего или промыслять то, чего нѣтъ*’ [Даль, 1882, т. 2, с. 46]:

(15) *Но многіе ли дѣйствительно стремятся къ Богу и ищутъ въ Немъ своего счастья?*

(16) *Такъ, развившій въ себѣ животныя инстинкты нашель бы счастье.*

Активная роль человека по отношению к счастью выражена также сочетаемостью существительного счастье с лексемами стремление, поиски и производными от глагола искать лексемами ищущий и искатель:

(17) Законно ли самое **стремленіе** его къ **счастію**?

(18) Онъ ко всѣмъ, измученнымъ бесплодными **поисками за счастьемъ**!

(19) Что ми есть на небеси? Спрашиваетъ **ищущій счастья** въ Богѣ.

(20) Если бы у **искателей счастья** спросить <...>

Как утверждает Зализняк, самый характерный тип употребления слова *счастье* в русском языке — это формулировка, в чем оно состоит

[Зализняк, 2006, с. 265]. Текст анализируемой проповеди это подтверждает. Этот субстантив чаще всего сочетается с синонимичными глаголами бытия-существования *закключаться* и *состоять*, вводящими в проповеди формулировки различных авторских дефиниций этого понятия:

(21) <...> *любитель денегъ сказалъ бы, что **счастье** заключается въ обладаніи сокровищами.*

(22) <...> *пристрастные къ модамъ пожалуй бы признались, что **счастье** состоитъ въ томъ, чтобы прежде другихъ одгъться въ то или другое модное платье.*

Похожую функцию выполняет в тексте используемая часто автором конструкция *счастье в ...*, а также конструкции *счастье есть ...*, *счастье —* :

(23) <...> ***счастье** — въ тихой, удаленной отъ мірской суеты жизни среди подвиговъ молитвы, труда, созерцанія.*

(24) ***Счастье** есть существенная потребность каждаго челоѵѵка.*

(25) *Истинное **счастье**, стремленіе къ которому такъ глубоко скрыто въ вашемъ сердцѵ, — непрерывное блаженство, которое одно можетъ успокоить духъ вашъ.*

По сравнению с сочетаемостью существительного *счастье* в современном русском языке [СССРЯ, 2002, с. 683], в анализируемой проповеди определения к данной лексеме немногочисленны. Их можно разделить по следующим квалифицирующим признакам:

- по соответствию эталону: *истинное* (13 словоупотреблений), *ложное*;
- по стабильности: *неизмѵнное*, *измѵнчивое*, *постоянное*.
- по времени: *новое* (2 словоупотребления);
- по объему: *полное*;
- по реальности / ирреальности: *призрачное*;

6.3.1. Отрицательные и положительные коннотации атрибутивных синтагм

Атрибутивные синтагмы, образованные с помощью вышеуказанных прилагательных, можно условно разделить на две группы, актуализирующие отрицательные и положительные коннотации. Автор проповеди использует их в контекстах, относящих реализации понятия «счастье» к его авторским дефинициям — светского счастья и религиозного счастья.

Первую группу составляют словосочетания с прилагательными *изменчивое*, *ложное*, *призрачное*. Они относятся к вербализациям понятия «счастье» в светском понимании, с их помощью усиливается эмоциональное влияние на адресатов, подчеркивается, что такое счастье является непостоянным (*изменчивое*), противным истине, неправдивым (*ложное*), мнимым, нереальным (*призрачное*):

(26) <...> *при началъноговаго года мы будемъ желать другъ другу не того ложнаго, призрачнаго, измѣнчиваго счастья, которое общаетъ намъ суетный мѣръ.*

Вторую группу составляют атрибутивные синтагмы с прилагательными *истинное, неизменное, полное, постоянное*. Данные определения связаны с авторской концепцией счастья в религиозном понимании и вызывают положительные ассоциации:

(27) <...> *его полная радость и слѣдовательно, истинное счастье — въ общеніи съ Богомъ, въ живомъ союзѣ съ Источникомъ жизни и радости, съ Виновникомъ неизмѣннаго счастья, вѣчнаго блаженства.*

(28) *Но согласитесь, что истинное и постоянное счастье должно заключаться въ чемъ нибудь одномъ, подобно тому, какъ неизмѣнная, вѣчно-пребывающая истина едина.*

(29) *Чего ему не доставало для **полнаго счастья**?*

Лексемы из данных групп (атрибуты светского счастья и религиозного счастья) автор использует как антонимические пары, чтобы подчеркнуть противостояние двух концепций.

6.3.2. Атрибут истинный

Самым частотным в проповеди (13 словоупотреблений) определением к существительному *счастье* является лексема *истинное*. В словарях это слово определяется как ‘истинный, истину составляющий; правдивый, справедливый, несомнѣнный, неложный; вѣрный, точный, прямой, подлинный, настоящий; искренний, непритворный’ [Даль, 1882, т. 2, с. 59], а также как ‘1. Праведный. 2. Действительный, настоящий, подлинный. 3. Справедливый. 4. Составляющий действительную цену чего-л. Правдивый, непритворный’ [СРЯ XI—XVII, т. 6, с. 320—321]. Данное прилагательное образовано от существительного *истина*.

По мнению Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева, слова *правда* и *истина* обозначают два аспекта одного и того же общепhilософского концепта: первое указывает на практическую сторону этого понятия, а второе — на теоретическую, другими словами, в какой-то степени истину знает только Бог. По их мнению, данные понятия противопоставлены по двум признакам: по принадлежности к Божественному или человеческому миру (носитель истины) и по соответствию действительности или соответствию правилам (источник истины). Исследователи подчеркивают также, что греческое *aletheia*, эквивалентом которого в памятниках письменности было существительное *истина*, обозначает соответствие закону, но понимаемому не как человеческий закон, а Закон Божий [Булыгина и др., 1997, с. 481]. В «Православной Энциклопедии под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла» подчеркивается, что, в соответствии с христианским

вероучением, высшая Истина — это Сам Бог [ПЭ]. Такое же соотношение понятий «истина» и «счастье» отражено в эпитафе анализируемого «Слова на Новый годъ ...». Эпитафом в исследуемой проповеди служат слова из Псалтири — *Часть моя, Боже, во вѣкъ (Псал. 72, 26)*. Приведем всю строфу 26 из 72 Псалма: *Исчезе сердце мое и плоть моя, Боже сердца моего, и часть моя, Боже, во век* [Псалтирь/а, 2019, с. 136]. Перевод на русский язык: *Изнемогает плоть моя и сердце мое: Бог твердыня сердца моего и часть моя вовек*. [Псалтирь/б, 2017, с. 263]. Приведем еще несколько переводов: *Изнемогло сердце мое и тело мое, Боже, Властитель сердца моего; в Тебе, Боже, удел мой навеки!* [Псалтирь пророка и царя Давида]; *Изнемогло сердце мое и плоть моя, Боже сердца моего, и Бог — моя доля вовек* [Псалтирь/в]. Как можно заметить, присутствие таких лексем, как *часть*, *доля*, *удел*, позволяет нам провести параллель с толкованием слова *счастье*, которое, по мнению М. Фасмера, происходит из праславянского языка, где лексема *счастье* имела форму **sъčęstьje*, образованную от существительного *čęstь* ('часть') с помощью суффикса *-bj(-ij-)* и приставки *съ-*, родственной древнеиндийскому *su-* ('хороший'). Первоначально существительное *счастье* обозначало 'хороший удел' ('хорошую часть, долю'), хотя могло выступать также в значении соучастия ('совместная доля', 'совместное участие', позднецерковнославянское *сѣчастьнь* 'причастный') [Фасмер, 1987, с. 816]. Исходя из этого, эпитаф выражает основную мысль проповеди: *Бог — счастье, судьба; счастье в Боге*.

Словосочетание *истинное счастье* является подтверждением основного закона сочетания слов, сводящегося к следующему: «чтобы два слова составили правильное сочетание, они должны иметь, помимо специфических, различающих их сем, одну общую сему» [Гак, 1988, с. 279]. Как можно заметить, в религиозном дискурсе понятие счастья объясняется через отношение к Богу. На основе вышеприведенных аргументов можно утверждать, что истинное счастье в понимании автора проповеди относится к верхнему регистру.

6.3.3. Атрибуты счастливый, блаженный

Способом вербализации понятия «счастье» является также употребление лексемы *счастливый* (5 словоупотреблений). Прилагательное *счастливый* выступает в анализируемой проповеди в функции предиката в полных формах. Только в одном случае используется краткая форма прилагательного. Выбор кратких и полных форм прилагательных подчеркивает содержание понятия «счастье», предлагаемое автором: полная форма употребляется, чтобы подчеркнуть постоянный характер признака (соотношение со счастьем в религиозном понимании, то есть вечным, постоянным счастьем) в отличие от светского, преходящего счастья (полная

форма прилагательного обозначает черту, присущую явлению вне времени, краткая форма — одномоментное, разовое, временное качественное состояние):

(30) *Не къ тому ли все направляется, чтобы онъ былъ счастливъ?*

(31) *Жизнь человеческая въслѣдствіе открытій и усовершенствованій утратила ли свойственную ей горечь и стала ли для всѣхъ счастливою?*

(32) *<...> бѣдствующаго сдѣлать опять счастливѣмъ.*

Несмотря на то, что в исследуемой проповеди лексема *блаженство* используется как синоним истинного счастья (6 словоупотреблений), прилагательное *блаженный* не выступает в тексте в функции синонима лексемы *счастливый*.

По мнению Зализняк, «счастье однозначно принадлежит к “высокому” регистру и несет в себе очень сильный эмоциональный заряд» [Зализняк, 2005, с. 169], но анализ данной проповеди позволил нам сделать другие выводы.

7. Выводы

В исследуемом тексте автор представляет две концепции понятия «счастье», которые условно можно назвать светской и религиозной. В понимании проповедника светское счастье (близкое к толкованию *счастья* в философии) не имеет единой универсальной дефиниции, его толкование зависит от личных предпочтений (*въ удовлетвореніи грубыхъ пожеланій и склонностей; въ обладаніи сокровищами; наслажденіе удовольствіями, которыя представляются ему на общественныхъ гуляньяхъ, на вечерахъ, балахъ, въ театрѣ, въ собраніяхъ; въ томъ, чтобы прежде другихъ одѣться въ то или другое модное платье; въ образованіи; въ дѣланіи добра и въ соблюденіи законовъ правды; въ тихой, удаленной отъ мірской суеты жизни среди подвиговъ молитвы, труда, созерцанія*). Такое счастье определяется автором как ложное, призрачное, изменчивое и принадлежит к низкому регистру, потому что оно соотносится с нуждами тела (временного прибежища души). Этому противостоит концепция религиозного счастья, которое автор понимает как *счастіе въ Богѣ, истинное, постоянное, вѣчное блаженство* и, следовательно, относит его к высокому регистру (нужды бессмертной души). В религиозном дискурсе толкование *счастья* связано неразрывно только с Богом как обязательным условием его достижения, что подчеркивает в исследуемом тексте спектр специфических лексических средств. Анализируемый текст уникален среди образцов проповеди, его выделяет нетипичное для жанра слова обращение к светскому пониманию счастья в контексте оппозиции с религиозной концепцией. Своеобразие этого текста заключается также в том, что в нем высока ча-

стотность лексемы *счастье* и обнаруживается столь широкий спектр ее сочетаемости.

Источники и принятые сокращения

1. *Анастасий (Добрадин)*. Слово на Новый годъ. Въ чемъ счастье челоѡѡка и гдѣ его найти? [Электронный ресурс] / Анастасий (Добрадин) // Слова и рѣчи Анастасія, епископа Воронежскаго и Задонскаго. 1853—1893 годы. — Санкт-Петербург : Синодальная типография, 1894. — С. 8—5. — Режим доступа : http://slovo.russportal.ru/index.php?id=alphabet.a.anastasius03_002 (дата обращения 15.04.2021).
2. *Даль В. И.* Толковый словарь живаго великорусскаго языка / В. И. Даль. — Санкт-Петербург : Типография М. О. Вольфа, 1880—1882.
3. НКРЯ — Национальный корпус русскаго языка. — Режим доступа : <https://ruscorpora.ru> (дата обращения — 05.06.2021).
4. ППБЭС — *Полный Православный богословскій энциклопедическій словарь*. — Санкт-Петербург : Издательство П. П. Сойкина, 1913. — Т. 1. — 1120 с.
5. ПЭ — *Православная Энциклопедия* под редакцией Патриарха Московскаго и всея Руси Кирилла [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.pravenc.ru/> (дата обращения 18.04.2021).
6. Псалтирь/а — *Псалтирь*. Помощник и покровитель. — Свято-Успенская Почаевская Лавра, 2019. — 318 с.
7. Псалтирь/б — *Псалтирь* с переводом на русскій язык. — Минск, Белорусская Православная Церковь : Arvato Bertelsmann, 2017. — 358 с.
8. Псалтирь/в — *Псалтирь* [Электронный ресурс] // Библиотека «Азбука веры». — Режим доступа : <https://azbyka.ru/bogoslužhenie/psalms/#ps72> (дата обращения 19.04.2021).
9. *Псалтирь пророка и царя Давида* [Электронный ресурс] / Перевод Е. Н. Бирукова, И. И. Бируков. — Режим доступа : https://azbyka.ru/otechnik/Pravoslavnoe_Bogoslužhenie/psaltir-proroka-i-tsarja-davida-perevod-na-russkij-jazyk/ (дата обращения 20.04.2021).
10. *Срезневскій И. И. Материалы для словаря древнерусскаго языка по письменнымъ памятникамъ : в 3 томахъ / И. И. Срезневскій*. — Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии Наук, 1893—1912. — Т. I : А—К. — 1893. — 771 с. — Т. II. — 1902 : Л—П. — 771 с. — Т. III : П—Я и дополнения. — 1912. — 996 с.
11. СРЯ XI—XVII — *Словарь русскаго языка XI—XVII вв.* / под редакцией В. Б. Крысько. — Москва : Наука ; Азбуковник, 2011.
12. СССРЯ — *Словарь сочетаемости слов русскаго языка* / под редакцией П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. — Москва : Русскій язык, 2002. — 588 с.
13. *Фасмер М.* Этимологическій словарь русскаго языка : в 4 т. 2-е изд., стер. / М. Фасмер. — Москва : Прогресс, 1987. — Т. 3. — 831 с.
14. *ФС — Философскій словарь логики, психології, этики и исторії философии* / Э. Л. Радлов (ред.). — Санкт-Петербург : Типография Акционерного Общества Брокгауз-Ефрон, 1911. — 284 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бобырева Е. В.* Религиозный дискурс : ценности, жанры, стратегии (на материале православнаго вероучения) / Е. В. Бобырева. — Волгоград : Перемена, 2007. — 375 с.
2. *Бобырева Е. В.* Религиозный дискурс : ценности и жанры / Е. В. Бобырева // *Знание, понимание, умение*. — 2008. — № 1. — С. 162—167.

3. Булыгина Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. — Москва : Школа «Языки русской культуры», 1997. — 576 с. — ISBN 5-88766-051-1.
4. Войтак М. Религиозный стиль в генологической перспективе / М. Войтак // Стереотипность и творчество в тексте : межвузовский сборник научных трудов / под ред. М. П. Которовой. — Пермь : Пермский государственный национально-исследовательский университет, 2003. — Выпуск 6. — С. 323—338.
5. Воркачев С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С. Г. Воркачев. — Москва : Гнозис, 2004. — 192 с. — ISBN 5-94244-002-6.
6. Воркачев С. Г. *Anglica selecta* : избранные работы по лингвоконцептологии / С. Г. Воркачев. — Волгоград : Парадигма, 2012. — 205 с. — ISBN 978-5-903601-56-1.
7. Гадомский А. К. Лексикографическое описание терминологии теолингвистики (на примере русского и польского языков) / А. К. Гадомский // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. — 2018. — № 17 (1). — С. 17—28. — DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.1.2.
8. Гак В. Г. К проблеме семантической синтагматики / В. Г. Гак // Языковые преобразования. — Москва : Школа «Языки русской культуры», 1998. — С. 271—297. — ISBN 5-7859-0063-7.
9. Гусейнов А. А. Счастье / А. А. Гусейнов // Новая философская энциклопедия в 4 томах. В. С. Степин. (предс. научно-ред. совета). — Москва : Мысль, 2010. — Т. 3. — С. 686—688. — ISBN 978-2-244-01118-0.
10. Епископ Полоцкий и Глубокский Феодосий (Бильченко). Гомилетика. Теория церковной проповеди Учебник / Епископ Полоцкий и Глубокский Феодосий (Бильченко). — Сергиев Посад : Московская Духовная Академия, 1999. — 336 с. — ISBN 5-88056-011-2.
11. Зализняк А. А. Счастье и наслаждение в русской языковой картине мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев // Ключевые идеи русской языковой картины мира. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — С. 153—174. — ISBN 5-94457-104-7.
12. Зализняк А. А. Многозначность в языке и способы ее представления / А. А. Зализняк. — Москва : Языки славянской культуры, 2006. — 673 с. — ISBN 5-9551-0114-4.
13. Иванов Л. Ю. Проповедь / Л. Ю. Иванов // Культура русской речи : Энциклопедический словарь. Редакторы Л. Ю. Иванов, А. П. Сковородников, Е. Н. Ширяев. — Москва : Флинта, 2003. — С. 515. — ISBN 978-5-89349-389-4.
14. Игумен Тарасий (Ланге) Искусство церковной проповеди / Игумен Тарасий (Ланге). — Смоленск : СПДС, 2013. — 136 с. — ISBN 978-5-94223-798-1.
15. Ицкович Т. В. Категориально-текстовая специфика современной православной проповеди / Т. В. Ицкович. — Екатеринбург : Ажур, 2015. — 150 с. — ISBN 978-5-91256-277-8.
16. Колесов В. В. Русская ментальность в языке и тексте / В. В. Колесов. — Санкт-Петербург : Петербургское востоковедение, 2006. — 619 с. — ISBN 978-5-85803-339-4.
17. Колесов В. В. Древнерусская цивилизация. Наследие в слове / В. В. Колесов. — Москва : Институт русской цивилизации, 2014. — 1111 с. — ISBN 978-5-4261-0136-4.
18. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев. — Москва : Наука, 1979. — 415 с.
19. Мечковская Н. Б. Язык и религия / Н. Б. Мечковская. — Москва : Наука, 1998. — 352 с. — ISBN 5-88641-097-X.

20. Мурьянов М. Ф. Что такое счастье? / М. Ф. Мурьянов // Русская речь. — 1999. — № 1. — С. 95—100.
21. Пеньковский А. Б. Радость и удовольствие в представлении русского языка / А. Б. Пеньковский // Логический анализ языка. Культурные концепты. Арутюнова Н. Д. (ред.). — Москва : Наука, 1991. — С. 148—155.
22. Прохвятилова О. А. Православная проповедь и молитва как феномен современной звучащей речи / О. А. Прохвятилова. — Волгоград : ВолГУ, 1999. — 364 с. — ISBN 5-85534-264-6.
- 3 Татаркевич В. О счастье и совершенстве человека / В. Татаркевич. — Москва : Прогресс, 1981. — 368 с.
24. Шмелёв А. Д. Сквозные мотивы русской языковой картины мира / А. Д. Шмелёв, А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина // Ключевые идеи русской языковой картины мира. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — С. 452—466. — ISBN 5-94457-104-7.
25. Bajerowa I. Swistość języka religijnego i niektóre problemy jego skuteczności / I. Bajerowa // Łódzkie Studia Teologiczne. — 1994. — № 3. — Pp. 11—17.
26. Kawecki W. Komunikowanie szczęścia w sztuce Caravaggia / W. Kawecki // Kultura — Media — Teologia. — 2018. — № 35. — Pp. 105—123. — DOI: 10.21697/kmt.35.7/.
27. Kłoczowski J. A. Język, którym mówi człowiek religijny / J. A. Kłoczowski // Znak. — 1995. — № 487 (12). — Pp. 5—17.
28. Korczak M. Trudne szczęście Herosa / M. Korczak // Kultura — Media — Teologia. — 2018. — № 34. — Pp. 8—27.
29. Makuchowska M. Od wrogów do braci. Posoborowe zmiany w dyskursie Kościoła katolickiego / M. Makuchowska. — Opole : UO, 2011. — 496 p. — ISBN 978-83-7395-431-1.
30. Pokrywka M. Szczęście w teologii / M. Pokrywka // Encyklopedia Katolicka / (ed.). E. Gigilewicz. — Lublin : Towarzystwo Naukowe KUL, 2013. — Tom XIX. — Pp. 8—9.
31. Tatarkiewicz W. O szczęściu / W. Tatarkiewicz. — Warszawa : Wyd. Naukowe PWN, 2008. — 576 p. — ISBN 978-83-01-18094-2.
32. Walczak-Mikołajczakowa M. Słowotwórstwo agentywnych nazw osobowych w języku polskim, rosyjskim i bułgarskim / M. Walczak-Mikołajczakowa. — Poznań : Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk, 2000. — 116 p.
33. Wierzbicka A. Mówienie o emocjach. Semantyka, kultura i poznanie / A. Wierzbicka // Język — umysł — kultura / (ed.). J. Bartmiński. — Warszawa : PWN, 1999. — Pp. 138—162.
34. Wojtak M. Czy można mówić o stylu człowieczej rozmowy z Panem Bogiem? / M. Wojtak // Człowiek — dzieło — sacrum / (ed.). S. Gajda, H. Sobeczko. — Opole : UO, 1999. — Pp. 309—319.
35. Wojtak M. Kulturowe uwikłania współczesnego dyskursu (stylu) religijnego — zarys problematyki / M. Wojtak // Stylistyka. — 2015. — № XXIV. — Pp. 55—74.
36. Zdybicka Z. Człowiek i religia. Zarys filozofii religii / Z. Zdybicka. — Lublin : RW KUL, 1984. — 491 p.

MATERIAL RESOURCES

A complete Orthodox Theological encyclopedic dictionary, 1. (1913). St. Petersburg: P. P. Soykin Publishing House. 1120 c. (In Russ.).
Anastasia (Dobradin). (1894). A word for the New Year. What is a happy person like and where do you find him? In: *Letters and letters of Anastasia, Bishop of Voronezh*

- and Zadonsk. 1853—1893 years.* Saint Petersburg: Snodnodal Printing House. 8—5. Available at: http://slovo.russportal.ru/index.php?id=alphabet.a.anastasi-us03_002 (data of the appeal 15.04.2021). (In Russ.).
- Dal, V. I. (1880—1882). *Explanatory dictionary of the Zhivago Great Russian language.* St. Petersburg. Printing House of M. O. Wolf. (In Russ.).
- Denisova, N. V., Morkovkin, N. V. (eds.). (2002). *Dictionary of compatibility of slow Russian.* Moscow: “Russian language”. 588 p. (In Russ.).
- Dictionary of the Russian language XI—XVII century*, 6. (1979). Moscow: Nauka. 360 p. (In Russ.).
- Dictionary of the Russian language XI—XVII century*, 29. (2011). Moscow: Nauka, Publishing Center “Asbukovnik”. 480 p. ISBN 978-5-905532-03-0. (In Russ.).
- Fasmer, M. (1987). *Etymological dictionary of the Russian language*, 4 (3). Moscow: Progress. 831 p. (In Russ.).
- NKRYa — (*Natsionalnyy korpus russkogo yazyka*) *Russian National Corpus.* Available at: <http://ruscorpora.ru> (accessed 05.06.2021). (In Russ.).
- Orthodox Encyclopedia edited by Patriarch Kirill of Moscow and All Russia.* Available at: <https://www.pravenc.ru/> (accessed 18.04.2021). (In Russ.).
- Philosophical Dictionary of Logic, psychology, ethics and history of philosophy.* (1911). St. Petersburg. Printing House of the Brockhaus-Efron Joint-Stock Company. 284 p. (In Russ.).
- Psalter of the Prophet and King David.* Available at: https://azbyka.ru/otechnik/Pravoslavnoe_Bogoslužhenie/psaltir-proroka-i-tsarja-davida-perevod-na-russkij-jazyk/ (accessed 20.04.2021). (In Russ.).
- Psalter/a — *Psalter. Assistant and patron.* (2019). Holy Dormition Pochaev Lavra. 318 p. (In Russ.).
- Psalter/b — *Psalter with translation into Russian.* (2017). Minsk, Belarusian Orthodox Church: Arvato Bertelsmann. 358 p. (In Russ.).
- Psalter/c — Psalter. In: *Library “Abc of Faith”.* Available at: <https://azbyka.ru/bogoslužhenie/psalms/#ps72> (accessed 04.19.2021). (In Russ.).

REFERENCES

- Abbot Tarasy (Lange). (2013). *The Art of Church Preaching.* Smolensk: SPDS. 136 p. ISBN 978-5-94223-798-1. (In Russ.).
- Bajerowa, I. (1994). Swoistość języka religijnego i niektóre problemy jego skuteczności. *Łódzkie Studia Teologiczne*, 3: 11—17. (In Pol.).
- Bishop of Polotsk and Glubokoe Theodosius (Bilchenko) Homiletics. (1999). *The theory of church preaching Textbook / Bishop of Polotsk and Glubokoe Theodosius (Bilchenko).* Sergiev Posad: Moscow Theological Academy. 336 p. ISBN 5-88056-011-2. (In Russ.).
- Bobyreva, E. V. (2007). *Religious discourse: values, genres, strategies (based on the material of Orthodox doctrine).* Volgograd: Peremena. 375 p. (In Russ.).
- Bobyreva, E. V. (2008). Religious discourse: values and genres. *Knowledge, understanding, skill*, 1: 162—167. (In Russ.).
- Bulygina, T. V., Shmelev, A. D. (1997). *Linguistic conceptualization of the world (based on the material of Russian grammar).* Moscow: School “Languages of Russian Culture”. 576 p. ISBN 5-88766-051-1. (In Russ.).

- Gadomsky, A. K. (2018). Lexicographic description of terminology of theolinguistics (on the example of Russian and Polish languages). *Bulletin of Volgograd State University. Series 2. Linguistics*, 17 (1): 17—28. DOI: 10.15688/jvolsu2.2018.1.2. (In Russ.).
- Gak, V. G. (1998). To the problem of semantic syntagmatics. In: *Language transformations*. Moscow: School “Languages of Russian Culture”. 271—297. ISBN 5-7859-0063-7. (In Russ.).
- Huseynov, A. A. (2010). Happiness. In: *New philosophical encyclopedia in 4 volumes*, 3. Moscow: Mysl. 686—688. ISBN 978-2-244-01118-0. (In Russ.).
- Itskovich, T. V. (2015). *Categorical-textual specifics of modern Orthodox preaching*. Yekaterinburg: Azhur. 150 p. ISBN 978-5-91256-277-8. (In Russ.).
- Ivanov, L. Y., Skovorodnikov, A. P., Shiryayev, E. N. (eds.). (2003). *Sermon. Culture of Russian speech: An Encyclopedic dictionary*. Moscow: Flint. P. 515. ISBN 978-5-89349-389-4. (In Russ.).
- Kawecki, W. (2018). Komunikowanie szczęścia w sztuce Caravaggia. *Kultura — Media — Teologia*, 35: 105—123. DOI: 10.21697/kmt.35.7/. (In Pol.).
- Kłoczowski, J. A. (1995). Język, którym mówi człowiek religijny. *Znak*, 487 (12): 5—17. (In Pol.).
- Kolesov, V. V. (2006). *Russian mentality in language and text*. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies. 619 p. ISBN 978-5-85803-339-4. (In Russ.).
- Kolesov, V. V. (2014). *Ancient Russian civilization. Heritage in the word*. Moscow: Institute of Russian Civilization. 1111 p. ISBN 978-5-4261-0136-4. (In Russ.).
- Korczak, M. (2018). Trudne szczęście Herosa. *Kultura — Media — Teologia*, 34: 8—27. (In Pol.).
- Likhachev, D. S. (1979). *Poetics of Ancient Russian literature*. Moscow: Nauka. 415 p. (In Russ.).
- Makuchowska, M. (2011). *Od wrogów do braci. Posoborowe zmiany w dyskursie Kościoła katolickiego*. Opole: UO. 496 p. ISBN 978-83-7395-431-1. (In Pol.).
- Mechkovskaya, N. B. (1998). *Language and religion*. Moscow: Nauka. 352 p. ISBN 5-88641-097-H. (In Russ.).
- Muryanov, M. F. (1999). What is happiness? *Russian speech*, 1: 95—100. (In Russ.).
- Penkovsky, A. B. (1991). Joy and pleasure in the representation of the Russian language. In: *Logical analysis of language. Cultural concepts*. Moscow: Nauka. 148—155. (In Russ.).
- Pokrywka, M., Gigilewicz, E. (ed.). (2013). Szczęście w teologii. In: *Encyklopedia Katolicka, XIX*. Lublin: Towarzystwo Naukowe KUL. 8—9. (In Pol.).
- Prokhvatilova, O. A. (1999). *Orthodox preaching and prayer as a phenomenon of modern sounding speech*. Volgograd: Volga. 364 p. ISBN 5-85534-264-6. (In Russ.).
- Shmelev, A. D. (2005). Through motives of the Russian language picture of the world. In: *Key ideas of the Russian language picture of the world*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 452—466. ISBN 5-94457-104-7. (In Russ.).
- Sreznevsky, I. I. (1893—1912) *Materials for the dictionary of the Old Russian language on written monuments*: in 3 volumes. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences. (In Russ.).
- Tatarkevich, V. (1981). *About happiness and human perfection*. Moscow: Progress. 368 p. (In Russ.).
- Tatarkiewicz, W. (2008). *O szczęściu*. Warszawa: Wyd. Naukowe PWN. 576 p. ISBN 978-83-01-18094-2. (In Pol.).

- Vorkachev, S. G. (2004). *Happiness as a linguocultural concept*. Moscow: ITDGC “Gnosis”. 192 p. ISBN 5-94244-002-6. (In Russ.).
- Vorkachev, S. G. (2012). *Anglica selecta: selected works on linguoconceptology*. Volgograd: Paradigm. 205 p. ISBN 978-5-903601-56-1. (In Russ.).
- Voytak, M., Kotyurova, M. P. (ed.). (2003). Religious style in genological perspective. In: *Stereotyping and creativity in the text: interuniversity collection of scientific papers*, 6. Perm: Perm State National Research University. 323—338. (In Russ.).
- Walczak-Mikołajczakowa, M. (2000). *Słowotwórstwo agentywnych nazw osobowych w języku polskim, rosyjskim i bułgarskim*. Poznań: Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk. 116 p. (In Pol.).
- Wierzbička, A., Bartmiński, J. (ed.). (1999). Mówienie o emocjach. Semantyka, kultura i poznanie. In: *Język — umysł — kultura*. Warszawa: PWN. 138—162. (In Pol.).
- Wojtak, M. (2015). Kulturowe uwikłania współczesnego dyskursu (stylu) religijnego — zarys problematyki. *Stylistyka, XXIV*: 55—74. (In Pol.).
- Wojtak, M., Gajda, S., Sobeczko, H. (eds.). (1999). Czy można mówić o stylu człowieczej rozmowy z Panem Bogiem? In: *Człowiek — dzieło — sacrum*. Opole: UO. 309—319. (In Pol.).
- Zaliznyak, A. A., Levontina, I. B., Shmelev, A. D. (2005). Happiness and pleasure in the Russian language picture of the world. In: *Key ideas of the Russian language picture of the world*. Moscow: Languages of Slavic Culture. 153—174. ISBN 5-94457-104-7. (In Russ.).
- Zaliznyak, A. A. (2006). *Polysemy in language and ways of its representation*. Moscow: Languages of Slavic culture. 673 p. ISBN 5-9551-0114-4. (In Russ.).
- Zdybicka, Z. (1984). *Człowiek i religia. Zarys filozofii religii*. Lublin: RW KUL. 491 p. (In Pol.).

Багиян А. Ю. Продуктивное манипулирование как элемент рекламного университетского дискурса : прагма-аксиологический анализ / А. Ю. Багиян, А. Г. Моногарова // Научный диалог. — 2021. — № 12. — С. 30—49. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-30-49.

Bagiyan, A. Yu. Monogarova, A. G. (2021). Productive Manipulation as an Element of University Advertising Discourse: Pragma-Axiological Analysis. *Nauchnyi dialog*, 12: 30-49. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-30-49. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-30-49

Продуктивное манипулирование как элемент рекламного университетского дискурса: прагма-аксиологический анализ

Багиян Александр Юрьевич

orcid.org/0000-0002-3455-0516

ResearcherID N-9069-2016

кандидат филологических наук, доцент

alexander.0506@mail.ru

Моногарова Алина Геннадьевна

orcid.org/0000-0003-4098-0341

кандидат филологических наук, доцент

alicha2002@mail.ru

Пятигорский государственный университет
(Пятигорск, Россия)

Благодарности:

Публикация подготовлена в рамках проекта
МК-2338.2020.6

«Комплексное прагматическое
исследование современного электронного
текста: стратегии реализации
манипулятивного потенциала»

по гранту Президента Российской Федерации
и при поддержке РФФИ,
проект № 20-012-00364-А

«Дискурсивное пространство профессиональной
языковой личности в лингвоаксиологической
системе координат»

Productive Manipulation as an Element of University Advertising Discourse: Pragma-Axiological Analysis

Alexander Yu. Bagiyan

orcid.org/0000-0002-3455-0516

ResearcherID N-9069-2016

PhD in Philology, Associate Professor

alexander.0506@mail.ru

Alina G. Monogarova

orcid.org/0000-0003-4098-0341

PhD in Philology, Associate Professor

alicha2002@mail.ru

Pyatigorsk State University
(Pyatigorsk, Russia)

Acknowledgments:

The publication was prepared within the framework of the MK-2338.2020.6 project "Comprehensive pragma-linguistic research of modern electronic text: strategies for realizing manipulative potential" under the grant of the President of the Russian Federation, and within the framework of scientific project No. 20-012-00364-A "Discourse space of a professional linguistic personality in a linguoaxiological coordinate system" under a grant from the RFBR

© Багиян А. Ю., Моногарова А. Г., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена прагма-аксиологическому и частичному психолингвистическому анализу рекламных роликов университетов США с целью выявления продуктивного манипулятивного потенциала современного рекламного университетского дискурса. Актуальность исследования обусловлена как экстралингвистически — большой востребованностью качественного образования в современном мире, так и лингвистически — исследованием процессов продуктивного речевого манипулирования как одного из основополагающих компонентов качественной коммуникации. Новизна исследования видится в качественно новом прагма-аксиологическом подходе к изучению дискурса и ценностной составляющей оказываемого данным дискурсом суггестивного воздействия. В статье представлена авторская методика проведения прагма-аксиологического и частичного психолингвистического анализа, используемая для выявления прагма-аксиологического заряда дискурсивного пространства и его манипулятивного потенциала. Особое внимание в работе уделяется взаимообусловленности ценностно-оценочных установок адресата, используемым лексическим единицам-вербализаторам этих установок, их прагма-аксиологическому заряду и оказываемому суггестивному (продуктивному манипулятивному) воздействию. Представлены результаты частотного анализа частеречных показателей и зависящих от них коэффициентов эмотивности дискурса. Полученные в рамках прагма-аксиологического анализа результаты подтверждаются полученными в ходе частичного психолингвистического анализа коэффициентами эмотивности исследуемого дискурса. Представляются ключевые аксиологические компоненты продуктивного речевого манипулирования в современном рекламном университетском дискурсе университетов США.

Ключевые слова:

дискурс; манипуляция; продуктивное манипулирование; прагматика; аксиология; коэффициент эмотивности; аксиосфера; концепт.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the pragma-axiological and partial psycholinguistic analysis of advertising videos of US universities in order to identify the productive manipulative potential of modern advertising university discourse. The relevance of the study is due to both extralinguistically — the great demand for quality education in the modern world, and linguistically — by the study of the processes of productive speech manipulation as one of the fundamental components of quality communication. The novelty of the research is seen in a qualitatively new pragma-axiological approach to the study of discourse and the value component of the suggestive influence exerted by this discourse. The author's method of conducting pragma-axiological and partial psycholinguistic analysis, used to identify the pragma-axiological charge of the discursive space and its manipulative potential is presented in the article. Particular attention is paid to the interdependence of the addressee's value-evaluative attitudes, the lexical units-verbalizers of these attitudes, their pragma-axiological charge and the suggestive (productive manipulative) impact provided. The results of the frequency analysis of part-of-speech indicators and the coefficients of discourse emotivity that depend on them are presented. The results, gained in the framework of the pragma-axiological analysis, are confirmed by the coefficients of the emotiveness of the discourse under study, obtained in the course of a partial psycholinguistic analysis. The key axiological components of productive speech manipulation in the modern advertising university discourse of US universities are presented.

Key words:

discourse; manipulation; productive manipulation; pragmatics; axiology; coefficient of emotiveness; axiosphere; concept.

Продуктивное манипулирование как элемент рекламного университетского дискурса: прагма-аксиологический анализ

© Багиян А. Ю., Моногарова А. Г., 2021

1. Введение

Поскольку любое обращение к человеку, выраженное в языковой форме (будь то слово, предложение или текст), является попыткой оказания на него речевого воздействия [Седов, 2016, с. 80], знание законов подобного воздействия абсолютно необходимо для формирования адекватного коммуникативного пространства, объединяющего адресата и адресанта.

Одной из ключевых категорий теории речевого воздействия является понятие манипулирования сознанием потенциального адресата. Вслед за К. Ф. Седовым мы трактуем речевую манипуляцию как «осуществляемое средствами коммуникации скрытое воздействие, которое имеет целью изменение эмоционально-психологического состояния, оценок, установок и мотивов поведения собеседника» [Седов, 2016, с. 103]. Данное определение расставляет приоритеты относительно основных элементов дискурса, заключающих в себе манипулятивный потенциал: для проведения успешной речевой манипуляции адресант оказывает воздействие на адресата, апеллируя к его эмоциональному состоянию и ценностно-оценочным ориентирам. Иными словами, аксиологический и прагматический аспекты играют ключевую роль в речевом манипулировании.

Как правило, манипулирование сознанием собеседника или потенциального адресата интерпретируется как негативное явление, а самой лексеме манипуляция присваивается ярлык пейоративности. Так, согласно одному из наиболее распространенных определений, манипуляция осуществляется с помощью ряда полуправдивых или предполагаемых истин, которые выражены, способны влиять на убеждения других, а также подталкивать их к мыслям и действиям, противоречащим их интересам или вредным как для них самих, так и для окружающих. При этом уточняется, что обозначенные мысли и действия никогда бы не были приняты вне системы манипуляций [Santibanez, 2017, p. 23] (здесь и далее перевод наш).

Тем не менее в типологии форм речевой манипуляции разделяют продуктивную и непродуктивную (то есть конфликтную) манипуляцию. В качестве основного критерия дифференциации выступает характер перлокутивного эффекта непосредственного речевого акта. В первом случае манипулирование направлено «во благо», в то время как во втором — на

причинение вреда. Если же смотреть на это через призму аксиологии, то продуктивное манипулирование предполагает формирование и / или трансформирование ценностно-оценочного компонента когнитивной базы потенциального адресата с целью достижения адресантом необходимого суггестивного воздействия, см.: [Shaping values ..., 2019].

Особую роль продуктивное манипулятивное воздействие играет в рекламном дискурсе, обеспечивая адресату пусть к успеху в социальном взаимодействии и достижении своей цели. Данное утверждение согласуется с теорией Х. Хаверкейта об аллокутивных актах (allocutionary acts), которая заключается в выборе со стороны коммуниканта тех языковых (или семиотических) средств, которые, по его мнению, послужат для запуска адекватного отклика аудитории. Таким образом, для каждого коммуникативного акта имеется ряд лингвистических / семиотических ресурсов, которые могут использоваться тем или иным способом для воспроизводства / модификации их иллокутивной силы. От соответствующего выбора этих распределительных ресурсов зависит, сможет ли коммуникант пробудить в аудитории желаемое психологическое состояние и обеспечить перлокутивный успех [Haverkate, 1979, pp. 11—14].

Так, оказание манипулятивного воздействия в рамках рекламного дискурса практически всегда амелиоративно и несет продуктивный характер. Данное утверждение подтверждается исследованиями в области прагматической теории телевизионной рекламы [Martínez-Camino et al., 2012]. Однако все еще остается неясным механизм оказания речевого манипулятивного воздействия на потенциального адресата в рамках рекламного дискурса.

В связи с этим гипотеза данного исследования состоит в том, что манипулятивный потенциал рекламного дискурса заключен, в первую очередь, в вербализации доминантных элементов аксиологической концептосферы данного дискурса и их адекватном прагма-коммуникативном обрамлении. Данное исследование имеет целью выявление прагма-аксиологического заряда рекламных роликов университетов США и оказываемого ими суггестивного воздействия на потенциального адресата, а также определение используемых в данном виде дискурса манипулятивных стратегий и их функционального диапазона.

2. Теоретико-методологическая и материальная база исследования

Материалом исследования послужили 10 рекламных роликов следующих университетов США (university commercials): Columbia University [CU, 2013], Cornell University [CorU, 2016], Ferris State University [FSU, 2019], Harvard University [HU, 2015], Mississippi State University [MSU, 2015], Southern Illinois University [SIU, 2016], Stanford University [SU,

2013], Texas A&M University [TAMU, 2020], University of Arizona [UA, 2018], University of Pennsylvania [UP, 2013].

Прагма-аксиологическое исследование избранного объекта включает в себя несколько этапов:

1. Методом сплошной выборки отбираются аксиологически нагруженные языковые единицы и создается корпус обнаруженного в каждом рекламном видео лексического материала исследуемого дискурса, обладающий определенным прагма-аксиологическим зарядом.

2. Созданный корпус расширяется дополнительными данными, полученными в результате дискурсивного и контекстуального анализа и выявления смежной тематики и контекстуальных значений, отраженных в рассматриваемом дискурсе, и подвергается структурированию.

3. С помощью семантического анализа выделяются наиболее релевантные лексические элементы исследуемого дискурса, необходимые для реконструкции доминантных аксиологических концептов. Использование дефиниционного анализа лексической системы исследуемого дискурса на этом этапе обеспечивает необходимую верификацию полученных ранее данных.

4. Проводится лингвоаксиологический анализ использованного в видео языкового материала как средства формирования, выражения и трансляции определенных ценностных установок [Павлов, 2013]. Данный этап особенно важен для выявления ценностных компонентов в структуре значения каждой отобранной лексемы и для реконструирования доминантных аксиологических концептов и, соответственно, целостной аксиологической концептосферы исследуемого дискурса.

5. После структурирования всех полученных данных проводится прагма-коммуникативный анализ, необходимый для выявления взаимообусловленности прагмалингвистических и социопрагматических типов знаний при осуществлении трансфера знаний в данном дискурсе [Bardovi-Harlig, 2019], что позволяет выявить комплекс используемых адресатом лингвистических и экстралингвистических манипулятивных стратегий для оказания соответствующего суггестивного воздействия на потенциального адресата [Bagiyan, 2019]. Отметим, что в рамках данной работы мы рассматриваем лишь лингвистические манифестации речевого манипулирования в исследуемом виде дискурса.

Если принимать во внимание тезис, что оценочная категория подразумевает под собой реализацию прагматической функции, равно как и тот факт, что «оценка наиболее полно из всех языковых явлений репрезентирует прагматическую функцию: раскрывает то значение слова, которое в совокупности с рядом прагматических импликаций вырисовывается в ситу-

ации общения» [Багян и др., 2018], то следует заключить, что прагматическая составляющая данного анализа является основополагающей для адекватной репрезентации лингвоаксиологического пространства текста, в частности — рекламного дискурса университетов США.

6. Для интерпретации полученных численных показателей и выявления частотности определенных закономерностей в исследуемом дискурсе использовались элементы квантитативного анализа.

7. При анализе структуры аксиологических концептов использовался метод лингвистического наблюдения и описания, включающий:

(а) схематическую разработку структуры концепта и анализ его основных компонентов с опорой на полевую модель, наиболее полно отражающую реальную структуру концепта, предложенную З. Д. Поповой и И. А. Стерниным [Попова и др., 2007];

(б) обнаружение и описание выявленных внутриконцептуальных связей, указывающих на наличие схожих или идентичных структурных элементов концепта;

(с) анализ узуса лексических единиц, вербализующих соответствующий концепт;

(д) анализ возможных окказионализмов и лексических единиц с наиболее ярко выраженным прагма-аксиологическим зарядом (паремии, сленг, фразеологические единицы, максимы и т. д.).

Процедура частичного психолингвистического анализа состояла в определении частотности самостоятельных частей речи (существительных, прилагательных, глаголов и глагольных форм) в исследуемых рекламных роликах и последующем подсчете соответствующих психолингвистических индексов эмотивности текста: коэффициента Трейгера, коэффициент определенности действия, коэффициента агрессивности и коэффициента директивности [Гудовских и др., 2015; Литвинчук, 2020].

3. Результаты и обсуждение исследования

Прагма-аксиологический анализ исследуемого вида дискурса позволил выделить 11 лингвоаксиологических концептов, составляющих ядро аксиологической концептосферы UNIVERSITY / УНИВЕРСИТЕТ: KNOWLEDGE / ЗНАНИЯ, EVOLUTION / ЭВОЛЮЦИЯ, SENSE OF COMMUNITY / ЧУВСТВО ПРИНАДЛЕЖНОСТИ К КОЛЛЕКТИВУ, HARD WORK / УПОРНЫЙ ТРУД, FUN / ВЕСЕЛЬЕ, EDUCATIONAL EXCELLENCE / УСПЕХИ В УЧЕБЕ, DIVERSITY / РАЗНООБРАЗИЕ, EQUITY / РАВЕНСТВО, CHALLENGE / ВЫЗОВ, PASSION / СТРАСТЬ, SELF-IDENTITY / САМОИДЕНТИЧНОСТЬ.

3.1. Развернутый прагма-аксиологический анализ: концепт EVOLUTION

Принимая во внимание масштабность полученных данных, считаем целесообразным представить пример подробного анализа одного из наиболее частотных аксиологических концептов (EVOLUTION) и сводный обзор результатов, полученных в ходе анализа всех аксиологических концептов и релевантных для выявления прагма-аксиологической составляющей манипулятивных стратегий, применяемых в данном виде дискурса.

На основе прагма-аксиологического анализа выявлена следующая структура концепта EVOLUTION (рис. 1):

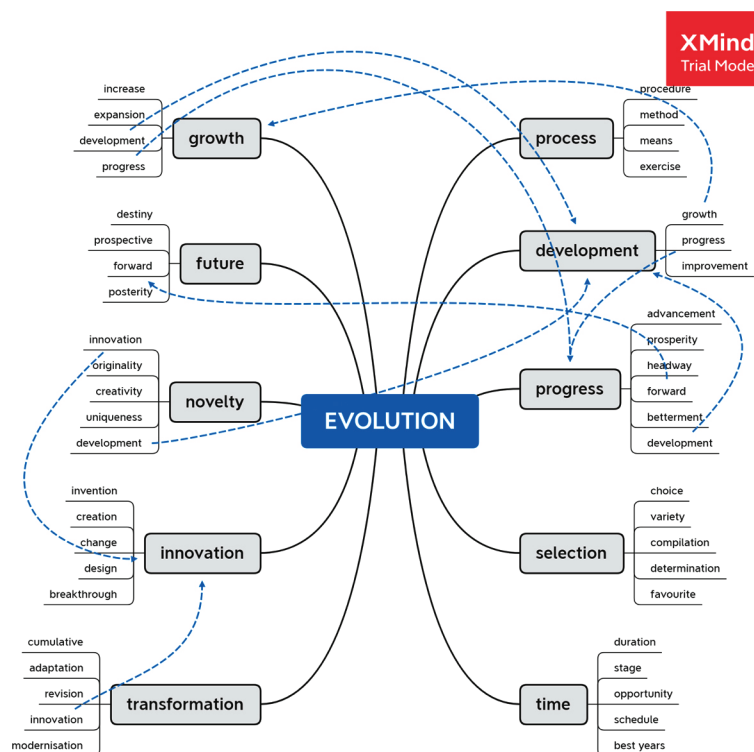

Рис. 1. Схематическая репрезентация аксиологического концепта EVOLUTION

Рассмотрим подробнее особенности концептуальной структуры и способы вербализации данного концепта. Его ядерная часть состоит из 10 элементов: PROCESS, DEVELOPMENT, PROGRESS, SELECTION, TIME,

TRANSFORMATION, INNOVATION, NOVELTY, FUTURE, GROWTH. Каждый из них имеет компоненты ближней периферии, необходимые для воссоздания общей аксиологической концептосферы рекламного дискурса университетов США.

Представленные на схеме пунктирные линии обозначают внутриконцептуальные связи и используются, чтобы показать плотную концептуальную близость связанных ими элементов ядерной зоны. Подобная информация нужна для выделения наиболее аксиологически заряженных компонентов концепта и, соответственно, их лексических репрезентантов. Поясним, что под термином внутриконцептуальная связь мы понимаем важную структурную характеристику концепта [Зуева, 2021, с. 11—12], необходимую для описания особенностей моделирования любой исследуемой концептосферы, а также установления динамики соответствующей ей картины мира и определения салиентных характеристик референтов, находящихся в основе процесса номинации ключевых понятий концептосферы [Алимурадов и др., 2010].

При моделировании концепта EVOLUTION установлено девять внутриконцептуальных связей: INNOVATION ↔ NOVELTY [innovation]; INNOVATION ↔ TRANSFORMATION [innovation]; NOVELTY [development] ↔ DEVELOPMENT; FUTURE [forward] ↔ PROGRESS [forward]; GROWTH [progress] ↔ PROGRESS; GROWTH [development] ↔ DEVELOPMENT; GROWTH ↔ DEVELOPMENT [growth]; DEVELOPMENT [progress] ↔ PROGRESS; PROGRESS [development] ↔ DEVELOPMENT.

Обозначенные связи позволяют выявить основные аксиологические установки, выраженные лексическими единицами-вербализаторами концепта EVOLUTION в исследуемом виде дискурса: эволюционный процесс является неотъемлемой частью американского университета и подразумевает обязательное наличие передовых инновационных исследований, трансформирующих общество к лучшему (корреляционная зависимость INNOVATION ↔ NOVELTY ↔ TRANSFORMATION ↔ DEVELOPMENT); развитие университета во всех областях соотносится с прогрессивным движением вперед и неустанным «ростом» не только всей страны, но и мирового сообщества (корреляционная зависимость PROGRESS ↔ GROWTH ↔ DEVELOPMENT); американский университет является средой, где создается будущее США и, потенциально, всего мира (корреляционная зависимость DEVELOPMENT ↔ FUTURE ↔ PROGRESS).

Ярким примером вербализации элементов ядерной и периферийной зон аксиологического концепта EVOLUTION в рекламном университетском дискурсе является рекламный ролик Университета штата Миссисси-

пи (Mississippi State University) [MSU, 2015]. В связи с большим объемом исходного текста, в статье приведены лишь те элементы текста, в которых вербализуется рассматриваемый концепт.

*Here the seed of inspiration is planted and carefully **cultivated**, and the fruit of that seed is **innovation**. Since our founding our teams have **made their mark** in nearly every field and school of thought. From Dr. Gus Raspet whose hobby of bird-watching inspired him to become **one of the most influential contributors to the field** of aeronautics to Jim Flanagan who **pioneered advances** in signal processing in psychoacoustics that led to **groundbreaking research** on the art of Fischer larynx.*

*We're driven to lead, to **discover**, to **ignite the future**. And as one of the nation's leading research universities, we see it as our responsibility to **bring big ideas to the world**.*

*Today MSU is a **powerhouse** in agriculture, natural resources, engineering, mathematics, and natural and physical sciences, ...<...>*

*Ascending from those achievements MSU now serves as the national lead university for the FAA Center of Excellence of Unmanned Aircraft Systems, **putting us on the cutting edge** of this new era of research, **development**, and integration into the nation's airspace.*

<...>

*What will inspire MSU to continue to **change the world**? The answer is the same as it's always been, a passion to **improve things**, an intrepid desire to **make life better** than it was before we arrived [MSU, 2015].*

В данном примере прослеживается вербализация практически всех элементов ядерной зоны аксиологического концепта EVOLUTION через следующие прагма-аксиологически нагруженные лексические единицы:

‘innovation’ à INNOVATION; ‘the seed of inspiration is <...> cultivated’, ‘change the world’ à TRANSFORMATION; ‘one of the most influential contributors to the field’, ‘pioneered advances’, ‘development’, ‘groundbreaking research’ à DEVELOPMENT; ‘powerhouse’ à GROWTH; ‘made their mark’, ‘discover’, ‘putting us on the cutting edge’, ‘improve things’, ‘make life better’ à PROGRESS; ‘bring big ideas to the world’ à NOVELTY; ‘ignite the future’ à FUTURE.

При том, что генерирование прагма-аксиологического пространства данного рекламного дискурса осуществляется по большей части именно представленными единицами-вербализаторами, важную вспомогательную роль также играют лексические единицы, значительно усиливающие уже имеющийся прагма-аксиологический заряд: качественные прилагательные в нулевой, сравнительной и превосходной степени (‘big ideas’, ‘a better, brighter tomorrow’, ‘one of the most influential contributors’); коллокации с положительной коннотацией (‘an intrepid desire to make life better’);

глаголы с положительной коннотацией ('inspiration is planted', 'inspire', 'ascending from'); терминологические единицы, принадлежащие к приоритетным областям развития ('aeronautics', 'psychoacoustics', 'engineering', 'natural and physical sciences').

Функциональный диапазон наиболее частотных представленных в примере прагма-аксиологических единиц-вербализаторов концепта EVOLUTION представлен в таблице (табл. 1):

Таблица 1

Функциональный диапазон прагма-аксиологических
единиц-вербализаторов концепта EVOLUTION

Ядерный элемент	Ближняя периферия	Лексема	Прагматическая функция
future	posterity	ignite the future	интенсификация антиципация
novelty	uniqueness	bring big ideas (to the world)	интенсификация аттракция
innovation	invention	innovation	аттракция интеллектуализация
transformation	modernization	change the world	интенсификация антиципация
development	improvement	groundbreaking research	интенсификация аттракция интеллектуализация
progress	advancement	put on the cutting edge	интенсификация аттракция интеллектуализация
growth	expansion	powerhouse	аргументация аттракция интеллектуализация

Представленные прагматические функции позволяют с гораздо большей четкостью очертить тот прагма-аксиологический заряд, который присутствует в дискурсивном пространстве представленного примера. Так, здесь явно прослеживаются доминирующие прагматические функции интенсификации, аттракции (привлечения внимания) и интеллектуализации. Несмотря на то, что функция убеждения не эксплицирована вербально в данном рекламном ролике, она, несомненно, присутствует имплицитно, что также повышает уровень суггестивного воздействия на потенциально-го адресата.

Считаем важным отметить, что выявленный прагма-аксиологический заряд дискурсивного пространства оказывает непосредственное суггестивное

воздействие на адресата. Иными словами, весь комплекс аксиологически нагруженных лексических единиц и их прагматический функционал нацелены на продуктивное манипулирование сознанием потенциального адресата.

3.2. Развернутый психолингвистический анализ: концепт EVOLUTION

Результаты частичного психолингвистического анализа, основанного на данных о частотности употребления частей речи в показанном примере, также подтверждают продуктивное манипулирование как изначальный замысел создания рекламного университетского ролика (табл. 2).

Таблица 2

Результаты частичного психолингвистического анализа
(на примере концепта EVOLUTION)

Показатели	Представленное дискурсивное пространство
Частеречные показатели	
Существительное	34,09 %
Глагол	18,03 %
Прилагательное	9,01 %
Наречие	5,08 %
Показатели эмотивности	
КТ	2,0
КОД	0,52
КА	0,18
КД	0,001

Наибольший интерес для нас представляют психолингвистические маркеры эмотивности, используемые автором в рекламном ролике. Коэффициент Трейгера (КТ) вычисляется как соотношение количества использованных в тексте глаголов к количеству прилагательных. Коэффициент определенности действия (КОД) вычисляется как соотношение количества использованных в тексте глаголов к количеству существительных. Коэффициент агрессивности (КА) показывает соотношение количества глагольных форм и глаголов в тексте к общему количеству использованных в ролике слов [Гудовских и др, 2015, с. 93]. Коэффициент директивности (КД), также известный как индекс прегнантности Эртеля, вычисляется как соотношение количества слов и / или выражений А-экспрессии к общему количеству слов в тексте [Литвинчук, 2020, с. 278—279]. Под лексическими единицами А-экспрессии принято понимать слова и выражения с высоким уровнем содержательной лаконичности с обобщающей и обобщающе-негативной семантикой.

При сравнении полученных индексированных показателей с их нормативными значениями становится понятен общий психолингвистический фон рассматриваемого дискурса. Если нормативным считается значение $KT \approx 1$, то анализируемый текст характеризуется практически удвоенным значением, что говорит о высоком уровне эмоциональности высказываний и значительном побуждении потенциального адресата к рефлексии и действию. Если для КОД нормативным признается показатель, не превышающий 1, то результаты данного текста (0,52 %) показывают умеренный уровень синтаксической завершенности высказываний и, как следствие, умеренный уровень их активной социальной направленности и полное отсутствие агрессивного характера речи. Если для КА нормативным считается значение, не превышающее 0,6, то результаты исследуемого текста (0,18 %) демонстрируют полное отсутствие тревожности, неуверенности и аффективной насыщенности в высказываниях. Показатели КД практически полностью отсутствуют в рассматриваемом примере, что говорит об отсутствии экспансивности отрицательных эмоций, интенсивности аффекта, склонности адресата к доминированию и бескомпромиссности.

Таким образом, психолингвистические маркеры подтверждают результаты прагма-аксиологического анализа рассматриваемого рекламного ролика и также указывают на высокий уровень его эмотивности, апелляцию к ценностно-оценочным установкам современного общества и призыв к активной жизненной позиции в отношении будущего места учебы, а также переходу от слов и мыслей к непосредственным действиям — поступлению именно в этот университет. При этом важно отметить, что заниженные показатели КД и КА не указывают на отсутствие конфликтного манипулирования сознанием адресата, а как раз наоборот — указывают на сильное имплицитное манипулятивное воздействие, имеющее гораздо больший суггестивный потенциал, нежели эксплицитная апелляция к эмоционально-оценочным суждениям потенциальных абитуриентов.

3.3. Сводный прагма-аксиологический и психолингвистический анализ рекламного университетского дискурса

Подобным образом был осуществлен анализ каждого из 10 отобранных для исследования роликов, в результате чего были получены следующие данные (табл. 3).

Согласно представленным в таблице данным, наибольшую частотность показывают лексические единицы-вербализаторы концептов EVOLUTION, EDUCATIONAL EXCELLENCE, SENSE OF COMMUNITY, EQUITY и DIVERSITY, что демонстрирует наиболее приоритетные для

Таблица 3

Результаты общего прагма-аксиологического анализа
рекламного университетского дискурса

Аксиологический концепт	Частотность вербализации концепта	Доминантные прагматические функции
EVOLUTION	15,8	Интенсификация Аттракция Интеллектуализация
EDUCATIONAL EXCELLENCE	14,7	Популяризация Интенсификация Аргументация
SENSE OF COMMUNITY	13,4	Персонификация Аттракция
EQUITY	11,2	Презентация Персонификация Популяризация
DIVERSITY	10,2	Презентация Персонификация Популяризация
FUN	7,9	Аттракция Персонификация
PASSION	6,8	Персонификация Аттракция
KNOWLEDGE	6,3	Презентация Аргументация Убеждение
HARD WORK	5,8	Интенсификация Антиципация Убеждение
CHALLENGE	4,4	Антиципация Интеллектуализация Интенсификация
SELF-IDENTITY	3,5	Персонификация Популяризация Убеждение

современного американского общества ценностные установки при выборе университета для получения образования: непрерывное прогрессивно-поступательное развитие университета, заметные успехи в обучении его студентов, чувство принадлежности к коллективу и его сплоченность, а также одинаково широкий спектр возможностей для представителей всех слоев населения.

Считаем интересным отметить, что, несмотря на важность упорной работы в университете, необходимость приобретения знаний и связанные с этим сложности, продуктивное манипулирование на современного американского и, потенциально, глобального абитуриента оказывается в первую очередь посредством вербализации именно обозначенных ранее ценностных установок. При этом апелляция к получению удовольствия от учебы и пребывания в университете оказывается более прагматически нагруженной, нежели упорный труд и приобретение знаний.

Еще одним интересным наблюдением является тот факт, что, несмотря на незначительную частотность его непосредственной вербализации, концепт SELF-IDENTITY имеет большое количество межконцептуальных связей со всеми другими выявленными аксиологическими концептами и, по сути, является «обрамляющим» концептом. Иными словами, манипулирование сознанием адресата, в первую очередь, реализуется через убеждение абитуриента в важности формирования или трансформации его собственной идентичности, будь то личностный или же профессиональный аспект, см.: [Bagiyan et al, 2021]. Данное наблюдение, конечно, требует более глубокой проработки и анализа в последующих лингвоаксиологических исследованиях.

По уровню частотности реализации прагматические функции имеют следующую иерархию: персонификация (20,4 %), интенсификация (16,2 %), интеллектуализация (16 %), популяризация (15,8 %), убеждение (11,6 %), презентация (8,1 %), аргументация (3,9 %). Итак, при продуктивном манипулировании сознанием потенциальных абитуриентов авторами рекламных университетских роликов в большей степени используются прагматические функции, нацеленные на персонификацию университета как живого и постоянно развивающегося организма, интенсификацию всех сильных сторон университета и его преимуществ относительно других высших учебных заведений, популяризацию его наиболее значимых достижений и демонстрацию его общего интеллектуального потенциала.

Анализ отображенных для исследования рекламных университетских роликов показал следующие результаты относительно частотности употребления главных частей речи и соответствующих психолингвистических индексов эмотивности (табл. 4).

Полученные усредненные значения коэффициентов подтверждают сделанные нами ранее выводы на примере рекламного ролика университета штата Миссисипи. Общим трендом при создании рекламных университетских роликов является оказание продуктивного речевого манипулирования посредством апелляции к аксиологической концептосфере потенци-

Таблица 4

Результаты частичного психолингвистического анализа
рекламного университетского дискурса

Показатели	Представленное дискурсивное пространство										Усреднен- ное значе- ние
	CU	CorU	FSU	HU	MSU	SIU	SU	TAMU	UA	UP	
Частеречные показатели (%)											
Существи- тельное	22,32	22,54	23,52	18,64	34,09	17,24	20,72	25,02	16,93	32,13	23,32
Глагол	12,21	19,07	20,03	20,33	18,03	19,05	18,54	17,35	19,15	12,85	17,66
Прилагатель- ное	10,02	7,98	6,87	6,74	9,01	5,97	5,45	6,84	4,98	9,56	7,34
Наречие	4,54	8,02	17,04	7,92	5,08	9,56	8,41	5,33	14,22	4,02	8,41
Показатели эмотивности (коэффициент)											
КТ	1,22	2,38	2,91	3,01	2,00	3,19	3,40	2,54	3,85	1,34	2,58
КОД	0,55	0,84	0,85	1,09	0,52	1,10	0,89	0,69	1,13	0,41	0,81
КА	0,12	0,19	0,20	0,21	0,18	0,19	0,18	0,17	0,19	0,13	0,17
КД	0,003	0,004	0,012	0,001	0,001	0,003	0,001	0,003	0,011	0,001	0,004

ального адресата и побуждения его к действию. Об этом свидетельствует высокая частотность употребления глаголов, а также показатели индексов КТ и КОД.

Согласно полученным психолингвистическим данным, представленная в рассмотренных рекламных университетских роликах речевая манипуляция не только продуктивна, но и неинструментальна по своей природе, то есть нацелена на позитивное воздействие на психо-эмоциональное состояние потенциального адресата. Сильно заниженные показатели КД говорят о полном отсутствии экспансивности отрицательных эмоций в рамках исследуемого дискурсивного пространства.

4. Заключение

Проведенное исследование позволило выявить основные элементы аксиологической концептосферы современного рекламного дискурса университетов США, определить прагма-коммуникативные установки и функциональный диапазон лексических единиц-вербализаторов данных концептов, а также определить уровень эмотивности данного дискурса посредством психолингвистического индексирования. Полученные результаты позволили наглядно продемонстрировать основную цель продуктивного речевого манипулирования в рассматриваемом виде дискурса — апелляцию к ценностно-оценочной составляющей когнитивной базы потенциального адресата (абитуриента) и побуждение его к действию (поступлению в высшее учебное заведение).

Значимым наблюдением оказалось то, что все выявленные аксиологические концепты тесно взаимосвязаны с концептом SELF-IDENTITY. Данный характер связи дает возможность интерпретировать данный концепт как доминантный в аксиологическом пространстве исследуемого дискурса. Иными словами, современный англоязычный рекламный дискурс университетов США в качестве доминантной ценности выдвигает возможность трансформации индивидуальной и профессиональной идентичности абитуриентов при поступлении, что выдвигается и акцентируется как основная цель высшего учебного заведения.

Не менее важным оказалось то, что в выявленной аксиологической концептосфере не было обнаружено концептов доминирования или авторитетности. Оказалось, что подавляющее большинство университетов США не хотят ассоциироваться только с элитарностью. Современные учебные заведения проповедуют политику 'elite & egalitarian', в соответствии с которой элитарность образования должна идти в ногу с его равноправием, что еще раз подчеркивает позитивную составляющую продуктивного речевого манипулирования.

На наш взгляд, результаты представленного прагма-аксиологического и частичного психолингвистического анализа показывают заметный сдвиг в общей ценностной парадигме мышления нынешних абитуриентов и руководства высших учебных заведений относительно наиболее приоритетных направлений развития современного высшего образования в сторону развития собственной идентичности и самосознания, а также непрерывного самосовершенствования.

Источники и принятые сокращения

1. CU — *Columbia University*. Columbia University in the City of New York: “A Doubled Magic” [Electronic resource] // 4 Oct 2013. — Access mode : <https://www.youtube.com/watch?v=7cwUcdpUayQ> (accessed 11.04.2021).
2. CorU — *Cornell University*. Cornell University : Glorious to View (Short Version) [Electronic resource] // 5 May 2016. — Access mode : <https://www.youtube.com/watch?v=wqDrsuU5Dys&list=LL&index=14> (accessed 13.04.2021).
3. FSU — *Ferris State University*. Ferris State University 2019 Commercial (Anthem) — Ferris Forward. [Electronic resource] // 30 Sept 2019. — Access mode : <https://www.youtube.com/watch?v=cWMoTL8q3qM&list=LL&index=19> (accessed 13.04.2021).
4. HU — *Harvard University*. Home at Harvard [Electronic resource] // 15 Apr 2015. — Access mode : <https://www.youtube.com/watch?v=AYAHkql75qM&list=LL&index=20> (accessed 13.04.2021).
5. MSU — *Mississippi State University*. We Ring True [MSU Brand Video] [Electronic resource] // 15 Oct 2015. — Access mode : <https://www.youtube.com/watch?v=IVW862-vicI&list=LL&index=8> (accessed 16.04.2021).
6. SIU — *Southern Illinois University*. Southern Illinois University Commercial — Experience SIU [Electronic resource] // 28 Sept 2016. — Access mode : <https://www.youtube.com/watch?v=tzMpWiGL8D8> (accessed 18.04.2021).
7. SU — *Stanford University*. #WelcomeToStanford [Electronic resource] // 16 Sept 2013. — Access mode : <https://www.youtube.com/watch?v=0qHWub21h5c> (accessed 20.04.2021).
8. TAMU — *Texas A&M University*. We Are Texas A&M / Texas A&M University 2020 Commercial [Electronic resource] // 3 Oct 2020. — Access mode : <https://www.youtube.com/watch?v=1FrHm9R-7Mo&list=LL&index=16> (accessed 22.04.2021).
9. UA — *The University of Arizona*. University of Arizona 2018 TV Commercial : Only Here [Electronic resource] // 4 Oct 2018. — Access mode : <https://www.youtube.com/watch?v=ZiHYi82WZ1I&list=LL&index=9> (accessed 24.04.2021).
10. UP — *The University of Pennsylvania*. Experience Penn [Electronic resource] // 22 Oct 2013. — Access mode : <https://www.youtube.com/watch?v=bh9CRHu8yD0&list=LL&index=15> (accessed 26.04.2021).

ЛИТЕРАТУРА

1. Алимуратов О. А. Опыт метонимического моделирования фрагментов англоязычной картины мира (на примере концепта FLOWER) / О. А. Алимуратов, Е. П. Ковалевич, О. И. Реунова // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. — 2010. — № 1. — С. 64—72.

2. Багиян А. Ю. *Прагма-коммуникативный анализ оценочности как основополагающего инструмента формирования интенционального межсубъектного диалога [Электронный ресурс]* / А. Ю. Багиян, Г. Р. Нерсисян // *Studia Humanitatis*. — 2018. — № 3. — Режим доступа : <http://st-hum.ru/content/bagiy-an-ayu-nersesyan-gr-pragma-kommunikativnyy-analiz-ocenocnosti-kak> (accessed 15.05.2021).

3. Гудовских Д. В. *Анализ эмотивности текстов на основе психолингвистических маркеров с определением морфологических свойств* / Д. В. Гудовских, И. А. Молошников, Р. Б. Рыбка // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Лингвистика и межкультурная коммуникация*. — 2015. — № 3. — С. 92—97.

4. Зуева Е. В. *Прецедентный характер уступительных коннекторов в современном немецком языке* : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.04 / Е. В. Зуева. — *Нижний Новгород*, 2021. — 160 с.

5. Литвинчук И. Н. Составление портрета субъектов сетевого взаимодействия с использованием психолингвистических методик / И. Н. Литвинчук // *Русский язык в поликультурном мире : сборник научных статей IV Международного симпозиума, в 2 т., Симферополь, 09—11 июня 2020 года*. — Симферополь : КФУ имени В. И. Вернадского, 2020. — С. 276—280. — ISBN 978-5-9908084-5-4.

6. Павлов С. Г. *Лингвоаксиологическая модель человека : научно-методический аспект [Электронный ресурс]* / С. Г. Павлов // *Вестник Мининского университета*. — 2013. — № 2 (2). — Режим доступа : <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/390/366> (дата обращения 15.05.2021).

7. Попова З. Д. *Когнитивная лингвистика : монография* / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — Москва : АСТ ; Восток — Запад, 2007. — 314 с.

8. Bagiy-an A. Y. Forming professional identity in popular science IT discourse : discursive markers and their functional diapason / A. Y. Bagiy-an, T. A. Shiryaeva, L. S. Alikhaeva, Z. O. Dotkulova, M. R. Toguzayeva // *Humanities & Social Sciences Reviews*. — 2019. — № 7 (6). — Pp. 263—270. — DOI: 10.18510/hssr.2019.7647.

9. Bagiy-an A. Y. The real value of words : how target language linguistic modelling of foreign language teaching content shapes students' professional identity / A. Y. Bagiy-an, T. A. Shiryaeva, E. V. Tikhonova, N. M. Mekeko // *Heliyon*. — 2021. — № 7(3). — Pp. e06581. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2021.e06581> (accessed 19.05.2021).

10. Bardovi-Harlig K. Routines in L2 pragmatics research / K. Bardovi-Harlig // In N. Taguchi (Ed.) *Handbook of SLA and pragmatics*. — New York : Routledge, 2019. — Pp. 47—62. — DOI: 10.1017/S0267190519000047.

11. Haverkate H. Impositive sentences in Spanish : Theory and description in Linguistic Pragmatics. — Amsterdam : Elsevier Science Ltd, 1979. — 194 p — ISBN 978-0444853172.

12. Martínez-Camino G. A pragmatics theory on television advertising / G. Martínez-Camino, M. Pérez-Saiz // *Journal of Pragmatics*. — 2012. — № 44 (4). — Pp. 453—473. — DOI: 10.1016/j.pragma.2011.12.011.

13. Santibanez C. Strategically wrong : On the relationship between generalized deception and persuasive behavior / C. Santibanez // *Journal of Pragmatics*. — 2017. — № 114. — Pp. 16—31. — DOI: 10.1016/j.pragma.2017.04.001.

14. *Shaping values with “YouTube freedoms” : linguistic representation and axiological charge of the popular science IT-discourse* / T. A. Shiryaeva, A. R. Arakelova, E. Golubovskaya, N. M. Mekeko // *Heliyon*. — 2019. — № 5 (12). — e02988. — DOI: 10.1016/j.heliyon.2019.e02988.

MATERIAL RESOURCES

- Columbia University. *Columbia University in the City of New York: "A Doubled Magic".* 4 Oct 2013. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=7cwUcdpUayQ> (accessed 11.04.2021).
- Cornell University. *Cornell University: Glorious to View (Short Version).* 5 May 2016. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=wqDrSU5Dys&list=LL&index=14> (accessed 13.04.2021).
- Ferris State University. *Ferris State University 2019 Commercial (Anthem) — Ferris Forward.* 30 Sept 2019. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=cWMoTL8q3qM&list=LL&index=19> (accessed 13.04.2021).
- Harvard University. *Home at Harvard.* 15 Apr 2015. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=AYAHkql75qM&list=LL&index=20> (accessed 13.04.2021).
- Mississippi State University. *We Ring True [MSU Brand Video].* 15 Oct 2015. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=IVW862-vicl&list=LL&index=8> (accessed 16.04.2021).
- Southern Illinois University. *Southern Illinois University Commercial — Experience SIU.* 28 Sept 2016. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=tzMpWiGLD8D8> (accessed 18.04.2021).
- Stanford University. *#WelcomeToStanford.* 16 Sept 2013. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=0qHWub21h5c> (accessed 20.04.2021).
- Texas A&M University. *We Are Texas A&M / Texas A&M University 2020 Commercial.* 3 Oct 2020. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=1FrHm9R-7Mo&list=LL&index=16> (accessed 22.04.2021).
- The University of Arizona. *University of Arizona 2018 TV Commercial: Only Here.* 4 Oct 2018. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=ZiHYi82WZ1I&list=LL&index=9> (accessed 24.04.2021).
- The University of Pennsylvania. *Experience Penn.* 22 Oct 2013. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=bh9CRHu8yD0&list=LL&index=15> (accessed 26.04.2021).

REFERENCES

- Alimuradov, O. A., Kovalevich, E. P. L., Reunova, O. I. O. (2010). Variant of metonic modeling fragments of English maps of the world (on the example of the end of the FLOWER concept). *Bulletin of the Pyatigorsk State Administration of the Linguistic University, 1*: 64—72. (In Russ.).
- Bagiyan, A. Yu., Beschesyan, G. R. (2018). Pragma-communicative anal evaluation as the main tool for formatting intellectual intersubjective dialogue. *Studia Humanitatis, 3*. Available at: <http://st-hum.ru/content/bagiyan-ayu-nersesyan-gr-pragma-kommunikativnyy-analiz-ocenochnosti-kak> (accessed 05/15/2021). (In Russ.).
- Bagiyan, A. Y., Shiryayeva, T. A., Alikaeva, L. S., Dotkulova, Z. O., Toguzaeva, M. R. (2019). Forming professional identity in popular science IT discourse: dis-cursive markers and their functional diapason. *Humanities & Social Sciences Re-views, 7* (6): 263—270. DOI: 10.18510/hssr.2019.7647.
- Bagiyan, A. Y., Shiryayeva, T. A., Tikhonova, E. V., Mekeko, N. M. (2021). The real value of words: how target language linguistic modelling of foreign language teaching content shapes students' professional identity. *Heliyon, 7* (3): e06581. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2021.e06581> (accessed 19.05.2021).

- Bardovi-Harlig, K. (2019). Routines in L2 pragmatics research. In: *Handbook of SLA and pragmatics*. New York: Routledge. 47—62. DOI: 10.1017/S0267190519000047.
- Gudovskikh, D. C., Lyubimnikov, I. A., Rybka, R. B. (2015). Analysis of emotionality of texts based on psychological markers by definition morphological connections. *Bulletin of the Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*, 3: 92—97. (In Russ.).
- Haverkate, H. (1979). *Impositive sentences in Spanish: Theory and description in Linguistic Pragmatics*. Amsterdam: Elsevier Science Ltd. 194 p. ISBN 978-0444853172.
- Litvinchuk, I. N. (2020). Drawing up a portrait of subjects of network interaction using psychedelic techniques. In: *Russian language in the multicultural world*. Simferopol: KFU. 276—280. ISBN 978-5-9908084-5-4. (In Russ.).
- Martínez-Camino, G., Pérez-Saiz, M. (2012). A pragmatics theory on television advertising. *Journal of Pragmatics*, 44 (4): 453—473. DOI: 10.1016/j.pragma.2011.12.011.
- Pavlov, S. G. (2013). Linguo-axiological model of a person: the methodical horse. *Bulletin of Mininsky University*, 2 (2). Available at: <https://vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/390/366> (accessed 15.05.2021). (In Russ.).
- Popova, D., Sternin, A. (2007). *Paper Linguistics*. Moscow: AST; East-West. 314 p. (In Russ.).
- Santibanez, C. (2017). Strategically wrong: On the relationship between generalized deception and persuasive behavior. *Journal of Pragmatics*, 114: 16—31. DOI: 10.1016/j.pragma.2017.04.001.
- Shiryayeva, T. A., Arakelova, A. R., Golubovskaya, E., Mekeko, N. M. (2019). Shaping values with “YouTube freedoms”: linguistic representation and axiological charge of the popular science IT-discourse. *Heliyon*, 5 (12): e02988. DOI: 10.1016/j.heliyon.2019.e02988.
- Zueva, Or. C. (2021). *The random nature of qualified connectors in joint German*. PhD Diss. Nizhny Novgorod. 160 p. (In Russ.).

Березович Е. Л. Лексика, обозначающая поясницу и поясничную боль в русских говорах : утин и чемер / Е. Л. Березович, М. О. Леонтьева // Научный диалог. — 2021. — № 12. — С. 50—70. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-50-70.

Berezovich, E. L., Leontyeva, M. O. (2021). Vocabulary for Lower Back and Lumbar Pain in Russian Dialects: 'utin' and 'chemer'. *Nauchnyi dialog*, 12: 50-70. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-50-70. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-50-70

Лексика, обозначающая поясницу и поясничную боль в русских говорах: утин и чемер

Березович Елена Львовна
orcid.org/0000-0002-1688-2808

член-корреспондент
Российской академии наук,
доктор филологических наук,
профессор
кафедра русского языка, общего
языкознания и речевой коммуникации
berezovich@yandex.ru

Леонтьева Мария Олеговна
orcid.org/0000-0002-8695-7617

лаборант-исследователь
кафедры русского языка, общего
языкознания и речевой коммуникации
marileonteva@yandex.ru

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:
Работа выполнена при поддержке
гранта
РНФ № 20-18-00223 «Этимологизация
и семантическая реконструкция
русской диалектной лексики»

Vocabulary for Lower Back and Lumbar Pain in Russian Dialects: 'utin' and 'chemer'

Elena L. Berezovich
orcid.org/0000-0002-1688-2808

Corresponding Member
of the Russian Academy of Sciences
Doctor of Philology, Professor
Department of Russian Language, General
Linguistics and Speech Communication
berezovich@yandex.ru

Maria O. Leontyeva
orcid.org/0000-0002-8695-7617

Research Assistant
Department of Russian Language, General
Linguistics and Speech Communication
marileonteva@yandex.ru

Ural Federal University
named after the First President of Russia
B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported
by Russian Science Foundation, project
No. 20-18-00223 "Etymology and
Semantic Reconstruction
of Russian Dialect Lexicon"

© Березович Е. Л., Леонтьева М. О., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проводится семантико-мотивационный и этимологический анализ двух русских диалектизмов *ути́н* и *чемер*, в смысловой структуре которых представлены (среди прочих) значения, связанные с болезнями различной локализации и этиологии (*авторов интересует, главным образом, семантика поясничной боли*). Реконструируется семантическая организация соответствующих этимолого-словообразовательных гнезд; гнезда сопоставляются по конфигурации значений. Авторы показывают, какие смысловые переходы определили появление значения 'поясничная боль' (и вторично — 'поясница' и 'позвоночник') у слов *ути́н* и *чемер*. Оба обозначения поясничной боли анализируются в широком этнолингвистическом контексте, предполагающем учет практик народной медицины, которые обусловлены архаичными представлениями о боли и о болезнях. Показано, что в гнезде слова *ути́н* многократно срабатывает этимологическая магия, причем ее действие осуществляется в двух направлениях: от производящего глагола **teti*, **tyn* 'рубить, резать' к производному *ути́н*, а затем от него — к другим словам морфо-семантического поля (*ути́г*, *ути́н* 'межа', *ути́нок* 'обрубок', *овин*, *тын* etc.). В гнезде слова *чемер* восстанавливается нетривиальный переход ботанического значения ('ядовитое растение') в физиологическое ('отравление' → 'боль при отравлении' → 'боли различной этиологии, в том числе поясничная'), далее (параллельно) в соматическое и демоническое.

Ключевые слова:

русская диалектная лексика; соматизмы; названия болезней; семантико-мотивационная реконструкция; этимология; этнолингвистика.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

A semantic-motivational and etymological analysis of two Russian dialectisms 'utin' and 'chemer' are carried out in the article, in the semantic structure of which (among others) meanings associated with diseases of various localization and etiology (the authors are mainly interested in the semantics of low back pain) are presented. The semantic organization of the corresponding etymological and derivational nests is reconstructed; nests are matched by value configuration. The authors show what semantic transitions determined the appearance of the meaning «lumbar pain» (and, secondarily, «lower back» and «spine») in the words 'utin' and 'chemer'. Both designations for low back pain are analyzed in a broad ethnolinguistic context, which implies taking into account the practices of traditional medicine, which are due to archaic ideas about pain and disease. It is shown that etymological magic is repeatedly triggered in the nest of the word 'utin', and its action is carried out in two directions: from the generating verb **teti*, **tyn* «cut down, cut» to the derivative 'utin', and then from it to other words of the morpho-semantic field ('utyug', 'utin' «boundary», 'utinok' «stump», 'ovyn', 'tyn' etc.). In the nest of the word 'chemer', a nontrivial transition of botanical meaning («poisonous plant») to physiological one («poisoning» → «pain in case of poisoning» → «pain of various etiologies, including lumbar pain») is restored, then (in parallel) to somatic and demonic.

Key words:

Russian dialect vocabulary; somatisms; names of diseases; semantic and motivational reconstruction; etymology; ethnolinguistics.

Лексика, обозначающая поясницу и поясничную боль в русских говорах: утин и чемер

© Березович Е. Л., Леонтьева М. О., 2021

1. Вводные замечания

Эта статья продолжает предыдущую, опубликованную в 6 номере журнала «Научный диалог» в 2021 [Березович и др., 2021]. В первой статье цикла мы представили общий обзор русской диалектной лексики, обозначающей собственно «соматическую» поясницу, охарактеризовали семантические особенности лексем и причины высокой номинативной плотности этого участка (они коренятся главным образом в том, что эта часть тела несет большую «страдательную» нагрузку при основных сельскохозяйственных работах носителей диалектов), предложили этимолого-мотивационные решения для ряда слов.

Надо отметить, что за время, прошедшее с момента написания первой статьи, сотрудникам Топонимической экспедиции Уральского университета удалось записать еще одно любопытное слово с изучаемым значением. В говорах Терского района Мурманской области есть слово *керёжка* ‘спина (чаще всего по отношению к пояснице)’: *Керёжка болит, спина-то, особо ближе к поясу. Ну баню натопим — и в бане стучим по этому месту руками* [КСГРС]. По всей видимости, перед нами показательная метафора, ср. карел., мурман. *керёжка, керёжа* ‘грузовые сани в виде лодки на одном полозе’ [СРГК, т. 2, с. 340; КСГРС]. Думается, что перенос основан как на функциональном признаке (спина служит для транспортировки грузов, как и сани), так и на признаке формы (сани имеют облучи, напоминающие ребра). Очевидно, так же устроена метафора, соединяющая значения костр. лексемы *окорчево*: ‘гнутая часть полозьев саней’ → ‘поясница и ягодичи’ [ЛКТЭ]. Эти примеры интересны направлением переноса: «грузовая» роль спины и поясницы настолько велика, что отправной точкой для разворачивания метафоры становится не образ части тела (как обычно), а собственно образ «грузоперевозчика».

Дополнив таким образом поданный ранее материал, обратимся к изучению слов, в семантическом пространстве которых наиболее ярко и развернуто проявляются особенности «поясничной» лексики и связанных с ней верований, формирующих специфические магические практики и порождающих своеобразные линии смыслового развития. Это *утин* и *чемер*.

Слова из гнезд с вершинными *утин* и *чемер* уже привлекали к себе внимание исследователей. Так, об *утине* (блр. *уцін*) на белорусском и русском

диалектном и фольклорном материале писали Т. В. Володина [Валодзіна, 2009, 256—262], Т. А. Агапкина [Агапкина, 2010, с. 163—165], В. С. Терехова [1969]; о *чемере* в русских и славянских диалектах — Н. И. Толстой [1995], в тамбовских говорах — Е. Ю. Блинова и Д. Н. Лоскутова [2020]. В нашей работе будет приведен новый материал, слова будут рассмотрены через призму семантического и символического параллелизма, что позволит (вкупе с приведенными ранее «фоновыми» культурологическими выкладами) расставить новые акценты в реконструкции соответствующих гнезд.

2. Утин

Слово утин в русских говорах имеет довольно широкий спектр значений, однако нас в первую очередь интересует значение ‘боль в спине; поясничный ревматизм’. В этом значении утин распространен главным образом в севернорусских, северо-западных, среднерусских говорах, дочерних говорах Урала и Сибири (см. [СРНГ, т. 48, с. 158; СРГС, т. 5, с. 173; ЯОС, т. 10, с. 21—22; ПОС, т. 24, с. 239; СРГЮП, т. 3, с. 286; ЛКТЭ; КСГРС] etc.), при этом встречаются также вариантные формы: влг. *ути́нка* [МПСД, с. 269, № 571], новг. *ути́ом*, новг., олон., ленингр., брян., забайк. *ути́он*, колым. *учу́н*, олон. *ути́ог* ‘боль в пояснице’: *Старуха знает от утюна, сходите к ней: Ох, тошнешенько, спина болит, утюн приставили* (новг.), *Ее утюн крепко мучает* (зап.-брян.) [НОС, с. 1234—1235; СРНГ, т. 48, с. 224, 225, 226, 330], новг. *очу́н* [СРГК, т. 4, с. 355], влад. *паути́н*¹ [СРНГ, т. 25, с. 284]. Что касается южнорусских земель, а также соседних восточнославянских территорий, то слово отмечено (также в формах *уци́н*, *утюн*, *уцен*, *уцён*, *цен*) в Поднепровье (особенно левобережном), в орловских, курских, смоленских и брянских говорах; фиксируется оно и в белорусских диалектах [Валодзіна, 2009, с. 256; СРНГ, т. 48, с. 158; Попов, 1903, с. 71].

Лексема многократно фиксируется в фольклоре, особенно в формулах ритуала-диалога [Агапкина, 2010, с. 163—165]; реже — в текстах других жанров, ср. даже скоморошину из сборника Кириши Данилова: «...на згололье молодая жена Авдотья Ивановна, она с вечера трудна, болна со полуночи недужна, вся, расхотился недуг в голове, разыгрался *утин* в хребте, пустился недуг к сердцу, а пониже ея пупечка, что повыше коленечка» [СКД, с. 6].

Болезненные ощущения при *утине* часто передаются через конструкцию утин засекаёт / сечёт (секёт): Раньше спина заболит, говорят, «Утин

¹ Слово *паути́н* образовано от основы утин с помощью архаичной приставки па-. От этого приставочного варианта, вероятно, появились формы типа тул. *пути́н* [СРНГ, т. 33, с. 151] и путец [Там же, с. 149]; аналогичный фонетический процесс мы видим для формы *пути́на*, которая является преобразованием слова *паутина* (тамб., ворон., дон., орл., ряз., горьк., твер., калин., чкал., р. Урал, среднеобск.) [Там же, с. 151].

секёт» (арх.), Вот рвётся в спине, трешшит что-то — утин засекает порато (арх.) [КСГРС], ср. также иркут. секун ‘боль в пояснице’ [СРНГ, т. 37, с. 128], костр., ряз. сечь ‘испытывать боль (в какой-л. части тела, болеть)’: Спина поперек секёт (костр.), Больно сечёт, ледвешка <ягодица> больно болит, садиться не дает (костр.), Надымы были зачастую, поясница секла сильно ... Ну и жгёт поясница (ряз.) [СРНГ, т. 37, с. 254]. «Секущий» характер боли — по законам народно-этимологической магии — вызывает использование различных способов ее «иссечения», «перерубания» etc. В диалектных словарях и фольклорных источниках описывается базовый способ лечения *утина*, представляющий собой небольшой медицинский ритуал, аналогичный тем, которые мы уже встречали при описании, например, болезни *тяпок* [Березович и др., 2021, с. 18—19] (название которой, как дальше будет понятно, является семантико-мотивационной параллелью к *утину*). Ср. описание ритуала, приведенное известным историком народной медицины Г. Поповым: «Вот как в Новгородск., Вологодск. и Орловск. губ. лечится “запугом” поясничная боль (*ути*н). Больной ложится на порог избы с обнаженной поясницей. Производящий операцию знахарь становится по одну сторону, с топором в руках, свидетель по другую, первый замахивается топором и прикасается его острием к пояснице больного, второй спрашивает: “Что ты делаешь?” — “*Утин рублю*”. От свидетеля получается приказание: “*Руби его* больше, чтобы и близко не было” — и тот начинает махать топором над поясницей. В Юхновском у. (Смоленск. г.) операция эта, для верности действия, совершается непрерывно на трех порогах, а в Сарапульском у. (Вятск. г.) ее могут производить только первенцы и последыши в семье» [Попов, 1903, с. 71]. Как видно по этому описанию, такой способ «терапии» обозначается устойчивым сочетанием утин рубить, а также утин прорубать, утин сечь / засека́ть / отсека́ть / присека́ть и др., тем самым — по принципу народной медицины *similia similibus curantur* — создается отчетливый параллелизм названий способов лечения и фразеологизмов, обозначающих «действия» самого утина как болезни.

В качестве дополнительной иллюстрации приведем только контексты из неопубликованных картотек Топонимической экспедиции Уральского университета (в опубликованных словарях и фольклорно-этнографических источниках есть множество подобных описаний): Сорва́у ути́н — поперёк порогу валят и **прорубают утин**, *лупят по позвоночнику-то (арх.)*; **Утин засекали**: как поясина заболит, положат тебя на порог, обухом топора по венуку бьют, на поясине веник-от (арх.); *А то ещё секут, приговаривают*: — “Шчѐ **секѝшь**? — *Утин секу*. — *Секи-секи, шчѐб век не бываѝ*” (арх.); Через порог клали, **утин рубили**, *приговаривали*: “*Утин, утин, выйди вон!*” (влг.); Утин в спине. Как сделается утин, ни согнуться,

ни разогнуться. **Утин вырубали** топором. Ложат голики крестом на поясницу, топором рубят (*костр.*) и др. [КСГРС; ЛКТЭ]¹. Значительно реже декларируются более «мягкие» способы воздействия на утин: **Утин шшыплют**: *глядят, гладят, да захватат кожу-то (арх.)*; Чтобы не болела спина у тебя, я **утин вышшыплю** (*арх.*) [КСГРС].

Конструкции с глаголами сечения, рубки, битья используются не только в контекстах к *утину*, но и вообще по отношению к боли в пояснице, спине и позвоночнике, ср. байк. *выбивать спину* [СГРСБС, т. 9, с. 87—88], орл. *присекать спину* [СОГ, т. 11, с. 50], юго-зап. сиб. *рубить поясницу*, новг. *рубить поясницу* [СРНГ, т. 35, с. 225], тульск. *пресечь* (без прямого доп.): *Как бабушка положила ее на порог, пресекла ей, так и поясница больше не болела, до ста лет мать прожила, на сто первом годе померла* [СТулГ, ч. 1, с. 33] и др.; для усиления магического воздействия в одной текстовой синтагме с глаголом может появиться и отглагольное существительное *секун*: *Чо секешь? — Секун. — Секи секун, секи его вдоль и поперек, штобы не было его во веки веков* (иркут.) [Виноградов, 1915, с. 397]. Независимо от вариации лечения осуществляются «бьющие», «рубящие» манипуляции, аналогичные воздействию болезни. Заметим, что в некоторых случаях манипуляции такого рода отсутствуют, но в вербальном коде традиции остается память о них, выражаемая глаголами с семантикой битья и т. п.: байк. *выбить наговором* ‘в народной медицине: излечить посредством заговора’ [СГРСБС, т. 9, с. 84]. Следует отметить и то, что связь «сечения» и боли в спине может не иметь вербальной поддержки и фиксироваться только на уровне предметных манипуляций, ср., к примеру, повсеместно соблюдавшийся у славян запрет забивать серп в землю, чтобы не спровоцировать боль в пояснице [СД, т. 2, с. 195].

Однако *утин* в контексте медицинского ритуала имеет вербальную поддержку — и даже «двойную». Дело не только в том, что здесь «сливаются» значения *сечь* ‘болеть’ и ‘иссекать боль’, но и в том, что само слово *утин* образовано от глагола со значением рубки. М. Фасмер определяет слово утин в гнездо прасл. **tęti, *tęnq* ‘резать’ [Фасмер, т. 4, с. 66, 174]; отглагольные существительные обозначают нечто отколотое, отрубленное и т. п., ср. значения, где эта семантика наиболее ощутима: перм., вят. *ути́н* ‘узкая полоска, оторванная, отстриженная от ткани, бумаги’ [СРНГ,

1 В этом тексте, как и в некоторых других, утин «опредмечивается». По мнению А. В. Ветухова, утин может восприниматься как некое «существо», одушевляться: «Больной думает, что знахарь сечет утин (существо), и спрашивает: “Что сечешь?” — “Утин секу”» [Ветухов 1907, с. 464]. Это соответствует общей логике восприятия болезней в народном сознании (вместо человека боль символически принимает на себя особая сущность — его болезнь), но в «утинных» текстах нет той яркой антропоморфизации болезни, которая характерна, допустим, для «дискурса» оспы или лихорадки.

т. 48, с. 158], арх. утінок, утинók ‘чурка; обрубок бревна’ [КСГРС] (ср. арх. *тять* ‘рубить лес или дрова’ [Подвысоцкий, с. 176]) и др. Возможно, устаревание глагола *тять* в «общерубящем» значении влечет за собой появление в магических формулах его синонимов — *рубить*, *сечь* и проч.

Семантика режущего действия предполагает также важный образ границы (которая отделяет, «разрезает»). Поэтому слово утин ‘болезнь’ имеет гомогенный синхронный омоним *утин* в «рубежном» значении: нижегор. ‘рубеж, граница’, диал. шир. распр. ‘межа, граница земельных участков’ и ‘полоса между полями’¹ [СРНГ, т. 48, с. 157; КСГРС; ЛКТЭ и др.], ср. в качестве параллели рубеж от рубить. В практике избавления от *утина* наличие границы также оказывается важной частью ритуала: больного кладут на порог — пограничное пространство, которое у славян было важным локусом многих магических действий (в том числе направленных на изгнание болезни), см. о символике порога в [СД, т. 4, с. 173—178]. Кроме того, символика «пограничья» есть у самой поясницы, делящей туловище на две части и визуально воспринимаемой как «перехват».

Показательно, что между двумя омонимичными на синхронном уровне *утинами* (в физиолого-соматическом и ландшафтном значениях) не только существует мотивационный параллелизм, но и могут установиться вторичные сближения, которые являются народно-этимологическими и при этом имеют обоснование и продолжение в верованиях и магических практиках, ср. ленингр. *утинья косить* ‘о лечении боли в пояснице народными средствами’: Чего он идет? — Утинья косить. Секи его пуще. Топором по венуку секут [СРНГ, т. 48, с. 161]. Здесь обкашивание межи (утина) получает параллель в «сечении» поясницы.

В контексте наших рассуждений о вербальной магии, связанной с *утином*, интересен такой вариант изучаемого слова, как олон. *ути́ог* ‘боль в пояснице’ [СРНГ, т. 48, с. 224]. Здесь реализуется народно-этимологическое притяжение к слову *утиог*, с которым ассоциируется один из способов лечения, ср. олон. *ути́ожить* ‘гладить, колотить’ [Куликовский, с. 125]. Трудно с точностью сказать, как именно мотивирована эта связь: идет ли речь об *утиожении* как колочении «вообще» (безотносительно к «орудию»

1 Граница между участками или полями, как правило, представляла собой узкую и длинную полосу, поросшую нескошенной травой или мелким лесом. Эта особенность может быть связана с появлением других «ландшафтных» значений у рассматриваемого слова: новг. утін ‘узкая полоса земли в лесу’, зап. сиб. уті́на ‘длинная узкая впадина на болоте, заполненная водой’ [СРНГ, т. 48, с. 158, 159], арх. утін ‘слой грязи на прибрежной траве у озера или болота’, ‘болотистое, топкое место’ [КСГРС]. Вероятно, приобретение «болотных» значений (с утративанием компонента значения ‘узкая длинная полоса’) у слова утін и его вариантов обусловлено возможными контаминационными процессами со словом тина, а также с субстратными фонетически близкими словами типа олон. ути ‘топкое место’, для которого Фасмер выделяет этимон фин. ukki ‘лука, бочажина’ [Фасмер, т. 4, с. 174].

колочения) — или же о воздействии именно утюгом, который широко используется (и в деревне, и в городе) для «глажения» поясницы, ср., к примеру, описание одного из народных «рецептов»: «Для проведения этой процедуры понадобится обыкновенный утюг. Метод подходит для прогревания больших зон, например, спины или поясницы. На кожу кладется толстое полотенце, на него холщовая ткань, после этого по ней водят горячим утюгом около 10 минут, останавливаясь в каждой зоне хотя бы на минуту» (Бобырь М. А. Сухое тепло: что это такое, и почему оно полезно для суставов // Клиника Бобыря, spina.ru, 2020).

Интересен и показателен также текст, записанный в Вашкинском районе Вологодской области: Вот ляжет человек этот на порог <...> зарубают топором: «Болезнь отрубаю — *утинку* отрублю. Болезнь за порог — здоровье в дом». Скажу: «Что рубишь?» — «*Утин*». — «Отруби его хорошенько» [МПСД, с. 269, № 571]. Стоит предположить, что здесь проявляется внутригнездовая аттракция: *утин* (название болезни) испытывает притяжение к однокоренной лексеме вроде влг. *ути́нок* ‘обрубок бревна’ [КСГРС], ср. также арх. *ути́нок* ‘короткое бревно, чурбан’, печор. ‘обломок, осколок чего-либо’ [СРНГ, т. 48, с. 160]. Учитывая внутреннюю форму слова *утинок* («нечто отрубленное»), можно восстановить такой сценарий акта вербальной магии: с помощью топора болезнь *утин* будет «обрублена», подобно тому, как отрубается *утинок* от бревна.

Вербальная магия в «утиных» формулах проявляется еще одним способом — в рифмованных формулах, являющихся отсылками болезни. Речь идет о рифмах *утин* — *овин*, *утин* — *тын* и др. Ср.: «Может снять эту болезнь и овин. Для этого следует больному потереться обнаженной спиной о стену овина и трижды проговорить: “Овин, овин,ними с меня утин”. Иногда при этом нужно искать непременно такой овин, чтобы он был перенесен на третье место. Такое же значение в Вязниковском у. (Владимирск. г.) приобретают всякие другие постройкы, перенесенные с одного места на другое. Потирая о них ушибленное место, следует произносить: “Хоромина поставлена, поставь меня по-старому”» [Попов, 1903: 212]. Подобные вербальные формулы отмечаются довольно широко: Овин, овин, возьми мой утин и будешь стоять не один (влг.) [СРНГ, т. 48, с. 159], Бацюшко овин! Просци мой уцин! (яросл.) [ЯОС, т. 10, с. 21—22] Тын, тын, возьми свой утин (арх.) [Аникин, № 1495] etc., см. также примеры в [Валодзіна, 2009, с. 259]. Помимо рифмы, появление таких формул обусловлено представлениями о свойствах дерева (его статусе медиатора, соотношенности с человеком и способности «взять» на себя болезни; см., например: [Агапкина, 1999, с. 61, 62, 65—66]), а также характерными для народной традиции символическими связями между человеком и домом

или надворной постройкой (ср., к примеру, в [Валодзіна, 2009, с. 259]). При обращении к тыну актуализируется символика забора, «запирающего» боль, а также, по всей видимости, символика кола, составляющего тын (об этой символике см. [Березович и др., 2021, с. 20—21]).

Важно отметить, что в некоторых случаях утин может иметь собственно соматические значения: арх. утін ‘позвоночник’ [СРНГ, т. 48, с. 159; КСГРС], влг. утін ‘поясница’ [КСГРС]. Основную причину развития этих значений следует видеть в том, что боль за счет своей локализации «сливается в единое целое» с телесной областью, которую она поражает. Единение боли и части тела подкрепляется и лечебной практикой: в попытке выгнать, «выбить» боль (Утін-утін, выйди вон!) «рубят», «секут» нижнюю часть спины. Наблюдается параллелизм влг. сорва́ть утін ‘о боли в спине’ [КСГРС] и литературного сорвать спину. В некоторых контекстах употребления слова утин не представляется очевидным понять, имеет слово соматическое или «клиническое» значение: Как спина заболит сильно — ой, утін сорвала значит (арх.) [Там же]. В то же время следует отметить, что значения ‘поясница’ и ‘позвоночник’ соотносимы с этимологией слова утин: как уже было отмечено, поясница является своего рода «пограничным» местом, а позвоночник, проходящий через всю спину, представляется как узкая длинная полоса: соответствующие значения, как мы убедились, типичны для утина. Однако соматическая семантика слова утин, вероятнее всего, все же вторична и сформировалась по логике перехода ‘боль в части тела’ > ‘часть тела’¹. «Болезненные» значения слова утин превышают соматические количественно и имеют более широкую географию. Кроме того, помимо ‘боли в спине’, у слова утин фиксируются такие значения, как ‘боль от чрезмерного усилия, перегрузки организма’ (влг.), ‘болезнь суставов и мышц, сопровождающаяся острыми болями и ломотой’ (новг., влг., бурят.), ‘ушиб’ (новг.) [СРНГ, т. 48, с. 158—159]; они мотивационно соотносятся с представлениями о резком характере боли, который «прочитывается» в этимологии слова. Наконец, семантика ‘боль в пояснице’ (в отличие от соматических значений) реализуется с помощью ряда разнообразных фонетических и словообразовательных вариантов (перечень см. выше).

Таким образом, реализация «болезненных» значений обусловлена актуализацией представлений о режущем, остром характере боли. Собственно, соматические значения появляются вторично благодаря особенностям лечебной практики избавления от боли, а также, возможно, «погранично-

1 Эта модель не является типичной и распространенной. Чаще направление мотивации является обратным: ‘часть тела’ > ‘боль в части тела’, ср. упомянутое поясница ‘боль в пояснице’, а также брянск. живёт ‘болезни брюшной полости’ и середина ‘ломота в пояснице’ [Тиханов, 1904, с. 36] (ср. середина ‘поясница’).

му» символическому потенциалу этой части тела, что согласуется с этимологическим значением слова утин.

3. Чемер

Утин интересно сопоставить со сходным по значению словом *чёмёр* (варианты — *чемёр*, *чёмёрь*, *чймер*, *цймер*). Как правило, это слово номинирует болезни или болезненные ощущения, при этом его конкретные значения представлены разнообразными вариациями. Для нас важно, что так может обозначаться боль в спине — как правило, в ее нижней части: р. Урал. *чёмёр* ‘болезнь спины, позвоночника’ [Малеча, т. 4, с. 424], нижегор. *чёмёр* ‘острая поясничная боль’ [Даль, т. 4, с. 1304], тамб. *чёмёр* ‘боль в спине, пояснице’ [Блинова и др., 2020, с. 20], костр. *чёмёр* ‘состояние, при котором отнимается спина’: Чемер — это спина болит, отымается. На его раньше накидывали горшок с охлопком. В горшок бросят охлопок-от зажжённой и кувырдают. Как банки теперь ставят [ЛКТЭ].

Однако словом *чемер* называют и разнообразные болезни, связанные с брюшными органами (р. Урал *чёмёр* ‘болезнь живота, вздутие’ [Малеча, т. 4, с. 424], орл. *чёмёр* ‘болезнь живота’ [Будде, 1904, с. 143], смол. *чёмёр*, *чемерйца* ‘брюшная болезнь животных, человека’ [ССГ, т. 11, с. 99—100], костр., нижегор. *чёмёр* ‘боль в животе’ [ЛКТЭ; Даль, т. 4, с. 1304], а также головную боль (нижегор., р. Урал, байкал. *чёмёр* [Даль, т. 4, с. 1304; Малеча, т. 4, с. 424; СГРСБС, т. 8, с. 361], перм. *чемёр* ‘сильная головная боль от ненормального сна’ [СПГ, т. 2, с. 525], новг. *цймер* ‘головная боль, мигрень’ [Герасимов, 1898, с. 163].

Иногда *чемер* может характеризоваться комплексом симптомов, затрагивающих разные части тела одновременно: костр. *чёмёр* ‘боль в области живота и поясницы’ [ЛКТЭ], оренб. *чёмёрь* ‘болезнь головы и спины’ [ООС, с. 179], курск. *чёмёр* ‘болезнь людей и лошадей, которая проявляется как сильная головная боль, часто с рвотой и поносом; как резкая боль в пояснице; как спазмы’ [СКНГ, с. 325]). *Чемеру* могут быть подвержены не только люди, но и домашний скот — коровы и лошади: смол. *чёмёр*, *чемерйца* ‘брюшная болезнь животных, человека’ [ССГ, с. 11, с. 99—100], курск. *чёмёр*, смол. *чёмйрь* ‘боль в желудке у лошади’ [СОС, с. 980; Халанский, 1904, с. 376], костр. *чёмёр*, *чёмёрь* ‘боль в животе у коровы’ [ЛКТЭ], донск. *чёмёрь* ‘боли в спине у лошади’ [СРДГ, т. 3, с. 189], яросл. *чемер* ‘колики у лошади’ [ЯОС, т. 6, с. 150], орл. *чёмёр* ‘внутренние схватки у скота и человека’ [ЯКИВ, с. 45] и др. Фиксируются также глаголы со значением ‘заболеть *чемером*’: костр. *зачемерйться*, *чемерйть*, *чемерйться* [ЛКТЭ], дальнейшее развитие значения глагола отмечено в смол. *зачемерётъ* ‘устать’ [ССГ, т. 4, с. 130].

Каково «старшее» значение слова и его происхождение? «Этимологический словарь славянских языков» помещает чемер, связанный с разнообразными болезненными состояниями, в гнездо прасл. **čemerъ* / **čemera*¹, в котором, помимо обозначений болезней, выделяются названия ядовитых растений, главным образом, чемерицы (это слово, разумеется, тоже принадлежит рассматриваемому гнезду). Отмечается, что «болезненные» значения слова чемер вторичны и основаны на физиологических ощущениях [ЭССЯ, т. 4, с. 52, 53]. Показательно пенз. чемер ‘яд и боль от яда’ [Даль, т. 4, с. 1304], отражающее архаичный смысловой переход. По-видимому, от семантики, связанной с ядом и ядовитым растением, «ответвилось» значение отравления, затрагивавшего в первую очередь домашний скот. Весьма наглядна в этом отношении следующая *figura etymologica* в одном из контекстов употребления анализируемого слова: Чемерица — трава такая, кто хочешь *зачемерится* с нее. Вот теленок ножками задрыгает, говорят, *зачемерился* (костр.) [ЛКТЭ]. Подобные семантико-derivационные отношения просматриваются в словах трава и отравиться.

Таким образом, отправная точка в развитии семантики слова чемер — представление об отравлении ядовитым растением, отсюда значение ‘боль в животе’ — основной симптом отравления. В ходе дальнейшего развития *чемер* не только становится обозначением болезни людей, но и обретает семантику, связанную с иной этиологией боли и, как следствие, с другой ее локализацией. Единично зафиксированное значение ‘аппендицит’ у красноярск. чéмер [СГЦКК, т. 5, с. 102] является поздней ступенью смыслового развития и обусловлено локализацией боли (брюшная полость). Значение ‘головная боль’, по-видимому, связано с тем, что головная боль — важный симптом отравления наравне с болью в животе. Однако при дальнейшем развитии в значении может указываться иная (не связанная с отравлением) причина, ср. упомянутое перм. чeмёр ‘сильная головная боль от ненормального сна’.

Значение ‘боль в спине’ у слова чемер, как правило, связывается в народном сознании не с отравлением, а с надсадой: Корова *зачемерится*, брюхо, что ли, у ёй болит. А у человека если чемер — *надсадился* (костр.) [ЛКТЭ].

Развитие представлений о «спинных» заболеваниях в понятийной сетке слова чемер обусловлено двумя основными причинами. Первая причина ос-

1 Альтернативная версия происхождения слова чемер в связанных с болезнями значениях основана на том, что слово является тюркским заимствованием. В качестве подтверждения приводятся кирг. *чемен* ‘болезнь, хворь’, тат. *чир* ‘болезнь, недуг, хворь, недомогание, заболевание’, аз. *чэр* ‘болезнь лошади от опоя; разрыв сердца у лошади’, чув. *чир, чирчэр* ‘болезнь’. При этом конечное *р* в русском чемер объясняется притяжением к названию ядовитого растения чемерица [Шипова, 1976]. Эта версия представляется менее убедительной, чем «исконная» (и факты, изложенные в настоящей статье, дают дополнительные аргументы в пользу «исконной»).

нована на особенностях анатомического строения: область живота и область спины топографически смежны по отношению друг к другу, обе телесные области могут трактоваться как «середина» тела (ср. смол. серёдка ‘живот’, ‘поясница’ [СРНГ, т. 37, с. 303]). Вторая причина состоит в потенциальной соотносённости боли в нижней части спины и боли в животе. При надсаде поражается не только спина, но и область живота (что во многом связано с появлением грыж от перенапряжения). При описании надсады используются конструкции со словом живот, пуп: орл. живóт сорв́ать ‘надорваться’ [СРНГ, т. 40, с. 328], арх., влг., олон. пúp пáл ‘боль в желудке, пояснице от надсады’, иркут. пúp вёртит ‘об ощущении боли от чрезмерного напряжения’, олон. пúp рассу́пался, новг. пúp сдёрнуть, карел. пúp сронить, яросл., костр. пупá (с пупá, с пúпу) сорв́ать, арх., новосиб., сиб., иркут., амур., якут. пúp сорв́ать, новг. скря́кнуть пúp, свердл., перм., сиб., тобол. с пúпу сорв́ать ‘о надсаде от натуги’ [СРНГ, т. 33, с. 127], костр. с пупá сорв́ать ‘о появлении грыжи от надсады’ [ЛКТЭ]. Сам чемер в некоторых случаях трактуется как общая для спины и живота болезнь: Чемерь ступит в спину, в живот (костр.) [Там же]. О тесной связи боли в спине и боли в животе (в частности, грыж) свидетельствует то, что для обозначения боли в спине может использоваться глагол грызть и его производные (которые, как правило, применяются к грыжам): костр. чéмер грызёт ‘о надсаде’ [Там же], орл. грызь, грызень ‘ревматическая боль, ломота в костях’ [Будде, 1904, с. 118].

В народной практике лечения чемера лечебные манипуляции осуществляются (так же, как в случае с *утином*) по принципу «лечить подобное подобным»: против резкой боли применялись соответствующие методы исцеления, при этом можно выделить несколько основных вариаций. Больную чемером (страдающую отравлением) корову резко дергали за хвост или постукивали по пояснице палкой: Сорвать надо чемерь: сильно дёргали телёнка за хвост, чтоб он шшёлкнул (костр.), Чемер срывали: по хребту у хвоста колотили палкой легонько (костр.) [ЛКТЭ]. По нижней части спины (скотины или человека) также могли катать палку или рубель: Чемер катал: на корове шибко шшолкнет (костр.), Палкой катали по хребту — чемер-то выгоняли (костр.) [Там же], р. Урал Чемер рубельником выкатывают [Малеча, т. 4, с. 424]. При лечении человека также распространён способ избавления от *чемера*, который заключается в том, что кожу на пояснице натягивали щипковыми движениями, а затем резко отпускали, добиваясь хруста: Чемер — это вот когда заболит спина. Защищывали спину у человека. Рельс поднимала, надсадилась, в животе посвалилось, пощипывало. Берут руками, прищипывают — и отдирают кожу. Вот так чемер защищывали (костр.) [ЛКТЭ]. Как видим, методика лечения полностью совпадает с одним из вариантов лечения утина.

Таким образом, к *чемеру* (так же, как к *утину*) в народной медицине применяются аналогичные характеру боли резкие действия. Тот же принцип резкости манипуляций положен в основу избавления от головной боли: перм., оренб. *драть чемер* ‘сильно дергать волосы, захватывая их пучками, при головной боли (чемере)’ [СПГ, т. 1, с. 232; ООС, с. 179], оренб. *сорвать чемерь* ‘резко оттянуть кожу на голове, так чтобы послышался хруст’ [ООС, с. 179], р. Урал *скручивать чемер* ‘то же’: Голову больного кладут на порог двери, обвивают прядь волос вокруг пальца и сильно дёргают, чтоб послышалось хрустенье. Схватил, говорит, чемер, тогда его срывают. Помню, чемер часто скручивают (р. Урал) [Малеча, т. 4, с. 424]. Приведенные манипуляции закреплены в применяемых к слову *чемер* глаголах (*срывать, скручивать, драть, сощипывать / защипывать*), ср. при этом из приведенного выше контекста — пощипывать (о боли в животе), литературное сорвать спину.

Лечение чемера путем манипуляций в области поясницы или головы (в зависимости от вида болезни) служит причиной появления ряда семантических или словообразовательных производных с соматическими значениями (преимущественно относящимися к спине, реже — к области головы¹): влг. *чемероуха, чамроуха, чемеруха* ‘поясница’, арх. *чемерова* [КСГРС], р. Урал *чемер, темерчак*, р. Урал, оренб. *чемерчак*² ‘позвоночник’ [Малеча, т. 4, с. 424—425; ООС, с. 179], печор. *чемёр* ‘позвоночник’; ‘копчик’ [СРГНП, т. 2, с. 416], *чемер* ‘хребтовая кость’ [Даль, т. 4, с. 1304], колым. *чемер* ‘круп; таз’ [Богораз, 1901, с. 156], перм. *чемёр* ‘вихор’ [СРГСУ, т. 7, с. 21], вятск. *чемер* ‘макушка головы, самое темя’; ‘чуб, вихор, хохол человека, прядь волос на темени’ [Даль, т. 4, с. 1304].

Вятское слово, упомянутое последним, рассматривалось Н. И. Толстым в его замечательной работе «Чемер» (из серии «Заметки по славянской фольклорной демонологии») [Толстой, 1995]. В распоряжении Н. И. Толстого тогда

- 1 Помимо указанных значений, у рассматриваемого слова и его производных фиксируется значение ‘чирей’ (р. Урал, смол. *чемер* смол. *чемерица* ‘чирей’ [Малеча, т. 4, с. 424; ССГ, т. 11, с. 99—100]). Причину развития этого значения следует видеть в фонетическом сходстве чирей и чемер, а также, возможно, в особенностях локализации фурункулов на теле, в этом отношении показательны следующие контексты: На самом чемере чирей (колым.), [Богораз, 1901, с. 156], У нашей коровы чемерица была: на животе боли (смол.) [ССГ, т. 11, с. 99].
- 2 Слово *чемерчак* (как и его обусловленный диссимилиацией вариант *темерчак*) устойчиво номинирует, помимо позвоночника человека (или скотины), позвоночник рыбы: У сетра хрящ, у достальной рыбе чемерчак, Возле чемерчака прокалывам рыбу и солим (р. Урал) [Малеча, т. 4, с. 425]. Эти слова записаны в бассейне р. Урал — в зоне интенсивных русско-тюркских контактов. Вероятно, формант — чак имеет тюркское происхождение: в тюркских языках он обладает уменьшительно-ласкательным значением [Севортян, т. 1, с. 659]. Эти данные позволяют предполагать, что у слова *чемерчак* первичным соматическим значением является ‘позвоночник рыбы’ (маленького размера), в этом случае значение ‘позвоночник (человека или скотины)’ — вторичный экспрессив.

не было других соматических значений *чемера* и его производных, оттого его реконструкция семантических связей вятского слова выглядит особо значимой и прозорливой [Там же, с. 283—285]. Кроме того, она позволяет ввести в круг рассмотрения дополнительные семантические связи изучаемых слов, о которых мы пока не говорили.

К вятскому слову, записанному в XIX веке, в одном из источников приводился контекст У меня смотри не ругайся: я тебе надеру чемер-от, снабженный характерным пояснением: «*Чемер драть*» — значит во время головной боли рвать волосы, наворачывая их на веретено или палочку небольшими пучками так, чтобы от подергивания хрупнуло. — *Чевото голова болит, хочу чемер драть, не ликче ли будет*. Важно отметить, что эти «волосяные» значения имеют соответствия в укр. чернигов. *чемер* ‘хохол’ и черкас. *чемер*, чаще *чемери* ‘чуб, косы’ [Там же, с. 284]. Отмечая, что эти соматические значения были оставлены этимологами без внимания, Н. И. Толстой предлагает следующую семантическую цепочку: «болезнь живота (от отравления и т. п.) — болезнь вообще — болезнь головы — место на голове, где лечится болезнь головы» [Там же]. Интересно и то, что сочетание *чемер драть* (*сорвать*) имеет соответствие в русинских (украинских) говорах Закарпатья: *чемер’i ломити* ‘крепко сдавить кого-либо в объятиях так, чтобы послышался треск хрящей’ [Там же, с. 285]. Последнее выражение связывает реконструкцию Н. И. Толстого с нашей: ясно, что «пояснично-спинная» семантика имеет такую же природу, как «волосяная».

Следует объяснить, почему работа Н. И. Толстого входит в цикл его «дьявольских» статей. Дело в том, что у слова *чемер* в ряде славянских языков есть значение ‘злой дух’, которое «выступает почти исключительно в устойчивых сочетаниях-клише бранного свойства» [Там же, с. 280]. Тем самым реализуется устойчивый переход ‘болезнь’ → ‘злой дух’, который часто реализуется в формулах проклятий. Об этом переходе есть некоторая литература; среди последних работ см., в частности, [Березович и др., 2020].

Таким образом, линия, связанная с поясницей, подкрепляет «волосяную» линию — и помогает собрать воедино огромное гнездо **čemerъ* / **čemera*, лексика которого, выразительная и архаичная, «разбегается» в разные смысловые стороны, обнаруживая необходимость понять логику, по которой соединяются ботанические, соматические, физиологические и демонические значения.

4. Заключение

Слова *чемер* и *утин* в спектре своих значений и связанных с ними этнографических особенностей представляют собой чрезвычайно интересный феномен народного языка и культуры. Этимология этих слов различна, се-

мантические конфигурации гнезд не являются полностью симметричными, но обнаруживают существенные совпадения. В обоих случаях этимолого-словообразовательные гнезда включают переход ‘боль, болезненные ощущения’ → ‘часть тела, где обычно локализуются эти ощущения’ → ‘часть тела (без отсылки к болезненным ощущениям)’. Это весьма редкий переход, который специфичен для наивной картины мира, в которой концептуализация физиологических ощущений и даже соматическая категоризация могут быть производны от представлений о нагрузке на организм в ходе крестьянских работ. И *чемер*, и *утин* исцеляют по принципу «лечить подобное подобным»: наблюдается параллелизм глаголов, обозначающих, с одной стороны, резкую боль, с другой стороны, описание лечебных манипуляций. Отмечается ряд совпадений в ритуальной практике: так, и *утин*, и *чемер* могут «соципывать», также в обоих случаях (хотя в большей степени это характерно для *утина*) от болезни избавляются на пограничном месте (пороге).

В то же время в каждом из этих гнезд наблюдаются свои семантико-мотивационные особенности, обнаруживающие определенные реликты мифопоэтического сознания. В гнезде слова *утин* наблюдается разнообразно реализуемая **этимологическая магия**, причем ее действие осуществляется в двух направлениях: от производящего глагола **teti*, **tynq* к производному *утин*, а затем от него — радиально к другим словам морфо-семантического поля (*утюг*, *утин* ‘межа’, *утинок* ‘обрубок’, *овин*, *тын* etc.). Что касается гнезда слова *чемер*, то здесь интересен нетривиальный переход ботанического значения в физиологическое, далее (параллельно) в соматическое и демоническое.

Источники и принятые сокращения

1. Аникин В. П. Русские заговоры и заклинания : Материалы фольклорных экспедиций 1953—1993 гг. / В. П. Аникин. — Москва : Издательство МГУ, 1998. — 480 с.
2. Богораз В. Г. Областной словарь колымского русского наречия / В. Г. Богораз. — Санктпетербург : Типография Императорской академии наук, 1901. — 346 с.
3. Будде Е. Ф. О говорах Тульской и Орловской губерний : материалы, исследование и словарь / Е. Ф. Будде // Сборник отделения русского языка и словесности императорской академии наук. — Санкт-Петербург : Типография императорской академии наук, 1904. — Т. 76. — № 3. — С. 1—148.
4. Герасимов М. К. Материалы по народной медицине и акушерству в Череповецком уезде, Новгородской губернии / М. К. Герасимов // Живая старина. — 1898. — Выпуск 2. — С. 158—183.
5. Даль — Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. 3-е изд., испр. и значительно доп. / Под ред. проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ : В 4 т. — Санкт-Петербург ; Москва, 1903—1909.
6. КСГРС — Картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

7. Куликовский Г. И. Словарь областного олонечского наречия в его бытовом и этнографическом применении / Г. И. Куликовский. — Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии наук, 1898. — 151 с.
8. ЛКТЭ — Лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
9. Малеча Н. М. Словарь говоров уральских (яицких) казаков : в 4 т. / Н. М. Малеча. — Оренбург : Оренбургское книжное издательство, 2002—2003.
10. МПСД — *Магические практики севернорусских деревень : заговоры, обереги, лечебные ритуалы. Записи конца XX — начала XXI века : в 2 т. Вологодская коллекция / Сост. С. Б. Адоньева, А. В. Степанов <...>; под общ. ред. С. Б. Адоньевой. — Санкт-Петербург : Пропповский центр, 2020. — Т. 2. — 568 с. ISBN 978-5-9903822-9-9.*
11. НОС — Новгородский областной словарь / подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. — Санкт-Петербург : Наука, 2010. — 1435 с. — ISBN 978-5-02-025586-9.
12. ООС — Моисеев Б. А. Оренбургский областной словарь. — Оренбург : Издательство Оренбургского государственного педагогического университета, 2010. — 192 с. — ISBN 978-5-85859-477-2.
13. Подвысоцкий А. И. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении / А. И. Подвысоцкий. — Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии наук, 1885. — 198 с.
14. ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными / Б. А. Ларин и др. — Ленинград ; Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 1967. — Выпуск 1. — ISBN 5-288-00953-8.
15. СГРС — Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева, М. Э. Рут. — Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2001. — Т. 1: А—Б. — 250 с. — ISBN 5-7525-0999-8.
16. СГРСБС — *Афанасьева-Медведева Г. В.* Словарь говоров русских старожилов Байкальской Сибири : в 20 т. / Г. В. Афанасьева-Медведева. — Санкт-Петербург : Наука, 2007. — 24 см.
17. СГЦКК — Словарь говоров центральных районов Красноярского края. — Красноярск : Издательство Красноярского университета, 2003—2010. — Выпуск 1—5. — 20 см.
18. СД — Славянские древности : этнолингвистический словарь : в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. — Москва : Международные отношения, 1995—2012. — 20 см. — ISBN 5-85981-146-2.
19. СКД — *Сборник* Кириши Данилова : Издание Императорской Публичной библиотеки по рукописи, пожертвованной в Библиотеку князем М. Р. Долгоруковым / под ред. [и с предисл.] П. Н. Шеффера. — Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии наук, 1901. — XLVIII, 284 с.
20. СКНГ — Хильманович Г. И. Словарь курских народных говоров / Г. И. Хильманович. — Бирск : [б. и.], 2017. — 228 с.
21. СОГ — Словарь орловских говоров. Ярославль, 1989—1991. — Выпуск 1—4 ; Орел, 1992. — Выпуск 5.
22. СОС — Смоленский областной словарь / сост. В. Н. Добровольский. — Смоленск : Типография П. А. Силина, 1914. — 1016 с.
23. СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Герд. — Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 1994—2005. — Выпуск 1—6.

24. СРГНП — Словарь русских говоров Низовой Печоры : В 2 т. / Под ред. Л. А. Ивашко. — Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2003—2005.
25. СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала : в 7 т. / под ред. А. К. Матвеева. — Свердловск, 1964—1987.
26. СРГЮП — *Словарь русских говоров Южного Прикамья / И. А. Подюков [и др.] ; [науч. ред. И. А. Подюков] ; Министерство образования и науки Российской Федерации, ГОУ ВПО "Пермский государственный педагогический университет", Каф. общ. языкознания, Центр этнолингвистики народов Прикамья. — Пермь : Пермский государственный педагогический университет, 2010. — Выпуск 1 : (Абалтус — Кычига).*
27. СРДГ — Словарь русских донских говоров. — Ростов-на-Дону, 1975—1976. — Т. 1—3.
28. СРНГ — Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина, Ф. П. Сороколетова, С. А. Мызникова. — Москва; Ленинград : Наука, 1965. — Выпуск 1: А. — 302 с.
29. ССГ — Словарь смоленских говоров / отв. ред. Л. З. Бояринова, А. И. Иванова. — Смоленск : СГПИ/СГПУ, 1974—2005. — Выпуск 1—11. — 21 см. — ISBN 5-88018-317-3.
30. СтулГ — Словарь тульских говоров. Часть первая : А—Д / Д. А. Романов, Н. А. Красовская. — Тула : Издательство Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого, 2015. — 229 с. — ISBN 978-5-87954-951-5.
31. Тиханов П. Н. Брянский говор : заметки из области русской этнологии / П. Н. Тиханов // Сборник отделения русского языка и словесности императорской академии наук. — Санкт-Петербург : Типография императорской академии наук, 1904. — Т. 76. — № 4. — С. 1—263.
32. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. — Москва : Прогресс, 1986—1987. — 22 см.
33. Халанский М. Г. Народные говоры Курской губернии / М. Г. Халанский // Сборник отделения русского языка и словесности императорской академии наук. — Санкт-Петербург : Типография императорской академии наук, 1904. — Т. 76. — № 5. — С. 1—385.
34. Шипова Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке [Электронный ресурс] / Е. Н. Шипова ; отв. ред. А. Н. Кононов. — Алма-Ата : «Наука» КазССР, 1976. — Режим доступа : <http://liveangarsk.ru/files/commentuploads/409581/985-pr1abf2i5rh126a5229s612v9e564.pdf> (дата обращения 20.09.2021).
35. ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков : праславянский лексический фонд / отв. ред. акад. О. Н. Трубачев, А. Ф. Журавлев, Ж. Ж. Варбот. — Москва : Наука, 1974. — Выпуск 1. — 214 с.
36. ЯКИВ — Сахаров А. И. Язык крестьян Ильинской волости, Болховского уезда, Орловской губернии. — Санкт-Петербург : Типография императорской Академии Наук. 1900. — 48 с ; 24.
37. ЯОС — Ярославский областной словарь : в 10 вып. / под ред. Г. Г. Мельниченко. — Ярославль : ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1981—1991.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агапкина Т. А. Дерево / Т. А. Агапкина // Славянские древности : Этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н. И. Толстого. — Москва : Международные отношения, 1999. — Т. 2. — С. 60—67.

2. Агапкина Т. А. Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении : Сюжетика и образ мира / Т. А. Агапкина. — Москва : «Индрик», 2010. — 824 с. — ISBN 978-5-91674-091-2.
3. Березович Е. Л. Лексика, обозначающая поясницу и поясничную боль в русских говорах : общий обзор / Е. Л. Березович, М. О. Леонтьева // Научный диалог. — 2021. — № 6. — С. 9—28. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-6-9-28.
4. Березович Е. Л. Наименования нечистой силы в русских проклятиях / Е. Л. Березович, О. Д. Сурикова // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2020. — № 67. — С. 5—27. — DOI: 10.31168/7996-2700-3.12/.
5. Блинова Е. Ю. «Чемер» в мифологических представлениях и медицинской практике тамбовских крестьян / Е. Ю. Блинова, Д. Н. Лоскутова // Живая старина. — 2020. — № 4. — С. 19—23.
6. Валодзіна Т. В. Цела чалавека : слова, міф, рытуал / Т. В. Валодзіна. — Мінск : Тэхналогія, 2009. — 431 с.
7. Ветухов А. В. Заговоры, заклинания, обереги и другие виды народного врачевания, основанные на вере в силу слова (Из истории мысли) / А. В. Ветухов. — Варшава : Типография Варшавского учебного округа, 1907. — Выпуск I—II.
8. Виноградов Г. С. Самоврачевание и скотолечение у русского старожилото населения Сибири : (Материалы по народной медицине и ветеринарии). Восточная Сибирь, Тулуновская волость, Нижнеудинский уезд, Иркутская губерния / Г. С. Виноградов // Живая старина. Год XXIV. — 1915. — Выпуск IV. Пг. — С. 325—432.
9. Минх А. Н. Народные обычаи, обряды, суеверия и предрассудки крестьян Саратовской губернии / А. Н. Минх // Зап. РГО по Отд-нию этнографии. — 1890. — Т. 19. — Выпуск 2. — С. 1—152.
10. Попов Г. И. Русская народно-бытовая медицина. По материалам Этнографического бюро князя В. Н. Тенишева / Г. И. Попов. — Санкт-Петербург : Типография А. С. Суворина, 1903. — VIII, 404 с.
11. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков : общетюркские и межтюркские основы на гласные / Э. В. Севортян. — Москва : Наука, 1974. — 27 см.
12. Терехова В. С. О двух народно-медицинских терминах (усовь 'колотье в кишках' и утин 'боль в пояснице') / В. С. Терехова // Юбилейная научно-методическая конференция Северо-Западного зонального объединения кафедр русского языка. Программа и кратк. содержание докладов. 27 января — 1 февраля 1969. — Ленинград : Ленинградский государственный педагогический институт им. А. И. Герцена, 1969. — С. 242—245.
13. Толстой Н. И. Откуда дьяволы разные? 4. Чемер / Н. И. Толстой // Язык и народная культура : Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / РАН. Ин-т славяноведения и балканистики ; Сост. С. М. Толстая. — Москва : Индрик, 1995. — С. 280—288. — ISBN 5-85759-015-9.

MATERIAL RESOURCES

- A Dictionary of the dialects of the Russian North, 1: A—B.* (2001). Ekaterinburg: Publishing house of Ural University. 250 p. ISBN 5-7525-0999-8. (In Russ.).
- Afanasieva-Medvedeva, G. V. (2007). *Dictionary of Russian dialects of the old-timers Baikal Siberia: In 20 volumes.* Saint Petersburg: Nauka. (In Russ.).
- Anikin, V. P. (1998). *Russian conspiracies and spells: Materials of folklore expeditions 1953—1993.* Moscow: Publishing House of Moscow State University. 480 p. (In Russ.).

- Bogoraz, V. G. (1901). *Regional dictionary of the Kolyma Russian dialect*. Saint Petersburg: Printing house of the Imperial Academy of Sciences. 346 p. (In Russ.).
- Budde, E. F. (1904). On the dialects of Tula and Orel provinces: materials, research and dictionary. In: *Collection of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences*, 76 (3). St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences. 1—148. (In Russ.).
- Card index of the Dictionary of Dialects of the Russian North (Department of Russian Language, General Linguistics and Speech Communication UrFU, Yekaterinburg)*. (In Russ.).
- Dictionary of dialects of the central districts of the Krasnoyarsk Territory*, 1—5. (2003—2010). Krasnoyarsk: Krasniarsk University Publishing House. 20 cm. (In Russ.).
- Dictionary of Orel dialects*, 1—4, 5. (1989—1991, 1992). Yaroslavl. (In Russ.).
- Dictionary of Russian dialects of Karelia and adjacent regions*, 1—6. (1994—2005). St. Petersburg: St. Petersburg University Publishing House. (In Russ.).
- Dictionary of Russian dialects of the Lower Pechora: In 2 volumes*. (2003—2005). St. Petersburg: Faculty of Philology of St. Petersburg State University. (In Russ.).
- Dictionary of Russian dialects of the Middle Urals: in 7 volumes*. (1964—1987). Sverdlovsk. (In Russ.).
- Dictionary of Russian dialects of the Southern Kama region. Ministry of Education and Science of the Russian Federation, Perm State Pedagogical University, Kaf. Linguistics, the Center of Ethnolinguistics of the peoples of the Kama region*, 1: (*Abaltus — Kychiga*). (2010). Perm: Perm State Pedagogical University. (In Russ.).
- Dictionary of Russian Don dialects*, 1—3. (1975—1976). Rostov-on-Don. (In Russ.).
- Dictionary of Russian folk dialects*, 1: A. (1965). Moscow; Leningrad: Nauka. 302 p. (In Russ.).
- Dictionary of Smolensk dialects*, 1—11. (1974—2005). Smolensk: SGPI/SGPU. 21 cm. ISBN 5-88018-317-3. (In Russ.).
- Dictionary of Tula dialects. Part one: A-D*. (2015). Tula: Publishing House of the Tula State Pedagogical University named after L. N. Tolstoy. 229 p. ISBN 978-5-87954-951-5. (In Russ.).
- Etymological dictionary of Slavic languages: Proto-Slavic lexical fund*, 1. (1974). Moscow: Nauka. 214 p. (In Russ.).
- Explanatory Dictionary of the living Great Russian language by Vladimir Dal. Russian Russian Dialects 3rd ed., ispr. and significantly additional: In 4 volumes*. (1903—1909). St. Petersburg; Moscow. (In Russ.).
- Fasmer, M. (1986—1987). *Etymological dictionary of the Russian language: in 4 volumes*. Moscow: Progress. 22 cm. (In Russ.).
- Gerasimov, M. K. (1898). Materials on folk medicine and obstetrics in Cherepovets district, Novgorod province. *Zhivaya starina*, 2: 158—183. (In Russ.).
- Hilmanovich, G. I. (2017). *Dictionary of Kursk folk dialects*. Birk: [b. i.]. 228 p. (In Russ.).
- Khalansky, M. G. (1904). *Folk dialects of Kursk province. Collection of the Department of Russian language and Literature of the Imperial Academy of Sciences*, 76 (5). Saint Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences. 1—385. (In Russ.).
- Kirsha Danilov's Collection: Publication of the Imperial Public Library based on a manuscript donated to the Library by Prince M. R. Dolgorukov*. (1901). St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences. XLVIII, 284 p. (In Russ.).
- Kulikovskiy, G. I. (1898). *Dictionary of the regional Olonets dialect in its everyday and ethnographic application*. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences. 151 p. (In Russ.).

Lexical card file of the Toponymic expedition of the Ural Federal University (Department of Russian Language, General Linguistics and Speech Communication of UrFU, Yekaterinburg). (In Russ.).

Magical practices of Northern Russian villages: spells, charms, healing rituals. Records of the end of the XX — beginning of the XXI century: in 2 volumes, 2. Vologda collection. (2020). Saint Petersburg: Proppovsky Center. 568 p. ISBN 978-5-9903822-9-9. (In Russ.).

Malecha, N. M. (2002—2003). *Dictionary of dialects of Ural (Yaitsky) Cossacks: In 4 volumes.* Orenburg: Orenburg Book Publishing House. (In Russ.).

Moiseev, B. A. (2010). *Orenburg regional dictionary.* Orenburg: Publishing House of Orenburg State Pedagogical University. 192 p. ISBN 978-5-85859-477-2. (In Russ.).

Novgorod Regional Dictionary. (2010). Saint Petersburg: Nauka. 1435 p. ISBN 978-5-02-025586-9. (In Russ.).

Podvysotsky, A. I. (1885). *Dictionary of the regional Arkhangelsk dialect in its everyday and ethnographic application.* St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences. 198 p. (In Russ.).

Pskov regional dictionary with historical data, 1. (1967). Leningrad; St. Petersburg: St. Petersburg University Press. ISBN 5-288-00953-8. (In Russ.).

Sakharov, A. I. (1900). *The language of the peasants of Ilyinsky volost, Bolkhovsky uyezd, Oryol province.* St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences. 48 s; 24. (In Russ.).

Shipova, E. N. (1976). *Dictionary of Turkisms in the Russian language. Alma-Ata: "Science" of the Kazakh SSR.* Available at: <http://liveangarsk.ru/files/commentuploads/409581/985-p1abf2i5rh126a5229s612v9e564.pdf> (accessed 20.09.2021). (In Russ.).

Slavic antiquities: an ethnolinguistic dictionary: In 5 volumes. (1995—2012). Moscow: International Relations. 20 cm. ISBN 5-85981-146-2. (In Russ.).

Smolensk regional dictionary. (1914). Smolensk: Printing house of P. A. Silin. 1016 p. (In Russ.).

Tikhanov, P. N. (1904). Bryansk dialect: Russian Russian Ethnology Notes. In: *Collection of the Department of Russian Language and Literature of the Imperial Academy of Sciences*, 76 (4): 1—263. (In Russ.).

Yaroslavl Regional Dictionary: in 10 issues. (1981—1991). Yaroslavl: K. D. Ushinsky YAG-PI. (In Russ.).

REFERENCES

Agapkina, T. A. (1999). Tree. In: *Slavic antiquities: An Ethnolinguistic dictionary, 2.* Moscow: International Relations. 60—67. (In Russ.).

Agapkina, T. A. (2010). *East Slavic healing conspiracies in comparative coverage: Plot and image of the world.* Moscow: "Indrik". 824 p. ISBN 978-5-91674-091-2. (In Russ.).

Berezovich, E. L., Leontieva, M. A. (2021). Vocabulary for Lower Back and Lumbar Pain in Russian Dialects: an Overview. *Nauchnyi dialog*, 6: 9—28. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-6-9-28>. (In Russ.).

Berezovich, E. L., Surikova, O. D. (2020). The names of evil spirits in Russian curses. *Bulletin of Tomsk State University. Philology*, 67: 5—27. DOI: 10.31168/7996-2700-3.12/. (In Russ.).

- Blinova, E. Yu., Loskutova, D. N. (2020). “Chemer” in mythological representations and medical practice of Tambov peasants. *Zhivaya starina*, 4: 19—23. (In Russ.).
- Valodzina, T.V. (2009). *The human body: words, myth, ritual*. Minsk: Technology. 431 p. (In Belar.).
- Minkh, A. N. (1890). Folk customs, rituals, superstitions and prejudices of the peasants of the Saratov province. *Zap. RGO on the Department of Ethnography*, 19 (2): 1—152. (In Russ.).
- Popov, G. I. (1903). *Russian folk medicine. Based on the materials of the Ethnographic Bureau of Prince V. N. Tenishev*. St. Petersburg: A. S. Suvorin Printing House. 404 p. (In Russ.).
- Servortyan, E. V. (1974). *Etymological dictionary of Turkic languages: common Turkic and inter-Turkic bases on vowels*. Moscow: Nauka. 27 cm. (In Russ.).
- Terekhova, V. S. (1969). About two folk medical terms (usov ‘stabbing in the intestines’ and utin ‘lower back pain’). In: *Jubilee scientific and methodological conference of the North-Western Zonal Association of Russian Language departments. Program and brief. The content of the reports. January 27 — February 1, 1969*. Leningrad: Leningrad State Pedagogical Institute named after A. I. Herzen. 242—245. (In Russ.).
- Tolstoy, N. I. (1995). From where devils are different? 4. Chemer. In: *Language and folk culture: Essays on Slavic mythology and ethnolinguistics / RAS. Institute of Slavic Studies and Balkanistics*. Moscow: Indrik. 280—288. ISBN 5-85759-015-9. (In Russ.).
- Vetukhov, A. V. (1907). *Conspiracies, spells, amulets and other types of folk healing based on faith in the power of the word (From the history of thought), I—II*. Warsaw: Printing House of the Warsaw School District. (In Russ.).
- Vinogradov, G. S. (1915). Self-healing and animal treatment in the Russian old-lived population of Siberia: (Materials on folk medicine and veterinary medicine). Eastern Siberia, Tulunovskaya volost, Nizheudinsky uyezd, Irkutsk province. *Zhivaya starina*, IV: 325—432. (In Russ.).

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Кунщикова М. О. Метаязыковая активность креатора языковой игры в диалогах искусственных билингов / М. О. Кунщикова // Научный диалог. — 2021. — № 12. — С. 71—88. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-71-88.

Kunshchikova, M. O. (2021). Metalinguistic Activity of Wordplay Creator in Classroom Biligual Dialogs. *Nauchnyi dialog*, 12: 71-88. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-71-88. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-71-88

Метаязыковая активность креатора языковой игры в диалогах искусственных билингов

Кунщикова Марина Олеговна

orcid.org/0000-0002-0499-9312

аспирант кафедры русского языка,
общего

языкознания и речевой коммуникации,
Уральский гуманитарный институт
marinakunshchikova@gmail.com

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

Metalinguistic Activity of Wordplay Creator in Classroom Bilingual Dialogs

Marina O. Kunshchikova

orcid.org/0000-0002-0499-9312

Post-graduate researcher
of the Department of the Russian, general
linguistics and speech communication,
Ural humanitarian institute
marinakunshchikova@gmail.com

Ural Federal University
named after the First President
of Russia B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

© Кунщикова М. О., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается феномен языковой игры в диалогах искусственных билингвов с высоким уровнем владения английским языком, практикующих этот иностранный язык то в аудиторных условиях, то в условиях реальной коммуникации. Подчеркивается, что диалоги вокруг фактов языковой игры становятся локусом метаязыковых высказываний участников речевого акта. Цель данной статьи — выявление метаязыковых высказываний креатора языковой игры, открывающих доступ к его метаязыковому сознанию через выявление его речевых стратегий. Новизна исследования в том, что языковая игра рассматривается в речи на иностранном языке и приравнивается к явлению метаязыкового порядка. Автор вводит понятие нормемы как узальной языковой единицы изучаемого языка, оказывающейся триггером создания неузальных игрем. Отмечается, что креатор языковой игры прибегает как к чисто формальной, так и к содержательной языковой игре, а создаваемые им игремы функционируют как социально направленные на конкретного адресата. Приводится подробная систематизация метаязыковых комментариев креатора, сопровождающих ввод игрем, а именно — собственно лингвистических и комментариев коммуникативного толка, что демонстрирует метаязыковую логику построения речевого акта.

Ключевые слова:

языковая игра; игрема; нормема; креатор языковой игры; метаязыковая рефлексия; искусственный билингвизм; билингвальный диалог.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article introduces the reader to the phenomenon of wordplay in the dialogues of classroom bilinguals with a high level of the English proficiency, who practice this foreign language either in classroom environment, or in real communication. It is emphasized that the dialogues around the facts of wordplay become the locus of metalinguistic utterances of the participants in this speech act. The purpose of this article is to identify the metalanguage utterances of the wordplay creator which open access to the creator's metalanguage consciousness through the identification of his speech strategies. The novelty of the research is that a foreign language speech is used as the wordplay source, and the wordplay is equated with the phenomenon of the metalanguage nature. The author presents the concept of normema as a standard language unit of the target foreign language, which turns out to be a trigger for the creation of non-standard language units or igremas. It is noted that the wordplay creator uses both the purely formal and meaningful wordplay, and the non-standard language units created by him function as socially directed at a specific addressee. A detailed systematization of the creator's metalanguage comments accompanying the wordplay input is given, namely, the linguistic and communicative comments, which demonstrates the metalanguage logic of constructing a speech act.

Key words:

wordplay; igrema; normema; wordplay creator; metalinguistic reflection; classroom bilingualism; bilingual dialog.

Метаязыковая активность креатора языковой игры в диалогах искусственных билингвов

© Кунщикова М. О., 2021

1. Введение

Под языковой игрой мы признаем осознанное отклонение говорящего от языкового узуса, или «особую форму лингвокреативного мышления, основанную на способности говорящего к актуализации и переключению (ломке) ассоциативных стереотипов порождения, восприятия, употребления языковых знаков при использовании лингвистических операциональных механизмов» [Гридина, 1996, с. 192]. Традиционно прием языковой игры в речи носителей языка освещается достаточно подробно [Витгенштейн, 1958; Булыгина и др., 1997; Гридина, 1996, 2008; Земская и др., 1983; Норман, 1987; Санников, 2002], хотя такого же исследовательского внимания заслуживает и реализация языковой игры в речи иностранцев или искусственных билингвов.

Феномен искусственного билингвизма понимается как изучение иностранного языка под руководством преподавателя в специально смоделированных учебных условиях [Верещагин, 1969; Вайнрайх, 1972; Розенцвейг, 1972; Щерба, 1974; Жлуктенко, 1974; Вишневская, 1997; Черничкина, 2007; Абрамова и др., 2011]. Мы полагаем, что современный процесс изучения иностранного языка предполагает попеременную смену двух состояний, когда изучающий этот язык находится то в рамках контроля языкового узуса со стороны преподавателя, то в режиме свободной профессиональной и дружеской коммуникации на изучаемом языке. В первом случае можно говорить о максимально включенной рефлексии относительно норм и правил изучаемого языка, во втором — о готовности к эксперименту и терпимости по отношению к ошибкам и искажениям формы.

Прогресс в овладении иностранным языком приводит к активизации рефлексии и появлению метаязыковых высказываний в речи билингвов на иностранном языке.

Локусом сосредоточения этих высказываний в дискурсе становятся проявления языковой игры, когда билингвы, «играя» формой и содержанием доступных им языковых единиц, рефлексиируют в диалогах эвристического характера [Crystal, 1998]. Такая речевая ситуация, в свою очередь, активизирует метаязыковое сознание (МЯС) билингвов, находящее свое отражение в метатекстах вокруг фактов языковой игры.

Явление метаязыкового сознания особенно подробно изучено на примере обыденной речи [Арутюнова, 1987, 1988, 2006; Блинова, 2007; Ростова, 2000]. Согласно А. Н. Ростовой, жанрообразующими признаками метатекстов являются особый образ коммуникантов, тематическая приуроченность, а также структурно-композиционные особенности метатекстов [Ростова, 2000, с. 56].

2. Игровые диалоги искусственных билингвов как объект исследования

В статье представлены игровые диалоги искусственных билингвов, реализующие коммуникативные стратегии креатора языковой игры, который обеспечивает не только ввод языковой игры в коммуникацию, но и, в отдельных случаях, вербализацию логики своего игрового усилия, а также механизмов приема языковой игры. Цель данной статьи — выявить и систематизировать метаязыковые комментарии креаторов языковой игры, которые открывают доступ к их метаязыковому сознанию и речевым стратегиям.

Материал исследования составил записи 428 игровых диалогов на английском языке. Участники этих игровых диалогов — представители трех сообществ: студенты кафедры германской филологии Уральского федерального университета, преподаватели английского языка, проходящие обучение для получения сертификата CELTA, а также участники международной программы обмена Фулбрайт, находящиеся на обучении в университетах США. Английский язык для всех респондентов является иностранным, а их родные языки — русский, татарский, азербайджанский, узбекский, испанский, португальский, арабский, турецкий, японский, зулу, бирманский и кхмерский языки. Уровень владения английским языком у всех респондентов официально подтвержден различными языковыми экзаменами и оценен как B2 или C1. За речью респондентов велось наблюдение с целью выявить игры в их речи.

А. Н. Ростова полагает, что «для живого, непринужденного общения метакоммуникация — явление довольно редкое» [Ростова, 2000, с. 57]. Материал собранных игровых сюжетов речи искусственных билингвов показывает, что метакоммуникативная языковая игра встречается как в ситуации языковых занятий, так и в ситуации повседневного общения билингвов. Однако билингвы-креаторы чаще применяют прием языковой игры именно в непринужденной коммуникации.

3. Нормема и играма: ключевые термины и понятия исследования

Первичным стимулом для активизации метаязыкового сознания билингва-креатора языковой игры становится **нормема** как узуальная язы-

ковая единица фонетического, морфологического или лексического уровня изучаемого языка, которая обладает шлейфом ассоциаций различного рода, позволяющих билингву осуществлять игровые трансформации ткани иностранного языка в виде **игрем** (термин Т. А. Гридиной), *то есть* окказиональных и специально созданных языковых единиц.

Креаторами языковой игры в рамках собранных игровых диалогов искусственных билингвов становились как студенты языковых специальностей, так и студенты / исследователи неязыковых специальностей. В том и другом случае билингвы осознанно создают такие условия, при которых игра привлекает внимание адресата языковой игры, используя графическое выделение или кавычки в письменном общении (в переписках в мессенджерах в Интернете или учебных эссе), а также особое интонационное выделение (паузирование или акцентирование с помощью более громкого / четкого произношения).

Приведем фрагмент из переписки в чате относительно фотографии, на которой изображены газета Нью-Йорк Таймз и ягоды:

ИБ¹: *A **b-e-r-r-y** New Yorkish picture!* <Я-г-о-д-н-а-я нью-йоркская фотография!>

НЯ: *Berry true!* <Ягодно верно!>.

Далее при представлении примеров из игровых диалогов билингвов используются сокращения: ИБ для обозначения искусственного билингва, изучающего английский язык как иностранный и неродной, НЯ для представления носителя английского языка, который для него является родным, а также МЗ для отсылки к мотивирующему значению.

Искусственный билингв прибегает к графическому выделению с использованием дефисов после каждой буквы игремы *b-e-r-r-y* «ягода», созданной на основе нормы *very* «очень». Собеседник-носитель языка подтверждает факт распознавания игремы и отвечает той же игремой, но уже без графического выделения.

Еще пример:

ИБ¹: *Got admitted in Columbia University.* <Меня приняли в университет Колумбия.>

ИБ²: *ConGRADs!* <Поздравляю.>

На основании двух норм *congrats* «поздравления / поздравляю» и *graduate* «студент (магистратуры)», воспользовавшись графическим выделением корня *-grad-*, искусственный билингв создает игрему *conGRADs*, которую можно истолковать как «поздравляю с поступлением в магистратуру».

Другим способом привлечения внимания к игре оказывается употребление соответствующей нормы. Например:

ИБ: *These guys are **self-propelled** because they often have to look for the projects by themselves and really '**self-focused**' since their self-knowledge*

is the guarantee for the quality job search. <Эти ребята сами себя продвигают (МЗ: самодвижущиеся), поскольку они часто вынуждены самостоятельно искать проекты и по-настоящему самосфокусированные, ибо знание себя — гарант качественного поиска работы.>

Ввод креатором-билингвом в диалог игровых окказиональных языковых единиц представляет для него риск, поскольку игры в речи на иностранном языке могут вызывать как отрицательную, так и положительную реакцию со стороны собеседников креатора языковой игры. Отрицательная реакция чаще всего наблюдается со стороны профессионального искусственного билингва (например, преподавателя английского языка, для которого он неродной) или носителя английского языка, для которого это родной язык, в связи с их большей установкой на соответствие высказывания узусу.

В игровых диалогах с участием только искусственных билингвов вне учебных языковых занятий и без участия носителей английского языка **редким явлением** оказывается критика осознанно создаваемых лингво-креативных окказионализмов. В таких случаях билингвы проявляют еще большую свободу при создании игрем в своей речи на иностранном языке.

В любом случае создаваемая билингвом игра производится ради того нового содержания, которое фиксируется в ней и важно для текущей коммуникации.

Приведем пример из переписки двух искусственных билингвов:

ИБ¹: *What's your name? Say it again please.* <Как тебя зовут? Скажи снова, пожалуйста.>

ИБ²: *I'm **Winer**.* <Я Винер.>

ИБ¹: ***Winer**, you are a real **WINNER**. You can win any game.* <Винер, ты настоящий победитель. Ты можешь выиграть любую игру.>

ИБ²: *All medals and cups are mine.* <Все медали и кубки мои.>

ИБ¹: *Any game is worth the shot for you.* <Для тебя любая игра стоит того, чтобы в нее сыграть.>

Имя *Winer* (нормема) интерпретировано креатором как **WINNER** «победитель» и снабжено комментарием: *You can **win** any game* (Ты можешь выиграть любую игру). Такая интерпретация имени приходится по душе второму билингву, и он продолжает развивать тему победы, комментируя *All medals and cups are mine* (Все медали и кубки мои), что, в свою очередь, вызывает дополнительную реакцию креатора в виде реплики: *Any game is worth the shot for you* (Для тебя любая игра стоит того, чтобы в нее сыграть).

Также игровые диалоги нередко создаются билингвами ради общего веселья, языкового эксперимента и поддержания контакта. При этом создание игры может носить формальный характер.

В следующем примере представлена реализация игры именно тако-го плана:

ИБ¹: *Leon Trotsky thinks you're hotsky*. <Лев Троцкий думает, что ты горяч.> (комментарий к фотографии второго билингва из спортивного зала)

ИБ²: *The dictionary was lost. Lol*. <Словарь потерялся. Очень смешно.>

Искусственный билингв создал игру *hotsky* в рифму к норме *Trotsky*, однако содержательная связь оказалась затемнена для собеседника, что подтверждается его комментарием о «потерянном словаре».

Если креатор снабжает игру метаязыковыми комментариями, показывающими, какие именно семы были активированы, то адресат языковой игры обычно не только признает игровое усилие собеседника, но и расширяет пространство диалога дополнительными смысловыми комментариями. Если же языковая игра создается формально, то общение часто сводится к отрицательной реакции собеседника.

Игры, конструируемые искусственным билингвом в ходе общения на иностранном языке, функционируют как «социально направленные» языковые единицы, адресованные конкретному собеседнику. Они не существуют как потенциально возможные единицы для речевой коммуникации, а создаются в процессе речевого акта, хотя и являются лишь потенциально возможными в узусе изучаемого языка. Создается впечатление, что это происходит под влиянием англо-саксонской традиции создания **каламбуров** и обязательно следующего после этого акта разгадывания его собеседниками. Часто во время аудиторных занятий по английскому языку эта лингвокреативная традиция становится темой для изучения, поэтому вполне вероятно, что в реальной коммуникации билингвы-креаторы отражают такую игровую речевую привычку креаторов-носителей языка, но результат билингвальной языковой игры выходит за пределы каламбура в чистом виде, поскольку игры билингвов чаще всего оказываются воплощением нового содержания, свидетелями которого билингвы оказываются в реальной коммуникации на иностранном языке.

4. Метаязыковые комментарии креатора языковой игры

Важным аспектом исследования является анализ предложенных билингвами метаязыковых комментариев, отражающих собственно языковые и коммуникативные стратегии субъекта языковой игры.

Креатор-билингв демонстрирует два типа метаязыковых комментариев: комментарии с отсылкой к лингвистической информации и комментарии с отсылкой к коммуникативным процессам речевого акта.

Сначала рассмотрим собственно лингвистические метаязыковые комментарии. Креатор языковой игры, как уже говорилось выше, идет на ком-

муникативные риски, создавая окказиональные языковые единицы в ходе общения на иностранном языке, поскольку находится между двумя желаниями — желанием презентовать продукт своего языкового творчества, произведенный на основе умения создавать необычные конфигурации языковых форм и смыслов за счет отклонения от узуса иностранного языка, и желанием одновременно показать знание этого узуса, чтобы у собеседника не создавалось ощущения лингвистической некомпетентности билингва-креатора языковой игры. Поэтому первой метаязыковой стратегией креатора языковой игры становится непосредственный ввод нормы, который может реализовываться в двух вариациях: ввод нормы без идентификации, а также ввод нормы с идентификацией (приведением ее значения).

С одной стороны, в билингвальный диалог могут быть одновременно введены и играема, и норма без каких-либо дополнительных толкований.

Например:

ИБ¹: *That's a horse of a different colour.* <Это другая вещь (МЗ: это лошадь другого цвета).>

ИБ²: *That's a fox of a different colour.* <Это лиса другого цвета.>

ИБ³: *That's a wolf of a different colour.* <Это волк другого цвета.>

ИБ^{2,3}: *Very funny.* <Очень смешно.>

ИБ¹: *You are neat animal pun masters.* <Вы аккуратные мастера животных каламбуров.>

Другая иллюстрация:

ИБ¹: *How old are you? How young are you?* <Сколько тебе лет? (МЗ: насколько ты старый?) Насколько ты молодой?>

ИБ²: *Very punny!* <Очень каламбурно.>

С другой стороны, ввод нормы может связан с разъяснением ее значения (идентификацией) в самой ткани диалога билингвов. Например:

ИБ¹: *There is one more idiom with beef. That's 'to beef up' meaning 'to improve'. I would say 'beef up my salad'.* <Существует еще одна идиома со словом «говядина». Это выражение 'to beef up' в значении «улучшать» (МЗ: говядина вверх). Я бы сказала: «Говядина вверх мой салат».>

ИБ²: *A Muslim person would say 'Pork away my salad'. A Russian would say, 'Chicken up my salad'.* <Мусульманин бы сказал «свинина прочь мой салат». Русский бы сказал «курица вверх мой салат».>

ИБ¹: *Any nationality can contribute to this English creativity.* <Любая национальность может внести вклад в эту английскую креативность.>

Креатор-билингв проговаривает, что использует норму *to beef up*, и сразу сообщает ее значение.

Вторая метаязыковая стратегия креатора языковой игры связана с вводом игры без идентификации (прямого толкования) или с идентификацией (указанием ее значения).

При вводе игры без идентификации могут наблюдаться разные случаи.

(1) Значение игры становится доступным собеседнику благодаря непосредственному соседству с нормой в рамках игрового речевого акта:

ИБ¹: *Look at the cats lying together on the sofa. Such a **brotherhood**.* <Посмотри на кошек, лежащих на диване. Какое братство!>

ИБ²: *Such a **cathood**!* <Какое котство («братство кошек»)!>;

(2) Значение игры становится доступным собеседнику благодаря указанию на семантические отношения, связывающие норму и игру:

ИБ¹: *Every **Friday** is **anti-Monday**.* <Каждая пятница — анти-понедельник.>

ИБ²: *How come?* <Как так?>

ИБ¹: *Actually, **Monday** is an **antihero** who makes you work hard, and **Friday** is a hero who can help you relax. I am not sure that I make my fun message clear.* <На самом деле понедельник — антигерой, который заставляет тебя работать усердно, а пятница — герой, который помогает тебе расслабиться. Я не уверен, что сделал свое смешное послание понятным.>

ИБ²: *It's ok. I see the difference and the antonym.* <Ок, я вижу разницу и антоним.>

ИБ²: *It's a little confusing since Friday is a hero, and Monday is an antihero. Oh never mind! Such a **brainteaser**. I give up myself.* <Это немного запутанно, поскольку пятница — герой, а понедельник — антигерой. Проехали! Такая головломка. Я сам сдаюсь.>

Вводимая игра «anti-Monday» / «анти-понедельник» подробно комментируется с опорой на семантические отношения «герой-антигерой». При этом семантическое толкование образа антигероя как того, кто «заставляет работать», а героя — как того, кто «помогает расслабиться», нельзя признать типичным, поэтому, несмотря на заверения собеседника, что игра понятна, креатор чувствует неудовлетворенность. Характерно, что адресат, пытаясь убедить креатора, что игра «принята», апеллирует не к семантике, а к формальным отношениям («вижу разницу и антоним») — то есть «понимаю, что пятница противопоставлена понедельнику»).

(3) Значение игры становится доступным собеседнику благодаря графическому (в письменной коммуникации) или интонационному (в устной коммуникации) выделению игре.

Например, в фрагменте из студенческого эссе норма *woman* «женщина» одновременно становится игрой за счет графического выделения элемента MAN («мужчина») в ее составе:

ИБ: *Jane Eyre as a woMAN had a strong personality being a woman and a man simultaneously.* <Джейн Эйр как женщина-мужчина имела сильную личность, будучи женщиной и мужчиной одновременно.>

(4) Значение игры становится доступным собеседнику благодаря созданию ряда игр, в рамках которого, в зависимости от замысла креатора, может также проявляться смысловая коннотативная иерархия.

Например, креатор представляет две игры *abercrombing* «процесс покупок в магазине Abercrombie & Fitch» и *holistering* «процесс покупок в магазине Holister», вполне понятные собеседнику:

ИБ¹: *Abercrombing and holistering are crazy! Too expensive!* <Аберокромбинг и холистеринг сумасшедшие. Слишком дорого!>

ИБ²: *Reframe this process. It's not shopping, it's getting the exposure to the culture and getting the cultural artifact.* <Сделай переосмысление этого процесса. Это не шопинг, а получение доступа к культуре и культурным артефактам.>

В следующем примере переписки в чате видим не только употребление двух игр, но и попытку их градации по интенсивности обсуждаемого признака «владения навыком»:

ИБ¹: *Skating is **not my cup of tea**.* <Коньки не мой конек (МЗ: не моя чашка чая).>

ИБ²: *It can be your **cup of coffee** if you master your skill and make it higher.* <Это может быть твоей чашкой кофе, если ты будешь оттачивать навык и делать его выше.>

ИБ¹: *I guess you refer to the assumption that coffee is stronger than tea. Your logic is not scientifically proven. It can be **my cup of smoothie** because I usually fall down and melt the ice.* <Я думаю, что ты ссылаешься на предположение, что кофе крепче, чем чай. Твоя логика не доказана научно. Это может быть и моей кружкой смузи, поскольку я падаю и топлю лед.>

ИБ²: *We are linguistically weird.* <Мы лингвистически странны.>

ИБ¹: *What's happening here is so linguistically beautiful and juicy.* <То, что здесь происходит, лингвистически красиво и сочно.>

Игра может быть введена билингом в высказывание одновременно с ее толкованием (идентификацией), см. ниже.

(5) Значение игры становится доступным собеседнику благодаря непосредственному приведению толкований:

ИБ: *They gave us a **heads-up** and we gave them a **heads-down**. I mean we didn't understand a thing.* <Они ввели нас в курс дела (МЗ: они дали нам

головы-вверх), а мы дали им головы-вниз. Я имею в виду, что мы ничего не поняли.>

НЯ: *You're kinda free with mixing the words up.* <Ты словно бы свободно смешиваешь слова.>

В этом примере ввод игремы «*we gave them a heads-down*» («мы дали им головы-вниз») сопровождается толкованием, объявленным посредством конструкции «*I mean*» («Я имею в виду»).

В следующем примере игреме *your little Apple* («твое маленькое яблоко») предпослано толкование «*your hometown*» («твой родной город»):

ИБ¹: *Are you back to the Big Apple?* <Ты вернулся в Нью-Йорк (МЗ: Большое яблоко).>

ИБ²: *Yes.* <Да.>

ИБ¹: *Remember your hometown. Appreciate your little Apple.* <Помни свой родной город. Цени свое маленькое яблоко.>

(6) Значение игремы становится доступным собеседнику благодаря акцентированию мотивирующего признака, закладываемого в план содержания игремы:

— СЕМЫ ИНТЕНСИВНОСТИ:

НЯ: *Dig through the article.* <Внимательно читай статью. (МЗ: Копай вглубь статьи).>

ИБ¹: *I'll dig through the gold.* <Буду копать вглубь золота.>

НЯ: *Precisely, haha, and dig through silver, and platinum.* <Точно, ха-ха, копай вглубь серебра и платины.>

ИБ¹: *The whole house of precious metals. Me saying this and thinking I'm hilarious.* <Целый дом драгоценных металлов. Говорю это — и думаю, что у меня отличное чувство юмора.>

В диалоге развивается скрипт ситуации «копать что-либо», подразумевающей процесс копания «пространства / емкости / полости, наполненных чем-либо и открывающихся внутрь при погружении в них». Происходит нарушение сочетаемости в рамках нормы «*dig through something*» / «копать вглубь чего-либо», и предлагается играма «*dig through the gold*» / «копать вглубь золота», подменяющая процесс копания вглубь некоего пространства его результатом (золотом), что подрывает не только сочетаемость слов в указанной узальной языковой единице, но и традиционную логику. Очевидно, что креатор языковой игры перешел путем буквального прочтения из изначально широкого скрипта ситуации «копать что-либо» в значении «исследовать что-либо» в образ «копать землю, чтобы найти в ней драгоценные металлы». Этот образный переход позволил ему осуществить замену по линии «*article* > *gold*» / «статья > золото», что, в свою очередь, привело к следующей, уже активирующей сему интенсивности, линии трансформаций до

«article > gold> silver > platinum» / «статья > золото > серебро > платина» и получению игры «dig through silver, and platinum» / «копай вглубь серебра и платины» уже в речи носителя языка, что, безусловно, представляет наивысшую игровую ценность и большую удачу для креатора-искусственного билингва. Новый игровой образ «копать землю в поиске драгоценных металлов» лег в основу данной реализации приема языковой игры и был поддержан финальным комментарием креатора первой игры в ответ на игру носителя языка, отразившим и поддерживавшим новый метафорический образ поиска драгоценных металлов: «the whole house of precious metals» / «целый дом драгоценных металлов»;

— СЕМЫ ОЦЕНКИ:

В следующем разговоре искусственных билингвов оценочность при переходе от нормы к игре проявляется не только в выборе прилагательных *funny, weird, scary, bad, nice* («смешные, странные, пугающие, плохие, хорошие»), но и через сопутствующий оценочный метаязыковой комментарий «That one was gross» («Эта шутка не самая приятная»):

ИБ¹: *There're always skeletons in the wardrobe when you get to know people closer.* <Всегда есть скелеты в шкафу, когда ты узнаешь людей ближе.>

ИБ²: *Yes, there're always skeletons and their funny, weird, scary, bad, nice bones.* <Да, всегда есть скелеты и их смешные, странные, пугающие, плохие, хорошие кости.>

ИБ¹: *That one was gross!* <Эта шутка не самая приятная.>

ИБ²: *Of course, fasten your belts, Xray bones and get ready for funny, weird, scary, bad, nice people's stories.* <Конечно, пристегивай ремни, сканируй кости и приготовься к смешным, странным, пугающим, плохим, хорошим историям людей.>

— СЕМЫ ОБРАЗНОСТИ:

В приведенном ниже диалоге акцентируется образ света при буквальном прочтении используемой нормативной идиомы, и переход *bright > dark* («яркий» > «темный») сопровождается комментарием «*since it reveals too much*» («поскольку она обнаруживает слишком много»):

ИБ: *Look on the bright side. Never look on the dark side since it reveals too much.* <Мысли позитивно (МЗ: смотри на яркую сторону). Никогда не смотри на темную сторону, поскольку она обнаруживает слишком много.>

НЯ: *Too philosophical.* <Слишком философски.>

Третьей метаязыковой стратегией креатора языковой игры в речи на изучаемом иностранном языке становится комментирование процесса коммуникации в отношении введенной игрем(ы).

В частности, такие комментарии:

1. СОЖАЛЕНИЕ О КОНТРОЛЕ ЗА ИГРОВЫМ ПОВЕДЕНИЕМ:

ИБ¹: *Oh I see you're a big fan of the Quaker Oats. You're such a cereal killer!* <Я вижу, что ты большой фанат каши фирмы «Quaker Oats» (Овес квакеров). Ты настоящий убийца блюд из круп.>

ИБ²: *Oh stop it! You're killing me!* <Прекрати это! Ты меня убиваешь этим!>

ИБ¹: *Oh don't call the pun police. What's more, not only you should have that skill of killing.* <Только не звони в полицию каламбуров. И потом не только тебе следует владеть навыком убийства.>

Адресат языковой игры отрицательно реагирует на вводимую игру и просит прекратить ее. Креатор-биллинг не принимает такого контроля за своим лингвокреативным поведением, отмечая «*Oh don't call the pun police*» / «Только не звони в полицию каламбуров».

2. УКАЗАНИЕ ФУНКЦИИ ИГРЕМЫ:

НЯ: *Beauty is in the eye of the beholder.* <Красота в глазах смотрящего.>

ИБ¹: *Everything is in the eye of the beholder. In general, all the aspects of human life depend on the perspective.* <Все в глазах смотрящего. В целом все аспекты человеческой жизни зависят от точки зрения.>

ИБ²: *You're being poetic. The pun is weak though.* <Ты необычным образом поэтичен. А каламбур при этом слаб.>

ИБ¹: *Just kidding.* <Просто шучу.>

В этой ситуации идиомы-нормема «*beauty is in the eye of the beholder*» («красота в глазах смотрящего») была преобразована в игру «*everything is in the eye of the beholder*» («все в глазах смотрящего»), что сразу же получило оценку со стороны собеседника, причем в негативном ключе: «*the pun is weak though*» («каламбур при этом слаб»).

3. ВЫРАЖЕНИЕ РАДОСТИ КРЕАТОРА В ОТВЕТ НА «СЧИТЫВАНИЕ» АДРЕСАТОМ ЕГО ИГРЕМЫ:

ИБ¹: *Design management is a true desire management.* <Дизайн-менеджмент — настоящий менеджмент желаний.>

ИБ²: *True that! It's based on your client's desires.* <Точно! Он основывается на желаниях клиента.>

ИБ¹: *You got me!* <Ты понял меня!>.

В рамках данной переписки искусственных биллингов игровая логика первого биллинга по преобразованию нормемы *design management* («дизайн-менеджмент») в игру *desire management* («менеджмент желаний») считана вторым биллингом, что вызывает эмоциональную реакцию креатора: «*You got me!*» («Ты понял меня!»).

4. ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА БИЛИНГВОМ СОБСТВЕННОЙ КРЕАТИВНОСТИ:

ИБ¹: *This conference is such a great coffereence. They serve awesome coffee.* <Эта конференция — такая замечательная коференция. Они подают невероятный кофе.>

ИБ²: *A real lattterence, and cappucinerence. People may have already heard the puns of this nature but new coinages always add to the pun.* <Настоящая латтеренция и капучиноренция. Люди уже могли слышать каламбуры подобного рода, но неологизмы всегда вносят свой вклад к такому каламбуру.>

ИБ¹: *A good oldie never kills anyone.* <Хорошая старая шутка никогда никого не убивала.>

ИБ³: *It's so relatable.* <Так понимаю.>

Собеседник не только создает ответную цепочку игрем в ответ на игрему *coffereence* креатора, но и комментирует создание этой игровой цепочки, находясь в метапозиции по отношению к собственному языковому творчеству и признавая силу дополнительных комментариев по отношению к уже сказанному каламбуру.

5. ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА БИЛИНГВОМ СОБСТВЕННОЙ КРЕАТИВНОСТИ:

ИБ¹: *I'm pyramiding right now.* <Я сейчас пирамидничаю.>

ИБ²: *I beg your pardon. Shed some creative light on your English words.* <Я прошу твоего прощения. Пролей немного креативного света на твои английские слова.>

ИБ¹: *My English is exclusive. Only I understand my jokes.* <Мой английский исключает других людей. Только я понимаю мои шутки.>

ИБ²: *Wait, you can make it inclusive with extra details directing listener's attention.* <Подожди, ты можешь сделать, чтобы он включал других людей с помощью дополнительных деталей, направляющих внимание слушателя.>

ИБ¹: *Forget it!* <Забудь!>

Креатор сначала отмечает, что его английский язык и игрема на этом языке понятна только ему самому, а в ответ на просьбу собеседника объяснить ее значение предлагает больше об этом не говорить.

5. Выводы

Если объединить три базовых метаязыковых стратегии креатора языковой игры, то можно увидеть, что все они сводятся к одной крупной метазадаче, а именно к созданию условий для лучшего считывания игремы собеседником и вербализации содержательной связи нормы и создаваемой на ее основе игремы.

Выделенные метаязыковые стратегии креатора-субъекта языковой игры также ярко демонстрируют, что тематически игремы в речи билингва

на иностранном языке посвящены либо собственно языковым процессам, либо особенностям речевой коммуникации в широком смысле этого слова.

Объединение всех метаязыковых стратегий креатора позволяет увидеть общую структурно-композиционную картину особенностей введения приема языковой игры креатором-билингвом в реальную коммуникацию.

1. Метаязыковые комментарии относительно собственно лингвистической информации:

1.1. ввод нормы в диалог:

1.1.1. ввод нормы без идентификации (без прямого приведения ее значения)

1.1.2. ввод нормы с идентификацией (с приведением ее значения);

1.2. ввод игры в диалог:

1.2.1. ввод игры без идентификации (без прямого приведения ее значения):

— благодаря непосредственному соседству с нормой в рамках игрового речевого акта;

— благодаря указанию на семантические отношения, связывающие норму и игру;

— благодаря графическому (в письменной коммуникации) или интонационному (в устной коммуникации) выделению игры;

— благодаря созданию ряда игр, в рамках которого, в зависимости от замысла креатора, может также проявляться смысловая коннотативная иерархия;

1.2.2. ввод игры с идентификацией (с приведением ее значения):

— благодаря непосредственному приведению толкований;

— благодаря акцентированию мотивирующего признака, закладываемого в план содержания игры (смысл интенсивности, оценки и образности).

2. Метаязыковое комментирование процесса коммуникации в отношении введенной игры(ы):

— сожаление о контроле за игровым поведением;

— указание функции игры;

— выражение радости креатора в ответ на «считывание» адресатом его игры;

— положительная оценка билингвом собственной креативности;

— отрицательная оценка билингвом собственной креативности.

Структура диалогов с использованием языковой игры как формы рефлексии искусственных билингвов обладает тремя частями — зачин, ядро и периферия в виде возможных метаязыковых комментариев.

В зачине осуществляется ввод нормы, который сигнализирует появление новой темы. Затем происходит ввод игры, выступающей как

свидетельство включения игрового режима трансформации языкового материала и путем метода остранения деавтоматизирующей восприятие адресата языковой игры.

Как только адресат языковой игры оказывается вовлеченным в процесс разгадывания игры, предложенной его вниманию билингвом-креатором, происходит вербализация ядра игрового речевого акта билингвов с помощью разнообразных метаязыковых комментариев. При этом все комментарии, касающиеся непосредственно логики создания игрем, можно отнести к ядру такого речевого акта, а комментарии, связанные с особенностями коммуникации билингвов в широком смысле, — к периферии этого речевого акта.

Также отметим, что вербализованная рефлексия относительно игрем в речи на иностранном языке, пусть и спорадически присутствующая в речи билингвов, часто оказывается прекрасным источником данных о метаязыковом сознании билингва, позволяющих прояснить, как происходит освоение иностранного языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамова И. Е.* Искусственный билингвизм : проблемы и решения / И. Е. Абрамова, А. В. Ананьина. — Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2011. — 219 с. — ISBN 978-5-8021-1234-2.
2. Арутюнова Н. Д. Аномалии и язык / Н. Д. Арутюнова // Вопросы языкознания. — 1987. — № 3. — С. 3—19.
3. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений : Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова. — Москва : Наука, 1988. — 341 с. — ISBN 5-02-010870-7.
4. Арутюнова Н. Д. Виды игровых действий / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка : Концептуальные поля игры. — Москва : Индрик, 2006. — С. 5—16. — ISBN 5-85759-368-9.
5. Блинова О. И. Мотивология и ее аспекты / О. И. Блинова. — Томск : Издательство Томского университета, 2007. — 394 с. — ISBN 5-7511-1941-X.
6. Булыгина Т. В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. — Москва : Школа «Языки русской культуры», 1997. — 576 с. — ISBN 5-88766-051-1.
7. *Вайнрайх У.* Одноязычие и многоязычие / У. Вайнрайх // Новое в лингвистике. — Москва : Прогресс, 1972. — Выпуск VI : Языковые контакты. — С. 25—60.
8. Верещагин Е. М. Психологическая и методологическая характеристика двуязычия (билингвизма) / Е. М. Верещагин. — Москва : МГУ, 1969. — 160 с.
9. Витгенштейн Л. Логико-философский аспект / Л. Витгенштейн. — Москва : Наука, 1958. — 133 с.
10. Вишневская Г. М. Билингвизм и его аспекты : учебное пособие / Г. М. Вишневская. — Иваново : ИвГУ, 1997. — 99 с. — ISBN 5-230-01739-2.
11. *Гридина Т. А.* Языковая игра : стереотип и творчество / Т. А. Гридина. — Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 1996. — 214 с. — ISBN 5-7186-0102-X.

12. Гридина Т. А. Языковая игра в художественном тексте / Т. Н. Гридина. — Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2008. — 165 с. — ISBN 978-5-7186-0554-9.
13. Жлуктенко Ю. А. Лингвистические аспекты двуязычия / Ю. О. Жлуктенко. — Киев : Вища Школа, 1974. — 175 с.
14. Земская Е. А. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексикология. Жест / Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. — Москва : Наука, 1983. — 404 с.
15. Норман Б. Ю. Язык : знакомый незнакомец / Б. Ю. Норман. — Минск : Вышэйшая школа, 1987. — 222 с.
16. Розенцвейг В. Ю. Основные вопросы теории языковых контактов / В. Ю. Розенцвейг // Новое в лингвистике. — Москва : Прогресс, 1972. — Выпуск 6. — С. 5—27.
17. Ростова А. Н. Метатекст как форма экспликации метаязыкового сознания (На материале рус. говоров Сибири) / А. Н. Ростова. — Томск : Издательство Томского университета, 2000. — 194 с. — ISBN 5-7511-1192-3.
18. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. — Изд. 2-е, испр. и доп. — Москва : Языки славянской культуры, 2002. — 552 с. — ISBN 5-94457-037-7.
19. Черничкина И. К. Искусственный билингвизм : лингвистический статус и характеристики : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.02.19 / И. К. Черничкина. — Волгоград, 2007. — 30 с.
20. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность / Л. В. Щерба. — Ленинград : Наука, 1974. — 428 с.
21. Crystal D. *Language Play : Language* / D. Crystal. — London : Penguin Books, 1998. — 248 p. — ISBN 0140273859.

REFERENCES

- Abramova, I. E., Ananyina, A. V. (2011). *Artificial bilingualism: problems and solutions*. Petrozavodsk: PetrSU Publishing House. 219 p. ISBN 978-5-8021-1234-2. (In Russ.).
- Arutyunova, N. D. (1987). Anomalies and language. *Questions of linguistics*, 3: 3—19. (In Russ.).
- Arutyunova, N. D. (1988). *Types of linguistic meanings: Evaluation. Event. Fact*. Moscow: Nauka. 341 p. ISBN 5-02-010870-7. (In Russ.).
- Arutyunova, N. D. (2006). Types of game actions. In: *Logical analysis of language: Conceptual fields of the game*. Moscow: Indrik. 5—16. ISBN 5-85759-368-9. (In Russ.).
- Blinova, O. I. (2007). *Motivology and its aspects*. Tomsk: Tomsk University Publishing House. 394 p. ISBN 5-7511-1941-H. (In Russ.).
- Bulygina, T. V., Shmelev, A. D. (1997). *Linguistic conceptualization of the world (based on the material of Russian grammar)*. Moscow: School "Languages of Russian Culture". 576 p. ISBN 5-88766-051-1. (In Russ.).
- Chernichkina, I. K. (2007). *Artificial bilingualism: linguistic status and characteristics. Abstract of Doct. Diss.* Volgograd. 30 p. (In Russ.).
- Crystal, D. (1998). *Language Play: Language*. London: Penguin Books. 248 p. ISBN 0140273859.
- Gridina, T. A. (1996). *Language game: stereotype and creativity*. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. 214 p. ISBN 5-7186-0102-X. (In Russ.).

- Gridina, T. A. (2008). *Language game in a literary text*. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. 165 p. ISBN 978-5-7186-0554-9. (In Russ.).
- Norman, B. Y. (1987). *Language: a familiar stranger*. Minsk: Higher School. 222 p. (In Russ.).
- Rosenzweig, V. Yu. (1972). Basic questions of the theory of language contacts. *New in linguistics*, 6. Moscow: Progress. 5—27. (In Russ.).
- Rostova, A. N. (2000). *Metatext as a form of explication of metalanguage consciousness (Based on the material of Russian dialects of Siberia)*. Tomsk: Tomsk University Press. 194 p. ISBN 5-7511-1192-3. (In Russ.).
- Sannikov, V. Z. (2002). *The Russian language in the mirror of the language game*. Moscow: Languages of Slavic culture. 552 p. ISBN 5-94457-037-7. (In Russ.).
- Shcherba, L. V. (1974). *Language system and speech activity*. Leningrad: Nauka. 428 p. (In Russ.).
- Vereshchagin, E. M. (1969). *Psychological and methodological characteristics of bilingualism (bilingualism)*. Moscow: Moscow State University. 160 p. (In Russ.).
- Vishnevskaya, G. M. (1997). *Bilingualism and its aspects: a textbook*. Ivanovo: IvSU. 99 p. ISBN 5-230-01739-2. (In Russ.).
- Weinreich, U. (1972). Monolingualism and multilingualism. In: *New in linguistics, VI: Language contacts*. Moscow: Progress. 25—60. (In Russ.).
- Wittgenstein, L. (1958). *Logical and philosophical aspect*. Moscow: Nauka. 133 p. (In Russ.).
- Zemskaya, E. A., Kitaygorodskaya, M. V., Rozanova, N. N. (1983). *Russian colloquial speech. Phonetics. Morphology. Lexicology. Gesture*. Moscow: Nauka. 404 p. (In Russ.).
- Zhuktenko, Yu. A. (1974). *Linguistic aspects of bilingualism*. Kiev: Vishchaya Shkola. 175 p. (In Russ.).

Леонтьева Т. В. Идентичность как организующая идея новой лексики и фразеологии / Т. В. Леонтьева, А. В. Щетинина // Научный диалог. — 2021. — № 12. — С. 89—105. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-89-105.

Leontyeva, T. V., Shchetinina, A. V. (2021). Identity as an Organizing Idea of New Vocabulary and Phraseology. *Nauchnyi dialog*, 12: 89-105. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-89-105. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-89-105

Идентичность как организующая идея новой лексики и фразеологии

Леонтьева Татьяна Валерьевна
orcid.org/0000-0002-7213-1582
доктор филологических наук, доцент
заведующий кафедрой языков
массовых коммуникаций
t.v.leontieva@urfu.ru

Щетинина Анна Викторовна
orcid.org/0000-0002-9085-8697
кандидат филологических наук,
доцент
кафедра языков
массовых коммуникаций
anna-73.schetinina@yandex.ru

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России
Б. Н. Ельцина»
(Екатеринбург, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено при финансовой
поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках
научного проекта № 21-011-31221
«Эволюция самоидентификации
молодежи в эпоху мультикризисности:
данные языка и дискурса»

Identity as an Organizing Idea of New Vocabulary and Phraseology

Tatyana V. Leontyeva
orcid.org/0000-0002-7213-1582
Doctor of Philology, Associate Professor,
Head of the Department
of Mass Communication Languages
t.v.leontieva@urfu.ru

Anna V. Shchetinina
orcid.org/0000-0002-9085-8697
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Mass
Communication Languages
anna-73.schetinina@yandex.ru

Ural Federal University
named after the first President
of Russia B. N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)

Acknowledgments:
The reported study was funded
by RFBR and EISR,
project number 21-011-31221
“Evolution of youth self-identification
in the era of multicrisis:
language and discourse”

© Леонтьева Т. В., Щетинина А.В., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Лексика и фразеология рассматриваются с позиций воплощения в них идеи идентичности. Актуальность исследования обусловлена необходимостью оценки динамики словарного состава языка. Показано, что идея идентичности вербализуется в номинациях человека по принадлежности к определенному социальному сообществу, имеющему профессионально-статусную, поколенческую, сословную и иные характеристики. Замечено, что новые фразеологизмы появляются в языке открытыми группами. Новизна исследования заключается в выявлении новых фразеогрупп, которые частично или полностью могут быть подвергнуты лексикографированию. Отмечается, что сетевое общение многократно усилило внимание к словам группа, сообщество и идее публично репрезентируемой идентичности. Показано, что аналитический настрой современных СМИ обусловил ориентацию на рефлексию и конструирование экспертных оценок в виде ярких, запоминающихся идиом *креативный класс, диванные бойцы* и др. Интенсификация процессов языковой игры показана на примере выражений со словом воротнички, релизующими цветовой код (белые, золотые, платиновые воротнички и др.). Утверждается, что Интернет предоставил возможности для демонстрации множачихся идентичностей. «Четвертой словесной волной» (после бандитской, профессиональной, гламурной) предлагается считать молодежную, формирующуюся в интернет-коммуникации и выражающую стремление этой возрастной категории познать себя, свои ценности и место в мире.

Ключевые слова:

фразеологизмы; фразеогруппа; неология; семантика; лексикография; идентичность; ценности.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The vocabulary and phraseology are considered from the standpoint of embodying the idea of identity in them. The relevance of the study is due to the need to assess the dynamics of the vocabulary of the language. It is shown that the idea of identity is verbalized in the nominations of a person according to belonging to a certain social community, which has professional status, generational, class and other characteristics. It is noticed that new phraseological units appear in the language in open groups. The novelty of the research lies in the identification of new phraseological groups, which can be partially or completely subject to lexicography. It is noted that online communication has greatly increased attention to the words *group, community* and the idea of a publicly represented identity. It is shown that the analytical attitude of modern media has led to an orientation towards reflection and the construction of expert assessments in the form of bright, memorable idioms, the creative class, sofa fighters, etc. The intensification of the processes of the language game is shown by the example of expressions with the word *collars*, releasing a color code (*white, gold, platinum collars, etc.*). The Internet is said to have provided opportunities to show multiplying identities. The “fourth wave of words” (after the gangster, professional, glamorous) is proposed to be considered the youth, which is formed in Internet communication and expresses the desire of this age category (youth) to know themselves, their values, belonging, purpose and place in the world.

Key words:

phraseological units; phraseogroup; neology; semantics; lexicography; identity; values.

Идентичность как организующая идея новой лексики и фразеологии

© Леонтьева Т. В., Щетинина А. В., 2021

1. Введение

Анализ лексики и фразеологии нескольких последних десятилетий выявляет интереснейший факт: они сконцентрированы на идее идентичности, представляющей собой «социопсихологический феномен, содержание которого составляет как осознание индивидом общности с группой, так и осознание группой своего единства, психологическое переживание этой общности, а также индивидуальные и коллективные формы её манифестации» [Озюменко и др., 2019, с. 88]. Место человека или явления в ряду прочих качественно маркируют комплексы однословных и составных номинаций (ванильки, ванильные барышни — представители одной из множества молодежных групп, поколение снежинок — звено среди прочих разновидностей поколений и др.).

«Вливания» слов и выражений целыми группами особенно привлекают внимание лингвистов ввиду неординарности ситуации: «Слова появляются по отдельности, группами, а иногда очень большими группами. Последнее — самое интересное, поскольку речь в этом случае идет о значительном изменении среды, о некоей волне изменений, накрывающей наше общество. Можно отметить по крайней мере несколько таких больших волн новых слов и значений, возникших на рубеже веков, а возможно, продолжающихся и дальше. После перестройки мы пережили минимум три словесных волны: бандитскую, профессиональную и гламурную, а в действительности прожили три важнейших одноименных периода, три, если хотите, моды, разглядеть которые позволяет наш родной язык» [Кронгауз, 2010, с. 69].

Воплощению в языке и дискурсе идеи идентичности в разных аспектах посвящены работы лингвистов, обращавшихся к тем сферам жизни человека, с которыми он каким-либо образом связывает себя. Так, Р. Лакофф изучает названия гастрономических предпочтений человека («человек то, что он ест»), репрезентируемые в меню словами и выражениями, которые «сейчас находятся в общем пользовании у всех, кто претендует на гастрономическую культуру» [Лакофф, 2012, с. 147]. Исследователь отмечает, что предпочтения в еде и ее приготовлении относятся к аспектам «*факкультативной идентичности личности*» среди других ее маркеров, таких как «музыкальные вкусы, стиль одежды» [Там же, с. 141]. Жаргоны (со-

циолекты) сообществ геймеров, «анимешников», «винишек», хипстеров, сноубордистов, садоводов, спортсменов, наркоманов и других социальных групп исследуются в качестве «инструмента» взаимодействия участников сообщества и в то же время как маркеры включенности языковой личности в группу по интересам или иным критериям [Воронцова и др., 2018; Герд, 2016; Елистратов, 2010; Клименко, 2021; Крылова, 2019; Маштакова, 2018; Харченко, 2017 и др.]. Предметом языковедческого анализа становится лингвокультурная идентичность, репрезентируемая посредством различных дискурсивных практик, при этом особое внимание привлекает групповая идентичность: социальная, культурная, национальная; изучаются культурно-специфичные слова, которые маркируют идентичность через репрезентацию ценностей культуры [Карасик, 2005; Красных, 2007; Леонтович, 2017; Савченко, 2010; Шмелев, 2005 и др.].

Материалом для нашего исследования послужили новые коллокации, так или иначе выражающие семантику идентичности, появившиеся или актуализировавшиеся в русском языке в XXI веке. Часть из них имеют свойства фразеологизмов или приближаются к единицам этого статуса. Цель работы — выявить и описать особенности вхождения в систему русского языка устойчивых выражений с семантикой принадлежности к сообществу (сообщество здесь понимается в широком смысле как любая группа людей, идентифицируемая на основе общих интересов или иных признаков). Мы исходим из посылки, что осмысление себя и самопрезентация проявляются в идентификации с определенной группой: «Личностная идентичность не может сложиться вне человеческого сообщества, ибо она предполагает отождествление себя с другими и анализ себя на фоне других» [Леонтович, 2017, с. 252].

2. Номинации со значением принадлежности к группе

На основе наблюдения над фразеологией можно констатировать появление групп фразеологизмов (условно назовем их фразеогруппами) в результате производства конструкций с общим словом-компонентом наподобие деривации с центром в виде корневой морфемы, хотя направление и последовательность «ветвления» установить невозможно. Например, выражения ванильная барышня, ванильная девушка, ванильная принцесса, ванильный парень, ванильный стиль, ванильный образ, ванильное настроение, ванильная субкультура, ванильный клуб, ванильное сообщество, ванильные грезы образуют своего рода «гнездо», или фразеологическое множество, на основе совпадения в них одного компонента, в данном случае атрибутива.

По-видимому, потенциал идиомы как «сборной конструкции» более всего пригоден для того, чтобы распределить между ее компонентами

«фразеобразовательные» функции. Один компонент неизменно воспроизводится во всех ФЕ как основной содержательный интегральный маркер (ванильный) и обеспечивает «родство» всех членов фразеогруппы, а другой компонент в составе каждого оборота фиксирует переменные данные и выполняет роль дифференциального элемента внутри группы, поскольку называет реалию, атрибутируемый объект действительности.

Спектр этих переменных элементов, фиксирующих в приведенном примере предметный денотат, может быть широким, разнообразным (девушка, принцесса, парень, стиль, грезы и т. д.) и способен расширяться до пределов, устанавливаемых семантической сочетаемостью интегрального маркера, который, однако, весьма лоялен к своему лексическому окружению — вероятно, в силу своей изначальной метафоричности. В данном случае ограничительную функцию исправно выполняет не метафора, а сема соотнесенности с субкультурой (так как ванильный значит ‘принадлежащий к одной из молодежных субкультур’).

Ответы на вопрос о том, что может быть / считаться ванильным, отсылающий именно к установлению набора дифференциальных компонентов внутри фразеогруппы, фактически выявляют денотативный каркас фразеогруппы: эти слова вербализуют представления об одном фрагменте действительности, в данном случае таком, который ограничен вариантом идентичности (девушка, принцесса, парень, группа, дети, стиль). Путем такого отбора мы получаем конгломерат слов, которые служат названиями предметов, действий, людей, явлений, свойств, образующих лимитированную группу объектов действительности, соотносительную со словом-интегралом. Этот фрагмент действительности не обладает ситуационной (сюжетной) непрерывностью. Наоборот, знаки групповой идентичности дискретны, они обнаруживаются в одежде, аксессуарах и прочей атрибутике — в сущности, любая субкультура ориентирована на то, чтобы выделиться и быть заметной, и ее носители демонстративно приверженны к специфичной одежде, обуви, макияжу и проч.: Все больше ванильный стиль набирает свою популярность, появляется много девушек, которые называют себя «ванилками» (Стиль «ваниль» для девушек // Modnaya.org) [AA]. Поэтому наряду с существованием устойчивых оборотов вроде ванильный стиль закономерно появление в высказываниях такой сочетаемости с обозначениями предметов, которая утрированно преобразует идею идентичности людей в идею «идентичности вещей»: Также девушка-ванильки постоянно в кого-то влюблены или ждут своего волшебного принца, сидя на подоконнике, затягиваясь ванильной сигаретой и попивая ванильный кофе (Ванильный пост // gibalych.ru. 2012); В нашем магазине **ванильные футболки** не только для милых дам, в последнее время появился спрос на такие вещи лиц противоположного

пола (Футболки ванильки, ванильные майки // Твой-Принт, tvoy-print.ru) [АА]. Фразеологический ряд может разрабатываться и пополняться за счет вовлечения обозначений любых атрибутов.

Как можно заметить по приведенным примерам, существенной чертой идиоматики вообще и новой фразеологии, в частности, является многочленность фразеологического ряда, состав которого постоянно пополняется, например: поколение X, *поколение Y*, *поколение Z*, *поколение некст*, *поколение цифровых* иммигрантов, поколение миллениалов, поколение Питера Пэна, поколение зумеров, поколение цифровых аборигенов, сетевое поколение, молчаливое поколение, потерянное поколение, поколение снежинок.

Исследование коллокаций, появившихся в XXI веке или ставших актуальными в этот период, многие из которых приобрели или имеют шансы приобрести устойчивый характер фразеологизмов, позволило выявить несколько групп выражений со значением социальной идентичности людей в соответствии с родом занятий (*вежливые люди*), со статусом в профессиональной среде (*белые воротнички*), отнесенностью к определенному общественному слою (*креативный класс*), ролью в обществе (*лидер мнения*), образом жизни и манерой поведения (*ванильная девушка*), поколенческой принадлежностью (поколение снежинок), интересами (*компьютерные гики*). Далее рассмотрим группы новых фразеологизмов, значения которых маркируют принадлежность людей к определенным социальным стратам, профессии, роду занятий.

3. Номинации со значением профессионально-статусной идентичности и принадлежности к социальному слою

Выражение *социальный класс* выступает обобщающей идиомой для целого ряда составных двухсловных (и не только) единиц. Организованную фразеологическую подгруппу составляют достаточно давно функционирующие в языке номинации высший класс, средний класс, низший класс: Осталось выяснить совсем немного: есть ли в России средний класс — хотя бы старый, но лучше новый, в белых воротничках (Средний класс произрастает на поле Образования // «Знание-сила», 2013) [НКРЯ] и др.

Фразеогруппа с ключевым компонентом *воротничок* вербализует сегмент профессиональной сферы, связанный со статусом работника, который маркируется цветом одежды или ее части. В русском языке в XXI веке получили широкое распространение выражения *белые воротнички* и *синие воротнички*, которые являются кальками с английских номинаций, функционировавших в западной лингвокультуре еще в XX веке (*white-collar* ‘relating to work in an office or in a job that needs special knowledge and education = относящийся к офисной работе или умственному труду’, *blue-*

collar ‘a blue-collar worker does physical work, especially in a factory = рабочий’ [CD]), актуализировались в русском языке в последние десятилетия. Они зафиксированы в словаре «Русская фразеология»: *белые воротнички* ‘публ. нов. о людях, занимающихся нефизическим трудом — служащих, чиновниках и т. п. (обычно о служащих в капиталистических странах, преимущественно в США)’ и *синие воротнички* ‘публ. нов. о промышленных рабочих в капиталистических странах’ [Бирих и др., 2007, с. 123]. Эти коллокации, сконструированные на основе метонимического переноса, используются в текстах СМИ преимущественно в грамматической форме множественного числа, используются как в кавычках, так и без них, имеют достаточно высокие количественные показатели словоупотребительности (вхождения в контексты Национального корпуса русского языка — около 500 единиц, встречаемость в текстах СМИ, например, в изданиях «Коммерсантъ» также порядка 500 упоминаний), фиксируются в словаре в статусе устойчивых выражений: *Таким образом, совокупное количество уволенных может достигнуть 60 тыс. человек — такого массового сокращения британские «белые воротнички» еще не знали* (Е. Басманов. Нет работы для банкира // РБК Daily, 2009.10.06) [НКРЯ]; *Впрочем, хотя экономика в целом выиграла, в проигрыше оказались британские «синие воротнички»*. «*Столкнувшись с конкуренцией со стороны восточноевропейцев, они стали голосовать за UKIP, выступающую за выход Британии из Евросоюза. Именно рабочие, в основном в депрессивных городах на севере и в центре Англии, стали обвинять новых мигрантов в своих экономических проблемах, а также в снижении доступности общественных услуг — школ, здравоохранения, общественного транспорта и так далее* (Н. Федотовский. «Брекзит»: по тормозам // «Эксперт», 2016) [Там же].

При этом выражения, называющие изначально реалии западной культуры, в XXI веке стали маркерами принадлежности российского работника к какой-либо группе, объединяющей людей с соответствующим профессиональным статусом: *Московское правительство прогнозирует непростую осень на рынке труда. Пострадают в первую очередь белые воротнички. Для столичного рынка труда у чиновников есть два прогноза — оптимистичный и пессимистичный* (Е. Староверова. Ни играть, ни торговать // Труд-7, 2009.09.16) [Там же]; *«Синие воротнички» оказались в дефиците на рынке труда, особенно в Москве. По данным сервиса «VK Работа», из-за этого зарплаты продавцов, администраторов, курьеров и грузчиков выросли на 25—35 %* («Синие воротнички» подорожали на треть // Коммерсантъ FM. 18.05.2021) [АА].

В то же время у обоих фразеологизмов «на русской почве» появилась дополнительная семантика, контексты показывают нечеткость семанти-

ческих границ: белые воротнички уже не просто офисные работники, а те, кто представляет собой средний класс, в том числе это могут быть и администраторы, которые в последнем, приведенном выше примере зачислены в группу «синих воротничков»: *Кто же оказался в середнячках с зарплатами от 60 тысяч в регионах и 120 в столице? Это чиновники, военные, финансисты, бизнесмены, сотрудники крупных госпредприятий, словом, «белые воротнички».* Как выясняется, именно они у нас — движущая сила экономики. А вот врачи, учителя, преподаватели, журналисты, инженеры уже не достойны гордого звания «средний класс», ведь их зарплаты дай бог дотягивают до средней по стране — 39 тысяч (И. Деготькова. Обидная статистика: средний класс в России оказался нищим // Московский комсомолец, 2018) [НКРЯ].

Несколько более молодой член обсуждаемой группы — фразеологизм *офисный планктон* ‘сотрудники младшего и среднего звена, работающие в частных компаниях’, ставший популярным приблизительно с 2005 года: *Не очень понятное для российской медийной реальности событие: ведь у нас обычно пишут и говорят про **средний класс**, **креативный класс**, **офисный планктон**, олигархов или бездомных, но о существовании класса рабочих вспоминают редко* (А. Зайцев. На белом Канье // lenta.ru, 2016.02.21) [Там же]; *Во-первых, к «офисному планктону» принято относить офисных сотрудников младшего и среднего звена, работающих в частных компаниях, а не всех занятых в сфере услуг, как это сделал спикер. Например, бухгалтер является «офисным планктоном», а продавец — нет, хотя оба работают в сфере услуг* (О роли планктона на выборах в Госдуму // Коммерсантъ Власть, 02.05.2011) [АА].

В начале XIX века анализируемый ряд идиом обновился, пополнившись выражением *креативный класс*, маркирующим социальную группу, активно пытающуюся влиять / влияющую на общество: *Креативный класс способен менять города, его эффективность достигается при сотрудничестве городской власти, частных инвесторов и активных жителей* («Октава» — новый взгляд на развитие // lenta.ru, 2019.04.26) [НКРЯ]; состоящую из представителей творческой и научной интеллигенции, IT-специалистов, маркетологов, рекламистов и под.: *Свою битву однозначно проиграл так называемый **креативный класс**, то есть преданный капитализму и тяготеющий к Европе слой высокооплачиваемых интеллектуалов, профессионалов в области информационных технологий, пиара, виртуальных СМИ, издателей, писателей и читателей гламурных журналов* (Б. Межуев. Реванш интеллектуального класса // Известия, 2012.12.04) [Там же]; в некоторой своей части

идентифицируемую с пользователями социальной сети «Фейсбук»: Если **«Фейсбук»** — это условный **«креативный класс»**, то «ВКонтакте» — это электоральное большинство (О. Боброва. Чего вы не знали о ваших детях? // Новая газета, 2017.04.03) [Там же]. Заметим, что сегодня активность присутствия в определенных социальных сетях также становится маркером идентичности современного человека.

В контекстах все названные фразеологизмы могут приобретать оценочные коннотации — как позитивные, так и негативные: Но современная урбанистика говорит о том, что имидж города, его привлекательность для инвестиций, что очень важно для бизнеса, формирует прежде всего **креативный класс** и креативные индустрии. Это то, о чем мы вспоминаем в первую очередь, когда речь заходит о современной культуре (М. Складенко. Премия «Эксперт года» — шаг в большую экспертную политику // «Эксперт Северо-Запад», 2015) [НКРЯ]; 28 апреля спикер Госдумы, председатель высшего совета «Единой России» Борис Грызлов на встрече с Дмитрием Медведевым заявил, что в России нужно делать упор на развитии производства, а не сферы услуг: «Для нас приоритетом и гордостью является человек труда, а не **офисный планктон**» (О роли планктона на выборах в Госдуму // Коммерсантъ Власть, 02.05.2011) [Там же]; Господин Зорькин сослался на опубликованную в «Российской газете» 26 января 2012 года свою статью, в которой говорилось, что непонятно, на каком основании «некоторые лидеры митинговых протестов» объявляют «себя и своих сторонников неким новым **“креативным классом”**, который якобы имеет исключительное право решать главные политические проблемы страны». Глава КС подозревает, что эта часть общества “готова развязать сначала классовую борьбу, а затем и классовую войну”. И тогда, сказал он вчера, “будет то, что уже повторялось” — то есть “витки кровавые”, как в 1917 и 1993 годах (Валерий Зорькин сверяет позиции Конституционного суда с «духом жизни» // Газета Коммерсантъ № 50 (5082) от 23.03.2013) [Там же]. Отметим, что фразеокомпонент **креативный** является продуктивной единицей, участвующей в создании других коллокаций: **креативный кластер**, **креативный подход**, **креативный проект**, **креативный потенциал**, **креативный контент**, **креативный пресс-релиз** и под. Среди них есть выражения **креативный директор** и **креативный продюсер**, которые имеют устойчивый характер как номенклатурные единицы.

Возвращаясь к вопросу о новой фразеологии с ключевым компонентом **воротнички**, отметим, что денотативный каркас этой фразеогруппы составляют названия цветов одежды, в частности рубашек с воротом, в соответствии с которыми идентифицируется статус работника. В интернет-

пространстве можно встретить упоминания про другие цвета воротничков, в соответствии с которыми работники наделяются определенным статусом. Так, на сайтах «Гильдия Коммерсантов», в блоге «Путь от транжиры до рантье» Яндекс Дзена, Newslab.Ru и в других интернет-источниках представлены иерархии сотрудников, идентифицируемых по цвету «воротничка». Если обобщить данные классификации, то получим следующий ряд выражений:

— *платиновые воротнички* ‘управленцы наивысшего звена, руководители компаний’: *Кроме бизнеса, эта категория воротничков охватывает еще и политику. Так, ныне действующего президента страны логично было бы назвать **платиновым воротничком** государства. Этих воротничков менее 1 % от работающего населения* (Классификация воротничков // Гильдия Коммерсантов, 2012) [АА];

— *золотые воротнички* ‘высококвалифицированные ученые и другие специалисты, успешно осваивающие сферу высоких технологий, занимающие высшие посты в государственных и бизнес структурах; топ-менеджеры’: *В 2000 году «золотых воротничков» насчитывалось в мире около 20 миллионов человек, 40 процентов из которых были американцами. К 2010 году, как ожидается, их численность удвоится* (Революция «золотых воротничков» // Литературная Россия, 2015) [Там же];

— *белые воротнички* ‘люди, занимающиеся интеллектуальным высокооплачиваемым трудом; квалифицированные специалисты’: *«Схватку» любят банковские работники, менеджеры, аудиторы — «белые воротнички», сутками пропадаящие в офисах. Получается богатая интеллектуальная мозаика Москвы. Недалеким, скучным людям игра неинтересна. Много сотрудников больших корпораций — эти играют целыми департаментами* (А. Маянцева. Новые забавы «новых русских» // Комсомольская правда, 2007.05.14) [НКРЯ];

— *голубые воротнички* ‘служащие или интеллигенция, занимающиеся интеллектуальным трудом в государственной или частной сфере’: *Совершенно неудивительно, что достаточно большую долю населения страны занимает социальный слой, который мы обозначили как «интеллигенция / служащие», или «голубые воротнички». К этому слою мы отнесли людей, которые определили свой род занятий как «работники преимущественно интеллектуального труда», высоко- и просто квалифицированные (Интеллигенция/служащие, или «голубые воротнички» (15,5 %) // Эксперт, 2005) [АА];*

— *синие воротнички* (иногда *голубые воротнички*) ‘квалифицированные рабочие, занимающиеся преимущественно физическим трудом’: *В большинстве российских регионов фиксируется нехватка рабочего пер-*

сонала — *девять из топ-10 самых дефицитных профессий относятся к «синим воротничкам»: сварщики, слесари, грузчики, сборщики* (Рынку труда не хватает рук // Газета Коммерсантъ, 2019) [Там же];

— *серые воротнички*¹ ‘рабочие, занимающиеся низкоквалифицированным трудом’: *Таких в России почти 15 %. По уровню дохода они делятся на две группы — «серые воротнички-1» (10 %) и «серые воротнички-2» (4,8 %). «Серые воротнички-1» — преимущественно мужчины (62% против 38% женщин). Большинство из них имеют общее среднее образование и происходят из семей, где родители тоже не имели специального образования* (Управление бизнесом. Советы и решения. Белые, голубые, синие, серые воротнички // Subscribe.Ru) [Там же];

— *серые воротнички*² ‘работники социальной сферы’: *«Серые воротнички» — так называются работники отрасли социальной инфраструктуры... (Путь от транжиры до рантье // Яндекс Дзена, 2021);*

— *зеленые воротнички*¹ ‘работники сферы обслуживания’: *Зеленые воротнички трудятся в сфере обслуживания, в ресторанах, гостиницах, на автозаправочных станциях и пр.* (Классификация воротничков // Гильдия Коммерсантов, 2012) [Там же];

— *зеленые воротнички*² ‘в США работники экологически чистых отраслей’: *Вернуть доверие может только чудо. И чудо в общем-то появилось — в образе Барака Обамы. Одним из его предвыборных слоганов было обещание создать 5 млн рабочих мест для «зеленых воротничков», то есть людей, обслуживающих отрасли, не загрязняющие окружающую среду (в первую очередь в той самой альтернативной энергетике) (Пятна на солнце // Коммерсантъ Секрет фирмы, 2008) [Там же].*

Иногда трудно понять, чем отличается один вид специалиста «воротничка» от другого, но такая продуктивность образования названий работников, ранжирующих их по статусу, уровню навыков, свидетельствует о значимости для человека установления идентичности в профессиональной сфере. Видимо, этим вызвано появление подобных номинаций, указывающих на иные, кроме указанных, характеристики, например, гендерную принадлежность — *розовые воротнички*¹ ‘женщины, работающие в офисе на должности секретарей, телефонисток, офис-менеджеров и др.’; *розовые воротнички*² ‘работники сферы обслуживания (продавцы, официанты, секретари и др.)’; профессиональное сообщество — *красные воротнички* ‘привилегированное закрытое сообщество грузчиков аукционного дома в Париже Drouot’, *воротнички цвета хаки* ‘военные’, *оранжевые воротнички* ‘тюремные рабочие в США’, *алые воротнички* ‘работники секс-индустрии’. Возможны образования и других номинаций с ключевым компонентом *воротничок*: *выгоревшие воротнички, офисные воротнички.*

Цветовые номинации как компонент из приведенных выше выражений входят в состав и других фразеологизмов, в значениях которых отражается семантика идентичности человека по критериям сословной принадлежности, наличия определенного статуса, профессии, например: *золотая молодежь, голубые береты, зеленые человечки, белая кость, красные директора* и др. В то же время в значении фразеологизма заложена наряду с денотативным компонентом, сема оценки явления. По сути она и выходит на первый план и на этом основании определяет принадлежность человека к той или иной социальной группе, выражая отношение к ней как ее членов, так и сторонних наблюдателей, поскольку «в основе значения фразеологической единицы лежит эмоционально-образное восприятие и квалификация, оценка тех или иных сторон, свойств объектов внеязыковой действительности» [Хуснутдинов, 2016, с. 61].

Один из относительно недавно появившихся фразеологизмов, называющих профессиональную принадлежность и в то же время выражающих оценку, — идиома *вежливые люди* ‘военнослужащие Вооружённых сил Российской Федерации в форме без знаков различия, обеспечивавшие безопасность в Крыму во время подготовки и проведения референдума в 2014 году о присоединении полуострова к России’ [Леонтьева и др., 2021, с. 109]. Эта категория лиц получила свое название из-за особенностей поведения во время крымских событий. Позитивная оценочность самого компонента *вежливый* создает образ, который указывает на идентичность не только с профессиональной группой на основе наших фоновых знаний о появлении выражения, но и с людьми вне зависимости от их рода занятий, характеризующимися с точки зрения их воспитания, уровня культуры (в прямом значении *вежливый* ‘соблюдающий правила этикета, выражающий доброжелательность по отношению к другим людям’), сравним: *Мы с Ионисом искренне обрадовались приходу друзей. То были чрезвычайно общительные и вежливые люди* (Вальтер Запашный. Риск. Борьба. Любовь, 1998—2004) [НКРЯ]; *Люди в военной форме его разбудили, помогли одеться и проводили из здания, пожелав счастливого пути. Когда к сантехнику подбежали украинские журналисты, пытаясь узнать, избивали ли его российские спецназовцы, он сказал, что они были «какие-то вежливые». Так и появилось народное название бойцов Сил специальных операций — «вежливые люди», которое быстро превратилось в один из лексических символов возвращения Крымского полуострова в состав России* (И. Полонский. Вежливые люди. День Сил специальных операций России // Военное обозрение. 2018) [Там же]. Сравним синонимичные фразеологизмы *вежливые люди* и *зеленые человечки*: второе идентифицирует военных, участвовавших в крымской операции, по цвету формы (ср. аналогичное выражение *воротнички цвета*

хаки), носит очевидно уничижительный характер и, соответственно, создает иной, негативный образ военных. Заметим еще, что оба выражения в этом значении употребляются преимущественно в форме множественного числа, в единственном встречаются значительно реже.

В качестве примера ярко негативного оценочного фразеоряда, репрезентирующего характеристики людей, которые претендуют на обладание «истинным» знанием, но на самом деле его не имеют, можно привести номинации с ключевым адъективным компонентом *диванный*: *диванные войска, диванные критики, диванные эксперты, диванные аналитики*. Они идентифицируют людей по образу жизни и манере поведения, хотя сами люди и не образуют сообщество с очерченными границами. Во всех сочетаниях ряда осуществляется перенос значения на основе смежности явлений: это люди, сидящие (условно) на диване за компьютером и дающие комментарии по вопросам, в которых считают себя специалистами, хотя таковыми не являются. Выражения получили широкое распространение в интернет-коммуникации, в текстах, затрагивающих социально-политические темы: *Создается ощущение, что все «диванные войска», то есть пользователи социальных сетей, только и занимаются с утра до вечера тем, что перекраивают в лучшем случае постсоветское пространство, в худшем — всю планету Земля разом* (С. Роганов. Горилла Ганна и новый порядок мира // Известия, 2014) [НКРЯ].

4. Заключение

Анализ номинаций человека, появившихся или актуализировавшихся в XXI веке, выявил тенденцию к увеличению числа коллокаций с семантикой идентичности, что свидетельствует, с одной стороны, о непреходящей актуальности идеи включенности человека в какую-либо социальную группу (и, может быть, о большей осознанности того, что человек нуждается в признании группой, так как сетевое общение многократно усилило внимание даже к самым словам группа, сообщество), а с другой — о предоставляемой Интернетом свободе самопрезентации и одновременно свободе выражения самых разнообразных мнений и квалификаций (аналитический настрой современных СМИ обусловил ориентацию на рефлекссию и оперативное конструирование экспертных оценок в виде ярких, запоминающихся идиом *креативный класс, диванные бойцы* и др.

Коммуникативная свобода, наличие «площадок» для общения приводят к интенсификации процессов языковой игры. Так, универсальный для разных (вероятно, всех) языков цветовой код и сегодня развивает активность в семантической сфере «Социум», ср. удлинение ряда составных атрибутивных номинаций со словом воротнички.

Для современного русского языка характерно появление коллокаций целыми «гнездами» на основе общего (интегрального) компонента, являющегося маркером идентичности, в их составе. Затем из ряда сочетаний выделяются такие, которые обладают наибольшей экстралингвистической востребованностью и потому устойчивостью. Молодежь декларативно заявляет о своей групповой идентичности через идентичность вещей (*Ванильная девушка в ванильной футболке пьет ванильный кофе*), используя для этого не только и не столько реальную, сколько виртуальную коммуникацию (Частый атрибут в блогах многих девушек — стаканчик кофе из Starbucks и картинки с надписями на красивом фоне (adme.ru) [AA]).

Интернет предоставил возможности для демонстрации множасьихся идентичностей: хиппи, панков, рокеров, рэперов, эмо, готов сменили ванильки, винишки, кьютстеры, якки, стимпанки, воркаутеры, брони, хайпбисты, плакшери, хэлс-готы и т. д.

Интернет-среда побуждает к самопрезентации, выводит из тени самые разные вариации идентичностей, дает импульс к их конструированию в зависимости от интересов различных акторов виртуальной коммуникации, поэтому лексические единицы, фиксирующие идею идентичности, требуют выявления и систематизации, в чем видится перспектива исследования. Но уже сегодня носители русского языка находятся на гребне четвертой «словесной волны», нахлынувшей вслед за тремя, о которых писал М. А. Кронгауз. Они различаются лицами, выступившими законодателями мод. Если жаргонную бандитскую моду задавала «асоциальная группа», далее профессиональную — определяли представители разных профессий, имевших наибольшую востребованность и популярность, затем гламурную моду «продвигали в массы» фигуры шоу-бизнеса (звездные элиты), то сегодня водительницей словесных мод выступает молодежь, не имеющая отношения ни к уголовному закулисию, ни к профессии, ни к звездному олимпу, пытающаяся, согласно возрасту, познать себя, свои ценности, принадлежность, назначение и место в мире, за которым признается право на разнообразие и свободу творческих проявлений.

Источники

1. AA — *Архив* авторов.
2. Бирих А. К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь : ок. 6000 фразеологизмов / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова; под ред. В. М. Мокиенко. — Москва : Астрель : АСТ : Хранитель, 2007. — 926 с.
3. Леонтьева Т. В. Словарь актуальной лексики единения и вражды в русском языке начала XXI века / Т. В. Леонтьева, А. В. Щетинина. — Екатеринбург : Ажур, 2021. — 424 с. ISBN: 978-5-91256-535-9.

4. НКРЯ — *Национальный корпус русского языка* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/new/index.html> (дата обращения 05.07.2021).

5. CD — *Cambridge Dictionary* : Кембриджский онлайн-словарь [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://dictionary.cambridge.org/ru> (дата обращения 05.07.2021).

ЛИТЕРАТУРА

1. Воронцова Т. А. Патрушева Лидия Сергеевна. Формирование социолекта в интернет-коммуникации / Т. А. Воронцова, Л. С. Патрушева // *Филологический класс*. — 2018. — № 3 (53). — С. 60—66.

2. Герд А. С. “Жаргон и социальная группа” / А. С. Герд // *Вопросы психолингвистики*. — 2016. — № 2 (28). — С. 106—111.

3. Елистратов А. А. Лексико-семантические параллели между жаргоном спортсменов и жаргоном наркоманов / А. А. Елистратов // *Вестник РГГУ. Серия : Литературоведение. Языкознание. Культурология*. — 2010. — № 9 (52). — С. 27—46.

4. Карасик В. И. Выражение статусных отношений средствами русского языка / В. И. Карасик // *Русский язык в современном обществе : Функциональные и статусные характеристики*, 2005. — С. 30—50.

5. Клименко Н. С. Язык материнских интернет-форумов как проявление феминной субкультуры XXI века / Н. С. Клименко // *Культура и текст*. — 2021. — № 2 (45). — С. 227—233. — DOI 10.37386/2305-4077-2021-2-227-233.

6. Красных В. В. Лингвокультурная идентичность homo loquens / В. В. Красных // *Мир русского слова*. — 2007. — № 4. — С. 11—15.

7. Кронгауз М. А. Ключевые слова эпохи / М. А. Кронгауз // *Слово.ру : балтийский акцент*. — 2010. — № 1—2. — С. 69—85.

8. Крылова М. Н. Язык современного интернет-общения (на материале интеллектуального контента социальной сети “ВКонтакте”) / М. Н. Крылова // *Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики*. — 2019. — № 1. — С. 128—137. — DOI: 10.29025/2079-6021-2019-1-128-137.

9. Лакофф Р. Социальная идентичность в жанре меню : “человек есть то, что он ест” / Р. Лакофф // *Жанры речи*. — 2012. — № 8. — С. 140—163.

10. Леонтович О. А. «Зеркало, в котором каждый показывает свой лик» : дискурсивное конструирование идентичностей / О. А. Леонтович // *Russian Journal of Linguistics*. — 2017. — Т. 21. — № 2. — С. 247—259. — DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-2-247-259.

11. Маштакова Е. И. “Словарь социолекта сноубордистов” / Е. И. Маштакова // *Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология*. — 2018. — Т. 10. — № 4. — С. 53—58. — DOI: 10.17072/2037-6681-2018-4-53-58.

12. Озюменко В. И. Идентичность в современных лингвистических исследованиях / В. И. Озюменко, А. А. Горностаева, А. С. Борисова // *Linguística, Páginas*. — 2019. — Vol. 15. — Pp. 87—99. — DOI: 10.30827/cre.v15i0.11259.

13. Савченко И. А. “Лингвоидентичность и социокультурные условия развития этнообщностей” *Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина*. — 2010. — Т. 1. — № 3. — С. 281—297.

14. Харченко Е. В. Социолект как средство межкультурной коммуникации / Е. В. Харченко // *Филологические заметки*. — 2017. — Т. 2. — № 15. — С. 124—135.

15. Хуснутдинов А. А. Фразеологическая единица как особая единица языка и параметры ее научного описания / А. А. Хуснутдинов // *Русская фразеология и фразе-*

ография : К 100-летию А. И. Молоткова. — Иваново : Ивановский государственный университет, 2016. — С. 43—94. — ISBN 978-5-7807-1180-3.

16. Шмелев А. Д. Можно ли понять русскую культуру через ключевые слова русского языка? / А. Д. Шмелев, А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев // Ключевые идеи русской языковой картины мира : сборник статей. — Москва : Языки славянской культуры, 2005. — 544 с. — (Язык. Семиотика. Культура). — ISBN 5-94457-104-7.

MATERIAL RESOURCES

AA — *Archive of authors*. (In Russ.).

Birikh, A. K., Mokienko, V. M., Stepanova, L. I. (2007). *Russian phraseology. Historical and etymological dictionary: about 6000 phraseological units*. Moscow: Astrel: AST: Keeper. 926 p. (In Russ.).

CD — *Cambridge Dictionary*. Available at: <https://dictionary.cambridge.org/ru> (accessed 05.07.2021).

Leontyeva, T. V., Shchetinina, A. V. (2021). *Dictionary of the actual vocabulary of unity and enmity in the Russian language of the beginning of the XXI century*. Yekaterinburg: Azhur. 424 p. ISBN: 978-5-91256-535-9. (In Russ.).

NKRYa — *The National Corpus of the Russian language*. Available at: <https://ruscorpora.ru/new/index.html> (accessed 05.07.2021). (In Russ.).

REFERENCES

Elistratov, A. A. (2010). Lexico-semantic parallels between the jargon of athletes and the jargon of drug addicts. *Bulletin of the Russian State University. Series: Literary Studies. Linguistics. Cultural studies*, 9 (52): 27—46. (In Russ.).

Gerd, A. S. (2016). “Jargon and social group”. *Questions of psycholinguistics*, 2 (28): 106—111. (In Russ.).

Karasik, V. I. (2005). Expression of status relations by means of the Russian language. *Russian language in modern society: Functional status characteristics*. 30—50. (In Russ.).

Kharchenko, E. V. (2017). Sociolect as a means of intercultural communication. *Philological notes*, 2 (15): 124—135. (In Russ.).

Khusnutdinov, A. A. (2016). Phraseological unit as a special unit of language and parameters of its scientific description. In: *Russian phraseology and phraseography: To the 100th anniversary of A. I. Molotov*. Ivanovo: Ivanovo State University. 43—94. ISBN 978-5-7807-1180-3. (In Russ.).

Klimenko, N. C. (2021). Maternal Language Internet forums as a feminine manifestation of the subculture of the XXI century. *Culture and text*, 2 (45): 227—233. DOI 10.37386/2305-4077-2021-2-227-233. (In Russ.).

Krasnykh, V. V. (2007). Linguistic and cultural identity of homo loquens. *The world of the Russian word*, 4: 11—15. (In Russ.).

Krongauz, M. A. (2010). Keywords of the epoch. *Word.<url>: Baltic accent*, 1—2: 69—85. (In Russ.).

Krylova, M. N. (2019). The language of modern Internet communication (based on the intellectual content of the social network “VKontakte”). *Actual problems of philology and pedagogical linguistics*, 1: 128—137. DOI: 10.29025/2079-6021-2019-1-128-137. (In Russ.).

- Lakoff, R. (2012). Social identity in the genre of menu: “a person is what he eats”. *Genres of speech*, 8: 140—163. (In Russ.).
- Leontovich, O. A. (2017). “A mirror in which everyone shows his face”: discursive construction of identities. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (2): 247—259. DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-2-247-259. (In Russ.).
- Mashtakova, E. I. (2018). “Dictionary of the sociolect of snowboarders”. *Bulletin of Perm University. Russian and foreign philology*, 10 (4): 53—58. DOI: 10.17072/2037-6681-2018-4-53-58. (In Russ.).
- Ozyumenko, V. I., Gornostaeva, A. A., Borisova, A. S. (2019). Identity in modern linguistic research. *Lingüística, Páginas*, 15: 87—99. DOI: 10.30827/cre.v15i0.11259. (In Russ.).
- Savchenko, I. A. (2010). “Linguistic identity and socio-cultural conditions for the development of ethnic communities”. *Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin*, 1 (3): 281—297. (In Russ.).
- Shmelev, A. D. (2005). Can be understood through the keywords of the Russian language? In: Zaliznyak, A. A., Levontina, I. B., Shmelev, A. D. *Key ideas of the Russian language picture of the world: a collection of articles*. Moscow: Languages of Slavic culture. 544 p. (Language. Semiotics. Culture). ISBN 5-94457-104-7. (In Russ.).
- Vorontsova, T. A., Patrusheva, L. S. (2018). Patrusheva Lidiya Sergeevna. Formation of sociolect in Internet communication. *Philological class*, 3 (53): 60—66. (In Russ.).

Рогалева Е. И. Репрезентация механизмов игрового фразеоморфизма в учебном словаре : из опыта практической лексикографии / Е. И. Рогалева, Л. С. Головина, И. М. Михайлова // Научный диалог. — 2021. — № 12. — С. 106—121. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-106-121.

Rogaleva, E. I., Golovina, L. S., Mikhailova, I. M. (2021). Representation of Game Phrase-Making Mechanisms in Educational Dictionary: Practical Lexicography. *Nauchnyi dialog*, 12: 106-121. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-106-121. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-106-121

Репрезентация механизмов игрового фразеоморфизма в учебном словаре: из опыта практической лексикографии

Рогалёва Елена Ивановна
orcid.org/0000-0001-9963-4203
доктор филологических наук,
профессор кафедры образовательных
технологий
cambala2010@list.ru

Головина Любовь Сергеевна
orcid.org/0000-0001-5156-4998
кандидат филологических наук, доцент
кафедры образовательных технологий
golosfack@mail.ru

Михайлова Ирина Михайловна
orcid.org/0000-0001-8689-4380
кандидат педагогических наук,
профессор кафедры образовательных
технологий
mixfot73@yandex.ru

Псковский государственный
университет (Псков, Россия)

Representation of Game Phrase-Making Mechanisms in Educational Dictionary: Practical Lexicography

Elena I. Rogaleva
orcid.org/0000-0001-9963-4203
Doctor of Philology, Professor
Department of Educational Technologies
cambala2010@list.ru

Lyubov S. Golovina
orcid.org/0000-0001-5156-4998
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Educational Technologies
golosfack@mail.ru

Irina M. Mikhailova
orcid.org/0000-0001-8689-4380
PhD in Pedagogy, Professor, Department
of Educational Technologies
mixfot73@yandex.ru

Pskov State University
(Pskov, Russia)

© Рогалева Е. И., Головина Л. С., Михайлова И. М., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Описан практический опыт словарной репрезентации механизмов игрового фразеомообразования, перечисляются трудности лексикографирования фразеологизмов, построенных на игровом парадоксе, показаны пути решения проблемы этимологизации фразеоигрем в учебном словаре. Представлены основные позиции инновационной технологии конструирования учебных фразеологических словарей в бумажном формате. Актуальность исследования обусловлена большим развивающим воздействием фразеоигрем на адресата-ребенка и необходимостью совершенствования системы их лексикографического описания в учебных целях. Новизна работы заключается в обращении к неисследованной проблематике описания фразеоигрем и разработке техники этимологического парафразирования, включающей интерпретационные и сюжетно-композиционные приемы, реализующиеся в двухуровневой конфигуративной структуре этимологической парафразы. Особое внимание уделяется лексикографическим приемам, позволяющим раскрыть специфику фразеоигрем, построенных на ложной образности, а также фразеоигрем, план содержания в которых не противопоставляется плану выражения, а их актуальное значение является логически обоснованным и мотивированным. Приведены примеры словарных статей новых фразеологических проектов Экспериментальной лаборатории учебной лексикографии Псковского университета — словаря-квеста и словаря фразеологических головоломок, жанры которых адекватно раскрывают специфику фразеоигрем.

Ключевые слова:

учебная фразеография; лексикографическая технология; игровое фразеомообразование; этимологизация фразеоигрем; фразеологические приемы; словарная статья.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The practical experience of the vocabulary representation of the mechanisms of game phraseology is described, the difficulties of lexicography of phraseological units built on the game paradox are listed, the ways to solve the problem of etymologization of phraseological games in the educational dictionary are showed. The main positions of the innovative technology for constructing educational phraseological dictionaries in paper format are presented. The relevance of the research is due to the great developmental impact of phraseological games on the addressee-child and the need to improve the system of their lexicographic description for educational purposes. The novelty of the research lies in the appeal to the unexplored problematic of describing phraseological games and the development of a technique for etymological paraphrasing, including interpretive and plot-compositional techniques, which are implemented in a two-level configurative structure of etymological paraphrase. Special attention is paid to lexicographic techniques that allow revealing the specifics of phraseological games built on false imagery, as well as phraseological games, the content plan of which is not opposed to the expression plan, and their actual meaning is logically justified and motivated. Examples of dictionary entries of new phraseographic projects of the Experimental Laboratory of Educational Lexicography of Pskov University are given — a quest dictionary and a phraseological puzzle dictionary, the genres of which adequately reveal the specifics of phraseological games.

Key words:

educational phraseography; lexicographic technology; game phraseme formation; etymologization of phraseological games; phraseographic techniques; dictionary entry.

Репрезентация механизмов игрового фразеоморфизма в учебном словаре: из опыта практической лексикографии

© Рогалева Е. И., Головина Л. С., Михайлова И. М., 2021

1. Введение

В рамках учебной лексикографии декодирование фразеологических единиц (ФЕ), построенных на игровом парадоксе (например, кормить завтраками, после дождика в четверг, выйти сухим из воды, как телега пятое колесо, чист как трубочист и т. д.), имеет большое развивающее воздействие на адресата-обучающегося, однако проблема словарного описания механизмов игрового фразеоморфизма в учебных целях долгое время оставалась нерешенной.

Это было обусловлено, с одной стороны, разнообразием подходов к квалификации игровой базы фразеоморфизма — от специфического осмысления формы компонентов [Мокиенко, 1989, с. 195] до преднамеренного разрушения традиционной сочетаемости слов с целью достижения смехового эффекта [Вакуров, 1981, с. 49], с другой — функционирующими параллельно названиями фразеологизмов, построенных на языковой игре: экспрессивы [Гаврин, 1974, с. 93], фразеологизмы-каламбуры [Мокиенко, 1989, с. 194], «игремы» [Гридина, 1996, с. 8], фразеологизмы-шутки [Бондаренко, 2001, с. 74], юморемы [Девкин, 2006, с. 73], игровые фразеологизмы [Полухина, 2008, с. 63], парадоксальные фразеологические единицы [Береснева, 2009, с. 45] и др.

В свою очередь, «отсутствие операторов языковой игры» [Шаховский, 2005, с. 17] затрудняло создание метаязыка описания фразеологизмов, как будто предназначенных для «консервации приемов игры слов» [Кашина, 2011, с. 137], а ведь одной из важнейших задач лексикографии является разработка метаязыка, соответствующего определенному типу лексикографического источника [Табанаква и др., 2003, с. 119].

Решить эту задачу позволило использование инновационной технологии конструирования учебных словарей, сочетающей формат традиционной «бумажной лексикографии» и приемы интерактивного диалога составителя словаря с адресатом-ребенком [Рогалёва, 2014; Никитина и др., 2021].

Разработанная для такого словаря фразеографическая техника этимологического парафразирования, репрезентирующая на доступном для ребенка уровне научные этимологические версии, представленные в академических словарях [БФСРЯ, ИЭС], включает интерпретационные и сюжетно-компо-

зиционные приемы, позволяющие адекватно описать разные механизмы фразеомобразования, в том числе и построенные на языковой игре.

Согласно авторской концепции данный способ образования алогичных выражений, а также результат этого процесса (фразеологический продукт) наиболее адекватно может представить термин фразеоиграм. Практическая разработка отдельных фразеоиграм реализована в таких словарных проектах Экспериментальной лаборатории учебной лексикографии ПсковГУ, как «Занимательные этимологические истории для детей» [Роголёва и др., 2019], «Сами с усами» [Роголёва и др., 2020], «Ума палата» [Роголёва и др., 2021]. В полной мере концепция этимологического парафразирования на материале фразеоиграм воплощена в подготовленных к печати словарях «Фразеологические головоломки» и «Фразеологический словарь-квест», жанры которых релевантны специфике игровых фразеологических единиц. Цель данной статьи — показать, как с помощью техники этимологического парафразирования в этих словарных проектах описываются фразеоиграммы разных типов, представить фрагменты словарных статей и доказать целесообразность использования предлагаемой модели этимологизации ФЕ в учебном словаре.

2. Лексикографическая интерпретация ложной образности фразеоиграм в словаре-квесте

Следует отметить, что этимологизация фразеологизмов как “штучного товара” [Баранов и др., 2008, с. 472] не требует использования готовых схем и следования жестким предписаниям, а предполагает свободу для творчества, что мы и стараемся реализовать в наших проектах.

На примере фразеоиграммы кормить завтраками рассмотрим специфику декодирования ФЕ с эффектом «обманутого ожидания» [Санников, 1995, с. 60], когда фразеологическое значение невозможно вывести, руководствуясь внутренней логикой [Мокиенко, 1989, с. 136]. Для данных фразеоиграм характерна постоянная двуплановость значения, которая является необходимым условием «игры слов» как важного средства создания экспрессивности. Как отмечает В. М. Мокиенко, образ в таких фразеологизмах становится понятным лишь на фоне «ключевого слова», семантически тождественного (или близкого) всему фразеологизму, а формально его компоненту. Во фразеоиграмме кормить завтраками таким ключевым словом является компонент завтра, на специфическом переосмыслении которого (по формальному сходству со словом завтра) базируется значение ‘откладывать выполнение обещания, переносить его другой день, на завтра’ [ИЭС, 2005, с. 662]. Таким образом, форма фразеоиграммы играет ключевую роль в ее образовании [Мокиенко, 1989, с. 194].

Согласно нашей концепции при интерактивном «развертывании» фразеоигремы в этимологический учебный гипертекст не только эксплицируется логико-семантический механизм образования оборота (в лаконичном этимологическом резюме), но и моделируется «игровое поле» фразеоигремы: пространственный парафрастический этимологизирующий текст, построенный с использованием игровых сюжетно-композиционных (текстообразующих) приемов, подводит читателя к резюме — выводу о происхождении оборота. Таким образом, этимологическая парафраза характеризуется двухуровневой конфигуративной структурой.

В новом словарном проекте, разработанном в жанре квеста, фразеографический прием репрезентации установки на языковую игру реализуется на уровне микро- и макрокомпозиции словаря, рабочее название которого — «Дело в шляпе». Игровые сюжетно-композиционные приемы конструирования этимологизирующего текста подбирались здесь в соответствии с жанровыми особенностями квеста. Каждая словарная статья, в том числе и «Кормить завтраками», — это определенный этап квеста, который читатели проходят вместе с авторами и героями-рассказчиками (инженером Сантиметренко, историком Раскопкиным, мастером Профи, братьями Сгущенкиными, ветеринаром Витаминкиным, детективами — котом Кокосом и псом Гафиком, вороной Кеей, зайцем Сеней и др.). В соответствии с легендой все герои собираются в Пушкинских горах по приглашению еще одного, таинственного персонажа — тени Пушкина и участвуют в жеребьевке: вытащив жребий из шляпы, они должны выяснить историю происхождения доставшегося им фразеологизма. Это основное культурологически ориентированное задание, которое поэтапно должен выполнять адресат-ребенок совместно с персонажами-рассказчиками для продвижения по сюжету.

Одним из сюжетно-композиционных приемов конструирования этимологической парафраза каждой словарной статьи является путаница в рассказчиках. Поиск нужного осуществляет адресат-ребенок под патронажем авторов и персонажей, что обусловлено игровым механизмом фразеоморфизации каждой ФЕ, как, например, в словарной статье «Кормить завтраками».

Словарную статью открывает заголовочная зона, которая включает традиционные лексикографические параметры: фразеологизм-вокабула получает здесь толкование и сопровождается краткими комментариями эмотивно-оценочного и функционально-коммуникативного характера.

КОРМИТЬ ЗАВТРАКАМИ

Обещать сделать что-либо в ближайшее время и откладывать выполнение обещаний.

Говорится неодобрительно.

Употребляется в разговорной речи.

Далее на уровне пространного парафрастического изложения этимологической версии (первый уровень этимологизирующей конфигурации) реконструируется этимология данной фразеологемы:

<...> Мы надеялись, что по жребию рассказчиками истории этого фразеологизма станут братья Сгущёнкины, и поэтому с раннего утра уже были у них в кондитерской-калачной.

От ароматного запаха калачей текут слюнки.

— Изволите позавтракать? — в два голоса на старинный манер спрашивают братья.

И вот мы уже пьем чай с ароматными калачами, а братья Сгущёнкины рассказывают, как называются части этих вкуснейших, похожих на гирю, изделий из муки высшего сорта <...> (рисунок калача с указанием названий его частей: ручка, губа, животик).

<...> — Ну и к какому же выводу об истории происхождения фразеологизма **кормить завтраками** мы должны прийти после этого рассказа? — спрашиваем мы у братьев Сгущёнковых, когда на столе остаются лишь крошки.

— К какому такому выводу? — недоумевают братья.

— Ну как же, завтраком вы нас накормили, про калач рассказали, но почему наш фразеологизм **кормить завтраками** означает невыполнение обещаний?

— Так мы и не должны рассказывать эту фразеологическую историю. Тут есть более осведомленный рассказчик, с которым вы уже хорошо знакомы.

Таким образом, репрезентации установки на языковую игру как прием конструирования лексикографического текста позволяет описать ложную образность оборота **кормить завтраками** как «намеренную неправильность», что вызывает желание поддержать игру, предложенную автором [Санников, 2002, с. 23].

<...> Конечно, нам на помощь снова приходит Тень Пушкина.

Чтобы как-то начать разговор, спрашиваем, чем сам Александр Сергеевич любил завтракать.

В рубрике «Интересные факты» и «Мастер на все руки» ты тоже об этом узнаешь, а сейчас вернемся к разгадке происхождения фразеологизма **кормить завтраками**. Оказывается, эта история совсем не кулинарная, а лингвистическая — языковая. А Александр Сергеевич, как известно, основоположник русского литературного языка.

Итак, слушаем Тень Пушкина:

— Слово **завтрак** — «утренняя еда» в древнерусском языке выглядело как ЗАУТРОКЪ и по происхождению было связано с сочетанием ЗА УТРА —

то есть утром. Постепенно в слове ЗАУТРОКЪ звук **У** сменился на **В** (так легче было произносить). От сочетания ЗА УТРА (утром) образовалось и слово ЗАВТРА, ведь особенно часто, когда люди говорят о том, что они будут делать утром, имеется в виду утро следующего дня, т. е. завтра.

Слова **завтра** и **завтрак** — сходны по звучанию, но различаются по значению. На этом и построена языковая игра: **кормить завтраками** — значит обещать, но не выполнять их, откладывать выполнение на другой день, на **завтра** <...>.

В рубрике «Интересные факты», которая сопровождает этот фрагмент текстовой этимологической парафразы, рассказывается о завтраке учеников Царскосельского лицея в те годы, когда там учился А. С. Пушкин (так реализуется принцип гиперструктурирования текста каждой словарной статьи, что обеспечивает заинтересованным читателям расширение культурологического кругозора, а авторам учебного словаря — решение целого ряда сопутствующих задач обучения и воспитания):

<...> В Царскосельском лицее, где учился Александр Сергеевич Пушкин, каждый понедельник в столовой вывешивалось меню на неделю. Учеников кормили 4 раза в день. В 9 утра у них был завтрак — чай с белой булкой. На обед в 13-00 подавали три блюда, а по праздникам — четыре. В 17-00 (полдник) лицеисты снова пили чай, но уже с половиной булочки. На ужин (примерно в 20-30) подавалось два блюда.

Никаких сладостей ученикам не полагалось. В день рождения лицеисту вместо обычного чая могли налить стакан кофе. Конфеты и шоколад лицеисты доставали нелегально через одного из хозяйственных работников лицея.

А за проступки лицеистов могли наказать едой — посадить на хлеб и воду (но не более чем на 2 дня) <...>.

Этимологические разыскания персонажей-рассказчиков, а также адресата-ребенка заканчиваются уровнем этимологического резюме;

<...> В 12 часов дня, как и положено таинственным мифическим персонажам, Тень Пушкина исчезла, а на ее месте остался вывод о развитии фразеологического значения:

Итак, фразеологизм **кормить завтраками** построен на созвучии слов **завтрак** и **завтра**. Шутливая окраска фразеологизма создается за счет различия в значении этих слов: **завтрак** (утренний прием пищи) напоминает о другом слове — **завтра** (завтрашний день), а значит и все выражение можно с юмором расшифровать по-новому: **кормить завтраками** — переносить выполнение своего обещания на **завтра**, а потом снова на **завтра** и опять на **завтра**. И таких «завтраков» может быть очень много. Отсюда и значение фразеологизма — «обещать сделать что-либо в ближайшее время и откладывать выполнение обещаний» <...>.

3. Интерпретационные приемы репрезентации тропических механизмов фразеогрем в словарном проекте «Фразеологические головоломки»

В данном разделе мы рассмотрим словарную интерпретацию фразеогрем, развитие актуального значения которых логически обосновано и мотивировано, а план содержания не противопоставлен плану выражения [Филоненко, 2004, с. 65]. К таким фразеогремам относятся, например: *после дождичка в четверг* — ‘неизвестно когда; никогда’ (шутл.) [ИЭС, 2005, с. 193], *ломиться в открытую дверь* — ‘создавать себе излишние препятствия, когда решение проблемы очевидно’ [Там же, с. 175]; *на рыбьем меху* — ‘о верхней одежде, не согревающей от холода’ (шутл.) [там же, с. 432] и др. Фразеогремы этой группы основываются на эффекте «комического шока» [Санников, 1995, с. 60], когда абсурдность сочетания компонентов фразеологизма в ходе этимологизации снимается.

Здесь на примере фрагментов словарных статей еще одного нового лексикографического проекта («Фразеологические головоломки») мы покажем, как логически обоснованное целостное значение фразеогрем формируется на образе эмпирически невозможных событий или объектов [Левин, 1981, с. 159] (метатеза, оксюморон, катахреза) и как процесс фразеомообразования интерпретируется в словаре применительно к этим ФЕ, которые часто квалифицируются как алогизмы.

В метатекстовом предисловии, являющемся обязательным компонентом макроструктуры словаря, в диалоговом формате авторы знакомят адресата-ребенка с жанром презентруемого проекта.

<...> Книга, которую ты держишь в руках, называется «Фразеологические головоломки». Головоломки любят все — и взрослые и дети. Но что такое головоломки фразеологические?

Загляни в оглавление. Здесь в алфавитном порядке собраны ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ — вот такие устойчивые сочетания: *без году неделя*, *белая ворона*, *вокруг да около*, *выходить сухим из воды*, *дела как сажка бела*, *ни жив ни мертв*, *носить воду решетом*, *от жилетки рукава*, *после дождичка в четверг*, *чист как трубочист* и другие.

И что тут такого? Над чем тут голову ломать? — скажешь ты. — Вроде каждое слово понятно.

А поломать голову придётся. В том-то и особенность фразеологизмов, что их значение не сводится к значению отдельных слов, из которых они состоят. Например, *после дождичка в четверг* — значит «никогда», *без году неделя* — «очень непродолжительное время, совсем недавно», *дела как сажка бела* — «очень плохо». Как произошли эти удивительные превращения, ты узнаешь, решая вместе с нами головоломки, связанные

с историей возникновения фразеологизмов. Кроме того, мы будем с тобой наблюдать, как распутывают сложные фразеологические загадки очень опытные и известные во всем мире детективы Шерлок Холмс и доктор Ватсон и не менее опытные и известные герои детективно-фразеологического мультсериала — пудель-следователь Пудинг, кот-эксперт Барсик и стажёр-аналитик галчонок Хома <...>.

Среди тропов, построенных на алогизме, мы выделяем паралогические, основанные на намеренном и прагматически мотивированном отклонении от логических норм (антитеза, оксюморон, тавтология, метатеза, плеоназм), и параонтологические (катахреза), базирующиеся на отклонении от фундаментальных принципов устройства бытия.

При декодировании фразеоигрем паралогического типа, образованных на базе **оксюморона**, в которых образ строится на контрасте компонентов ФЕ, на внутреннем отрицании [Бочина, 2003, с. 21], мы используем семантический маркер *нелепица* и интерпретационный прием этимологического парафразирования, который определяется как «реконструкция внутреннего отрицания в оксюморе».

Приведем фрагмент этимологизации фразеоигремы данного типа в словарной статье заявленного выше проекта «Фразеологические головоломки», где под руководством авторов-рассказчиков маленькие читатели раскрывают игровой механизм фразеомообразования:

<...> Чист как трубочист

Фразеологическая головоломка, в разгадке которой нам поможет здравый смысл.

Над этим фразеологизмом мы особо голову ломать не будем, а просто посмотрим на трубочиста (трубочист представлен на рисунке).

Трубочист — это тот, кто **чистит трубы**. (На рисунке — трубы, из которых идет дым).

Трубы очень грязные от копоти и дыма, поэтому и трубочист, который их чистит, всегда пачкается.

Чист как трубочист — это фразеологизм-нелепица. Мы понимаем: что такое чистое невозможно сравнить с трубочистом, значит, таким образом шуточно передается значение — «очень грязный». Вот и вся головоломка.

Перейдем к рассмотрению особенностей лексикографической интерпретации фразеоигрем, построенных на неявном, «размытом оксюморе» [Атаева, 1975, с. 60]. Среди них — обороты, компоненты которых связаны видо-родовыми (гипонимические) отношениями, например, *пятница — неделя* (день недели — вся неделя) в ФЕ *семь пятниц на неделе*.

Приведем фрагмент игрового текста словарной статьи «Семь пятниц на неделе». Она входит в цикл статей-головоломок, героями которых яв-

ляются уже упоминавшиеся герои детективно-фразеологического мультсериала. Прием «обыгрывания гипонимических отношений» включается в общую учебную лингвокультурологическую словарную репрезентацию данной фразеоигремы, в которой раскрывается соотношенность образа фразеологизма не только с определенными видами тропов, но и с языческим культом богини воды и дождя Мокоши у древних славян, с традицией устраивать базары и заключать торговые сделки в пятницу, с нарушением временного кода культуры, связанного с издревле сложившимся представлением о порядке, упорядоченности бытия как об идеале мироустройства [ИЭС, 2005, с. 586—587], [БФСРЯ, 2006, с. 629—630]:

<...> Итак, детективно-фразеологический мультсериал продолжается. Пудель-следователь Пудинг входит в офис и застаёт стажёра галчонок Хому за необычным занятием.

Пудель Пудинг: *Уважаемый Хома, зачем Вы сняли со стены календарь и заклеиваете названия дней недели?*

Галчонок Хома: *Доброе утро, шеф! Выполняю поручение Вашего зама Барсика.*

Пудель Пудинг: *Разрешите поинтересоваться, что за поручение?*

Галчонок Хома: *Так точно, шеф, докладываю! Мне поручено исправить календарь так, чтобы на неделе были одни пятницы.*

(Входит кот-эксперт Барсик).

Пудель Пудинг: *Что Вы затеяли, Барсик? Зачем Вам неделя, состоящая из одних пятниц? Думаете, таким образом работы меньше будет?*

Кот-эксперт Барсик: *Что Вы, шеф! Как Вы могли подумать? Вы же знаете, что я работаю в режиме 24/7. А это я веду подготовительные работы к нашему новому фразеологическому расследованию. Посмотрите на заголовочную рамку. Наш сегодняшний фразеологизм — **СЕМЬ ПЯТНИЦ НА НЕДЕЛЕ** (у кого).*

Пудель Пудинг: *Тогда мне понятен ход Ваших мыслей, коллега Барсик. А теперь внимательно прочитайте, что означает этот фразеологизм.*

Кот Барсик: *Читаю: «О человеке, который легко и часто меняет своё решение, мнение»...*

Пудель Пудинг: *Я надеюсь, теперь Вы понимаете, что нам предстоит серьёзное фразеологическое расследование, а не аппликация из бумаги?*

Кот Барсик: *Да, шеф, я это понял ещё вчера и поручил стажёру Хоме собрать материал по этому делу. Вы готовы, Хома?*

Галчонок Хома: *Всегда готов! Сейчас только понедельник заклею и выйду на видеосвязь с моей знакомой кошечкой-экскурсоводом Мусей. Она в Великом Новгороде живет.*

Пудель-следователь Пудинг: *Далеко пойдете, стажер Хома! А Вы, Барсик, учитесь у молодежи пользоваться видеотехнологиями.*

Кот-эксперт Барсик: *Так меня Хома потихоньку всему и обучает. Вот. Уже включаю. Здравствуйте, уважаемая Муся!*

Кошка-экскурсовод Муся: *Мяу! Не будем терять время на разговоры, я уже подготовилась и добавила сторис в Инстаграм:*

«Это храм Святой Параскевы-Пятницы у Торга, построенный в 1207 году (фотография). Для тех, кто не знает: торгом раньше называли городской рынок. Во многих городах Древней Руси Пятнические храмы строили рядом с торговыми рядами. Купцы считали святой Параскеву-Пятницу своей покровительницей, и торговым днем на Руси была именно пятница. В этот день было принято исполнять различные торговые обязательства. В пятницу товар получали, а деньги за него можно было отдать в следующий базарный день, то есть в следующую пятницу. О человеке, который нарушал свои обещания и снова переносил срок выплаты, говорили в шутку: у него семь пятниц на неделе. Так и появился фразеологизм, обозначающий непостоянного человека, который часто меняет свои решения, не держит слово.»

Пудель Пудинг: *Быстро, современно и информативно! Теперь осталось написать комментарии. Хома, займитесь этим.*

Галчонок Хома: *Муся не читает комментарии.*

Кот Барсик: *Позвольте, я ее приглашу к нам в гости. Нет, лучше поеду к ней сам. Нет, лучше мы все вместе полетим в Сочи. Или нет. Лучшие к нам. Всё-таки лучше в Сочи. Но если в Великом Новгороде будет хорошая погода — поменяем наши планы.*

Галчонок Хома: *Вот у кого семь пятниц на неделе! Барсик — вы, оказывается, очень непостоянный кот: так часто меняете свои решения!*

Кот Барсик: *Да я шучу, коллега: хотел посмотреть, как Вы наш фразеологизм применяете на практике. У Вас отлично получилось, и мы Вас повышаем — из стажеров переводим в научные сотрудники. А Мусю, конечно, приглашаем в гости! Ведь мы все-таки джентльмены.*

Галчонок Хома: *Конечно! К тому же у нас и сувенир готов. Наш шуточный календарь!*

В заключение рассмотрим декодирование параонтологических тропов, к которым относится **катахреза**, образ которой создается сочетанием противопоставленных, но не антонимичных компонентов, образующих своеобразное смысловое единство [Якутина, 2007, с. 19].

Эффективным приемом, раскрывающим механизм создания катахрезы, является «обыгрывание семантического оператора», то есть такого компонента фразеоиграммы, который не только организует внутреннюю форму ФЕ, но и задает определенную модель этимологизации оборота.

Так, в словарной статье «Нужен как петуху тросточка» этимологическая конфигурация конструируется с использованием семантического оператора необходимости (*нужен*), выводящего читателя на «формулу ненужного», по которой и построена компаративная ФЕ катахрезного типа, вынесенная в заголовок статьи, как и целый ряд других устойчивых сравнений: *нужен как рыбе зонтик, нужен как собаке пятая нога, нужен как телеге пятое колесо* и т. п.).

Нужен как петуху тросточка

<...> — Здравствуйте! Это агентство фразеологических головоломок? Это петух вас беспокоит. Вы зачем мне тросточку прислали? Для чего она мне? Ведь трость — это специальная опора, которая поддерживает вес человека при ходьбе. А мне, петуху, она абсолютно НЕ НУЖНА!!!!

— Уважаемый петух! Зато нам это очень нужно! Мы исследуем образование фразеологизма ***нужен как петуху тросточка***. Вот и отправили для проверки нашей гипотезы вам посылочку с тростью. А заодно и выяснили, почему фразеологизм ***нужен как петуху тросточка*** употребляют, когда хотят сказать о том, что совершенно, абсолютно не нужно кому-либо <...>.

Помимо фразеографического приема «обыгрывания семантического оператора» в этимологическом комментировании игрового парадокса фразеоигремы-катахрезы используется семантический маркер *нелепица* и прием «креолизации лексикографического текста» [Рогалева, 2019]. Приведем фрагменты из словарной статьи «Нужен как телеге пятое колесо».

<...> ***Нужен как телеге пятое колесо...*** *Нелепица* какая-то! Или всё-таки в этом выражении есть какой-то смысл? Сначала давай выясним, а нужно ли пятое колесо самой телеге? Для этого мы с тобой смастерим телегу. А потом найдём лошадь и покатаемся.

Твоя задача — колёса считать да подкатывать.

Сколько колёс? Всё правильно, пять штук, как и в нашем фразеологизме <...>.

Далее с помощью рисунков разбирается устройство телеги и адресат-ребенок приходит к выводу, что телега является четырехколесной повозкой для перевозки кого-либо или чего-либо.

<...> *Всё, телега готова.*

Садись, покатаемся.

Странно. Почему-то одно колесо осталось неиспользованным. Так ведь

*это и есть пятое колесо! И оказалось, что оно телеге-то совсем не нужно! Вот мы с тобой и выяснили, что фразеологизм **нужен как телеге пятое колесо** используют, когда говорят о чем-то совершенно не нужном <...>.*

4. Заключение

Итак, учебная лексикографическая репрезентация фразеологизмов, построенных на игровом парадоксе, должна строиться с учетом специфики тропических механизмов фразеоигрем и фактора адресата-ребенка, что обеспечивает предлагаемая авторская технология конструирования инновационных учебных фразеологических словарей, отличительными особенностями которой являются: сочетание принципов традиционной лексикографии и интерактивного диалога автора с адресатом-ребенком, использование фразеографической техники этимологического парафразирования, включающей интерпретационные и сюжетно-композиционные приемы, которые реализуются в двухуровневой конфигуративной структуре этимологической парафразы.

В рамках данной концепции фразеоигремы, построенные на ложной образности, описываются с помощью лексикографического приема «репрезентации установки на языковую игру». При этимологизации фразеоигрем, план содержания которых не противопоставляется плану выражения, а их актуальное значение является логически обоснованным и мотивированным, должен учитываться вид тропа, лежащего в основе фразеомообразовательного механизма. При описании фразеологической метатезы целесообразно использовать приемы «псевдодоказательства от противного» и «перестановки компонентов фразеоигремы» с семантическим и в то же время этимологическим маркером — перевёртыш. Для описания фразеоигрем, образованных на базе оксюморона, используется интерпретационный прием «реконструкции внутреннего отрицания» и семантический маркер нелепица. Игровой парадокс фразеоигрем, построенных на катахрезе, также декодируется с использованием данного семантического маркера, а также приемов «обыгрывания семантического оператора» и «креолизации лексикографического текста». Фразеографический прием «обыгрывания гипонимических отношений» включается в общую учебную лингвокультурологическую словарную репрезентацию фразеоигрем, построенных на неявном, размытом оксюморе.

Опыт практического лексикографирования и апробация разработанных материалов показали целесообразность конструирования учебных словарей фразеоигрем в жанре квеста и головоломки, позволяющих адекватно раскрыть специфику образности, механизмы образования и культурный фон фразеологизмов, построенных на языковой игре.

Источники и принятые сокращения

1. ИЭС — *Бирих А. К.* Русская фразеология: историко-этимологический словарь / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. — Москва : Астрель: АСТ : Люкс, 2005. — 926 с.
2. БФСРЯ — *Большой фразеологический словарь русского языка: значение, употребление, культурологический комментарий* / отв. ред. В. Н. Телия. — Москва : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. — 784 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Атаева Е. А.* Лингвистическая природа и стилистические функции оксюморона (на материале английского языка) : диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.04 / Е. А. Атаева. — Москва, 1975. — 145 с.
2. *Баранов А. Н.* Аспекты теории фразеологии / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. — Москва : Знак, 2008. — 656 с.
3. *Береснева А. В.* Структурно-функциональные особенности парадоксальных высказываний в немецком языке : диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.04 / А. В. Береснева. — Москва, 2009. — 176 с.
4. *Бондаренко В. Т.* О смеховой функции русской фразеологии / В. Т. Бондаренко // Русский язык в школе. — 2001. — № 3. — С. 74—76.
5. *Бочина Т. Г.* Контраст как лингвокогнитивный принцип русской пословицы : диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.01 / Т. Г. Бочина. — Казань, 2003. — 449 с.
6. *Вакуров В. Н.* Фразеологический каламбур в современной публицистике / В. Н. Вакуров // Русская речь. — 1994. — № 6. — С. 40—47.
7. *Гаврин С. Г.* Фразеология современного русского языка (в аспекте теории отражения) / С. Г. Гаврин. — Пермь : Пермский государственный педагогический институт, 1974. — 254 с.
8. *Гридина Т. А.* Ассоциативный потенциал слова и его реализация в речи (явление языковой игры) : диссертация ... доктора филологических наук / Т. А. Гридина. — Москва, 1996. — 566 с.
9. *Девкин В. Д.* Юморемы / В. Д. Девкин // Слово в словаре и дискурсе: сборник научных статей к 50-летию Харри Вальтера. — Москва : Элпис, 2006. — С. 71—76.
10. *Кашина И. В.* Коннотативный потенциал русских каламбурных фразеологизмов / И. В. Кашина // Фразеология и языковая динамика: материалы XXXIX Международной филологической конференции (15—19 марта 2010 года). — Greifswald ; Санкт-Петербург, 2011. — С. 137—142.
11. *Левин Ю. И.* Логико-семиотический эксперимент в фольклоре / Ю. И. Левин // Семиотика и информатика. — Москва : ВИНТИ, 1981. — Выпуск 16. — С. 145—162.
12. *Мокиенко В. М.* Славянская фразеология / В. М. Мокиенко. — Москва : Высшая школа, 1989. — 287 с.
13. *Никитина Т. Г.* Современная учебная фразеография: инновационные параметры бумажного словаря / Т. Г. Никитина, Е. И. Роголёва // Вопросы лексикографии. — 2021. — № 20. — С. 67—90.
14. *Полухина В. В.* Игровой фразеологический дискурс молодежного жаргона: по данным словарей молодежного жаргона русского языка : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.01 / В. В. Полухина. — Екатеринбург, 2008. — 237 с.

15. Роголёва Е. И. Педагогические аспекты работы над детскими фразеологическими словарями (на примере приема креолизации текста) / Е. И. Роголёва // Педагогика искусства: сетевой электронный журнал. — 2019. — № 2. — С. 122—132.
16. Роголёва Е. И. Сами с усами: весёлый фразеологический словарь / Е. И. Роголёва, Т. Г. Никитина. — Москва : Издательский Дом Мещерякова, 2020. — 192 с.
17. Роголёва Е. И. Современная учебная фразеография: теория и практика / Е. И. Роголёва. — Псков : ЛОГОС Плюс, 2014. — 344 с.
18. Роголёва Е. И. Ума палата : детский фразеологический словарь / Е. И. Роголёва, Т. Г. Никитина. — Москва : Издательский Дом Мещерякова, 2021. — 160 с.
19. Роголёва Е. И. Фразеологический словарь: занимательные этимологические истории для детей / Е. И. Роголёва, Т. Г. Никитина. — Москва : ВАКО, 2019. — 96 с.
20. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры / В. З. Санников. — Москва : Языки славянской культуры, 2002. — 552 с.
21. Табанакова В. Д. Типология словарей сегодня / В. Д. Табанакова, Н. А. Сивакова // Вестник Тюменского государственного университета. — 2003. — № 4. — С. 114—119.
22. Филоненко Т. М. Фразеологический образ в языковых моделях пространства, времени и количества (на материале фразеологии современного русского языка) : диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.01 / Т. М. Филоненко. — Магнитогорск, 2004. — 435 с.
23. Шаховский В. И. Реализация эмотивного кода в языковой игре / В. И. Шаховский // Эмотивный код языка и его реализация: коллективная монография. — Волгоград : Перемена, 2005. — С. 7—18.
24. Якутина О. Л. Лингвистическая природа и стилистический потенциал катахрезы (на материале французской поэзии XIX—XXI вв.) : диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.05 / О. Л. Якутина. — Смоленск, 2007. — 171 с.

MATERIAL RESOURCES

- IES — Birikh, A. K., Mokienko, V. M., Stepanova, L. I. (2005). *Russian phraseology: a historical and etymological dictionary*. Moscow: Astrel: AST: Lux. 926 p. (In Russ.).
- BFSRYa — Telia, V. N. (ed.). (2006). *Big phraseological dictionary of the Russian: meaning, use, cultural commentary*. Moscow: AST-PRESS KNIGA. 784 p. (In Russ.).

REFERENCES

- Ataeva, E. A. (1975). *Linguistic nature and stylistic functions of oxymoron (based on the English language)*. PhD Diss. Moscow. 145 p. (In Russ.).
- Baranov, A. N., Dobrovolsky, D. O. (2008). *Aspects of the theory of phraseology*. Moscow: Znack. 656 p. (In Russ.).
- Beresneva, A. V. (2009). *Structural and functional features of paradoxical statements in German*. PhD Diss. Moscow. 176 p. (In Russ.).
- Bochina, T. G. (2003). *Contrast as a linguo-cognitive principle of the Russian proverb*. Doct. Diss. Kazan. 449 p.
- Bondarenko, V. T. (2001). On the laughing function of Russian phraseology. *Russian language at school*, 3: 74—76. (In Russ.).
- Devkin, V. D. (2006). Humoremes. In: *Word in the Dictionary and Discourse: a collection of scientific articles for the 50th anniversary of Harry Walter*. Moscow: Elpis. 71—76. (In Russ.).

- Filonenko, T. M. (2004). *Phraseological image in linguistic models of space, time and quantity (based on the phraseology of the modern Russian language)*. Doct. Diss. Magnitogorsk. 435 p. (In Russ.).
- Gavrín, S. G. (1974). *Phraseology of the modern Russian language (in the aspect of the theory of reflection)*. Perm: Perm State Pedagogical Institute. 254 p. (In Russ.).
- Gridina, T. A. (1996). *Associative potential of the word and its implementation in speech (the phenomenon of a language game)*. Doct. Diss. Moscow. 566 p. (In Russ.).
- Kashina, I. V. (2011). Connotative potential of Russian pun phraseological units. In: *Phraseology and language dynamics*. Greifswald; St. Petersburg. 137—142. (In Russ.).
- Levin, Yu. I. (1981). Logical-semiotic experiment in folklore. In: *Semiotics and informatics*, 16. Moscow: VINITI. 145—162. (In Russ.).
- Mokienko, V. M. (1989). *Slavic phraseology*. Moscow: Higher school. 287 p. (In Russ.).
- Nikitina, T. G., Rogaleva, E. I. (2021). Modern educational phraseography: innovative parameters of the paper dictionary. *Questions of lexicography*, 20: 67—90. (In Russ.).
- Polukhina, V. V. (2008). *Game phraseological discourse of youth jargon: according to the dictionaries of the youth jargon of the Russian language*. PhD Diss. Yekaterinburg. 237 p. (In Russ.).
- Rogaleva, E. I. (2014). *Modern educational phraseography: theory and practice*. Pskov: LOGOS Plus. 344 p. (In Russ.).
- Rogaleva, E. I. (2019). Pedagogical aspects of working on children's phraseological dictionaries (on the example of text creolization). *Pedagogy of art: online electronic journal*, 2: 122—132. (In Russ.).
- Rogaleva, E. I., Nikitina, T. G. (2019). *Phraseological dictionary: entertaining etymological stories for children*. Moscow: VAKO. 96 p. (In Russ.).
- Rogaleva, E. I., Nikitina, T. G. (2020). *Themselves with a mustache: a funny phraseological dictionary*. Moscow: Meshcheryakov Publishing House. 192 p. (In Russ.).
- Rogaleva, E. I., Nikitina, T. G. (2021). *Uma ward: children's phraseological dictionary*. Moscow: Meshcheryakov Publishing House. 160 p. (In Russ.).
- Sannikov, V. Z. (2002). *Russian language in the mirror of a language game*. Moscow: Languages of Slavic culture. 552 p. (In Russ.).
- Shakhovskiy, V. I. (2005). Implementation of the emotive code in the language game. In: *The emotive code of the language and its implementation: collective monograph*. Volgograd: Change. 7—18. (In Russ.).
- Tabanakova, V. D., Sivakova, N. A. (2003). Typology of dictionaries today. *Bulletin of the Tyumen State University*, 4: 114—119. (In Russ.).
- Vakurov, V. N. (1994). Phraseological pun in modern journalism. *Russian speech*, 6: 40—47. (In Russ.).
- Yakutina, O. L. (2007). *The linguistic nature and stylistic potential of catachreza (based on French poetry of the XIX—XXI centuries)*. PhD. Diss. Smolensk. 171 p. (In Russ.).

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Широкова Е. Н. Новостные интернет-заголовки : онтологический и ортологический аспекты / Е. Н. Широкова // Научный диалог. — 2021. — № 12. — С. 122—138. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-122-138.

Shirokova, E. N. (2021). Internet News Headlines: Ontological and Orthological Aspects. *Nauchnyi dialog*, 12: 122-138. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-122-138. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-122-138

Новостные интернет-заголовки: онтологический и ортологический аспекты

Широкова Елена Николаевна
orcid.org/0000-0002-6763-0010
доктор филологических наук,
профессор кафедры теоретической
и прикладной лингвистики
shirokelena@yandex.ru

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
(Нижний Новгород, Россия)

Internet News Headlines: Ontological and Orthological Aspects

Elena N. Shirokova
orcid.org/0000-0002-6763-0010
Doctor of Philology, Professor,
Department of Theoretical
and Applied Linguistics
shirokelena@yandex.ru

National Research Lobachevsky
State University of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia)

© Широкова Е. Н., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Изложены результаты разноаспектного анализа новостных интернет-заголовков на материале заголовков агрегатора новостей Яндекса. Рассматривается вопрос о текстовом статусе новостных заголовков. При решении данной проблемы особое внимание уделяется формированию коррелятивных парадигм заголовков, объединенных общностью денотативного значения. Описываются способы семантического взаимодействия парадигм заголовков на основе разных типов тема-рематического развертывания. Доказывается, что парадигмы заголовков, дополняя друг друга в информационном и прагматическом аспектах, формируют дискурс интернет-заголовков. Делается вывод о том, что такой способ функционирования заголовков усиливает их семантическую и визуальную автономность от текста новости, что позволяет рассматривать новостные интернет-заголовки в качестве минитекстов. В статье осуществляется анализ частотных способов лексико-синтаксических трансформаций исходных заголовков, на основе которых формируются конститuentы парадигм. При этом акцентируется внимание на ортологическом аспекте интернет-заголовков. Автор приходит к заключению, что ориентация на вариативность и оперативность заголовков приводит не только к появлению лексических и грамматических ошибок, но и к их тиражированию и закреплению в сознании адресата в результате изменения структуры познавательных моделей.

Ключевые слова:

интернет-заголовок; новость; минитекст; парадигма; ортология.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The author presents the results of a multidimensional analysis of Internet news headlines based on the headings of the Yandex news aggregator. The issue of the text status of news headlines is considered. When solving this problem, special attention is paid to the formation of correlative paradigms of headings, united by a common denotative meaning. Methods of semantic interaction of heading paradigms based on different types of topic-rhematic deployment are described. It is proved that the paradigms of headings, complementing each other in informational and pragmatic aspects, form the discourse of Internet headings. It is concluded that this way of functioning of headlines enhances their semantic and visual autonomy from the news text, which allows us to consider Internet news headlines as minitext. The frequency methods of lexico-syntactic transformations of the original headings are analyzed, on the basis of which the constituents of paradigms are formed. At the same time, attention is focused on the orthological aspect of Internet headers. The author comes to the conclusion that the focus on the variability and efficiency of headings leads not only to the appearance of lexical and grammatical errors, but also to their replication and consolidation in the mind of the addressee as a result of changes in the structure of cognitive models.

Key words:

internet header; news; minitext; paradigm; orthology.

Новостные интернет-заголовки: онтологический и ортологический аспекты

© Широкова Е. Н., 2021

1. Введение

В теории текста существует ряд нерешенных вопросов, в том числе связанных с онтологическим статусом заголовка. Традиционно заголовок описывается как компонент текста, имеющий паратекстовый (метатекстовый, субтекстовый) характер. Однако отмечается формальная и функциональная противопоставленность заголовка тексту, его относительная автономность [Лукин, 1999, с. 61], что вызывает затруднение при решении вопроса о принадлежности заголовков тексту. На данную проблему указывает Ж. Жанетт, называя заголовки, как и другие паратекстовые элементы, произведениями, сопутствующими тексту [Genette, 1997, p. 1]. По сути, заголовки обладают чертами и текстовых компонентов, и самостоятельных текстов, что и отмечается исследователями. В частности, по мнению Н. С. Олизько, заголовки, с одной стороны, «представляют собой контекст основного текста», с другой — «это самостоятельные тексты, расположенные на разных уровнях в иерархии “текст — паратекст”» [Олизько, 2008, с. 71—72].

Современные условия коммуникации, цифровой характер новостей, их специфика представления в поисковых системах усиливают это противоречие. Так, в новостных агрегаторах заголовки приобретают визуальную автономность от репрезентируемых текстов. Однако на автономность заголовка накладывают ограничения его функции, поскольку «заголовок и текст статьи — это единая функциональная система» [Никифорова, 2010, с. 87].

Проблема онтологического статуса заголовков также осложняется тем, что в электронных СМИ, в интернет-коммуникации формируются новые жанры, в частности такой, как новостной текст-предложение [Лазарева, 2006, с. 164] (текст-заголовок [Трофимова, 2011, с. 179]). Структурно-семантическая корреляция данной жанровой формы с новостными заголовками приводит к тому, что новостные заголовки в научной литературе начинают рассматриваться как жанровая форма дискурса СМИ [Комаров, 2003, с. 4—8], которая также получила название «новостной анонс» [Ковальчукова, 2009; Воронцова и др., 2015, с. 103]. Самостоятельность новостного анонса определяется такими факторами, как «автономность, оперативность, сконцентрированность, разноаспектность», однако текстовый статус данной жанровой формы остается неопределенным, так

как под речевым жанром понимается «относительно устойчивый тип высказываний (текстов)» [Ковальчукова, 2009, с. 10]. Наряду с этим новостные интернет-заголовки рассматриваются как макротексты (минитексты) [Варзапова, 2019, с. 17; Негрышев, 2020, с. 45 и др.], при этом выдвигаются следующие аргументы: функционирование заголовка как автосемантического знака, в качестве речевого акта, а также автономность заголовков на веб-странице. Таким образом, вопрос о текстовом статусе новостных интернет-заголовков является открытым.

2. Цель и методы исследования интернет-заголовков

Цель нашей статьи — рассмотреть новостные интернет-заголовки в онтологическом аспекте. При решении проблемы текстового статуса новостных интернет-заголовков мы опираемся на специфику функционирования новостных заголовков в гипертекстовом пространстве интернета: заголовки, отсылающие к одному и тому же событию, формируют парадигмы, репрезентирующие разные аспекты события. Совокупность таких коррелирующих друг с другом парадигм, размещенных на отдельных вкладках, дает возможность читателю получить определенное представление о событии, даже не обращаясь к новостным текстам. Поскольку такие заголовки представляют собой трансформационные варианты исходного заголовка, вспомогательной задачей исследования является описание заголовков в трансформационном аспекте. Следствием формирования заголовков на основании минимальных трансформаций исходных конструкций является появление ошибок в заголовках, а также тиражирование таких ошибок, что приводит к необходимости рассмотрения заголовков в ортологическом аспекте.

Языковым материалом для исследования послужили новостные заголовки поисковой системы Яндекс. В работе использовался коммуникативно-прагматический метод, а также методы полисистемного и трансформационного анализа.

3. Новостные интернет-заголовки: онтологический аспект

Остановимся на аргументах, выдвигаемых в пользу рассмотрения заголовков новостей как минитекстов.

Безотносительно к каналу коммуникации газетные заголовки относятся к макротекстам в аспекте деятельностного подхода, в рамках которого заголовок рассматривается как речевой акт [Вахтель, 2004, с. 82]. В связи с этим возникает вопрос о степени самостоятельности заголовка как речевого акта, его автономности от текста. Так, по Э. Косериу, текст — это «речевой акт или ряд связанных речевых актов, осуществляемых индивидом в определенной ситуации» [Косериу, 1977, с. 515]. Заголовок и текст

новости, объединенные в гипертекст и функционирующие в таком виде в интернет-коммуникации, представляют собой связанные с помощью гиперссылок речевые акты. Причем новостной гипертекст закреплён в пространстве интернета, что не позволяет непротиворечиво рассматривать заголовки как самостоятельный речевой акт и, следовательно, как минитекст.

Функционирование заголовка в качестве автосемантического знака также не наделяет его статусом минитекста, поскольку автосемантическим знаком является и предложение, которое, как правило, остается при этом компонентом текста.

Таким образом, автосеманτικότητα заголовков и их функционирование в качестве речевого акта, рассматриваемые изолированно, не являются достаточными аргументами для доказательства текстового статуса заголовков, и непротиворечиво классифицировать заголовки как минитексты только на основании этих аргументов нельзя. Однако семантическая автономность новостных заголовков и их статус самостоятельного речевого акта усиливаются благодаря специфике их функционирования в поисковых системах интернет-коммуникации. Для заголовков интернет-новостей релевантны такие прагматические установки, как информативность заголовка и актуальность новости. Под информативностью заголовка мы понимаем наличие смысловой корреляции между заголовком и новостным текстом и выполнение заголовком информативной функции. При этом, в отличие от И. В. Хорошуновой [Хорошунова, 2020, с. 75], полагаем, что информативные заголовки могут включать оценочные (прежде всего, логически оценочные) компоненты и — в незначительном количестве — экспрессивные средства. В целом же они являются антикреативными [Ремчукова и др., 2018, с. 658].

В отдельных новостных заголовках компоненты новостного события представлены редуцированно: с помощью заголовка у адресата формируется «первичный образ события», так как «лаконичность заголовка не позволяет дать полную картину события» [Воронцова, 2017, с. 22]. Не случайно в научной литературе такие заголовки характеризуются как имеющие конспективный характер [Высоцкая и др. 2018, с. 90], так называемую «телеграммную структуру» [Krasina et al., 2020, p. 139]. Более того, элиминация компонентов события в заголовке приводит к деформации события: «заголовок актуализирует в сознании массового адресата концепт (фрейм), который не соответствует образу события, представленному в основном тексте» [Воронцова, 2017, с. 24], при этом происходит нарушение «изоморфизма пропозициональной структуры текста и заголовка» [Негрышев, 2020, с. 45].

Однако ступенчатый характер представления новостей в Яндексe, при котором промежуточная новостная гиперссылка (страница конкретной

новости) представлена заголовками, отсылающими ко всем изданиям, репрезентирующим данную новость, с указанием времени ее опубликования интернет-изданием, а также общность денотативного значения заголовков (конкретное новостное событие) приводят к формированию парадигмы заголовков. Причем, как правило, новостное событие представлено сразу несколькими коррелирующими друг с другом парадигмами заголовков, которые различаются сигнификативным и / или прагматическим значением.

Такие соотносительные парадигмы отражают разные аспекты события, разные точки зрения на событие или разные этапы развития события, если событие представлено как динамическое. При этом парадигмы заголовков вступают в структурно-семантические и смысловые отношения друг с другом и формируют дискурс новостных интернет-заголовков.

В частности, коррелятивные парадигмы новостных заголовков могут находиться в отношениях параллельного тема-рематического развертывания, что связано с репрезентацией разных аспектов события, разных точек зрения на событие, например: (1) *Дровяник снесут на улице Добролюбова в ходе благоустройства Почаинского бульвара (В Городе N, 15.04.21, 16:56), Дровник на Добролюбова помешал благоустройству Почаинского бульвара (Newsroom24, 15.04.21, 18:06), В Нижнем Новгороде разгорелся скандал из-за сарая для дров (Время Н, 15.04.21, 19:56), Дровяник 100-летнего дома на ул. Добролюбова снесут из-за благоустройства Почаинского бульвара (Живем в Нижнем, 15.04.21, 20:22); (2) Жильцам дома на Добролюбова в Нижнем Новгороде пообещали новый сарай для дров (Ньюс-НН, 15.04.21, 17:50), Жильцам дома с печным отоплением на Добролюбова построят новый сарай для дров (DomostroyNN.ru, 16.04.21, 12:25), Жителям дома в центре Нижнего Новгорода построят новый сарай для дров (NN.Ru Нижний Новгород, 16.04.21, 15:30). На языковом уровне корреляция таких заголовочных парадигм реализуется, например, с помощью разнотипных семантических повторов, в частности, в приведенных парадигмах это лексические, синонимические, корневые повторы: *дровяник, дровник, сарай, дрова, Нижний Новгород, Добролюбова*.*

При этом парадигмы 1, 2 различаются прагматическим значением. Так, заголовки парадигмы 1 объединяются отрицательной оценочной коннотацией и базируются на presupпозиции 'уничтожение памятников старины в исторической части города', что эксплицируется лексемами, объективирующими историческое наследие (*100-летнего дома, дровяник, дровник*), а также оценочными лексемами *скандал, помешал*. Заголовки парадигмы 2 объединяются положительной оценочной коннотацией и базируются на presupпозиции 'замена ветхих построек в исторической части города', что эксплицируется словосочетаниями *дом с печным отоплением, новый са-*

рай. Причем вместо отсылающих к исторической памяти лексем *дровяник*, *дровник* используется темпорально нейтральное (и в силу этого аксиологически нейтральное) словосочетание *сарай для дров*.

При динамической репрезентации новостного события заголовочные парадигмы коррелируют на основе цепного тема-рематического развертывания, например: (1) *Комик Азамат Мусагалиев высмеял помойку около детского сада в Нижнем Новгороде (Pro Город НН, 13.04.21, 09:18), Комик Мусагалиев раскритиковал помойку у нижегородского детсада (В Городе N, 13.04.21, 10:21), Комик Мусагалиев в ТВ-шоу раскритиковал помойку у детсада в Нижнем Новгороде (Гипер НН, 13.04.21, 14:06), Азамат Мусагалиев раскритиковал помойку у детского сада в Нижнем Новгороде (АиФ Нижний Новгород, 13.04.21, 21:52);* (2) *Помойки возле детсада в Нижнем Новгороде, которую высмеял комик с ТНТ, больше нет (Ньюс-НН, 13.04.21, 14:45), Высмеянную Мусагалиевым свалку у нижегородского детсада перенесут (Живем в Нижнем, 14.04.21, 12:54), Чиновники не нашли скандальной свалки около детского сада в Нижнем Новгороде, которую высмеял комик (Царьград, 14.04.21, 16:05), Мэрия Нижнего Новгорода опровергла навалы мусора у высмеянного Мусагалиевым детсада (Pro Город НН, 15.04.21, 20:12).* Парадигмы 1, 2 находятся в отношении ‘информационное событие → реакция властей на информационное событие’, при этом рематические компоненты заголовков парадигмы 1 становятся тематическими компонентами заголовков парадигмы 2: **высмеял (раскритиковал) помойку у детсада → высмеянную помойку перенесут; чиновники не нашли свалки, которую высмеял комик.**

Данный способ функционирования заголовков в поисковых системах усиливает не только визуальную, но и смысловую автономность интернет-заголовка от текста новости, а также формирует дискурс интернет-заголовков, позволяющий читателю получать более или менее целостное представление о новостном событии уже на этапе знакомства с заголовками. Это, на наш взгляд, является аргументом в пользу самостоятельного текстового статуса новостных интернет-заголовков.

4. Новостные интернет-заголовки: трансформационный аспект

Характерная для СМИ ориентация на оригинальность заголовка и на его рекламную функцию в новостном агрегаторе Яндексa замещается установкой на информативность и вариативность заголовков, что обусловлено политикой Яндексa по отношению к новостным заголовкам [Хорошие ...]. При этом заголовки, как правило, представляют собой минимальные трансформации исходных названий.

Рассмотрим способы трансформации новостных заголовков.

Так, исходный заголовок 1) *Нижегородская продукция получила Гран-при конкурса «Лучший хлеб России — 2021»* (НТА — Приволжье, 25.03.21, 19:21) трансформируется в заголовки 2, 3 за счет смены субъекта (метонимический перенос) в сочетании с синонимической заменой предиката: 2) *Нижегородские хлебопеки взяли Гран-при конкурса «Лучший хлеб России — 2021»* (Нижегородские Новости, 25.03.21, 19:34); 3) *Нижегородская компания взяла Гран-при конкурса «Лучший хлеб России — 2021»* (Newsroom, 25.03.21, 20:43). На основе этих заголовков формируются заголовки 4 и 5. В заголовке 4 название конкурса заменяется на указание его статуса (фактически происходит трансформация заголовка 2): *Нижегородские хлебопеки взяли Гран-при **Всероссийского** конкурса* (В Городе N, 25.03.21, 20:56). В заголовке 5 наблюдается эллипсис в названии конкурса: *Нижегородские хлебопеки получили Гран-при конкурса «Лучший хлеб России»* (Живем в Нижнем, 25.03.21, 21:49). Заголовок 6 строится на основе контаминации фрагментов заголовков 1 и 4: *Нижегородская продукция получила Гран-при Всероссийского конкурса* (RuNews24.ru, 26.03.21, 10:15).

На рисунке представлена схема трансформации заголовков парадигмы (рис. 1).

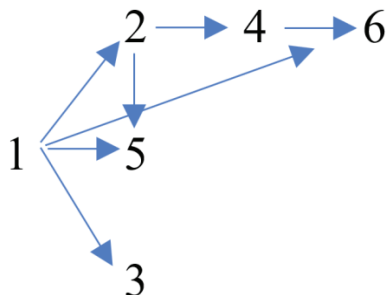

Рис. 1. Схема трансформации заголовков парадигмы

В целом наблюдаются следующие виды трансформаций заголовков:

— смена цифрового кода на вербальный и наоборот: *Более 10 ЖК начнут строить в Нижнем Новгороде в 2021 году* (Newsroom, 23.02.21, 09:33) → *Более десяти ЖК начнут строить в Нижнем Новгороде в 2021 году* (Ньюс-НН, 23.02.21, 13:02); Ср. также: *6 тысяч доз вакцины «ЭпиВакКорона»* (Нижегородская Правда 08.04.21, 12:04; Ньюс-НН, 08.04.21, 12:28) → *шесть тысяч доз вакцины «ЭпиВакКорона»* (В Городе N, 08.04.21, 12:36) → *6000 доз вакцины «ЭпиВакКорона»* (Newsroom24, 08.04.21, 13:01);

— изменение части речи, в том числе в сочетании (1) с расшифровкой аббревиатуры, (2) с перегруппировкой синтаксических связей внутри

предложения: (1) *Более десяти ЖК начнут строить в Нижнем Новгороде в 2021 году (Ньюс-НН, 23.02.21, 13:02) → Более десятка жилых комплексов начнут строить в Нижнем Новгороде в 2021 году (DomostroyNN.ru, 23.02.21, 15:21);* (2) *Нижний Новгород занял 12 место среди городов-миллионников с дешевым жильем (В Городе N, 04.03.21, 22:33) → Нижний Новгород занял 12 место по дешевизне жилья среди городов-миллионников (Открытый Нижний, 05.03.21, 09:35);*

— замена типа синтаксической конструкции: а) пассивной конструкции на активную: *Ремонт стадиона в Арзамасе из шоу с Мусагалиевым оценен в 50—60 млн рублей (DomostroyNN.ru, 06.04.21, 09:54) → Ремонт стадиона в Арзамасе из ТВ-шоу с Мусагалиевым требует до 60 млн рублей (Гипер НН, 06.04.21, 10:44);* б) неопределенно-личного предложения на двусоставное с замещением позиции подлежащего (1) объектом действия — пассивная конструкция, (2) субъектом действия — активная конструкция, а также (3) трансформация в противоположном направлении: (1) *Подготовку к 800-летию Нижнего Новгорода разделят на 5 смысловых блоков (Newsroom, 18.01.21, 19:27) → Подготовка к 800-летию Нижнего Новгорода будет разделена на пять смысловых блоков (Ньюс-НН, 18.01.21, 20:02);* (2) *Более 10 ЖК начнут строить в Нижнем Новгороде в 2021 году (Newsroom24, 23.02.21, 09:33) → Застройщики уведомили власти о начале возведения более десяти ЖК в Нижнем Новгороде (АиФ Нижний Новгород, 23.02.21, 11:14);* (3) *Россияне старше 45 лет будут получать уведомления о будущих пенсиях (Российская газета, 02.01.21, 03:00) → Россиян старше 45 лет начнут уведомлять о размере пенсии (РИА Новости, 02.01.21, 06:41) → Пенсионный фонд начнет информировать россиян о размере пенсий (RT на русском языке, 02.01.21, 11:35);*

— трансформация сложного предложения в простое за счет сворачивания предикативной модальной рамки в словосочетание с модальным значением (промежуточный этап — замена типа сложного предложения за счет эллипсиса союза): *Власти не исключают, что работы по продлению нижегородского метро начнутся в 2022 году (ТАСС, 13.05.21, 13:24) → Не исключено: новые станции метро в Нижнем Новгороде могут начать строить в 2022 году (Ньюс-НН, 14.05.21, 09:47) → Новые станции нижегородского метро могут начать строить уже в 2022 году (DomostroyNN.ru, 14.05.21, 09:47);*

— развертывание глагольно-именного словосочетания простого предложения в сложноподчиненное предложение: *Мэр Нижнего Новгорода впервые объяснил закупку ретро-трамваев почти за 1 млрд рублей (Ньюс-НН, 05.05.21, 15:54) → Мэр Нижнего Новгорода впервые объяснил, зачем закупать ретро-трамваи почти за 1 млрд рублей (Царьград, 05.05.21, 19:00);*

— использование вариативности в управлении за счет (1) перераспределения синтаксических связей, (2) замены управляющего слова: (1) *Нижний Новгород занял 12 место среди городов-миллионников с дешевым жильем* (В Городе Н, 04.03.21, 22:33) → *Нижний Новгород занял 12-е место по дешевому жилью в городах-миллионниках* (Гипер НН, 04.03.21, 23:54) → *Нижний Новгород занял 12 место по дешевизне жилья среди городов-миллионников* (Открытый Нижний, 05.03.21, 09:35); (2) *Блогер Варламов раскритиковал закупку ретро-трамваев для Нижнего Новгорода* (В городе Н, 09.04.21, 20:34) → *Варламов раскритиковал идею нижегородской мэрии по закупке ретро-трамваев* (Живем в Нижнем, 10.04.21, 10:26);

— эллипсис исходной синтаксической конструкции с изменением порядка следования членов предложения: *Ледоход на Оке начался в Нижегородской области со стороны Муром* (В Городе Н, 08.04.21, 08:30) → *Ледоход начался на Оке* (ГТРК Нижний Новгород, 08.04.21, 09:34) → *Ледоход начался на Оке со стороны Мурома в Нижегородской области* (Время Н, 08.04.21, 11:05) → *Ледоход на Оке со стороны Мурома начался в Нижегородской области* (Newsroom24, 08.04.21, 11:06) → *Ледоход начался на Оке в Нижегородской области* (НИА Нижний Новгород, 08.04.21, 12:47) → *По Оке со стороны Мурома начался ледоход* (Нижегородская Правда, 08.04.21, 12:55);

— трансформация модусного компонента высказывания (вектор «больше / меньше»): *Более 10 ЖК планируют возвести в Нижнем Новгороде в 2021 году* (ProГород НН, 23.02.21, 11:39) → *Строительство минимум 10 новых ЖК начнется в Нижнем Новгороде в 2021 году* (Гипер НН, 23.02.21, 17:24);

— частичная замена информационных компонентов заголовка: *Более 10 ЖК начнут строить в Нижнем Новгороде в 2021 году* (Newsroom, 23.02.21, 09:33) → *Новые ЖК построят в 4 районах Нижнего Новгорода* (Открытый Нижний, 24.02.21, 09:00); в том числе замена компонента заголовка в сочетании с эллипсом: *Жилье в центре Нижнего Новгорода оказалось дороже, чем в центре Санкт-Петербурга* (NN.Ru Нижний Новгород, 21.03.21, 15:15) → *Жилье в центре Нижнего Новгорода дороже, чем в центре Санкт-Петербурга* (ProГород НН, 21.03.21, 16:39) → *Жилье в центре Нижнего Новгорода стоит дороже, чем в Санкт-Петербурге* (Время Н, 21.03.21, 18:25) → *Жилье в центре Нижнего Новгорода стоит дороже, чем в центре Санкт-Петербурга* (Ньюс-НН, 21.03.21, 19:45);

— синонимические замены (слово → слово, слово → словосочетание): «Сбер» *разработал* алгоритм для *выявления* COVID-19 за минуту по кашлю (РИА Новости, 12.01.21, 11:08) → «Сбер» *создал* алгоритм

определения COVID-19 по голосу и кашлю (Коммерсантъ, 12.01.21, 12:13);
Офисы по московским стандартам появятся в центре Нижнего Новгорода (В Городе N, 07.04.21, 09:50) → Торговые и офисные помещения построят в центре Нижнего Новгорода по столичным стандартам (DomostroyNN.ru, 07.04.21, 10:32); в том числе мена фазисного глагола на модальный в сочетании с синонимической заменой: *Более 10 ЖК начнут строить в Нижнем Новгороде в 2021 году (Newsroom, 23.02.21, 09:33) → Более 10 ЖК планируют возвести в Нижнем Новгороде в 2021 году (ProГород НН, 23.02.21, 11:39);* синонимические замены с одновременным эллипсисом и расширением компонентов: *Нижний Новгород попал в топ-15 городов-миллионников с дешевым жильем (Newsroom, 04.03.21, 18:18) → Нижний Новгород вошел в топ городов-миллионников России с самыми дешевыми квартирами (Ньюс-НН, 04.03.21, 20:41);* синонимические замены в сочетании с изменением порядка членов предложения: *Привившийся «Спутником V» президент Аргентины сдал положительный тест на COVID -19 (Expert.ru, 04.04.21, 10:30) → Президент Аргентины, привившийся «Спутником V», сдал положительный тест на коронавирус (Дождь, 04.04.21, 10:55).* Также: *уведомлять — получать уведомления — информировать;*

— антонимические замены в сочетании со сменой субъекта и с расширением информационного блока: *Нижний Новгород вошел в пятерку городов с самым дорогим жильем в центре (Открытый Нижний, 21.03.21, 18:04) → Самая дешевая квартира в центре Нижнего Новгорода стоит более 7 млн рублей (Нижегородская Правда, 22.03.21, 11:19).*

При этом в ряде случаев встречается замена нейтральных компонентов на стилистически окрашенные (*строить → возвести, строительство → возведение, десять → десяток, информировать → уведомлять*), использование словообразовательных вариантов (*сарай для дров → дровяник, дровник; парковка, паркинг*), введение эвфемизмов (*порно, порнография, порновидео — фильмы для взрослых*). О лексических трансформациях в интернет-заголовках см. также в [Малышев, 2013].

Кроме того, в некоторые заголовки вводятся информативно ослабленные дискурсивные слова, основная функция которых — выступать средством формальной трансформации исходного заголовка, например, в такой функции используется лексема *новый*: *В Нижнем Новгороде установили автосимулятор для исследования мозга водителей (NN.ru Нижний Новгород, 07.03.21, 12:00) → В Нижнем Новгороде установили новый автосимулятор для исследования мозга водителей (Evo-rus.com, 07.03.21, 18:20).* Ср. также: *новые ЖК построят, строительство новых ЖК.*

5. Новостные интернет-заголовки: ортологический аспект

Негативным следствием вариативности заголовков в результате перераспределения синтаксических связей в высказывании являются ошибки в лексической или грамматической сочетаемости компонентов заголовков. В силу вариативности заголовков такие ошибки активно тиражируются, что способствует закреплению ошибочных вариантов в сознании адресата и, следовательно, расшатыванию нормы.

В частности, становится употребительным в заголовках словосочетание *сдал положительный тест* (результат контаминации словосочетаний *сдать тест* и *получить положительный результат*): Тренер «Даллас» **сдал положительный тест** на COVID, несмотря на вакцинацию (РИА Новости, 04.04.21, 09:39), Президент Аргентины после вакцинации «Спутником» **сдал положительный тест** на антиген COVID (Интерфакс — Запад, 04.04.21, 12:10), Дэвид Бенавидес **сдал положительный тест** на коронавирус, бой с Хосе Ускатеги отменен (fightnews.info, 12.08.21, 10:11), Российский арбитр Алексей Амелин **сдал положительный тест** на коронавирус, судья отстранен от игры РПЛ (РИА Новости, 12.08.13, 19:11), Участвовавший в Олимпиаде россиянин **сдал положительный тест** на допинг (РБК спорт, 13.08.21, 00:37).

Ср. также ошибки в употреблении паронимов (*звездный* вместо *звездчатый*) и неудачную замену прилагательного в терминологическом употреблении на метафорическое приложение: *Звездные* клетки мозга могут быть связаны с заиканием (DAILY, 13.02.21, 11:15); *Звездные* клетки мозга могут быть связаны с заиканием у людей (SM News, 14.02.21, 18:57), *Клетки-звезды* мозга могут быть связаны с заиканием (Глас.Ру, 13.02.21, 10:49).

Среди новостных интернет-заголовков частотны заголовки, включающие номинативные цепочки, например: Президент Сербии **запустил подачу газа по продолжению «Турецкого потока»** (РИА Новости, 01.01.21); Развожаев допустил **досрочную сдачу водозабора для снабжения Севастополя** (РИА Новости, 19.12.20; Мэр Арзамаса опроверг **наличие благодарственного письма прокурору за штрафы** (Нижний сейчас, 10.04.21); Лавров заявил **об отсутствии нормальности в отношениях России и Евросоюза** (РИА Новости, 05.02.21).

Такое характерное для деловой речи нанизывание падежей предполагает последовательное управление компонентами конструкции. Однако ориентация на вариативность новостных интернет-заголовков ведет к нарушению последовательности управления в номинативных цепочках. Это, особенно при беспредложном управлении, приводит к перестройке синтаксических связей и, как следствие, затрудняет восприятие структурных и смысловых отношений между частями заголовка, что провоцирует

неоднозначность интерпретации заголовка. Например, в заголовках **Проект Восточного обхода Нижнего Новгорода создадут за 7,5 млн рублей** (Ньюс-НН, 28.01.21) **Проект Восточного обхода Нижнего Новгорода за 7,5 млн рублей разработают в 2021 году** (Гипер НН, 28.01.21); **Подрядчик разработает проект Восточного обхода Нижнего Новгорода за 7,5 млн рублей** (Newsroom24, 28.01.21) 7,5 млн рублей — это стоимость Восточного обхода или проектных работ? Ср. также: **Прокуратура проверяет школу в Выксе после запрета на посещение туалета первоклассником** (Newsroom24, 27.05.21), **Мурашко допустил старт вакцинации от COVID — 19 пожилых с будущей недели** (News.rambler.ru 20.12.20), **В «Сбере» создали определяющий наличие COVID по кашлю за минуту алгоритм** (РБК, 12.01.21); **Нижегородская мэрия ввела режим повышенной готовности из-за снега в одном районе** (Нижний сейчас, 02.02.21); **Сотрудники полиции на транспорте в Нижнем Новгороде пресекли взятку** (Московский комсомолец Нижний Новгород, 12.01.21), **Прокурор Нижегородской области подрался со своим заместителем из-за ведомственного жилья 24 мая** (КП Нижний Новгород, 26.05.21), **Суд изберет меру пресечения похитителю малолетней девочки в Арзамасе 16 февраля** (Ньюс-НН, 16.02.21), **СК допросил подозреваемого в убийстве нижегородской семьи мигранта** (NewInform, 02.03.21), **СМИ узнали о более чем 6 тысячах камер с открытым доступом в России** (Телеканал 360°, 12.03.21).

Кроме того, трансформация исходных заголовков может приводить к ошибкам (1) в предложном управлении, (2) в использовании союзов в сложном предложении: (1) **Объявлен аукцион на привлечение автобусов для семи маршрутов в Нижнем Новгороде** (Нижний сейчас, 28.01.21), **Объявлены торги на привлечение автобусов для семи маршрутов в Нижнем Новгороде** (Открытый Нижний, 28.01.21), **Количество посетителей увеличили в нижегородских музеях, зоопарках и массовых мероприятиях** (Открытый Нижний, 27.05.21); **На улицах Нижнего Новгорода продлили запрет парковки до 24 февраля для уборки снега** (Ньюс-НН, 16.02.21); (2) **В полиции рассказали, как закроют движение в День Победы** (Наша Газета (г. Екатеринбург), 04.05.21, 11:15).

Следствием ошибок в предложном управлении является искажение информации, например: **Блогер Варламов раскритиковал закупку ретро-трамваев в Нижнем Новгороде** [вместо для Нижнего Новгорода. — Е. Ш.] (ТаракаНН, 10.04.21), **Жители дома на Добролюбова сами разобрали сараи с печными дровами, опасаясь, что их снесут власти** [вместо для дров; также представляется аномальным словосочетание **печные дрова**. — Е. Ш.] (NN.Ru Нижний Новгород, 19.05.21).

Кроме того, наблюдается неэквивалентная замена типов словосочетаний ($\text{Adj} + \text{N} \rightarrow \text{N} + \text{N}$; $\text{V}(\text{N}) + \text{N} \rightarrow \text{Adj} + \text{N}$), что приводит к неоднозначности заголовков в результате столкновения разных значений полисеманта: *В деловом центре Нижнего Новгорода в 2022 году появятся офисы по московским стандартам* (Банкп.ру, 07.04.21, 10:13) $\rightarrow$ *Офисы и торговые помещения уровня Москвы появятся в Нижнем Новгороде в 2022 году* (Гипер НН, 07.04.21, 10:55); *Мэр Нижнего Новгорода впервые объяснил закупку ретро-трамваев почти за 1 млрд рублей* (Ньюс-НН, 05.05.21, 15:54) $\rightarrow$ *Юрий Шалабаев прокомментировал миллиардную закупку ретро-трамваев в Нижнем Новгороде* (DomostroyNN.ru, 05.05.21, 17:49); *Мэр Нижнего Новгорода объяснил почти миллиардную закупку ретро-трамваев* (Пермь открытая, 05.05.21, 20:04).

Тиражирование ошибок и их визуальное закрепление в заголовках приводит к переструктурированию познавательных моделей: «С искажением языковой нормы искажаются и познавательные модели, репрезентированные в языке» [Христова, 2005, с. 4].

6. Выводы

Новостные интернет-заголовки, характеризующиеся общностью денотативного значения, объединяются в парадигмы заголовков, различающиеся событийно-информационными и / или прагматическими компонентами. Корреляция таких парадигм осуществляется на основе параллельного или цепного тема-рематического развертывания, что репрезентируется прежде всего лексическими средствами языка.

Размещение всех конstituентов парадигмы заголовков на отдельной странице, их визуальная автономность от новостных текстов усиливает семантическую самостоятельность заголовков и укрепляет их статус самостоятельного речевого акта. При этом коррелятивные парадигмы, отсылающие к одному и тому же новостному событию, организуют дискурс интернет-заголовков, в результате знакомства с которым у адресата формируется разноаспектное представление о новостном событии на этапе знакомства с заголовками. Такая специфика функционирования новостных интернет-заголовков позволяет считать заголовки минитекстами.

Парадигмы заголовков создаются на основе минимальных лексико-синтаксических трансформаций исходных заголовков. Ориентация на вариативность заголовков, оперативность их размещения в новостном агрегаторе и закрепление авторства новостного заголовка за конкретным изданием (последнее проявляется в указании под заголовком времени размещения новости) приводит к появлению лексических и грамматических ошибок и к их тиражированию, что способствует расшатыванию нормы

и ставит вопрос о необходимости дальнейшего исследования новостных интернет-заголовков в ортологическом аспекте.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Варзапова В. Ю.* Заголовок сетевого медиатекста как автосемантический текст / В. Ю. Варзапова // Тенденции развития науки и образования. — 2019. — № 50—10. — С. 15—18. — DOI: 10.18411/lj-05-2019-197.
2. *Вахтель Н. М.* Газетный заголовок как речевой акт / Н. М. Вахтель // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Филология. Журналистика. — 2004. — № 1. — С. 82—83.
3. *Воронцова Т. А.* Новостной заголовок как репрезентант события / Т. А. Воронцова // Политическая лингвистика. — 2017. — № 6 (66). — С. 21—25.
4. *Воронцова Т. А.* Образ события в новостном интернет-дискурсе / Т. А. Воронцова, М. А. Ковальчукова // Вестник Удмуртского университета. Серия : История. Филология. — 2015. — Т. 25. — № 4—3. — С. 102—108.
5. *Высоцкая И. В.* Заголовок интернет-новости как когнитивная модель ситуации / И. В. Высоцкая, П. Н. Кочетков // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия : История, филология. — 2018. — Т. 17. — № 6. — С. 89—96. — DOI: 10.25205/1818-7919-2018-17-6-89-96.
6. *Ковальчукова М. А.* Новостной анонс в сети Интернет как речевой жанр дискурса СМИ : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / М. А. Ковальчукова. — Ижевск, 2009. — 24 с.
7. *Комаров Е. Н.* Ценностные ориентиры в заголовках французских и русских средств массовой информации : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / Е. Н. Комаров. — Волгоград, 2003. — 20 с.
8. *Косериу Э.* Современное положение в лингвистике / Э. Косериу // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. — 1977. — Т. 36. — № 6. — С. 514—521.
9. *Лазарева Э. А.* Заголовочный комплекс текста — средство организации и оптимизации восприятия / Э. А. Лазарева // Известия Уральского государственного университета. — 2006. — № 40. — С. 158—166.
10. *Лукин В. А.* Художественный текст : Основы лингвистической теории и элементы анализа / В. А. Лукин. — Москва : Ось-89, 1999. — 192 с. — ISBN 5-86894-279-5.
11. *Малышев А. А.* Кочующие заголовки : трансформация новостных заголовков на интернет-порталах / А. А. Малышев // Медиалингвистика. — 2013. — № 52. — С. 218—221.
12. *Негрышев А. А.* Псевдосенсация в Интернете : опыт лингвистического описания / А. А. Негрышев // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. — 2020. — Т. 19. — № 2. — С. 43—53. — DOI : <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.2.4>.
13. *Никифорова Ж. А.* Проблема автономности заголовка в структуре гипертекста газетного номера / Ж. А. Никифорова // Вестник Челябинского государственного университета. Серия : Филология. Искусствоведение. — 2010. — № 11 (192). — Выпуск 42. — С. 87—92.
14. *Олизько Н. С.* Семиотико-синергетическая трактовка паратекста (на материале творчества Дж. Барта) / Н. С. Олизько // Вестник Челябинского государственного университета. — 2008. — № 3. — С. 71—75.

15. Ремчукова Е. Н. Малоформатные медиатексты «новостного потока» в фокусе лингвистики : жанровые и языковые особенности / Е. Н. Ремчукова, А. А. Апостолиди // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. — 2018. — Т. 9. — № 3. — С. 651—668. — DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-651-668

16. Трофимова Г. Н. Языковой вкус интернет-эпохи в России : функционирование русского языка в Интернете : концептуально-сущностные доминанты / Г. Н. Трофимова. — Москва : Изд-во РУДН, 2011. — 436 с. — ISBN 978-5-209-03170-3.

17. Хорошие и плохие заголовки. Критерии оценки с примерами : Рекомендации по оформлению заголовков для партнеров сервиса Яндекс Новости [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://yandex.ru/support/news/headers.html> (дата обращения 21.04.2021).

18. Хорошуннова И. В. Реализация аттрактивной функции единиц разных уровней в русском языке (на материале заголовков новостных медиатекстов воронежских интернет-СМИ) / И. В. Хорошуннова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Филология. Журналистика. — 2020. — № 4. — С. 74—77.

19. Христова Н. А. Воздействие речевой деятельности СМИ на познавательные структуры индивида : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.02.19 / Н. А. Христова. — Тверь, 2005. — 29 с.

20. Genette G. *Paratexts : Thresholds of Interpretation* / G. Genette. — Cambridge : Cambridge University Press, 1997. — 437 p. — ISBN 9780511549373.

21. Krasina E. A. Online English Newspaper Headlines as Media Linguistics Phenomenon (an Attempt of Linguistic Description) / E. A. Krasina, M. Souadkia // Theoretical and Practical Issues of Journalism. — 2020. — Т. 9. — № 1. — С. 136—148. — DOI: 10.17150/2308-6203.2020.9(1).136-148.

REFERENCES

- Genette, G. (1997). *Paratexts: Thresholds of Interpretation*. Cambridge: Cambridge University Press. 437 p. ISBN 9780511549373.
- Good and bad headlines. Evaluation criteria with examples: Recommendations for the design of headings for Yandex service partners News*. Available at: <https://yandex.ru/support/news/headers.html> (accessed 21.04.2021). (In Russ.).
- Hristova, N. A. (2005). *The impact of the speech activity of the media on the cognitive structures of the individual*. Author's abstract of PhD Diss. Tver. 29 p. (In Russ.).
- Khoroshunova, I. V. (2020). Implementation of the attractive function of units of different levels in the Russian language (based on the headlines of news media texts of Voronezh Internet media). *Bulletin of the Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*, 4: 74—77. (In Russ.).
- Komarov, E. N. (2003). *Value orientations in the headlines of French and Russian mass media*. Author's abstract of PhD Diss. Volgograd. 20 p. (In Russ.).
- Koseriu, E. (1977). The current situation in linguistics. *Bulletin of the USSR Academy of Sciences. A series of literature and language*, 36 (6): 514—521. (In Russ.).
- Kovalchukova, M. A. (2009). *News announcement on the Internet as a speech genre of media discourse*. Author's abstract of PhD Diss. Izhevsk. 24 p. (In Russ.).
- Krasina, E. A., Souadkia, M. (2020). Online English Newspaper Headlines as Media Linguistics Phenomenon (an Attempt of Linguistic Description). *Theoretical*

- and Practical Issues of Journalism, 9 (1):* 136—148. DOI: 10.17150/2308-6203.2020.9(1).136-148.
- Lazareva, E. A. (2006). The title complex of the text — a means of organizing and optimizing perception. *Proceedings of the Ural State University, 40:* 158—166. (In Russ.).
- Lukin, V. A. (1999). *Literary text: Fundamentals of linguistic theory and elements of analysis*. Moscow: Os-89. 192 p. ISBN 5-86894-279-5. (In Russ.).
- Malyshev, A. A. (2013). Nomadic headlines: transformation of news headlines on Internet portals. *Media Linguistics, 52:* 218—221. (In Russ.).
- Negryshev, A. A. (2020). Pseudosensation on the Internet: the experience of linguistic description. *Bulletin of the Volgograd State University. Series 2. Linguistics, 19 (2):* 43—53. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.2.4>. (In Russ.).
- Nikiforova, Zh. A. (2010). The problem of the autonomy of the title in the hypertext structure of a newspaper issue. *Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Philology. Art history, 11 (192) / 42:* 87—92. (In Russ.).
- Olizko, N. S. (2008). Semiotic-synergetic interpretation of the paratext (based on the material of J. Barth's creativity). *Bulletin of Chelyabinsk State University, 3:* 71—75. (In Russ.).
- Remchukova, E. N., Apostolidi, A. A. (2018). Small-format media texts of the “news stream” in the focus of linguistics: genre and language features. *Bulletin of the People's Friendship University of Russia. Series: Theory of Language. Semiotics. Semantics, 9 (3):* 651—668. DOI: 10.22363/2313-2299-2018-9-3-651-668. (In Russ.).
- Trofimova, G. N. (2011). *Linguistic taste of the Internet age in Russia: functioning of the Russian language on the Internet: conceptual and essential dominants*. Moscow: RUDN Publishing House. 436 p. ISBN 978-5-209-03170-3. (In Russ.).
- Vakhtel, N. M. (2004). Newspaper headline as a speech act. *Bulletin of the Voronezh State University. Series: Philology. Journalism, 1:* 82—83. (In Russ.).
- Varzapova, V. Yu. (2019). The title of the network media text as an autosemantic text. *Trends in the development of science and education, 50—10:* 15—18. DOI: 10.18411/lj-05-2019-197. (In Russ.).
- Vorontsova, T. A. (2017). News headline as a representative of the event. *Political Linguistics, 6 (66):* 21—25. (In Russ.).
- Vorontsova, T. A., Kovalchukova, M. A. (2015). The image of an event in the Internet news discourse. *Bulletin of the Udmurt University. Series: History. Philology, 25 (4—3):* 102—108. (In Russ.).
- Vysotskaya, I. V., Kochetkov, P. N. (2018). Headline Internet news as a cognitive model of the situation. *Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology, 17 (6):* 89—96. DOI: 10.25205/1818-7919-2018-17-6-89-96. (In Russ.).

Щеникова Е. В. Голофрастические неoderиваты с центральным компонентом же в аспекте развития словообразовательных моделей / Е. В. Щеникова, Е. А. Жданова // Научный диалог. — 2021. — № 12. — С. 139—158. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-139-158.

Shchenikova, E. V., Zhdanova, E. A. (2021). Holophrasemes with a Central Component ‘zhe’: Derivational Models. *Nauchnyi dialog*, 12: 139-158. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-139-158. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-139-158

**Голофрастические
неoderиваты
с центральным
компонентом же
в аспекте развития
словообразовательных
моделей**

Щеникова Елена Викторовна
orcid.org/0000-0001-6510-5151
кандидат филологических наук, доцент
shenl@yandex.ru

Жданова Елена Александровна
orcid.org/0000-0003-3700-0613
кандидат филологических наук
e-a-zhdanova@inbox.ru

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
(Нижний Новгород, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке
РФФИ и РЯИК в рамках научного
проекта № 20-512-23003 / 21

**Holophrasemes with
a Central Component ‘zhe’:
Derivational Models**

Elena V. Shchenikova
orcid.org/0000-0001-6510-5151
PhD in Philology, Associate Professor
shenl@yandex.ru

Elena A. Zhdanova
orcid.org/0000-0003-3700-0613
PhD in Philology, Lecturer
e-a-zhdanova@inbox.ru

National Research
Lobachevsky State University
of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia)

Acknowledgments:
The reported study was funded by RFBR
and FRLC, project number 20-512-23003
/ 21

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются неодериваты голофрастического типа (голофразмы), сводимые к обобщенной словообразовательной модели « $S_1 + же/ж + S_2$ ». Актуальность исследования обусловлена заметной продуктивностью данной модели в неформальном сегменте Рунета — динамично развивающейся системе, отчетливо отражающей многие активные процессы в русском национальном языке и способной оказывать влияние на речевую практику носителей языка в других коммуникативных средах. Указываются разные подходы к пониманию способа создания рассматриваемых неодериватов, а также к толкованию термина голофразис. Особое внимание уделяется закрепившимся в интернет-дискурсе лексемам *яжемать*, *онижедети*, которые могут быть расценены как концептуальная и структурная база рассматриваемой модели. Новизна исследования видится в детальной типологизации голофразем — репрезентантов модели по ряду структурных и функционально-семантических оснований. Представлены виды таких единиц по объектам и основаниям номинации, по степени связности компонентов. Приводятся разновидности обобщенной модели, выделяемые по признаку морфологической (а в некоторых случаях и синтаксической) выраженности производящих единиц; рассматриваются группы структурно-семантических аномалий, сопутствующих созданию голофрастических неодериватов. Затрагиваются вопросы о включении голофразем в деривационные процессы в качестве производящих слов, а также о морфемизации компонентов типа *яже*, *тыже*.

Ключевые слова:

словообразование; сращение; голофразис; язык Интернета; интернет-форумы; блоги; *яжемать*.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

We consider non-derivatives of the holophrastic type (holophrasemes), which are reduced to a generalized word-formation model « $S_1 + zhe/zh + S_2$ ». The relevance of the study is due to the noticeable productivity of this model in the informal segment of the Runet — a dynamically developing system that clearly reflects many active processes in the Russian national language and is capable of influencing the speech practice of native speakers in other communicative environments. Various approaches to understanding the method of creating the considered non-derivatives are indicated, as well as to the interpretation of the term “holophrasis”. Particular attention is paid to the lexemes *yazhemat* and *onizhede-ti*, that have become entrenched in the Internet discourse, which can be regarded as the conceptual and structural basis of the model under consideration. The novelty of the research is seen in the detailed typologization of holophrasemes — the model representatives on a number of structural and functional-semantic grounds. The types of such units are presented by objects and grounds of nomination, by the degree of connectivity of the components. Varieties of the generalized model are given, distinguished by the morphological (and in some cases, syntactic) expression of the producing units; groups of structural and semantic anomalies accompanying the creation of holophrastic derivatives are considered. The questions about the inclusion of holophrasemes in derivational processes as producing words, as well as about the morphemization of components like *yazhe*, *tyzhe* are touched upon.

Key words:

word formation; fusion; holophrasis; language of the Internet; internet forums; blogs; *yazhemat*.

Голофрастические неодериваты с центральным компонентом *же* в аспекте развития словообразовательных моделей

© Щеникова Е. В., Жданова Е. А., 2021

1. Введение

В современном российском обществе в последние десятилетия происходит заметная перестройка института межличностных отношений. Трансформируются соответствующие ценности и взгляды на нормы поведения в семье, кругу друзей, а также в ситуациях общения с малознакомыми и совсем незнакомыми людьми. Социальные изменения находят живое отражение в неформальном сегменте Рунета, и в частности на различных форумах и в блогах. При этом зарождающиеся и / или трансформирующиеся феномены социальной сферы не просто обсуждаются интернет-пользователями, но и получают в их речи новые вербальные обозначения, высвечивающие и закрепляющие «ценностные приоритеты определенного социума, а также национально-специфические особенности категоризации и вербализации» [Коряковцева, 2016, с. 13]. Значительными ресурсами для создания таких обозначений обладает словообразовательная подсистема русского языка.

2. Слова *яжсемать* и *онижедети* / *онжеребенок* как концептуальная основа новых словообразовательных моделей

В рассматриваемом аспекте очень показательными, на наш взгляд, являются неодериваты *яжсемать* и *онижедети* / *онжеребенок*, которые получили широкое распространение в интернет-дискурсе и регулярно выходят за его пределы (так, слово *яжсемать* — как средство номинации, а не как объект исследования — было выявлено, например, в научной статье, посвященной вопросам философии [Надолинская и др., 2020, с. 31]).

Лексемы *яжсемать* и *онижедети* / *онжеребенок* в своем узуальном употреблении отчетливо демонстрируют ответную реакцию общества на отклоняющееся от нормы поведение номинируемых субъектов. В лингвистической литературе зафиксированы, в частности, такие дефиниции лексемы *яжсемать*: ‘мать в уничижительном смысле; женщина, заботящаяся о своем ребенке, любящая его, ставящая его интересы на первое место (подразумевается, что говорящий не разделяет мнение описываемого субъекта)’ [Зиновьева, 2018, с. 6]; ‘женщина, оправдывающая свое неадекват-

ное поведение наличием ребенка или беременностью» [Башкирцева и др., 2019, с. 134]; «женщина, которая пренебрегает ребенком, его здоровьем, воспитанием, считая, что факт рождения ею ребенка уже делает ее матерью» [Башкирцева и др., 2019, с. 134]; «женщина, которая старается делать все слишком правильно при воспитании своего ребенка» [Башкирцева и др., 2019, с. 134]. Попытки определения лексем *яжемать*, *онижседети* / *онжеребенок* и соответствующих понятий отмечаются и в сфере их естественного бытования — в интернет-дискурсе, например: «ОНЖЕребенок, — может использоваться в значении “ему все можно” и в смысле “он ничего не понимает, с ним можно не считаться вообще”» [ЖЖ] (здесь и в последующих текстовых иллюстрациях авторские орфография и пунктуация сохранены). Как видно, толкования одного и того же слова / понятия могут варьироваться в зависимости от источника, при этом во всех так или иначе реализуется отрицательный компонент, в большинстве — содержится указание на попытку оправдать нежелательную модель поведения социальными признаками лиц, реализующих эту модель.

(Следует уточнить, что лексема *онижседети* (в отличие от лексемы *яжемать*) обнаруживает связь не только с бытовой сферой, но и со сферой политической коммуникации. Данная новация получила широкую известность в контексте украинских событий конца 2013 — начала 2014 гг.: в начале Евромайдана было распространено мнение, что в отношении протестующих (значительную часть которых, по некоторым данным, составляла молодежь) нельзя применять насильственные методы, поскольку «они же дети». Лозунг (а точнее — интернет-мем) *онижседети* был подхвачен пользователями Сети и позднее применялся при описании протестных акций на других территориях. Полагаем, что следует разграничивать употребление данной единицы в бытовом и политическом контекстах. По всей вероятности, здесь имеет место реализация разных значений неодеривата-полисеманта или даже реализация неологизмов-омонимов. В рамках данного исследования основное внимание будет уделено тем аспектам, которые затрагивают бытовое употребление неологизмов).

Рассматриваемые модели поведения человека существовали и до появления анализируемых номинаций. Однако именно в 10-е годы XXI века нарастающая популярность этих моделей привела к пополнению лексической системы языка новыми единицами. Показателем общественно осознанной значимости обсуждаемых языковых новаций можно считать их фиксацию в Викисловаре [Wiki]. Данные слова как языковые репрезентанты социально значимых смыслов привлекают также внимание многих лингвистов [Зиновьева, 2018, с. 6—8; Мирзоева, 2018; Габтрашитова 2019 и др.] (наряду с этим рассматриваемые единицы регулярно задействуются

как частные примеры / показатели явлений, типичных для интернет-коммуникации: языковой игры [Викторова, 2018, с. 299], речевой компрессии [Ягодкина, 2019, с. 193—194], определенных разновидностей дискурса [Секерина, 2018, с. 138] и др.).

Позволим себе предположить, что слова *онижедети* / *онжеребенок*, *яжемать* как своеобразные символы определенного типа деструктивного социального поведения дали импульс к созданию множества подобных единиц (*яжеотец*, *онжемаленький*, *тыжмужик* и под.), которые могут быть сведены к обобщенной трехкомпонентной модели $S_1 + же/жс + S_2$, где S_1 — обозначение субъекта / объекта социальных отношений, S_2 — обозначение статуса, свойства, состояния этого субъекта / объекта, *же* / *жс* — фиксированный лексический компонент модели, в значительной степени обеспечивающий ее узнаваемость и репрезентирующий идею оправдания либо, напротив, требования определенного типа социального взаимодействия в связи с наличием у S_1 признака S_2 (в периферийных вариациях — признания у S_1 признака/свойства S_2).

3. Материал исследования

В результате обращения к текстам блогов (включая комментарии), интернет-текстам, написанным в околоблоговой стилистике, а также к текстам интернет-форумов в период 2017—2021 гг. нами было выявлено 143 неолексемы, которые могут быть соотнесены с представленной выше абстрактной моделью (количество проанализированных словоупотреблений при этом составило 255 единиц). Часть из них, видимо, создана непосредственно по образцу базовых лексем группы, другие — по оформившимся позднее частным моделям. Ввиду синхронической направленности нашего исследования эти две группы единиц далее разграничиваться не будут.

Кроме того, к исследованию было дополнительно привлечено 20 лексем (30 словоупотреблений), производных от единиц рассматриваемой группы.

4. Голофразис как особая разновидность сращения

Способ создания единиц типа *онижедети* / *яжемать* определяется / истолковывается исследователями по-разному: «простое сложение слов» [Зиновьева, 2018, с. 6], сращение [Башкирцева и др., 2019], «сращение в рамках чистого сложения» [Переволочанская, 2018, с. 158], лексико-синтаксический способ [Ягодкина, 2019, с. 193] и др. Это, видимо, во многом обусловлено инновационной природой рассматриваемых феноменов. Отклонения от классических деривационных схем у анализируемых не-одериватов с разной степенью подробности рассматривают, например,

Ф. Б. Альбрехт [Альбрехт, 2019], О. А. Башкирцева и Д. М. Дедковская [Башкирцева и др., 2019]. Ф. Б. Альбрехт, в частности, полагает, что «единицам вроде *яжемать* изнутри русского языка не найдется места в номенклатуре узуальных синхронных способов словообразования» [Альбрехт, 2019, с. 16]. Другие исследователи, впрочем, придерживаются противоположной точки зрения: «Происхождение слова (*яжемать*. — Е. Щ., Е. Ж.) очень прозрачно; способом словообразования в данном случае является простое сложение слов» [Зиновьева, 2018, с. 6].

Нередко подобные производные определяются как образованные путем голофразиса. При этом сам термин голофразис в современной русистике также не имеет однозначного толкования. Некоторые лингвисты под голофразисом понимают «графический прием, объединяющий несколько слов в одно путем ликвидации пробелов» [Викторова, 2018, с. 298]. Мы будем рассматривать голофразис как явление из области словообразовательной деривации, особую разновидность сращения, а именно создание слова «на базе предложения, его части или группы предложений» [Ковынева, 2007, с. 31]. Мы солидарны с теми исследователями, которые усматривают у голофрастических неoderиватов новую семантику, отличную от семантики производящей базы [Башкирцева и др., 2019], определяют их как мегазнаки, номинирующие «целый семантический комплекс» [Ковынева, 2017, с. 111], подчеркивающие «неразрывную связь обозначаемых ими реалий» [Николина, 2011, с. 468—469].

Графическое оформление неoderиватов, безусловно, является ярким показателем обсуждаемого способа. Если ранее (изначально — в публицистике), по свидетельству исследователей, было популярно употребление дефисных комплексов [Николина, 2011, с. 467; Клушина 2000], то позднее преобладающим стало слитное написание [Клушина, 2016, с. 279]. Наш материал в значительной степени подтверждает обозначенную тенденцию: из 143 лексем лишь 6 имеют дефисное написание: *он-же-ребенок*, *я-же-отец*, *мы-ж-семья*, *мне-же-завтра-на-работу*, *я-же-пупы*, *я-же-пупы Вселенной*.

Последний из приведенных примеров отражает еще одну особенность графического представления неoderиватов: если компонент S_2 восходит к связанному словосочетанию, последняя его часть может отделяться пробелом от остальных элементов графо-семантического комплекса (см. также: *тыжспластический хирург*).

Тенденция к слитному написанию голофразем, на наш взгляд, поддерживается широко распространенной практикой хештегирования, не предполагающей использования пробелов. Некоторые неoderиваты даже включают в свой состав символ хештега: *#яжескоропрограммист*, *#Тыж-*

рекрутер, #мыжбабки#. Однако мы больше склонны усматривать здесь реализацию не выделительно-отсылочной, а игровой функции — как и в других случаях задействования невербальных символов, а также при использовании капитализации: *@мыжбабули, ЯжеЮрист, ТЫЖначальник*.

5. Частные модели голофрастических неoderиватов

Обобщенная модель $S_1 + же/ж + S_2$ в рамках нашей выборки представлена 32 частными моделями, среди которых заметно выделяются две:

— «мл1ед+сущ» (34,9 %): *ЯЖБЛОГЕР, ЯжВодитель, яжмамашка, ЯЖСкорпион*;

— «мл2ед+сущ» (25,2 %): *тыжмужик, тыжобщественник, тыжте-лепат*.

Оставшиеся 30 моделей имеют невысокую степень продуктивности: их доли варьируются в пределах от 0,7 % до 4,2 %.

Ядро данной подгруппы (как и предыдущих) составляют единицы с первым компонентом — личным местоимением и третьим компонен-том — именем существительным: «мл3м.ед+сущ» (4,2 %: *онжебатьа, онже-деть, онжемужчина, онжеотец*); «мл3ж.ед+сущ» (3,5 %: *#онажебабушка, онажекоролева, онажепринцесса*); «мл1мн+сущ» (3,5 %: *#мыждедкы#, @мыжбабули, мыждедкы, мы-ж-семья*); «мл2мн(‘ед.’)+сущ» (2,1 %: *Выжди-зайнер, Выжеженщина, Выжемать*); «мл3мн+сущ» (2,1 %: *ОНИЖЕМАТЕ-РИ, ониженегры*); «мл3ср.ед+сущ» (1,4 %: *Оножедеть*). Реже реализуются модели с третьим компонентом — именем прилагательным (как правило, на-ходящимся на той или иной ступени субстантивации): «мл1ед+прил» (2,8 %: *ЯЖЕУМНЫЙ; яжесемейная, ЯЖЕмолодой, ЯЖЕстарый*); «мл2ед+прил» (2,1 %: *ТЫЖмолодой, тыжкрасивый*); «мл3м.ед+прил» (0,7 %: *онжема-ленький*); «мл2мн+прил» (0,7 %: *выжеженское*). Изредка в субстантивных и адъективных моделях в качестве первого компонента выступает не личное, а указательное местоимение (*это*): «му.ед+сущ» (2,8 %: *этожевороненок, этожеврач, этождитё*); «му.ед+прил» (0,7 %: *этожекрасиво*).

Особое направление в развитии базовой модели связано с исполь-зованием в качестве третьего компонента слов неизменных частей речи: «мл1мн+нар» (0,7 %: *мыжевместе*); «мл2ед+нар» (0,7 %: *ТЫЖЕЗАМУ-ЖЕМ*); «мл1ед.(д.п.)+кс» (0,7 %: *мнежеможно*); «мл1ед+гл» (0,7 %: *яж-кормлю*); «мл2ед+гл» (0,7 %: *тыжевьяжешь*); «мл2ед+прич» (0,7 %: *ТЫ-Жобязанные*). В составе глагольных моделей был также выявлен первый компонент — имя существительное: «сущ+гл» (0,7 %: *Людижеработали*).

Наконец, выделим подгруппу моделей с третьим компонентом — со-четанием слов. Выявленные нами сочетания в структурном плане неоднородны. Они содержат от 2 до 3 слов и представляют собой:

— свободные либо связанные словосочетания с разной морфологической выраженностью и разными видами синтаксической связи: «мл1ед+(нар+сущ)» (1,4 %: #*Яждваждымать*, #*яжескоропрограммист*); «мл1ед+(сущ+сущ)» (0,7 %: *я-же-пуп Вселенной*); «мл2ед+(прил+сущ)» (0,7 %: *тыжпластический хирург*); «му.ед+(числ+сущ)» (0,7 %: *ЭТОЖЕ-ПЕРВЫЙРЕБЕНОК*);

— словесные комплексы, состоящие из знаменательных и относящихся к ним служебных частей речи (главным образом частицы *не*): «мл1ед+(не+сущ)» (1,4 %: *ЯжеНеМать*, #*ЯЖНЕПСИХОЛОГ*); «мл2ед+(не+гл)» (0,7 %: *Тыжнеработаешь*); «мл2мн(‘ед’)+д.п.+(предл+сущ)» (0,7 %: *вамжекпсихиатру*);

— комбинации указанных выше и некоторых смежных с ними явлений: «мл2ед+(не+прил+нар)» (0,7 %: *Тыжнезаянтзавтра*); «мл2ед+(мест+мест/част+прич)» (0,7 %: *Тыжвесьтакойпроработанный*); «мл1ед(д.п.)+(нар+предл+сущ)» (0,7 %: *мне-же-завтра-на-работу*); «(част+му.ср.)+(предл+мл1мн)» (0,7 %: *ТАКЭТОЖКНАМ*).

— предикативную пару: «(предл+мл2ед)+(сущ+гл)» (0,7%: *Утяжвремяесть*).

Как видно, в большей части моделей первый компонент — местоимение имеет фиксированную форму именительного падежа. Крайне редко (в основном при реализации периферийных моделей) оно получает форму одного из косвенных падежей и / или находится в сочетании со словами незначительных частей речи: *вамжекпсихиатру*, *мнежеможно*, *утяжвремяесть*, *ТАКЭТОЖКНАМ*.

6. Тематическая классификация неоператоров

Создание неоператоров в пределах рассматриваемой обобщенной модели осуществляется в русле тенденции к антропоцентризму. Почти 90 % неоператоров представляют собой наименования лиц (в группе производных на такие единицы приходится около 80 %).

Кроме того, обозначаются группы лиц: *мы-ж-семья*, *мыжевместе*; а также явления, неразрывно связанные с человеком: психологические особенности: *яжегонор*; части тела: *выжеженское*; действия: *Людижработали*; профессиональная направленность: *тыжспециальности*. Особый интерес представляет группа синкретичных наименований, которые одновременно обозначают лицо и его качество / состояние / действие: *онжемаленький*, *вамжекпсихиатру*, *тыжвесьтакойпроработанный*, *утяжвремяесть*, *тыжнезаянтзавтра*, *тыжнеработаешь*, *тыжвеяжешь*.

Периферийную позицию занимают обозначения эстетического восприятия / состояния окружающей среды: *этожескрасиво*; коммуникатив-

ных интенций: *ТАКЭТОЖКНАМ*; интернет-проекта (о семейной жизни): *ТЫЖЕЗАМУЖЕМ*; животных, причем включение в контекст последних нередко связано с реализацией приема олицетворения: *Видимо у ворон тоже новые методы воспитания: «Летай, малыш, а люди потеснятся — «этожевороненок»* [Я-Д].

7. Основания для номинации

Как наглядно демонстрируют приведенные выше примеры, основания для номинации субъектов / объектов задаются главным образом последним компонентом модели, причем наблюдается достаточно высокая степень типизации таких оснований.

В рамках нашей выборки наибольшую долю составляют неолексемы, производные от слов тематической группы «профессиональная деятельность» (37 из 142, или 25,9 %), среди которых, в свою очередь, доминируют наименования лиц по профессии: *ЯжВодитель*, *ЯЖЕФОТОГРАФ*, *Выжиджайнер*, *тыжкосмонавт*, *тыжэлектрик*. Особенно заметно представлены медицинские номинации: *яжевврач*, *тыжвврач*, *этожевврач*, *тыждоктур*, *тыжстоматолог*, *тыжхирург*, *тыжортонед*, *тыжпластический хирург*, *вамжсекспсихиатру*. Небольшие подгруппы образуют обозначения профессий из области педагогики и компьютерной сферы: *яжучитель*, *тыжучитель*, *#Яжепрепод*, *#ТыЖеПедагог*, *тыжкампутерицик*, *тыжпрограммист*, *ЯЖПрограммист*, *#яжескоропрограммист*. Кроме того, нельзя не отметить графическое разнообразие производных на базе существительного *юрист*: *яжюрист*, *ЯжеЮрист*, *#ЯЖЕЮРИСТ*, *ЯжЮрист*; *тыжюрист*, *Тыжюрист*. Такие единицы нередко используются как никонимы, и графическая форма, очевидно, задействуется как средство идентификации виртуального субъекта. Особняком в «профессиональной» группе стоит наименование *тыжспециальность*, производное от неодушевленного существительного.

В совокупности достаточно заметны неoderиваты, которые восходят к единицам, содержащим сему родства (18,9 %); однако частные группы таких неoderиватов представлены значительно меньшим количеством лексем, нежели группа наименований по профессии: «родство+пол» (14,7 %): *ЯЖСЫН*, *яжсеневестки*, *яжсесемейная*; «родство+пол+возраст» (1,4 %): *#онажебабушка*, *яжбабушка*; «родство+возраст» (0,7 %): *ЭТОЖЕПЕР-ВЫЙРЕБЕНОК*; «общее указание на родственные связи» (0,7 %): *ТЫЖ-родственник*; «родство+группа» (0,7 %): *мы-ж-семья* (сема группы, но вне сочетания с семой родства прослеживается также у единиц, созданных по периферийным моделям (1,4%): *мыжевместе*, *ТАКЭТОЖКНАМ*). Поведение женщин, обозначенное существительным *яжемать*, по-прежнему остается в зоне повышенного внимания интернет-сообщества: именно

обозначения матерей чаще всего задействуются в качестве производящих основ при образовании неoderиватов «семейно-родственной» группы (всего выявлено 14 неолексем). Как правило, производящие слова имеют зафиксированную в языке сниженную стилистическую окраску, явно передающую отрицательное отношение к объекту номинации: *яжмамаша, яжмамашка, яжемамка, яжматки*. У некоторых единиц при включении в состав неoderивата происходит трансформация исходной уменьшительно-ласкательной окраски в уменьшительно-пренебрежительную: *Не кисло было бы ЯжМамуле штрафЧик выписать за обучение Нахаленка попрошайничеству* [Я-Д]; *Мамо получила бы урок. В ответ возможным защитникам «онажемамочек», скажу...* [Я-Д]. Производящие слова со значением / компонентом значения 'родитель женского пола' (в том числе доминанта синонимического ряда *мать*) задействуются при реализации 7 из 32 рассматриваемых нами моделей: *яжемать; тыжемать; Выжемать; Онажемать, онажемамочка; ОНИЖЕМАТЕРИ, ЯжеНеМать, #Яждваждымать*. Производящие слова с семантикой 'родитель мужского пола' менее разнообразны и обнаруживают связь с небольшим количеством моделей: *яжотец, ЯжеПапа; онжеотец, онжебатья*.

Кроме того, неoderиваты достаточно регулярно отражают:

— возраст (7,7 %): *ОНИЖЕДЕТИ, оножедеть, оножедитё, этожедитё, мыждети, яжребенок, ОНЖЕребенок, этожеребеночек#, онжедеть, ЯЖЕмолодой, ЯЖЕстарый, онжемаленький;*

— гендерно-возрастные характеристики (10,5 %): *ТЫЖЕДЕВОЧКА, тыжедевушка, ТЫЖЕженицина, Выжеженицина, яжеженицина, Яжбабка, @мыжбабули, #мыждедки#, ТЫЖЕмужчина, яжемужчина, онжемужчина, тыжмужик;*

— субъективную оценку лиц и в единичных случаях иных явлений действительности (8,4 %), а именно неофициальный статус, характер и связанную с этим манеру поведения: *онажекоролева, онажепринцесса, я-же-пуп Вселенной, яжсеньтик, Яжхамло, яжегонор;* уровень интеллекта: *ЯЖЕУМНЫЙ, тыжеумный;* наделенность какими-то особыми свойствами (которые, по мнению окружающих, позволят без труда выполнить их пожелания): *тыжволишебник, тыжстелепат, тыжвесьтакойпроработанный;* эстетические представления: *Этожекрасиво, тыжекрасивый;*

— разноплановые объективные социальные характеристики, выходящие за пределы семейно-родственной сферы, в частности, официальный статус / должность: *ТЫЖначальник, тыжминистр;* социальную/политическую позицию: *Яжгражданин, Тыжобщественник, яжедепутат, Тыждемократ, Тыжоппозиционер;* отнесенность к числу социально незащищенных граждан: *яжепенсионеры, яжеинвалиды;*

— хобби (7 %): *тыжсевяжешь, Яжгеймер, #яжекинолюб, ЯжПисатель, ЯжеРассказчик, ЯжРыбак, ЯжТурист* (интересно отметить, что все единицы данной группы, за исключением одной (*тыжсевяжешь*), представляют собой никонимы).

Редко, главным образом при реализации периферийных моделей, актуализируются:

— выполнение работы / отдых (и связанная с этим степень занятости) (3,5 %): *Утяжсвремяешь, Тыжнезаянтзавтра, Тыжнеработаешь, Людижеработали*;

— биологический вид, в том числе в сочетании с указанием на возраст (2,1 %): *ЯжеКОТ, ЯЖЕКОТИК, этожевороненок*;

— модальные оттенки (1,4 %): *мнежеможно, ТЫЖобязанные*;

— пол (0,7 %): *выжеженское*;

— реализуемая функция (0,7 %): *яжскормлю*.

8. Связность / цельность голофрастических неодезиватов

По степени цельности / связности выявленные нами неодезиваты подразделяются на три группы.

Голофраземы первой группы (27 % словоупотреблений) в контексте можно легко разложить на производящие компоненты, не разрушив структуру и не исказив общую идею высказывания (утрачиваются лишь некоторые закрепленные за моделью семантико-стилистические оттенки). Такие единицы замещают простые нераспространенные предложения: *Яжбавка! Что мне сделают?* [Я-Д]; предикативные части в составе сложных предложений (с разными типами смысловых отношений, например, с пояснительными): *Здесь п/терапия нужна, но не пойдет же — «онажемать», «онажеженщина», «онажекоролева»* [b17]; несогласованные определения: *Очередная история на тему: Онжеребенок и онаже мать!* [ЖЖ].

Единицы второй группы (21,6 % словоупотреблений) восходят к синтаксическим конструкциям, которые соответствуют формально-грамматическим требованиям, но при постановке в позицию голофразем продуцируют семантико-грамматические аномалии ввиду отсутствия той части высказывания, с которой должен устанавливаться связь компонент *же*. Подобное, как правило, наблюдается при использовании рассматриваемых единиц в качестве никонимов и / или названий каналов (блогов) на ресурсе «Яндекс.Дзен»: *ЯЖТУРАГЕНТ, ЯжеРассказчик, ЯЖБЛОГЕР, Яжгеймер*.

Наконец, третья группа голофразем (51,4 % словоупотреблений) характеризуется наибольшей спаянностью компонентов и почти полной невозможностью обратной трансформации в исходную синтаксическую конструкцию в пределах контекста (а нередко и в отрыве от него) по причине

заметной грамматической и / или семантической нестыковки производящих компонентов с их вербальным окружением, в том числе в пределах самой конструкции.

9. Аномальность неодериватов и оценочность модели

Голофрастические неодериваты обладают заметной экспрессией и оценочностью — преимущественно отрицательной, позволяющей передать пренебрежительное [Башкирцева и др., 2019, с. 136; Викторова, 2018, с. 299], насмешливое, ироническое [Викторова, 2018, с. 299] отношение к номинируемым субъектам и представляемым ситуациям.

Единицы, которые создаются по рассматриваемой нами обобщенной модели, стабильно поддерживают аффективно-оценочную составляющую этой модели (а также представляемого ею способа словообразования в целом). И не в последнюю очередь это происходит за счет разного рода формальных и / или семантических аномалий, связанных с сочетаемостью производящих основ, с соотношением семантики неодеривата и семантики элементов производящей базы и т.п. (ср. замечание Л. Ю. Мирзоевой: «Негативная оценка, выражаемая новообразованиями голофрастического характера, индуцируется в значительной степени отклонениями от нормы» [Мирзоева, 2018, с. 21]).

В первую очередь рассмотрим игру на аномалиях, затрагивающих категорию лица.

Наиболее распространенной является такая разновидность игры, которая была реализована при создании лексемы-прототипа *яжмать*: неодериват, предназначенный для номинации третьих лиц, содержит в своем составе местоимение 1-го лица: именно «**я-же-отец**», «*туп Вселенной*», *уродует менталитет ребёнка и растит из него хама* [Я-Д]; *А **яжженица** так же мгновенно отправит такого **яжемужчину** в полицию на предмет «подумать»* [Я-Д]; **ЯЖЕРЕБЁНОК** в моем классе [Я-Д]. Подобное несоответствие денотата и семантики производящей основы встречается не только в субстантивных я-моделях, но и в субстантивных *мы*-моделях, а также в моделях адъективных и наречных: «*Яжмать*» и «**мыждеди**» или поездка «СПб — Ад» [Я-Д]; *Нужно быть людьми и не уступать семьям и **мыжесеместе*** [Я-Д]; *Фу... **яжесемейная**. Сами проморгали регистрацию и еще скандал закатили* [Я-Д]. При этом во всех случаях выражается резко негативное отношение к субъекту номинации. Отрицательную оценочность, присущую подобным образованиям, можно считать результатом десемантизации производящего местоимения, которое уже не указывает на говорящего, что особенно хорошо заметно в случаях, когда неодериват сочетается с глаголом в форме 3 лица: *взрослый **яжпассажир** потерял 5 часов* [Я-Д].

Несколько реже десемантизация наблюдается в контекстах, где для указания на третьих лиц используются голофраземы, созданные на базе *ты*-основ: *Меня здесь поправили, что это уже не «Тыжпсихолог,» а «Тыжволшебник» и «Тыжстелепат»*. Ну, в-общем, коллеги *тыжпсихолога* [b17]; *Ещё есть тыжучитель. Знает все школьные и внешкольные предметы. Помнит <...> даты правления всех монархов* [b17]. Подобные единицы демонстрируют ироническое переосмысление производящей базы, в качестве которой чаще используются высказывания лиц, предъявляющих завышенные требования к определенным социальным (главным образом профессиональным) группам: *Ты ж психолог; Ты ж учитель* и т. п. Неодериваты, как правило, создаются представителями таких социальных групп (реже — сторонними наблюдателями из числа «сочувствующих»), которые не являются непосредственными адресатами реплик, послуживших основой для голофразем, и, соответственно, субъектами номинации. Скрытая диалогичность и ироническая окраска повышают экспрессивность формирующейся модели, которая в последняя время уже не требует привлечения в качестве производящей базы реальных высказываний антагонистических социальных групп (см.: *тыжволшебник, тыжстелепат*).

Особая разновидность аномалий — включение местоимений 2 лица в состав неодериватов, используемых для самономинации: *Марина В., угу)) а я «тыжюрист»))) та же песня))* [Я-Д]. Наиболее часто подобное наблюдается в составе никонимов / названий каналов на ресурсе «Яндекс. Дзен»: *Тыжпрограммист Техно-советы которые реально работают!; #Тыжрекрутер о карьере — с любовью и без мифов*. Здесь происходит ироническое переосмысление модели, связанное с заменой отрицательной оценки субъекта на положительную. При этом сохраняется семантический инвариант модели ‘проявление яркого признака субъекта / объекта’.

Голофраземы, включающие *ты*-основы, реализуют прием особой — внутрисловной — диалогизации монолога, что, несомненно, усиливает их выразительность.

Новообразования, построенные на базе местоимений *он / она / оно / они, это (онжеотец, этожеврач)*, в целом менее экспрессивны — видимо, как раз потому, что сохраняют присущее им в языке значение — указывают на лицо, не участвующее в диалоге.

Голофрастические неодериваты, на наш взгляд, сохраняют достаточно сильную связь с положенными в их основу синтаксическими конструкциями, которые, как правило, представляют собой предикативную пару. Соответственно, экспрессию и оценочность рассматриваемых неодериватов усиливают такие явления, которые применительно к синтаксическим конструкциям можно расценить как рассогласование / раскоординацию

подлежащего и сказуемого. Главные члены предложения, как известно, согласуются в числе; однако число производящего слова — личного местоимения и число самого неодеривата как лексемы далеко не всегда совпадают. В подавляющем большинстве случаев голофраземы, созданные на базе местоимений единственного числа, в контексте приобретают форму множественного числа: ***Яжемамки** обнаглевшие!* [Я-Д]; *Задолбали ноющие **яжпассажиры*** [Я-Д].

В большинстве выявленных нами частных моделей первая производящая основа фиксируется в форме именительного падежа; при этом неодериват может включаться в контекст таким образом, что последняя основа приобретает форму косвенного падежа (чаще всего — родительного): *Наглая невоспитанная **яжемать** растит такого же наглого невоспитанного **яжребенка*** [Я-Д]; *Блог **тыжпрограммиста*** [Я-Д]; *«**яжеженщиной**» становятся тогда, когда рядом одни «недомужчины»* [Я-Д].

Значительно реже последний компонент голофрастического сращения сохраняет именительный падеж, теряя при этом грамматическую сочетаемость с остальными словами в высказывании (голофразама выступает как неизменяемое слово): *Если свернёте не туда, то превратитесь в #**яжеженщина*** [Я-Д]; *А правительство, тоже можно отнести к «**яжедепутат**»* [Я-Д]; *Ближе к середине вагона я услышал бесноватые крики «**мыждети**»* [Я-Д]. В подавляющем большинстве случаев такие неодериваты заключаются в кавычки.

Заметная часть словоупотреблений совмещает разные виды представленных выше аномалий, что, безусловно, усиливает их экспрессивность: *отвратительное поведение «**яжматок**» встречается все чаще* [Я-Д]; *о **тыжпсихологах** и других **тыжспециалистах*** [b17]; *И тут мне пришлось столкнуться с тайской **ЯЖМАТЕРЬЮ*** [Я-Д].

Достаточно редкими, но в значительной степени экспрессивными являются единицы, построенные на обыгрывании грамматической категории одушевленности и лексико-семантической категории лица. Чаще всего в таких случаях реализуется олицетворение: личные местоимения 1 и 2 лица, которые традиционно указывают на человека, в составе неодериватов сочетаются с основами — неодушевленными существительными либо с основами — наименованиями животных: *Мужчина такой **яжеженщине** мгновенно вмажет кулаком промеж ушей за **яжегонора*** [Я-Д]; *Тема нашла неожиданное понимание от представителей других, смежных **тыжспециальностей*** [b17]; ***ЯЖЕКОТИК** Этот канал <...> Про животных, о их особенностях и милоты. Кто не подписался, тому КУСЬ!* [Я-Д]. Реже отмечается опредмечивание, при котором местоимение среднего рода соединяется с личным существительным (*дитё / деть*): *«**оножедитём**»* счи-

тается любой, кто не потрудился и к 30-ти годам обзавестись семьёй [ЖЖ]; Американский «*оножедет*» получил в России 9 лет заключения [ЖЖ]. Олицетворение задействуется для формирования стилистических эффектов в широком диапазоне от агрессии (*яжегонор*) до легкого комизма (*ЯЖЕКОТИК*). Опредеичивание в пределах нашей выборки, напротив, обнаруживает однофункциональность, подчеркивая во всех контекстах отрицательное отношение к инфантильности, эмоциональной и моральной невзрослости обозначаемых субъектов.

10. Деривационная активность голофразем типа *яжемать*

Единицы, созданные по рассматриваемой модели (главным образом закрепившееся в интернет-дискурсе существительное *яжемать*), регулярно включаются в деривационные процессы в качестве производящих слов. При этом реализуются такие способы словообразования, как:

— контаминация: *яжемамский* (*яжемать* + *мамский*), *яжебать* (*яжемать* + *батьа*), *яжематеринство* (*яжемать* + *материнство*), *онЖеребёнок* (*онжереребёнок* + *жеребёнок*);

— префиксация: *антияжематери*, *антияжемамы*, *антияжебабушки* (все выявленные неудариваты созданы при помощи префикса *анти-*, позволяющего подчеркнуть конфликт сторон; именно этот префикс задействован и при реализации смешанного способа «префиксация + сращение»: *антияжзасебя*);

— сложение: *яжематокбатеки* (*яжематок* + *батеки*), в том числе в сочетании с тмезисом: *ЯЖТАЙМАТЬ* (*яжмать* + *тай(ская)*);

— суффиксация: *яжмаство* (*яжмама* + *-ств*), *Яжематерее* (как видно, последняя из лексем создана непосредственно в форме сравнительной степени);

— усечение: *ЯЖЕ*, *тыже*, *ониже*; *Дык а кто такие понятия (яже, ониже) вдобил в их пустые головы?* [Я-Д] (неудариваты-усечения, в свою очередь, могут задействоваться в качестве самостоятельных производящих слов при реализации способа сложения: *Тыжобщественник*, *Тыждемократ*, *Тыжедоктур! Вокруг Тыж-Тыж-Тыж*, почти как *Тыж-Мыж-Пыж* [ЖЖ]).

Создание и употребление усечений типа *мыже*, *ониже* обнаруживают, на наш взгляд, нечто общее с процессом лексикализации морфем: «В результате актуализации морфемной структуры “крупным планом” выделяется одна (или несколько) из составляющих слово морфем, в результате внимание адресата текста концентрируется на ее значении, сочетаемости, а также на структуре слова в целом, которая при этом обнажается» [Николина и др., 2013, с. 124]. Первые части большинства рассматриваемых но-

вообразований — личное местоимение и частица *же* — в настоящее время обладают значительной спаянностью, которую отмечают и пользователи Сети: «**буквосочетания** (*яже, тыже, онже*. — Е. Щ., Е. Ж.) уже довольно прочно вошли в словарный обиход, и в их употреблении уже сложились даже своеобразные традиции» [ЖЖ]; **ЯЖЕ** — эту **приставку** (выделено нами. — Е. Щ., Е. Ж.) используют для оправдания каких-либо свинств принадлежностью к некоей группе, что заслугой оправдывающегося часто какбэ вообще не является. <...> **ТЫЖЕ** — обозначает обязанность и долг [ЖЖ]. Окололингвистические рассуждения такого рода не единичны и позволяют предположить, что носители языка уже ощущают процесс опрощения, который (как минимум в языке Интернета) может привести к появлению новых префиксоидов.

11. Заключение

Итак, живой отклик пользователей сети Интернет на изменения в общественной жизни, а также значительная речевая свобода в пределах соответствующей коммуникативной сферы, с одной стороны, и богатейшие возможности деривационной подсистемы русского языка, с другой, создали почву для появления многочисленных неоминаций, которые, как правило, выполняют не только денотативную, но и экспрессивно-оценочную функцию.

Среди таких номинаций заметную группу составляют единицы, образованные посредством голофразиса, и в частности единицы, которые могут быть сведены к обобщенной модели $S_1 + \text{же/ж} + S_2$. Часть из них (*яжемать, онижедети*) уже можно квалифицировать как узуальные образования (как минимум, в пределах интернет-дискурса); другие (*яжегонор, я-же-пуп Вселенной*), видимо, есть и останутся окказиональными; статус третьих (*тыжпсихолог, тыжучитель*) нельзя определить однозначно.

Наиболее типичные вариации рассматриваемой обобщенной модели в качестве первого компонента включают личное местоимение, в качестве последнего — имя существительное, называющее лицо (чаще всего по профессии либо по характеру родственных связей); производные соответствующей группы обладают преимущественно отрицательной оценочностью. При этом актуальность закрепленных за моделью базовых смыслов и, как следствие, активная ее реализация приводят к появлению все новых ее формальных вариаций, а также к развитию новой оценочной ветви, связанной с переходом (пока ироническим) от отрицательных коннотаций к положительным. Последнее особенно характерно для сферы функционирования никонимов.

Проведенный анализ еще раз подтверждает тезис о том, что «в современную эпоху возможности словотворческого экспериментирования значительно расширяются» [Коряковцева, 2016, с. 9], в том числе в связи

с развитием такой коммуникативной среды, как Интернет, где отдельные лингвокреативные личности имеют «возможность навязать свое индивидуальное “словообразовательное впечатление” достаточно большим группам носителей языка, которые под влиянием данного впечатления начинают производить неологизмы с помощью новых формантов» [Коряковцева, 2016, с. 9]. Наблюдение за созданием неодериватов типа *онижедети* / *яжемать* позволяет говорить о начальном этапе формирования целой группы словообразовательных единиц (*яже, тыже, онже* и т. п.), которые, по всей вероятности, следует квалифицировать как потенциальные префиксоиды. Завершение данного процесса, безусловно, приведет к существенной трансформации рассматриваемой модели.

Источники и принятые сокращения

1. Антибабский форум [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://antiwomen.ru> (дата обращения 31.05.2021).
2. Е — *eva.ru* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://eva.ru/> (дата обращения 30.05.2021).
3. ЖЖ — *Живой журнал* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.livejournal.com/> (дата обращения 08.07.2021).
4. КВАНТОФОРУМ [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://quantoforum.ru> (дата обращения 31.05.2021).
5. *Они же дети* [Электронный ресурс] // Википедия. — Режим доступа : https://ru.wikipedia.org/wiki/Они_же_дети (дата обращения 20.07.2021).
6. *Пикап. Форум* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://forum.pickup.ru/topic/166620> (дата обращения 30.05.2021).
7. b17 — *Психологи на b17.ru* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.b17.ru> (дата обращения 16.07.2021).
8. *Совместные покупки Нижнего Тагила* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.sp-tagil.ru/> (дата обращения 31.05.2021).
9. Я-Д — Яндекс.Дзен [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://zen.yandex.ru> (дата обращения 22.09.2021).
10. Wiki — *Яжемать* [Электронный ресурс] // Викисловарь. — Режим доступа : <https://ru.wiktionary.org/wiki/> (дата обращения 12.07.2021).
11. *NN.RU* — Нижний Новгород онлайн. Городские форумы [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.nn.ru/community/gorod/> (дата обращения 24.02.2021).
12. *Pikabu* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://pikabu.ru> (дата обращения 28.07.2021).

ЛИТЕРАТУРА

1. Альбрехт Ф. Б. К проблеме лингвистической интерпретации образований *яжемать, онжесеребёнок* / Ф. Б. Альбрехт // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. — 2019. — № 60. — С. 11—28. — DOI: 10.15382/sturIII201960.11-28.

2. Башкирцева О. А. Синтезированные лексические единицы в языке соцсетей / О. А. Башкирцева, Д. М. Дедковская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2019. — Т. 12, Вып. 10. — С. 132—137. — DOI: 10.30853/filnauki.2019.10.28.
3. Викторова Е. Ю. Лингвокреативный потенциал интернет-коммуникации (на материале жанра социальных сетей) / Е. Ю. Викторова // Жанры речи. — 2018. — № 4 (20). — С. 294—303. — DOI: 10.18500/2311-0740-2018-4-20-294-303.
4. Габтрашитова Д. И. Неодериват «яжемать» и частотность его употребления в интернет-пространстве / Д. И. Габтрашитова // Средства массовой коммуникации в многополярном мире: проблемы и перспективы : материалы X Всероссийской научно-практической конференции. — Москва : Российский университет дружбы народов, 2019. — С. 71—75.
5. Зиновьева Н. В. Негативно маркированные гендерные определения в интернет-пространстве / Н. В. Зиновьева // Филологический журнал. — 2018. — № 22. — С. 4—10.
6. Клушина Н. И. О модном способе окказионального словообразования / Н. И. Клушина // Русская речь. — 2000. — № 2. — С. 47—50.
7. Клушина Н. И. Русский язык в Интернете / Н. И. Клушина // Стилистика сегодня и завтра : материалы IV Международной научной конференции. — Москва : Ф-т журн. МГУ, 2016. — С. 278—279.
8. Ковынева И. А. Голофрастические конструкции с точки зрения их структуры / И. А. Ковынева // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2007. — № 4 (48). — С. 31—34.
9. Ковынева И. А. Голофразис как способ экономии языковых усилий / И. А. Ковынева // Балтийский гуманитарный журнал. — 2017. — Т. 6, № 4 (21). — С. 110—112.
10. Коряковцева Е. И. Очерки о языке современных славянских СМИ (семантико-словообразовательный и лингвокультурологический аспекты) / Е. И. Коряковцева. — Siedlce : Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach, 2016. — 152 s. — ISBN 978-83-64415-38-8.
11. Меркулова И. А. Активизация социофоллизмов в современной русской речи / И. А. Меркулова // Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное : сборник научных статей. — Москва : ФЛИНТА, 2021. — С. 434—445.
12. Мирзоева Л. Ю. Оценочный потенциал голофрастических новообразований в интернет-текстах / Л. Ю. Мирзоева // Художественный текст: проблемы чтения и понимания в современном обществе : сборник трудов конференции. — Sterlitaмак : Sterlitaмакский филиал ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет», 2018. — С. 19—21.
13. Надолинская И. В. «Человек скучающий»: самопрезентация в мире виртуальной реальности / И. В. Надолинская, С. М. Петкова // Гуманитарные исследования. — 2020. — № 3 (28). — С. 30—32. — DOI: 10.36809/2309-9380-2020-28-30-32.
14. Николина Н. А. Функционирование дефисных комплексов в современной речи / Н. А. Николина // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2011. — № 6 (2). — С. 467—469.
15. Николина Н. А. Современный русский язык. Морфемика : учеб. пособие / Н. А. Николина, Л. В. Рацибурская. — Москва : ФЛИНТА : Наука, 2013. — 144 с.
16. Переволочанская С. Н. Русский язык на рубеже веков: семантический потенциал и перспективы развития / С. Н. Переволочанская // Славянский мир в третьем тысячелетии. — 2018. — № 3—4, Вып. 13. — С. 150—169. — DOI: 10.31168/2412-6446.2018.3-4.1.13.

17. Секерина М. А. Дискурсивно-прагматические функции неологизмов (на материале персонального интернет-дискурса) / М. А. Секерина // Русский язык на перекрёстке эпох : традиции и инновации в русистике : сборник научных статей. — Ереван : Российско-Армянский (Славянский) университет, 2018. — С. 133—141.

18. Ягодкина М. В. Лексические инновации в современной интернет-коммуникации / М. В. Ягодкина // XXIII Царскосельские чтения : материалы международной научной конференции. — Санкт-Петербург : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2019. — С. 192—196.

MATERIAL RESOURCES

Antibabskiy forum. Available at: <https://antiwomen.ru> (accessed 31.05.2021). (In Russ.).

b17 — *Psychologists on the b17.ru*. Available at: <https://www.b17.ru> (accessed 16.07.2021). (In Russ.).

E — *eva.ru*. Available at: <https://eva.ru/> (accessed 30.05.2021). (In Russ.).

KVANTOFORUM. Available at: <https://quantoforum.ru> (accessed 31.05.2021). (In Russ.).

Oni zhe deti. In: *Vikipediya*. Available at: https://ru.wikipedia.org/wiki/Oni_zhe_deti (accessed 20.07.2021). (In Russ.).

Pikap.Forum. Available at: <https://forum.pickup.ru/topic/166620> (accessed 30.05.2021). (In Russ.).

Modern shopping in Nizhny Tagil. Available at: <http://www.sp-tagil.ru/> (accessed 31.05.2021). (In Russ.).

NN.RU — *Nizhniy Novgorod onlayn. Gorodskie forumy*. Available at: <https://www.nn.ru/community/gorod/> (accessed 24.02.2021). (In Russ.).

Pikabu. Available at: <https://pikabu.ru> (accessed 28.07.2021). (In Russ.).

Wiki — *Yazhemat'*. In: *Vikislovar'*. Available at: <https://ru.wiktionary.org/wiki/> (accessed 12.07.2021). (In Russ.).

Ya-D — *Yandeks.Dzen*. Available at: <https://zen.yandex.ru> (accessed 22.09.2021). (In Russ.).

ZhZh — *Zhivoy zhurnal*. Available at: <https://www.livejournal.com/> (accessed 08.07.2021). (In Russ.).

REFERENCES

Albrekht, F. B. (2019). On the problem of linguistic interpretation of formations «yazhemat', onzherebenok». *Bulletin of the Orthodox St. Tikhon University for the Humanities. Episode 3: Philology*, 60: 11—28. DOI: 10.15382/sturIII201960.11-28. (In Russ.).

Bashkirtseva, O. A., Dedkovskaya, D. M. (2019). Synthesized lexical units in the language of social networks. *Philology. Theory & Practice*, 12 (10): 132—137. DOI: 10.30853/filnauki.2019.10.28. (In Russ.).

Gabtrashitova, D. I. (2019). Unmoderate “yazhemat” and the frequency of its use in the Internet space. In: *Mass Communication in a Multipolar World: Problems and Prospects: Proceedings of the X All-Russian Scientific and Practical Conference*. Moscow: RUDN University. 71—75. (In Russ.).

Klushina, N. I. (2000). About a fashionable way of occasional word formation. *Russian Speech*, 2: 47—50. (In Russ.).

Klushina, N. I. (2016). Russian language on the Internet. In: *The stylistics of today and tomorrow: materials of the IV International Scientific Conference*. Moscow: Faculty of Journalism, Moscow State University. 278—279. (In Russ.).

- Koryakovtseva, E. I. (2016). *Essays on the language of modern Slavic media (semantic-derivational and linguocultural aspects)*. Siedlce: Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach. 152 p. ISBN 978-83-64415-38-8. (In Russ.).
- Kovyneva, I. A. (2007). Holophrastic constructs in terms of their structure. *Bulletin of the Tambov University. Series: Humanities*, 4 (48): 31—34. (In Russ.).
- Kovyneva, I. A. (2017). Holophrasis as a way to save language efforts. *Baltic Humanitarian Journal*, 6 (4 (21)): 110—112. (In Russ.).
- Merkulova, I. A. (2021). Activation of sociopholisms in modern Russian speech. In: *Active processes in modern Russian: national and international: collection of scientific articles*. Moscow: FLINTA. 434—445. (In Russ.).
- Mirzoeva, L. Yu. (2018). Estimated potential of holophrastic neoplasms in Internet texts. In: *Fictional text: problems of reading and understanding in modern society: collection of conference proceedings*. Sterlitamak: Sterlitamak branch Bashkir State University. 19—21. (In Russ.).
- Nadolinskaya, I. V., Petkova, S. M. (2020). “Bored person”: self-presentation in the world of virtual reality. *Humanitarian researches*, 3 (28): 30—32. DOI: 10.36809/2309-9380-2020-28-30-32. (In Russ.).
- Nikolina, N. A. (2011). The functioning of hyphenated complexes in modern speech. *Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky*, 6 (2): 467—469. (In Russ.).
- Nikolina, N. A., Ratsiburskaya, L. V. (2013). *Modern Russian language. Morphemics: textbook*. Moscow: FLINTA: Nauka. 144 p. (In Russ.).
- Perevolochanskaya, S. N. (2018). Russian language at the turn of the century: semantic potential and development prospects. *Slavic world in the third millennium*, 3—4 (13): 150—169. DOI: 10.31168/2412-6446.2018.3-4.1.13. (In Russ.).
- Sekerina, M. A. (2018). Discursive-pragmatic functions of neologisms (based on the material of personal Internet discourse). In: *Russian language at the crossroads of eras: traditions and innovations in Russian studies: collection of scientific articles*. Yerevan: Rossiysko-Armyanskiy (Slavyanskiy) universitet. 133—141. (In Russ.).
- Viktorova, E. Yu. (2018). Potential capacity of linguistic creativity in internet communication (based on the genre of social networks). *Speech genres*, 4 (20): 294—303. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-4-20-294-303. (In Russ.).
- Yagodkina, M. V. (2019). Lexical innovations in modern Internet communication. In: *XXIII Tsarskoye Selo readings: materials of the international scientific conference*. St. Petersburg: Leningrad State University named after A. S. Pushkin. 192—196. (In Russ.).
- Zinovyeva, N. V. (2018). Negatively labeled gender definitions in the Internet space. *Philological journal*, 22: 4—10. (In Russ.).

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ЖУРНАЛИСТИКА. ФОЛЬКЛОРИСТИКА LITERARY STUDIES. JOURNALISM. FOLKLORE

.....

Александр Анатольевич Житенев, д-р филол. наук (Воронеж)
Андрей Павлович Жуков, канд. филол. наук (Санкт-Петербург)
Анна Анатольевна Рябова, д-р филол. наук (Пенза)
Анна Владиславовна Ламзина, канд. филол. наук (Долгопрудный)
Борис Вадимович Ковалев, лаборант-исследователь (Санкт-Петербург)
Дмитрий Николаевич Жаткин, д-р филол. наук (Пенза)
Елена Юрьевна Гордеева, канд. филол. наук (Нижний Новгород)
Елизавета Алексеевна Власова, канд. филол. наук (Санкт-Петербург)
Любовь Геннадьевна Кихней, д-р филол. наук (Москва)
Мария Сергеевна Щерова, канд. филол. наук (Нижний Новгород)
Наталия Олеговна Автаева, канд. полит. наук (Нижний Новгород)
Ольга Владимировна Богданова, д-р филол. наук (Санкт-Петербург)
Ольга Константиновна Войку, канд. пед. наук (Санкт-Петербург)

Автаева Н. О. Мир семьи в зеркале женской прессы периода НЭПа / Н. О. Автаева, Е. Ю. Гордеева, М. С. Щерова // Научный диалог. — 2021. — № 12. — С. 160—179. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-160-179.

Avtayeva, N. O., Gordeeva, E. Yu., Shcherova, M. S. (2021). Family's World in Mirror of Women's Press in New Economic Policy's Period. *Nauchnyi dialog*, 12: 160-179. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-160-179. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-160-179

Мир семьи в зеркале женской прессы периода НЭПа

Автаева Наталия Олеговна
orcid.org/0000-0003-1090-5375
кандидат политических наук, доцент
кафедра журналистики
zhurnalistnngu@mail.ru

Гордеева Елена Юрьевна
orcid.org/0000-0003-2313-619X
кандидат филологических наук, доцент
кафедра журналистики
elgord1@yandex.ru

Щерова Мария Сергеевна
orcid.org/0000-0002-7639-0688
кандидат филологических наук
преподаватель кафедры журналистики
mmnn07@mail.ru

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
(Нижний Новгород, Россия)

Family's World in Mirror of Women's Press in New Economic Policy's Period

Natalia O. Avtaeva
orcid.org/0000-0003-1090-5375
PhD in Political Science, Associate
Professor, Department of Journalism
zhurnalistnngu@mail.ru

Elena Yu. Gordeeva
orcid.org/0000-0003-2313-619X
PhD in Philology, Associate Professor,
Department of Journalism
elgord1@yandex.ru

Maria S. Shcherova
orcid.org/0000-0002-7639-0688
PhD in Philology, Lecturer,
Department of Journalism
mmnn07@mail.ru

National Research Lobachevsky State
University of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia)

© Автаева Н. О., Гордеева Е. Ю., Щерова М. С., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассматриваются вопросы трансформации женской прессы в период НЭПа, уделяется внимание специфике функционирования семейно-бытовых журналов для женщин, на страницах которых отражались как реформы и события советского времени, так и дореволюционные ценности. Авторы стремятся выявить ту роль, которую сыграли «Журнал для хозяек» и «Женский журнал» в период НЭПа, поддерживая мир семьи во всех его многообразных социальных и духовных проявлениях; уточнить соотношение традиционных и новаторских журналистских подходов в формировании семейно-бытового медиадискурса. В статье представлены результаты количественно-качественного контент-анализа публикаций «Журнала для хозяек» и «Женского журнала» периода НЭПа. Новизна исследования видится в том, что анализируются структурные, тематические, функциональные особенности женских журналов эпохи НЭПа, отдельное внимание уделяется авторскому корпусу, в том числе ранее не изученным произведениям А. С. Вознесенского (настоящая фамилия — Бродский), подписывавшего свои материалы псевдонимом «Илья Ренц». В статье делаются выводы, что негосударственные женские издания семейно-бытовой направленности апеллировали к опыту дореволюционной журналистики и, обсуждая реформу быта и семьи, продолжали писать о традиционных семейных ценностях.

Ключевые слова:

женская пресса; новая экономическая политика; семейно-бытовой дискурс; Журнал для хозяек; Женский журнал; семья; революция быта; Александр Вознесенский; Илья Ренц.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The transformation of the women's press during the NEP period is examined in the article, attention is paid to the specifics of the functioning of family and household magazines for women, on the pages of which both the reforms and events of the Soviet era and pre-revolutionary values were reflected. The authors strive to identify the role that the "Magazine for Housewives" and "Women's Magazine" played during the NEP period, supporting the family world in all its diverse social and spiritual manifestations; to clarify the ratio of traditional and innovative journalistic approaches in the formation of family and everyday media discourse. The results of a quantitative and qualitative content analysis of the publications of the "Magazine for Housewives" and "Women's Magazine" of the NEP period are presented in the article. The novelty of the research is seen in the analysis of the structural, thematic, functional features of women's magazines of the NEP era. Special attention is paid to the author's body, including the previously unexplored works of A. S. Voznesensky (real name — Brodsky), who signed his materials with the pseudonym "Ilya Rentz". It is concluded that non-state women's editions of family and household orientation appealed to the experience of pre-revolutionary journalism and, discussing the reform of everyday life and family, continued to write about traditional family values.

Key words:

women's press; New economic policy; family and household discourse; Magazine for housewives; Women's magazine; family; everyday life revolution; Alexander Voznesensky; Ilya Rentz.

Мир семьи в зеркале женской прессы периода НЭПа

© Автаева Н. О., Гордеева Е. Ю., Щерова М. С., 2021

1. Введение

Потрясения первых десятилетий XX века, сопряженные для России с Первой мировой войной, революциями, Гражданской войной, политикой военного коммунизма, обернулись серьезными социально-экономическими изменениями в 1920-е годы.

В центральных изданиях по инициативе Л. Д. Троцкого развернулась дискуссия по вопросам общественного быта [Алферова, 2011, с. 270]. На страницах газеты «Правда» в статье «От старой семьи — к новой» нарком по военным и морским делам провозглашает продолжение «революции быта», при которой «стирать белье должна хорошая общественная прачечная; кормить — хороший общественный ресторан; обшивать — швейная мастерская; воспитываться дети должны хорошими общественными педагогами» [Троцкий, 1923].

Эпоха НЭПа, на которую пришлось дискуссия по переустройству семьи и быта, не только способствовала либерализации различных сфер общественной жизни в России [Russia in the Era, 1993], но и привела к серьезным изменениям в функционировании отечественной журналистики. Это проявилось, с одной стороны, в развитии печати нового типа, кардинально отличавшейся от дореволюционной прессы и стремившейся преодолеть экономический и идейный кризис в системе СМИ; с другой стороны, в переходе периодики на хозрасчет, возрождении частноиздательской, рекламной деятельности и некоторых других традиций дооктябрьской журналистики [Жирков, 2002; Бабюк, 2020; Корнилова, 2021].

2. Женская периодика периода НЭПа: типологическое многообразие

В пропаганде реформы быта предполагалось активно использовать женскую прессу, курируемую женотделом, однако «отсутствие лишних финансовых средств тормозило развитие сети бытового обслуживания, а значит, и сам процесс освобождения женщины от домашнего хозяйства» [Смеюха, 2011, с. 96]. В связи с этим в период НЭПа семейно-бытовая тематика не находит должного освещения на страницах таких партийных общественно-политических женских изданий, как «Коммунистка», «Работница», «Крестьянка», «Батрачка». Только во второй половине 1920-х годов, когда стали очевидны издержки «революции быта», в их структуру

возвращаются рубрики, привычные в дореволюционных журналах для хозяек.

Восполнить существующий пробел были призваны негосударственные органы периодики, литературно-общественные издания массового характера: восстановленные частные «Журнал для хозяек» (1922—1926) и «Журнал для женщин» (1924—1926), а также издаваемый акционерным издательским обществом «Огонек» «Женский журнал» (1926—1930). Об истории и особенностях функционирования женской прессы в 1920-е годы, в частности об указанных журналах, писали в своих работах В. В. Смеюха [Смеюха, 2011; Смеюха, 2013], О. А. Симонова [Симонова, 2008], О. Д. Минаева [Минаева, 2016; Минаева, 2021], Е. Ю. Коломийцева [Коломийцева, 2013], В. Н. Бойко [Бойко, 2019], И. Е. Гусева [Гусева, 2017], И. В. Марчан [Марчан, 2019], М. I. Menéndez Menéndez [Menéndez Menéndez, 2013] и др.

Настоящая статья призвана выявить роль, которую сыграли в период НЭПа «Журнал для хозяек» и «Женский журнал», поддерживая мир семьи во всех его многообразных социальных и духовных проявлениях; уточнить соотношение дореволюционных традиций и новаторских журналистских подходов в формировании семейно-бытового дискурса данных СМИ. Для достижения указанной цели были использованы сравнительно-исторический, историко-типологический методы, контент-анализ, структурно-функциональный подход, системный метод и метод текстуального анализа.

Особенности семейно-бытового дискурса женской прессы периода НЭПа как инструмента репрезентации ценностных установок и идеологической ориентации социума можно выявить посредством контент-анализа публикаций изданий. Поэтому в качестве эмпирической базы исследования выступают предназначенные для читательской аудитории женщин литературно-общественные журналы семейно-бытовой направленности «Журнал для хозяек» и «Женский журнал» обозначенного периода. В выборочную совокупность вошли по двенадцать номеров каждого издания, в рабочей таблице фиксировались только те публикации, которые можно отнести к категории семейно-бытовых.

3. Семейно-бытовой дискурс «Журнала для хозяек» периода НЭПа

В «Журнале для хозяек» объектом нашего детального анализа стала 101 публикация, в которых был отражен мир семьи 20-х годов XX века. Рассмотрим структурную модель данного издания: если в большинстве партийных общественно-политических женских журналов главенствовали промышленный, политический, сельскохозяйственный отделы, то «Программа “Журнала для хозяек”» [Программа, 1926, с. 1] предлагала деление

всех публицистических текстов на три основные части: «Хозяйственный отдел» — советы по вопросам питания и сохранения здоровья, домашнему хозяйству, гигиене, птицеводству, садоводству, скотоводству; «Производственный отдел», где размещаются руководства по кройке, шитью, рукоделию; «Публицистика и литература», который освещает проблемы женского труда, воспитания детей, вопросы быта и новых форм домашнего уклада, женского образования. Уже на уровне анализа структурной модели журнала становится понятно, что издание продолжает традиции дореволюционной журналистики, об этом свидетельствует и тот факт, что в передовой статье № 1 от 1926 года редакция заявляет о единой информационной политике издания во все время существования: «Вступая во второе десятилетие <...>, “Журнал для хозяек” будет осуществлять свою прежнюю задачу: быть для женщин тем же другом и советчиком, каким он был до сих пор» [Скромный юбилей, 1926, с. 3].

Интерес может также представлять годовая опись публикаций, которая размещалась в последнем номере «Журнала для хозяек», здесь материалы делились не по структурному принципу, а по жанрово-тематическому: «Статьи хозяйственные», «Статьи общего характера», «Статьи по детскому воспитанию», «Статьи по медицине и гигиене», «Беллетристика», «Практический отдел по кройке и шитью», «Выкройки», «Рукоделие», «Узоры и рисунки». Подобное ранжирование также демонстрирует преобладание семейно-бытового дискурса в анализируемом журнале.

В контексте провозглашенной советским правительством «революции быта» акцентирование внимания женского журнала на проблемах поддержания домашнего уюта и воспитания детей кажется парадоксальным, поэтому обратимся к анализу тематической структуры издания, чтобы выявить, как в «Журнале для хозяек» сочетались публикации о реформах и событиях советского времени и материалы, воспевающие дореволюционные ценности.

Если анализировать публицистические материалы издания, то наиболее яркими являются статьи одного из постоянных авторов В. Карцевой «Наши невольные ошибки», «По поводу статьи “Должна ли женщина-хозяйка получать жалованье”», «Женский труд», «Довольна ли ваша жена?», «Из мыслей о браке», «Режим экономии». Во всех перечисленных публикациях лейтмотивом проходит тезис о том, что женщина — это прежде всего хранительница домашнего очага: «...без женщины дом перестает быть домом и становится только берлогой одинокого человека» [Ярославцева, 1926, с. 6]. Тем не менее вопросы трансформации гендерных ролей [Braginskaya, 2015] также затрагиваются в материалах: «Женщины сказали, что им прежде всего нужна экономическая независимость — и мы по-

сторонились и дали им доступ ко всем без исключения профессиям. Счастливы ли они теперь? Или только к заботам своей семьи они прибавили еще заботы, лежащие далеко за ее пределами?» [Карцева, 1926, с. 3]. Комментируя изменившееся положение женщины в семье и обществе, В. Карцева утверждает, что традиционные роли жены, матери, хозяйки в большей степени соответствуют интересам и стремлениям женщины.

Схожая позиция представлена и в публикациях М. Виртина «Отдых хозяйки», «Немножко кухни», «Вопросы домоводства за рубежом»: «И кухня и умение управлять ею на долгое время будут положены в основу всей жизни женщины...» [Виртин, 1926, с. 2]. Подобные статьи показывают, что политика редакции ориентирована на традиционные ценности и роли, в издании продолжает воспеваться патриархальная семья, где женщина воплощает качества матери и хозяйки.

Однако стоит отметить ряд публикаций журнала, в которых представлена альтернативная точка зрения. Например, в материале «О путях к самообразованию и развитию женщины» П. Репнина мы можем увидеть противоположную позицию: «Что такое жизнь исключительно для семьи? Не эгоизм ли это? <...> В мелочах семейной жизни она [женщина] бьется, как муха в паутине. <...> Урегулированной ее жизнь станет только тогда, когда половину себя она оторвет от семьи и оторванную половину отдаст обществу» [Репнин, 1926, с. 2]. Здесь появляется образ современницы, стремящейся к получению образования и самосовершенствованию, без которых ничего невозможно добиться в жизни; образованной должна быть любая женщина, в том числе и мать, чтобы в будущем она сама могла научить своих детей чему-либо.

Дореволюционные стремления и ценности высмеиваются и в публикации «О мещанстве» Дарской: «... в мещанской среде только муж является “добытчиком”, почему жену и дочерей мужа полушутя полуиронически называют “денежной молю”. Только после революции в этой области наблюдается известный сдвиг, и дочери в мещанских семьях нередко служат, но почти всегда тратят все жалование на туалеты и кино, не внося ничего в семью» [Дарская, 1926, с. 3].

Тем не менее отметим, что публикации Дарской и П. Репнина представляют собой некоторое отступление от привычной идеологической тональности издания. Они диссонируют с остальным содержанием «Журнала для хозяек». Конфликт интересов между традиционной ролью женщины — мать и хозяйка — и новой ипостасью — общественница — очень наглядно представлен в материале В. Филипповой «На перепутье»: «Нельзя служить двум господам — об одном будешь заботиться, другому нерадеть <...>; мужчины потому, должно быть, и успевают больше нас, что не раз-

менивают себя и всегда в своем труде спецы, а нас жизнь толкает вперед к заработку и оттягивает назад привычная и милая сердцу домашность» [Филиппова, 1926, с. 4].

Но есть в издании тема — особенно она характерна для раздела «Беллетристика», — которая показывает некоторые трансформации традиционных взглядов: это брак и отношения мужчины и женщины до образования семьи [Alyunina, 2019]. В произведениях «Как быть?» И. Ренца, «Белые цветы» Ник. Малля, «За стеной» Альги сочетаются консервативные взгляды на семью и брак и новейшие веяния — «свободные» отношения мужчины и женщины, в большинстве публикаций именно последние подвергаются критике. Например, в рассказе «За стеной» мы видим высмеивание венчания: «Меня всегда коробили и коробят церковные свадьбы с многочисленными званными и незванными, с похотливым любопытством, старающихся проникнуть в душу новобрачных. Где <...> какой-то посторонний человек, одетый для торжественности в золотой мешок, разрешит “плодиться и размножаться, аки песок морской”» [Альга, 1926, с. 15]. Но финал подобных произведений, которые, казалось бы, выполняют функцию оды «свободным» отношениям молодых людей, всегда одинаков: одиночество главной героини, которую оставили в поисках новых отношений, новой любви.

Вместе с тем разрушение привычных институтов — церковного и светского брака, отказ от целомудренности и моногамности — широко освещаются как в художественных, так и в публицистических текстах журнала. Тема находит широкий отклик и у аудитории издания; так, мы можем видеть, что рубрика «Ответы друга», в которой комментируются письма читателей, практически в каждом номере затрагивает тему «свободной» любви. И здесь разворачиваются настоящие баталии: «Вы и в эту область хотите ввести революционный подход! <...> любовь в смысле психологическом — это самая консервативная твердыня...» или «Не разрушив старые представления о любви, действительно, невозможно на ее месте построить что-либо новое, более нужное современному человеку, чем изматывающие страдания мужских и женских страстей» [Друг, 1926, с. 19]. Подобная дихотомия характерна для подачи данной темы, примечательно, что это находит отражение и в публикациях авторов журнала, и в письмах читателей.

Тема воспитания детей в «Журнале для хозяек» подается традиционно: женщина ответственна за социализацию ребенка, привитие ему морально-нравственных ценностей, здоровье и образование [Proctor, 2015]. Материнство, по мнению редакции, остается самой значимой женской ипостасью, об этом, напомним, свидетельствуют и такие разделы годовой описи журнала, как «Статьи по детскому воспитанию», «Статьи по медицине и гигиене». Теме воспитания детей посвящены публикации «Уход за

ребенком», «Искусственное вскармливание грудных детей» С. Заречной, «Кое-что о музыке, матерях и детях» Л. Т., «Воспитание здоровых навыков» Ш. С., «Наши малыши», «В первый раз в школу» В. К. Образ матери в журнале является центральным; материнство выступает как главный удел женщины, как смысл существования: «... и только материнство, профессия наиболее ответственная, до сих пор не может подняться над чистейшим дилетантизмом <...> и большинство женщин находится в приятном заблуждении, думая, что быть матерью — так же легко и просто, как дышать, слышать, видеть» [В. К., 1926, с. 6].

Отдел «Беллетристики» не ориентирован на семейное чтение, художественные тексты рассчитаны на взрослых, однако в некоторых номерах журнала встречаются материалы, которые организуют общий досуг матери и детей. Это публикации рубрики «Маленький кустарь», где содержатся задания для младших членов семьи: сделать аппликацию, сшить мягкую игрушку, склеить поделку из бумаги и другие. Наличие подобного просемейного контента подтверждает редакционную политику: семья — это очень важно, это первостепенно для женщины.

Казалось бы, достаточное количество публикаций в журнале должно быть посвящено провозглашенной в этот период «революции быта», но мы можем наблюдать противоположную тенденцию: значительный процент материалов «Журнала для хозяек» — это рекомендации для решения хозяйственно-бытовых вопросов: «Режим экономии» В. Карцевой, «Как сохранить обувь» А. Ванзловой, «Когда вставлять зимние рамы» М. Виртина, «Зимняя кладка яиц», «Правила посадки насекомых», «Пчеловодство в домашнем хозяйстве» агронома Новикова, «Чистка вещей и удаление пятен» В. К. В каждом номере журнала читатели могут увидеть рубрики «Кулинарный календарь» и «Рецепты кушаний, помещаемые в кулинарном календаре».

Отметим, что следование дореволюционным традициям проявляется еще и в том, что, например, вопреки пропагандируемой массовой атеизации, журнал публикует в апрельском номере 1926 года статью «Как приготовить сладкие сыры и пасхи» с пятью рецептами традиционного сакрального кушания, которое делалось в самый главный церковный праздник (в 1926 году Пасха приходилась на 2 мая). Этот факт в очередной раз подтверждает, что вектор редакционной политики «Журнала для хозяек» направлен к ценностям прошлого, а не к воспеванию реалий настоящего, советского периода.

Таким образом, «Журнал для хозяек», обсуждая реформы быта и семьи, продолжал писать о традиционных семейных ценностях. Во втором полугодии 1926 года редакция попыталась отойти от привычных тематических акцентов: в журнале стали появляться публикации о борьбе с бес-

призорниками, о партийных съездах, но традиционные рубрики, хотя и сократились занимаемые ими площади, все же продолжали выходить. Этот дуализм не мог остаться незамеченным, поэтому в № 12 от 1926 года редакция сообщила о прекращении выхода издания «по не зависящим от нее причинам».

4. Мир семьи на страницах «Женского журнала»

Еще одним изданием для женщин, которое в период НЭПа освещало семейно-бытовые вопросы, был «Женский журнал». Объектом детального анализа стали 189 публикаций, размещенных на страницах издания и связанных с семейной тематикой.

Обратимся к структурной модели данного издания: в нем всесторонне подчеркивается ориентированность на женскую аудиторию; об этом свидетельствуют названия отделов — «Мать и ребенок», «Здоровье женщины». Однако с течением времени вектор информационной политики редакции меняется, и обозначенные отделы трансформируются в «Семья и ребенок», «Здоровье семьи», то есть семейно-бытовая проблематика выходит на первый план.

Редакция журнала обращается к читательнице как хранительнице семейного очага, хозяйке. Это подтверждается наличием материалов, связанных с домоводством, садоводством, приусадебным хозяйством (среди читательской аудитории были жители сельских районов). Посредством публикации подобных статей редакция стремилась облегчить труд домашней хозяйки, предлагая различные способы для сокращения времени, затрачиваемого на решение бытовых вопросов. Примечательно, что на страницах журнала ведение хозяйства приравнивается к профессиональным сферам: «Хозяйки <...> требуют, чтобы их место работы было освещено никак не хуже, чем место работы конторщицы, машинистки или занятой на любом производстве женщины» [Маринич, 1928, с. 22].

Материалы, содержащие советы по ведению домашнего хозяйства (как вывести пятна, хранить вещи), были широко представлены в издании, в каждом номере обязательным отделом является «Питание», куда включены рецепты обедов, кондитерских изделий, ягодных и плодовых заготовок. Там же можно найти сведения о пищевой ценности продуктов, о витаминах, а также об особенностях детского питания. Отметим также разделы «Рукоделие», «Кройка и шитье».

Ряд материалов посвящен бюджету семьи. Чаще всего именно женщина занималась вопросами, связанными с расходами, поэтому редакция сообщает о необходимости делать сбережения, стремится приобщить читателей к разумному потреблению. Лейтмотивом таких публикаций, как

«Главное в хозяйстве — экономия и бережливость» Н. С., «Как я добилась экономии в своем хозяйстве» А. С. Тинт, «Не выходите из своего бюджета», «О бережливости и копилках» Т. Черновой, является совет хозяйкам вести точную запись расходов, что позволит сохранить семейный бюджет.

В «Женском журнале» мы можем найти публикации о становлении нового быта. Так, в материале «Охрана материнства и младенчества» содержатся сведения об учреждениях для детей открытого, закрытого и смешанного типа. Кроме того, редакцией поддерживается идея коллективизации быта, призванная улучшить устройство домашнего хозяйства. В текстах «Как облегчить труд домашней хозяйки» М. Легонькой, «Как мы организовали общее питание» Л. Поповой, «Какие дома нам надо строить» Бунянского рассказывается о новой реальности, в которой можно попытаться «наладить домашнее хозяйство путем объединения нескольких семей данного дома, т. е. коллективно» [Сторонний, 1928, с. 22].

Женщина представлена хранительницей домашнего очага, отвечающей за атмосферу внутри семьи, за сохранение и здоровье семьи как малой социальной группы, так, в материале «Женщина в борьбе с алкоголизмом» А. К. показано, что именно жена в условиях кризисной ситуации приводит мужа в диспансер, следит за питанием супруга, оказывает моральную поддержку, что не только помогает в борьбе с болезнью, но и сохраняет брак.

На страницах журнала проводится мысль о том, что женщина может проявить себя в общественной и организаторской работе. Так, домашние хозяйки приглашались участвовать в деятельности комиссий по социальной помощи: «Конечно, выполняя такую работу, получаешь моральное удовлетворение от сознания того, что хоть ты и домашняя хозяйка, занятая своим семейным уголком и кухней, которая отнимает у тебя много времени, сил и здоровья, — а все-таки принимаешь участие в общественной жизни и в строительстве нового быта» [Григорьева, 1928, с. 16].

Предметом обсуждения была тема брака. Об этом рассуждает Т. Плетнева в беседе «О непрочности брака». По мнению автора, причины распада союзов различаются в зависимости от возраста супругов. Например, молодые люди расстаются в скором времени после свадьбы из-за недостаточно серьезного подхода к браку. Бороться с этим явлением можно только «воспитательными мерами, пропагандой серьезного, вдумчивого, осторожного отношения к такому важному шагу как брак» [Плетнева, 1928, с. 18]. Разводы среди супругов, проживших вместе много лет, автор объясняет социальными причинами, когда «старые и прочные связи теряют свою прочность и рвутся» [Плетнева, 1928, с. 18]. Жены, как правило, все свое время посвящают исключительно домашнему хозяйству, тогда как мужья занимают ответственные посты, продвигаются по службе, получают об-

разование. Таким образом, супруги находятся на разных культурных и социальных уровнях. Чтобы сократить этот разрыв, Т. Плетнева предлагает женщинам стремиться соответствовать мужчинам в общественном и культурном развитии.

Значительное количество материалов издания посвящено воспитанию детей, организации их досуга. Такие публикации встречаются в рубриках «Мать и ребенок», «Семья и ребенок», «Наша страница», «Дом и хозяйство», «Питание», «Наука — культура — быт». В журнале обращается особое внимание на воспитательную тематику. Редакция планировала представить цикл статей по различным отраслям педагогики, для чего были приглашены крупные специалисты в этой области. Из подобных текстов читательницы могут узнать о разных методах воспитания детей: как развить наблюдательность у ребенка, как укрепить внимание, как отказаться от рукоприкладства и других. Значимость данной темы подтверждается откликами читателей, которые присылали в редакцию письма с собственными размышлениями о подходах к воспитанию. Также в каждом выпуске были опубликованы краткие аннотации на книги по развитию подрастающего поколения и на издания для детского чтения.

В «Женском журнале» в анализируемый период поднимается и тема отцовского участия в воспитании детей. В публикации «Хороший пример» сообщается о мужчинах, которые приходят в консультации за разными педагогическими советами, в то время как матери заняты на общественной работе. Важно, что «и отец знает, что полезно и что вредно для ребенка» [Хороший пример, 1928, с. 13]. Название заметки свидетельствует о том, что такая практика взаимоотношений в семье приветствуется.

Медицинский отдел издания преимущественно освещал вопросы здоровья женщины. Следует отметить, что автором публикаций данной рубрики выступила доктор Н. Микулина-Иванова. Редакция не могла обойти вниманием тему аборт, тем более что она волновала читательниц, о чем свидетельствуют опубликованные в журнале письма. Эта проблема поднимается в текстах «Еще об абортах» Т. Журавлевой, «Я против абортов» Е. Свириной и других. Кроме того, в разделе «Здоровье семьи» содержались материалы, которые могли быть полезны всем. Например, по предложению одной из читательниц редакция размещала советы по оказанию первой помощи при несчастных случаях. Тема здоровья обсуждалась также в рубрике «Ответы врача», куда читатели могли направлять вопросы.

При журнале была создана юридическая консультация, здесь подписчицы могли получить помощь по семейно-бытовым проблемам. Прием осуществлялся дважды в неделю в редакции, а в соответствующем отделе в издании содержались ответы на правовые вопросы читателей: правила

усыновления, право супруга на получение содержания от другого супруга, оплата отпуска по беременности и другие.

Таким образом, «Женский журнал» через призму публикаций о женщине и быте транслирует традиционные семейные ценности. Редакция журнала реагировала на письма своих читателей и освещала темы, волнующие подписчиков, из этого мы можем сделать вывод, что вопросы, поднимаемые в письмах, интересны и важны читательской аудитории. Большой процент этих писем затрагивает проблемы семейно-бытовой сферы. Несмотря на новую экономическую политику, коллективизацию и «революцию быта», основные моменты взаимоотношений между мужем и женой, детьми и родителями неизменно остаются на страницах издания.

5. К вопросу об авторском корпусе семейно-бытовых женских журналов

То, что объединяло «Журнал для хозяек» и «Женский журнал» в период НЭПа, — это не только общность аудиторных и программных установок, но и публикации конкретных авторов, интересующихся «женским вопросом». Одним из них был Александр Сергеевич Вознесенский (настоящая фамилия — Бродский), обычно подписывавший свои материалы на страницах женской периодики псевдонимом «Илья Ренц». Драматург, поэт, прозаик, критик, родоначальник такой профессии в нашей стране, как киносценарист, он к тому же «был первым, кто прицельно и последовательно заговорил о женской независимости на языке кино: придуманная им драма “Женщина завтрашнего дня” <...> — наверное, главный в дореволюционной России “феминистский” фильм» [Ковалова].

На страницах изучаемых журналов Вознесенский обычно публиковался в разделе «Беллетристика». В «Женском журнале» его тексты соседствовали с произведениями Бориса Пастернака, Виктора Шкловского, Николая Асеева, Веры Инбер и других авторов. Чаще всего самой редакцией материалы за подписью «Илья Ренц» относились к рассказам, но иногда среди его текстов встречались и те, что имели сугубо журналистскую жанровую «прописку», например, статьи или очерки.

Согласимся с исследователем А. Л. Дмитриевским в том, что само слово «беллетристика» может использоваться в широком смысле, и тогда оно приравнивается к «литературе». Однако применительно к журналистике это слово приобретает «узкое» значение, им «обозначается класс текстов совершенно определенного вида: небольшого объема, в центре которых находится человек, наш современник, решающий так или иначе актуальные социально-нравственные проблемы» [Дмитриевский, 2015, с. 112]. При таком понимании беллетристики ее жанровую основу составляет рассказ или «история» (слу-

чай, происшествие и т. д.), основанные на реальных фактах. Разновидностью подобного рода литературы в 1920-е годы могла стать «любовная история», созвучная как самой эпохе с ее установкой на «революцию быта и семьи», так и аудиторным запросам обсуждаемых нами женских журналов.

Подобные любовные истории становятся одним из основных инструментов Вознесенского-журналиста в исследовании вопросов, связанных с трансформацией в новых социально-политических условиях института семьи, брака, патриархальных представлений о взаимоотношениях полов. От лица одной из своих героинь Жени Рябовой автор провозглашает: «Настала пора для иной, новой любви — быстрой, деятельной и решительной, как все наше поколение и все наше время» [Ренц, 1928а, с. 9]. Однако другие тексты Ренца, опубликованные на страницах женских журналов, явно высвечивают неуверенность автора в бесспорности и однозначности тех революционных принципов, на которых предлагалось строить «новую» мораль. Возможно, это связано с принятием в 1926 году нового брачного законодательства, после чего в стране была усилена работа по поддержанию института семьи и сохранению семейных ценностей.

Замешательство писателя перед натиском «свободных» отношений между мужчиной и женщиной находит выражение, например, в его статье «Как быть?». Поддерживая дореволюционную традицию журналистики, ориентированной на диалог с аудиторией, Вознесенский пытается дать совет читательнице, рефлексирующей по поводу его прежних публикаций на тему измен. Молодая экономически независимая девушка, которая не надеется устроить свою личную жизнь путем вступления в брак, откровенно спрашивает: «Оставаться мне старой девой, или?.. Что “или”? Дайте простой нелицемерный, без ширмы “новых слов”, но вполне жизненный ответ на вопрос: как быть?» [Ренц, 1926в, с. 7]. Думается, что высокопарный ответ, данный автором статьи, вряд ли соответствовал ожиданиям читательницы, был понят и принят ею: «Нарочитый задор, бытовая беспринципность, нравственная неопрятность, кичливое глумление над обычаями “дикарей”, господствующей еще и теперь в обществе половой морали, разумеется, могут дать очень сомнительные результаты в борьбе за “новый быт” свободной, то есть экономически самостоятельной женщины» [Ренц, 1926в, с. 8]. Здесь показательна сама традиция обратной связи с читателем. Она поддерживалась рубрикой «Почтовый ящик», которая включалась как в частные, так и в партийные женские издания. Рубрика «Ответы друга» или «Дружеские беседы» на страницах «Журнала для хозяек», в стилистике которых выдержан и текст Ренца, не только апеллировала к дореволюционным «Беседам игрушечной маркизы» [Симонова, 2015, с. 30], но и рассказывала своим читательницам о революции в быту.

Дискуссионный характер носит и рассказ Ильи Ренца «Ревность», в котором устами актрисы Карякиной читателей призывают «выбросить в сорную яму всю эту мужскую и женскую ревность» [Ренц, 1928в, с. 12]. Примечательно, что автор изображает измены симметрично, без всякой примеси гендерного неравенства (право на нее признается как за мужчиной, так и за женщиной). Однако в конце рассказа писатель развенчивает «новую» мораль. Ренц описывает поучительную сцену, в которой актриса Карякина, кстати, изменявшая мужу, устраивает тому истерику только за то, что он послал цветы и целовал руки другой актрисе, «товарищу по работе» своей жены.

Эта же тема, но в несколько иной тональности, в аспекте более сочувственного отношения именно к женщине, затронута в рассказе с характерным названием «Измена». Один из его героев, Ступин, рассуждает: «Ревность — пошлейший предрассудок, и давно пора уже его изжить <...> Будущие люди не сумеют даже понять, что это такое “измена”» [Ренц, 1926б, с. 11]. Однако когда он узнает о многолетнем романе жены с его приятелем и сослуживцем Завадским, то решает на пару с любовником Клавдии Викторовны, что женщина и «дальше должна жить как жила», чем обрекает ее на вечную измену. Героиня, возмущенная «подлым мужским заговором двух истинных жутких рабовладельцев», восклицает: «я ведь, действительно, не предмет, не рабыня, не ничто! <...> Я человек, измученный, изгаженный вами на вашу мужскую потребу» [Ренц, 1926б, с. 13].

Бесспорно, женская периодика периода НЭПа, включая и частные издания, не только отражала мир семьи, но и влияла на него, меняла гендерные стереотипы женщины в отношении брака и бытового уклада. Примечательно, что «мужчинам не давали слова на страницах женских изданий: их точка зрения попадала в публикации, как правило, с маркировкой “отсталая”, “вредная”, “неправильная” позиция» [Минаева, 2016, с. 42]. Подобная агрессивная манера, характерная в основном для партийно-советских женских журналов, разрушала патриархальные устои, но вместе с тем приводила к гендерным конфликтам и отнюдь не способствовала гармонизации отношений в семье.

Тем более удивительным представляется не только сам факт присутствия публикаций мужчины-автора на страницах женских периодических изданий (в период НЭПа всего Вознесенским было опубликовано несколько десятков текстов в двух проанализированных журналах), но и приглашение его в специализированные издания в качестве полноправного эксперта, к которому читательницы обращались за советом в решении их женской судьбы. Видимо, этому способствовало то обстоятельство, что Александр Вознесенский имел устойчивую репутацию человека, неоднократно включавшего «женский вопрос» в театральные и киносценарии [Kovalova,

2018]. Кстати, гендерным аспектам в киноискусстве посвящены такие тексты Ренца на страницах женских журналов, как «Женщина в кино» [Ренц, 1926а], «Чай» [Ренц, 1926д] и др.

Примечательно, что именно на правах эксперта по «женскому вопросу» Вознесенский поднимает проблему гендерного неравенства в совершенно нехарактерном для дискурса женской прессы 1920-х годов ключе: обсуждает вопросы дискриминации мужчин. Герой его рассказа «Письмо к теще», страдающий от бесплодия собственной жены, восклицает: «В этом вопросе существует жесткая традиция, которую настала пора разрушить. Традиция эта охраняла так называемые вопросы материнства и в то же время упорно игнорировала и отметала вопросы отцовства. <...> Но ведь многие отцы и раньше были не худшими отцами, чем матери — матерями. Многие отцы отдают детям свою любовь с неменьшей щедростью, чем матери» [Ренц, 1928б, с. 8]. В этом произведении Ренц возвращается к проблеме измен, однако в данном случае супружеская неверность объясняется желанием мужчины выполнить свою отцовскую миссию. Запутанная семейная ситуация привела к тому, что любящий и любимый супруг не просто изменил жене, он изменил с ее родной сестрой. И теперь задача новоиспеченного отца и неверного супруга состоит в том, чтобы убедить тещу принять своего внука. Только в таком случае герой рассказа поймет, что «дрогнула твердыня вековых и неподвижных предрассудков и мертвый, грузный, мешающий бурелом прошлого действительно сжигается на костре новой жизни» [Ренц, 1928б, с. 9].

Еще один важный аспект патриархального бытового уклада, связанный с подчиненной ролью женщины в семье, затрагивается в рассказе Ильи Ренца «Ну-ну». Герой произведения — трудолюбивый слесарь Семен, посвящавший свой досуг культурному росту и чтению книг, — становится постоянным невольным свидетелем издевательств вечно пьяного соседа над своей молодой женой. Слесарь задается вопросом, «почему же теперь, когда люди по свободному согласию вступают в брак или его прекращают, молодая женщина страдальчески терпит побои и угнетение не любимого человека <...>, а сторонний, жалеющий человек должен покорно уходить» [Ренц, 1926г, с. 12]. Этой истории была уготована счастливая развязка: слесарь не только усмирил своего соседа-пьяницу, но и, возможно (финал рассказа открытый), построит свое личное счастье с явно симпатизирующей ему женщиной. К сожалению, не все любовные истории, описанные на страницах женской периодики, заканчивались столь же оптимистично. Некоторые из них, несмотря на проводимую реформу семьи, показывали, как на старые патриархальные стереотипы наслаивались новые, связанные с «революцией быта», «новой» моралью и «свободными»

отношениями мужчины и женщины. Новые представления о гендерных ролях в обществе иногда приводили к деструктивным последствиям в отношении института семьи и традиционных семейных ценностей.

6. Заключение

Подводя итоги проведенного исследования, следует заметить, что, несмотря на разные варианты форм собственности изучаемых изданий (частный «Журнал для хозяек» и издаваемый акционерным обществом «Женский журнал»), в целом эти органы периодики демонстрируют схожие стратегии освещения семейно-бытовой тематики. Журналы апеллировали прежде всего к традиционным представлениям о гендерных ролях своих читательниц (роли жены, матери и хозяйки), что отразилось как на структурно-тематических моделях изданий, так и на их жанровых предпочтениях. «Журнал для хозяек» и «Женский журнал» отличали дискуссионность подходов и полемичная манера представления вопросов, связанных с трансформацией в новых социально-политических условиях института семьи, брака и патриархальных представлений о взаимоотношениях полов. Это обстоятельство не только выделяло негосударственные журналы для женщин на фоне партийных общественно-политических изданий, способствовало сохранению через них традиционных семейных ценностей в отечественном медиадискурсе, но и обеспечило этим СМИ уникальное место в истории журналистики периода НЭПа.

Источники и принятые сокращения

1. *Альга*. За стеной / Альга // Журнал для хозяек : журнал. — 1926. — № 6. — С. 15—16.
2. *Виртин М.* Немножко кухни / М. Виртин // Журнал для хозяек : журнал. — 1926. — № 3. — С. 2.
3. *В. К.* Наши малыши / В. К. // Журнал для хозяек : журнал. — 1926. — № 5. — С. 6—7.
4. *Григорьева М.* В помощь матери и младенцу / М. Григорьева // Женский журнал : журнал. — 1928. — № 8. — С. 16.
5. *Дарская*. О мещанстве / Дарская // Журнал для хозяек : журнал. — 1926. — № 4. — С. 2—3.
6. *Друг*. Дружеские беседы / Друг // Журнал для хозяек : журнал. — 1926. — № 5. — С. 19.
7. *Карцева В.* Довольна ли ваша жена? / В. Карцева // Журнал для хозяек : журнал. — 1926. — № 6. — С. 2—3.
8. *Маринич О.* Голос хозяек / О. Маринич // Женский журнал : журнал. — 1928. — № 8. — С. 22.
9. *Плетнева Т.* О непрочности брака / Т. Плетнева // Женский журнал : журнал. — 1928. — № 2. — С. 18.

10. *Программа «Журнала для хозяек»* // Журнал для хозяек : журнал. — 1926. — № 1. — С. 1.
11. *Скромный юбилей* // Журнал для хозяек : журнал. — 1926. — № 1. — С. 2—3.
12. *Сторонний Н.* Пора подумать о культуре нашего быта / Н. Сторонний // Женский журнал : журнал. — 1928. — № 3. — С. 22.
13. *Троцкий Л. Д.* От старой семьи — к новой / Л. Д. Троцкий // Правда : газета. — 1923. — № 155. — 13 июля.
14. *Ренц И.* Женщина в кино / И. Ренц // Журнал для хозяек : журнал. — 1926а. — № 2. — С. 17—18.
15. *Ренц И.* Измена / И. Ренц // Журнал для хозяек : журнал. — 1926б. — № 1. — С. 11—13.
16. *Ренц И.* Как быть / И. Ренц // Журнал для хозяек : журнал. — 1926в. — № 3. — С. 7—8.
17. *Ренц И.* Новая любовь / И. Ренц // Женский журнал : журнал. — 1928а. — № 1. — С. 9—10.
18. *Ренц И.* Ну-ну! / И. Ренц // Журнал для хозяек : журнал. — 1926г. — № 6. — С. 11—13.
19. *Ренц И.* Письмо к теще / И. Ренц // Женский журнал : журнал. — 1928б. — № 9. — С. 8—9.
20. *Ренц И.* Ревность / И. Ренц // Женский журнал : журнал. — 1928в. — № 6. — С. 11—13.
21. *Ренц И.* Чай / И. Ренц // Женский журнал : журнал. — 1926д. — № 7. — С. 12—13.
22. *Репнин П.* О путях к самообразованию и развитию женщины / П. Репнин // Журнал для хозяек : журнал. — 1926. — № 2. — С. 1—3.
23. *Филиппова В.* На перепутье / В. Филиппова // Журнал для хозяек : журнал. — 1926. — № 5. — С. 3—4.
24. *Хороший пример* // Женский журнал : журнал. — 1928. — № 7. — С. 13.
25. *Ярославцева.* Из мыслей о браке / Ярославцева // Журнал для хозяек : журнал. — 1926. — № 1. — С. 6.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алферова И. В.* «Женский вопрос» в теории и практике большевизма / И. В. Алферова. — Брянск : «Курсив», 2011. — 352 с. — ISBN 978-5-89592-127-2.
2. *Бабюк М. И.* К вопросу о частной периодической печати в СССР в условиях 1920-х годов [Электронный ресурс] / М. И. Бабюк // Медиаскоп. — 2020. — Выпуск 1. — Режим доступа : <https://www.mediascope.ru/2597> (дата обращения 21.09.2021).
3. *Бойко В. Н.* Особенности изданий для женщин в системе российских СМИ начала XX века (на примере журнала «Дамский мир» / В. Н. Бойко // Медиаальманах. — 2019. — № 5. — С. 79—87. — DOI: 10.30547/mediaalmanah.5.2019.7987.
4. *Гусева И. Е.* Женская пресса : отражение перемен в российском обществе начала XX века / И. Е. Гусева // Вестник МГПУ. Серия : Исторические науки. — 2017. — № 1 (25). — С. 18—23.
5. *Дмитровский А. Л.* Беллетристика : поиск места в системе жанров журналистики / А. Л. Дмитриевский // Ученые записки Орловского государственного университета. — 2015. — № 3 (66). — С. 109—115.
6. *Жирков Г. В.* История журналистики России 1921—1927 гг. / Г. В. Жирков. — Чебоксары : Издательство Чувашского университета, 2002. — 308 с.

7. Ковалова А. О. «Кинемо-Шекспир» Александр Вознесенский : о первом русском кинодраматурге [Электронный ресурс] / А. О. Ковалова. — Режим доступа : <https://hum.hse.ru/ditl/kino/voznescensky> (дата обращения 23.09.2021).

8. Коломийцева Е. Ю. Первые советские женские журналы 1920-х годов : история развития / Е. Ю. Коломийцева // Вестник МГУКИ. — 2013. — № 6 (56). — С. 199—205.

9. Корнилова Л. Ф. Борьба идеологий : традиционализм и пропаганда нового быта на страницах женских журналов периода НЭПа / Л. Ф. Корнилова // Ноябрьские чтения-2019. Сборник статей по итогам XI Всероссийской конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. — Санкт-Петербург : ООО «Скифия-принт», 2021. — С. 616—624. — ISBN 978-5-98620-501-4.

10. Марчан И. В. Женская пресса: историко-типологический ракурс рассмотрения / И. В. Марчан // Вестник Воронежского государственного университета. Серия : Филология. Журналистика. — 2019. — № 2. — С. 123—126.

11. Минаева О. Д. Непартийные женские журналы в период НЭПа / О. Д. Минаева // История отечественных СМИ. — 2021. — № 1 (6). — С. 39—54.

12. Минаева О. Д. Формирование и развитие системы периодических изданий для советских женщин в 1917—1941 гг. : автореферат диссертации ... доктора филологических наук : 10.01.10 / О. Д. Минаева. — Москва, 2016. — 54 с.

13. Симонова О. А. Женские журналы в начале XX в. : критика, рецепция, полемика / О. А. Симонова // Женщина в российском обществе. — 2015. — № 1. — С. 24—32.

14. Симонова О. А. Массовая беллетристика в структуре женских журналов 1910-х годов : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / О. А. Симонова. — Москва, 2008. — 23 с.

15. Смеюха В. В. Вопросы медиалогии / В. В. Смеюха. — Ростов-на-Дону : ФГБОУ ВПО РГУПС, 2013. — 324 с. — ISBN 978-5-88814-365-0.

16. Смеюха В. В. Отечественные женские журналы : историко-типологический аспект / В. В. Смеюха. — Ростов-на-Дону : Издательство СКНД ВШ ЮФУ, 2011. — 188 с. — ISBN 978-5-87872-611-5.

17. Alyunina Yu. Femimine Image in Fashion Discourse : Soviet Magazines of 1920s and Russian Blogs / Yu. Alyunina, E. Politova // Social & Behavioural Sciences. — 2019. — July. — Pp. 64—75. — DOI:10.15405/epsbs.2019.07.9.

18. Braginskaya E. Becoming the New Soviet Woman : Redefining Class and Gender in the Early Soviet Women's Press. Thesis for the Degree of Master of Arts / E. Braginskaya. — Milledgeville : Georgia State University, 2015. — 105 p.

19. Kovalova A. Aleksandr Voznesenskii, the 'Kinemo-Shakespeare' : Notes on the First Russian Cinema Dramatist / A. Kovalova // Slavonic and East European Review. — 2018. — Vol. 96. — № 2. — Pp. 208—243.

20. Menéndez Menéndez M. I. Typology of the Women's Press. A Proposal for Classification / M. I. Menéndez Menéndez // Estudios sobre el Mensaje Periodístico. — 2013. — Vol. 19. — № 1. — Pp. 191—206. — DOI: 10.5209/rev-ESMP.2013.v19.n1.42516.

21. Proctor H. Women on the Edge of Time : Representations of revolutionary motherhood in the NEP-era Soviet Union / H. Proctor // Studies in the Maternal. — 2015. — № 7 (1). — Pp. 1—20. — DOI: 10.16995/sim.198.

22. Russia in the Era of NEP : Explorations in Soviet Society and Culture / R. Munting [and etc] // Economic History Review. — 1993. — Vol. 46 (2). — Pp. 598—599. — DOI: 10.2307/2598039.

MATERIAL RESOURCES

- A good example. (1928). *Women's magazine: magazine*, 7: P. 13. (In Russ.).
- Alga. (1926). Beyond the wall. *Journal for Housewives: the magazine*, 6: 15—16. (In Russ.).
- Darskaya. (1926). About philistinism. *Magazine for housewives: magazine*, 4: 2—3. (In Russ.).
- Filippova, V. (1926). At the crossroads. *Magazine for housewives: magazine*, 5: 3—4. (In Russ.).
- Friend. (1926). Friendly conversations. *Magazine for housewives: magazine*, 5: P. 19. (In Russ.).
- Grigoriev, M. (1928). To help mother and baby. *Women's magazine: journal*, 8: P. 16. (In Russ.).
- Kartseva, V. (1926). Is your wife happy? *Magazine for housewives: magazine*, 6: 2—3. (In Russ.).
- Marinich, O. (1928). Voice of housewives. *Women's magazine: magazine*, 8: P. 22. (In Russ.).
- Modest anniversary. (1926). *Magazine for housewives: magazine*, 1: 2—3. (In Russ.).
- Pletneva, T. (1928). About the fragility of marriage. *Women's magazine: journal*, 2: P. 18. (In Russ.).
- Rents, I. (1926). Well, well! *Magazine for housewives: magazine*, 6: 11—13. (In Russ.).
- Rents, I. (1926a). A woman in a movie. *Magazine for housewives: magazine*, 2: 17—18. (In Russ.).
- Rents, I. (1926b). Treason. *Magazine for housewives: magazine*, 1: 11—13. (In Russ.).
- Rents, I. (1926d). Tea. *Women's magazine: journal*, 7: 12—13. (In Russ.).
- Rents, I. (1926v). How to be. *Magazine for housewives: magazine*, 3: 7—8. (In Russ.).
- Rents, I. (1928). Jealousy. *Women's magazine: journal*, 6: 11—13. (In Russ.).
- Rents, I. (1928a). New love. *Women's magazine: magazine*, 1: 9—10. (In Russ.).
- Rents, I. (1928b). Letter to mother-in-law. *Women's magazine: journal*, 9: 8—9. (In Russ.).
- Repnin, P. (1926). On the ways to self-education and development of women. *Magazine for housewives: journal*, 2: 1—3. (In Russ.).
- Storonnij, N. (1928). It's time to think about the culture of our life. *Women's magazine: magazine*, 3: P. 22. (In Russ.).
- The program of the “Magazine for housewives”. (1926). *Magazine for housewives: magazine*, 1: P. 1. (In Russ.).
- Trotsky, L. D. (1923). From the old family to the new. *Pravda: gazeta*, 155: July 13. (In Russ.).
- V. K. (1926). Our kids. *Journal for Housewives: the magazine*, 5: 6—7. (In Russ.).
- Wirtin, M. (1926). Little kitchen. *Journal for Housewives: the magazine*, 3: P. 2. (In Russ.).
- Yaroslavtseva. (1926). From thoughts about marriage. *Magazine for housewives: magazine*, 1: P. 6. (In Russ.).

REFERENCES

- Alferova, I. V. (2011). “The women's question” in the theory and practice of Bolshevism. Bryansk: “Kursiv”. 352 p. ISBN 978-5-89592-127-2. (In Russ.).
- Alyunina, Yu., Politova, E. (2019). Femimine Image in Fashion Discourse: Soviet Magazines of 1920s and Russian Blogs. *Social & Behavioural Sciences*. July. 64—75. DOI: 10.15405/epsbs.2019.07.9.
- Babyuk, M. I. (2020). On the issue of private periodicals in the USSR in the 1920s. *Mediascope*, 1: Available at: <https://www.mediascope.ru/2597> (accessed 21.09.2021). (In Russ.).
- Braginskaya, E. (2015). *Becoming the New Soviet Woman: Redefining Class and Gender in the Early Soviet Women's Press. Thesis for the Degree of Master of Arts*. Milledgeville: Georgia State University. 105 p.

- Boyko, V. N. (2019). Features of publications for women in the Russian media system of the early twentieth century (on the example of the magazine "Ladie's World". *Media almanac*, 5: 79—87. DOI: 10.30547/mediaalmanah.5.2019.7987. (In Russ.).
- Dmitrovsky, A. L. (2015). Fiction: the search for a place in the system of genres of journalism. *Scientific notes of the Orel State University*, 3 (66): 109—115. (In Russ.).
- Guseva, I. E. (2017). Women's press: reflection of changes in Russian society at the beginning of the twentieth century. *Bulletin of the Moscow State Pedagogical University. Series: Historical Sciences*, 1 (25): 18—23. (In Russ.).
- Kolomiitseva, E. Y. (2013). The first Soviet women's magazines of the 1920s: the history of development. *Bulletin of MGUKI*, 6 (56): 199—205. (In Russ.).
- Kornilova, L. F. (2021). Struggle of ideologies: traditionalism and propaganda of a new way of life on the pages of women's magazines of the NEP period. *November Readings-2019. Collection of articles on the results of the XI All-Russian Conference of students, postgraduates and young scientists*. Saint Petersburg: Scythia-Print LLC. 616—624. ISBN 978-5-98620-501-4. (In Russ.).
- Kovalova, A. (2018). Aleksandr Voznesenskii, the 'Kinemo-Shakespeare': Notes on the First Russian Cinema Dramatist. *Slavonic and East European Review*, 96 (2): 208—243.
- Kovalova, A. O. "Kinemo-Shakespeare" Alexander Voznesensky: about the first Russian film dramatist. Available at: <https://hum.hse.ru/ditl/kino/voznensensky> (accessed 23.09.2021). (In Russ.).
- Marchan, I. V. (2019). Women's press: historical and typological perspective of consideration. *Bulletin of the Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*, 2: 123—126. (In Russ.).
- Menéndez Menéndez, M. I. (2013). Typology of the Women's Press. A Proposal for Classification. *Estudios sobre el Mensaje Periodístico*, 19 (1): 191—206. DOI: 10.5209/rev-ESMP.2013.v19.n1.42516.
- Minaeva, O. D. (2016). *Formation and development of the system of periodicals for Soviet women in 1917—1941*. Author's abstract of Doct. Diss. Moscow. 54 p. (In Russ.).
- Minaeva, O. D. (2021). Non-party women's magazines during the NEP period. *History of domestic media*, 1 (6): 39—54. (In Russ.).
- Proctor, H. (2015). Women on the Edge of Time: Representations of revolutionary motherhood in the NEP-era Soviet Union. *Studies in the Maternal*, 7 (1): 1—20. DOI: 10.16995/sim.198.
- Russia in the Era of NEP: Explorations in Soviet Society and Culture. (1993). *Economic History Review*, 46 (2): 598—599. DOI: 10.2307/2598039.
- Simonova, O. A. (2008). *Mass fiction in the structure of women's magazines of the 1910s*. Author's abstract of PhD Diss. Moscow. 23 p. (In Russ.).
- Simonova, O. A. (2015). Women's magazines at the beginning of the twentieth century: criticism, reception, polemics. *Woman in Russian society*, 1: 24—32. (In Russ.).
- Smeyukha, V. V. (2011). *Domestic women's magazines: historical and typological aspect*. Rostov-on-Don: Publishing House SKND HSE SFU. 188 p. ISBN 978-5-87872-611-5. (In Russ.).
- Smeyukha, V. V. (2013). *Questions of medialogy*. Rostov-on-Don: FGBOU VPO RSUPS. 324 p. ISBN 978-5-88814-365-0. (In Russ.).
- Zhirkov, G. V. (2002). *History of journalism in Russia 1921—1927*. Cheboksary: Chuvash University Press. 308 p. (In Russ.).

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Богданова О. В. Евангелие от Иосифа (поэма И. Бродского «Горбунов и Горчаков») / О. В. Богданова, Е. А. Власова // Научный диалог. — 2021. — № 12. — С. 180—204. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-180-204.

Bogdanova, O. V., Vlasova, E. A. (2021). Gospel of Joseph (I. Brodsky's poem "Gorbunov and Gorchakov"). *Nauchnyi dialog*, 12: 180-204. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-180-204. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-180-204

Евангелие от Иосифа (поэма И. Бродского «Горбунов и Горчаков»)

Богданова Ольга Владимировна
orcid.org/0000-0001-6007-7657
доктор филологических
наук, профессор
olgabogdanova03@mail.ru

Власова Елизавета Алексеевна
orcid.org/0000-0001-5781-7466
кандидат филологических наук
kealis@gmail.com

Российский государственный
педагогический университет
имени А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия)

Gospel of Joseph (I. Brodsky's poem "Gorbunov and Gorchakov")

Olga V. Bogdanova
orcid.org/0000-0001-6007-7657
Doctor of Philology, Professor
olgabogdanova03@mail.ru

Elizaveta A. Vlasova
orcid.org/0000-0001-5781-7466
PhD in Philology
kealis@gmail.com

A. I. Herzen Russian State
Pedagogical University
(Saint Petersburg, Russia)

© Богданова О. В., Власова Е. А., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье прослежены интертекстуальные пласты поэмы И. Бродского «Горбунов и Горчаков» (Шекспир, Гете, Данте, А. Чехов, Л. Андреев, М. Булгаков и др.), устанавливается связь со священными текстами Ветхого и Нового заветов. Выявляется скрытый ученический (апостольский) сюжет, и, как следствие, предлагается иная, чем традиционно принята в бродсковедении, расстановка персонажей: герои Горбунов и Горчаков рассматриваются не как оппоненты-антиподы, но как герои тесно связанные, в частности, отношениями учителя и ученика. Трехчастная (условная) композиция поэмы, ориентированная на три дня и три ночи, изображенные в тексте, своей символической троичностью акцентирует поступательность апостольского пути Горчакова и подчеркивает его особую роль в судьбе Горбунова (вслед за Л. Андреевым, не Иуды предателя, но Иуды ученика). Внутренний «ученический» пласт поэмы позволяет Бродскому перейти к архетипическому сюжету, метафоризируя детали и символизируя ситуации, переводя их на более высокий уровень, насыщая емким философско-поэтическим смыслом. Продуманность хронотопической структуры поэмы — канун Пасхи, Страстная неделя, сумасшедший дом — опосредуется сложными аллюзиями, эксплуатирующими «внутреннюю семантику» знака, цифры, буквы. Теологическую функцию в поэме Бродского берет на себя Слово, божественный Глагол.

Ключевые слова:

И. А. Бродский; «Горбунов и Горчаков»; интертекст; образная система; евангелический сюжет.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article traces the intertextual layers of I. Brodsky's poem "Gorbunov and Gorchakov" (Shakespeare, Goethe, Dante, A. Chekhov, L. Andreev, M. Bulgakov, etc.), establishes a connection with the sacred texts of the Old and New Testaments. The hidden disciple (apostolic) plot is revealed and, as a result, a different arrangement of characters is proposed than is traditionally accepted in Russian studies: the heroes Gorbunov and Gorchakov are considered not as opponents-antipodes, but as heroes closely connected, in particular, by the relations of the teacher and the follower. The three-part (conditional) composition of the poem, focused on the three days and three nights depicted in the text, with its symbolic trinity emphasizes the progressive apostolic path of Gorchakov and emphasizes his special role in the fate of Gorbunov (after L. Andreev, not Judas the traitor, but Judas the disciple). The inner "follower" layer of the poem allows Brodsky to move to the archetypal plot, metaphorizing details and symbolizing situations, translating them to a higher level, saturating them with a capacious philosophical and poetic meaning. The well-thought-out chronotopic structure of the poem — Easter Eve, Holy Week, madhouse — is based on complex allusions and the "internal semantics" of the sign, number, and letters. The theological function in Brodsky's poem is assumed by the Word, the divine Verb.

Key words:

I. Brodsky; "Gorbunov and Gorchakov"; intertext; figurative system; evangelical plot.

Евангелие от Иосифа (поэма И. Бродского «Горбунов и Горчаков»)

© Богданова О. В., Власова Е. А., 2021

1. Вводная часть. История вопроса

Поэма Иосифа Бродского «Горбунов и Горчаков» (1965—1968), по словам поэта, занимает «исключительно серьезное» [Волков, 1998, с. 318] место в его поэтическом творчестве. В том числе и поэтому поэма получила широкий отклик в критике и литературоведении, к тексту поэмы обращались многие известные исследователи — К. Проффер [Проффер, 1986], Л. Лосев [Лосев, 2008], Я. Гордин [Гордин, 2010], В. Полухина [Полухина, 2006, 2009], В. Куллэ [Куллэ, 1996], И. Плеханова [Плеханова, 2002], Д. Ахапкин [Ахапкин, 2009], Р. Клейман [Клейман, 2008], Р. Джулиани [Джулиани, 2009], И. Романова [Романова, 2010], М. Гельфонд [Гельфонд, 2014], О. Глазунова [Глазунова, 2008], А. Карасева [Карасева, 2011], Ян Сяоди [Ян Сяоди, 2019] и мн. др. Между тем поэма необычайно сложна. К. Проффер отмечал: «“Горбунов и Горчаков” производит впечатление запутанной поэмы. Не во всех случаях удастся отличать голос Горбунова от голоса Горчакова. Темы даются фрагментарно. Идеи обсуждаются, отвергаются, затем возникают снова — и так по несколько раз. Каждая тема имеет множество вариаций <...>» [Проффер, 1986, с. 135].

Первое, на что обратила внимание критика, несомненно, была форма поэмы — ее диалогическое выстраивание, которое одними связывалось с именем Платона и его «Диалогами» [Проффер, 1986, с. 138], другими — на основе приема интериоризации, стирания границ между репликами отдельных персонажей — с абсурдистской поэтикой Беккета [Полухина, 2009, с. 76] или экзистенциальным ужасом Фроста [Лосев, 2008, с. 144]. В поэме Бродского признавалось наличие архетипического конфликта, и поэма встраивалась в интертекстуальный ряд классики и современности, от античности до новейшего времени.

Очевидно, что вопрос претекстуального «архетипа» актуализировал и вопрос о структуре поэмы Бродского. Так, Л. Лосев, размышляя над характером композиционно-структурных особенностей поэмы Бродского, обратил внимание на «внутреннюю форму» поэмы — на ее «сонетоподобие». Исследователь отметил, что «в совокупности названия 14 глав», из которых состоит поэма, «представляют собой сонетоподобный текст», «формальная симметрия» которого «очень строга» [Лосев, 2008, с. 143]. По наблюдениям исследователя, «все 14 глав практически равновелики — по 100 строк, за

исключением глав I и XIII — по 99 (всего 1398 строк)», «во всех “диалогических” главах используются десятистрочные строфы, содержащие по пять одинаковых рифменных пар <...> Особняком стоят выходящие за рамки разговора Горбунова и Горчакова и симметрически расположенные главы V и X, в них строфы удлинены и рифмы не повторяются» [Лосев, 2008, с. 143].

Развивая мысль о характере выстраивания диалогического текста, Л. Лосев обратил внимание на то принципиально важное обстоятельство, что в сюжетном, структурном и рифмическом планах поэма Бродского обладает «двойственной природой», последовательно воплощенной автором через множественные повторы, отражения, «зеркальность». На ряде примеров Лосев показал, что драматургический *диалог* в поэме Бродского нередко перетекает в лирический *монолог*, вытесняя двуголосие одним голосом. Критик высказал предположение, что диалог двух героев Бродского, Горбунова и Горчакова, по сути представляет собой монолог центрального героя, Горбунова, становясь свидетельством раздвоения личности персонажа, опосредованного либо «патологией» и «шизофренией» [Проффер, 1986, с. 137], либо художественной «персонификацией» двуполушарной структуры головного мозга» [Лосев, 2008, с. 142].

В. Полухина была в числе первых исследователей, кто применительно к поэме Бродского эксплицировал проблему двойничества / двойника. По словам Полухиной, в «Горбунове и Горчакове» «мы явно имеем дело с ситуацией “я” vs. двойник в чистом виде» [Полухина, 2009, с. 76], иначе — герои Бродского неразлучны как «два тела в одной душе» [Там же, с. 75]. По Полухиной, именно раздвоение личности центрального персонажа послужило «структурообразующим элементом всей поэмы» [Там же, с. 76].

Точка зрения К. Проффера, Л. Лосева, В. Полухиной относительно «двойственной природы» героя нашла поддержку среди исследователей, и в литературоведении возобладало суждение, что главные персонажи поэмы воплотили в себе «полярные грани одной личности» и что «внутренняя раздвоенность <есть> условие отчуждённого движения к истине о себе и мире» [Плеханова, 2001, с. 358—390]. С небольшими вариациями исследователи утвердительно заговорили о «раздвоении личности» [Глазунова, 2008, с. 13] центрального персонажа, который по этой «диагностической» причине и оказался в сумасшедшем доме.

2. Система героев поэмы

Специалистам-бродсковедам хорошо известно, что «прототипы» героев поэмы «Горбунов и Горчаков» промелькнули в поэзии Бродского еще в 1964 году — одноименные персонажи впервые появились в небольшом лирическом стихотворении «С грустью и нежностью». Именная адреса-

ция, предпосланная тексту стихотворения, позволяет утверждать, что А. Горбунов — реальная личность, вероятно, пациент психбольницы, сопалатник героя стихотворения (и, возможно, автора). Первоначально персонаж по имени А. Горбунов не являлся alter ego автора, он собеседник, участник диалогической ситуации, выстроенной в лирическом стихотворении. Причем, как и в будущей поэме, краткий стихотворный диалог опосредован приемом интериоризации. Между тем к моменту «возвращения» Бродского к больничной ситуации в уже более крупных жанровых рамках — поэме — проходит примерно 3—4 года, и Горбунов из собеседника лирического героя (я — он) превращается в центрального героя, становится ведущим я-персонажем (я = он) с фамилией Горбунов, а рядом с ним появляется некто «другой», Горчаков. Заметим, не безымянный лирический персонаж стихотворения, вступающий в диалог с Горбуновым, становится Горчаковым, то есть наделяется (ранее не известной) фамилией, а бывший собеседник Горбунов сплавляется с героем alter ego, «удваивается», вбирая черты стихотворного я и он.

Подобная «суммарность» может гипотетически прогнозировать усложнение «двойнического» образа Горбунова и тем самым допустить возможную экспликацию в нем черт двойника. Но вероятнее, что появление персонажа с именем собственным — Горчаков — свидетельствует о самостоятельности выведенных теперь в заглавие двух поименованных персонажей. Правомерна и третья возможность: фонетическая близость звучания фамилий *Горбунов* / *Горчаков* (почти звуковая паронимия) может быть рассмотрена как дуализм экспликации героев — их намеренной разности и их (пред)намеренного сближения. Между тем, размышляя о системе персонажей поэмы «Горбунов и Горчаков» и, как следствие, о ее идейном наполнении, на наш взгляд, убедительнее исходить из присутствия *двух* центральных героев — Горбунова и Горчакова, а не раздвоенной личности одного персонажа. Тем более что, по свидетельству К. Проффера, на вопрос о персонажной системе поэмы Бродский решительно отвечал: «...нет, их двое и их нужно различать» [Проффер, 1986, с. 137].

Современные исследователи героев Горбунова и Горчакова считают антиподами-антагонистами. Как правило, героев дифференцируют по принципу «рациональное — эмоциональное», «прозаическое — поэтическое». Причем, например, Л. Лосев признает «прозаической» фамилию Горбунова и «поэтической» (почти пушкинской) фамилию Горчакова. «Именно таковы-е» характеристики <заданы> с самого начала Горбунову и Горчакову: первому, с его “прозаической” фамилией, свойственно развивать сложные логические построения, такие, как концепт двоичности в главе III “Горбунов в ночи”, его сны кодируются набором дискретных

символов (*лисички, острова, поплавки*). Второму, фамилия которого вызывает у читателя “пушкинские” ассоциации, сняты эмоционально окрашенные конкретные картины (“образы”) — уличные сцены, моменты собственного детства и в первую очередь музыкальные впечатления (“Концерты, лес смычков...”)» [Лосев, 2008, с. 142] (выд. автором. — О. Б., Е. В.). Кажется, принять подобную точку зрения можно (именно она доминирует в современном бродсковедении), однако на те же акцентированные исследователем детали можно взглянуть с иной стороны.

Прежде всего фамилия *Горбунов*, имеющая в прасоснове лексему-образ «горбун», не столь прозаична, как может показаться. Известно, что в русском и мировом фольклоре образ горбуна достаточно емко и наделен глубинными поэтическими коннотациями. Так, этимология слова *горбун* диктует интерпретировать лексемы *горб* и *горбатость* в связи с образом *горы*, мифологемы неоднозначной и семантически емкой. С одной стороны, с древних времен горбатость означала принадлежность к «чужому», нечистому, демоническому миру, располагающемуся под горой, уродство горбуна пугало и отталкивало людей. Но, с другой стороны, горб на спине фольклорного / литературного героя нередко оказывался до поры сложенными за плечами крыльями. Ближайший пример такого прочтения образа горбуна хорошо известен по кинокартине «Ленфильма» 1960-х годов «Город мастеров» (киносценарий Н. Эрдмана и Т. Габбе), шире — это и образ сказочного Конька-Горбунка, и добрый горбун Квазимодо из «Собора Парижской богоматери», и фантастическая проза Г. Уэллса (например, «Чудесное посещение»), и мн. др.

Что касается фамилии *Горчаков*, то, как было отмечено, исследователи актуализировали в ней прежде всего поэтическое «пушкинское» начало. Однако, как известно, пушкинский однокашник лицеист Александр Горчаков, по выпуске из Лицея служивший по дипломатической части и достигший на этом поприще больших высот (был министром иностранных дел Российской империи), слыл одним из самых рациональных и сдержанных приятелей пушкинского круга. Одно только то, что в списке выпускников лицея Горчаков находился на 1-й позиции, уводит его далеко от Пушкина, бывшего в конце лицейского выпускного рейтинга. Глубоко (само)образованный Бродский не мог не учитывать этих фактов, потому приписывать «говорящую» функцию фамилиям героев вряд ли актуально. Но в любом случае важно подчеркнуть, что в исходной позиции поэмы герои разные.

3. Композиционная структура поэмы

Действие поэмы охватывает три дня, согласно которым поэтапное развитие фабулы можно условно разделить на три (неконтурированные)

части. Открывает поэму «Горбунов и Горчаков» одноименная часть, в которой звучит первая характеристика центрального персонажа, пациента психбольницы Горбунова: «Ну что тебе приснилось, Горбунов?» / «Да, собственно, лисички». / «Снова?» «Снова» [Бродский, 1998, с. 252].

В сильной сюжетной позиции (начало повествования) внимание привлекают два обстоятельства: пристальный интерес героев к снам («Снова?» «Снова») и повторяющийся в снах Горбунова образ грибов-лисичек. Как известно, в системе народных представлений грибы (образ, мотивы, символика) занимают особое положение: грибы предстают не только разновидностью лесной пищи, но и элементом архаического культурного кода. Испокон веков с грибами были связаны различные поверья и приметы, представления о промежуточном положении между растениями и животными и о родстве с мифическими существами. В народной традиции грибы прочно связаны и со сферой проявления сексуальности, несут эротическую символику [Топоров, 1979, с. 234—297].

Герои Бродского, обитатели больницы палаты, знают о символической образности грибов и напрямую связывают навязчивые горбуновские видения о лисичках с любовной драмой героя-пациента. «И, стало быть, во сне, когда темно, / ты грезишь о лисичках?» «Постоянно». / «Вернее, о любви?» «Ну все равно...» [Бродский, 1998, с. 256].

Исследователи полагают, что сны Горбунова менее поэтичны, чем сны Горчакова. Так, Л. Лосев писал, что Горчакову «снятся эмоционально окрашенные конкретные картины», и уточнял: это «образы», «впечатления» [Лосев, 2008, с. 142]. Однако если сравнить сны героев и особенно их интерпретации, то легко заметить, что сны Горчакова — это большей частью воспоминания, впечатления прошлых дней, а сны Горбунова — это переживания настоящего, тех драматически глубоких чувств, которые переполняют его сердце и (под)сознание. Горчаков видит во сне ранее виденное, Горбунов — перечувствованное. Наделенный поэтическим воображением Горбунов умеет сопоставить островки грибов-лисичек с островами устья Невы, грибницу — с проспектами и улицами, вид грибов-островков в конечном счете с речью, с чередованием слов и молчания. Герой разворачивает емкую метафору, которая в малой степени понятна предметно и конкретно — «вещно» [Бродский, 1998, с. 253] — мыслящему Горчакову.

Диспозиция героев, предложенная Бродским в первой части / главе, сразу выводит на интертекстуальную параллель, отсылающую прежде всего к Шекспиру (шекспировский подтекст всегда был актуален для Бродского [Богданова и др., 2021, с. 129—148]). Подобно тому, как в трагедии о Принце Датском рядом с трагическим философом Гамлетом оказываются недалекие и пустые доносчики и стражи Розенкранц и Гильденстерн, так и рядом

с мыслящим и философствующим Горбуновым располагается простак и сексот Горчаков. Вся атмосфера первой главы поэмы заставляет вспомнить встречу Гамлета с Розенкранцем и Гильденстерном, в том числе в связи с размышлениями шекспировских героев о сне, с рассуждениями о мире-тюрьме, об относительности пространства (Гамлет: «О, боже! Заключите меня в скорлупу ореха, и я буду чувствовать себя повелителем бесконечности...» [Шекспир, 1992, с. 103]), о честолубии, об истине, дружбе и проч. Мотив мнимого безумия шекспировского героя обретает характер подтекстового «backgrounda», позволяя интертекстуально маркировать тип центрального героя Бродского, современного «безумствующего» Гамлета («Ты спятил, Горбунов!» [Бродский, 1998, с. 253]), задающегося вечными вопросами, в числе которых инвариантный гамлетовский — «Быть или не быть?..»

Однако в отличие от шекспировских Розенкранца и Гильденстерна у Бродского Горчаков не просто доносчик и шпион, но в значительной мере и союзник Горбунова. Именно это принципиально важно для понимания поэмы Бродского. Никто из исследователей не обратил внимание на то существенное (конститутивно важное) обстоятельство, что Горчаков «доносит» на Горбунова особым образом («давайте ваш доклад» [Бродский, 1998, с. 259]): он не говорит всей правды, точнее — говорит неправду, преимущественно «докладывает» о том, о чем хотят слышать врачи психбольницы. Тогда как в продолжении всего многочастного диалога Горбунов и Горчаков ни разу не обращаются к темам политическим, идеологическим, социальным, тем не менее первые же слова «доклада» Горчакова сориентированы именно на этот аспект: «Он выражает беспартийный взгляд / на вещи, на явления — в основе / своей диалектический; но ряд — / но ряд его высказываний внове / для нас» [Бродский, 1998, с. 260]. Апелляция к «беспартийному взгляду» как будто бы исторична (речь о советской психбольнице), но по сути своей глуповата, наивна, даже неожиданна. Пожалуй, единственной «горбуновской» деталью из доноса Горчакова оказывается упоминание лисичек. Но и странный сон соплатника преподносится врачам с идеологическим креном: в передаче Горчакова, Горбунов — «сторонник непартийных <...> воззрений...» [Бродский, 1998, с. 260], «он беспартийный — вот его беда!» [Бродский, 1998, с. 261], «во всем великолепии своего / идеализма нынче он раскрылся» [Бродский, 1998, с. 261]. Другими словами — если внимательно прислушаться к «доносу» Горчакова, то становится ясно, что герой ничего существенного о Горбунове не рассказал во «враждебной среде» врачей. В какой-то момент он начинал было говорить о чем-то важном — о «худом человеке», о «пустыне», об «Азии», о «колодеце» [Бродский, 1998, с. 261] (можно предположить, о ветхозаветных Моисее или Иосифе), но его рассказ скоро (и вдруг) становится сбивчивым,

перемежается паузами (графически — многоточиями), прием умолчания свидетельствует о раздумьях героя, и Горчаков затихает, не говорит более ни слова. На требование врачей: «Дальше! Не тяните!» [Бродский, 1998, с. 261] — Горчаков довольно глупо, по-шутовски заканчивает: «А дальше вновь все пусто и мертво. / Колодец... это самое... сокрылся» [Бродский, 1998, с. 261]. Бессмысленное, разговорно-междометное «это самое...» рядом с возвышенным «сокрылся» оглушает речь героя и выдает в нем сознательное поведение трикстера. Признание Горчакова: «Я слишком в Горбунова углубился» [Бродский, 1998, с. 261] — в таком контексте окрашивается чертами искренности и истинности откровения героя: он действительно осознает желание прислушаться к Горбунову, погрузиться в него, услышать и понять его суждения. Потому глава «Горчаков и врачи» заканчивается странной для героя-сексота репликой: «О ужас, я же истины ни слова...» [Бродский, 1998, с. 262].

В ходе разговора с врачами Горчаков осознает влияние на него Горбунова. Еще недавно браво играющий роль Мефистофеля рядом с Фаустом («Ты хочешь огорчить меня?» «Конечно. / На то я, как известно, Горчаков» [Бродский, 1998, с. 254]), теперь Горчаков окунается в иную интертекстуальную стихию — библейскую, ветхозаветную (Моисей) и новозаветную (Иисус). Несколько ранее, в первой части, промелькнувший образ рыбака («ты один из рыбаков» [Бродский, 1998, с. 254]) теперь обретает отсветы евангелической Галилеи, чуда, свершившегося на Галилейском море, и — главное — притчи Иисуса о «ловцах человеков». Причем пробуждает эту аллюзию Бродский мастерски. Вслед за упоминанием рыбалки («ты один из рыбаков») и непосредственно перед называнием созвездия Рыбы («и Рыбы водворяются» [Бродский, 1998, с. 254]) Горчаков иронически и, кажется, случайно именует Горбунова Галилеем («Смотрю, в тебе замашки Галилея» [Бродский, 1998, с. 254]). Но, ставя имя ученого в родительный падеж (кого? — Галилея) и погружая его в атмосферу рыбалки и Р(р)ыб, Бродский сознательно ориентирует реципиента на единственно верную ассоциацию — Галилея (им. пад.) — заставляет вспомнить библейскую историю «ловцов человеков». Прием амфиболии, двусмысленности, вступает в права и подвергает семантической перекодировке имя Галилея, транспонирует его в страну Галилею, затекстово (незримо) вводя библейские ассоциации.

Происходит смена перспективы. Библейско-галилейское с(С)лово «И говорит им: идите за Мною, и Я сделаю вас ловцами человеков» (Мтф. 4: 19) порождает аллюзию к духовному ученичеству. Горчаков у Бродского еще не вполне осознает происходящее с ним, но уже задумывается о месте в его жизни Мессии-Горбунова, о распределении их

ролевых партий — у(У)чителя и у(У)ченика. Парадигма противостояния героев-антиподов (эксплицированная в пределах первой части) сменяется парадигмой дружества и — что еще важнее — ученичества.

В свете подобных размышлений ближайшим интертекстом «Горбунова и Горчакова» оказывается современный Бродскому роман М. Булгакова «Мастер и Маргарита» [Булгаков, 1966—1967], который именно в то время впервые появился в журнале «Москва» (1966, № 11; 1967, № 1) и в тексте которого легко вычленима интертекстуально сопоставимая пара героев: Мастер и Иван Бездомный, учитель и ученик, познакомившиеся в Москве в (псих)больнице Склифосовского. Булгаковский Мастер бросает ответ на образ «поэта» Горбунова, Иван Бездомный затекстово прочерчивает (не получивший сюжетного завершения в поэме) вектор эволюции-ученичества Горчакова. Булгаковский вопрос «Что есть истина?» скрепляет диалогические практики героев Бродского. Ершалаимский пласт романа Булгакова находит продолжение в событиях Страстной недели поэмы Бродского. Ситуация (архе)типизируется, глубина поэмного пространства прирастает.

Библейские мотивы осторожно, но прочно внедряются в текст поэмы. Разговор о снах (о лисичках, о любви) перерастает рамки реалистической конкретики и переходит на мистико-метафорический (символический) уровень. Рядом с образом любви-лисичек появляется «дешифратор» горбуновского сна — образ брюсовского «Огненного Ангела», обремененный мотивами любовного треугольника и оттеняемый фаусто-мефистофелевскими спорами о добре и зле, а мысль о жизни человека предстает в диалоге героев Бродского как всеобщее сумасшествие («А что земля?» <...> «Больничная аллея» [Бродский, 1998, с. 254]). Герои Бродского оказываются погруженными в многочисленные интертекстуальные — фольклорные, литературные, библейские — проекции, придающие диалогу персонажей двойственные и тройственные глубины-смыслы, порождающие экзистенциальную переориентацию. Аллюзийный фон поэмы неустойчив, но многолик и подвижен — Гамлет / король, Фауст / Мефистофель, Моисей / еврей, Иисус / ученики, Мастер / Бездомный (даже Евгений / Петр из «Медного всадника» А. Пушкина) и мн. др.

Как и претекстовых персонажей (например, героев чеховской «Палаты № 6» [Чехов, 1998]), Горбунова не пугает репрессивный институт больницы-тюрьмы («Душа не ощущает тесноты»), мысль о Судном Дне ему не страшна, потому что «приговоры Страшного Суда / тем легче для души моей, чем хуже / ей было во плоти моей...» [Бродский, 1998, с. 257]. Пребывание в клинике становится очередным испытанием героя Бродского, и, вероятно, не самым тягостным. «Всегда, / когда мне скверно, думаю, что тебе / боль вынесу вторично без труда» [Бродский, 1998, с. 257]. Обстоятель-

ственное наречие «всегда» сигнализирует о прежде уже пережитых болях и страданиях героя Горбунова.

Мистическая лестница, по которой в поэме Бродского путешествует философствующий Горбунов, доводит героя до «дна» («добрался я до дна» [Бродский, 1998, с. 257]), но, согласно признанию персонажа, в качестве «дна» он воспринимает не «огромный сумасшедший дом» [Бродский, 1998, с. 257], а ситуацию, которая привела его в больницу: «Лисички завели меня сюда» [Бродский, 1998, с. 257], то есть лисички-любовь, отношения с женой, еще точнее — разрыв с возлюбленной. И как следствие — медицински диагностируемое раздвоение личности («двоедушие» [Бродский, 1998, с. 259]), которое осознает и сам пациент, полагая, что в «пустоте» сумасшедшего дома он посредством беседы с самим собой (с «тишиной») сможет отыскать способ преодоления постигшего его одиночества: «Проблему одиночества вполне / решить за счет раздвоенности можно» [Бродский, 1998, с. 259].

Бродский сознательно намечает мотивы двойничества, но в тексте поэмы образ Горбунова не сливается с образом Горчакова. Между тем намерение Бродского совместить, сблизить героев Горбунова и Горчакова в отдельных сценах поэмы действительно выходит на первый план. Мотив ученичества при этом не снимается, не аннигилируется, а скорее прирастает и усиливается. Пример тому — глава V-я, завершающая первую из трех *условных*, хронологически структурированных частей поэмы.

4. Мистический пласт поэмы

На первый взгляд, глава V — «Песня в третьем лице» — самая странная и малопонятная. Она абсурдистски выстроена из бессвязных и бессмысленных фраз «И он ему сказал». «И он ему сказал». «И он сказал» [Бродский, 1998, с. 262] и т. д. Напомним, что В. Полухина, Л. Лосев, И. Плеханова (и др.) утверждали, что подобный характер повествования — прямая апелляция к абсурдизму Беккета. Однако стиливое (словесно-речевое) оформление V главы, на наш взгляд, имеет иной (пра)источник.

Прежде всего обращают на себя внимание многократные повторы и анафорическое *И*, которые пронзают весь текст: «И он ему сказал». «И он ему / сказал». «И он сказал». «И он ответил». / «И он сказал». «И он». «И он во тьму / воззрелся и сказал». <и т. д.> [Бродский, 1998, с. 262]. Со всей определенностью можно утверждать, что этот маркер указывает на вполне узнаваемый претекст — библейский. Именно стилистика Библии хранит подобные следы, именно в Библии многократно используется союз *И*, придавая священному тексту особый ритм, музыку и протяж(ен)ность.

Из книги Бытия: «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. / И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы. / И назвал Бог свет

днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один. / И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды. [И стало так.] <...> / И назвал Бог твердь небом. [И увидел Бог, что это хорошо.] И был вечер, и было утро: день второй. <...> (Быт. 1: 3–8).

Бродский воспроизводит стилистику Библии, уже только этим наполняя, кажется, бессодержательный (внешне «абсурдированный») текст смыслом. Поэт словно бы намеренно собирает, концентрирует в пятой главе все слова автора (объективный пласт наррации), которые должны были в первых четырех главах сопутствовать прямой диалогической речи персонажей (субъективный пласт) — в стилевом отношении насыщая авторский комментарий «в третьем лице» многосоюзием *И* и в формально-стилевом плане приближая главу к «образу и подобию» священного текста.

Непривычность формы в начале V главы действительно воспринимается абсурдной (или постмодернистичной) — такой прием в игровой форме позже (вслед за Бродским) использовали многие писатели-постмодернисты. Например, у концептуалиста В. Сорокина в романе «Пир» (глава «Моя трапеза») одни фрагменты представляют собой исключительно описание действий персонажа в повествовательной форме («Встал. <...> налил щей <...> закусил черным хлебом» [Сорокин, 2002, с. 303—305] и т. д.), другие — исключительно реплики персонажа, набор звуков и шумов, издаваемых героем и его собакой в ходе описываемой трапезы. Сходную стратегию (хотя и вариативно) использовал и Дм. Пригов в его художественном и поэтическом творчестве, например, в «коротких стихах» или «Бестиарии» (в последнем случае — комбинируя вербальное и визуальное) [Пригов, 2016]. Однако концептуалисты были «вторичны», Бродский же на этом пути оказывался первопроходцем, его интенционная стратегия носила совершенно иную направленность. Бродский не играет, как постмодернисты-концептуалисты, он как поэт, обожествляющий Глагол, заставляет *говорить молчание*. Поэт реализует скрытую (сокрытую, не названную) метафору, согласно которой слова «от автора» (по Бродскому, излишество в живом диалоге героев) есть тишина после речи [Бродский, 1998, с. 275], но именно эту «тишину»-«пустоту» и подвергает организации (= озвучанию) Бродский в пятой главе.

Главным действующим персонажем в V главе становится Слово. Фактически Бродский разворачивает, воплощает — почти материализует — метафору евангелиста: «Вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1: 1). Средством реализации метафоры становятся в том числе знаковые формульные конструкции с выразительным анафорическим *И*, которые исходно декодируют ракурс восприятия текста главы, с очевидной определенностью ориентируют на семантически значимую

(метонимическую по сути) связь со Священным текстом. V глава возносит разговор (диалог) Горбунова и Горчакова на новый уровень: это уже не судьба частного человека, а история (евангелие) человека, уловленного сетью таинств мироздания. Отзвуки Галилейского чуда отбрасывают ответ на текст главы.

В транскрипции Бродского евангелическим Словом становится глагол *Сказал*. Как известно, в старославянском языке «глагол» означал именно «слово» («речь», «голос») [Кузнецов, 1998, с. 206]. В таком значении оно представлено Пушкиным в стихотворении «Поэт»: «Но лишь *божественный глагол* / До слуха чуткого коснется, / Душа поэта встрепенется, / Как пробудившийся орел...» [Пушкин, 1985, с. 402]. В архаико-этимологическом значении глагол *сказал* использует и Бродский.

Вначале глагол *сказал* воспринимается в тексте формульным — сухим, безгласым, мертвым. «И он ему сказал». «И он ему сказал». «И он сказал». Поначалу кажется, что его функция формально стилистическая, предикативная и, главным образом, констатирующая: это словно бы перечислительный ряд тех «слов от автора», сказуемых-предикатов, которые были изъяты из диалогового общения беседующих персонажей ранее (в I—IV главах). Но вскоре в потоке формул «сказал» появляется нечто иное: «Слова на ветер», усеченный фразеологизм, который словно бы отражает «движенье вспять» [Бродский, 1998, с. 256], уже свершившееся (ретро)событие поэмы: «Но, так сказать, / сказал “сказал” сказать совсем не то, что / он сам сказал» [Бродский, 1998, с. 262]. Ранее, как помним, (в главе четвертой) Горчаков не открыл в своем «докладе» врачам о соседе по палате ничего, что могло бы обнажить (дезавуировать) сущность личности Горбунова. И фразеологический оборот *слова на ветер* словно обобщает, итожит предшествующее, акцентирует именно это качество «доноса» Горчакова. Следом, почти как заключение врачей, звучит констатирующая фраза: «и время занял» [Бродский, 1998, с. 262]. Соседство, казалось бы, «бессмысленных» слов начинает выкристаллизовывать некий *смысл*. По мере констатации ранее уже свершившихся в поэме событий, которые теперь не называются, но перечисляются — «Сказал». «Сказал». «Сказал». «Сказал». «Сказал» [Бродский, 1998, с. 263] — *глагол* у Бродского начинает обретать некий мистико-метафорический смысл (символический для поэта), который получает свою физическую плоть: «Но раз *сказал* — *предмет*, / то так же относиться должно к *он’у*» [Бродский, 1998, с. 263]. Глагол, то есть слово, обретает у Бродского плотность, предметность. Из слова-глагола *сказал* превращается в *опредмеченный* субстантив *он*, точнее, по мысли одного из неатрибутированных голосов, к нему следует относиться как к *он’у*, то есть как к живому, одухотворенному, субстантивированному. И

далее готовится персонификация, олицетворение, одушевление Глагола (обожествляемого глагола): «И он ему». «И он». «И он ему». / «И я готов считать, что вечер начат». / «И он ему». «И все это к тому, / что оба суть одно взаимно значат» [Бродский, 1998, с. 263]. Глагол *сказал* на основе «окказиональной синонимии» (от-Бродского) заменен личным местоимением *он (ему)*, ассоциативно словно бы воспроизводя ранее слышанный диалог Горбунова и Горчакова, а в результате (на основе уже известных читателю событий-диалогов) подводя к выводу, что «оба суть одно взаимно значат», «нет различья» [Бродский, 1998, с. 263].

Важно обратить внимание: вначале глагол *сказал* и местоимение *он (ему)* пишутся с маленькой буквы. Однако в какой момент невидимый нарратор дает точное определение, которое не всеми и не сразу воспринимается как дефиниция: «Да он ему — сказал» [Бродский, 1998, с. 263]. Пунктуационно приведенная фраза, весьма похожая на «авторские» слова, суммированные прежде, грамматически не требует постановки тире. Но Бродский ставит его, тем самым графически акцентируя номинативно-предикативную позицию обоих членов предложения: *он и сказал*. «Он <...> — сказал». Если обычно тире ставится между подлежащим и сказуемым при условии их грамматического и смыслового тождества (например, между подлежащим и сказуемым, выраженными существительными), то здесь задается обратный логический код: если поставлено тире, значит, соединенные им два компонента образуют некоторое единство, тождество, равенство. *Он* и *сказал* наделяются Бродским ролевой функцией главных членов (предложения, в частности, и главы / поэмы в целом). И следом оба слова (Слова) начинают писаться с большой буквы, обретая признаки имен существительных, и более того — имен собственных. «Да, собственное имя — концентрат» [Бродский, 1998, с. 264], — итожит нарратор. Теперь обе лексемы наделяются сущностью одушевленной, значением имени собственного и пишутся с прописной буквы: «И, внимая тому, что *Он Сказал* произнесет...» [Бродский, 1998, с. 264] или «И *Он Сказал* носился между туч...» [Бродский, 1998, с. 265].

К финалу V главы *Он* и *Сказал*, отмеченные подобием («оба суть одно», «нет различья»), облакаются в единую сущность *Он Сказал (Он-Сказал)* и маркируются повествователем (портретируются) «улыбкой Горбунова, Горчакова» [Бродский, 1998, с. 265]. Имена персонажей поставлены через запятую, как *однородные члены*, но в таковой позиции они, вероятно, могли бы быть соединены и дефисом (Горбунов-Горчаков), небуквенным орфографическим знаком *соединения*, равенства и подобия. Не очень ясно, несколько вычурно и сложно, но в целом различимо (при внимательном чтении) в V «странной» главе Бродский обнаруживает равенство (прирав-

нивание) сущности Слова (Глагола) к сущности Человека (Он-Сказал = Горбунов-Горчаков).

В пятой главе поэт реализует весьма важную для него сентенцию (мысль, идею, философему): он обожествляет Слово, обожествляет Глагол. Многочисленные И-анафоры, подчеркнута краткие синтаксические конструкции, выдержанный параллелизм речевых структур — все это указывает на стилизацию текста V главы «под Библию». И у этой стратегии есть две важные интенции. С одной стороны, «библейская аура» способствует возвеличению Слова / Глагола, с другой (как следствие сюжетного развития) — (при)равнивания главных героев поэмы, постановки их в позицию подобия, близости, «однородности» (учитель / ученик, «мой друг»). В ходе «по виду» абсурдированного повествования, во-первых, актуализируется идейная («всегда-важная» для Бродского) философема: Слово / Глагол — высшая сущность Вселенной, надмирный абсолют, который доминирует над всем тварным и нетварным. Во-вторых, (в рамках сюжетной диспозиции героев) автором констатируется новая нарративная данность: на лингвостилистическом уровне между Горбуновым и Горчаковым должен стоять не противительный союз но (как полагают многие исследователи), а сочинительный союз и. К концу V «странной» главы становится ясно, что герои Бродского теперь (объективно и формально) прочитываются не как антагонисты, а как протагонисты, как герои-спутники, движущиеся по жизненному (фабульному) пути в одном направлении, еще точнее — один вслед за другим. Базовая мифопоэтическая дихотомия (Горбунов ↔ Горчаков) аннигилируется и трансформируется (Горбунов ↔ Горчаков). В результате V глава утрачивает приписываемую ей «странность» и «абсурдность». Скорее наоборот, V глава семантически (пере)кодируется, дешифруется, берет на себя функцию возвышения над реальностью и перехода на мистико-иррациональный — духовный — уровень рецепции, экспликации метамифа Бродского о божественном «диктате языка». Условно-первый этап сближения героев Горбунова и Горчакова завершается. Божественный Глагол уравнивает *Он-Сказал* и *Горбунова-Горчакова*. Дальнейшая фабульная диспозиция героев — соположение, сопереживание, соразмышление. Мотив ученичества и следования за у(У)чителем разрастается новыми деталями, обстоятельствами, «свидетельствами».

5. Апостольский ракурс повествования

Глава «Горчаков в ночи» (внутренний монолог героя-ученика) — знак второго (условного) этапа ученичества героя — начинается с пушкинской воспреемственной аллюзии «Из искры возгорится пламя...»: «О Горбунов! от слов твоих в затылке, / воспламеняясь, кровь моя бурлит — / от этой

искры, брошенной в опилки!» [Бродский, 1998, с. 270], а текст самой главы уже явственнее ориентирован на тему Ученика и Учителя (в широком библейском и в более узком, например, булгаковском изводе). Внутренний ночной монолог Горчакова отмечен ощутимыми трансформациями: «Я сам уже в глазах своих расту...» [Бродский, 1998, с. 271], и маркером «роста» становится меняющееся отношение персонажа (например) к звезде, признаваемое им ее воздействие: «Я чувствую во внутренностях жжение, / взирая на далекую звезду» [Бродский, 1998, с. 271]. Позже это открытие подтвердит и Горбунов: «О звезде с ним <с Горчаковым> можно побеседовать» [Бродский, 1998, с. 274].

Значительная часть внутреннего ночного монолога Горчакова выстроена Бродским так, что она отчетливо представляет собой повторения тех суждений, которые прежде уже были высказаны Горбуновым: «Нормальный сон — основа всех основ!», «Сны откровенней всех говорунов», «Фрейд говорит, что каждый — пленник снов» [Бродский, 1998, с. 271] и т. п. Герою Горчакову самому «странно в это вдумываться снова...», то есть «снова» вслед за мыслями Горбунова. Ученическая ипостась Горчакова вырисовывается от повтора к повтору, от воспоминания к воспоминанию, от с(С)лова к с(С)лову и, наконец, рождает в персонаже-ученике осознание: «Ты, Горбунов, мой высший судия!» [Бродский, 1998, с. 271], «Покуда я дышу, во власть твою я должен отдаваться!» [Бродский, 1998, с. 272]. Себя герой начинает мыслить «посредником», «продолжателем и наследником» [Бродский, 1998, с. 271] суждений и с(С)лов Горбунова — персонаж угадывает (признает) в себе ученическую сущность.

Свидетельством преображения «вещного» и приземленного героя становятся мелкие (малозаметные) детали. Горчакова-ученика впервые посещает мысль о возможности открытия *форточек* («О если бы медбрат открыл ее!...» [Бродский, 1998, с. 271]). В нем зарождается догадка о масштабе личности Горбунова («Увы, тебе масштабы эти мелки!» [Бродский, 1998, с. 272]). Появляется «вещное» (не «вещное») предвидение грядущих мук учителя-сопалатника: «Грядет твое мучение!...» [Бродский, 1998, с. 272]. Слова-молитвы Горчакова обращены к Горбунову: «К тебе свои молитвы возношу! / Мне некуда от слов твоих деваться! / Приди ко мне! Я слов твоих прошу. / Им нужно надо мною раздаваться!» [Бродский, 1998, с. 272].

Желание множить слова и мысли Горбунова заставляет Горчакова собственное доносительство признать (объяснить) не предательством, но невозможностью расстаться со словами Горбунова: «Затем-то я на них и доношу, / что с ними неспособен расставаться, / когда ты удаляешься... Прости!» [Бродский, 1998, с. 272]. В контексте высокого (апостольского) ученичества Горчаков доходит до мысли уже не о доносе, но об осознании

и переживании собственной предначертанной ему трагической роли — роли «предателя»: «Как эхо, продолжающее звуки, / стремясь их от забвения спасти, / люблю и предаю тебя на муки» [Бродский, 1998, с. 272]. Горчаков из доносителя (стражника, надсмотрщика, центуриона), кажется, трансформируется в Иуду. Но роль Иуды (миссия) воспринимается Бродским и интерпретируется в поэме не-канонически, не-ортодоксально.

Иуда видится Бродским не как предатель, но как последователь, в тексте поэмы — как эхо [Бродский, 1998, с. 272]. В подобной интерпретации Бродский вновь интертекстуален: он наследует (и развивает) точку зрения Л. Андреева, получившую отражение в повести «Иуда Искариот» (1907). Как и в характере Горчакова, в описании андреевского Иуды достаточно противоречивых черт. Его Иуда насмешлив, лжив и притворен, но он же и умен, восприимчив, доверчив и чуток. Иуда, любящий Иисуса искренней и чистой любовью, по Андрееву, готов пожертвовать собственным добрым именем, навлечь на себя всеобщее проклятие ради свершения высшей цели, высокого предназначения Христа. Андреевский Иуда идет на жертву, понимая, что имя Иисуса в веках будет прославлено как имя Спасителя, он же останется в памяти человечества как предатель, чье имя навсегда станет символом лжи, измены, низости помыслов и деяний.

Бродский не придает образу и поведению Горчакова черт осознанности и намеренности (особенно в ситуации ночной драки), однако андреевское понимание Иудой собственной роли доступно (хотя бы отчасти) и предателю Горчакову — «люблю и *предаю тебя на муки*». Герой если не вполне осознает, то во всяком случае угадывает свою роль, потому финальное убийство на сюжетном уровне носит у Бродского характер случайности.

Апостольская ипостась Горчакова допускается Бродским и принимается героем Горбуновым. В разговоре с врачами относительно «предателя» Горчакова центральный персонаж произносит: «На гвозде, как правило, и держится подкова» [Бродский, 1998, с. 274], — напрямую связывая судьбы Иисуса и Иуды, собственную и горчаковскую. Перспективы текста Бродского смыкаются с пространством древнего Иерусалима, когда локус сумасшедшего дома сопоставляется с Голгофой [Бродский, 1998, с. 275], судьба больного питается страданиями Спасителя на кресте [Бродский, 1998, с. 274], известие о выходе Горчакова из клиники вызывает возглас Горбунова «Почто меня покинул!» [Бродский, 1998, с. 275], переключаясь с новозаветным «Боже Мой! Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?» (Мрк. 15: 34). Диалогическое Слово («Сказал». «Сказал». «Сказал». «И он ему сказал». «И он ему ответил»), которое было не сном, но реальностью для Горбунова, предвещает экзистенциальную «вечность» = «тишину»: «Отныне, как обычно после жизни, / начнется вечность». «Просто тишина» [Бродский, 1998, с. 275].

Мотив ученичества (то есть не-двойничества) получает продолжение и развитие. Примечательна в этом плане глава X, в двоичной системе поэмы симметричная V-ой («Песне в третьем лице»). И, подобно V-й главе, завершающая *условную* вторую часть (второй день) событий поэмы.

Очевидно, что роль глав V-й и X-й в поэме Бродского особенная. Из наблюдений К. Проффера: «Главки 5-я и 10-я, озаглавленные “Песня в третьем лице” и “Разговор на крыльце”, отличаются от остальных по своей структуре. Разговор содержит 5 строф по 20 строк каждая, с переменной рифмовкой. “Песня” и “Разговор” разбивают поэму в симметричных точках: четыре главки помещены между этими двумя, четыре — до, четыре — после. <...> Это не просто формальные параллели; тематические параллели также связывают эти два “больших отступления” <...>» [Проффер, 1986, с. 133]. Добавим, что их сближает и выполняемая ими функция — ненавязчивое маркирование очередного этапа в развитии сюжетики поэмы — событийной и ментальной.

В X главе происходит «Разговор на крыльце», звучащий полилогом голосов, внешне (почти) неатрибутируемых. Сама локализация разговора персонажей «на крыльце», где не могли бы находиться герои-больные, позволяет предположить, что «Разговор на крыльце» ведут врачи, наблюдающие пациентов-сумасшедших. Именно это предположение и высказывает Л. Лосев, указывая на десятую главу и образ «мучающих Горбунова докторов» [Лосев, 2008, с. 145]. Однако, скорее всего, «сюжетно» врачи (или санитары) у Бродского оказываются на крыльце, чтобы услышать (подслушать) разговор, который доносится сверху — из окна.

Не названные по именам Горбунов и Горчаков в X главе продолжают начатый в V главе разговор о великом (и свяшенном) диктате языка. Условно, если V глава была отражением *хаоса* звуков, не осененных словом и неохваченных мыслью (условная первая часть), то X глава — *организованный* хаос, когда слова (речь) становятся понятными и доступными осмыслению (завершение условной второй части). Как органичное продолжение прежде начатого диалога звучат сентенции о «словах, пожирающих вещи», о том, что «слово надвигается на слово», что «названия — защита от вещей» [Бродский, 1998, с. 276] и др. Примечательно, что, если ранее Горбунов в одиночестве стоял у окна, то теперь в X главе оба героя, беседуя, взирают на больничный двор. Каждая строка беседы представляет собой цельное предложение. При этом фразы, могущие быть синтаксически цельными, разбиты на синтагмы. Если один из беседующих у окна произносит: «Стоит огромный сумасшедший дом», то другой словно бы отвечает и предлагает собственный сравнительный оборот-продолжение: «Как вакуум внутри миропорядка» [Бродский, 1998, с. 276]. Правом голоса-раз-

мышления наделяется (бывший) герой-простак. Если раньше Горчаков, как правило, выказывал недоверие словам Горбунова, то теперь он задает множество вопросов, которые нуждаются в ответе. Скепсис отринут, Горчаков целиком полагается на суждения Горбунова. Вся глава — огромный ряд сменяющих друг друга ответов, сумма сентенций, которые важны обоим героям [Бродский, 1998, с. 275—277].

Сближение персонажей опознаваемо со стороны. Происходившее постепенно, поэтапно, день за днем, точнее — три утра и три вечера («И был вечер, и было утро...»), теперь, на третью ночь, «после нуля» («Разговор в разговоре»), оно обретает очевидный и символический (библейский) оттенок. Если первый день пронизан сомнениями и иронией Горчакова в отношении Горбунова, если второй — свидетельство видимого духовного сближения героев, то третий — экспликация доверия, возникшего между учителем и учеником. Если после упреков в доносительстве на «второе утро» Горбунов пытался обмануть Горчакова и (как и врачам) рассказывал ему о «морском» сне, то в «третье утро» он полагается на соплатника и уже безбоязненно признается, что ночью снова видел «тот же» сон о лисичках («Как всегда» [Бродский, 1998, с. 278]). Троекратность и повтор (образ сна-лисичек) композиционно смыкают «начала и концы», повествование обретает характер композиционного кольца, актуализирующего коннотации библейского Уробороса, символического образа змеи, кусающей собственный хвост, проецируя итоговое представление о вечности и бесконечности.

Магическая цифра «3» опосредует динамику отношений героев Бродского. Третий день, точнее третья (символически последняя и *последующая*) ночь Горбунова и Горчакова в пространстве мира — сумасшедшего дома, мира-хаоса, обретает значение кульминации — ситуационной и мистической. В пространстве третьего дня / ночи Бродским актуализируется центральное событие сквозного библейского мотива поэмы — мотива Страстной недели, жертвенного распятия (и будущего воскресения).

6. Пасхальный сюжет поэмы

Уже первое упоминание Пасхи в тексте поэмы становится знаком некоего рубежа — того времени, когда Горчаков будет выписан из клиники («После Пасхи» [Бродский, 1998, с. 278]). По предположению К. Проффера, выписка Горчакова — «вознаграждение» за доносительство: «За донос на Горбунова Горчаков будет освобожден к Пасхе» [Проффер, 1986, с. 134, 136]. Однако в тексте поэмы указаний на подобную мотивацию нет. Кроме того, важна «незаметная» подмена в восприятии исследователем синтаксемы: не *к* Пасхе, а *после* Пасхи. Последний вариант дает возможность более емкого прочтения текста: субъект воскресения может быть замещен (или

дублирован), характер лексемы *освобождение* может быть (ре)интерпретирован (причем в более широком смысле). Но, как бы то ни было, время Пасхи — время расставания персонажей, в представлении Горбунова, — время молчания, время наступления тишины.

В библейском каноне Пасха знаменует воскресение Христа, которое, как помним, происходит на *третий* день после распятия. Этот рубежный день Страстной недели и даже более — земной жизни Иисуса — аллюзийно приходится на последнюю ночь текстового пространства поэмы. Если первоначально речь шла о «бытовом» уходе Горчакова (выписке), то события третьей ночи пересоздают картину — теперь это «бытийный» уход Горбунова. Подобно тому, как Пасха, крестная смерть Иисуса, знаменует жертву закланного Агнца ради очищения «человеков» — единожды и навсегда, так и уход (вечный сон) Горбунова — акт смыслоемкий и по-своему жертвенный: подобно Иисусу, заменившему собой пасхальную жертву, Горбунов в своем уходе «заместил» Горчакова, и что очень важно: по уходу — освободил.

Исследователи спорят, каков финал поэмы: Горчаков спит, как полагают сопалатники, или герой умер? К. Проффер: «Поэма кончается сценой, в которой Горчаков сидит рядом с Горбуновым, воображая, что Горбунову снится море, и обещая сохранить его сон <...>» [Проффер, 1986, с. 134]. При этом Проффер тут же дополняет: «Впрочем, будет правомочно интерпретировать конец поэмы и как смерть Горбунова, а не как сон» [Проффер, 1986, с. 134]. В этом смысле, с нашей точки зрения, смерть героя представляет более широкую вариативность для интерпретации, так как смерть в представлении Бродского никогда не знаменует конец, скорее нечто продолжающееся, нечто длящееся *после*.

У Бродского сон-смерть Горбунова наделяется множественными конnotationами. Прежде всего она знаменует собой двойное преображение-воскресение, которое переживают оба героя — один в конечном времени, другой в бесконечности. Ранее озвученные, но не имевшие бытийной привязки суждения Горчакова-учителя словно бы находят свое воплощение в финальных событиях, подтверждая истинность того, что ранее воспринималось в виде словесных абстракций. Идеи учителя находят продолжение в словах ученика, земная оболочка учителя преодолевается, находя покой и тишину в нестрашных и непугающих героя вечности и бесконечности. Образ лисичек навсегда остается в сне-сознании жертвенного героя, тем самым реализуя надежду на возможность преодоления драматичных земных коллизий. Сонетоподобная (по Л. Лосеву) форма стиха, жанровой формы, как правило, связанной с любовной тематикой, утверждает свою законность и мотивированность в структуре поэмы.

Однако в отличие от канонического евангелия (евангелий) у Бродского не Бог, но божественная сущность Слова становится условием преображения (воскресения) одного и обновления другого героя. А «совершенно замечательная парадигма» христианства, которой пользуется поэт, «вполне приложима» к ситуации: «Это тоже архетипическ<ая> ситуаци<я>, котор<ая> как бы расширя<ет> понятия» [Бродский, 2005, с. 574]. Причем Бродский не соблюдает хронологию библейских событий, легко смещает их: образы Нового Завета перемежаются с образами и мотивами Ветхого. Рядом с абрисом новозаветного Иисуса появляется образ ветхозаветного Моисея, проводящего евреев по расступившемуся морю (напомним, что отделение воды от суши происходит тоже в рамках троичности — на 3-й день). Отсюда видение Горчакова: «И ты бредешь сквозь волны коридором... / И рыбы молча смотрят из дверей... / Я — за тобой... но тотчас перед взором / всплывают мириады пузырей... / Мне не пройти, не справиться с напором...» [Бродский, 1998, с. 288].

Если образ Горбунова соотносится с мотивами жертвенного Иисуса, претерпевающего страсти (и в приближении к нему Моисея, обретшего священные заповеди Господа), то Горчаков удостоивается сравнения с иудейским богом смерти — «И сам он вездесущ, как Иегова...» [Бродский, 1998, с. 274], в пространстве поэмы осуществляя начертанное ему свыше предназначение, отправляя Горбунова в сон и становясь его вечным стражем. Но в любой системе «заветов» статус Горчакова — статус ученика. Он прилежный ученик, а потому его обращение к Горбунову звучит клятвенно: «А что до сроков — я прожду любой, / пока с тобой не повстречаюсь взглядом...» [Бродский, 1998, с. 288]. Горчаков вступает в роль духовного наследника Горбунова. Хаос земного существования подчиняется законам гармонии. Конечность преображается в вечность, дни и часы получают содержание «навсегда», «навечно». Способность к экзистенциальному прозрению, которой был наделен Горбунов, проникает в сердце и сознание Горчакова.

7. Выводы

Можно подвести некоторые итоги. Прежде всего следует вспомнить слова К. Проффера, который утверждал: «...оказывается невозможно “истолковать” поэму, сказать, что Бродский “ставит такой-то вопрос и так-то на него отвечает” <...> “Горбунов и Горчаков” представляет из себя поэтическое исследование <...> различных оттенков возможного осмысления» [Проффер, 1986, с. 136]. Действительно, поэма необычайно сложна и предполагает множественность смыслов, научных интерпретаций. Между тем каждое из проведенных исследований, сближающихся или противопоставленных в анализе природы поэмы, необычайно интересно и перспективно

для последующих интерпретаций. В наших изысканиях самым существенным наблюдением оказывается то, что герои поэмы Бродского Горбунов и Горчаков — не антагонисты, не противники-оппоненты, как традиционно считает критика, но наоборот — герои протагонисты, герои-соратники, герои-единомышленники. Мефистофелевская роль Горчакова, роль искушителя и соблазнителя, акцентированная на первом этапе общения героев (условная первая часть поэмы, условный первый день), на основе Божественного Глагола (Слова) во второй части порождает сомнение и колебание в душе героя-трикстера, а в третьей (условной части) — уверенно переводит его в статус ученика, последователя и преемника. Сложная в своем прочтении поэма Бродского требует пристального внимания, чтобы за внешней абсурдностью и странностью, абстрактностью и хаотичностью разглядеть глубинные идеи художественной философии Бродского, не остановиться на апелляции к абсурдистике Беккета или экзистенциального ужаса Фроста, но разглядеть «апостольско-евангелические» интенции писателя (особенно с учетом самобытности «прорыва в “религиозное”» у Бродского, см. об этом: [Чижов, 2021, с. 225—226]). В поэме «Горбунов и Горчаков» Бродский умело возвышает абсурдистскую игру со словом до обожествления Слова, заставляя хаотизированный и абсурдизированный по виду текст продуцировать признаки гармонизации и организации хаоса, преодоленного Словом, божественным Глаголом. В поэме Бродского надмирная экзистенциальность доминирует над логикой рационального анализа современности, автором словно бы примерен апостольский чин и создано еще одно — современное — Евангелие, «Евангелие от Иосифа». Согласно суждению самого Бродского: «В конце концов, мои сочинения, моя жизнь — это мое Евангелие...».

Источники

1. *Бродский И.* Сочинения Иосифа Бродского / И. А. Бродский. — Санкт-Петербург : Пушкинский фонд, 1998. — 2-е изд. — Т. II. — 440 с. — ISBN 5-89803-067-0.
2. *Бродский И.* Книга интервью / И. А. Бродский ; сост. В. Полухина. — Изд. 3-е, расш., испр. и доп. — Москва : Захаров, 2005. — 783 с. — ISBN 5-8159-0548-8.
3. *Булгаков М.* Мастер и Маргарита / М. А. Булгаков. — Москва : Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический иллюстрированный журнал, 1966. — № 11. — С. 6—149 ; 1967. — № 1. — С. 56—144.
4. *Сорокин В.* Собрание сочинений : в 3 т. / В. Сорокин. — Москва : Ad Marginem, 2002. — Т. 3. Голубое сало. Пир. Лед. — 816 с. — ISBN 5-93321-053-6.
5. *Пригов Д.* Собрание сочинений : в 5 т. / Д. А. Пригов. — Москва : Новое литературное обозрение, 2016.
6. *Пушкин А. С.* Сочинения : в 3 т. / А. С. Пушкин. — Москва : Художественная литература, 1985. — Т. 1. Стихотворения. Сказки. Руслан и Людмила. — 735 с.
7. *Чехов А. П.* Избранное / А. П. Чехов. — Москва : Эксмо-Пресс, 1998. — 736 с.

8. Шекспир В. Собрание избранных произведений : в 5 т. / В. Шекспир. — Санкт-Петербург : Terra Fantastica, КЭМ, 1992. — Т. I. Трагическая история о Гамлете, принце Датском. — 448 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахапкин Д. Иосиф Бродский после России : комментарии к стихам, 1972—1996 / Д. Н. Ахапкин. — Санкт-Петербург : Журнал «Звезда», 2009. — 131 с. — ISBN 978-5-7439-0144-9.
2. Богданова О. В. «Иногда чувствую себя Шекспиром...» (интертекстуальные пласты «Пилигримов» И. Бродского) / О. В. Богданова, Е. А. Власова // Научный диалог. — 2021. — № 8. — С. 129—148. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-129-148.
3. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. — Санкт-Петербург : Норинт, 1998. — 1536 с. — ISBN 5-7711-0015-3.
4. Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским / С. Волков. — Москва : Независимая газета, 1998. — 327 с. — ISBN 5-86712-049-X.
5. Гельфонд М. М. «Петербургские повести» Гоголя в поэзии Бродского / М. М. Гельфонд // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. — 2014. — № 2 (2). — С. 120—124.
6. Глазунова О. Иосиф Бродский : метафизика и реальность / О. Глазунова. — Санкт-Петербург : Нестор-История, 2008. — 312 с. — ISBN 978-5-8465-0848-4.
7. Гордин Я. Рыцарь и смерть, или Жизнь как замысел. О судьбе Иосифа Бродского / Я. А. Гордин. — Москва : Время, 2010. — 256 с. — ISBN 978-5-9691-0504-1.
8. Джулиани Р. «Поговорим о Риме» : Николай Гоголь и Иосиф Бродский [Электронный ресурс] / Р. Джулиани // Toronto Slavic Quarterly. — 2009. — № 30. — Режим доступа : <http://www.utoronto.ca/tsq/30/index30.shtml> (дата обращения 21.08.2021).
9. Карасева А. С. «Пошли мне небожителя...» : тема двойника у Бродского и Достоевского / А. С. Карасева // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. — 2011. — № 1. — С. 48—53.
10. Клейман Р. Достоевский и Бродский : встреча гениев в беспредельности / Р. Клейман // Достоевский и русское зарубежье XX века / под ред. У. Шмида. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2008. — С. 260—279.
11. Куллэ В. Поэтическая эволюция Иосифа Бродского в России (1957—1972) : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.01 / В. Куллэ. — Москва, 1996. — 246 с.
12. Лосев Л. Иосиф Бродский. Опыт литературной биографии / Л. В. Лосев. — Москва : Молодая гвардия, 2008. — 446 с. — ISBN 978-5-235-03089-3.
13. Плеханова И. И. Преображение трагического : метафизическая мистерия Иосифа Бродского : диссертация ... доктора филологических наук : 10.01.01 / И. И. Плеханова. — Иркутск, 2002. — 429 с.
14. Полухина В. Больше себя самого. О Бродском / В. Полухина. — Томск : ИД СК-С, 2009. — 416 с. — ISBN 978-5-904255-07-7.
15. Полухина В. Иосиф Бродский глазами современников : в 2 книгах / В. Полухина. — Изд. 2-е. — Санкт-Петербург : Журнал «Звезда», 2006. — 546 с. — ISBN 5-7439-0105-8.
16. Проффер К. Остановка в сумасшедшем доме : поэма Бродского «Горбунов и Горчаков» / К. Проффер // Поэтика Бродского / под ред. Л. Лосева. — Tenafly, New Jersey : Эрмитаж, 1986. — С. 132—140.
17. Романова И. В. «Я попытаюсь вас увлечь игрой...» : взаимодействие коммуникативных моделей в поэме-мистерии И. Бродского «Шествие» / И. В. Романова

ва // Вестник ВГУ. — Серия. Филология. Журналистика. — 2010. — № 2. — С. 99—106.

18. Топоров В. Н. Семантика мифологических представлений о грибах / В. Н. Топоров // *Balkanica : лингвистические исследования* / отв. ред. Т. В. Цивьян. — Москва : Наука, 1979. — С. 234—297.

19. Чижов Н. С. Советский поэтический андеграунд в критическом и научном освещении (статья первая) / Н. С. Чижов // *Научный диалог*. — 2021. — № 8. — С. 221—247. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-221-247.

20. Ян Сяоди. Страх и абсурд бытия : о поэме И. А. Бродского «Горбунов и Горчаков» / Сяоди Ян // XX Свято-Троицкие международные ежегодные академические чтения, Санкт-Петербург, 28—30 мая 2019 г. / под ред. О. В. Богдановой. — Санкт-Петербург : РХГА, 2019. — С. 409—413.

MATERIAL RESOURCES

Brodsky, I. (1998). *The Works of Joseph Brodsky*, 2. St. Petersburg: Pushkin Foundation. 440 p. ISBN 5-89803-067-0. (In Russ.).

Brodsky, I. (2005). *Book of interviews*. Moscow: Zakharov. 783 p. ISBN 5-8159-0548-8. (In Russ.).

Bulgakov, M. (1966, 1967). *Master and Margarita*, 11 / 1. Moscow: Monthly Literary-Artistic and Socio-political Illustrated Magazine. 6—149; 56—144. (In Russ.).

Chekhov, A. P. (1998). *Favorites*. Moscow: Eksmo-Press. 736 p. (In Russ.).

Prigov, D. (2016). *Collected works: in 5 volumes*. Moscow: New Literary Review. (In Russ.).

Pushkin, A. S. (1985). *Essays: in 3 volumes, 1. Poems. Fairy tales. Ruslan and Lyudmila*. Moscow: Fiction. 735 p. (In Russ.).

Shakespeare, V. (1992). *Collection of selected works: in 5 volumes, 1. The tragic story of Hamlet, Prince of Denmark*. St. Petersburg: Terra Fantastica, CAM. 448 p. (In Russ.).

Sorokin, V. (2002). *Collected works: in 3 volumes, 3. Blue fat. Feast. Ice*. Moscow: Ad Marginem. 816 p. ISBN 5-93321-053-6. (In Russ.).

REFERENCES

Akhapkin, D. (2009). *Joseph Brodsky after Russia: comments on poems, 1972—1996*. St. Petersburg: “The Star”. 131 p. ISBN 978-5-7439-0144-9. (In Russ.).

Bogdanova, O. V., Vlasova, E. A. (2021). “Sometimes I Feel Like Shakespeare...” (Intertextual Layers of “Pilgrims” by I. Brodsky). *Nauchnyi dialog*, 8: 129—148. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-129-148. (In Russ.).

Chizhov, N. S. (2021). Soviet Poetic Underground in Critical and Scientific Coverage (First Article). *Nauchnyi dialog*, 8: 221—247. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-8-221-247. (In Russ.).

Gelfond, M. M. (2014). “Petersburg stories” by Gogol in the poetry of Brodsky. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky*, 2 (2): 120—124. (In Russ.).

Giuliani, R. (2009). “Let’s talk about Rome”: Nikolai Gogol and Joseph Brodsky. *Toronto Slavic Quarterly*, 30: Available at: <http://www.utoronto.ca/tsq/30/index30.shtml> (accessed 21.08.2021). (In Russ.).

Glazunova, O. (2008). *Joseph Brodsky: metaphysics and reality*. St. Petersburg: Nestor-History. 312 p. ISBN 978-5-8465-0848-4. (In Russ.).

- Gordin, Ya. (2010). *Knight and death, or Life as a plan. About the fate of Joseph Brodsky*. Moscow: Vremya. 256 p. ISBN 978-5-9691-0504-1. (In Russ.).
- Karaseva, A. S. (2011). “Send me a celestial...”: the theme of the double of Brodsky and Dostoevsky. *Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin*, 1: 48—53. (In Russ.).
- Kleiman, R. (2008). Dostoevsky and Brodsky: the meeting of geniuses in infinity. In: *Dostoevsky and the Russian Diaspora of the twentieth century*. St. Petersburg: Dmitry Bulanin. 260—279. (In Russ.).
- Kulle, V. (1996). *The poetic evolution of Joseph Brodsky in Russia (1957—1972)*. PhD Diss. Moscow. 246 p. (In Russ.).
- Kuznetsov, S. A. (ed.). (1998). *Big explanatory dictionary of Russian language*. St. Petersburg: Norint. 1536 p. ISBN 5-7711-0015-3. (In Russ.).
- Losev, L. (2008). *Joseph Brodsky. The experience of literary biography*. Moscow: Molodaya gvardiya. 446 p. ISBN 978-5-235-03089-3. (In Russ.).
- Plekhanova, I. I. (2002). *The Transformation of the Tragic: the Metaphysical Mystery of Joseph Brodsky*. Doct. Diss. Irkutsk. 429 p. (In Russ.).
- Polukhina, V. (2006). *Joseph Brodsky through the eyes of contemporaries: in 2 books*. St. Petersburg: Zvezda Magazine. 546 p. ISBN 5-7439-0105-8. (In Russ.).
- Polukhina, V. (2009). *More than himself. About Brodsky*. Tomsk: ID SK-S. 416 p. ISBN 978-5-904255-07-7. (In Russ.).
- Proffer, K. (1986). Stop in a madhouse: Brodsky’s poem “Gorbunov and Gorchakov”. In: *Brodsky’s Poetics*. Tenaflly, New Jersey: Hermitage. 132—140. (In Russ.).
- Romanova, I. V. (2010). “I will try to captivate you with the game ...”: the interaction of communicative models in the mystery poem by I. Brodsky “Procession”. *Bulletin of the VSU. Series. Philology. Journalism*, 2: 99—106. (In Russ.).
- Toporov, V. N. (1979). Semantics of mythological representations of mushrooms. In: *Balkanica: linguistic studies*. Moscow: Nauka. 234—297. (In Russ.).
- Volkov, S. (1998). *Dialogues with Joseph Brodsky*. Moscow: Nezavisimaya gazeta. 327 p. ISBN 5-86712-049-H. (In Russ.).
- Yang Xiaodi. (2019). Fear and the absurdity of being: about the poem by I. A. Brodsky “Gorbunov and Gorchakov”. In: *XX Holy Trinity International Annual Academic Readings, St. Petersburg, May 28—30, 2019*. St. Petersburg: RHGA. 409—413. (In Russ.).

Войку О. К. Жанровое своеобразие романа М. Варгаса Льосы «Зеленый дом» / О. К. Войку, А. П. Жуков, Б. В. Ковалев // Научный диалог. — 2021. — № 12. — С. 205—220. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-205-220.

Voicou O.K., Zhukov A.P., Kovalev B.V. (2021). Genre Originality of Novel by M. Vargas Llosa "Green House". Nauchnyi dialog, 12: 205-220. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-205-220. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-205-220

Жанровое своеобразие романа М. Варгаса Льосы «Зеленый дом»

Войку Ольга Константиновна

orcid.org/0000-0003-3357-5209

Researcher ID C-5470-2016

кандидат педагогических наук, доцент

voicou@mail.ru

Жуков Андрей Павлович

orcid.org/0000-0002-5012-5421

ResearcherID C-3722-2016

кандидат филологических наук, доцент

a.p.zhukov@spbu.ru

Ковалев Борис Вадимович

orcid.org/0000-0002-1904-1844

лаборант-исследователь

bvkovalev@yandex.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Genre Originality of Novel by M. Vargas Llosa “Green House”

Olga K. Voicou

orcid.org/0000-0003-3357-5209

Researcher ID C-5470-2016

PhD in Pedagogy, Associate Professor

voicou@mail.ru

Andrey P. Zhukov

orcid.org/0000-0002-5012-5421

ResearcherID C-3722-2016

PhD in Philology, Associate Professor

a.p.zhukov@spbu.ru

Boris V. Kovalev

orcid.org/0000-0002-1904-1844

research laboratory assistant

bvkovalev@yandex.ru

St. Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia)

© Войку О. К., Жуков А. П., Ковалев Б. В., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Фнализируется жанровая природа романа перуанского писателя Марио Варгаса Льюсы «Зеленый дом». Особое внимание уделяется трем подходам к определению жанра: «Зеленый дом» как тотальный роман, рыцарский роман и индихенистский роман. Приводятся определения каждого рассматриваемого жанра. Проведен анализ господствующих подходов к определению жанра «Зеленого дома» в современных латиноамериканских исследованиях. Выделяется семь устойчивых характеристик тотального романа: радикально реалистическая авторская интенция, четкая структурная организация текста, композиционно-семантическое единство, сознание безграничности языка, всеохватность романа, нелинейность повествования, использование диалога как структурообразующего приема. Рассматривается вопрос о наличии в романе «Зеленый дом» признаков рыцарского романа. Представлены результаты сопоставительного анализа «Зеленого дома» и каталонского романа «Тирант Белый». Приводится сопоставление структуры «Зеленого дома» и обобщенной структуры индихенистского романа, анализируются ключевые признаки этого жанра. Делается вывод, что в случае с «Зеленым домом» прийти к жанровой определенности невозможно. Авторы доказывают, что «Зеленый дом» — это художественное произведение, сочетающее в себе элементы разных жанров, без каких-либо иных ограничений в интерпретациях, кроме прямо отвергаемых текстом.

Ключевые слова:

Марио Варгас Льюса; латиноамериканский роман; композиция; жанр; рыцарский роман; тотальный роман.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The genre nature of the novel “Green House” by the Peruvian writer Mario Vargas Llosa is analyzed in the article. Special attention is paid to three approaches to the definition of the genre: “Green House” as a total novel, as a chivalric novel and as an Indianist novel. Definitions of each genre under consideration are given. The relevance of the study is due to the fact that the prevailing approaches to defining the genre of the “Green House” in contemporary Latin American studies is analyzed in the paper. In the course of the work seven stable characteristics of the total novel are distinguished: a radically realistic author’s intention, a clear structural organization of the text, compositional and semantic unity, the consciousness of the infinity of language, the comprehensiveness of the novel, nonlinearity of narration, and the use of dialogue as a structure-forming device. The question of the presence in the novel “Green House” of signs of a chivalric romance is considered. The results of a comparative analysis of the “Green House” and the Catalan novel “Tyrant White” are presented. A comparison of the structure of the “Green House” and the generalized structure of the Indianist novel is given, the key features of this genre are analyzed. It is concluded that in the case of the “Green House” it is impossible to come to genre definiteness. The authors dwell on the fact that “Green House” is a work of fiction that combines elements of different genres, without any other restrictions in interpretations, except for those directly rejected by the text.

Key words:

Mario Vargas Llosa; Latin American novel; composition; genre; romance; total romance.

Жанровое своеобразие романа М. Варгаса Льюсы «Зеленый дом»

© Войку О. К., Жуков А. П., Ковалев Б. В., 2021

1. Введение

«Зеленый дом» (исп. *La casa verde*) — второй роман перуанского писателя Марио Варгаса Льюсы, обладателя Нобелевской премии по литературе (2010). Работа над текстом велась с 1962 года, опубликован роман в 1966 году. Как и большинство романов «периода бума» (исп. *el boom*), «Зеленый дом» сложно отнести к конкретному жанру. Пытаясь дать тексту жанровое определение, исследователь непременно сталкивается с множеством факторов, которые необходимо учитывать. Современной латиноамериканистике известны полемики, вызванные желанием филологов определить жанр «Смерти Артемио Круса» и «Области прозрачного воздуха» К. Фуэнтеса, «Игры в классики» Х. Кортасара, «Педро Парамо» Х. Рульфо, «Шоколада на крутом кипятке» Л. Эскивель, «Хроники объявленной смерти» Г. Гарсиа Маркеса и проч. [Adorno et al., 2017]. Даже краткий обзор дискуссий вокруг обозначенных нами текстов не входит в рамки нашего исследования; отметим лишь два ключевых момента: проблема определения жанра актуальна для большинства латиноамериканских текстов «периода бума»; романы М. Варгаса Льюсы выделяются даже из этого ряда сложно построенных, а потому сложно определяемых с точки зрения жанровой принадлежности, текстов.

«Зеленый дом» — важнейший роман, поскольку именно в нем с небывалой прежде четкостью и ясностью актуализируются особенности поэтики М. Варгаса Льюсы, предопределившие дальнейшие дискуссии относительно жанров его текста среди литературоведов. «Зеленый дом» можно смело назвать ключевым текстом и для «первой манеры» М. Варгаса Льюсы, и для всего его творчества в целом. Попытаемся разобраться, в чем состоит жанровое своеобразие этого текста, какие подходы существуют и в чем причины сложности определения жанра «Зеленого дома».

2. «Зеленый дом» как тотальный роман

Ранний этап творчества М. Варгаса Льюсы (1960-е годы, включает в себя три романа и повесть), ключевым для понимания которого является «Зеленый дом», исследователи чаще всего именуют «догматическим» (исп. *el periodo dogmático*). На этом определении сходятся ряд ведущих специалистов в области поэтики Варгаса Льюсы: Бернат Кастани Прадо, Кармен Бобес Навес и др. [Bobes Naves, 1996; Grilli, 2013; Prado, 2007] Главные осо-

бенности этого этапа: структурированность текста; композиционно-семантическое единство текста; диалог как структурообразующий прием; полифоничность; опора на европейскую реалистическую традицию.

Б. К. Прадо отмечает: «Романы “догматического” этапа (“Город и псы” (1963), “Зеленый дом” (1966) и “Разговор в “Соборе”” (1969)) содержат в себе грех некоторой гордыни познания, поскольку реализм в романах Варгаса Льюиса этого периода носит не столько эстетический, сколько философский характер: автор уверен, что язык и человеческая мысль способны воссоздать реальность, и поэтому человек, сколь бы ничтожным он ни был, способен эту реальность познать» [Prado, 2007, p. 143] (здесь и далее перевод наш. — О. В., А. Ж., Б. К.). Варгас Льюиса выстраивает сложный мир, он убежден, что строгая упорядоченность фикционального мира есть отражение хаоса мира реального. По М. Ф. Надъярных, «Зеленый дом» — это чрезвычайно жестко выстроенное образование, созданное по образу и подобию хаоса, чтобы донести до реципиента процесс исчезновения смысла, разложения и уничтожения значений» [Надъярных, 2005, с. 638].

М. Варгас Льюиса на раннем этапе своего творческого пути верен собственной догме. Именно он является поборником высказывания: «Роман — это словесное воспроизведение реальности». Реальность же, по Варгасу Льюису, сложна, хаотична, отвратительна, многообразна и запутанна, но принципиально познаваема [Prado, 2015]. Всякий человек может ее познать, а автор — описать ее средствами литературы. Однако М. Варгас Льюиса — модернист, новатор, ему недостаточно старых приемов, нарративных техник и жанров. Именно поэтому он изобретает жанр, который сам и именует — *тотальный роман*.

Б. К. Прадо так характеризует жанр: «Несмотря на то, что в начале своего пути Марио Варгас Льюиса задумывал каждый из своих романов как средство для глобального воссоздания человеческого универсума, мы не должны забывать, что его так называемый “тотальный роман” — не столько механическое воспроизведение реальности, сколько ее замена реальностью литературной, независимой, “инаковой”. Варгас Льюиса намеревается реализовать свой синтетический проект “тотального романа” в “Городе и псах” (1963), “Зеленом доме” (1966) и в “Разговоре в Соборе” (1969), в то время как второй этап его творчества, связанный с написанием романа “Панталеон Пантоха и Рота добрых услуг” (1973), знаменуется некоторым кризисом его реалистических убеждений. Конечно, его позиция изменяется, истории становятся менее сложными и всеохватными, в романах начинают становиться ощутимыми пределы языка» [Prado, 2007, p. 144]. Разберемся, в чем заключается особенность «тотального романа» Варгаса Льюиса как жанра, и определим его ключевые характеристики.

«Тотальный роман» оказывается сложным конструктом, основанным на ряде философских, лингвистических и эстетических убеждений (догм) Варгаса Льясы того периода. Во-первых, на первый план выходит «радикально реалистическая» интенция автора: мир можно изобразить в слове, а мир изображенный можно постигнуть. Во-вторых, неотъемлемой чертой тотального романа является четкая структура. Система глав романа «Зеленый дом» — наглядный пример: Capítulo Uno: “Prólogo” (A), I (A-B-C-D-E), II (A-B-C-D-E), III (A-B-C-D-E) y IV (A-B-C-D-E); Capítulo Dos: “Prólogo” (A), I (A-B-C-D-E), II (A-B-C-D-E) y III (A-B-C-D-E); Capítulo Tres: “Prólogo” (D), I (A-B-C-E), II (A-B-C-E), III (A-B-C-E) y IV (A-B-C-E); Capítulo Cuatro: “Prólogo” (B), I (A-B-C-E), II (A-B-C-E) y III (A-B-C-E); Epílogo: “Prólogo” (A), I (B), II (C), III (D) y IV (C/E), где: A — история в Санта-Мария де Ньеве; B — история Фусии; C — история дона Ансельмо и «Зеленого дома»; D — история, связанная с деятельностью Адриана Ньевеса; E — история о Пьюре.

Своего рода параллелизм наблюдается в выстраивании последовательности глав: в первой и третьей частях, а также в эпилоге количество глав — четыре, в третьей и второй частях их три. Главки внутри глав тоже располагаются в строгой последовательности: например, главка В никогда не идет перед главкой А. Истории следуют в «алфавитном порядке». Такая последовательность главок является ключевой для корректного понимания взаимосвязи структуры романа и смыслового насыщения конкретных главок. Отклонения от заданной схемы неслучайны: они иллюстрируют третью характеристики тотального романа — композиционно-семантического единства. Все сюжетные линии романа подчинены форме.

Четвертая, лингвистическая догма, характеризующая тотальный роман, — сознание безграничности языка. «Зеленый дом» представляет собой интерес для изучения с позиции лексикологии [Artizabalaga, 2014; Caja, 1994]. Текст изобилует заимствованиями из языка кечуа (языка автохтонного населения Перу); испанский язык автора своеобразен: в тексте соседствуют аутентичные реплики малообразованных персонажей (история Фусии, разговоры в Пьюре, Мангачерии и сельве: например, *Buenmosísísimo* [Vargas Llosa, 1983, p. 45] вместо нормативных *bonísimo* или *buenísimo* (рус. прекраснейший), *fue flojo* вместо *estuve flojo* (рус. был ленив) [Ibid., p. 46]) и обороты, исполненные высокого лиризма, поднимающиеся на уровень «поэзии в прозе» (линия дона Ансельмо: *Su dejo era distinto, muy musical y un poco lánguido, insólitos los giros y modismos que empleaba, y, cuando discutía, la violencia de su voz hacía pensar en un capitán de montoneras* [Ibid., p. 39] = рус. «Выговор у него был отчетливый, очень мелодичный и чуточку томный, он употреблял необычные обороты и выражения, а когда спорил, своим

громовым голосом напоминал командира монтонерос» [Варгас Льюса, 1971, с. 46]). Язык, по Варгасу Льюсе, — идеальное средство изображения мира, он безграничен и вариативен, и его многообразие может послужить лучшим зеркалом многообразия реального мира.

Пятая характеристика тотального романа — его всеохватность. В фокус автора попадают представители самых разных слоев общества: губернатор, политик, делец, «человек власти» дон Хулио Реатеги; беднота из «Мангачерии», индейского квартала на окраине провинциальной Пьюры; благопристойные монахини из Санта-Марии де Ньевы; суровые полицейские из Икитоса; обитатели и посетители «Зеленого дома» — пьюранского борделя; арфист, искатель приключений, основатель «Зеленого дома» — дон Ансельмо; контрабандисты и мошенники, скрывающиеся на островах Мараньона; неграмотные индейцы: агваруны, чунчи, уамбисы и проч. Разные персонажи органично сочетаются в рамках сложной структуры: роман не распадается на отдельные эпизоды; формируется полноценная картина перуанского общества времен Второй мировой войны. Варгас Льюса стремится изобразить мир во всем его многообразии и использует для этого свои приемы.

Шестая характеристика — нелинейность повествования относительно временной шкалы. Убеденный в условности времени, Варгас Льюса чередует события разных периодов: так, соседствующие истории Фусии и дона Ансельмо (главки В и С) на временной шкале разделяет более пятнадцать лет. Эта игра поддерживается и на уровне номинаций: главная героиня в каждой из историй (ABCDE) называется по-разному — *Бонифация* или *Дикарка* (исп. *selvática*), что служит также для обеспечения интриги, поскольку читатель не сразу понимает, что Бонифация и Дикарка — это одно и то же лицо.

Седьмая характеристика — диалог как структурообразующий прием. Как замечают А. П. Жуков и Б. В. Ковалев, «в противовес Г. Гарсия Маркесу, автору “монологичному”, в основе нарратива которого лежит монолог, М. Варгас Льюса диалогичен — и в бахтинском смысле, и в смысле предпочтения формы повествования» [Ковалев и др., 2021, с. 112]. Автор ставит диалог в центр повествования, чтобы максимально точно и «естественно» воспроизвести не просто человеческую речь, но взаимодействие людей, а детальное, выверенное и натуральное изображение такого взаимодействия — цель М. Варгаса Льюсы. Роман «сплетен» из трех типов диалога. Воспользуемся терминологией В. Виноградова для простоты обозначения.

Первый тип — «монологизованный диалог» [Виноградов, 1980, с. 78]: «Жандармы переглядываются, сержант закуривает сигарету, два паука несутся в воздухе, и их черные с золотом перья блестят влажным блеском. Вот и птички, все есть в Чикаисе. Кроме агварунов, смеется Тяжеловес.

Надо было захватить их врасплох. Мать Анхелика пыхтит — разве мамаша их не знает? — пучок седых волосков у нее на подбородке слегка дрожит — они боятся людей, вот и прячутся, нечего и думать, что они вернутся, пока белые не уйдут, они и носу не покажут» [Варгас Льюса, 1971, с. 6]. Как видим, особенность этого типа диалога в том, что реплики героев не разносятся по отдельным строкам.

Второй тип — «традиционный» диалог:

«— В чем дело, мать Анхелика? Что это с вами?

— Они убежали, мать! — пролепетала мать Анхелика. — Боже мой, все до одной» [Ibid., с. 30].

Третий тип — «диалогизованный монолог». Он представляет собой совмещение двух типов диалога. Обращаясь к нарратологическим терминам, их можно описать так: «экстрадиегетический» (рассказчик повествует о событии) и «интрадиегетический» (диалог внутри события, о котором повествует рассказчик):

«— Это ты мне уже рассказывал, Фусия, когда мы отплыли с острова, — сказал Акилино. — Мне интересно, как тебе удалось бежать.

— Вот этой отмычкой, — сказал Чанго. — Ее сделал Ирикуо из проволоки, которую выломал из койки. Мы уже испробовали ее — дверь отпирается без шума. Хочешь посмотреть, Фусия?» [Ibid., с. 38].

Обратим также внимание, что в тотальном романе все «характеристики» взаимодействуют друг с другом: три типа диалога «закреплены» за определенными главками и развиваются параллельно, не пересекаясь и не разрушая изначально заданной автором структуры. Например, для прологов характерен первый тип диалога, для главок А — второй, классический с периодическими вкраплениями первого, в главке В доминантным является третий тип диалога, в главке С — первый и второй, для D — первый с элементами второго, для E характерен второй.

Мы назвали семь ключевых характеристик, свидетельствующих об уникальности жанра «тотального романа». Необходимо добавить, что эти признаки не существуют отдельно друг от друга: только функционируя в тексте вместе и системно, они образуют синтез. Безусловно, у концепции «тотального романа» есть свои критики — их позиция основана на логичном замечании о том, что выделять совокупность авторских приемов, пусть чрезвычайно своеобразных и системных, в отдельный новый жанр не вполне правомерно. На это разумное возражение можно ответить следующее: во-первых, «тотальный роман» — своего рода авторское определение, поддержанное, развитое и уточненное литературоведами. Во-вторых, строго говоря, не существует вообще никаких общепринятых критериев и логических оснований для выделения того или иного жанра; единственное, на что ис-

следователь может опираться, — это некий устойчивый набор сущностных «жанровых» признаков, свойственных определенному ряду текстов. А романы М. Варгаса Льосы «Город и псы», «Зеленый дом» и «Разговор в Соборе», безусловно, объединяет не только фигура автора, но и особая взаимосвязь жанровой формы с тематикой и мировоззрением автора. В этом смысле «тотальный роман» может претендовать на статус полноценного жанра, ибо он представляет собой не случайную совокупность черт, но систему компонентов, проникнутых богатым художественным смыслом.

Однако существуют другие точки зрения на жанровую принадлежность «Зеленого дома».

3. «Зеленый дом» как рыцарский роман

Один из важнейших жанров, оказавших влияние на формирование поэтики и становление Марио Варгаса Льосы как автора, — жанр рыцарского романа. В первую очередь необходимо упомянуть о каталонском романе «Тирант Белый» (кат. *Tirant lo Blanc*), который был написан Жуанотом Мартурелем во второй половине XV века. И сам Варгас Льоса, и исследователи его творчества не раз отмечали влияние, которое этот текст оказал на формирование поэтики Варгаса Льосы времен догматического периода [Надъярных, 2005; Prado, 2007; Prado, 2015].

Каталанская культура оказала ощутимое влияние на латиноамериканскую литературу. Персонажи-каталонцы не раз оказывались носителями научного и сакрального знания, культуры в романах Гарсия Маркеса («Сто лет одиночества»), Фуэнтеса, в рассказах Борхеса и т. д. [Adorno et al., 2017]. Особые отношения у Каталонии и латиноамериканских авторов сложились и в XX веке: барселонское издательство Seix Barral опубликовало большую часть романов Варгаса Льосы, в том числе «Зеленый дом». Возможно, подобный взаимный интерес можно объяснить периферийностью этих культур относительно кастильской метрополии. Мадрид, континентальная Испания, которая называет свой язык *castellana*, воспринимает каталанскую и латиноамериканскую культуры как «младших братьев» и относится к ним с некоторым снисхождением, что наглядно демонстрирует количество публикаций современных кастильских филологов: кастильцы замкнуты сами на себе, и объем научных работ испанских авторов о Сервантесе, Лопе де Веге, Унамуно и Гарсия Лорке намного превышает количество статей о Варгасе Льосе, Гарсия Маркесе, Бьедма-и-Альбе и проч.

Интерес Варгаса Льосы к каталонскому рыцарскому роману можно объяснить изысканиями автора в области композиции, структуры текста и моделирования фикционального мира. С одной стороны, «Тирант Белый» — один из ярчайших и лучших представителей своего жанра (имен-

но этот роман Сервантес «спас» от сожжения в первом томе «Дон Кихота»), с другой стороны, наряду с общежанровыми в «Тиранте Белом» представлены и уникальные романские черты. З. И. Плавский так характеризует «Тиранта Белого»: «Два основных эпизода — история защиты Родоса от турок и ратные подвиги героя в Византии — имеют своим источником реальные факты, правда весьма свободно интерпретированные. Эти эпизоды придают роману Мартуреля черты своеобразного историзма, чему способствует и общий правдивый тон повествования. Только во вставном эпизоде о приключениях Тиранта в Африке... появляются характерные для рыцарской литературы фантастика и чудеса; в остальных частях книги герой действует в исторически и географически определенной обстановке. Рыцарские идеалы сочетаются в романе с ренессансными чертами — индивидуализмом, прославлением человеческой предприимчивости, смелости, достоинства» [Плавский, 1985, с. 338].

Исходя из описания особенностей романа, нетрудно заметить некоторые важные сходства с поэтикой «Зеленого дома». Варгас Льюса, как и автор «Тиранта Белого», опирается на реальные факты (в случае с Перу — контрабанда каучука и похищение индианок для обучения их в монастырях), а затем довольно свободно эти факты интерпретирует — у Варгаса Льюсы в повествовании не фигурирует ни одно «историческое лицо»: узнаются не конкретные образы, но архетипы. Кроме того, насколько роман Мартуреля отличен от прочих рыцарских романов минимальным присутствием фантастического, настолько и роман Варгаса Льюсы лишен магического и ирреального. До сих пор нередко весьма смелые заявления, что творчество Варгаса Льюсы можно однозначно и безоговорочно отнести к так называемому «магическому реализму». Гарсия Маркес, Карпентьер, Кортасар — именно им принадлежит слава «мэтров магического реализма» [Adorno et al., 2017, p. 248]. Варгас Льюса же — их современник; однако в его текстах нет места мистике. Наконец, на уровне идеологии Варгас Льюса наделяет некоторых персонажей ренессансными чертами. Лучшие из его героев — индивидуалисты, способные противопоставить себя обстоятельствам, тяжелым условиям сельвы (Литума, Адриан Ньевес) [Надьярных, 2005], в них живо чувство собственного достоинства, они готовы постоять за себя и не готовы терпеть унижение даже перед угрозой тюрьмы (Литума, Адриан Ньевес, дон Ансельмо).

Мир рыцарского романа — тот, в котором подобного рода герои — рыцари — могут реализовать свой потенциал, преумножая справедливость и преуменьшая порок. Именно на эту модель построения мира опирается Варгас Льюса, создавая «Зеленый дом». Однако эта модель идеальна, она ирреалистична, а главная цель Варгаса Льюсы — изобразить в слове реальный мир. Он трагически переосмысливает мир рыцарского романа. Вместо

магии в нем — стечения обстоятельств, вместо Прекрасной Дамы знатного происхождения — прекрасная индианка, ставшая проституткой, вместо рыцарей — сержант Литума, попадающий в тюрьму, дезертировавший лоцман Адриан Ньевес и странствующий арфист дон Ансельмо — основатель «дома на песке», борделя под названием «Зеленый дом». Как наглядно показала Бобес Навес, стремление создавать собственные «повествовательные программы» (исп. *programas narrativos*) на основании расхожих и широко используемых предшественниками и современниками — отличительная черта Варгаса Льосы раннего периода [Bobes Naves, 1996, p. 45].

Особое внимание привлекает фигура двух анти-рыцарей: дона Ансельмо и контрабандиста Фусии. По Надъярных, «в мире наизворот Ансельмо становится первостепенным “анти-культурным” героем — устройтелем человеческого пространства “анти-дома”. Поэтическая маска Ансельмо соединяет многообразные мифопоэтические черты “певца” — от Орфея до трубадуров» [Надъярных, 2005, с. 640]. Противопоставляется же ему другой анти-рыцарь — Фусия. У него есть свита оруженосцев (банда грабителей) и собственное государство — разбойничье логово на острове в сельве. «Фусия вспоминает свои «странствия», когда совершенно обессиливший, обреченный, разбитый плывет навстречу неотвратимой судьбе. Зараженный проказой он превратится к концу романа в “розоватый комок гниющей плоти”. Такова награда за его рыцарские “подвиги” — постоянную верность предательству и продажности, насилию и жестокости» [Ibid., с. 641].

Одним из самых убедительных аргументов в пользу теории о «рыцарском романе» выступает мотив не-привязанности рыцаря к определенной территории, земле. Рыцарь странствует, завоевывает, подчиняет новые земли. «Рыцари» Варгаса Льосы заняты именно этим: дон Ансельмо строит антихристианский «дом на песке» — бордель «Зеленый дом», Фусия же устанавливает свою власть в сельве, воспроизводя тем самым модель колонизации как изначального насилия Европы над Америкой. Они оба — чужаки, оба пришли из ниоткуда. «Инаковость» Фусии подчеркивается его японским происхождением.

Однако концепция «Зеленого дома» как рыцарского романа не кажется нам корректной. Безусловно, невозможно отрицать присутствие целого пласта мотивов, свойственных рыцарским романам (и в частности, «Тиранту Белому»), наличие инвертированных образов и категорий, как невозможно отрицать и влияние «Тиранта Белого» на становление Варгаса Льосы как автора, филолога и теоретика. И все же «Зеленый дом» не вполне соответствует общепринятым стандартам рыцарского романа. Элементы, свойственные рыцарскому роману, представлены в тексте не системно, это цитаты, аллюзии, определенные отсылки к системе важного для автора текста — но не

сама воспроизведенная система. Варгас Льюис преследует цель «изобразить реальность в слове», а рыцарский роман (пусть и столь реалистичный, как «Тирант Белый») априори противопоставлен реальности, на чем и строится конфликт и проблематика «Дон Кихота». Б. К. Прадо, замечая, что Варгас Льюис, «стремясь изобразить реальный мир, в итоге подменяет его литературным» [Prado, 2015, p. 143], соглашается, что авторская интенция заключалась именно в воспроизведении реального мира посредством приемов языка и литературы. Все элементы поэтики рыцарского романа, встречающиеся в «Зеленом доме», остаются лишь приемами, которые автор избрал для решения собственной реалистической художественной задачи. Этим же объясняется и фрагментарность заимствования элементов жанра рыцарского романа: Варгас Льюис использует «реалистическую», идеологическую и почвенническую стороны «Тиранта Белого».

Отрицать присутствие компонентов рыцарского романа в «Зеленом доме» невозможно, однако невозможно отрицать и то, что они не представлены в тексте системно и в достаточном объеме, а значит, определить текст Варгаса Льюиса как рыцарский роман было бы ошибочно.

4. «Зеленый дом» как индихенистский роман

Существует мнение, что жанр «Зеленого дома» можно определить, как «индихенистский роман». Что представляет собой этот жанр?

Индихенизм как литературно-культурное направление зародился в первой половине XX века и напрямую связан с латиноамериканским костюмбризмом и зародившейся традицией «региональной литературы» (исп. *las novelas de la tierra*). Интерес к культуре и обычаям автохтонного населения Латинской Америки, осознание чувства вины за жестокости времен периода колонизации толкали ряд латиноамериканских авторов (Хорхе Икаса, Хосе Мария Аргедас, Альсидес Аргедас, Хесус Лара и др.) к написанию текстов, посвященных тяжелой доле индейского народа. Как правило, авторы описывали обычаи, традиции и судьбы тех племен, которые проживали на территории родных для авторов государств: так, Хосе Мария Аргедас писал о Перу, Ранжелла — о Бразилии, Икаса — об Эквадоре, Альсидес Аргедас — о Боливии и т. д. Романы этих авторов, часто длинные и насыщенные индихенизмами на языковом уровне, построены по одной и той же модели. Несмотря на «территориальные» различия, в большинстве романов мы находим одни и те же характеристики: 1) индейцы всегда жертвы; 2) в романе присутствует колонизатор-европеец или креол, претендующий на земли индейцев; 3) сексуальное насилие колонизатора, захватчика над индианкой; 4) обилие натуралистичных сцен изображающих насилие, кровопролитие; 5) захватчики разрушают идиллический мир индейцев; 6) чет-

ко прослеживаемая авторская позиция: зверства и подчинение индейских территорий — зло, захватчики виноваты, необходимо гармонично существовать в одном социокультурном пространстве.

Существуют разные воззрения на особенности колонизации Латинской Америки. А. Кофман замечает: «Принципиальное отличие испанской колонизации Америки от английской состояло как раз в том, что конкиста была направлена на контакт с индейцами, на включение их в общественную жизнь, тогда как англичане вытесняли индейцев с занятых ими территорий» [Кофман, 2006, с. 77]. Испанцы охотно вступали в брак с представительницами высшей племенной знати; довольно быстро разрешился спор Б. де лас Касаса и Сепульведы о том, можно ли считать людьми индейцев — они наделялись теми же правами, что и испанцы. Однако, безусловно, континент завоевывался насилием и жестокостью. Наиболее важна в данном случае метафора индианки, изнасилованной захватчиком, — именно эта жесточайшая метафора, по мнению индихенистов, донельзя точно иллюстрирует захват девственного континента испанскими конкистадорами.

В процессе работы над «Зеленым домом» М. Варгас Льюса опирался на тексты индихенистов: описывая индейцев, он использует опыт перуанского писателя Х. М. Аргедаса, воссоздававшего в прозе «быт и сущность перуанского мира» [Надъярных, 2005, с. 640]. Кроме того, «Зеленый дом» естественным образом отсылает к сборнику рассказов бразильского индихениста А. Ранжелы «Зеленый Ад» (1924), который также посвящен неравной борьбе человека с буйной природой амазонской сельвы — locus, в сущности, тот же, что и в «Зеленом доме». Важной литературной опорой для Варгаса Льюсы является и роман колумбийского индихениста Э. Риверы «Пучина» (1924). «Политические» и «полицейские» главы «Зеленого дома» посвящены борьбе в сфере каучукового промысла. В центре романа Риверы оказывается именно ад добычи каучука, уничтожающий как рядовых людей, так и власть имущих [Vargas Llosa, 1996]. Кроме того, несомненно авторское намерение изобразить жизнь настоящих индейцев, показать, как бесчеловечна «цивилизация» в отношении «дикарей». В 1957 году Варгас Льюса становится участником экспедиции мексиканского антрополога Х. Томаса в район Мараньона. По собственному признанию, именно тогда он понял, что живет в стране, где смешались времена, осознал, что Перу — «это не только страна XX столетия, но и страна средневековья и каменного века» [Vargas Llosa, 1971, p. 25].

В «Зеленом доме» можно обнаружить черты, свойственные жанру индихенистского романа. Индейцы действительно оказываются жертвами, однако в тексте Варгаса Льюсы нет одномерности изображаемого, нет упрощения. В классических индихенистских романах, в том числе слу-

жащих опорой для Варгаса Льюсы («Пучина» Риверы, «Глубокие реки» Х. М. Аргедаса, «Зеленый Ад» А. Ранжелы), присутствует однозначность оценки: жертвами выступают только индейцы, в то время как в «Зеленом доме» жертвами хаоса мира, ошибочных действий, обстоятельств и сложного устройства миропорядка являются все герои. Варгас Льюса далек от мнимого покаяния — он намерен беспристрастно и точно показать жестокость этого мира, а не раскаиваться в ней.

Колонизатор — дон Хулио Реатеги — также представлен в тексте. Он не европеец, он креол — губернатор, «человек власти». Реатеги контролирует добычу каучука, мешать ему пытается другой колонизатор — вовсе не европеец, а японец — контрабандист Фусия. «Политические», «полицейские» и главки, посвященные истории Фусии, повествуют именно об их борьбе за каучук, в ходе которой по обе стороны сражаются индейцы, служащие «колонизаторам». Варгас Льюса смещает фокус, конфликт модернизируется: не «колонизаторы против индейцев», а «одни колонизаторы и индейцы против других колонизаторов и индейцев».

«Зеленый дом» также изобилует сценами сексуального насилия: Фусия овладевает Лалитой, Литума и Хосефино — Бонифацией (Дикаркой), дон Ансельмо — слепой Антонией. Однако примечательно, что далее между мужчиной и женщиной заключается брак. Жестокость и грубость сменяются счастьем. Бонифация становится женой Литумы, Лалита — сожительницей и сподвижницей Фусии, Антония — верной женой и единственной любовью дона Ансельмо. Варгас Льюса модифицирует привычный для индихенистских романов мотив, подчеркивая сложность мироздания, его неоднозначность, невозможность сведения его к примитивной модели при безусловной возможности его структурирования. Именно главный «колонизатор», один из антагонистов романа дон Хулио Реатеги спасает несовершеннолетнюю индианку Бонифацию от изнасилования пьяными солдатами в первой части текста, и это одна из важнейших инверсий индихенистского сюжета.

Захватчики, как и в традиционном индихенистском романе, разрушают мир индейцев: роман начинается со сцены похищения индейских девочек полицейскими и монахинями с целью дальнейшей христианизации населения. Однако мир индейцев отнюдь не идилличен, они сами с большой охотой идут работать на Фусию или дона Хулио Реатеги с целью вырваться из привычного безнадёжного мира родного племени (история агваруна Юма).

Наконец, очевидно, что Варгас Льюса не уподобляется индихенистским авторам: он не клеймит власть имущих, не идеализирует индейцев и их мир, в тексте нет детальных описаний обычаев агварунов, чунчей и пр. Варгас Льюса стремится изобразить мир сложным и разным. Насилие для него — не просто акт унижения одной стороны другой; сама реальность видится ему

сценой бесконечно разнообразных проявлений насилия. Реальное и жестокое оказываются для него синонимами. Он не показывает насилие креолов над индейцами, он показывает насилие вообще, из которого и состоит мир. Надъярных приводит следующую цитату Варгаса Льосы: «Произведения, в которых вовсе нет насилия, кажутся мне ирреальными. А я всегда предпочитаю романы, изображающие реальное» [Надъярных, 2005, с. 642].

«Зеленый дом», безусловно, обладает определенными характеристиками индихенистского романа, однако Варгас Льоса избегает одномерности и однозначности, которые свойственны этому жанру. Автор использует ряд индихенистских мотивов и образов, однако модернизирует и инвертирует их, создавая на обломках индихенистского романа новый жанр.

5. Выводы

Существует ряд текстов, столь масштабных по замыслу и сложных по исполнению, что споры об их жанровой принадлежности после десятков лет дискуссий так и останутся неоконченными. Таков «Моби Дик» Г. Мелвилла, о котором Ю. В. Ковалев писал: «Даже согласившись, что это роман, мы не приходим к желаемой определенности. Романы бывают разные. “Моби Дик” содержит в себе признаки романа-эпопеи, романа из истории нравов, романа философского, социального, морского, фантастического, но он не принадлежит ни к одному из этих типов... Повествование о Белом Ките — монолитная глыба, не поддающаяся рассечению» [Ковалев, 1982, с. 10]. Таков «Улисс» Дж. Джойса, о котором С. С. Хоружий заключил: «Он несметнолик как всякое истинное художество, свободный роман — и ни в какую идейную схему, жанр или роль его никогда не удастся поместить...» Исследование Уильяма Нуна завершается выводом, почерпнутым из книги ученого доминиканца Виктора Уайта: «Джойс-художник никогда не давал присяги на верность ни системе томизма, ни любой другой из философских систем. Из каждой он брал то, что было всего нужней ему как художнику» [Хоружий, 2015, с. 126—127]. Таков и «Зеленый дом» М. Варгаса Льосы. Мы приходим к выводу, что это монолитный текст, в котором структурируется хаос и используются элементы и черты, свойственные самым разным жанрам: мы подробно рассмотрели признаки тотального, рыцарского, индихенистского романа. Безусловно, существует больше подходов к определению жанра «Зеленого дома»; например, его можно также воспринимать как исторический или символический роман.

На наш взгляд, высказывание К. Бобес Навес относительно «Разговора в Соборе» справедливо и по отношению к «Зеленому дому», и по отношению к каждому «тотальному» роману М. Варгаса Льосы: «Тотальный роман — это все и даже больше» [Бобес Навес, 1996, с. 53].

Источники

1. *Варгас Льюса М.* Зеленый дом / М. Варгас Льюса. — Москва : Прогресс, 1971. — 410 с.
2. *Vargas Llosa M.* La casa verde / M. Vargas Llosa. — Barcelona : Seix Barral, 1983. — 302 p. — ISBN 84-322-2261-5.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Виноградов В. В.* О языке художественной прозы / В. В. Виноградов. — Москва : Наука, 1980. — 360 с.
2. *Ковалев Б. В.* Композиционный параллелизм в романе М. Варгаса Льюсы «Зеленый дом» / Б. В. Ковалев, А. П. Жуков // Вестник гуманитарного образования. — 2021. — № 1. — С. 110—118. — DOI: 10.25730/VSU.2070.21.013.
3. *Ковалев Ю. В.* «Лицом к лицу встречаю я тебя сегодня, о Моби Дик!» / Ю. В. Ковалев // Мелвилл Г. Моби Дик, или Белый Кит / перевод с английского И. М. Бернштейн ; вступительная статья Ю. В. Ковалева. — Москва : Правда, 1982. — С. 3—23.
4. *Кофман А. Ф.* Рыцари Нового Света / А. Ф. Кофман. — Москва : Пан пресс, 2006. — 261 с. — ISBN 5-9680-0013-9.
5. *Надъярных М. Ф.* Марио Варгас Льюса / М. Ф. Надъярных // История литератур Латинской Америки. Очерки творчества латиноамериканских писателей XX в. — Москва : ИМЛИ РАН, 2005. — Т. 5. — С. 622—664. — ISBN 5-9208-0236-7.
6. *Плавский З. И.* Испанская литература [XIV—XVI вв.] / З. И. Плавский // История всемирной литературы : В 8 томах / АН СССР ; Институт мировой лит. им. А. М. Горького. — Москва : Наука, 1985. — Т. 3. — С. 334—394.
7. *Хоружий С. С.* «Улисс» в русском зеркале / С. С. Хоружий. — Санкт-Петербург : Азбука, Азбука-Аттикус, 2015. — 384 с. — ISBN 978-5-389-11503-3.
8. *Adorno R.* Breve historia de la literatura latinoamericana colonial y moderna / R. Adorno, R. G. Echevarría. — Madrid : Editorial Verbum, 2017. — 290 p. — ISBN 978-84-9074-566-3.
9. *Arrizabalaga C.* Creatividad léxica y tratamiento lexicográfico : el caso de Vargas Llosa y «La casa verde» / C. Arrizabalaga // Revista de lexicografía. — 2014. — № 20. — Pp. 7—17.
10. *Bobes Naves C.* Diálogos y otros procesos interactivos en “Conservación en la Catedral” de Vargas Llosa / C. Bobes Naves // Castilla : Estudios de literatura. — 1996. — № 21. — Pp. 39—56.
11. *Caja G. S.* Indoamericanismos léxicos que designan animales en La Casa Verde de Mario Vargas Llosa / G. S. Caja // Cauce : Revista Internacional de Filología, Comunicación y sus Didácticas. — 1994—1995. — № 14—15. — Pp. 9—12.
12. *Grilli G.* Mario Vargas Llosa, un enigma de la fabulación / G. Grilli // Altre Modernità : Rivista di studi letterari e culturali. — 2013. — № 9. — Pp. 199—204.
13. *Prado B. C.* El escepticismo identitario en la obra de Mario Vargas Llosa / B. C. Prado // Mario Vargas Llosa : cartografías del amor y del poder. — Sofia : Editorial Universitaria San Clemente de Orjíd, 2015. — Pp. 142—159.
14. *Prado B. C.* Novela y escepticismo en El Quixote de Cervantes y en la Guerra del Fin del Mundo de Vargas Llosa / B. C. Prado // Cartaphilus. Revista de Investigación y Crítica Estética. — 2007. — № 2. — Pp. 19—27.
15. *Vargas Llosa M.* Historia secreta de una novela / M. Vargas Llosa. — Barcelona : Tusquets, 1971. — Pp. 25—26.

16. Vargas Llosa M. La utopía arcaica. José María Arguedas y las ficciones del indigenismo / M. Vargas Llosa. — México : Fondo de Cultura Económica, 1996. — 359 p.

MATERIAL RESOURCES

Vargas Llosa, M. (1971). *Green House*. Moscow: Progress. 410 p. (In Russ.).

Vargas Llosa, M. (1983). *La casa verde*. Barcelona: Seix Barral. 302 p. ISBN 84-322-2261-5. (In Spain.).

REFERENCES

- Adorno, R., Echevarría, R. G. (2017). *Breve historia de la literatura latinoamericana colonial y moderna*. Madrid: Editorial Verbum. 290 p. ISBN 978-84-9074-566-3. (In Spain.).
- Arrizabalaga, C. (2014). Creatividad léxica y tratamiento lexicográfico: el caso de Vargas Llosa y “La casa verde”. *Revista de lexicografía*, 20: 7—17. (In Spain.).
- Bobes Naves, C. (1996). Diálogos y otros procesos interactivos en “Conservación en la Catedral” de Vargas Llosa. *Castilla: Estudios de literatura*, 21: 39—56. (In Spain.).
- Caja, G. S. (1994—1995). Indoamericanismos léxicos que designan animales en La Casa Verde de Mario Vargas Llosa. *Cauce: Revista Internacional de Filología, Comunicación y sus Didácticas*, 14—15: 9—12. (In Spain.).
- Grilli, G. (2013). Mario Vargas Llosa, un enigma de la fabulación. *Altre Modernità: Rivista di studi letterari e culturali*, 9: 199—204. (In Spain.).
- Khoruzhiy, S. S. (2015). “Ulysses” in the Russian mirror: Saint Petersburg: Azbuka, Azbuka-Atticus. 384 p. ISBN 978-5-389-11503-3. (In Russ.).
- Kofman, A. F. (2006). *Knights of the New World*. Moscow: Pan Press. 261 p. ISBN 5-9680-0013-9. (In Russ.).
- Kovalev, B. V., Zhukov, A. P. (2021). Compositional parallelism in M. Vargas Llosa’s novel “The Green House”. *Bulletin of Humanitarian Education*, 1: 110—118. DOI: 10.25730/VSU.2070.21.013. (In Russ.).
- Kovalev, Yu. (1982). “Face to Face I meet you today, about Moby dick!”. *G. Melville Moby dick or the White whale*. Moscow: Pravda. 3—23. (In Russ.).
- Nadyarnykh, M. F. (2005). Mario Vargas Llosa. In: *History of Latin American Literatures. Essays on the work of Latin American writers of the twentieth century*, 5. Moscow: IMLI RAS. 622—664. ISBN 5-9208-0236-7. (In Russ.).
- Plavskin, Z. I. (1985). Spanish Literature [XIV—XVI centuries]. In: *History of World Literature: In 8 volumes*, 3. Moscow: Nauka. 334—394. (In Russ.).
- Prado, B. C. (2007). Novela y escepticismo en El Quixote de Cervantes y en la Guerra del Fin del Mundo de Vargas Llosa. *Cartaphilus. Revista de Investigación y Crítica Estética*, 2: 19—27. (In Spain.).
- Prado, B. C. (2015). El escepticismo identitario en la obra de Mario Vargas Llosa. In: *Mario Vargas Llosa: cartografías del amor y del poder*. Sofia: Editorial Universitaria San Clemente de Orjíd. 142—159. (In Spain.).
- Vargas Llosa, M. (1971). *Historia secreta de una novela*. Barcelona: Tusquets. 25—26. (In Spain.).
- Vargas Llosa, M. (1996). *La utopía arcaica. José María Arguedas y las ficciones del indigenismo*. México: Fondo de Cultura Económica. 359 P. (In Spain.).
- Vinogradov, V. V. (1980). *About the language of fiction*. Moscow: Nauka. 360 p. (In Russ.).

Жаткин Д. Н. Русская рецепция Джеймса Хогга (советский период) / Д. Н. Жаткин, А. А. Рябова // Научный диалог. — 2021. — № 12. — С. 221—240. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-221-240.

Zhatkin, D. N., Ryabova, A. A. (2021). Russian Reception by James Hogg (Soviet period). *Nauchnyi dialog*, 12: 221-240. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-221-240. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-221-240

Русская рецепция Джеймса Хогга (советский период)

Жаткин Дмитрий Николаевич

orcid.org/0000-0003-4768-3518

Researcher ID V-2151-2017

Scopus Author ID 56242070100

доктор филологических наук,
профессор, заведующий кафедрой
перевода и переводоведения
ivb40@yandex.ru

Рябова Анна Анатольевна

orcid.org/0000-0001-7879-9957

Researcher ID Q-5288-2018

Scopus Author ID 56242052300

доктор филологических наук,
профессор
кафедры перевода и переводоведения
sva00@yandex.ru

Пензенский государственный
технологический университет
(Пенза, Россия)

Благодарности:

Статья подготовлена по проекту
Российского научного фонда
№ 17-18-01006п

«Эволюция русского поэтического
перевода (XIX — начало XX в.)».

Russian Reception by James Hogg (Soviet period)

Dmitry N. Zhatkin

orcid.org/0000-0003-4768-3518

Researcher ID V-2151-2017

Scopus Author ID 56242070100

Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department of Translation
and Translation Studies
ivb40@yandex.ru

Anna A. Ryabova

orcid.org/0000-0001-7879-9957

Researcher ID Q-5288-2018

Scopus Author ID 56242052300

Doctor of Philology, Professor,
Department
of Translation and Translation Studies
sva00@yandex.ru

Penza State
Technological University
(Penza, Russia)

Acknowledgments:

The reported study was funded
by Russian Science Foundation,
project number 17-18-01006p
“Evolution of Russian poetic translation
(XIX — early XX centuries)”

© Жаткин Д. Н., Рябова А. А., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья продолжает цикл работ, посвященных русской рецепции шотландского писателя Джеймса Хогга (1770—1835), известного интерпретатора народных баллад и автора «Исповеди оправданного грешника» (“The Private Memoirs and Confessions of a Justified Sinner”, 1824). Собраны и обобщены факты и материалы, связанные с восприятием Дж. Хогга в России в советское время. Указывается, что в рассматриваемый период в исследованиях отечественных литературоведов высказывались отдельные суждения, посвященные традициям Р. Бернса в произведениях Дж. Хогга, роли В. Скотта в его судьбе и др. Отмечены появившиеся в советскую эпоху русские переводы произведений английской и американской классики (в частности, Дж. Г. Байрона, Э. А. По, Дж. Ф. Купера), которые содержали упоминания о шотландском поэте. Осмыслены публикации, включавшие сведения о Дж. Хогге, причем особое внимание уделено эпиграмме С. Я. Маршака «Надпись на камне» с упоминанием имени Дж. Хогга, исследованиям М. П. Алексеева, Б. Г. Реизова, Р. М. Самарина и др. Проанализированы научные работы А. Д. Ивановой, прежде всего — ее кандидатская диссертация «Своеобразие художественного творчества Джеймса Хогга» (1990), способствовавшая, наряду с изменениями в общественной жизни, произошедшими на рубеже 1980—1990-х годов, последующему возрождению интереса к Дж. Хоггу, появлению новых переводов его произведений.

Ключевые слова:

Джеймс Хогг; Вальтер Скотт; Роберт Бернс; рецепция; традиция; литературная критика; балладное творчество; русско-английские литературные связи; межкультурная коммуникация.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article continues a series of works devoted to the Russian reception of the Scottish writer James Hogg (1770—1835), a famous interpreter of folk ballads and author of *The Private Memoirs and Confessions of a Justified Sinner* (1824). Facts and materials related to the perception of J. Hogg in Russia in Soviet times are collected and summarized. It is indicated that during the period under review, in the studies of Russian literary scholars, separate judgments were made on the traditions of R. Burns in the works of J. Hogg, the role of W. Scott in his fate, etc. The Russian translations of the works of the English and American classics (in particular, J. G. Byron, E. A. Poe, J. F. Cooper) that appeared in the Soviet era, which contained references to the Scottish poet, are noted. The publications, which included information about J. Hogg, are comprehended, with special attention paid to S. Ya. Marshak's epigram “Inscription on the Stone” mentioning J. Hogg's name, the research of M. P. Alekseev, B. G. Reizov, R. M. Samarin and etc. The scientific works of A. D. Ivanova, first of all - her Ph.D. thesis “The originality of the artistic work of James Hogg” (1990), which contributed, along with the changes in social life that occurred at the turn of the J. Hogg, the emergence of new translations of his works are analyzed.

Key words:

James Hogg; Walter Scott; Robert Burns; reception; tradition; literary criticism; ballad creativity; Russian-English literary ties; intercultural communication.

Русская рецепция Джеймса Хогга (советский период)

© Жаткин Д. Н., Рябова А. А., 2021

1. Введение

Данное исследование продолжает разработку темы русской рецепции творчества Джеймса Хогга (1770—1835), начатую нами в статьях «Ранняя русская рецепция Джеймса Хогга (1830-е годы)» [Жаткин, 2020] и «Русская рецепция Джеймса Хогга (середина XIX — начало XX веков)» [Жаткин, 2021], и содержит результаты обобщения и сбора материалов, связанных с восприятием наследия шотландского писателя в советскую эпоху, когда его произведения не привлекали внимания переводчиков. Вместе с тем и в эти годы имя Дж. Хогга не было забыто, продолжало проникать в русское сознание через переводы английской и американской классики (в частности, Дж. Г. Байрона, Э. А. По, Дж. Ф. Купера), упоминания в авторитетных литературоведческих трудах, что, в конечном итоге, привело к появлению целостного исследования — диссертационной работы А. Д. Ивановой [Иванова, 1990], до настоящего времени остающейся единственным опытом монографического осмысления творческого пути шотландского автора в России. Упоминание о Дж. Хогге также встречается в тексте выполненного С. Я. Маршаком перевода английской эпитагмы «Надпись на камне», являющегося характерным примером вольного прочтения интерпретатором английского подлинника.

2. С. Я. Маршак о Дж. Хогге

С. Я. Маршак, создавший самые популярные переводы сонетов Шекспира, стихотворений У. Блейка, Р. Бернса, обращавшийся к интерпретации произведений других английских поэтов разных эпох — от Дж. Тёрбервилла и Дж. Донна до Л. Кэролла и А.-А. Милна, не переводил Дж. Хогга, однако знал о нем, что подтверждают строки «Надписи на камне»: «Здесь я покоюсь — Джимми Хогг, / Авось грехи простит мне бог, / Как я бы сделал, будь я бог, / А он — покойный Джимми Хогг!» [Маршак, 1969, с. 74]. С. Я. Маршак перевел шутивную анонимную эпитафию с надмогильного памятника в кафедральном соборе в городе Элгине в Северной Шотландии, причем, несмотря на кажущуюся простоту, перевод потребовал от С. Я. Маршака немало усилий, о чем свидетельствуют и его публикации под разными названиями (первый вариант в № 4—5 «Нового мира» за 1946 год — «Эпитафия в Эльгинском соборе», затем — «Надгробная надпись» и «Надпись на камне»), и

наличие в черновых автографах такого раннего варианта, кардинально отличающегося от опубликованного: «Я — божий раб, а ты мой бог. / К моим грехам не будь ты строг, / Как я бы не был слишком строг, / Будь ты мой раб, а я твой бог», см.: [Чулков, 1969, с. 612]. Отметим, что в английском оригинале, приписываемом Джорджу Макдональду (1824—1905), одному из основоположников жанра фэнтези, автору романа “David Elginbrod” («Дэвид Элджинброд», 1863), в тринадцатую главу которого переведенная С. Я. Маршаком эпитафия и была включена, Дж. Хогг не упоминается: “Here lie I, Martin Elginbrodde: / Ha’e mercy o’ my soul, Lord God, / As I wad do, were I Lord God / And ye were Martin Elginbrodde”¹ [McDonald]. С. Я. Маршак пожертвовал деталью, несущественной для вырванного из контекста эпиграмматического произведения, — именем Мартина Элджинброда, сохранив значимое упоминание Бога, к которому, во многом для сохранения рифмы и ритмического рисунка оригинала, и обращается у русского поэта-переводчика Джими Хогг (God — Elginbrodde, бог — Хогг). Здесь проявилось характерное для С. Я. Маршака стремление сохранить самое существенное — мысль и чувство оригинала, не попадая под влияние его особенностей, строя чужого языка.

3. По страницам переводов: новые сведения о Дж. Хогге

В советское время на русский язык были переведены и изданы массовыми тиражами многие произведения английской и американской классики, давшие отечественному читателю дополнительные сведения о Дж. Хогге и его творчестве. В частности, сатирический рассказ Э. А. По «Μελλοντα ταυτα»² (1849), впервые переведенный М. А. Энгельгардтом, но ставший широко известным в России благодаря напечатанному в 1970 году и неоднократно переиздававшемуся переводу З. Е. Александровой, развивал философско-космогонические и гносеологические идеи, показывая, как современная писателю эпоха будет восприниматься далекими потомками. Обнаруженная в Mare Tenebrarum³ бутылка со странной рукописью, датированной 1848 годом и представлявшей собой письмо женщины, обращавшейся к своему другу с борта воздушного шара, приоткрывала завесу над будущим, что позволяло иронизировать над актуальными философскими течениями и демократическими достижениями, противопоставлять им свои умозаключения. В рассуждениях женщины о методах исследования, чинивших препятствия прогрессу, появляется имя «эттрикского пастуха»

1 Подстрочный перевод: *Здесь лежу я, Мартин Элджинброд: / Помилуй мою душу, Господь, / Как я бы сделал, будь я Господь, / А ты — Мартин Элджинброд.*

2 То в будущем (греч.).

3 Море мрака (лат.).

Хогга (Hog, surnamed the “Ettrick Shepherd”) как автора индуктивного метода познания, противопоставляемого Арису Тоттлю и его дедуктивному методу: «Он полагался исключительно на Ощущения. От фактов, которые он наблюдал, анализировал и классифицировал, — их высокопарно называли *instantiae naturae*¹ — он шел к общим законам» [По, 1976, с. 650—651]. Далее из текста письма выяснялось, что если кто-либо «не походил ни под Ариса (по-латыни: Овна), ни под Хогга» и предлагал свой путь доказательства истины, то такого человека «попросту объявляли <...> глупцом и знать не хотели ни его, ни его открытия» [Там же, 1976, с. 651].

В Арисе Тоттле легко угадывается Аристотель, а вот имя Хогга, вероятно, использовано Э. А. По для усиления эффекта насмешки. У Э. А. По это каламбур, основанный на значении лексемы *hog* («свинья, кабан»), более удачно противопоставляемом значению лексемы *aries* («овен»), нежели *bacon* («бекон»), соотносящийся по смыслу с первой из отмеченных лексем. Отметим, что реальным автором индуктивного метода познания был Ф. Бэкон, представивший его в своем трактате «Новый Органон» (1620), созданном задолго до рождения Дж. Хогга. Не забывая о Ф. Бэконе, Э. А. По своеобразно обыгрывает исторически достоверные факты, что, несомненно, допустимо в рамках художественного повествования: «... слово “беконовский” было введено в качестве более благозвучного и пристойного эквивалента слова “хогговский”» [Там же, 1976, с. 651].

Глава VIII романа Дж. Ф. Купера “The Pathfinder, or, The Inland Sea” («Следопыт, или На берегах Онтарио», 1840) открывается эпитафией из “The Queen’s Wake” («Бдения королевы») Дж. Хогга: «Земля любви и тишины, / Где нет ни солнца, ни луны, / Где ласковый поток бежит, / Где горный свет на всем лежит, / Мир призраков. Он погружен / В спокойный, бесконечный сон» (перевод Р. М. Гальпериной (1962); [Купер, 1962, с. 104]); ср.: “A land of love, and a land of light, / Withouten sun, or moon, or night: / Where the river swa’d a living stream, / And the light a pure celestial beam: / The land of vision, it would seem / A still, an everlasting dream” [Cooper].

Дж. Хогг упоминается в письме Дж. Г. Байрона к Дж. Меррею от 24 сентября 1821 года, переведенном З. Е. Александровой для издания дневников и писем Дж. Г. Байрона, вышедшего в 1965 году в академической серии «Литературные памятники»; в нем звучит просьба не присылать современных изданий на английском языке, «кроме сочинений прозаических или стихотворных, принадлежащих (или приписываемых) перу Вальтера Скотта, Крабба, Мура, Кэмпбелла, Роджерса, Гиффорда, Джоанны Бэйли, американца Ирвинга, Хогга, Уилсона» [Байрон, 1965, с. 290].

1 Природными данными (лат.).

В переведенных в 1977 году В. А. Харитоновым «Лекциях о поэзии» (1825—1826) Уильяма Каллена Брайента дана высокая оценка одной из баллад Дж. Хогга, созданной в 1813 году на шотландском диалекте: «За исключением, может быть, «Тэма О’Шэнтера» <“Tam O’Shanter” (1790) Роберта Бернса>, лучшая баллада о ведьмах, на мой взгляд, — «Колдунья из Файфа» <“The Witch of Fife” (1813)> Хогга, а ведь обе эти баллады написаны много после того, когда вера в ведьм была безжалостно высмеяна» [Брайент, 1977, с. 56].

В 1978 году в переводе В. А. Скороденко на русском языке была впервые опубликована книга Х. Пирсона “Walter Scott: His Life and Personality” («Вальтер Скотт: Его жизнь и личность», 1954), в которой Дж. Хогг характеризовался как самый эксцентричный из чудачков, помогавших В. Скотту в подготовке сборника “Minstrelsy of the Scottish Border” («Песни шотландской границы», 1802—1803): «При первой же встрече он поразил Скотта добродушием, жизнелюбием и бойкой речью. Он был общителен по натуре, и немногие могли устоять против его веселой легкомысленной болтовни. Музыка слов была у него в крови, он любил старинные сельские песни и предания. Красивый, с копной рыжих волос, он прекрасно танцевал, пел и играл на скрипке, что снискало ему у слабого пола такую же популярность, какой он пользовался у сильного, будучи добрым выпивохой и блестящим рассказчиком» [Пирсон, 1983, с. 46]. После огромного успеха Р. Бернса, ставшего «первым землепашцем, вспахавшим книжную ниву», в Британии «с горных круч потоком хлынули пастухи-виршеплеты, а чрево земное исторгло на свет рифмачей-углекопов» [Там же, 1983, с. 46], однако из их числа только Дж. Хогг имел собственную индивидуальность, на что обратил внимание В. Скотт, нашедший ему литературную работу, ссуживавший деньгами, сводивший с самыми разными людьми; впоследствии Дж. Хогг так характеризовал своего бессменного благодетеля: «Скотт был единственным человеком в моей жизни, кому ни богач, ни бедняк не желали плохого» [Там же, 1983, с. 48].

Дж. Хогг в описании Х. Пирсона представал амбициозным, порывистым человеком, не приемлющим возражений, склонным к бурному проявлению эмоций, в том числе и негативных, что не способствовало формированию у него дружеских отношений с кем бы то ни было: «Поэтический успех вскружил ему голову, о собственных стихах он не желал слышать ни слова критики, утверждая: “Мне, слава Богу, нечему учиться ни из книг, ни от людей”. Скотту он заявил: “Я — Король Волшебной Горной поэзии, до которой тебе и не дотянуться”» [Там же, 1983, с. 47]. Х. Пирсон также отмечал отсутствие у Дж. Хогга элементарного воспитания, проявлявшееся в неуважительном отношении к собеседникам, склонности к рассказыва-

нию скабрезных анекдотов в присутствии дам, причем сам Дж. Хогг в силу вольности, раскованности своего нрава не всегда сознавал, что его поведение оскорбляет окружающих. Отмечая, что и фермерские прожекты, и городские начинания Дж. Хогга, «враля бесстыжего и плодовитого», неизменно заканчивались провалом в силу его склонности к веселью и трактирным развлечениям, Х. Пирсон приходил к выводу о полном творческом фиаско шотландского поэта, оставшегося в памяти не своими произведениями, а эксцентричными выходками: «Единственная незаурядная поэма, им написанная, “Килмени”, была быстро забыта — из памяти современников ее вытеснила маска Эттрикского пастуха, с которой он сросся, сам же ее для себя выдумав, и которую Кристофер Норт сделал всеобщим достоянием в своих “Амброзианских ночах”, — маска сквернословя и выпивохи, неистового рубахи-парня, веселого и самовлюбленного возмутителя спокойствия» [Там же, 1983, с. 48]. Даже утрата популярности, обусловленная сменой интересов и предпочтений общества, не изменила Дж. Хогга, искавшего причины случившегося в происках извне: «Когда он со своими манерами перестал быть в новинку и в моду вошли литературные “львы” другой масти, он, естественно, пришел к выводу, что все кругом по секрету сговорились помешать ему выдвинуться» [Там же, 1983, с. 47].

4. Дж. Хогг в советском литературоведении 1950—1970-х годов

В работах советских литературоведов имя Дж. Хогга стало появляться с 1950-х годов. Так, в первом выпуске второго тома академической «Истории английской литературы», вышедшем в 1953 году, Р. М. Самарин называл Дж. Хогга, вместе с Дж. Вильсоном и Дж. Г. Локхартом, соавтором «серии реакционных политических фельетонов» [Самарин, 1953, с. 98] “Noctes Ambrosianae” («Амброзианские ночи», опубл. В 1802—1835 годах в журнале “Blackwood’s Magazine”), после чего следовало критическое замечание, непосредственное ассоциируемое с Дж. Хоггом, который вел фермерское хозяйство: «Писатели из кружка Вильсона предавались скорби по поводу ломки устоев старой поместно-фермерской Англии, восставали против парламентской реформы и пытались выдвинуть в качестве надежнейшей опоры социального “порядка” в Англии фигуру “фермера с Библией в руках”» [Там же, 1953, с. 98].

Мимо личности Дж. Хогга не проходят советские исследователи биографии и творчества В. Скотта. Однако если Е. И. Клименко в книге «Проблемы стиля в английской литературе первой трети XIX века» только упоминает о нем, говоря, что В. Скотт знал «таких скромных современных ему авторов, как Джеймс Хог, “пастух из Эттрика”» [Клименко, 1959, с. 61], то Б. Г. Реизов, ссылаясь на зарубежные отзывы — статью

Ф. Джеффри о “The Queen’s Wake” (3 ed., 1814) Дж. Хогга в “Edinburgh Review” (1814. — Nov. — P. 104) и рецензию на его поэму “Wat o’ the Cleuch” («Уот из Ключ») в “Quarterly Review” (1815. — Apr. — P. 471), — подробно рассуждает о подражании Дж. Хогга В. Скотту, вторичности творчества «эттрикского пастуха»: «В 1814 году Джеймс Хогг, эттрикский пастух, напечатал свою “легендарную поэму” “Досуги королевы” <традиционный вариант перевода — “Бдение королевы”>, которая была несомненным подражанием манере Скотта. Этот “могучий менестрель” пробудил, по словам Джеффри, в Хогге поэтическое чувство и создал ему “преждевременную репутацию в тот момент, когда уши публики были почти пресыщены многочисленными и обильными сочинениями Скотта”. <...> В 1816 году тот же Джеймс Хогг в своем “The Poetic Mirror” («Поэтическом зеркале») напечатал огромную поэму «Уот из Ключ», написанную в подражание Скотту и настолько схожую с его поэмами, что рецензент счел ее за “подлинное, хотя и несовершенное произведение плодovitого и торопливого пера самого мистера Скотта”» [Реизов, 1965, с. 119].

В статье М. П. Алексеева «Чарльз Роберт Метьюрин и его “Мельмот Скиталец”» [Алексеев, 1976, с. 563—674; Алексеев, 1991a, с. 206—293] среди усердных подражателей «Мельмоту Скитальцу» Ч. Р. Метьюрина в Англии и Америке, хронологический перечень которых включает многие произведения вплоть до конца XIX века, указывается и Дж. Хогг, который хорошо знал и любил произведения Ч. Р. Метьюрина; его «Исповедь оправданного грешника» содержит в себе «явные следы внимательного чтения автором “Мельмота Скитальца”» [Алексеев, 1991a, с. 272; см. также: Idman, p. 310].

Перечисляя людей, входивших в близкий круг общения Дж. Вильсона, М. П. Алексеев в статье «Джон Вильсон и его “Город чумы”» [Алексеев, 1960, с. 390—418; Алексеев, 1991b, с. 337—357] называл, наряду с Томасом де Квинси и Вальтером Скоттом, и Дж. Хогга [Алексеев, 1991b, с. 338]. Особый интерес исследователя вызвали практически незамеченные в русской литературе “Noctes Ambrosianae”, которые были ошибочно приписаны О. И. Сенковским Дж. Хоггу во вступительной заметке к отрывку из этого произведения (из 71-ой «Ночи»), напечатанному в 1835 году в «Библиотеке для чтения», см.: [Сенковский, 1835, с. 121—137]. М. П. Алексеев отмечал, что «Амброзианские ночи», коллективный труд Дж. Вильсона, Дж. Г. Локхарта, Дж. Хогга, У. Магинна, названы по имени таверны Амброза (Ambrose’s Tavern) в Эдинбурге в подражание «Аттическим ночам» (“Noctes Atticae”) Авла Геллия, что связано с попыткой «возродить античную форму драматизированных философских бесед» [Алексеев, 1991b, с. 339] с энциклопедическим охватом сведений. У. Магинну принадлежала

идея создания “Noctes Ambrosianae”, Дж. Вильсону — основная часть текста (41 из 71-ой глав); участие Дж. Хогга М. П. Алексеев считал менее существенным, чем предполагалось ранее, см.: [Алексеев, 1991b, с. 339; Strout, с. 46—63]. В длинных беседах и спорах на различные темы (от философских материй до бытовых предметов) отчетливо прорисовываются образы самого Дж. Вильсона, выведенного в «Амброзианских ночах» под именем Кристофера Норта, «Эттрикского пастуха» Дж. Хогга и Тиклера: «Вся эта причудливая смесь софистических рассуждений и бытовых анекдотов, “цветов красноречия” и сатирических буффонад, все время меняющая свою стилистическую тональность, представляется ныне интересным литературным источником, но все же крайне утомительна по своему объему и второстепенности многих поднятых в ней вопросов» [Алексеев, 1991b, с. 339]. Далее, характеризуя Дж. Вильсона, М. П. Алексеев приводил слова из письма Дж. Хогга Дж. Г. Байрону, датированного февралем 1816 года, в которых отмечались «большой талант и воображение» Дж. Вильсона, его увлеченность У. Вордсвортом («совершенно опьянен»), позволившая всецело погрузиться в «мечтания о луне, кораблях, морях и уединении» [Там же, 1991b, с. 344].

5. А. Д. Иванова — исследователь творчества Дж. Хогга

В 1989 году в сборнике научной конференции «Тенденции литературы и журналистики США 80-х годов XX века» были опубликованы тезисы двух выступлений А. Д. Ивановой — «Традиции американской литературной критики в современных исследованиях творчества Джеймса Хогга» [Иванова, 1989а, с. 17—18] и «Свобода и личность в романтических романах Н. Готорна и Дж. Хогга» [Иванова, 1989b, с. 19—20]; тогда же в ИНИОН АН СССР ей была депонирована рукопись «Поэтическое творчество Джеймса Хогга» [Иванова, 1989с]. Эти работы предшествовали завершению диссертационного исследования «Своеобразие художественного творчества Джеймс Хогга» [Иванова, 1990], подготовленного в Московском областном педагогическом институте им. Н. К. Крупской под руководством профессора Б. И. Колесникова, автора монографии и статей о творчестве Р. Бернса.

А. Д. Иванова отмечает популярность творчества Дж. Хогга, неоднократно становившегося предметом отдельного монографического изучения, в западном литературоведении, контрастирующую с крайне малой известностью эттрикского пастуха-поэта в дореволюционной и советской России. По наблюдению А. Д. Ивановой, возрождение внимания к Дж. Хоггу, утраченного еще в эпоху романтизма, стало возможным на Западе во второй половине 1940-х годов в связи с переизданием романа “The Private

Memoirs and Confessions of a Justified Sinner”, затрагивавшего «ряд проблем, которые приобрели в ходе развития Европы двух последних столетий особую значимость: независимости и ценности отдельной личности, опасности замкнутости и ограниченности взглядов на действительность, сложности и неоднозначности духовного мира человека» [Там же, 1990, с. 1]. В 1970—1980-е годы на Западе были переизданы и другие романы Дж. Хогга, его избранные поэтические сочинения, составлен сборник его повестей и рассказов, вышли монографии, посвященные исследованию аспектов жизни и творчества эттрикского поэта-пастуха, что в итоге подтолкнуло и советское литературоведение к изучению наследия Дж. Хогга.

А. Д. Иванова осмысливает место Дж. Хогга в литературной жизни Великобритании XIX века, отмечая столкновение поэта, наделенного выносливостью и жизнелюбием, с элитарной группой эдинбургских «литерати», выражавшей интересы высшего общества и воспринимавшей Дж. Хогга как анахронизм в силу его происхождения, совмещения им физического труда и поэтического творчества, мощного влияния фольклора на его произведения, приводившего к созданию уникального мира, сохранявшего атмосферу жизни сельской Шотландии: «Отношение к нему понималось не как литературная проблема, а как анекдотическое столкновение “естественного человека” с цивилизованным миром. Ложная популярность, созданная стереотипом Неграмотного Поэта, стала причиной непонимания и недооценки многих произведений Джеймса Хогга читателями, для которых он оставался автором одной книги “Торжество королевы” <“Бдение королевы”>, неспособным на серьезное литературное творчество. Многие произведения писателя были отклонены издательствами, а шесть романов, среди которых был и “Праведный грешник”, приобретший в XX веке мировую известность, прошли практически незамеченными современниками» [Там же, 1990, с. 5—6].

Исследовательницей отдельно анализировалась народная поэтическая традиция как основа творчества Дж. Хогга, при этом отмечалось, что он знал баллады не по их литературным изданиям, а непосредственно из среды их бытования, где они существовали вне исторической хронологии и где ритм создавался событиями земледельческого календаря, сменой времен года. Сохраняя традиционные балладные темы (героические деяния, любовь, тайны и волшебство), Дж. Хогг мастерски создавал динамичные сюжеты, раскрывавшие столкновение сверхъестественного с обычным, заставлявшие поверить в реальность, убедительность и конкретность волшебной вселенной, а также представлявшие собой нагнетание мрачности, фатальности в сочетании с юмористическими, ироническими деталями. По наблюдению А. Д. Ивановой, Дж. Хогг искренне верит в то, что природа — одушевлен-

ная стихия, наполненная некими потусторонними существами, и эта вера отличает его от романтиков, для которых эта одушевленность — «прекрасный образ или символ»: «Вера Хогга в одушевленность природы — это вера человека, выросшего рядом с природой и связанного с нею в повседневных делах; она того же происхождения, что и вера его предков, выразившаяся в языческой мифологии и оттуда перекочевавшая в волшебные баллады, с которыми Хогг имеет больше общего, чем с эдинбургской культурой его дней или британской романтической поэзией» [Там же, 1990, с. 8]. Для Дж. Хогга преобладающее значение имеет совмещение космического взгляда на вечную природу, наделенную отличной от человека сущностью (для сравнения — природа у Р. Бернса социальна, наполнена присутствием человека), и конкретных пейзажей родной Шотландии, имеющих черты, скрытые от постороннего наблюдателя; в его балладах представлены не исторические события, а вызванные ими чувства, переживания людей, перемены в их душевном состоянии, что приводит к созданию точных рисунков человеческих характеров во всей их противоречивости и многозначности.

Рассматривая влияние балладной традиции на лирику Дж. Хогга, А. Д. Иванова акцентировала различия в его подходах к осмыслению народно-поэтических текстов в сравнении с творческими установками Р. Бернса: «В отличие от стихов Р. Бернса, чья лирика — это всегда выражение конкретного опыта, переживания, в стихах Хогга преобладает мечта, придуманность, но умелое использование балладной традиции, в которой отстраненность автора не мешает искренности выражаемых чувств, помогает созданию гармонии и ясности его лирики» [Там же, 1990, с. 10—11]. С одной стороны, балладная традиция определяет преобладание у Дж. Хогга тем несчастной любви, гибели одного из возлюбленных и т. д., с другой — поэт старается сохранить связь с современной жизнью, пародирует балладные стереотипы, нивелирующие человеческую индивидуальность, что и определяет особенности авторского почерка, сочетающего фольклорное и литературное начала. Считая, что романтизм не стал основой мировосприятия Дж. Хогга, А. Д. Иванова вместе с тем признавала, что он «разделял общее настроение романтической эпохи с ее стремлением к свободе и естественности» [Там же, 1990, с. 12], с ее осознанием соединенности и взаимообусловленности событий, вызванным, впрочем, не романтическими представлениями о взаимозависимости творца и объекта, а скорее личным жизненным опытом. По мнению исследовательницы, Дж. Хогг создает особый поэтический мир, в основе которого оказываются традиции народной баллады, мотивы прославления исторического прошлого, размеренности сельского бытия, мифологические образы: «Главной ценностью для Хогга всегда оставались искренность, отзывчи-

вость человеческой натуры, и, хотя он занят исследованием человеческой природы и изображает мир, где люди не лишены слабостей, ему удается избежать морализаторства» [Там же, 1990, с. 13].

При анализе «Исповеди оправданного грешника» А. Д. Иванова исходит из того, что для этого произведения одинаково важны и фольклорная традиция, и присущая жанру готического романа атмосфера таинственности, сверхъестественности, желание раскрыть внутреннее состояние человека с аномальной психологией и влияние на него демонических сил. Особую оригинальность «Исповеди» исследовательница видит в двуплановости конфликта; это, с одной стороны, внешний конфликт двух братьев, главных героев произведения, с другой — внутренний конфликт младшего из братьев Роберта Колвена с самим собой. События у Дж. Хогга развиваются динамично, причем даже в тех эпизодах, где основное внимание уделяется духовному миру Роберта, его беседам с мистическим наставником, «двойником» Джил-Мartiном. Признавая, что поступки героев становятся у шотландского автора основным средством их характеристики, А. Д. Иванова связывает это обстоятельство с влиянием народных баллад; также с балладной традицией соотносятся сочетание противоположностей как основа описания, вневременной характер действия (упоминания отдельных дат не позволяют установить хронологию) и «принцип преподнесения событий», совпадающий с «балладным приемом-оговоркой подлинности фактов, излагаемых рассказчиком с максимальной достоверностью и убедительностью» [Там же, 1990, с. 16]. И даже мотив двойственности человеческой личности, возникающий у Дж. Хогга, А. Д. Иванова объясняет не столько влиянием характерной для эпохи литературы о «двойниках», сколько сохранявшимися в Шотландии кельтскими мифологическими представлениями о некоем духе человека, вестнике его несчастья или смерти. Важной особенностью структуры романа является использование в нем зеркального принципа: «У действующих лиц первой части есть “двойники” во второй. Семьи Далкастлов и Рингимов становятся зеркальным отражением друг друга, а их дети — Роберт и Джордж — выступают не только врагами-антагонистами, но и “двойниками”». Мотив “двойников” в романе служит не для создания картин ужасного, как в “готическом романе”, а для идентификации личности главного героя. Джордж и Джил-Мартин существуют, чтобы раскрыть различные стороны натуры Роберта, и, лишь соединенные в целое, они дают представление об *одном* человеке» [Там же, 1990, с. 17].

Джил-Мартин, один из самых сложных героев романа, «соединивший в себе субъективное начало характера Роберта, его больное воображение и образы народных представлений о темных, враждебных силах природы» [Там же, 1990, с. 18], своим появлением вводит в произведение тему при-

существования сверхъестественных начал в повседневной жизни. По мнению А. Д. Ивановой, он в чем-то таинственнее и страшнее персонажей готических романов, поскольку создает иллюзию реальности, обусловленную балладной традицией, в которой переход от реального к непостижимому происходит незаметно для читателя и слушателя: «Ирреальное у Хогга удивительно конкретно, когда передает многоуровневость и тайну человеческого существования, выступает приемом создания напряженности ситуации» [Там же, 1990, с. 18]. В соответствии с правилами балладного жанра Дж. Хогг отрицает готовые ответы, идет по пути недосказанности; стремясь сформировать ощущение многообразия взглядов на происходящее, он создает «двойников» не только героям, но и событиям, заставляет возвращаться к ранее произошедшему, сравнивать и искать объяснения.

Проблематика нравственной жизни человека неотделима у Дж. Хогга от религии, причем, в отличие от современников, он не ограничился изображением психологической стороны пуританского фанатизма, а «попытался проследить связь религиозной доктрины с преступлениями главного героя» [Там же, 1990, с. 19]. Роберт, убежденный в своей принадлежности к кругу избранных, пользующихся покровительством высших сил, даже оказавшись во власти дьявола, не может изменить своих жизненных принципов, ибо это приведет его к моральному краху, осознанию бессмысленности содеянного и — шире — бессмысленности всей жизни. Гибель героя, обусловленная его абсолютной подчиненностью ошибочной идее избранности, становится неизбежной: «Целью писателя не было заставить сомневаться, избежит он ада или нет, его цель — показать, что такое ад. Мучения героя, до последнего момента вынужденного выдерживать борьбу мыслей, его страх перед тем, что он не понимает, кто он и что происходит, отчаянье и безнадежность его бегства способны передать атмосферу адского наказания» [Там же, 1990, с. 20]. Роберту свойственны одиночество, замкнутость на внутренних переживаниях, изоляция, приводящие не только к отсутствию земных привязанностей, но и к конфликту с окружающим миром. Рассуждения об избранности, основанные на отказе от здравого взгляда на окружающий мир, приобретают ироническое звучание на фоне портрета самого героя, заурядного человека, чуждого романтическим титанам, иным исключительным, сильным, волевым личностям. В итоге, по наблюдению А. Д. Ивановой, герой и читатель оказываются в границах обыденности, на одном уровне, а убежденность героя в своей исключительности, избранности приобретает ироническое звучание, особенно в силу отсутствия полноценных связей Роберта с окружающим миром, его ненависти к людям, формировавшейся с детства. Несмотря на увлеченность героя одной идеей, ведущей к гибели, его характер лишен простоты ввиду интере-

са Дж. Хогга к проявлениям аномальности в психике и к кальвинистскому прошлому, во многом определявшему духовную жизнь Шотландии. Герой Дж. Хогга, изначально вызывающий своими рассуждениями лишь раздражение, оказывается живым человеком, способным страдать, чувствовать мучения и боль; и потому, лишенный всего, он вызывает, по меньшей мере, жалость, отчасти — сострадание.

А. Д. Иванова называла героев из народа, отражавших беспристрастный авторский взгляд на описываемые события, — это слуги Рингимов Барнет и Скрейп, тюремщик, фермер, приютивший Роберта в конце его пути. Только в народной среде Дж. Хогг находит «необходимую нормальность и естественность чувств, мудрость, разумный шотландский юмор, стремление к самостоятельности и независимости» [Там же, 1990, с. 23]. Именно поэтому названные второстепенные персонажи не теряются в потоке событий; при всех своих достоинствах и недостатках они, по мысли А. Д. Ивановой, символизируют «возможность выхода из “зла на земле”» [Там же, 1990, с. 23]. Основной заслугой Дж. Хогга как автора «Исповеди оправданного грешника» исследовательница считала придание универсального значения идее свободы от каких-либо политических, религиозных, социальных догм, происходившее посредством концентрации внимания на человеческой личности: «Проникновение писателя в духовный мир героя, высокий уровень художественного мастерства в передаче его внутреннего состояния сделали эту книгу одной из первых в направлении психологически ориентированного романа XIX века» [Там же, 1990, с. 23—24].

В 1991 году в развитие идей, высказанных в диссертации, А. Д. Ивановой была опубликована статья «Шотландские литературные “двойники” в контексте европейского романа XIX века» [Иванова, 1991, с. 31—38], в которой на материале «Исповеди оправданного грешника» рассмотрено обращение шотландской литературы к теме двойственности человеческой личности. «Исповедь» Дж. Хогга, по мнению исследовательницы, интересна тем, что одновременно принадлежит к общеевропейской традиции и служит выражением национальной шотландской психологии, см.: [Там же, 1991, с. 32].

Опираясь на суждение Курта Виттиха, отмечавшего в качестве характерной черты шотландской культуры сочетание «двух и более, казалось, несоединимых качеств: высокого пафоса и каждодневного реализма, большой трагедии и мрачного юмора, полной серьезности и гротеска, нежности и сарказма» [Wittig, 1958, p. 250], А. Д. Иванова акцентировала усиление эмоционального и интеллектуального дуализма «использованием двух языков: английского, для выражения мысли, и шотландского — чувства» [Иванова, 1991, с. 32]. Феномен двойной жизни, отчасти обусловленный увлечением немецкой готической традицией (Фуке, Новалис, Гофман),

был также «выражением собственных конфликтов Хогга и проекцией его неосознанных чувств» [Bloede, 1973, p. 186], вызванных противоречиями с эдинбургским обществом. Традицию «двойников» А. Д. Иванова считала характерной для многих произведений Дж. Хогга, в связи с чем называла рассказ “Adam Bell” («Адам Белл», 1811), где «двойник» героя, находящегося в отъезде, приходит в его дом, а домашние, поняв, что видели нечто сверхъестественное, разыскивают героя и узнают о его гибели в ночь перед таинственным визитом, а также поэмы “Kilmeny” («Килмени», 1813) и “The Witch of Fife” («Файфская ведьма», 1813), которые, сводя воедино противоположные начала человеческого характера, «представляют две полярные стороны женской природы: светлую, духовную в образе волшебной девы, посетившей на короткое время землю, и грубую, низменную в характере старой ведьмы, принадлежащей земной жизни» [Иванова, 1991, с. 34].

Анализ темы «двойников» в «Исповеди оправданного грешника» вел исследовательницу по пути сравнения этого произведения с «Эликсиром сатаны» и «Мадмуазель де Скюдери» Э. Т. А. Гофмана, однако, указывая на связь тематики и мотивов, а также факт обращения Дж. Хогга к переводу «Эликсира сатаны» в период работы над «Исповедью», она приходит к выводу, что гофмановское влияние вряд ли было существенным. Также А. Д. Иванова не находит подтверждения влияния «Исповеди оправданного грешника» на позднейшие произведения Р. Л. Стивенсона — «Странную историю доктора Джекила и мистера Хайда» и «Владельца Баллантре», хотя некоторые переклички очевидны. В исследовании намечались подходы к осмыслению темы относительности человеческого восприятия действительности в «Исповеди»: «Два брата, существующие в глазах окружающих как полная противоположность друг другу, начинают действовать и говорить одинаково. <...> Судьба главного героя подобна судьбе его старшего брата, оказавшегося неспособным сохранить свою индивидуальность» [Там же, 1991, с. 38]. Вывод исследовательницы об одновременной опоре шотландских писателей на достижения европейской литературы и традиции национальной культуры был верен по сути, однако логически не вытекал из проведенного в ее статье анализа.

Отметим, что диссертационное исследование А. Д. Ивановой до настоящего времени остается единственной квалификационной работой российских ученых, полностью посвященной творчеству Дж. Хогга. Вместе с тем упоминания о Дж. Хогге содержатся в новейших диссертациях Е. В. Скобелевой «Традиция “готического” романа в английской литературе XIX и XX веков» [Скобелева, 2008], А. В. Шубиной «Проблема биографического жанра в творчестве Питера Акройда» [Шубина, 2009], М. Е. Протасовой «Литературная сказка Дж. Макдоналда: проблематика

и поэтика» [Протасова, 2010], О. Б. Лукмановой «Жанровое своеобразие литературных сказок Джорджа Макдональда» [Лукманова, 2012], Т. П. Евсеевой «Творчество Джона Мартина (1789—1854): романтическая картина мира» [Евсеева, 2013], О. А. Строгановой «Грамматические особенности языка литературы равнинной Шотландии» [Строганова, 2014], Л. Р. Велилаевой «Патриотические мотивы в шотландской эмиграционной поэзии США XIX века» [Велилаева, 2017]. В частности, авторы диссертаций сообщают о произведениях Дж. Хогга как литературных источниках для писателей последующих поколений, отмечают отдельные мотивы творчества Дж. Хогга (в частности, связанные с готической традицией, интересом к исторической тематике и т. д.).

6. Заключение

Как видим, переводы произведений английской и американской классики (в частности, Дж. Г. Байрона, Э. А. По, Дж. Ф. Купера), осуществленные в советское время, содержали упоминания о Дж. Хогге, вызванные его творчеством реминисценции. Благодаря вышедшему в 1978 году переводу книги Х. Пирсона “Walter Scott: His Life and Personality” отечественный читатель впервые смог познакомиться с противоречивой натурой Дж. Хогга, создать общее представление о нем как человеке и творце, не формировавшееся из разрозненных сведений, содержащихся в более ранних публикациях. Дж. Хогг упоминался в шутливой эпиграмме С. Я. Маршака «Надпись на камне», в книгах и статьях М. П. Алексеева, Р. М. Самарина, Е. И. Клименко, Б. Г. Реизова, однако первые исследования его творчества на русском языке появились только в конце 1980-х годов и связаны с подготовкой и защитой диссертации А. Д. Ивановой «Своеобразие художественного творчества Джеймса Хогга» (1990), в которой отмечено преобладающее влияние на поэта традиций народных баллад при интересе к литературному процессу эпохи, прежде всего — к романтическим тенденциям. А. Д. Ивановой удалось воспринять наследие Дж. Хогга в контексте литературного развития в Англии, увидеть влияние на поэта творчества предшественников. Появление работ А. Д. Ивановой наряду с изменениями в общественной жизни, произошедшими на рубеже 1980—1990-х годов, способствовало последующему усилению интереса к шотландскому автору, приведшему, в частности, к созданию новых переводов его прозаических и поэтических сочинений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев М. П. Джон Вильсон и его «Город чумы» / М. П. Алексеев // Из истории английской литературы : этюды, очерки, исследования. — Москва ; Ленинград : Гослитиздат, 1960. — С. 390—418.

2. *Алексеев М. П.* Джон Вильсон и его «Город чумы» / М. П. Алексеев // Английская литература : очерки и исследования. — Ленинград : Наука, 1991б. — С. 337—357.
3. *Алексеев М. П.* Чарлз Роберт Метьюрин и его «Мельмот Скиталец» / М. П. Алексеев // Метьюрин Ч. Р. Мельмонт Скиталец / Изд. подготовили М. П. Алексеев, А. М. Шадрин. — Ленинград : Наука, 1976. — С. 563—674. — (Литературные памятники).
4. *Алексеев М. П.* Чарлз Роберт Метьюрин и его «Мельмот Скиталец» / М. П. Алексеев // Английская литература : очерки и исследования. — Ленинград : Наука, 1991а. — С. 206—293.
5. *Байрон Дж. Г.* Дневники. Письма / Дж. Г. Байрон ; изд. подг. З. Е. Александрова, А. А. Елистратова, А. Н. Николюкин. — Москва : Наука, 1965. — 440 с. — (Литературные памятники).
6. *Брайент В. К.* Лекции о поэзии / В. К. Брайент ; перевод В. А. Харитоновой // Эстетика американского романтизма / сост., комментарий и вступ. ст. А. Н. Николюкина. — Москва : Искусство, 1977. — С. 32—67.
7. *Велилаева Л. Р.* Патриотические мотивы в шотландской эмиграционной поэзии США XIX века : диссертация ... кандидата филологических наук / Л. Р. Велилаева. — Симферополь, 2017. — 446 с.
8. *Евсеева Т. П.* Творчество Джона Мартина (1789—1854) : романтическая картина мира : диссертация ... кандидата филологических наук / Т. П. Евсеева. — Санкт-Петербург, 2013. — 182 с. + Прил. (48 с. : ил.).
9. *Жаткин Д. Н.* Ранняя русская рецепция Джеймса Хогга (1830-е годы) / Д. Н. Жаткин, А. А. Рябова // Научный диалог. — 2020. — № 10. — С. 255—267. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-255-267.
10. *Жаткин Д. Н.* Русская рецепция Джеймса Хогга (середина XIX — начало XX веков) / Д. Н. Жаткин, А. А. Рябова // Научный диалог. — 2021. — № 10. — С. 213—225. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-213-225.
11. *Иванова А. Д.* Поэтическое творчество Джеймса Хогга / А. Д. Иванова. — Москва, 1989с. — 12 с. — Рукопись депонирована в ИНИОН АН СССР № 40422 от 12.12.1989 г.
12. *Иванова А. Д.* Свобода и личность в романтических романах Н. Готорна и Дж. Хогга / А. Д. Иванова // Тенденции литературы и журналистики США 80-х годов XX века : тезисы научной конференции / Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Факультет журналистики. — Москва : [б. и.], 1989б. — С. 19—20.
13. *Иванова А. Д.* Своеобразие художественного творчества Джеймса Хогга : автореферат диссертации ... кандидата филологических наук : 10.01.05 / А. Д. Иванова. — Москва, 1990. — 24 с.
14. *Иванова А. Д.* Традиции американской литературной критики в современных исследованиях творчества Джеймса Хогга / А. Д. Иванова // Тенденции литературы и журналистики США 80-х годов XX века : тезисы научной конференции / Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Факультет журналистики. — Москва : [б. и.], 1989а. — С. 17—18.
15. *Иванова А. Д.* Шотландские литературные «двойники» в контексте европейского романа XIX века / А. Д. Иванова // Своеобразие зарубежной литературы и критики XIX—XX веков в свете современных идейных исканий : Межвузовский сборник научных трудов / Московский областной педагогический институт имени Н. К. Крупской. — Москва : [б. и.], 1991. — С. 31—38.

16. Клименко Е. И. Проблемы стиля в английской литературе первой трети XIX века / Е. И. Клименко. — Ленинград : Издательство Ленинградского университета, 1959. — 303 с.
17. Купер Дж. Ф. Следопыт, или На берегах Онтарио / Дж. Ф. Купер ; перевод Р. М. Гальпериной (гл. I—XI, XXVII—XXX), Д. Л. Каравкиной (гл. XII—XIX), В. Н. Курелли (гл. XX—XXVI) // Купер Дж. Ф. Избранные сочинения : в 6 т. — Москва : Государственное издательство детской литературы Министерства просвещения РСФСР, 1962. — Т. 2. — С. 5—458.
18. Лукманова О. Б. Жанровое своеобразие литературных сказок Джорджа Макдоналда : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.03 / О. Б. Лукманова. — Нижний Новгород, 2012. — 227 с.
19. Маршак С. Я. Собрание сочинений : в 8 т. / С. Я. Маршак. — Москва : Художественная литература, 1969. — Т. 4. — 688 с.
20. Пирсон Х. Вальтер Скотт / Х. Пирсон ; перевод с английского, послесловие и комментарии В. А. Скороденко. — 2-е изд. — Москва : Книга, 1983. — 240 с.
21. По Э. А. Mellonta tauta / Э. А. По ; перевод З. Е. Александровой // Стихотворения. Проза / составление, вступительная статья и примечания Г. Злобина. — Москва : Художественная литература, 1976. — С. 647—659.
22. Протасова М. Е. Литературная сказка Дж. Макдоналда : проблематика и поэтика : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.03 / М. Е. Протасова. — Тамбов, 2010. — 192 с.
23. Реизов Б. Г. Творчество Вальтера Скотта / Б. Г. Реизов. — Москва ; Ленинград : Художественная литература, 1965. — 500 с.
24. Самарин Р. М. «Озерная школа» / Р. М. Самарин // История английской литературы : [в 3 т.] / под ред. И. И. Анисимова, А. А. Елистратовой, А. Ф. Иващенко. — Москва : Издательство Академии наук СССР, 1953. — Т. II. — Выпуск 1. — С. 64—102.
25. Скобелева Е. В. Традиция «готического» романа в английской литературе XIX и XX веков : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.03 / Е. В. Скобелева. — Москва, 2008. — 197 с.
26. Строганова О. А. Грамматические особенности языка литературы равнинной Шотландии : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.02.20 / О. А. Строганова. — Санкт-Петербург, 2014. — 240 с.
27. Чулков С. С. Примечания / С. С. Чулков // Маршак С. Я. Собрание сочинений : в 8 т. — Москва : Художественная литература, 1969. — Т. 4. — С. 597—670.
28. Шубина А. В. Проблема биографического жанра в творчестве Питера Акройда : диссертация ... кандидата филологических наук : 10.01.03 / А. В. Шубина. — Санкт-Петербург, 2009. — 183 с.
29. Bloede B. James Hogg's "Private Memoirs and Confessions of a Justified Sinner" : the Genesis of the Double / B. Bloede // Etudes Anglaises. — 1973. — V. 26. — Pp. 175—186.
30. Cooper J. F. The Pathfinder, or, The Inland Sea [Electronic resource] / J. F. Cooper. — Access mode : <https://www.gutenberg.org/files/1880/1880-h/1880-h.htm#link2HCH0008> (accessed 24.05.2021.).
31. Idman N. Charles Robert Maturin : his Life and Works / N. Idman. — London : Constable, 1923. — 326 p.
32. McDonald G. David Elginbrod [Electronic resource] / G. McDonald. — Access mode : <https://gutenberg.org/files/2291/2291-h/2291-h.htm> (accessed 26.05.2021.).

33. Strout A. L. The “Noctes Ambrosianae” and James Hogg / A. L. Strout // The Review of English Studies. — 1937. — January. — Vol. 13. — Issue 49. — Pp. 46—63.

34. Wittig K. Scottish traditions in Literature / K. Wittig. — Edinburgh ; London : Oliver & Boyd, 1958. — VIII, 352 c.

REFERENCES

- Alekseev, M. P. (1960). John Wilson and his “Plague City”. In: *From the history of English literature: sketches, essays, research*. Moscow; Leningrad: Goslitizdat. 390—418. (In Russ.).
- Alekseev, M. P., Shadrin, A. M. (ed.). (1976). Charles Robert Meturin and his “Melmoth the Wanderer”. In: *Metyurin, Ch. R. Melmont Wanderer*. Leningrad: Nauka. 563—674. (Literary monuments). (In Russ.).
- Alekseev, M. P. (1991a). Charles Robert Meturin and his “Melmoth the Wanderer”. In: *English literature: essays and research*. Leningrad: Nauka. 206—293. (In Russ.).
- Alekseev, M. P. (1991b). John Wilson and his “Plague City”. In: *English literature: essays and research*. Leningrad: Nauka. 337—357. (In Russ.).
- Bloede, B. (1973). James Hogg’s “Private Memoirs and Confessions of a Justified Sinner”: the Genesis of the Double. *Etudes Anglaises*, 26: 175—186.
- Bryent, V. K. (1977). Lectures on poetry. In: *Aesthetics of American Romanticism*. Moscow: Iskustvo. 32—67. (In Russ.).
- Byron, J. G., Alexandrova, Z. E., Elistratova, A. A., Nikolyukin, A. N. (eds.). (1965). *Diaries. Letters*. Moscow: Nauka. 440 p. (Literary monuments). (In Russ.).
- Cooper, J. F. (1962). Ranger, or On the shores of Ontario. In: *Selected works in 6 volumes*, 2. Moscow: State publishing house of children’s literature Ministry of education of the RSFSR. 5—458. (In Russ.).
- Cooper, J. F. *The Pathfinder, or, the Inland Sea*. Available at: <https://www.gutenberg.org/files/1880/1880-h/1880-h.htm#link2HCH0008> (accessed 24.05.2021.).
- Evseeva, T. P. (2013). *The work of John Martin (1789—1854): a romantic picture of the world*. PhD Diss. St. Petersburg. 182 p. + Adj. (48 p.: ill.). (In Russ.).
- Idman, N. (1923). *Charles Robert Maturin: his Life and Works*. London: Constable. 326 p.
- Ivanova, A. D. (1989a). The traditions of American literary criticism in modern studies of the work of James Hogg. In: *Trends in literature and journalism in the USA of the 80s of the XX century: abstracts of a scientific conference / Lomonosov Moscow State University, Faculty of Journalism*. Moscow: [b. i.]. 17—18. (In Russ.).
- Ivanova, A. D. (1989b). Freedom and personality in the romantic novels of N. Hawthorne and J. Hogg. In: *Trends in literature and journalism in the USA of the 80s of the XX century: abstracts of the scientific conference / Lomonosov Moscow State University, Faculty of Journalism*. Moscow: [b. i.]. 19—20. (In Russ.).
- Ivanova, A. D. (1989c). *The poetic work of James Hogg*. Moscow. 12 p. The manuscript was deposited in the INION of the USSR Academy of Sciences № 40422 dated 12.12.1989. (In Russ.).
- Ivanova, A. D. (1990). *The originality of James Hogg’s artistic creativity*. Author’s abstract of PhD Diss. Moscow. 24 p. (In Russ.).
- Ivanova, A. D. (1991). Scottish literary “doubles” in the context of the European novel of the XIX century. In: *The originality of foreign literature and criticism*

- of the XIX—XX centuries in the light of modern ideological searches: *Interuniversity collection of scientific papers / Moscow Regional Pedagogical Institute named after N. K. Krupskaya*. Moscow: [b. i.]. 31—38. (In Russ.).
- Klimenko, E. I. (1959). *Problems of style in English literature of the first third of the XIX century*. Leningrad: Publishing house of Leningrad University. 303 p. (In Russ.).
- Lukmanova, O. B. (2012). *Genre originality of George MacDonald's literary fairy tales*. PhD Diss. Nizhny Novgorod. 227 p. (In Russ.).
- Marshak, S. Ya. (1969). *Collected works in 8 volumes, 4*. Moscow: Fiction. 688 p. (In Russ.).
- McDonald, G. *David Elginbrod*. Available at: <https://gutenberg.org/files/2291/2291-h/2291-h.htm> (accessed 26.05.2021.).
- Pearson, H. (1983). *Walter Scott. 2nd ed*. Moscow: Book. 240 p. (In Russ.).
- Po, E. A. (1976). Mellonta tauta. In: *Poems. Prose*. Moscow: Fiction. 647—659. (In Russ.).
- Protasova, M. E. (2010). *Literary fairy tale J. MacDonald: Problematics and Poetics*. PhD Diss. Tambov. 192 p. (In Russ.).
- Reizov, B. G. (1965). *The work of Walter Scott*. Moscow; Leningrad: Fiction. 500 p. (In Russ.).
- Samarin, R. M. (1953). "Lake School". *History of English literature: in 3 volumes, II / 1*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 64—102. (In Russ.).
- Shubin, A. V. (2009). *The Problem of the biographical genre in the works of Peter Ackroyd*. PhD Diss. St. Petersburg. 183 p. (In Russ.).
- Skobeleva, E. V. (2008). *The tradition of the "Gothic" novel in English literature of the XIX and XX centuries*. PhD Diss. Moscow. 197 p. (In Russ.).
- Stockings, S. S. (1969). Notes. In: *Marshak, S. Ya. Works: in 8 volumes, 4*. Moscow: Khudozhestvennaya Literatura. 597—670. (In Russ.).
- Stroganova, O. A. (2014). *Grammatical features of the literature language of lowland Scotland*. PhD Diss. Saint Petersburg. 240 p. (In Russ.).
- Strout, A. L. (1937). The "Noctes Ambrosianae" and James Hogg. *The Review of English Studies. January, 13 (49)*: 46—63.
- Velilaeva, L. R. (2017). Patriotic motives in the Scottish emigration poetry of the USA of the XIX century. PhD Diss. Simferopol. 446 p. (In Russ.).
- Wittig, K. (1958). *Scottish traditions in Literature*. Edinburgh; London: Oliver & Boyd. VIII, 352 c.
- Zhatkin, D. N., Ryabova, A. A. (2020). Early Russian Reception of James Hogg (1830s). *Nauchnyi dialog, 10*: 255—267. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-10-255-267. (In Russ.).
- Zhatkin, D. N., Ryabova, A. A. (2021). Russian Reception by James Hogg (Mid-19th — Early 20th Centuries). *Nauchnyi dialog, 10*: 213-225. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-10-213-225. (In Russ.).

Житенев А. А. Об одном киноэкфрасисе Ш. Абдуллаева / А. А. Житенев // Научный диалог. — 2021. — № 12. — С. 241—255. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-241-255.

Zhitenev, A. A. (2021). About One Cinema Ekphrasis of Sh. Abdullaev. *Nauchnyi dialog*, 12: 241-255. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-241-255. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-241-255

Об одном киноэкфрасисе Ш. Абдуллаева

Житенев Александр Анатольевич
orcid.org/0000-0002-6365-4138
ResearcherID A-6088-2016
доктор филологических наук, доцент
кафедра издательского дела
superbia@mail.ru

Воронежский
государственный университет
(Воронеж, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 19-18-00205

About One Cinema Ekphrasis of Sh. Abdullaev

Alexander A. Zhitenev
orcid.org/0000-0002-6365-4138
ResearcherID A-6088-2016
Doctor of Philology, Associate Professor,
Department of Publishing
superbia@mail.ru

Voronezh State University
(Voronezh, Russia)

Acknowledgments:
The reported study was funded
by Russian Science Foundation,
project No. 19-18-00205

© Житенев А. А., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье представлены результаты исследования жанровой формы экфрасиса в контексте «визуального поворота» в 1990—2000-х годов. В статье рассматривается частный случай — стихотворение Шамшада Абдуллаева «Два фильма», в котором объединены впечатления от двух фильмов испанского режиссера Хосе Луиса Герина «En la ciudad de Sylvia» (2007) и «Tren de sombras» (1997). Установлено, что этот текст является одновременно и нарративом о рецепции, и опытом «поэтологического» высказывания, в котором поэт говорит о своем понимании сути искусства, природы творческого акта, связей поэзии и визуальной образности. Это «сложный экфрасис», предполагающий выстраивание мотивов и сюжетов разных произведений в единый смысловой ряд. Экфрастическое описание включает в себя как воспроизведение сюжетно значимых сцен, так и особенностей киноязыка. Доказано, что рецепция кино оказывается опосредована другими художественными кодами (фотография, литература), осложнена рефлексией над языком философии и эстетики («mono no aware», «nunc stans»). Семиотика визуального, тем самым, возникает на пересечении разных культурных кодов и контекстов.

Ключевые слова:

современная поэзия; экфрасис; рецепция кино; интермедialность; поэтология; textimage.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The results of the study of the genre form of ekphrasis in the context of the “visual turn” in the 1990—2000s are presented in the article. A particular case — Shamshad Abdullaev’s poem “Two Films”, which combines the impressions of two films by Spanish director Jose Luis Guerin “En la ciudad de Sylvia” (2007) and “Tren de sombras” (1997) are examined in the article. It has been established that this text is both a narrative about reception and an experience of “poetological” utterance, in which the poet speaks about his understanding of the essence of art, the nature of the creative act, connections between poetry and visual imagery. This is a “complex ekphrasis”, involving the alignment of motives and plots of different works in a single semantic series. Ekphrastic description includes both the reproduction of plot-significant scenes and the peculiarities of the film language. It is proved that the reception of cinema is mediated by other artistic codes (photography, literature), complicated by reflection on the language of philosophy and aesthetics (“mono no aware”, “nunc stans”). The semiotics of the visual, therefore, arises at the intersection of different cultural codes and contexts.

Key words:

contemporary poetry, ekphrasis, cinema reception, intermediality, poetology, textimage.

Об одном киноэкфраcисе Ш. Абдуллаева

© Житенев А. А., 2021

1. Экфраcис в контексте «визуального поворота», современная поэзия как феноменология

В современных исследованиях визуальности одной из самых важных парадигм оказывается феноменологическая, в которой главной идеей является «идея взаимосвязи, интерференции смыслового и материального в визуальном образе», в силу которой «человек не только расшифровывает некоторое закодированное содержание, а попадает под власть образа» [Пирогов, 2013, с. 128]. Природа этой интерференции оказывается предметом дискуссий, но сам подход к образу как структуре, в которой «вещи делаются вещами, а мир — миром» [Мерло-Понти, 1992, с. 43], остается неизменным.

«Власть образа» в этом контексте обычно связывается с «производством присутствия как системообразующего отношения человека и мира» [Реутов, 2018, с. 19], с проявлением в зримом — незримого; для феноменологического подхода характерна «десемиотизация изображения — возвращение его в лоно исходной неразличимости, когда нет ни субъекта, ни сцены представления, которой он привык распоряжаться» [Петровская, 2010, с. 8].

Эта система установок с очевидными оговорками может быть соотнесена с некоторыми формами рефлексии над природой образа в современной поэзии, где с исчерпанием концептуализма оказались поставлены под вопрос не только представления о «пустотности любого языка» [Кузьмин, 2001, с. 462], но и мысль о том, что любой образ — это знак, и логика его функционирования исчерпывается принципом репрезентации.

Целый ряд поэтических практик, возникших независимо друг от друга в 1980-е годы и получивших широкое признание уже в 1990-е и 2000-е (А. Драгомощенко, А. Парщикова, О. Седаковой и др.), был ориентирован именно на «десемиотизацию изображения». Неудивительно, что в поэтологических работах последнего времени все настойчивее звучит мысль о перспективности прочтения современной поэзии сквозь призму феноменологии: «Иногда поэты самостоятельно, вероятно, на фоне подспудных множественных влияний классической немецкой и французской феноменологии на культуру XX века, делают нечто удивительно похожее — практикуют в стихах “дескриптивную эйдетику” феноменов, обращают свое внимание на конститутивную активность сознания, осуществляют экзистенциальную аналитику» [Лехциер, 2020, с. 98].

Этот тезис кажется особенно продуктивным при анализе поэтической практики Ферганской поэтической школы, и, в частности, — Шамшада Абдуллаева (р. 1957), который в «инновативном» литературном сегменте рассматривается как классическая фигура неомодернизма 1970—1980-х годов, что подтверждается и присуждением его последней книге «Другой Юг» (2020) премии «НОС», и обсуждением этого события в критике [Гендлина, 2020; Ванян, 2020].

Цель этой статьи — систематизировать существующие представления о роли визуального в поэтике Абдуллаева; исследовать интермедийальные контексты одного репрезентативного текста-экфрасиса, обобщить принципы конструирования образа в его поэзии.

Решение разных задач предполагает использование комплексной методологии: использование подходов «истории идей» при анализе оценок творчества Абдуллаева в контексте эпохи, элементов феноменологического анализа текста при разборе образно-ассоциативного строя стихотворения; установок интермедийального анализа при комментировании контекстов экфрасиса.

2. Традиция изучения Ферганской школы и варианты осмысления литературной кинематографичности

К настоящему времени сложилась традиция интерпретации практики Ферганской школы и Ш. Абдуллаева в контексте идей постколониализма и постэкзотизма. Пребывание субъекта на пересечении разных границ определяет его тяготение к трансгрессивным жестам. Констатируя связь Абдуллаева с «эстетикой второстепенных деталей», А. Чанцев отмечает, что «изменение “настроек”, трансгрессивность, — одно из важных свойств абдуллаевской работы со словом» [Чанцев, 2013, с. 551].

«Обреченность» смысла в работах об Абдуллаеве связывается с представлениями об «интенсивности» и «замедленности» текста. «Интенсивность» означает, что «текст не замкнут, в него можно войти — и также покинуть его — в любом месте» [Уланов, 2001]. «Медленность» указывает на проблематичность рецепции, на «невозможность присвоить текст актом понимания» [Зацепин, 2008].

«Рефлексирующая остановка» предполагает «сочетание внимания к мельчайшей детали с бесконечностью перспективы взгляда» [Заломкина, 2006, с. 372]. В этой связи и «медленность», и «интенсивность», как правило, раскрываются через визуальность. Как отмечает А. Аствацатуров, «поэт для Шамшада Абдуллаева — это, прежде всего, субъект-зритель, правильно настроивший свои оптические приборы» [Аствацатуров, 2003, с. 136].

Интенсификация зрения, как правило, трактуется как обратная сторона «замедления» текста, расщепления его референциальных связей. Рассуждая о поэзии Абдуллаева, А. Скидан замечает: «Поэт — всегда и всюду чужак, чужестранец, ибо обращен к ирреальному, к изнанке языка и вещей. В данном случае иное языка — это видение, “тупое” зрение, порывающее с “империей знаков” и опирающееся лишь на чувственную достоверность» [Скидан, 2003, с. 9]. Стремление к нюансированию этой достоверности определяет высокую роль визуальных искусств: «У Абдуллаева очень много обращений к кино и фотографии, где предметы говорят своим присутствием. Поставить кадр или снимок между собой и событием — значит придать событию форму» [Уланов, 2013, с. 7].

Соглашаясь в том, что Абдуллаев противопоставляет «зрение умозрению, глаз — сознанию, внешнюю форму — концепции» [Аствацатуров, 2003, с. 136], исследователи по-разному объясняют опосредование текста отсылками к опыту визуальных искусств и высокую частотность экфразистических стихотворений. Несхожими оказываются и версии «литературной кинематографичности», самого частого примера интермедийности у Абдуллаева.

Во-первых, не вполне ясно, следует ли трактовать эту кинематографичность как стремление к первозданной реальности или, напротив, к демонстрации условности видения. Для А. Скидана очевидно, что кино у Абдуллаева «позволяет увидеть, что падает “реальная чашка”, а не ее знак», и главный его эффект — это «эффект подлинности» [Скидан, 2003, с. 14]. А Чанцев, указывая, что у Абдуллаева любое описание может быть аранжировано с помощью кинометафор, напротив, говорит о «буквальной кинематографичности» этой поэзии: «Здесь не только зашифрованы кадры снятых и привидевшихся рассказчику фильмов, но зрение столь пристально, внимательно, что оно буквально одухотворяет детали “материального” мира» [Чанцев, 2013, с. 551].

Во-вторых, дискуссионным оказывается вопрос об индивидуальном или коллективном характере «фильмического» опыта. К. Корчагин, утверждая, что у Абдуллаева «кино выступает <...> медиатором, при помощи которого наблюдаемый мир <...> преобразовывается в текст» [Корчагин, 2014, с. 185], склонен думать, что «кинематографический образ выполняет роль коллективной галлюцинации» [Корчагин, 2015, с. 174]. Для А. Уланова, напротив, очевидно, что в способе смотреть проявляется персональность, а «сплавленность памяти, наблюдения и размышления» характеризует опыт субъекта [Уланов, 2013, с. 7—8].

В-третьих, сама кинематографичность рассматривается то как система литературных приемов, то как система указаний, уводящих за текст.

Г. Заломкина убеждена в оправданности первого подхода: «Кинематограф работает в текстах Шамшада Абдуллаева как тип эстетического дискурса, дающий ощущение объемности, которое оформляет главное стремление автора — подойти к переживанию окружающего мира в его зримой бытийности» [Заломкина, 2013, с. 98]. Для О. Аронсона, напротив, киноаллюзия — способ выявить гетерогенность текста: «Литературные, живописные и кинематографические коды — уже не ассоциации <...> “окультуривающие” пространство стихотворения, но именно эквиваленты текста, предполагающие вторжение инородных, неконтролируемых образов» [Аронсон, 2007, с. 237].

Такой «конфликт интерпретаций», как представляется, порожден не только сложностью объекта, но и тем, что существующие концепции предшествуют анализу феномена, который они призваны объяснить. Стоит заново обратиться к текстам, к практике непредвзятого чтения.

3. Стихотворение «Два фильма» Ш. Абдуллаева: интертекстуальные и интермедialные контексты

Стихотворение «Два фильма» [Абдуллаев, 2013, с. 23—24] из книги «Перед местностью» (2017) является, возможно, одним из самых показательных текстов-экфрасисов Ш. Абдуллаева — и синтетичностью описания, и разомкнутостью в литературно-философские контексты, и включенностью в поиск собственной культурной идентичности. Предметом описания и поэтологического комментирования здесь являются фильмы каталонского режиссера Хосе Луиса Герина «Поезд теней» (1997) и «Город Сильвии» (2007).

Их соотнесение подсказано общностью темы разрушенной или обманывающей памяти, которая тем необратимей отдаляет от прошлого, чем сильнее потребность в связи с ним. В обоих фильмах эта связь «медialно» опосредована: в «Городе Сильвии» герой — художник, заполняющий скетчбук портретами, в «Поезде теней» — кинолюбитель, неутомимо снимающий жизнь своей семьи. Очевидное различие: в «Поезде» речь идет о реконструкции чужого прошлого, а в «Городе» — об оживлении собственного — снимается тем, что в центре внимания поэта оказывается не субъектность, а медialная поверхность, разделяющая времена и миры — то, что устанавливает границы: «зернистая мембрана в царапинах» и стекло, «звякающие накаты зеркального трамвая».

Собственно, экфрасистические сегменты, посвященные фильмам, выстраиваются в стихотворении по-разному, неодинаковы и связанные с ними направления авторской рефлексии.

Фрагмент, посвященный «Городу Сильвии», выстроен вокруг сюжетной кульминации: безымянный мечтатель, вернувшийся в город, чтобы

шесть лет спустя найти девушку, оказывается обманутым памятью: незнакомка, которую он преследовал, — это не Сильвия. Свое открытие он переживает как катастрофу. Объяснение происходит в трамвае, и именно этот фрагмент и вынесен в текст: «(они смотрят друг на друга он и она / мимо звякающих накатов зеркального трамвая / хлестающего полминуты двух незнакомцев / ключьями их же силуэтов)».

В визуальном решении фильма оказывается подмечена не только «отзеркаленность» и «отчужденность» персонажей — она повторится и в эпизоде около консерватории, где они встретятся, — но и характерная для фильма атмосфера ожидания: «Каждое движение, каждый жест (будь то опадающая листва или лицо юной девушки) здесь заслуживают своего особого взгляда», и любая из девушек, которых рисует на улице художник, как отмечает киновед С. Битюцкий, «способна стать героиней» [Битюцкий, 2010].

Важно для Абдуллаева и другое: множественность жизненных маршрутов, которые пересекают в своем пути через город персонажи. Эта деталь не случайна и отвечает режиссерскому намерению превратить «путешествие» в «метод», инструмент изучения повседневности: «Изначально у меня была ясная идея о фильме интимном, история которого полностью развивается в публичном пространстве, где эта самая публика должна проявляться почти как хореография ритмов, входов и выходов, которые попадают в кадр и показываются поочередно с разных точек зрения. Так появляется трамвай, который пересекается с маршрутом велосипедиста, который, в свою очередь, пересекается с девушкой, выгуливающей собаку...» [Герин, 2011].

В эту «хореографию», что для Абдуллаева важно, режиссер вписал и самого себя как cameo: «“в городе сильвии” / в другой его находке в конце фильма сам / Хосе Луис Герин проехал в белой кепке». Он не соглядатай и не герой — просто посторонний, который неотличим от других персонажей фона. Незаметность оказывается для лирического субъекта основанием для соотнесения себя с этим cameo, и вот уже Герин проезжает не по Страсбургу, а по Фергане: «даже в твоей некогда патриархальной глуши / где-нибудь за базарной площадью за / высохшим озером где-нибудь между наврузом и жатвой / “в городе сильвии”».

«Поезд теней» отражается в стихотворении по-другому. Здесь тоже две точки отсчета, но одна из них сюжетная, а другая медиальная. С одной стороны, поэт отмечает контраст атмосферы усадебного запустения и деловитости провинциального города: «(здесь запах мазута / под солнцем / удваивает блеск железнодорожных рельсов)». Узкоколейка в фильме заросла травой, и «блеск рельсов» ничем не усилить, а вот «мазута» достаточно и в городских сценах, и в сценах речного порта.

С другой стороны, Абдуллаев акцентирует износ пленки, из обрывков которой смонтирована семейная хроника, и именно ее физические качества делает точкой отсчета в рефлексии над фильмом как стилизаторским опытом: «В его “поезде теней” <...> зернистая мембрана в царапинах / то есть черствый — под выцветшую ленту / к примеру Жана Эпштейна — / пленочный полоз кажется / получил право на / смутное припоминание вещего ветшания вещей».

Герин в самом деле использует широкой спектр приемов «порчи» изображения, превращения его в визуальный шум, что объясняется в начальных титрах и скверными условиями хранения старых записей, сделанных персонажем ленты, господином Флери, и отсылкой к раннему кино как таковому. Для поэта этот ход вполне вятен, и именно поэтому здесь появляется имя режиссера Жана Эпштейна (1897—1953) — теоретика и практика «фотогении».

Намерение проникнуть в чужую жизнь через склеенный из фрагментов документ вызывает ассоциацию с другим французским летописцем обыденности — фотографом Эженом Атже (1857—1927): «твой зритель — тот что хочет после Атже / преуспеть в пристальности тщась / немедленно на цыпочках заглянуть / за барьер нехватки». Упоминание о «пристальности» в контексте размышлений над «вещим ветшанием вещей» вписывает это имя в контекст устоявшихся представлений об Атже как фотографе, «специализировавшемся на маргинальных красотах» и снимавшем «непарадный, траченный временем, уходящий Париж» [Сонтаг, 2013, с. 107—108]. В этой связи стоит упомянуть и В. Беньямина, отметившего в Атже то, что сам Абдуллаев подметил в Герине: «способность растворяться в своем ремесле, соединенную с величайшей точностью» [Беньямин, 2013, с. 18].

Ряд Эпштейн — Атже с их вниманием к эстетической выразительности, существующей вне стереотипных представлений об «открыточной» (Атже) или «живописной» (Эпштейн) красоте, обуславливает появление важного фрагмента, в котором оказываются сопряжены как близкие, но несхожие категории, связанные с интерпретацией времени, — западная и восточная: «всегда прежняя нынешность моно-/ но-аварэ нет Nunc stans / где по слухам последние станут / первыми наоборот / ни первых ни последних не будет».

Евангельская формула о первых и последних (Мф. 19:30) в контексте стихотворения прочитывается как указание на уже состоявшийся Апокалипсис. История принесла с собой не справедливость («по слухам последние станут первыми»), а уравнение всех в небытии («наоборот ни первых ни последних не будет»). Исходя из этого «постисторического» знания и оцениваются в стихотворении художественные эксперименты с отражением текущего настоящего, и характерно, что «моно-но аварэ» уступает здесь «nunc stans».

«Моно-но аварэ», как известно, — категория японской эстетики, выражавшая целый комплекс представлений. Как указывала Т. Григорьева, с ней было связано и переживание приобщения к тайне вещей, и ощущение единства истины и красоты, и понимание взаимосвязей отдельного и общего: «В период Хэйан аварэ стали понимать как гармонию мира. <...> Моно — все то, что может вызвать аварэ, — чувство взволнованности, завороченности красотой, но с оттенком беспричинной грусти. <...> Моно-но аварэ предполагает однобытие с объектом, переживание своего единства с ним» [Григорьева, 1979, с. 126].

«Nunc stans», «вечное теперь», — это «формула для вечности», исторически восходящая к Платону и в средневековой системе представлений обозначавшая бытие Бога [Schnart, 2017]. Соотнесение в тексте «nunc stans» с апокалиптическим пророчеством делает этот смысл вполне актуальным. Однако соположение «nunc stans» с «субъективным» «моно-но аварэ» в то же время предполагает и вполне современный, связанный с Шопенгауэром, Ницше и Хайдеггером контекст использования этого термина. В рассуждениях Х. Арендт эта формула соотносима с работой мышления: «Временное измерение nunc stans, переживаемое в деятельности мышления, собирает в своем присутствии вместе отсутствующие времена, “еще не” и “больше не”» [Арендт, 2014, с. 205].

Предпочтение западного «nunc stans» восточному «моно-но аварэ» в стихотворении может быть истолковано по-разному. Если принимать во внимание актуализацию термина в «философии воли» и последовавшей за ней традиции, то «nunc stans» — это управляемая «деятельность мышления», противопоставленная синкретичному «переживанию» «печальной красоты вещей». Если принимать во внимание буквальный смысл латинской формулы, «вечное теперь», то на этом фоне интерпретация «моно-но аварэ» как не вполне точного термина указывает на стремление художника уйти от преходящего к вечному.

Граница «еще-не» и «больше-не», маркируемая «nunc stans», соотнесена с искусством, в котором она и полагается, и преодолевается. В этой связи в стихотворении появляется большой фрагмент в скобках, который требует особого комментария. В нем поэт обращает внимание на то, что главные персонажи в обоих фильмах используют искусство для «документирования», причем для художника его скетчбук оказывается эквивалентен дневнику. Об этой весьма условной «дневниковости» искусства и том, что можно благодаря ей удержать, и идет речь.

Сближение зрелища и зрителя, намеченное в воображаемом появлении режиссера-велосипедиста в повседневности поэта-синефила, продолжено в обратимости позиций «он» и «ты», где «он» — это персонаж, а

«ты» — это и субститут для лирического «я», и обозначение всякого, кто ведет дневник: «никакого вопроса ведущего к дурной / бесконечности снова / снова снова сказывается только / неисчерпаемость безответного в котором / содержится пишет он в дневнике / ты пишешь в дневнике».

«Неисчерпаемость безответного» — это поставленный самой жизнью предел в желании знать истину вещей, а о том, почему такой предел возникает, говорит вспоминаемая в тексте формула У. Стивенса: «неисчерпаемость безответного в котором / содержится <...> онтологическая провокативность сущего сплошь / состоящего из несовершенства the / imperfect is our paradise». Это неслучайная для Ш. Абдуллаева цитата, к ее источнику, кроме этого текста, он возвращается еще как минимум дважды.

Первый раз — в опросе журнала «Воздух» о поэзии А. Драгомощенко, где формула Стивенса соотносится с «нормальностью» читательской обескураженности: «Многих раздражает, что Драгомощенко не предлагает им плоды их вышколенного ожидания. Ну и отлично. <...> Вдобавок, “несовершенство — наш рай” (Уоллес Стивенс), и лишь неполнотой длится верткая настоящесть» [Абдуллаев, 2011, с. 33]. Второй раз, без упоминания этой цитаты, о ее источнике заходит речь в эссе «Об одном стихотворении Уоллеса Стивенса».

Комментируя здесь «Стихотворения нашего климата», где как раз и появляется нужная формула, Абдуллаев видит в них целую поэтологическую программу. В ней важен отказ от любой «претензии», от предъявления сознательного намерения: «Нас интересует момент, когда текст <...> не заявляет о себе, но являет себя, предлагая и мир, и бесконечное поле названий. Вдобавок мы вынуждены помнить, что самое прекрасное стихотворение — то, которое, естественно, еще не появилось на свет» [Абдуллаев, 2000, с. 215]. Важно и другое: важен утвердительный смысл мимесиса, отсылающий к представлению об устойчивости мира: «Всегда приятно описать вещи, как они лежат, их непрерывную осязаемость <...>». Уоллес Стивенс добавляет к этой ситуации две-три легкие подробности — покой, бессилие, скромность, когда взор способен лишь утверждать: мир пока стоит, ну и чудесно» [Абдуллаев, 2000, с. 217]. Формула «the imperfect is our paradise» важна тем, что фиксирует хрупкий баланс, создаваемый «безразличием поэта к норме — с одной стороны, к хаосу — с другой» [Абдуллаев, 2000, с. 213].

«Нереальное, тонкое равновесие» стивенсовского стихотворения, его интерес к миру в его «непрерывной осязаемости» после исторической катастрофы позволяет объяснить еще одну сентенцию из текста Абдуллаева: «теперь пение аполлона пронзительней вопля марсия». «Пронзительней» — поскольку предполагает большую глубину постижения, по-

сколько позволяет говорить о «несовершенстве» как формообразующем принципе.

Сталкиваясь с реальностью, художники в фильмах Герина оказываются проигравшими, их истории не завершены. В «Городе Сильвии» герой вынужден прекратить поиски, понимая, что никогда уже не найдет то, что искал. В «Поезде теней» герой умирает, не успевая закончить работу над фильмом, и он оказывается смонтирован — возможно, неверно — после его смерти. «Неисчерпаемость безответного» и «провокативность сущего» в этих историях очевидным образом соотносены.

Эта «неисчерпаемость» переосмыслена Абдуллаевым не как случайный изъян, а как художественная программа: «нужен ли тут ответ / как идеологема и гонец / романтической поэтики лишь / начисто небывшее никогда — / не иссякнет лишь оно / не промажет своей / непоправимостью попадет в цель». Сведение концов с концами, проговоренность смысла — то, чего следует бежать. Жизнь шире обретенной формы, и несовершенство — отсылка к полноте этой жизни.

Киновед С. Битюцкий, комментируя финал фильма «Город Сильвии», отмечает, что фильм не заканчивается сразу, как только герой окончательно пропадает из кадра: «Камера остается на одной из центральных улиц — “случайно” позабытая, оставленная здесь как бы ненароком, она продолжает снимать то, что и должна — саму жизнь» [Битюцкий, 2010]. Именно эта продленность кинематографического бытия за пределы сюжета и выражает «неиссякаемость» мира. Знаком этой «неиссякаемости» в тексте оказывается все тот же эпизод с режиссером в «белой кепке»: «на велике снизу вверх и вправо вдоль экранного края». Отсылкой к этому размыканию кино в жизнь стихотворение завершается.

4. Заключение

Обобщим наблюдения, соотнеся их с обозначенной в начале статьи тройственной целью.

Во-первых, характеризуя структуру экфрастического текста, можно констатировать, что это «сложный экфрасис» [Марков, 2019]: рецепция кино у Ш. Абдуллаева оказывается опосредована другими художественными кодами (фотография, литература), осложнена рефлексией над языком философии и эстетики («моно-но аварэ», «nunc stans»).

Во-вторых, обобщая принципы интерпретации образа, скрытые в комментировании киносюжетов, можно отметить, что для поэта визуальное ценно как пример естественного «несовершенства» высказывания, в котором стремление к ясности понимания всегда останется неудовлетворенным. Визуальный образ противопоставлен четкой артикуляции идеи

и определенности авторской оценки. Комментируя фильмы, поэт подчеркивает вариативность их сюжетов, множественность прочтений эпизодов, «открытость» финалов, появление автора как персонажа-камео.

В-третьих, комментируя представления о роли визуального в поэтике Ш. Абдуллаева, следует уточнить традицию интерпретации его стихотворений как текстов, предполагающих «замедленность» рецепции и «разрыв с империей знаков». В тексте парадоксальным образом уравниваются сиюминутность («моно-но аварэ») и вечность («nunc stans»), «неудача» и «совершенство», разрушение медиа и вовлечение зрителя в сообщение, которое оно передает. Визуальное приобретает значение опыта-«путешествия», который кажется уместным сопоставить с практикой феноменологической редукции, когда в центр вынесено осмысление восприятия как такового.

Этот набор установок репрезентативен не только для поэзии Ш. Абдуллаева, но и, учитывая его положение классика поэтического неомодернизма, для актуальной русскоязычной поэзии в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абдуллаев Ш.* Двойной полдень : Рассказы, эссе / Ш. Абдуллаев. — Санкт-Петербург : Борей-Арт, 2000. — 245 с. — ISBN 5-7187-0278-0.
2. *Абдуллаев Ш.* Отзыв о Драгомощенко / Ш. Абдуллаев // Воздух. — 2011. — № 2—3. — С. 33.
3. *Абдуллаев Ш.* Перед местностью : Книга стихов / Ш. Абдуллаев. — Москва : Книжное обозрение (АРГО-РИСК), 2017. — 108 с. — ISBN 978-5-86856-299-0.
4. *Арендт Х.* Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли / Х. Арендт. — Москва : Издательство Института Гайдара, 2014. — 416 с. — ISBN 978-5-93255-385-5.
5. *Аронсон О.* Поэтический императив. О поэзии Шамшад Абдуллаева / О. Аронсон // Аронсон О. Коммуникативный образ. Кино. Литература. Философия. — Москва : Новое литературное обозрение, 2007. — С. 231—240. — ISBN 5-86793-539-6.
6. *Аствацатуров А.* Метафизика предместья / А. Аствацатуров // Новое литературное обозрение. — 2003. — № 62. — С. 132—139.
7. *Беньямин В.* Краткая история фотографии / В. Беньямин. — Москва : Ад Маргинем, 2013. — 143 с. — ISBN 978-5-91103-369-9.
8. *Битюцкий С.* В городе Сильвии [Электронный ресурс] / С. Битюцкий // Cineticle. — 2010. — Выпуск 4. — Режим доступа : <http://cineticle.com/text/217-en-la-ciudad-de-sylvia-.html> (дата обращения 21.06.2021).
9. *Ванян А.* «Остаться всего лишь зрителем» : рассказы Шамшад Абдуллаева. Рецензия на книгу «Другой юг» [Электронный ресурс] / А. Ванян. — Режим доступа : <https://gorky.media/reviews/ostatsya-vsego-lish-zritelem-rasskazy-shamshada-abdullaeva/> (дата обращения 28.06.2021).
10. *Гендлина В.* Усилие длительности. «Другой юг» Шамшад Абдуллаева получил премию «Волга/Нос» [Электронный ресурс] / В. Гендлина. — Режим доступа : <https://www.colta.ru/articles/literature/26579-viktoriya-gendlina-drugoy-yug-shamshad-abdullaev-premiya-volga-nos> (дата обращения 13.07.2021).

11. Герин Х. Л. Взгляд путешественника [Электронный ресурс] / Х. Л. Герин // Cineticle. — 2011. — Выпуск 5. — Режим доступа : <http://cineticle.com/interviews/463-guerin-interview.html> (дата обращения 12.01.2021).
12. Григорьева Т. П. Японская художественная традиция / Т. П. Григорьева. — Москва : Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1979. — 368 с.
13. Заломкина Г. Кинематограф как способ смотреть/видеть в текстах Ш. Абдуллаева / Г. Заломкина // Литература — театр — кино : проблемы рецепции и интерпретации. — Самара : Инсома-пресс, 2013. — С. 93—100.
14. Заломкина Г. Подходы к пониманию медленного письма. Поэтика зазора в текстах Ш. Абдуллаева, А. Драгомощенко, А. Уланова / Г. Заломкина // Поэтика рамы и порога : Функциональные формы границы в художественных языках. — Самара : Самарский университет, 2006. — С. 369—380.
15. Зацепин К. Письмо-лабиринт : траектории чтения. «Поэзия и местность» Ш Абдуллаева [Электронный ресурс] / К. Зацепин // Textonly. — 2008. — № 27 (3). — Режим доступа : <http://textonly.ru/case/?issue=27&article=27969> (дата обращения 21.07.2021).
16. Корчагин К. «Идентичности нет». Поэты постсоветского пространства на перекрестке культур и языков / К. Корчагин // Новый мир. — 2015. — № 11. — С. 163—176.
17. Корчагин К. Пространство и время ферганского фильма / К. Корчагин // Новый мир. — 2014. — № 5. — С. 184—189.
18. Кузьмин Д. Постконцептуализм : как бы наброски к монографии / Д. Кузьмин // Новое литературное обозрение. — 2001. — № 50. — С. 459—476.
19. Лехциер В. Поэзия и ее иное : философские и литературно-критические тексты / В. Лехциер. — Екатеринбург — Москва : Кабинетный ученый, 2020. — 190 с. — ISBN 978-5-7584-0456-0.
20. Марков А. Сложный экфрасис в русской поэзии : основы теории и один пример / А. Марков // Вестник Костромского государственного университета. — 2019. — № 2. — С. 91—97. — DOI: 10.34216/1998-0817-2019-25-2-91-97.
21. Мерло-Понти М. Око и дух / М. Мерло-Понти. — Москва : Искусство, 1992. — 64 с. — ISBN 5-210-02206-4.
22. Петровская Е. В. Теория образа / Е. В. Петровская. — Москва : РГГУ, 2010. — 281 с. — ISBN 978-5-7281-1173-3.
23. Пирогов С. В. Горизонты исследований визуального / С. В. Пирогов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. — 2013. — № 4 (24). — С. 124—131.
24. Реутов А. С. Визуальные исследования современной культуры : феноменологический аспект : диссертация ... кандидата философских наук : 09.00.13 / А. С. Реутов. — Нижний Новгород, 2018. — 154 с.
25. Скидан А. Житель окраины / А. Скидан // Абдуллаев Ш. Неподвижная поверхность. — Москва : Новое литературное обозрение, 2003. — С. 5—15.
26. Сонтаг С. О фотографии / С. Сонтаг. — Москва : Ад Маргинем Пресс, 2013. — 268 с. — ISBN 978-5-91103-303-3.
27. Уланов А. Личная буква «у» в слове «вечер». Проза, которая глядится в необязательные события [Электронный ресурс] / А. Уланов // НГ ExLibris. — 2001. — 19 июля. — Режим доступа : https://www.ng.ru/kafedra/2001-07-19/3_litera.html (дата обращения 26.07.2021).

28. Уланов А. Неуместное в месте / А. Уланов // Абдуллаев Ш. Приближение окраин. Стихи. Эссе. — Москва : Новое литературное обозрение, 2013. — С. 5—10. — ISBN 978-5-4448-0082-9.

29. Чанцев А. Литургия сонных трав / А. Чанцев // Русская проза. Выпуск В. — Санкт-Петербург : ИНАПРЕСС, 2013. — С. 550—552.

30. Schnarr H. Nunc stans [Electronic resource] / H. Schnarr // Historisches Wörterbuch der Philosophie online. — Basel : Schwabe Verlag, 2017. — Access mode : https://www.schwabeonline.ch/schwabe-xaveropp/elibrary/start.xav?start=%2F%2F*%5B%40attr_id%3D%27verw.nunc.stans%27%5D (accessed 21.08.2021).

REFERENCES

- Abdullaev, Sh. (2000). *Double Noon: Stories, essays*. St. Petersburg: Borey-Art. 245 p. ISBN 5-7187-0278-0. (In Russ.).
- Abdullaev, Sh. (2011). Review of Dragomoshchenko. *Air*, 2—3: 33. (In Russ.).
- Abdullaev, Sh. (2017). *Before the terrain: A book of poems*. Moscow: Book Review (ARGO-RISK). 108 p. ISBN 978-5-86856-299-0. (In Russ.).
- Arendt, H. (2014). *Between the past and the future. Eight exercises in political thought*. Moscow: Gaidar Institute Publishing House. 416 p. ISBN 978-5-93255-385-5. (In Russ.).
- Aronson, O. (2007). Poetic imperative. About the poetry of Shamshad Abdullayev. In: *Communicative image. Movie. Literature. Philosophy*. Moscow: New Literary Review. 231—240. ISBN 5-86793-539-6. (In Russ.).
- Astvatsaturov, A. (2003). Metaphysics of the suburbs. *New Literary Review*, 62: 132—139. (In Russ.).
- Benjamin, V. (2013). *A brief history of photography*. Moscow: Ad Marginem. 143 p. ISBN 978-5-91103-369-9. (In Russ.).
- Bityutsky, S. (2010). In the city of Sylvia. *Cineticle*, 4. Available at: <http://cineticle.com/text/217-en-la-ciudad-de-sylvia-.html> (accessed 21.06.2021). (In Russ.).
- Gendlina, V. *Duration effort. "The Other South" by Shamshad Abdullayev received the "Volga Prize/Nose"*. Available at: <https://www.colta.ru/articles/literature/26579-viktoriya-gendlina-drugoy-yug-shamshad-abdullaev-premiya-volga-nos> (accessed 13.07.2021). (In Russ.).
- Chantsev, A. (2013). The Liturgy of sleeping herbs. In: *Russian prose, V*. St. Petersburg: INAPRESS. 550—552. (In Russ.).
- Grigorieva, T. P. (1979). *Japanese art tradition*. Moscow: The main editorial office of Oriental literature of the publishing house "Nauka". 368 p. (In Russ.).
- Guerin, H. L. (2011). Traveler's View. In: *Cineticle*, 5: Available at: <http://cineticle.com/interviews/463-guerin-interview.html> (accessed 12.01.2021). (In Russ.).
- Korchagin, K. (2014). Space and time of the Ferghana film. *Novy Mir*, 5: 184—189. (In Russ.).
- Korchagin, K. (2015). "There is no identity". Poets of the post-Soviet space at the crossroads of cultures and languages. *Novy Mir*, 11: 163—176. (In Russ.).
- Kuzmin, D. (2001). Postconceptualism: as if sketches for a monograph. *New Literary Review*, 50: 459—476. (In Russ.).
- Lekhtsier, V. (2020). *Poetry and its other: philosophical and literary-critical texts*. Yekaterinburg — Moscow: Cabinet Scientist. 190 p. ISBN 978-5-7584-0456-0. (In Russ.).
- Markov, A. (2019). Complex ecphrasis in Russian poetry: fundamentals of theory and one example. *Bulletin of Kostroma State University*, 2: 91—97. DOI: 10.34216/1998-0817-2019-25-2-91-97. (In Russ.).

- Merlot-Ponty, M. (1992). *The Eye and the spirit*. Moscow: Iskusstvo. 64 p. ISBN 5-210-02206-4. (In Russ.).
- Petrovskaya, E. V. (2010). *Image theory*. Moscow: RSUH. 281 p. ISBN 978-5-7281-1173-3. (In Russ.).
- Pirogov, S. V. (2013). Horizons of visual research. *Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science*, 4 (24): 124—131. (In Russ.).
- Reutov, A. S. (2018). *Visual studies of modern culture: phenomenological aspect*. PhD Diss. Nizhny Novgorod. 154 p. (In Russ.).
- Schnarr, H. (2017). Nunc stans. In: *Historisches Wörterbuch der Philosophie online*. Basel: Schwabe Verlag. Available at: https://www.schwabeonline.ch/schwabe-xaveropp/elibrary/start.xav?start=%2F%2F*%5B%40attr_id%3D%27verw.nunc.stans%27%5D (accessed 21.08.2021). (In Germ.).
- Skidan, A. (2003). A resident of the outskirts. In: *Abdullaev Sh. A fixed surface*. Moscow: New Literary Review. 5—15. (In Russ.).
- Sontag, S. (2013). *About photography*. Moscow: Ad Marginem Press. 268 p. ISBN 978-5-91103-303-3. (In Russ.).
- Ulanov, A. (2001). Personal letter “u” in the word “evening”. Prose that looks into optional events. *NG ExLibris. July 19*. Available at: https://www.ng.ru/kafe-dra/2001-07-19/3_litera.html (accessed 26.07.2021). (In Russ.).
- Ulanov, A. (2013). Inappropriate in place. In: *Abdullaev Sh. The approach of the outskirts. Poems. Essay*. Moscow: New Literary Review. 5—10. ISBN 978-5-4448-0082-9. (In Russ.).
- Vanyan, A. “To remain just a spectator”: stories by Shamshad Abdullayev. Review of the book “The Other South”. Available at: <https://gorky.media/reviews/ostatsyavsego-lish-zritelem-rasskazy-shamshada-abdullaeva/> (accessed 28.06.2021). (In Russ.).
- Zalomkina, G. (2006). Approaches to understanding slow writing. Poetics of the gap in the texts of Sh. Abdullaev, A. Dragomoshchenko, A. Ulanova. In: *Poetics of the frame and threshold: Functional forms of the border in artistic languages*. Samara: Samara University. 369—380. (In Russ.).
- Zalomkina, G. (2013). Cinematography as a way to watch / see in the texts of Sh. Abdullaev. In: *Literature — theater — cinema: problems of reception and interpretation*. Samara: Insoma-press. 93—100. (In Russ.).
- Zatsepin, K. (2008). Labyrinth letter: reading trajectories. “Poetry and terrain” by Sh. Abdullayeva. *Textonly*, 27 (3). Available at: <http://textonly.ru/case/?issue=27&article=27969> (accessed 21.07.2021). (In Russ.).

Кихней Л. Г. Эпитафические посвящения Гумилеву собратьев по акмеистическому цеху : игра явных и тайных смыслов / Л. Г. Кихней, А. В. Ламзина // Научный диалог. — 2021. — № 12. — С. 256—271. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-256-271.

Kihney, L. G., Lamzina, A. V. (2021). Epitaph Dedication to Gumilyov by His Fellow Acmeists: a Play of Obvious and Secret Meanings. *Nauchnyi dialog*, 12: 256-271. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-256-271. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-256-271

Эпитафические посвящения Гумилеву собратьев по акмеистическому цеху: игра явных и тайных смыслов

Кихней Любовь Геннадьевна ¹

orcid.org/0000-0003-0342-7125

доктор филологических наук,

профессор

заведующий кафедрой истории

журналистики и литературы

lgkihney@yandex.ru

Ламзина Анна Владиславовна ²

orcid.org/0000-0001-6464-9675

кандидат филологических наук,

старший

преподаватель департамента

иностранных языков

alamzina@mail.ru

¹ Институт международного права
и экономики имени А. С. Грибоедова
(Москва, Россия)

² Московский физико-технический
институт (национальный
исследовательский университет)
(Долгопрудный, Россия)

Epitaph Dedication to Gumilyov by His Fellow Acmeists: a Play of Obvious and Secret Meanings

Lyubov G. Kihney ¹

orcid.org/0000-0003-0342-7125

Doctor of Philology, Professor,

Head of the Department of History

of Journalism and Literature

lgkihney@yandex.ru

Anna V. Lamzina ²

orcid.org/0000-0001-6464-9675

PhD in Philology, Senior Lecturer,

Department of Foreign Languages

alamzina@mail.ru

¹ A. S. Griboedov Institute
of International Law and Economics
(Moscow, Russia)

² Moscow Institute of Physics and
Technology (National Research
University)
(Dolgoprudny, Russia)

© Кихней Л. Г., Ламзина А. В., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье рассматривается вопрос о тайном поминовении Н. С. Гумилева его соратниками. Уделяется внимание роли рамочного текста — заголовков, посвящений, датировки стихотворений — в формировании криптотекста, сокрытия информации. Представлены результаты сопоставительного анализа текстов М. А. Зенкевича, В. И. Нарбута и С. М. Городецкого — так называемых «малых» акмеистов, которые имплицитно и эксплицитно отреагировали на смерть Н. С. Гумилева. Поднимается вопрос о противопоставлении скрытой эпитафии «для посвященных», представленной в цикле переводов из А. Шенье, выполненных М. А. Зенкевичем, и в неизданном сборнике В. И. Нарбута «Казненный Серафим», явной эпитафии-пасквилю, созданной С. М. Городецким. Новизна исследования видится в том, что рассматриваются средства создания «тайного некролога», дискурс которого был распространен во время политических репрессий и расстрелов. Актуальность исследования обусловлена рассмотрением стихотворений-некрологов в творчестве мало исследованных авторов-акмеистов. Авторы останавливаются на проанализированных ранее тайных поминовениях Н. С. Гумилева в стихах А. А. Ахматовой и О. Э. Мандельштама, которые по своему содержанию ближе к энigmatической тризне, тайному поминовению близких людей. Доказано, что Нарбут и Зенкевич создают криптонекролог, скрытую эпитафию, более близкую к жанру надгробной речи.

Ключевые слова:

Гумилев; Нарбут; Зенкевич; Городецкий; акмеизм; эпитафия; некролог; криптотекст; рама текста.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The issue of secret commemoration of N. S. Gumilyov by his associates is discussed in the article. Attention is paid to the role of the frame text — titles, dedications, dating of poems — in the formation of the crypto text, hiding information. The results of a comparative analysis of the texts by M.A. Zenkevich, V.I. Narbut and S.M. Gorodetsky — the so-called “small” acmeists, who implicitly and explicitly reacted to the death of N.S. Gumilyov. The question is raised about the opposition of the hidden epitaph “for the initiated”, presented in the cycle of translations from A. Chenier, performed by M.A. Zenkevich, and in the unpublished collection of V.I. Narbut “Executed Seraphim”, an explicit lampoon epitaph created by S.M. Gorodetsky. The novelty of the research is seen in the fact that the means of creating a “secret obituary”, the discourse of which was widespread during political repressions and executions is considered. The relevance of the study is due to the consideration of obituaries in the works of little-studied authors-acmeists. The authors dwell on the previously analyzed secret commemorations of N.S. Gumilyov in A.A. Akhmatova and O.E. Mandelstam, which in their content is closer to the enigmatic funeral, secret commemoration of loved ones. It is proved that Narbut and Zenkevich create a cryptonecrolgy, a hidden epitaph, closer to the genre of a funeral speech.

Key words:

Gumilev; Narbut; Zenkevich; Gorodetsky; acmeism; epitaph; obituary; cryptotext; text frame.

Эпитафические посвящения Гумилеву собратьев по акмеистическому цеху: игра явных и тайных смыслов

© Кихней Л. Г., Ламзина А. В., 2021

1. Введение

Расстрел Н. С. Гумилева в 1921 году произвел глубочайшее впечатление на его соратников. В силу обстоятельств смерти поэта открыто писать о его гибели было невозможно, и среди бывших участников «Цеха поэтов» возник концепт своеобразной «криптоэпитафии» — зашифрованного посвящения, которое, как правило, было достаточно прозрачным по смыслу для понимающей аудитории, но не содержало явных отсылок к опасной тематике. Сложившаяся ситуация усугублялась тем, что буквально за три недели до расстрела Гумилева умер Александр Блок, которому открыто посвящали эпитафии (ср. В. Нарбут «На смерть Александра Блока» [Нарбут, 1990, с. 226] и др.). Также многие авторы эксплицитно ставили рядом смерть Гумилева и Блока — например, М. Волошин написал стихотворение «На смерть Блока и Гумилева» [Волошин]. В журнале «Искусство», изданном в Баку в октябре 1921 года, был также опубликован совместный некролог двум поэтам С. Городецкого [Искусство ..., 1921]. В мемуарах В. Ф. Ходасевича «Некрополь» этим двум знаковым фигурам посвящена совместная глава «Гумилев и Блок», в самом начале которой автор привлекает внимание к тому факту, что эти поэты умерли фактически в течение одного месяца — августа 1921 года [Ходасевич, 2017, с. 115—137].

Фигура умолчания в отношении Гумилева порождала скрытый текст — его сподвижники-акмеисты, каждый по-своему, отразили в стихотворениях потрясшее их событие.

В качестве материала данного исследования рассматриваются стихотворения и сборники 1921—1922, созданные авторами, непосредственно общавшимися с Н. С. Гумилевым при жизни. Рама текста стихотворений и сборников и их непосредственное содержание служили своего рода потаенным паролем, опознавательным знаком для идентификации «своего». Имплиcitным, потаенным поминовением Н. С. Гумилева считаем следующие произведения: стихотворение О. Э. Мандельштама об Исаакиевском соборе, имеющее две редакции [Мандельштам, 1990, т. 1, с. 137], несколько стихотворений А. Ахматовой («Не бывать тебе в живых...» (1921), «Предсказание» (1922), «Новогодняя баллада» (1923), «Заклинание» (1936)) [Ахматова, 1998], стихотворения М. А. Зенкевича «Ямбы» (перевод из А. Ше-

ные), написанные в 1921 году [Зенкевич, 1994], сборник В. И. Нарбута «Казненный серафим», который был составлен автором в 1922 году [Нарбут, 1990]. Все эти произведения объединены тем, что в них нет открытого упоминания Н. С. Гумилева, однако присутствуют легко считываемые отсылки к его личности и обстоятельствам смерти.

В качестве референса привлекается также стихотворение С. М. Городецкого, эксплицитно названное «Николай Гумилев» [Городецкий]. Оно представляет собой антитезу произведениям других авторов: отмечая в заглавии имя адресата, Городецкий по содержанию дистанцируется от них, фактически создавая посмертный пасквиль.

Стихотворения А. А. Ахматовой и О. Э. Мандельштама посвящены личным обстоятельствам, связывающим авторов с фигурой Н. С. Гумилева, и использованные в них образы и скрытые отсылки подробно проанализированы в отечественной и зарубежной науке. Один из авторов этой статьи рассматривает эпитафические стихотворения Ахматовой и трансформацию в стихотворениях поэта фольклорного жанра «причитания» [Кихней, 2005], посвящения А. Ахматовой различным людям проанализированы также в статье Г. Михайловой [Михайлова, 2010]. Скрытый смысл произведения О. Э. Мандельштама об Исаакиевском соборе также проанализирован в исследовании одного из авторов данной статьи [Кихней, 2016], а две редакции этого произведения как поливариантный текст сопоставлены Б. А. Минц [Минц, 2013].

Учитывая выводы, полученные указанными исследователями, мы привлекаем для подробного анализа тексты «малых» акмеистов — Зенкевича, Нарбута, Городецкого, особенно интересные тем, что в них чрезвычайно функционально нагружены элементы рамы текста — заголовки, посвящения, названия сборников и разделов, наличие и отсутствие даты написания стихотворения. Рамочный текст позволяет направить мысли читателя, и в то же время он выступает как своего рода пароль для посвященных — и «отзывает» на этот пароль со стороны отмежевывающихся, несогласных.

2. Рама текста как скрытая мемориальная отсылка к казни Гумилева в переводах М. А. Зенкевича А. Шенье

Литературный отклик М. А. Зенкевича на смерть Н. С. Гумилева был в задуманном им переводе и не опубликованном посвящении — как указывает О. А. Лекманов, цитируя записи из архива семьи поэта, «в 1921—1922 годы Зенкевич напряженно работал над переводом стихов Андре Шенье о Великой французской революции. В сознании бывшего левого акмеиста эта работа увязывалась с желанием обозначить свое подлинное отношение к обстоятельствам, стоявшим за гибелью Николая Гумилёва» [Лекманов, 2006].

В письме М. Лозинскому 3 января 1922 года Зенкевич пишет об этих стихах: «Хотел бы их потом издать со статьей отдельной книжечкой и посвятить памяти Николая Степановича. Но сейчас это вряд ли возможно — но стихи живые и очень сильные, в них Шенье окончательно становится великим поэтом, близким, как Байрон, 19 веку» [Лекманов, 2006]. Посвящение опубликовано не было, замысел отдельной книги также не был реализован, однако большинству современников была ясна интенция этих стихов.

Прежде всего, Зенкевич обращается именно к переводу произведений, созданных А. Шенье в тюрьме, в преддверии казни. А. Д. Михайлов отмечает, что Шенье писал «Ямбы» практически «на пороге эшафота» [Михайлов, 1989], и эти стихотворения разительно отличаются от более ранней лирики поэта — они преисполнены нетерпимости, обличительного пафоса и адресуются конкретным политическим деятелям. Обстоятельства смерти Шенье не могут не вызывать в памяти обстоятельства смерти Гумилева — однако, в отличие от Шенье, Гумилев не имел возможности поделиться своими последними стихами с современниками. Как указывает Л. А. Озеров, Зенкевич обратился к тексту Шенье самостоятельно, это было порывом его души, а не заказом от издательства [Зенкевич, 1994]. М. А. Зенкевич переводит произведения не только из цикла «Ямбы», но и из цикла «Оды» (включенное в «Ямбы» Зенкевича стихотворение «Убийца прячется под фонарем в тумане» представляет собой перевод произведения Шенье “Un vulgaire assassin” [Шенье, 1889, с. 277], входящего в «Оды»), однако заглавие цикла указывает только на «Ямбы». Это отсылка к стихотворению Н. С. Гумилева «Пятистопные ямбы», которое, в свою очередь, посвящено еще одному поэту из круга акмеистов — М. Лозинскому — адресату письма М. А. Зенкевича.

Обстоятельства гибели Шенье интересны не только трагической гибелью поэта: он был казнен буквально за несколько дней до падения режима Робеспьера, то есть мог бы остаться в живых. Брат Шенье, Мари-Жозеф, горячо просил о его помиловании и старался максимально затянуть рассмотрение дела, однако не смог спасти поэта от гибели. Проводя параллель между Гумилевым и Шенье, Зенкевич, таким образом, намекает и на попытки добиться пересмотра приговора Гумилева. По воспоминаниям современников, Горький сокрушался, что ему не хватило времени спасти Гумилева [Замятин, 93]. Также в непроизнесенном посвящении содержится и другой важный намек: режим недолговечен, его падение — вопрос времени. Открыто высказать эту мысль поддерживающий революцию Зенкевич, конечно, не мог, ему оставалось оперировать скрытыми намеками.

Откликом на этот перевод и тайной поддержкой замысла Зенкевича звучат слова О. Э. Мандельштама, написанные им в 1922 году в статье «О природе слова»: «Акмеистический ветер перевернул страницы клас-

сиков и романтиков, и они раскрылись на том самом месте, какое всего нужнее было для эпохи. Расин раскрылся на “Федре”, Гофман на “Серапионовых братьях”. Раскрылись ямбы Шенье и гомеровская “Илиада”. Акмеизм не только литературное, но и общественное явление в русской истории. С ним вместе в русской поэзии возродилась нравственная сила» [Мандельштам, 1990, т. 2, с. 186]. Эпиграфом к этой статье выступают стихи Н. С. Гумилева «Слово» — в раме текста присутствует прямая связь с «раскрывшимися» в переводах Зенкевича «Ямбами» Шенье. Указанием на тот факт, что Мандельштам считал и расшифровал мысль Зенкевича, является высказанное им суждение, что именно «Ямбы» являются самыми нужными для эпохи и непосредственно связаны с раскрытием нравственной силы русской поэзии в акмеизме.

3. Сборник В. И. Нарбута «Казненный серафим» как тайная тризна по Н. С. Гумилеву: функции заголовочного комплекса

Более прозрачная отсылка к обстоятельствам смерти Н. С. Гумилева, возможно, ставшая причиной того, что сборник не был опубликован, представлена в рамочном тексте сборника В. И. Нарбута «Казненный Серафим». «Л. Чертков датирует ее 1922 г., Р. Нарбут — 1925-м, М. Зенкевич — 1928-м. Возможно, что эти три даты и не противоречат друг другу. Рукопись могла быть собрана в 1922 г., предложена издательству — в 1925, и т. к. не была издана, поэт мог продолжать работать над ней до 1928 г. И м. б., именно в этом году или позднее, но датированная 1928 г. она была передана им Мих. Зенкевичу» [Нарбут, 1990, с. 427].

Книга содержит разделы «На рассвете, праведником», «Казнь» и «После гибели», что явным образом отсылает к расстрелу Гумилева. В газете «Революционное дело» описывались обстоятельства расстрела участников так называемого «таганцевского заговора»: «Расстрел был произведен на одной из станций Ириновской железной дороги. Арестованных привезли на рассвете и заставили рыть яму» [Мазурик]. Исследователи творчества Нарбута Н. Бялосинская и Н. Панченко видят в таком построении сборника пророческое видение Нарбутом своей будущей судьбы: «Все, уже известные, элементы поэтики Нарбута, все извечные мотивы его поэзии налицо в этой книге, чуть ли не нарочито упрощенно выстроенной как бы в автобиографическом сюжете и четко поделенной на разделы: “На рассвете праведником”, “Казнь”, “После гибели”» [Нарбут, 1990, с. 37].

Нам представляется, что Нарбут, безусловно, говоря о судьбе множества расстрелянных в те годы людей и опасаясь, что такая же судьба уготована и ему самому, в первую очередь отсылал к обстоятельствам гибели Гумилева.

Диалог двух поэтов через раму текста прослеживался и ранее: так, в 1920 году В. И. Нарбут выпустил сборник «В огненных столбах», название которого перекликается с названием книги Н. С. Гумилева «Огненный столп»: «В. Нарбут вынул из ящика письменного стола и показал также книжку своих стихов под названием «В огненных столбах», изданную за год до гумилевской в Одессе Губиздатом. «Нам всем гореть огненными столпами, — сказал он мне. — Но какой ветер развеет наш пепел?» [Нарбут, 1994, с. 35].

В обоих случаях присутствует отсылка к библейскому образу огненного столпа, в образе которого являлся Бог. В «Казненном серафиме» Нарбут отсылает не только к библейскому серафиму, но и к образу серафима, явившегося пророку, из «Пророка» Пушкина. Также в этом образе для Нарбута много личного. Серафим, безусловно, связан с именем *Серафима* — так звали жену Нарбута, Серафиму Суок. Именно в 1922 году после периода трудных взаимоотношений Владимир Нарбут и Серафима Суок поженились.

В то же время серафим — это и божественный посланник, о котором писал не только Пушкин в «Пророке», но и Гумилев во «Фра Беато Анжелико»:

*И есть еще преданье: серафим
Слетал к нему, смеющийся и ясный,
И кисти брал и состязался с ним
В его искусстве дивном... но напрасно*
[Гумилев, 1988, с. 216]

Поэзия и живопись вызывали у Нарбута сильнейшую эмоциональную реакцию. Георгий Иванов в мемуарах «Петербургские зимы» упоминает о том, какие чувства у Нарбута вызывало восприятие живописи Рафаэля и стихотворений Пушкина: «Да, это — красота, это — искусство. Полчаса глядел, — а на всю жизнь хватит. На сто жизней!... Да, это искусство! Или еще Пушкин:

*На холмах Грузии лежит ночная мгла,
Шумит Арагва предо мною...*

Об этих стихах даже думать спокойно не могу, сейчас сердце колотиться начинает» [Иванов, 1989]. Образ серафима-посланника, дарующего истинный талант, возникает в стихотворениях сборника «Казненный Серафим», и в словах автора звучит сожаление, что он сам не способен ощутить и оценить явление этого серафима, ему остается лишь завидовать:

*Прыснул и волосы сдунул
Со лба моего на затылок:
Где уж тягаться с Фортуной,
С отчаянной сворой бутылок.
Тридцать четвертый, и можно
Мне быть бы профессором даже.
Вместо сего, лишь мороженое
Я кушаю в гуще сограждан
...
Кактусы, точно драгуны.
Стоят по обеим перилам...
Где уж тягаться с Фортуной,
И с этим... да вот... шестикрылым
(«Серафический») [Нарбут, 1990, с. 254]*

Стихотворение «Серафический» замыкает часть «Казнь» и непосредственно предшествует последней части сборника — «После гибели», в которую автором включено одно-единственное стихотворение «Встреча», под которым, одним из немногих в этом сборнике, автор ставит дату — 1921 год. В этих стихах говорится об уже посмертной встрече:

*За чайником в лиловых разводах
(фарфоровый Попов) помолчим,
О бывших венценосных погодах
взмурлычет паровой серафим
[Нарбут, 1990, с. 255].*

Серафимом, по нашей гипотезе, для Нарбута выступал Н. С. Гумилев, друг и учитель, «в колее» которого некоторое время следовал поэт. Нарбут был единственным из соратников Гумилева, кто, как и сам основатель акмеизма, предпринял путешествие в Африку — у Г. Иванова сохранилось воспоминание об импровизированном «экзамене», который по требованию публики устроил Нарбуту Гумилев. Итогом экзамена стало суждение: «Не врет, — хлопнул его по плечу Гумилев. — Был в Джибутти. Удостоверяю» [Иванов, 1989]. В романе В. Катаева «Алмазный мой венец», где Нарбут выведен под прозвищем «колченогий», сказано: «...он считался намного выше нас как поэт, над которым незримо витала зловещая тень Гумилева, некогда охотившегося вместе с колченогим в экваториальной Африке на львов и носорогов...» [Катаев, 1986, с. 58]. Это указывает на восприятие Нарбута литературной общественностью в связи с фигурой Гумилева, что

также не могло не способствовать однозначному прочтению названия книги «Казненный серафим».

Тексты стихотворений в этой книге изобилуют отсылками к позднему творчеству Н. С. Гумилева и к скрытому поминовению поэта М. А. Зенкевичем циклом «Ямбы». Так, в произведении «Отечество» Нарбут пишет:

*Вконец опротивели ямбы,
А ямами разве уйдешь?
И что — дифирамб? Я к херам бы
Хирама и хилый галдеж!*
[Нарбут 1990, с. 253].

В этом тексте в характерном для Нарбута эпатирующем каламбуре упоминаются и ямбы, и Хирам, к образу которого обращается Гумилев в своих «Пятистопных ямбах» в редакции 1913 года:

*Лишь изредка надменно и лукаво
Во мне кричит ветшающий Адам,
Но тот, кто видел лилию Хирама,
Тот не грустит по сказочным садам.*
[Гумилев, 1923, с. 52].

Яма, перекликающаяся в каламбуре Нарбута с ямбом, — ключевой образ другого позднего стихотворения Н. С. Гумилева, «Звездный ужас» («страх, петля и яма» [Гумилев, 1988, с. 342]). Также яма упоминается в стихотворении О. Э. Мандельштама как образ посмертного поминовения — в честь поэта названа «эта улица / Или, верней, эта яма» [Мандельштам, 1990, т. 1, с. 213].

В другом тексте из сборника «Казненный Серафим», «Плавание», присутствуют образы, отсылающие к «Заблудившемуся трамваю». Лирический герой «Плавания», как и герой «Заблудившегося трамвая», садится в мистическое «транспортное средство»:

*Поезда, трамваи, карусели,
Глазом обведенное ландо, —
Плавно вы вошли и плавно сели,
Тронулись, — седой и молодой*
[Нарбут 1990, с. 240].

В конце текста первая строфа повторяется со своеобразным ответом на гумилевское:

*Понял теперь я: наша свобода
Только оттуда бьющий свет...*
[Гумилев 1988, с. 332].

Нарбут учитывает это понимание, открывшееся его герою:

*Так, вошли жильцы и мягко сели
(Свет-то тот!), — седой и молодой...*
[Нарбут, 1990, с. 241].

При этом среди пассажиров мистического экипажа присутствует и сквозной герой сборника — серафим:

*А глазетовый, в рессорах хлябкий,
Экипаж лишь спицами спешит,
И под скромной, с васильками, шляпкой
Серафим снежинкой порошит*
[Нарбут, 1990, с. 240].

Помимо «Заблудившегося трамвая», «Плавание» отсылает и к раннему «Путешествию в Китай»: как и у Гумилева, возникает образ совместного посмертного плавания:

*Только в Китае мы якорь бросим,
Хоть на пути и встретим смерть!*
[Гумилев, 1988, с. 136].

Среди плывущих в Китай Гумилев упоминает «мэтра Рабле» — знаковую фигуру акмеизма, одного из тех авторов, на которых Гумилев предлагал ориентироваться. Раблезианское «крыло» акмеизма представлено именно физиологичной, эпатуирующей поэзией Нарбута и Зенкевича. В «Плавании» о Китае упоминается эксплицитно:

*Ты плыви вдоль улиц и вдоль станций,
Сатана в сатине, ты же стань,
Ангелок, на сопке у китайца, —
Стань и стой в зачумленную рань!*
[Нарбут, 1990, с. 240].

Обращает на себя внимание и значимое отсутствие — как в текстах Нарбута, так и в «Ямбах» Зенкевича — эксплицитного упоминания о Ни-

колае Гумилеве. Присутствует потаенная переключка, узнаваемый шифр, Гумилев предстает то в образе Шенье, то в образе серафима. Политическая обстановка такова, что позитивно оценивать искусство поэта, осужденного за участие в контрреволюционном заговоре, нельзя.

4. Посвящение С. Городецкого «Николаю Гумилеву» (1921) как посмертный пасквиль

По контрасту с Нарбутом, Зенкевичем, Ахматовой и Мандельштамом выступает С. Городецкий, который в 1921 году пишет стихотворение «Николаю Гумилеву» [Городецкий, 1987, с. 373—374].

Ранее Городецкий вступал в скрытую полемику с Гумилевым. Гумилев в 1912 году пишет стихотворение «Фра Беато Анджелико», в котором восхищается живописью знаменитого флорентийца; в том же году Городецкий пишет стихотворение с тем же заглавием, что и у Гумилева, которое построено как имплицитный спор с собратом по литературному цеху (не случайно стихотворение начинается с вопроса-обращения к некоему адресату). Городецкий противопоставляет восторженным суждениям Гумилева — негативную оценку:

*Ты хочешь знать, кого я ненавижу?
Конечно, Фра Беато Анджелико.
Я в нем не гения блаженства вижу,
А мертвеца гробницы невеликой*
[Городецкий, 2004].

Осуждение художника построено как эмоциональный и бездоказательный ответ Гумилеву — все те качества, которые в творчестве Анджелико вызывают восхищение Гумилева, последовательно вызывают отвращение Городецкого.

Эксплицитная реакция на смерть Гумилева — единственное стихотворение представителя акмеистической школы, написанное непосредственно после гибели Гумилева, в котором открыто сказано, кому именно оно посвящено. По сути дела, это посмертное посвящение представляет собой стихотворный пасквиль. Городецкий акцентирует мелкость фигуры Гумилева и непонимание им сути происходящего в стране:

*К вершине шел и рай указывал,
Где первозданный жил Адам, —
Но под обложкой лупоглазого
Журнала петербургских дам.*

*Когда же в городе огромном
Всечеловеческий встал бунт,
Скитался по холодным комнатам,
Бурча, что хлеба только фунт.*

*И ничего под гневным заревом
Не уловил, не уследил,
Лишь о возмездье поговаривал
Да перевод переводил.*
[Городецкий, 1987, с. 373]/

Гумилев предстает в этом стихотворении мелким, сосредоточенным только на собственных проблемах человеком, а вовсе не гениальным творцом и провидцем-визионером (по слову А. Ахматовой). В упоминании «лупоглазого» журнала зашифрована фонетическая отсылка к названию журнала «Аполлон», в котором, кстати сказать, были опубликованы акмеистические манифесты как Гумилева, так и самого Городецкого. Композиционно стихотворение Городецкого представляет собой обесцененное, пародийное выворачивание жанра некролога — рассказ о биографии покойного в хронологическом порядке.

Зачем Городецкий пишет, а главное — публикует — этот посмертный доклад сразу после казни Гумилева? Это объясняется тем, что Городецкому важно в новой политической реальности отмежеваться от бывшего соратника по литературному цеху, а ныне разоблаченного и расстрелянного врага советской власти. Это нужно было сделать быстро, дабы заявить о своей лояльности новому режиму: слишком многое связывало Городецкого в прошлом с участником антисоветского заговора: оба были «синдиками» «Цеха поэтов», более того, оба позиционировали себя как организаторы школы акмеизма.

По нашей гипотезе, это стихотворение было первой непосредственной реакцией на гибель Гумилева — и на него отзываются «малые акмеисты» Нарбут и Зенкевич, видящие в погибшем Гумилеве невинно осужденного поэта, жертву режима, подобного Андре Шенье, и посланника-серафима. Используя тот же инструмент, что и Городецкий, — раму текста, — но в гораздо более тонкой, неявной манере, друзья Гумилева дистанцируются от посмертного осуждения дорогого им человека и обращают внимание на общественно значимый и даже сакральный статус его личности.

5. Заключение

Анализ стихотворений трех поэтов из круга акмеистов — Михаила Зенкевича, Владимира Нарбута и Сергея Городецкого — указывает на важ-

нейшую роль рамы текста в передаче имплицитных смыслов и обмене информацией в межтекстовом диалоге. Заглавия текстов, их посвящения и датировка, названия сборников стихотворений и их разделов становятся указателями на скрытый смысл произведений. Полемически резкий пасквиль Городецкого, отрицательные эпитеты в адрес Нарбута в мемуарах Катаева указывают на то, что современникам была понятна коммуникативная интенция поэтов, они живо реагировали на зашифрованную информацию. В тайных поминовениях А. А. Ахматовой и О. Э. Мандельштама речь идет скорее о личных обстоятельствах, связывающих их с погибшим поэтом. У Зенкевича и Нарбута эпитафическая лирика приобретает социально-политическую и даже религиозную окраску. Через предполагаемое (не опубликованное, но известное всем понимающим читателям) посвящение текста и заголовок Зенкевич связывает образ Николая Гумилева с трагической гибелью в годы Французской революции поэта Андре Шенье, образ которого акцентирует внимание не только на казни, но и на возможном, но не состоявшемся спасении. Более того, понимающему читателю передается мысль о возможной скорой гибели режима, погубившего поэта. Мандельштам считывает этот шифр и отсылает к нему в своей статье, присоединяясь тем самым к эпитафии Зенкевича.

В эзотерических стихотворениях Нарбута, пронизанных гумилевскими аллюзиями, собрат по акмеистическому «цеху» предстает как поэт, прокладывающий новые пути в искусстве слова, зачинатель поэтики «магического реализма»; его безвременная гибель ассоциируется у автора с казнью серафима, отозвавшейся в заглавии одной из его поэтических книг начала 1920-х годов.

Особняком в этом ряду стоит посмертный пасквиль С. М. Городецкого, в жесткой антитезе с которым находятся потаенные эпитафии Нарбута и Зенкевича, равно как Ахматовой и Мандельштама.

Источники

1. *Ахматова А. А.* Собрание сочинений в 6 т. / А. А. Ахматова. — Москва : Эллис Лак, 1998. — Т. 1. — 968 с. — ISBN 5-88889-029-4.
2. *Волошин М. А.* На смерть Блока и Гумилева [Электронный ресурс] / М. А. Волошин. — Режим доступа : <https://gumilev.ru/additional/104/> (дата доступа 19.10.2021).
3. *Городецкий С. М.* Избранные произведения. В 2 т. / С. М. Городецкий // Стихотворения. — Москва : Художественная литература, 1987. — Т. 1. — 479 с.
4. *Городецкий С. М.* Canti d'Italia (10 стихотворений из книги 1912 г. «Итальянские песни») / публ. В. Енишерлова [Электронный ресурс] / С. М. Городецкий // Наша наследие. 2004. — № 70. — Режим доступа : <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/7013.php> (дата доступа 19.10.2021).
5. *Гумилев Н. С.* Посмертный сборник / Н. С. Гумилев. — Петроград : Мысль, 1923. — 128 с.

6. Гумилев Н. С. Стихотворения и поэмы / Н. С. Гумилев. — Ленинград : Советский писатель, 1988. — 632 с. — ISBN 5-265-00223-5.
7. Замятин Е. И. Лица / Е. И. Замятин. — Нью-Йорк : Международное литературное содружество, 1967. — 334 с.
8. Зенкевич М. А. Сказочная эра : Стихотворения. Повесть. Беллетристические мемуары / М. А. Зенкевич. — Москва : Школа-Пресс, 1994. — 675 с.
9. Иванов Г. Петербургские зимы / Г. Иванов. — Москва : Книга, 1989. — 574 с. — ISBN 5-212-00189-7.
10. Искусство. 1921. № 2—3. — Баку : Орган отдела искусств Наркомпроса АССР, 1921.
11. Катаев В. П. Алмазный мой венец / В. П. Катаев. — Кишинев : Лумина, 1986. — 480 с.
12. Мандельштам О. Э. Сочинения : В 2 т. / О. Э. Мандельштам. Сост. П. М. Нерлера, С. С. Аверинцева. — Москва : Художественная литература, 1990. — Т. 1. — 638 с ; Т. 2. — 464 с. — ISBN 5-280-00559-2.
13. Нарбут В. И. Стихотворения / В. И. Нарбут. — Москва : Современник, 1990. — 450 с. — ISBN 5-270-00237-х.
14. Ходасевич В. Ф. Некрополь / В. Ф. Ходасевич. — Москва : Рипол-Классик, 2017. — 272 с. — ISBN 978-5-386-09837-7.
15. Chénier A. Œuvres poétiques / A. Chénier. Texte établi par Louis Moland, Garnier, 1889. — Vol. 2. — 373 p.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бялосинская Н. Косой дождь / Н. Бялосинская, Н. Панченко // Нарбут В. И. Стихотворения. — Москва : Современник, 1990. — С. 5—44. — ISBN 5-270-00237-X.
2. Кихней Л. Г. Жанровое своеобразие эпитафической лирики Ахматовой / Л. Г. Кихней // Анна Ахматова : эпоха, судьба, творчество : Крымский Ахматовский научный сборник. — Симферополь : Крымский Архив, 2005. — Выпуск 3. — С. 33—46.
3. Кихней Л. Г. Метафора зерна в стихотворении О. Мандельштама «Люблю под сводами седья тишины...» / Л. Г. Кихней // «Пир — это лучший образ счастья». Образы трапезы в богословии и культуре. — Москва : Издательство ББИ, 2016. — С. 180—189. — ISBN 978-5-89647-336-7.
4. Лекманов О. А. Николай Гумилев и левые акмеисты : новые и малоизвестные материалы / О. А. Лекманов // Гумилевские чтения. Материалы международной конференции, 14—16 апреля 2006 г. — Санкт-Петербург : Издательство СПбГУП, 2006. — С. 279—283. — ISBN 5-7621-0302-1.
5. Мазурик Л. Как шили дело против поэта Николая Гумилева [Электронный ресурс] / Л. Мазурик. — Режим доступа : <https://pravo.ru/process/view/22152/> (дата доступа 18.10.2021).
6. Минц Б. А. Две редакции стихотворения О. Мандельштама об Исаакиевском соборе : к проблеме поливариантности / Б. А. Минц // Филологические науки : вопросы теории и практики. — 2013. — № 9 (27). — Ч. 1. — С. 113—117.
7. Михайлов А. Д. Андре Шенье — ямбы / А. Д. Михайлов // Иностранная литература. — 1989. — № 7. — С. 145—147.
8. Михайлова Г. Стихотворные посвящения Анны Ахматовой в социокультурном пространстве 1940—1960-х годов / Г. Михайлова // Literatūra. — 2010. — № 52 (2). — С. 63—79.

9. Озеров Л. А. Михаил Зенкевич : тайна молчания / Л. А. Озеров // Зенкевич М. А. Сказочная эра : Стихотворения. Повесть. Беллетристические мемуары. — Москва : Школа-Пресс, 1994. — 675 с. — ISBN 5-88527-075-9.

MATERIAL RESOURCES

- Akhmatova, A. A. (1998). *Collected works: in 6 volumes, 1*. Moscow: Ellis Luck. 968 p. ISBN 5-88889-029-4. (In Russ.).
- Art. 1921, 2—3. (1921). Baku: Organ of the Department of Arts of the People's Commissariat of the ASSR. (In Russ.).
- Chénier, A. (1889). *Œuvres poétiques, 2*: 373 p. (In Franc.).
- Gorodetsky, S. M. (1987). *Selected works: In 2 volumes, 1. Poems*. Moscow : Fiction. 479 p. (In Russ.).
- Gorodetsky, S. M. (2004). Canti d'Italia (10 poems from the 1912 book "Italian Songs"). In: *Our heritage, 70*. Available at: <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/7013.php> (accessed 19.10.2021). (In Russ.).
- Gumilev, N. S. (1923). *Posthumous collection*. Petrograd: Mysl. 128 p. (In Russ.).
- Gumilev, N. S. (1988). *Poems and poems*. Leningrad: Soviet Writer. 632 p. ISBN 5-265-00223-5. (In Russ.).
- Ivanov, G. (1989). *Petersburg winters*. Moscow: Book. 574 p. ISBN 5-212-00189-7. (In Russ.).
- Kataev, V. P. (1986). *My Diamond crown*. Chisinau: Lumina. 480 p. (In Russ.).
- Khodasevich, V. F. (2017). *Necropolis*. Moscow: Ripoll-Classice. 272 p. ISBN 978-5-386-09837-7. (In Russ.).
- Mandelstam, O. E. (1990). *Essays: In 2 volumes, 1, 2*. Moscow: Fiction. 638 p.; 464 p. ISBN 5-280-00559-2. (In Russ.).
- Narbut, V. I. (1990). *Poems*. Moscow: Sovremennik. 450 p. ISBN 5-270-00237-x. (In Russ.).
- Voloshin, M. A. *On the death of Blok and Gumilev*. Available at: <https://gumilev.ru/additional/104/> (accessed 19.10.2021). (In Russ.).
- Zamyatin, E. I. (1967). *Persons*. New York: International Literary Community. 334 p. (In Russ.).
- Zenkevich, M. A. (1994). *The Fabulous Era: Poems. The story. Fictional memoirs*. Moscow: School-Press. 675 p. (In Russ.).

REFERENCES

- Byalosinskaya, N., Panchenko, N. (1990). Oblique rain. In: *Narbut, V. I. Poems*. Moscow: Sovremennik. 5—44. ISBN 5-270-00237-X. (In Russ.).
- Kihney, L. G. (2005). Genre originality of Akhmatova's epitaph lyrics. In: *Anna Akhmatova: Epoch, Fate, creativity: Crimean Akhmatova scientific Collection, 3*. Simferopol: Crimean Archive. 33—46. (In Russ.).
- Kihney, L. G. (2016). The metaphor of grain in O. Mandelstam's poem "I love under the arches of gray silence ..." In: *"A feast is the best image of happiness." Images of a meal in theology and culture*. Moscow: BBI Publishing House. 180—189. ISBN 978-5-89647-336-7. (In Russ.).
- Lekmanov, O. A. (2006). Nikolay Gumilev and the Left Acmeists: new and little-known materials. In: *Gumilev Readings. Proceedings of the International Conference, April 14—16, 2006*. St. Petersburg: SPbGUP Publishing House. 279—283. ISBN 5-7621-0302-1. (In Russ.).

- Mazurik, L. *How the case against the poet Nikolai Gumilev was sewn*. Available at: <https://pravo.ru/process/view/22152/> (accessed 18.10.2021). (In Russ.).
- Mikhailov, A. D. (1989). Andre Chenier — yamba. *Foreign literature*, 7: 145—147. (In Russ.).
- Mikhailov, G. (2010). Poetic initiation of Anna Akhmatova in the sociocultural space 1940—1960 years. *Literatūra*, 52 (2): 63—79. (In Russ.).
- Mints, B. A. (2013). Two editions of O. Mandelstam's poem about St. Isaac's Cathedral: on the problem of polyvariance. *Philological sciences: questions of theory and practice*, 9 (27) / 1: 113—117. (In Russ.).
- Ozerov, A. L. (1994). Mikhail Zenkevich: mystery of silence. In: *Zenkevich, M. A. Fabulous era: Poems. The story. Fictional memoirs*. Moscow: School-Press. 675 p. ISBN 5-88527-075-9. (In Russ.).

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCES

.....

Александр Анатольевич Сорокин, канд. истор. наук (Нижний Новгород)
Альберт Константинович Дудайти, д-р истор. наук (Владикавказ)
Андрей Юрьевич Скрыдлов, канд. истор. наук (Санкт-Петербург)
Антон Александрович Чемакин, канд. истор. наук (Санкт-Петербург)
Артем Михайлович Скворцов, канд. истор. наук (Санкт-Петербург)
Денис Сергеевич Бобров, канд. истор. наук (Барнаул)
Дмитрий Николаевич Старостин, канд. истор. наук (Санкт-Петербург)
Екатерина Сергеевна Симоненко, канд. истор. наук (Уссурийск)
Елена Владимировна Кулешова, канд. истор. наук (Санкт-Петербург)
Елена Юрьевна Дубровская, канд. истор. наук (Петрозаводск)
Игорь Леонидович Поздеев, канд. истор. наук (Ижевск)
Любовь Геннадьевна Зайцева (Барнаул)
Максим Викторович Медоваров, канд. истор. наук (Нижний Новгород)
Маргарита Михайловна Рудковская, канд. истор. наук (Москва; Ницца, Франция)
Марина Юрьевна Половникова, канд. истор. наук (Киров)
Надежда Ивановна Загороднюк, канд. истор. наук (Тобольск)
Соелма Ринчиновна Батомункуева, канд. филос. наук (Улан-Удэ)

Батомункуева С. Р. История культа Махакалы в Бурятии / С. Р. Батомункуева // Научный диалог. — 2021. — № 12. — С. 273—288. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-273-288.

Batomunkueva, S. R. (2021). History of Mahakala Cult in Buryatia. *Nauchnyi dialog*, 12: 273-288. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-273-288. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-273-288

История культа Махакалы в Бурятии

Батомункуева Соелма Ринчиновна

orcid.org/0000-0002-5060-0296

кандидат философских наук,

младший научный сотрудник

soelmul@mail.ru

Институт монголоведения,

буддологии и тибетологии

Сибирского отделения

Российской академии наук

(Улан-Удэ, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено по гранту

Российского научного фонда

№ 21-18-00074 «Миры махаянского

буддизма в контексте мировых

цивилизационных процессов»

History of Mahakala Cult in Buryatia

Soelma R. Batomunkueva

orcid.org/0000-0002-5060-0296

PhD in Philosophy,

Junior Researcher

soelmul@mail.ru

The Institute for Mongolian,
Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences
(Ulan-Ude, Russia)

Acknowledgments:

The study was carried out under the grant

of the Russian Science Foundation

No. 21-18-00074 “Worlds of Mahayana

Buddhism in the context of world

civilizational processes”

© Батомункуева С. Р., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается история культа Махакалы в бурятском буддизме. Представлено краткое введение в историю божества. Отмечается, что это один из главных покровителей школы гелук, взгляды и традиции которой распространились среди бурят. Выполнен обзор работ, содержащих наиболее ранние сведения о почитании божества в бурятских храмах. Сообщается, что культ Махакалы в Бурятии представлен преимущественным почитанием трех его форм: Шестирукой, Четырехликой и Белой Шестирукой. Показана важная роль культа Махакалы, который заменил наиболее почитаемых в общемонгольском мире шаманских духов-онгонов. Сообщается, что в период распространения буддизма среди бурят у монголов доминировало сакьяское направление с его главным покровителем Гургон Махакалой. Отмечается, что, несмотря на монгольские традиции, в бурятском буддизме утвердилась другая — Шестирукая форма божества. Автор полагает, что это связано с именем первого Пандито Хамбо ламы Дамба-Даржа Заяева, привнесшего в бурятский буддизм почитание этого божества напрямую из Тибета и назначившего его покровителем первого бурятского буддийского храма. Делается вывод о значимости культа Махакалы, который не только приобрел большое значение в рамках своей исконной религии, но и вошел в систему шаманских воззрений.

Ключевые слова:

буддизм; буряты; монгольский мир; божества; Махакала.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The history of the cult of Mahakala in Buryat Buddhism is considered. A short introduction to the history of the deity is presented. It is noted that this is one of the main patrons of the Geluk school, whose views and traditions have spread among the Buryats. A review of works containing the earliest information on the veneration of a deity in Buryat temples is carried out. It is reported that the cult of Mahakala in Buryatia is represented by the predominant veneration of its three forms: Six-armed, Four-faced and White Six-armed. The important role of the cult of Mahakala, which replaced the most revered shaman spirits-ongons in the common Mongolian world, is shown. It is reported that during the spread of Buddhism among the Buryats, the Sakyas direction with its main patron Gurgon Mahakala dominated among the Mongols. It is noted that, despite the Mongolian traditions, another — the Six-armed form of the deity — was established in Buryat Buddhism. The author believes that this is connected with the name of the first Pandito Khambo Lama Damba-Darzha Zayayev, who introduced veneration of this deity to Buryat Buddhism directly from Tibet and appointed him the patron of the first Buryat Buddhist temple. The conclusion is made about the significance of the Mahakala cult, which not only acquired great importance within the framework of its original religion, but also entered the system of shamanistic beliefs.

Key words:

Buddhism; Buryats; Mongolian world; deities; Mahakala.

История культа Махакалы в Бурятии

© Батомункуева С. Р., 2021

1. История распространения буддизма среди бурят

Официальной датой признания буддизма в Бурятии считается 1741 год, тогда как первые сведения о буддизме на ее территории относятся к XVII веку. В период распространения буддизма буряты являлись частью общемонгольского мира и все изменения происходили в связи с аналогичными процессами у монголов. Изначально активными распространителями буддизма были монгольские роды, перекочевавшие в Забайкалье в XVII веке, и прежде всего он начал распространяться в той среде, где находил поддержку покровителей в лице бурятских *тайшей*.

К наиболее ранним сообщениям о бытовании некоей религии исследователи относят разного рода челобитные русских служилых людей 1640—1650 годов: «Расспросные речи десятника казачьего Москвитина с товарищами о поездке к князю Турукай табунану и к монгольскому хану Чичину», «Отписка енисейскому воеводе Афанасью Пашкову сына боярского Петра Бекетова о плавании его по рекам Тунгуске и Селенге и по Байкалу озеру» и т. д. [Сборник ..., 1960; Ламаизм ..., 1983 и др.]. Например, расспросные речи казачьего десятника Москвитина содержат одно из первых упоминаний о буддизме в местах расселения бурят: «... у Турокая князя юрты войлочные... а кому они молятца и то... писано всякими разными красками по листовому золоту, а лица писаны по листовому золоту человеческие, а подписи писаны по тому ж золоту против лиц на другой стороне... а иные у них болваны серебряные волчные [?] в поларшина золочены, и те и их болваны и писанные лица ставлены по их вере в мечетях воилочных и книги у них по вере есть ж, а писаны по бумаге, а бумага такова ж, как и русская. А молятца они ... перед теми своими болванами и написанными лицами на коленках стоя и по книгам своим говорят своим языком и обеих рук упирают пальцами себя в лоб и падают перед ними в землю и вставая опять говорят по книгам, а перед болванов они и написанных лиц в кое время они им молятца ставят чаши серебряные з горячим угольем, а на уголье кладут ладан росной» [Сборник ..., 1960, с. 114].

В своем развитии бурятский буддизм прошел множество этапов. Первый этап, как мы уже отметили, был связан с деятельностью монгольских князей и откочевавшими с ними родами, которые впоследствии станут первыми бурятскими носителями буддизма. Это было время неорганизо-

ванного и несистемного распространения буддизма: «С первой половины XVII века и до 1727 г. буддизм в Забайкалье, по всей видимости, не представлял собой сколько-нибудь системного целого, а бытовал в виде небольших кошмовых дуганов, в которых проводились службы...» [Цыремпилов, 2014, с. 9].

Следующий виток развития был связан с появлением в 1712 году группы тибетских и монгольских лам. Считается, что именно прибытие лам значительно ускорило процесс распространения буддизма. В исторической хронике В. Юмсунова говорится, что все ламы, коих было 150, были рассоединены по разным селенгинским и хоринским родам. Также сообщается, что все они были очень образованны и их наставническая и врачевательная деятельность очень ценилась [Бурятские ..., 1995, с. 43]. Появление лам также способствовало тому, что многие бурятские сыновья начали отправляться на учебу в монастыри Тибета и Монголии, среди них окажется и Д.-Д. Заяев — будущий первый Пандито Хамбо-лама.

В дальнейшем наряду с войлочными и передвижными молельнями начинают появляться уже стационарные храмы. В то время царское правительство было крайне обеспокоено положением приграничных территорий и процессами, происходившими там, что повлияло на его заинтересованность в поддержке буддизма, приверженцами которой являлись буряты. В 1727 году между Российской империей и Империей Цин был подписан договор об определении границ между двумя государствами, что стало одним из важнейших факторов формирования автономного бурятского буддизма уже в российском подданстве. Согласно хронике Д.-Ж. Ломбоцыренова, 30-е годы XVIII века ознаменовались появлением дацана в местности Эрхэ Бурэгэ, где стали совершаться хуралы (молебны) [Там же, с. 112]. Этот дацан, перенесенный в 1741 году в местность Хилгантуй, стал называться Цонгольским. Официальной же датой создания монастыря считается 1741 год, и именно с нее начинается отсчет буддизма в Бурятии.

В 1732 году от родоначальников цонгольского рода, инициировавшего строительство этого дацана, поступило впоследствии одобренное ходатайство о назначении главным ламой Нгаванг Пунцока (тиб. ngag dbang phun tshogs, འགྲུབ་པ་པུན་མཆོག་པོ་). После продолжительного обучения Д.-Д. Заяев возвращается из Тибета и становится его помощником. В 50-х годах XVIII века был построен «новый» Цонгольский (Хилгантуйский) дацан, который получил название *Балдан Брейбун* по аналогии с монастырем, где обучался сам Д.-Д. Заяев. Согласно указу «Чикойского управления за № 1780 от 23 ноября 1753 года по предшествовавшему ходатайству Агван Пунцука и Дамба Даржа Заяева утверждена постройка деревянного здания Цонгольского дацана» [Ламаизм ..., 1983, с. 20].

Заметим, что в бурятских исторических хрониках и официальных документах сведения о событиях, датах и связанных с ними персоналиях несколько разнятся. По мнению К. М. Герасимовой, противоречивые даты свидетельствуют о том, что «фактически строительные и прочие внутренние административные дела дацана шли своим чередом, независимо от разрешений различных инстанций русской администрации со своей канцелярской хронологией» [Там же, с. 20]. Первая половина XVIII века стала периодом интенсивного развития буддизма у бурят, становления ее церковной и культовой системы. В 1764 году Д.-Д. Заяев получил звание «Главного Бандида хамбо-ламы всех буддистов, обитающих на южной стороне Байкала». Вплоть до начала XIX века продолжалось активное распространение буддизма, строились и расширялись монастырские комплексы, активно развивалась образовательная деятельность, утверждались определенные службы-молебны.

Буддизм становится важной частью общественной жизни региона и одним из ключевых факторов в политических процессах. Это продолжалось до начала репрессивной политики советского государства, при реализации которой буддизм пришел в упадок: были сожжены дацаны, буддийские реликвии, репрессированы представители духовенства. Однако с 1945 года начался процесс восстановления после гонений и разрушений. В 1990-х годах буддизм начинает возрождаться: активно восстанавливаются разрушенные и строятся новые храмы, налаживается международная образовательная деятельность, появляются многочисленные буддийские общины.

2. Культ Махакалы в Бурятии

Махакала (тиб. *pag ro chen po*, བཀའ་རོ་ཆེན་པོ་) — группа божеств, в составе которой насчитывается более семидесяти разных форм (данные разнятся: по одним сведениям — 72, по другим — 75 форм). Многие исследователи связывают его генезис с индийским божеством Шивой, в частности с одной из его форм — Бхайравой. Культ Махакалы начал развиваться и распространяться в тибетском буддизме начиная с XI века, когда знаменитый лоцава Ринчен Занпо впервые перевел с санскрита гимн, посвященный божеству. Дальнейшее развитие и популяризация культа Махакалы связаны с Кхюнгпо Нелджором, который не только особо почитал Шестирукую форму божества, но также привнес в тибетский буддизм почитание Белого Махакалы (подробнее о культе Махакалы в Тибете см: [Батомункуева, 2020a]).

Известно, что культ Махакалы у монголов получил развитие при Хубилай-хане, который почитал это божество как личного покровителя, а впоследствии возвысил до государственного уровня. После падения его империи культ Махакалы потерял свою значимость, как и буддизм в целом. Свою

былую утраченную силу этот культ восстановил во времена правления Абатай-хана, инициировавшего строительство первого монгольского буддийского монастыря Эрдэни-дзу, покровителем которого стал Гургон Махакала (подробнее о культе Махакалы в Монголии см. [Батомункеева, 2020б]).

Несмотря на то, что существует множество разных форм божества Махакалы, распространение и почитание у бурят получили только три из них: Шестирукий Махакала (тиб. *mgon po phyag drug pa*, *མགོན་པོ་ཕྱག་རྒྱལ་པ་*), Четырехликий Махакала (тиб. *mgon po zhal bzhi pa*, *མགོན་པོ་ཞལ་བཞི་པ་*) и Белый Шестирукий Махакала (тиб. *mgon po dkar po phyag drug*, *མགོན་པོ་དཀར་པོ་ཕྱག་རྒྱལ་པ་*). Также следует добавить, что в бурятском буддизме из вышеназванных форм наиболее популярен Шестирукий Махакала, и обычно его именуют тибетским словом Гомбо (тиб. *mgon po*, *མགོན་པོ་*), что означает «защитник», а за двумя другими Махакалами закрепились транскрибированные с тибетского языки их имена — Шальши и Гонгор.

Наиболее раннее упоминание о почитании Махакалы среди бурят (точнее, о присутствии образа в бурятских храмах) относится к 1772 году, когда академик П. С. Паллас посетил Цонгольский дацан. Академик достаточно подробно описал архитектуру дацана, но, к сожалению, он не вдавался в культовые подробности и ограничился упоминанием списка наиболее почитаемых божеств, в числе которых три вышеупомянутые формы Махакалы, популярные у бурят [Pallas, 1801, p. 147].

Архиепископ Нил в своем сочинении 1858 года, описывая убранство Цонгольского дацана, отмечал его богатство и разнообразие. Также он перечислил некоторых божеств, в числе которых и Белый Шестирукий Махакала, названный им Шестируким Гун-гаром, но как наиболее важное божество он отметил Шестирукого Махакалу: «... мощный защитник буддизма Гомбо. Он весь обвит змеями и украшен венцом из мёртвых голов, а поелику у него шесть рук, то в одной он держит трезубец с изображением смерти, в другой крюк и петлю, в третьей дамару, в четвертой четки, в пятой чашу из черепа, в шестой секиру» [Архиепископ, 1858, с. 102].

С. Ц. Базаров приводит строки из «Отчета о ревизии бурятских дацанов А. М. Позднеева...», где говорится о том, что «основным бурханом Цокчен-дацана являлось изображение Цзонхавы, величиной в одну сажень, по левую сторону которого находилось изображение гения-хранителя монастыря Гонбо, величиной около 2 аршин. По обеим сторонам от этих двух главнейших бурханов располагался справа Ганжур, а слева — Данжур» [Базаров, 2006, с. 40].

Также одним из свидетельств, подтверждающих этот факт, является документ, изданный монгольским исследователем Б. Ринченом, в котором представлены некоторые статистические сведения по бурятским дацанам

с 1744 по 1838 годы: даты их создания, количество зданий, а также им перечисляются божества-защитники этих дацанов. Божеством-покровителем Цонгольского дацана являлся Гомбо (то есть Шестирукий Махакала). Также упоминается и Четырехликий Махакала как хранитель Сартул-Булагского дацана [Four ..., 1959, p. 137—138].

Как уже было отмечено, территория современной Бурятии во время распространения буддизма была под общим религиозным и культурным влиянием общемонгольского мира. Трудно с точностью сказать, когда именно в Бурятии начали отправлять службы по Махакале. А. М. Позднеев отмечал, что «из Эрдэни-цзусского монастыря порядок служения докшитов разошелся по всей Халхе, равно как проник и к нашим бурятам» [Позднеев, 1887, с. 322]. По сообщению А. М. Позднеева, отправление служб, связанных с защитниками учения, в Монголии было организовано не ранее 70-х годов XVIII века и намного позднее распространения самого буддизма и возникновения храмов. Согласно его сведениям, в 1776 году Дагба Дорже, наместник монастыря Эрдэни-дзу, обратился к Тушету хану с докладом о том, что, несмотря на давнее почитание Махакалы или Гомб-гуру, все же отсутствуют специальные книги по данному докшиту для совершения молебнов и книги, адекватно излагающие обрядовую сторону. Тушетухан представил этот доклад Джебзундамба-хутукте, который разъяснил, что это действительно так и что монголам необходимо самим составить соответствующие обрядники и молитвенники либо командировать нескольких своих лам в Тибет, в сакияские монастыри, чтобы те обучились всему необходимому. В 1776 году из Эрдэни-дзу в Тибет было направлено посольство во главе с гебкоем Лубсан Чойдубом. Прибыв в Тибет, Лубсан Чойдуб прослушал наставления о служениях Гомб-гуру и другим докшитами у Агван Гунга Лодон Санжи Дамба Джанцана. Возвратившись домой, он передал все полученные практики и знания [Там же, с. 321—322].

В то же время в «Истории Эрдэнэ-дзу» несколько иные сведения, из которых следует, что почитание Гомб-гуру было установлено задолго до времени, описываемого А. М. Позднеевым. В «Истории Эрдэнэ-дзу» говорится о том, что в 1657 году халхасские князья вознесли молитву Джебзундамбе и совершили в Эрдэни-дзу большое молебствие. Стали читать молитвы Гомбо в качестве общей службы, читать молитвы гневным божествам и Ганджур. Так в Эрдэни-дзу ввели в обычай чтение молитвы Гомб-гуру в качестве постоянной ежедневной службы [История ..., 1999, с. 71].

Так или иначе Эрдэни-дзу был центром буддизма в Монголии, а Гургон Махакала являлся главным покровителем этого монастыря. Казалось бы, именно эта форма божества должна была получить распространение и в бурятском буддизме, основы которого были заложены во времена под-

данства бурят монгольским князьям. Однако в Бурятии, следует полагать, изначально утвердился культ Шестирукого Махакалы. Так, в настоящее время божеством-хранителем Цонгольского дацана является Шестирукий Махакала. И, поскольку в буддизме не практикуется «смена» покровителей, можно предположить, что именно он и был изначально избран в качестве хранителя. Учитывая, что на ранних этапах не было налаженной системы храмовых служб, отправлений ритуалов, связанных с почитанием отдельных божеств, нельзя исключать и то, что в не освещенный в литературе период отсутствовало почитание Гургон Махакалы. Возможно, представления о Гургон Махакале и почитание божества присутствовало в народе, поскольку на начальном этапе в принципе не могло быть определенного регламента, ведь процесс смены культовых приоритетов не был оформлен и в самой Монголии. И, на наш взгляд, появлению Шестирукого Махакалы в буддизме бурят способствовал именно Д.-Д. Заяев, поскольку он был продолжателем тибетских традиций, в частности, монастыря Палден Дрепунг Гоманг (тиб. *dpal ldan 'bras spungs sgo mang*, དཔལ་ལྷན་རྒྱལ་སྤྱོད་སྐོར་མང་), где он сам и обучался. Предполагается, что Д.-Д. Заяев привнес в бурятский буддизм традицию почитания Шестирукого Махакалы напрямую из Тибета и именно поэтому популяризировался культ божества в этой форме, а не Гургон Махакалы.

3. Деятельность первого Пандито Хамбо-ламы Д.-Д. Заяева

Прежде чем говорить о Д.-Д. Заяеве, необходимо отметить, что в истории распространения и развития буддизма среди бурят особая роль принадлежит тибетскому ламе Нгаванг Пунцок, личность которого зачастую остается в тени первого Пандито Хамбо-ламы. Нгаванг Пунцок — один из тибетских лам-первопроходцев, стоявших у истоков буддизма в Бурятии. Некоторые исследователи считают, что Нгаванг Пунцок лама — выходец из Восточного Тибета, монастыря Чоне Ганден Шедруплинг, появился в Забайкалье в 1964 году вместе с цонголами и жил при Лубсан тайше [Ламаизм ..., 1983, с. 17; Цыремпилов, 2014, с. 6]. В бурятских хрониках не уделяют особого внимания его личности, ограничиваются лишь упоминанием: «Агван Пунцук ... был произведен в главные ламы селингинских и хоринских лам. Эти ламы распространяли учение о религии по очереди в селингинских и хоринских родах, ввели религию Будды, и отсюда постепенно и лам стало много и дацаны распространились среди селингинских родов» [Бурятские ..., 1956, с. 15]. Также в бурятских летописях говорится о том, что после его смерти занимаемая им должность перешла к Д.-Д. Заяеву. По мнению Н. Д. Болсохоевой, Нгаванг Пунцок стоял у истоков философского образования в Бурятии: «Агван Пунцок заложил основы буд-

дийского философского образования, что явилось толчком для создания монастырей школьного типа в этнической Бурятии в середине XIX века, получивших широкое распространение и игравших важную роль в образовательном процессе» [Болсохоева, 2013, с. 67].

Нгаванг Пунцок являлся первым настоятелем первого буддийского храма бурят. Возвращаясь к истории первого дацана, воздвигнутого в 1930-х годах храма в Эргэ Бурге, добавим, что изначально делами в нем заведовал Нгаванг Пунцок. В 1741 году указом Елизаветы Петровны он был назначен главным ламой забайкальских буддистов. Нгаванг Пунцок лама был очень образованным и не в меньшей степени, чем Д.-Д. Заяев, способствовал распространению буддийской религии среди бурят.

Известно, что Д.-Д. Заяев не только был прекрасным знатоком буддийского учения, но и обладал огромным стремлением распространить это учение у себя на родине, внедрив его в общественную, культурную и политическую жизнь бурят. Последнее оказалось обоюдно выгодным и для царского правительства, которое пыталось контролировать и регулировать приграничные процессы, и именно заинтересованность властей явилась одним из факторов успешного распространения буддизма на бурятской земле. Л. Е. Янгутов отмечает, что эту политическую значимость буддизма в Бурятии сумели разглядеть царские чиновники, которые увидели в нем удобное средство закрепления своих позиций в Забайкалье [Янгутов, 2012, с. 27]. Царское правительство было вынуждено осуществлять свою политику в Забайкалье очень осторожно, поскольку оно было ключевым районом в коммуникациях с Дальним Востоком, а также являлось важнейшим связующим звеном с соседними государствами.

На начальных этапах истории буддизма в тех или иных регионах всегда отмечалось взаимодействие и сотрудничество представителей светской власти и духовенства. Возможно, что именно такому пути и следовал Дамба-Даржа Заяев в деле распространения буддизма. Из агиографии Д.-Д. Заяева следует, что он неоднократно обращался к своим тибетским учителям за советом, как следует распространять учение Будды. На одно из своих обращений он получил следующий ответ от Панчен-ринпоче: «Прекрасно, что ты распространяешь Дхарму в невежественных краях... Оберегай чистоту традиции Дхармараджи Трех Миров должным образом. Старайся обратить в религию царей России. Проявляя умение в обеих сферах, полностью откажись от военного дела...» [Цыремпилов и др., 2009, с. 266]. Иными словами, для того, чтобы сделать царя и его министров союзниками в распространении буддийского учения, следует усердствовать в этом, используя разные методы, необходимо быть искусным как в делах религиозных, так и политических [Там же, с. 267]. В этой связи становится

вполне допустимой аналогия с историческими событиями, когда Хубилай-хан получил первые наставления, связанные с Махакалой от Пагба-ламы. Также и Абатай-хан получил от Далай-ламы III свое первое посвящение. Таким образом, Махакала, обладающий силой и славой Тенгри, заменивший духов-онгонов, возможно, стал бы прекрасным инструментом в деле обращения царей в буддийскую религию.

С момента переноса в 1741 году из Эргэ Бургэ войлочного дугана в местность Хилгантуй произошли существенные изменения в сторону улучшения дел буддизма. И к тому времени, возможно, с возвращением Д.-Д. Заяева появились идеи строительства уже стационарного деревянного храма. Н. В. Цыремпиллов пишет: «Кошмовый храм, каким бы большим и роскошным он ни был, уже не мог более соответствовать статусу религии, официально признанной властями. Как представляется, по мысли Заяева, речь шла не просто о деревянной постройке, а о полноценном храмово-монастырском комплексе, который должен был стать копией то ли ... первого монастыря Тибета, то ли крупнейшего тибетского монастыря Пелден Дрепунг, в котором и обучался Заяев. Заяев совместно с Нгаванг Пунцоком подает разрешение на постройку местным властям ... вероятно, это произошло в 1741 году, одновременно с прошением о зачислении монахов в государственный комплект, и через некоторое время в 1745 году здание было построено» [Цыремпиллов, 2014, с. 17]. Считается, что в новом дацане Заяев завел порядки монастыря, в котором сам обучался: административное управление, сроки и порядок богослужения, ритуальные тексты, матрицы для иконописных и скульптурных изображений божеств относились к тибетской традиции [Ламаизм ..., 1983, с. 17—18].

В сочинении Буян-Далай дорамбы (буддийская ученая степень) говорится о том, что Панчен лама Лосанг Еше (тиб. blo bzang ye shes, ལྷོ་བཟང་ཡེ་ཤེས་) даровал ему свою шапку, а Далай-лама VII Келсан Гьяцо (тиб. bska! bzang rgya mtsho, བསྐལ་བཟང་རྩ་མཚོ་) вручил Заяеву план, по которому следовало строить храм у себя на родине [Four ..., 1959, p. 61]. Возвратившись в родные земли, Заяев снискал почет и уважение как высокообразованный лама и совместно с ширетум (настоятель) Нгаванг Пунцоком начал проводить религиозные службы, объединявшие разные роды.

Небезынтересно также отметить, что недалеко от Цонгольского дацана на скальной глыбе чудесным образом, по мнению верующих, проявилась мантра Авалокитешвары (бур. Арьябала) «Ом мани падмэ хум», а Махакала, как известно, считается его гневным проявлением.

Упомянутые три формы Махакалы наряду с Ваджрапани, Чогьялом, Пелден Лхамо, Намсрай, Бегцзе, Сендонмой и Ценбой входят в число десяти установленных в Бурятии защитников буддийского учения. В бурят-

ских храмах ритуалы, связанные с Шестируким Махакалой, отправляются по тексту Гелек Пелзанга (тиб. *dge legs dpal bzang po*, དགེ་ལགས་དཔལ་བཟང་པོ་, более известный как Кхедуб Чже, он являлся одним из двух главных учеников Цонкапы). Ритуалы двух других форм — Гонгора и Шальши — совершаются по текстам, которые составлены Далай-ламой III Сономом Гьяцо (тиб. *bsod nams rgya mtsho*, བསོད་ནམས་རྒྱ་མཚོ་) и Дампи Минченом (тиб. *dam pa'i min can*, དཀ་པའི་མིང་ཅན་) соответственно.

Будучи защитниками учения, Махакалы часто становятся хранителями буддийских монастырей. Во многих бурятских дацанах разные формы Махакалы установлены в качестве хранителей: Гонпо Шальши — хранитель Баргузинского дацана, Гонпо Чагджугпа — Анинского дацана, Гонпо Шальши — хранитель широко известного «Дворца Хамбо-ламы Этигэлова», а также у множества храмов на территории Иволгинского дацана в качестве хранителя установлены разные формы Махакалы: Гонгор — Чойра-дуган, Мани-дуган и Джуд-дуган — Гонпо Чагджугпа и т. д. К слову, Шестирукый Махакала является хранителем одного из известнейших буддийских монастырей в Индии — Дрепунг Гоманга, а также и не менее известного тантрического монастыря — Гьюто.

4. Образ Махакалы в контексте взаимодействия буддизма с культурными и религиозными традициями

С распространением буддизма среди бурят начались изменения в бытовавших в тот период религиозных обычаях, а именно в шаманизме. К слову, на монгольском этапе буддизм встретился еще и с тэнгрианством. Вместе с тем нельзя назвать этот процесс односторонним, ибо буддизму тоже приходилось адаптироваться к существовавшим традициям. Н. Л. Жуковская отмечает толерантность, терпимое отношение буддизма к национальным традициям и уже существующей ритуальной практике, что привело к формированию определенного симбиоза ранних форм религии и буддизма, к включению в его пантеон и обрядовую практику элементов и мифологических образов раннего пласта традиционной культуры этих народов [Жуковская, 2013, с. 98].

Образ божества Махакалы вошел в культуру бурят, смешавшись с одним из наиболее важных шаманских культов. По этому поводу Н. Н. Поппе писал, что буддийские проповедники в Забайкалье объявляли определенное шаманское божество являющимся по сути тем или иным божеством буддийского пантеона. К примеру, «бурятское шаманское божество *Гуджир тенгри* было объявлено тождественным буддийскому божеству *Mañākāla*, и все признаки и функции прежнего шаманского божества были перенесены на соответствующее божество буддийского пантеона» [Поппе, 1952, с. 151].

Некоторые исследователи отмечают «добурятский» период в переименовании божества, и, по мнению Н. Б. Дашиевой, «образ бога — покровителя кузнецов — *Хан-Гужир-тэнгэри* напрямую восходит к высшему божеству шаманского пантеона средневековых монголов *Махагала Дархан Гужир-тэнгэри*» [Дашиева, 2018, с. 120—121]. Г. Р. Галданова считает, что образ *Махагала Гужир-тэнгэри* носит следы контаминации разновременных и неоднозначных представлений; возможно даже, что на его появление как покровителя кузнечного ремесла повлиял и культ самого Чингисхана, о котором в преданиях говорилось, что в молодости он был кузнецом [Галданова, 1995, с. 99]. Н. Н. Поппе также приводит текст шаманской рукописи, в первых строках которой говорится: «Совершившийся по указу святого учителя-будды и благопожеланиями *тенгрия Хормусты* старший из 99 *тенгриев* великий *Mahākāla Дархан Гуджир Тенгри*» [Поппе, 1957, с. 155]. Образ Махакалы, заняв почетное место в шаманском пантеоне как *тенгри-небожитель*, и по сей день фигурирует в нем.

Особую значимость божества Махакалы в монгольском мире подтверждают сведения из важнейшего договора «*Арбан буяны цааз*», который был подписан в 1578 году между Далай-ламой III Сонамом Гьяцо (тиб. bsod nams rgya mtsho, བསོད་ནམས་རྒྱ་མཚོ་) и Алтан-ханом. Согласно Ц. П. Ванчиковой, впервые они встретились в районе озера Кукунор, где «... заключили союз о единстве буддийской церкви и светского правления» [Ванчикова, 2019, с. 37]. Согласно одному из десяти пунктов этого закона, который регулировал религиозную сторону жизни монгол и ее взаимодействие с государственно-политическими процессами, все изображения шаманских духов полагалось сжечь и заменить образом Махакалы. Однако нет определенности в том, какой формой Махакалы предполагалось их заменить, так как имеются разные сведения. В «Жизнеописании Всеведущего Богдо Соднам-Жамцо, называемое Колесница моря волшебств», составленном Далай-ламой V Нгаванг Лобсан Гьяцо (тиб. ngag dbang blo bzang rgya mtsho, འག་དབང་བློ་བཟང་རྒྱ་མཚོ་), сообщается: «Третий далай-лама предал огню главный онгон (шаманский идол) Алтан-хагана в качестве приношения богу Четырехликому Гомбо. Этому примеру... последовали все монголы, предавшие огню свои онгоны» [цит. по: Бира, 1978, с. 255]. Некоторые исследователи отмечают, что онгонов следовало заменить Шестируким Махакалой [Дугаров, 2013, с. 40; Чимитдоржиев, 1997, с. 20 и др.]. Вероятно, эти законы также сыграли большую роль в распространении буддизма и укреплении его положения среди бурят.

5. Заключение

Первую половину XVIII века можно назвать временем начала становления храмовой системы бурятского буддизма. Именно в этот период на-

чала формироваться также и культовая система, в определенной степени автономная от монгольской. Если не конкретизировать до определенных форм, то ясно одно: образ могущественного и грозного божества Махакалы являлся наиболее подходящим в деле распространения буддизма и для борьбы с небуддийскими элементами, в частности, с шаманизмом. Несмотря на традиции почитания у соседних единоверцев Махакалы в форме Гургон — главного защитника школы сакья, буряты отдали предпочтение Шестирукому Махакале. Начало культовой практики почитания этого божества связано с первым Пандито Хамбо ламой Дамба-Даржой Заяевым — продолжателем традиций тибетского монастыря Дрепунг Гоманг, где Шестирукий Махакала является главным покровителем. Д.-Д. Заяев установил Шестирукого Махакалу защитником первого бурятского буддийского монастыря, тем самым заложил основы развития буддизма гелугпинского направления. Функции этого божества, заключающиеся в защите и покровительстве учения и его последователей, были очень востребованы в непростое для буддизма время, на этапе его становления. Культ Махакалы прочно внедрился в религиозные представления бурят, адаптировался к социокультурным реалиям и вошел в систему шаманских воззрений. За несколько веков бытования культ Махакалы не утратил своей первоначальной значимости, и по сей день традиции почитания этого божества занимают важное место в храмовой обрядности бурятского буддизма.

Источники

1. *Бурятские летописи* / сост. Ш. Б. Чимитдоржиев, Ц. П. Ванчикова. — Улан-Удэ: Курумкан : Курумканская типография, 1995. — 198 с.
2. *Сборник документов по истории Бурятии. XVII век. Выпуск 1* / сост. Г. Н. Румянцев, С. Б. Окунь. — Улан-Удэ : Типография Министерства культуры БурАССР, 1960. — 493 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Нил Архиепископ Ярославский*. Буддизм, рассматриваемый в отношении к последователям его, обитающим в Сибири / Нил, архиепископ Ярославский. — Санкт-Петербург : тип. Г. Трусова, 1858. — 386 с.
2. *Базаров С. Ц.* История становления и развития Цонгольского и Гусиноозерского дацанов (XVIII — начало XX века) : диссертация ... кандидата исторических наук / С. Ц. Базаров. — Улан-Удэ, 2006. — 157 с.
3. *Батомункуева С. Р.* К истории культа Махакалы в Тибете / С. Р. Батомункуева // Ориенталистика. — 2020. — Т. 3, № 4. — С. 1114—1130. — DOI: 10.31696/2618-7043-2020-3-4-1114-1130.
4. *Батомункуева С. Р.* К ранней истории культа Махакалы в Монголии / С. Р. Батомункуева // Буддологические исследования. Религиоведческий альманах. — 2020. — Вып. 3. — С. 182—194. — DOI: 10.31554/978-5-7925-0600-8-2020-3-182-194.

5. *Бира Ш.* Монгольская историография (XIII—XVII веков) / Ш. Бира. — Москва : Наука, 1978. — 319 с.
6. *Болсохоева Н. Д.* Чоки Агван Пунцок — буддийский учитель и миссионер / Н. Д. Болсохоева // Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание и искусство : Пятые Доржиевские чтения. — Санкт-Петербург : Гиперион, 2013. — С. 62—70. — ISBN 978-5-89332-211-8.
7. *Ванчикова Ц. П.* Буддизм в Монголии: история, духовенство, монастыри / Ц. П. Ванчикова. — Иркутск : Оттиск, 2019. — 292 с. — ISBN 978-5-6042914-3-6.
8. *Галданова Г. Р.* Эволюция представлений о тэнгри / Г. Р. Галданова // Средневековая культура Центральной Азии: письменные источники : сборник статей. — Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 1995. — С. 94—108. — ISBN 5-7623-1041-8.
9. *Дашиева Н. Б.* К истории кузнечного культа рода галзут в составе бурятского племени хори / Н. Б. Дашиева // Известия Иркутского государственного университета. Серия Геоархеология. Этнология. Антропология. — 2018. — Т. 26. — С. 108—124. — DOI: 10.26516/2227-2380.2018.26.108.
10. *Дугаров Р. Н.* Очерки средневековой истории Кукунора / Р. Н. Дугаров. Улан-Удэ : Бурятское книжное издательство, 2003. — 122 с. — ISBN 5-7411-0668-4.
11. *Жуковская Н. Л.* О буддизме и буддистах. Статьи разных лет. 1961—2011 / Н. Л. Жуковская. — Москва : Ориенталия, 2013. — 480 с. — ISBN 978-5-91994-023-4.
12. *История Эрдэни-дзу.* Факсимиле рукописи / перевод с монгольского, комментарий А. Д. Цендиной. — Москва : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1999. — 255 с. — ISBN 5-02-018056-4.
13. *Ламаизм в Бурятии XVIII — начала XX века.* Структура и социальная роль культовой системы / Г. Р. Галданова, [и др.]. — Новосибирск : Наука, Сибирское отделение, 1983. — 238 с.
14. *Позднеев А. М.* Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу / А. М. Позднеев. — Санкт-Петербург : Тип. Имп. Акад. наук, 1887. — 492 с.
15. *Поппе Н. Н.* Описание монгольских «шаманских» рукописей Института востоковедения / Н. Н. Поппе // Записки Института Востоковедения. — Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1932. — Т. I. — С. 151—200.
16. *Цыремпилов Н. В.* Ранний этап распространения и утверждения буддизма в Российском Забайкалье / Н. В. Цыремпилов // Буддизм в истории и культуре бурят : кол. монография / под ред. И. Р. Гарри. — Улан-Удэ : Буряад-Монгол Ном, 2014. — 418 с. — ISBN 978-5-9905883-0-1.
17. *Цыремпилов Н. В.* Тибетоязычная агиография Первого Пандито Хамбо-ламы Дамба Даржа Заяагийна / Н. В. Цыремпилов, И. С. Цыремпилова // От Дуньхуана до Бурятии: по следам тибетских текстов. Российские тибетологи к 80-летию со дня рождения Ренби Ешиевича Пубаева : сб. статей. — Улан-Удэ : Издательство БНЦ СО РАН, 2009. — С. 258—271. — ISBN 978-5-7925-0254-3.
18. *Чимитдоржиев Ш. Б.* Начало распространения буддизма в Бурятии / Ш. Б. Чимитдоржиев // Бурятский буддизм : история и идеология. — Улан-Удэ : Издательство БНЦ СО РАН, 1997. — С. 18—28.
19. *Янгутов Л. Е.* Буддизм в общественных и политических процессах Бурятии / Л. Е. Янгутов // Буддизм в общественно-политических процессах Бурятии и стран Центральной Азии : сборник статей. — Улан-Удэ : Издательство Бурятского госуниверситета, 2012. — С. 20—33. — ISBN 978-5-9793-0470-0.

20. *Four Mongolian historical records* / ed. and translated by Dr. B. Rinchen // Mongol pitaka. — New Delhi, 1959. — Vol. 2: Indo-Asian literatures. — 155 p.

21. *Pallas P. S. Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkernschaften*. T. 2. / P. S. Pallas. — St. Petersburg : 1776—1801.

MATERIAL RESOURCES

Chimitdorzhiev, Sh. B., Vanchikova, Ts. P. (eds.). (1995). *Buryat chronicles*. Ulan-Ude-Kurumkan: Kurumkan typography. 198 p. (In Russ.).

Rumyantsev, G. N., Okun', S. B. (eds.). (1960). *Collection of documents on the history of Buryatia. XVII century*. Ulan-Ude: Printing house of the Ministry of Culture of the BurASSR. 1. 493 p. (In Russ.).

REFERENCES

Batomunkueva, S. R. (2020). The Mahakala cult in Tibet: some aspects of its history. *Orientalistika*, 3 (4): 1114—1130. DOI: 10.31696/2618-7043-2020-3-4-1114-1130. (In Russ.).

Batomunkueva, S. R. (2020). Towards the early history of the Mahakali cult in Mongolia. In: *Buddhological research. Religious almanac*. 3: 182—194. DOI: 10.31554/978-5-7925-0600-8-2020-3-182-194. (In Russ.).

Bazarov, S. Ts. (2006). *The history of the formation and development of Tsongolsky and Gusi-noozersky datsans (XVIII — early XX century): PhD Diss.* Ulan-Ude. 157 p. (In Russ.).

Bira, Sh. (1978). *Mongolian historiography (XIII—XVII centuries)*. Moscow: Nauka. 319 p. (In Russ.).

Bolsokhoeva, N. D. (2013). Choki Aghwan Phuntsok — Buddhist teacher and missionary. In: *Buddhist Culture: History, Source Study, Linguistics and Art: The Fifth Dorzhiev Readings*. St. Petersburg: Giperion. 62—70. ISBN 978-5-89332-211-8. (In Russ.).

Chimitdorzhiev, Sh. B. (1997). The beginning of the spread of Buddhism in Buryatia. In: *Buryat Buddhism: History and Ideology*. Ulan-Ude: BNTs SO RAN publishing house. 18—28. (In Russ.).

Dashieva, N. B. (2018). On the history of Galzut blacksmiths family within the Khorii buryat tribe. *Irkutsk State University Bulletin. Series Geoarcheology. Ethnology. Anthropology*, 26: 108—124. DOI: 10.26516/2227-2380.2018.26.108. (In Russ.).

Dugarov, R. N. (2003). *Essays on the Medieval History of Kukunor*. Ulan-Ude: Buryat book publishing house. 122 p. ISBN 5-7411-0668-4 (In Russ.).

Galdanova, G. R. (1995). Evolution of ideas about tengri. In: *Medieval Culture of Central Asia: Written Sources: Collection of Articles*. Ulan-Ude: BNTs SO RAN publishing house. 94—108. ISBN 5-7623-1041-8. (In Russ.).

Galdanova, G. R. (et al.). (eds.). (1983). *Lamaism in Buryatia XVIII — the beginning of the twentieth century. The structure and social role of the cult system*. Novosibirsk: Nauka, Siberian branch. 238 p. (In Russ.).

Nil, Arkhiepiskop Yaroslavskiy. (1858). *Buddhism viewed in relation to its followers who live in Siberia*. St. Petersburg: tip. G. Trusova. 386 p. (In Russ.).

Pallas, P. S. (1801). *Sammlungen historischer Nachrichten über die Mongolischen Völkernschaften*. 2. St. Petersburg.

- Poppe, N. N. (1932). Description of Mongolian “shaman” manuscripts of the Institute of Oriental Studies. In: *Notes of the Institute of Oriental Studies*. Leningrad: USSR Academy of Sciences Publishing House. I: 151—200. (In Russ.).
- Pozdneev, A. M. (1887). *Essays on the life of Buddhist monasteries and Buddhist clergy in Mongolia in connection with the attitude of this latter towards the people*. St. Petersburg: Printing house of the Imperial Academy of Sciences. 492 p. (In Russ.).
- Rinchen, B. (ed.). (1959). Four Mongolian historical records. In: *Mongol pitaka*. New Delhi. 2: Indo-Asian literatures. 155 p.
- Tsendinoy, A. D. (ed.). (1999). *History of Erdeni-zu. Facsimile of the manuscript*. Moscow: Vostochnaya literatura, RAN. 255 p. ISBN 5-02-018056-4. (In Russ.).
- Tsyrempilov, N. V. (2014). The early stage of the spread and establishment of Buddhism in the Russian Transbaikalia. In: *Buddhism in the history and culture of the Buryats*. Ulan-Ude: Buryaad-Mongol Nom. 418 p. ISBN 978-5-9905883-0-1. (In Russ.).
- Tsyrempilov, N. V., Tsyrempilova, I. S. (2009). Tibetoyazychnaya agiografiya Pervogo Pandito Khambo-lamy Damba Darzha Zayaagiyna. In: *From Dunhuang to Buryatia: In the Footsteps of Tibetan Texts. Russian Tibetologists on the occasion of the 80th anniversary of the birth of Rugby Yeshievich Pubaev*. Ulan-Ude: BNTs SO RAN publishing house. 258—271. ISBN 978-5-7925-0254-3. (In Russ.).
- Vanchikova, Ts. P. (2019). *Buddhism in Mongolia: History, Clergy, Monasteries*. Irkutsk: Otisk. 292 p. ISBN 978-5-6042914-3-6. (In Russ.).
- Yangutov, L. E. (2012). Buddhism in social and political processes in Buryatia. In: *Buddhism in the socio-political processes of Buryatia and the countries of Central Asia*. Ulan-Ude: Buryat State University Publishing House. 20—33. ISBN 978-5-9793-0470-0. (In Russ.).
- Zhukovskaya, N. L. (2013). *About Buddhism and Buddhists. Articles from different years. 1961—2011*. Moscow: Orientaliya. 480 p. ISBN 978-5-91994-023-4. (In Russ.).

Дубровская Е. Ю. Политическая самоидентификация российских военнослужащих в Финляндии весной 1917 года / Е. Ю. Дубровская // Научный диалог. — 2021. — № 12. — С. 289—308. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-289-308.

Dubrovskaya, E. Yu. (2021). Political Self-Identification of Russian Military Personnel in Finland in Spring 1917. *Nauchnyi dialog*, 12: 289-308. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-289-308. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-289-308

Политическая самоидентификация российских военнослужащих в Финляндии весной 1917 года

Дубровская Елена Юрьевна
orcid.org/0000-0003-1893-7873

кандидат исторических наук, старший
научный сотрудник сектора истории
ldubrovskaya@inbox.ru

Институт языка, литературы и истории —
обособленное подразделение
Федерального государственного
бюджетного учреждения науки
Федерального исследовательского центра
«Карельский научный центр
Российской академии наук»
(Петрозаводск, Россия)

Благодарности:

Финансовое обеспечение исследования
осуществлялось из средств федерального
бюджета на выполнение государственного
задания КарНЦ РАН «Карелия в условиях
общественных трансформаций XVII—
XXI веков: новые подходы и
интерпретации» 121070700117-1

Political Self-Identification of Russian Military Personnel in Finland in Spring 1917

Elena Yu. Dubrovskaya

orcid.org/0000-0003-1893-7873

PhD in History, Senior Researcher
of the History Sector
ldubrovskaya@inbox.ru

Institute of Linguistics,
Literature and History
of the Karelian Research Centre
of the Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russia)

Acknowledgments:

The research was financed from
the federal budget for the fulfillment
of the state task of the KarRC RAS
“Karelia in the conditions of social
transformations of the XVII-XXI centuries:
new approaches and interpretations”
121070700117-1

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Выявлены социально-психологические особенности поведения российских военных в Финляндии в начальный период революции 1917 года, включая формирование поведенческих стереотипов, новых «образов врага», изменение их представлений о «своих» и «чужих», трансформацию социально-нравственных норм. Актуальность исследования обоснована необходимостью применения относительно нового историко-антропологического подхода к изучению роли военного фактора в истории России и Финляндии. На материалах революционного Гельсингфорса и нестоличных гарнизонов рассмотрен процесс идейного и организационного самоопределения сторонников эсеровской и большевистской партий, систематизированы и проанализированы сведения о численности и начале деятельности этих партийных организаций. Новизна исследования видится в том, что обращение к проблеме «Революция и человек» и изучение образов «Своего», «Чужого», «Другого» в восприятии участников и очевидцев событий в связи с их участием в общественных трансформациях революционного времени впервые позволяет получить представление об умонастроениях рядовых и офицеров — самой активной части русского населения Финляндии. Автор приходит к выводу, что роль российских военных в событиях весны 1917 года значительно более существенна, чем было принято считать прежде.

Ключевые слова:

русская армия и флот; Финляндия; русская революция 1917 года; политическая самоидентификация; образ врага; свои; чужие; военная антропология.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The socio-psychological characteristics of the behavior of the Russian military in Finland in the initial period of the 1917 revolution were revealed, including the formation of behavioral stereotypes, new “images of the enemy”, a change in their ideas about “friends” and “foes”, and the transformation of social and moral norms. The relevance of the study is due to the need to apply a relatively new historical and anthropological approach to the study of the role of the military factor in the history of Russia and Finland. Based on the materials of the revolutionary Helsingfors and non-capital garrisons, the process of ideological and organizational self-determination of the supporters of the Socialist-Revolutionary and Bolshevik parties is considered, information about the number and the beginning of the activities of these party organizations is systematized and analyzed. The novelty of the research is seen in the fact that addressing the problem of “Revolution and man” and studying the images of “Friends”, “Foes”, “Other” in the perception of participants and eyewitnesses of events in connection with their participation in social transformations of a revolutionary time allows for the first time to get an idea of the mentality of privates and officers — the most active part of the Russian population of Finland. The author comes to the conclusion that the role of the Russian military in the events of the spring of 1917 is much more significant than was previously assumed.

Key words:

Russian army and navy; Finland; Russian revolution of 1917; political self-identification; image of enemy; Friends; Foes; military anthropology.

Политическая самоидентификация российских военнослужащих в Финляндии весной 1917 года

© Дубровская Е. Ю., 2021

1. Введение

В истории более чем столетнего пребывания Финляндии в составе Российского государства в качестве автономного Великого княжества и дислокации на его территории российской армии и флота Первая мировая война занимает особое место. До августа 1914 года значение княжества в российских военных планах сводилось к прикрытию путей из Балтийского моря в Финский залив в направлении столицы империи, однако с началом военных действий линия обороны была перенесена на побережье Финского и Ботнического заливов. Возникла необходимость защищать не только российскую столицу, но и собственно финляндскую территорию [Бажанов, 2007; Соломещ, 1992, с. 23—27].

С 1809 года своим присутствием в Финляндии российская армия и флот призваны были постоянно напоминать населению княжества о необходимости уважительного отношения к имперской власти, а военная сила всегда оставалась последним аргументом в пользу сохранения общественного порядка и лояльности политике самодержавия. Особенность флотских и армейских частей и соединений, находившихся в гарнизонных городах княжества и на балтийских военно-морских базах, определяется тем, что Финляндия, не став театром военных действий, не являлась и тылом в его обычном понимании [Дубровская, 2008]. Размещенные здесь соединения входили в состав действующих армии и флота. Условия их жизни, существенно отличавшиеся от фронтовых, нельзя отождествлять и с обстоятельствами службы в тыловых гарнизонах в глубине России, особенно это касается частей, стоявших вдоль государственной границы со Швецией.

Настроения жителей финляндского княжества и его столицы Гельсингфорса (Хельсинки) по отношению к центральной имперской власти и к российским войскам, стоявшим в гарнизонных городах, довольно подробно исследованы в работах по «прусскому периоду» в истории Финляндии [Клингге, 2005; Лунтинен, 2006; Kagermaa, 1988]. Если на протяжении трех лет войны все официальные издания были проникнуты выражением ненависти к врагу — немцу, то во время российской революции 1917 года этот прежний «образ врага» был преумножен и дополнен новыми — представителями «старого строя», духовенством, офицерами, «буржуями», под которыми стали под-

разумеваться затаившиеся враги революции. Как отмечает О. С. Поршнева, автор монографических исследований по проблемам изменения психологии рядовых военнослужащих, активных участников политического процесса в России 1917 года, солдатская масса своим поведением в значительной степени определяла развитие этого процесса. Сформировавшийся в ходе войны образ «внутреннего врага» в разных, сменяющих друг друга модификациях — «внутреннего немца», «темных сил» (правящей династии, царской бюрократии), «начальства», «буржуазии» — повлиял на усиление недовольства в солдатской среде, способствовал аккумуляции опасной энергии социального взрыва в армии» [Поршнева, 2000, с. 287, 324—325]. Сказывалась усталость от войны, недовольство «человека с ружьем» переходило в революционное брожение, и ненависть рядовых моряков и армейцев перекидывалась с внешнего врага на «врага внутреннего», обрушиваясь на собственные правительства [Сенявская, 2006, с. 71].

Однако представления солдат и матросов, которые продолжали свою службу в Финляндии, об этом «внутреннем враге», о «своих» и о «чужих», утвердившиеся в их среде весной 1917 года, остаются не изученными. В течение многих лет отечественные исследователи уделяли внимание лишь отдельным этапам истории дислоцированных здесь российской армии и флота, как правило, времени непосредственной подготовки Октябрьской революции, поскольку в предшествующий ей период выборные руководящие организации моряков и армейцев не стояли на большевистских позициях [Киуру, 1965; Хесин, 1971]. В современной научной литературе, напротив, отмечаются недооценка значения политической составляющей революционного процесса и спад интереса к солдатскому движению весной 1917 года, к деятельности социалистических партий в войсках, как и к феномену левого радикализма весны — осени 1917 года в целом [Тарасов, 2017, с. 10—14].

Автор ставит целью проследить на материале официальных источников и документов личного происхождения (воспоминания, «письма во власть») проявлявшуюся в первые месяцы российской революции политическую самоидентификацию моряков-балтийцев и армейцев гарнизонных частей, стоявших в Финляндии. Представляется важным увидеть новые «образы врага», которые возникали в представлениях рядовых военнослужащих сразу вслед за бурными переменами Февраля 1917 года в финляндских войсках и отразились в «эго-документах».

Источниковую основу исследования составили протоколы и резолюции солдатских и матросских собраний, заседаний комитетов воинских частей, материалы военной цензуры и др. Большинство неопубликованных документов обнаружено среди материалов Национального архива Финляндии (КА) в коллекции «Русские военные бумаги» и в фондах РГА ВМФ

в Санкт-Петербурге. Интересны свидетельства, сохранившиеся в опубликованных дневниках и воспоминаниях военнослужащих, тех, кто весной — летом 1917 года был избран в Советы и комитеты разного уровня. В частности, привлекают внимание редко вводившиеся в научный оборот мемуары партийного активиста гельсингфорсской организации РСДРП(б) В. Н. Залежского, которые были изданы в 1920-е годы [Залежский, 1923; Залежский, 1925].

Уникальным источником являются письма солдат, матросов и офицеров нижнего звена, многие из которых имели мандаты представительных демократических организаций, в редакцию «Известий Гельсингфорсского Совета депутатов армии, флота и рабочих», как опубликованные, так и хранящиеся в архивах России и Финляндии. В середине мая 1917 года в редакцию этой газеты поступило письмо из действующей армии, автор которого просил прислать на фронт «политических книг и песенников» и «напомнить названия известных песен», на мотив которых можно было исполнять новые. Помимо этого, рядовой солдат выразил желание получить «разъяснительную книгу», где было бы сказано, «что такое демократы, социалисты-революционеры, социал-демократы, социалисты-революционеры, большевики, меньшевики и другие такие незнакомые для нас слова», «чтобы немного понимали, что такое был Дом Романовых». «Сейчас каждый старается просветить свои глаза, но нет чем, и каждый старается удержать завоеванную Вами молодую Россию, но не знает как», — сокрушался фронтовик [Письмо из окопов, 1917]. Содержание этого письма, конечно, не свидетельствует о том, что на передовой, в отличие от Финляндии, находились какие-то особенно отсталые и неразвитые части. Именно таким был общий уровень политического развития рядовых русской армии и флота.

В 1917—1918 годах социальные последствия военных действий и существования военных институтов переплелись с последствиями революционных потрясений всех сторон жизни российского общества. Для изучения общественных настроений людей, оказавшихся очевидцами или участниками событий, письма имеют особое значение, поскольку в них нашли непосредственное отражение представления военнослужащих о переживаемом моменте.

2. Весна 1917: «свой» и «чужие» в воспоминаниях очевидцев

Личный состав армейских частей, многие из которых прибывали в Финляндию для отдыха и пополнения, менялся достаточно часто, и общая усталость от войны, к 1917 году присущая основной массе рядовых российской армии, в меньшей степени затронула военнослужащих, находившихся на территории финляндского княжества. Общее количество рус-

ских сухопутных войск, размещенных в Финляндии, во время российской революции 1917 года составило около 100 тыс. чел.; вместе с личным составом команд Балтийского флота численность солдат и матросов достигала 125 тыс. чел. [Nähri, 1984, s. 173, 180].

Как вспоминает Ю. П. Фролов, служивший врачом на военно-морской базе Гангэ (Ханко), матросские митинги и демонстрации на улицах приморских городов Финляндии не прекращались в первые весенние месяцы ни на один день. «Они занимали видное место в жизни взбудораженной Финляндии, похожей на разрытый муравейник. Матросы, сняв погоны, казалось, не могли наговориться, компенсируя себя за долгие годы молчания». Одной из любимых, волнующих тем была — “долой войну, да здравствует братство всех народов!”. На митингах нередко выступали и моряки, выбранные в Советы и комитеты. «Но если они, указывая матросам на серые, окаймленные льдинами воды Финского залива, говорили о коварном враге — о немцах, то толпа грозила выкинуть таких ораторов в море» [Фролов, 1962, с. 168].

По наблюдению московского исследователя В. П. Булдакова, влияние агитаторов не могло не быть велико, если принять во внимание, что они призывали не стрелять, а значит, не делать того, что рядовые военнослужащие не хотели сами [Булдаков, 1997, с. 124]. Однако их стремление к миру вовсе не означало требования немедленного прекращения войны во что бы то ни стало. В апреле 1917 года матрос транспорта «Кама» С. Литвинов, призывая солдат «к борьбе до победы» над Германией, писал: «А чтобы нам получить победу и прочный мир навсегда, нужно, чтобы в армии была железная дисциплина, армия без дисциплины — это пушечное мясо». Среди символических образов врагов в его письме возникает мрачный образ германского кайзера — «проклятый гений Вильгельм, который залил всю карту кровью наших братьев». Обращаясь к солдатам и рабочим, автор напомнил о стоявшей перед ними мессианской задаче: «Вы же граждане Свободной России, мы все свои силы должны сплотить воедино и отстоим долгожданную свободу и прочный мир для всего человечества всего мира» [КА, 342: б. д. 11970].

Письмо одного из членов объединенной гельсингфорсской социал-демократической организации свидетельствует о проявлениях нетерпимого отношения рядовых к флотским и армейским офицерам. В мае он сообщил в редакцию в «Известий» о типичном инциденте на солдатском собрании: «Прискорбно было слушать возражения некоторых товарищей против оратора в форме армейского офицера», сопровождавшиеся выкриками «довольно, кончай!» и свистом. Убеждая читателей газеты, что такое поведение «недопустимо, не подходит к званию гражданина и является на-

рушением порядка», автор письма подчеркнул: «Я уверен, что это делается не столько из-за того, что оратор уклонялся, быть может, от прямых доказательств или не указывал на быструю смену Временного правительства, сколько просто из ненависти к офицерству и ничто иное. Я, как и многие товарищи, глубоко убежден, что его слова были искренни и правдивы, несмотря на то, что он не так ловко говорил, как первый товарищ оратор» [РГА ВМФ, ф. Р-315, оп. 1, д. 21, л. 6—6 об.].

Воспоминания Э. С. Панцержанского, непосредственного участника и очевидца событий из офицерской среды, отличается взвешенный подход к описанию положения морского офицерства, например, в рассказе о «погонной революции» на флоте. Весной 1917 года по настоянию рядовых матросов вместе с запрещением титулования офицеров было отменено и ношение погон. Известны случаи матросской расправы над офицерами, не желавшими этому подчиниться [Колоницкий, 2001a].

Отношение автора воспоминаний к нововведениям такого рода передано им совершенно определенно: «На базовом собрании офицеров Гельсингфорса сухопутный генерал К. Алексеевский (выборный комендант Свеаборгской крепости. — *Е. Д.*) закончил выступление демагогическим жестом: сорвав с себя генеральские погоны, он призвал сделать это всех офицеров. Его примеру последовал полковник корпуса гидрографов Ножин, который в пояснение своего поступка доложил собранию, что «эта позорная эмблема царского режима давно уже жгла ему плечи». Не трудно угадать, какой была реакция большинства собравшихся: «В зале поднялся неистовый шум, — продолжает Панцержанский, — Послышались выкрики: “Подлецы! Труссы!” и т. д.». Однако «галерка», где заседали преимущественно матросы, «шумными аплодисментами приветствовала жесты и слова почтенных офицеров». Вопрос о снятии погон в конце концов постановили передать на усмотрение А. С. Максимова, в дни Февральской революции избранного на пост командующего флотом, который «тут же расстался со своими вице-адмиральскими орлами» [Панцержанский, 1987, с. 88]. Наконец, последовал приказ Морского министерства № 125 от 16 апреля о новой форме, получившей название «керенской», согласно которому все виды погон изымались из употребления [Колоницкий, 2001b, с. 178—180].

Вовлечение рядовых военнослужащих в набравшую силу солдатскую революцию непреднамеренно усиливало и национальную революцию финляндцев. В специфических финляндских условиях это наряду с «демократизацией» необычайно осложнило положение армии и флота России на северо-западном рубеже воюющего государства. Отказ от единоначалия командного состава вел к нарушению боеспособности и к фактическому разложению финляндских войск.

3. Расстановка политических сил в финляндских войсках: выборные организации и социалистические партии

Выборные Советы и комитеты, за несколько весенних недель возникшие почти во всех частях и в финляндских гарнизонах, явочным порядком осуществляли «демократизацию» флотской и армейской жизни. Во главе 32 русских Советов, действовавших в гарнизонах на территории бывшего княжества, в апреле встал Областной комитет депутатов армии, флота и рабочих Финляндии (ОКФ). Вместе с Гельсингфорским Советом и Центробалтом — Центральным комитетом Балтийского флота, руководящим выборным органом моряков-балтийцев [Назаренко, 2017, с. 191—205], он являлся ведущей военной организацией. В первоначальном составе флотских и армейских органов демократии, отразившем тогдашнее соотношение партийных сил, преобладание получили эсеры как самая многочисленная партия на флоте и самая популярная политическая партия в России на протяжении всего 1917 года.

В конце марта по инициативе моряков состоялось организационное собрание гельсингфорского отделения партии социалистов-революционеров. Его возглавили приехавший из Нарвы тридцатилетний «тов. Михаил» (М. В. Котрохов), служивший в цензурной комиссии капитан И. Чекоидзе, прапорщик К. Термикелов и матрос с линкора «Петропавловск» И. Расторгуев. В армейском гарнизоне Гельсингфорса, как и на флоте, позиции партии были очень сильны. В первой половине апреля здесь прошло собрание всех эсеровских ячеек, действовавших на главной балтийской военно-морской базе, был избран постоянный комитет городской организации эсеров из 17 человек и принято решение об издании газеты «Народная Нива». Первый номер ее увидел свет 25 апреля.

В середине апреля во дворе флотского полуэкипажа в г. Або (Турку) по инициативе организационного комитета эсеров состоялся митинг, где записывали желающих вступить в партию. Более полусотни солдат гарнизона г. Риихимяки выступили инициаторами создания местной эсеровской организации, и 20 апреля в нее записалось еще около двух десятков человек. Собравшиеся постановили приветствовать Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов и поддержать решения II петроградской конференции партии эсеров по вопросам об отношении к войне и к Временному правительству, высказались за узаконение «завоеванного народом 8-часового рабочего дня и минимума заработной платы». В мае оформилась гельсингфорсская фракция левых эсеров, которую вскоре возглавили приехавшие из Петрограда видные работники ЦК партии А. М. Устинов и П. П. Прошьян [Политические деятели ..., 1993, с. 138, 263—265, 303, 328—329, 376, 399, 409, 411; Пасынки революции, 1990].

В июне, после окончательного раскола внутри гельсингфорсской эсеровской организации и ухода Прошьяна и Устинова из редакции «Народной Нивы», руководство газетой полностью перешло в руки правого эсера подполковника С. А. Циона. Финляндский областной комитет партии эсеров-интернационалистов начал издавать газету «Социалист-революционер». Первоначально левые эсеры Устинов и Прошьян были ее редакторами, затем их сменили телеграфист эсминца «Достойный», член ВЦИК П. И. Шишко и депутат от рабочих транспорта «Кама» Д. И. Попов, который в июле 1918 года станет известен всей стране как руководитель матросского отряда во время левозеро́вского мятежа в Москве.

Объединенная социал-демократическая организация «Гельсингфорсский отдел РСДРП» возникла 21 марта 1917 года. В составе комитета из 13 человек, избранного на организационном собрании, преобладали меньшевики, большевиками были лишь двое. В него вошли преимущественно представители интеллигенции (офицеры, служащие Свеаборгского порта и других учреждений города). Комитет возглавил председатель Гельсингфорского Совета мичман Сергей Александрович Гарин (до мая 1917 года Гарфильд).

Позже был создан Гельсингфорсский комитет РСДРП(б), который к концу апреля объединял уже около трех тысяч членов партии (в том числе 500 рабочих и более 1200 матросов) [Седьмая ..., 1958, с. 279]. Гельсингфорсские большевики, издававшие газету «Волна» (после июльских событий в Петрограде была переименована в «Прибой»), численно превосходили меньшевиков, но уступали эсерам. «Сильными партийными организациями, тяготеющими к Гельсингфорсу, — вспоминал В. Н. Залезский, в начале апреля приехавший в финляндскую столицу по заданию Петербургского комитета большевиков, — были Тавастгусская, Николай-стадская и Абоская, возникшие самостоятельно помимо всякого участия Гельсингфорса». Судя по документам Шестого съезда РСДРП(б), в апреле большевистские организации в Финляндии насчитывали 4500 чел., а к концу июля 1917 года их численность возросла до 7500 чел. (Гельсингфорсская — 4600 чел., Выборгская — 750 чел., Абоская — 100 чел.) [Шестой, 1958, с. 204—206; Залезский, 1923, с. 138].

Член ЦК партии В. А. Антонов-Овсеенко, направленный в Гельсингфорс в начале лета, отмечал, что по сравнению с командами линейных кораблей «Республика» (бывший «Павел I»), «Андрей Первозванный», крейсера «Диана» позиции большевиков были слабее на дредноутах, особенно на «Полтаве», на мелких судах, в пехотных частях, в ротах Свеаборгской артиллерии, где преобладали эсеры. Исключение среди артиллеристов составляли Свеаборгская крепостная телеграфная рота и 12-я рота 2-го Свеаборгского запасного артиллерийского полка, а в пехоте — 128-й Лодей-

нопольский полк, команда связи которого обслуживала Гельсингфорский комитет РСДРП(б) [Антонов–Овсеенко, 1983, с. 45].

Если в Гельсингфорсе, как свидетельствует В. Н. Залежский, «еле-еле хватало активных работников», то их было совершенно недостаточно «для работы в финляндском масштабе», и вести эту работу, посылая организаторов и агитаторов на места, организация была не в силах. Однако постоянное передвижение воинских частей и кораблей в пределах Финляндии порой шло на пользу партийным организациям. В частности, этим упрощалась задача распространения большевистской газеты «Волна» [Залежский, 1923, с. 139].

На массовое сознание населения страны повлияла расцветшая за годы войны «шпиономания», и вплоть до октября 1917 года большевизм ассоциировался прежде всего с авантюристическими заговорами, анархическими выступлениями, которыми должны были воспользоваться «контрреволюция» и «реакция». Как заметила петербургская исследовательница Т. А. Абросимова, интерес к программе большевиков подогревался антибольшевистской кампанией, тем более что в адрес большевиков порой звучали прямые угрозы [Абросимова, 1994, с. 185]. Матрос с эсминца «Самсон» большевик Г. И. Силин, депутат Центробалта, возникшего в Гельсингфорсе весной 1917 года, вспоминал: «На родном корабле, где я служил со дня его постройки, мне совершенно перестали давать говорить, дошло даже до того, что хотели было повесить и одевали петлю на шею». Отнять матроса у «разъярившихся врагов» и «отложить казнь “немецкого шпиона”» удалось лишь благодаря вмешательству его товарищей из команды, действовавших «иногда словом, иногда даже силой». [РГА ВМФ, оп. 1, д. 119, л. 30].

Говоря о работе представителей основных партий в Советах, комитетах и других матросских и солдатских общественно-демократических организациях, следует очертить границы политизации финляндских гарнизонов. Далеко не каждый из военнослужащих проявлял интерес к политике, даже в самый кульминационный момент революционного взрыва. Многие рядовые и офицеры были поглощены исполнением своих служебных обязанностей. Для некоторых наступившая свобода означала свободу пренебрегать этими обязанностями ради веселого времяпрепровождения. Весьма порицавшееся в «Известиях» и в партийных изданиях увлечение танцами было далеко не самым предосудительным.

4. Политические настроения нестоличных гарнизонов: Торнео и Риихимяки

Характеризуя умонастроения, отличавшие военнослужащих нестоличных гарнизонов Финляндии, можно сослаться на психологическое со-

стояние офицеров и солдат пропускного пункта Торнео, находящегося на границе со Швецией. Об этом также можно судить на основании свидетельств, приведенных в воспоминаниях В. Н. Залежского. В начале мая 1917 года он был командирован на границу в качестве представителя от большевистского Гельсингфорсского комитета.

Пограничные власти, ожидая приезда большой группы политэмигрантов, предупредили ОКФ о том, что военнослужащие Торнео из-за публикаций в праворадикальной печати «находятся всецело под влиянием негативного отношения», поскольку 2 апреля из Германии через Швейцарию на шведско-русскую границу уже прибыл первый эшелон эмигрантов во главе с лидером большевиков В. И. Лениным. «Гарнизон страшно волнуется и нервничает, считает едущих изменниками и германскими шпионами и угрожает встретить их штыками», — вспоминал Залежский [Залежский, 1923, с. 159].

Опасаясь возможных эксцессов на этой почве, пограничные власти просили ОКФ принять экстренные меры и направить в Торнео представителей общественных организаций, в противном случае они не ручались за благополучный исход дела. Областной комитет Финляндии предложил исполкому Гельсингфорсского Совета, местным отделениям русских политических партий и Социал-демократической партии Финляндии тоже командировать на границу своих делегатов. В дальнейшем предполагалось возвращение через Германию новых групп эмигрантов, поэтому решено было просить исполком Петроградского Совета «принять меры в общероссийском масштабе во избежание возможных недоразумений и эксцессов» [Залежский, 1923, с. 159—160].

По постановлению экстренного собрания ОКФ вместе с Залежским выехали двое других делегатов: меньшевик М. Диканьский и эсер М. В. Котрохов, депутат Гельсингфорсского Совета, который незадолго до этого (16 марта) сам вернулся тем же путем из Христиании (Осло) в группе первых эмигрантов [Залежский, 1923, с. 159; Смолин, 2015, с. 30].

По словам мемуариста, эмиссары из Гельсингфорса застали гарнизон Торнео «в очень возбужденном состоянии». Причину этого он усматривал лишь в настроениях офицеров, которые «идеально» сохранили «старую физиономию офицерства царских дней»: «Я видел, что разговаривать даже с солдатами гарнизона в данный момент дело явно безнадежное — против большевиков они были натасканы весьма основательно». Автор воспоминаний подчеркнул и то влияние, которое оказывали на рядовых пограничников английские и французские офицеры: «Особенно много было англичан. Эти “союзные” офицеры относились к ожидаемым эмигрантам особенно неприязненно, и, видимо, оказывали на наши пограничные власти весьма сильное давление» [Залежский, 1923, с. 160].

В части воспоминаний В. Н. Залежского, озаглавленных «Проезд «через Германию» вождей меньшевизма. Встреча эмигрантов», появляется еще один образ «внутреннего врага», сформировавшийся в представлениях рядовых и их офицеров весной 1917 года. Описывая трения, которые возникли у эмигрантов с пограничными властями на пропускном пункте Торнео, он иронизирует по поводу правил, предлагавшихся для «установления личности» прибывающих: «вдруг-де действительно какой-нибудь германский шпион пролезет...». Делегатов от общественных и меньшевистских партийных организаций, приехавших вместе с ним из Гельсингфорса, Залежский упрекнул в том, что «в этом вопросе они оказались на линии русского черносотенного офицерства и английских офицеров», а с «черносотенным офицерством и с нашими милыми союзниками» он «говорить совершенно не собирался» [Залежский, 1923, с. 160—161].

И все же изучение настроений, политических симпатий и предпочтений руководителей солдатских и матросских комитетов и Советов в исследуемый период позволяет сделать заключение о том, что весной 1917 года ими был накоплен определенный опыт «межпартийного» взаимодействия, который подготовил представительные организации российских военных в Финляндии к выбору во многом самостоятельной линии поведения.

«Внутренний враг», к которому, помимо офицеров, стали относить представителей старой администрации и духовенства, сделался неотъемлемым атрибутом пропаганды при разъяснении причин трудностей или невозможности выполнения активистами «комитетского класса» каких-либо взятых на себя обещаний. Американский историк А. Уайлдман называет *комитетским классом* сообщество руководителей «новоизбранных» демократических организаций, объединявшее выходцев из интеллигенции и крестьян, которые были готовы к такого рода деятельности в верхних эшелонах военных комитетов действующей армии. По наблюдению петербургского исследователя Б. И. Колоницкого, «комитетский класс», возникший на волне кардинальных перемен в обществе и противостоявший старой элите, накапливал как военный опыт, так и «революционно-политический», а также опыт пребывания во власти. Это становилось важным источником авторитета членов войсковых комитетов, все чаще видевших себя в роли будущих «народных вожakov» [Колоницкий, 2019, с. 17; Модсли, 2014, с. 559; Wildman, 1982].

Известный специалист в области источниковедения А. В. Смолин на основании списков, хранящихся в коллекции «Русские военные бумаги» Национального архива Финляндии, изучил персональный состав групп эмигрантов, которые с середины марта до конца июля 1917 года возвращались в Россию через пограничную станцию Торнео. По его подсчетам, за этот период через нее проследовало 6355 человек (из них 988 поли-

тических эмигрантов), воспользовавшихся мартовским постановлением Временного правительства об амнистии и отменой закона от 25 октября 1916 года о борьбе военным шпионажем.

Проанализировав списки проезжающих, которые составлялись в контрразведывательном отделении и на пропускном пункте, а также отправленные в Петроград телеграммы, исследователь отметил, что особенностью рассматриваемых источников может быть их неполнота и что сводные данные о приехавших эмигрантах необходимо сверять с другими материалами [Смолин, 2015, с. 20, 21—24, 26, 28]. Это связано с обстоятельствами бурного революционного времени, когда в ведении документации царил хаос. Вероятно, по указанной причине в составленном им списке прибывших в Торнео 7 мая указано лишь их общее количество: «250 политических эмигрантов, возвращавшихся через Германию санитарным поездом за счет военного ведомства» [Смолин, 2015, с. 39].

Однако в воспоминаниях В. Н. Залежского приводятся имена многих политэмигрантов, принадлежавших к различным социалистическим партиям, которые подтверждены документацией торнеоского пропускного пункта [Залежский, 1923, с. 162; КА. 342: 4, д. 13690, л. 110—111 об]. В их числе старейший эсер М. А. Натансон и видный лидер партии эсеров А. М. Устинов, члены Заграничного секретариата организационного комитета меньшевиков Ю. О. Мартов и А. С. Мартынов, известные меньшевистские руководители П. Б. Аксельрод, И. С. Астров, С. Ю. Семковский. По свидетельству Залежского, сделанному, правда, через несколько лет после описываемых событий, эта партия прибывших состояла из 257 человек, из которых «в группу большевиков входило человек 35—37», среди них А. В. Луначарский, Д. Б. Рязанов, А. Л. Шейнман [Залежский, 1923, с. 159, 162]. Последний по заданию ЦК партии вскоре появится в финляндской столице вместе с В. А. Антоновым-Овсеенко и войдет в Гельсингфорсский Совет как представитель местной партийной организации, а осенью на волне радикализации Совета будет избран его председателем.

Неудивительно, что радостно настроенные и чувствовавшие себя уже в России эмигранты были весьма неприятно поражены той неприязненной атмосферой, которая встретила их на границе. «Солдаты смотрели на них злобно, власти — нескрывая отрицательно и подозрительно, — вспоминает Залежский, — В самом начале процедуры пропуска эмигрантов через пограничный пункт дело пошло не гладко: пограничники всячески придирались, делали попытки обыскивать», в адрес прибывших раздавались «весьма нелестные замечания» [Залежский, 1923, с. 162].

В такой атмосфере каждая маленькая шероховатость и недоразумение грозили вылиться в большой конфликт: когда один из эмигрантов попробо-

вал заговорить о войне с кем-то из солдат, «тот едва не ткнул его штыком». «Уже не только мне, но и Диканскому, и “Михаилу” приходилось напрягать все усилия, чтобы разрядить сгущающуюся атмосферу», — пишет автор воспоминаний. Перейдя на российскую сторону границы, эмигранты «не чувствовали себя здесь желанными», более того, в Торнео «они были окружены врагами». Атмосфера не разряжалась, и, боясь возможных эксцессов со стороны команды, которой предстояло их сопровождать, Залежский срочно сообщил телеграфом в Гельсингфорсский Совет и в партийный комитет, что считает необходимым «лично сопровождать наших товарищей-большевиков до Петербурга». По его словам, во все время пути настроение эмигрантов, «при явно враждебном отношении к ним конвоя, было не из веселых» [Залежский, 1923, с. 162—163].

Однако ситуация изменилась, когда поздно ночью поезд пришел на узловую станцию Риихимяки. Здесь делегация гельсингфорских матросов, которая прибыла еще с утра и прождала поезда до часа ночи, приветствовала эмигрантов на перроне громким пением революционных песен. В течение дня приехавшие моряки проводили митинги в пехотном полку, стоявшем в Риихимяки, и сумели «заинтересовать гарнизон проезжающими». Встречать их вышли и местные солдаты, заполнив весь перрон станции. Неожиданная встреча «страшно поразила» эмигрантов, растерявшихся «от радости и наплыва чувств», и превратилась в торжественный митинг. Залежский вспоминает, что перед собравшимися выступили Д. З. Мануильский, А. В. Луначарский, Анжелика Балабанова, Ю. О. Мартов, П. Б. Аксельрод, А. С. Мартынов, А. М. Устинов и Ф. Я. Кон. «Время прошло незаметно, и поезд тронулся среди горячо сочувственной атмосферы к приезжим» [Залежский, 1923, с. 162—164].

Примечательно, что во время инцидента со встречей эмигрантов в Торнео Залежский заявил эсеру М. Котрохову и социал-демократу меньшевику М. Диканскому, что необходимость «уладить вопрос» и обеспечить безопасность проезда прибывших является «нравственной и политической обязанностью» его спутников. «Громадная доля ответственности за проявление «того черносотенно-погромного настроения, которое мы здесь нашли, лежит на их партиях», — заключает мемуарист [Залежский, 1923, с. 160].

Приведенные выдержки из его воспоминаний свидетельствуют не только о разной степени политизации различных финляндских гарнизонов, что наблюдается на протяжении всего 1917 года, но и об особенностях политической психологии лидеров социалистических партий. Большевики в этом отношении не были исключением. На сознание меньшевиков и эсеров не менее заметное влияние оказала инерция борьбы с «рецидивами царизма», что выразилось в поисках «врагов революции», «врагов

пролетариата», «контрреволюционеров», «третьей силы», «темных сил», «провокаторов», «желтой прессы», элементов, занимающихся «клеветой и инсинуациями» [Figes et al, 1999, p. 153—186].

5. Заключение

К лету 1917 года к недовольству рядовых офицерским составом прибавилось и их раздражение, вызванное действиями представителей «комитетского класса», так отличавшихся от основной массы военнослужащих по мировоззрению, социальному положению и уровню культурного развития.

Показательно обращение в редакцию гельсингфорских «Известий» одного из артиллеристов, который в конце июня прислал заметку с ироничным названием «Братство». Его письмо, оставшееся неопубликованным, проникнуто резко негативным отношением к тем «революционным интеллектуалам», которые совсем недавно были «властителями дум» протестующего большинства. По мере угасания эйфорического подъема, свойственного первым дням революции, нижние чины начинали воспринимать их как «господ», с кем матросам и солдатам стало не по пути. Автор письма рассчитывал через газету обратить внимание своих товарищей на то, что в его полку, «как и в прочих, есть комитет, в котором вся интеллигенция», и что «они себя считают какими-то властелинами, это видно из их постановлений». Призвав однополчан переизбрать ротный комитет, он предупредил, чтобы вновь избранные «не были такие же, как эти властелины», которые «совсем не соответствуют своему назначению», ведь «у них не братские чувства, а как у любого врага» [КА]. «Образы врага», сформировавшиеся в представлениях рядовых в самом начале революции, по мере ее развития дополнялись новыми, и в стан врагов стали зачисляться недавние «свои», неожиданно ставшие «чужими».

Знакомство с источниками личного происхождения, несмотря на субъективность оценок их авторов, позволяет увидеть, какой отпечаток накладывала на жизнь социума военная повседневность, определявшая в годы Первой мировой стиль поведения не только самих военных, но и гражданского населения. Внимание, уделяемое аспектам политической самоидентификации офицеров и «нижних чинов», безусловно, добавляет новые штрихи к портрету «человека с ружьем», продолжавшего свою службу на территории бывшего Великого княжества, и дает возможность выявить ключевые особенности партийной пропаганды, которая была развернута эсеровскими и большевистскими организациями, солдатскими и матросскими Советами и комитетами.

«Демократизация» армии и флота, начавшаяся весной 1917 года, вызвала озабоченность самих моряков и армейцев, которые пытались привлечь

внимание матросов и солдат к такому большому вопросу, как соблюдение воинской дисциплины. О бесчинствах сограждан по отношению к местному населению с горечью писали гельсингфорские и абоские «Известия», среди корреспонденций в редакции газет и в секцию Охраны народной свободы Гельсингфорского Совета такие сообщения составляют немалую часть.

Трудно переоценить значение писем и воспоминаний участников и очевидцев событий: эти «человеческие документы» дополняют и уточняют служебно-аналитическую документацию, в частности, связанную с проездом политэмигрантов, которые возвращались в Петроград через территорию Финляндии. Благодаря этим источникам стало возможно проследить, как и какие стереотипы и предрассудки под воздействием обстановки революционного времени и возникновения новых общественных институтов становились причиной конфликтных ситуаций во взаимоотношениях солдат и матросов с офицерами, с эмигрантами, с представителями нарождающегося «комитетского класса».

Исследование вопроса о политической самоидентификации военных, изменившейся после Февраля 1917 года, приводит к выводу о том, что роль российских военнослужащих в весенних событиях этого переломного в судьбах России и Финляндии года значительно более существенна, чем было принято считать в советской историографии. В новых обстоятельствах, когда во внешний военный конфликт вмешался фактор внутренних революционных перемен, появление партийной и советской печати позволило морякам и армейцам весной 1917 года взглянуть на «своих» и «чужих» со страниц гельсингфорских, абоских, Выборгских изданий и не остаться для будущих исследователей лишь безликой массой «боевого резерва революционного Петрограда».

Источники и принятые сокращения

1. Антонов–Овсенко В. А. В революции. Воспоминания / В. А. Антонов–Овсенко. — Москва : Политиздат, 1983. — 176 с.
2. Залежский В. Н. Гельсингфорс весной и летом 1917 г. / В. Н. Залежский // Пролетарская революция. — 1923. — № 5. — С. 115—189.
3. Залежский В. Н. Борьба за Балтийский флот / В. Н. Залежский. — Москва ; Ленинград : Молодая гвардия, 1925. — 166 с.
4. КА — *Kansallisarkisto* (Национальный Архив Финляндии). «Русские военные бумаги». 342 : 4. Д. 13690. Л. 110—111 об. ; 342 : 6. Д. 11970 (листы не нумерованы).
5. Панцержанский Э. С. От Февраля к Октябрю / Э. С. Панцержанский // Север. — 1987. — № 8. — С. 72—92.
6. Письмо из окопов // Известия Гельсингфорского Совета депутатов армии, флота и рабочих : газета. — 1917. — № 48. — 13 мая. — С. 3.
7. Политические деятели России 1917 года : биографический словарь. — Москва : БРЭ, 1993. — 432 с. — ISBN 5-85270-137-8.

8. РГАВМФ — *Российский Государственный архив Военно-морского флота* в Санкт-Петербурге. Ф. Р-315. Оп. 1. Д. 21. Л. 6—6 об.; Оп. 1. Д. 119. Л. 30.
9. *Седьмая* (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевики); Петроградская общегородская конференция РСДРП (большевики). Апрель 1917 года : Протоколы / Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. — Москва : Госполитиздат, 1958. — 424 с.
10. *Фролов Ю. П.* Февраль-октябрь 1917 г. на Балтийском флоте и в Финляндии (Воспоминания морского врача) / Ю. П. Фролов // Скандинавский сборник. — Таллинн : Эстонское государственное издательство, 1962. — Выпуск 5. — С. 163—176.
11. *Шестой съезд РСДРП* (большевики). Август 1917 г. Протоколы и постановления. — Москва : Госполитиздат, 1958. — 488 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абросимова Т. А.* Социалистическая идея в массовом сознании 1917 г. / Т. А. Абросимова // *Анатомия революции. 1917 год в России : массы, партии, власть.* — Санкт-Петербург : «Глагол», 1994. — С. 176—187.
2. *Бажанов Д. А.* Щит Петрограда. Служебные будни балтийских дредноутов в 1914—1917 гг. / Д. А. Бажанов. — Санкт-Петербург : РГПУ им. А. И. Герцена, 2007. — 224 с. — ISBN 978-5-8064-1247-9.
3. *Булдаков В. П.* Красная смута : природа и последствия революционного насилия / В. П. Булдаков. — Москва : РОССПЭН, 1997. — 376 с. — ISBN 5-86004-168-3.
4. *Дубровская Е. Ю.* Российские военнослужащие и население Финляндии в годы Первой мировой войны (1914—1918) / Е. Ю. Дубровская. — Петрозаводск : Издательство Петрозаводского государственного университета, 2008. — 128 с.
5. *Киуру М. Х.* Боевой резерв революционного Петрограда. Из истории русских большевистских организаций в Финляндии / М. Х. Киуру. — Петрозаводск : Карельское книжное издательство, 1965. — 223 с.
6. *Клинге М.* Имперская Финляндия / М. Клинге. — Санкт-Петербург : Издательский дом «Коло», 2005. — 616 с. — ISBN 5-901841-22-0.
7. *Колоницкий Б. И.* От мировой войны к гражданским войнам (1917? — 1922?) / Б. И. Колоницкий // *Российская история.* — 2019. — № 1. — С. 3—24. — DOI: 10.31857 / S086956870004216-8.
8. *Колоницкий Б. И.* Погоны и борьба за власть в 1917 году / Б. И. Колоницкий. — Санкт-Петербург : Остров, 2001. — 83 с. — ISBN 5-94500-003-5.
9. *Колоницкий Б. И.* Символы власти и борьба за власть : к изучению политической культуры российской революции 1917 года / Б. И. Колоницкий. — Санкт-Петербург : Дм. Буланин, 2001. — 349 с. — ISBN 5-86007-274-0.
10. *Лунтинен П.* Отношения между финнами и русскими во время Великого княжества Финляндского / П. Лунтинен // *Россия и Финляндия : проблемы взаимовосприятия. XVII—XX вв.* / Коллект. монография. — Москва : ИРИ РАН, 2006. — С. 60—72.
11. *Модсли И.* Солдаты и матросы / И. Модсли // *Критический словарь русской революции : 1914—1921* / сост. Э. Актон, У. Г. Розенберг, В. Ю. Черняев. — Санкт-Петербург : «Нестор-История», 2014. — С. 558—564. — ISBN 978-5-4469-0360-3.
12. *Назаренко К. Б.* Балтийский флот в революции. 1917—1918 гг. / К. Б. Назаренко. — Москва : Эксмо, 2017. — 448 с. — ISBN 978-5-699-95886-3.
13. *Пасынки революции* // *Родина.* — 1990. — № 3. — С. 67—74.

14. *Поршнева О. С.* Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 — март 1918) / О. С. Поршнева. — Екатеринбург : Уро РАН, 2000. — 415 с.
15. *Сенявская Е. С.* Противники России в войнах XX века : Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества / Е. С. Сенявская. — Москва : РОССПЭН, 2006. — 288 с. — ISBN 5-8243-0782-2.
16. *Соломещ И. М.* Финляндская политика царизма в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 гг.) / И. М. Соломещ. — Петрозаводск : Издательство Петрозаводского государственного университета, 1992. — 90 с.
17. *Смолин А. В.* 1917 год : Торнео — дорога в Россию / А. В. Смолин // Новейшая история России. — 2015. — № 2. — С. 19—53.
18. *Тарасов К. А.* Солдатский большевизм. Военная организация большевиков и леворадикальное движение в Петроградском гарнизоне (февраль 1917 — март 1918 г.) / К. А. Тарасов. — Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. — 376 с. — ISBN 978-5-94380-239-3.
19. *Хесин С. С.* Октябрьская революция и флот / С. С. Хесин. — Москва : Наука, 1971. — 487 с.
20. *Figes O.* Interpreting the Russian Revolution : the Language and Symbols of 1917 / O. Figes, B. Kolonitskii. — New Haven, London : Yale Univ. Press., 1999. — 198 p. — ISBN 0-300-08106-5.
21. *Karemaa O.* Vihollisia, vainojia, syöpäläisiä : venäläisviha Suomessa 1917—1923 / O. Karemaa. — Helsinki : SKS Toimituksia, 1988. — 221 s. — ISBN 951-710-081-7.
22. *Nähri M.* Venäläiset joukot Suomessa autonomian aikana / M. Nähri // Venäläiset Suomessa : 1809—1917. — Historiallinen Arkisto. — 1984. — Vol. 83. — S. 161—180.
23. *Wildman A. K.* The Soldier's Plebiscite : Soviet Power and the Committee Revolution at the Front, October-November 1917 / A. K. Wildman. — Kenan Institute for Advanced Russian Studies. — 1982. — № 163. — 46 p.

MATERIAL RESOURCES

- Antonov-Ovseenko, V. A. (1983). *In the revolution. Memoirs*. Moscow: Politizdat. 176 p. (In Russ.).
- Frolov, Yu. P. (1962). February-October 1917 on the Baltic Fleet and in Finland (Memoirs of a naval doctor). *Scandinavian collection*, 5. Tallinn: Estonian State Publishing House. 163—176. (In Russ.).
- Kansallisarkisto (National Archive of Finland)*. “Russian military papers”. 342: 4, d. 13690, l. 110—111 vol.; 342: 6, d. 11970 (sheets are not numbered). (In Russ.).
- Letter from the trenches. (1917). *News of the Helsingfors Council of Deputies of the Army, Navy and Workers: gazeta*, 48: May 13. P. 3. (In Russ.).
- Panzerzhansky, E. S. (1987). From February to October. *North*, 8: 72—92. (In Russ.).
- Political figures of Russia in 1917: a biographical dictionary*. (1993). Moscow: BRE. 432 p. ISBN 5-85270-137-8. (In Russ.).
- Russian State Archive of the Navy in St. Petersburg. F. R-315. Op. 1. d. 21. L. 6—6 vol.; Op. 1. D. 119. L. 30*. (In Russ.).
- The Seventh (April) All-Russian Conference of the RSDLP (Bolsheviks); Petrograd City-wide Conference of the RSDLP (Bolsheviks). April 1917: Protocols / Institute*

- of Marxism-Leninism under the Central Committee of the CPSU.* (1958). Moscow: Gospolitizdat. 424 p. (In Russ.).
- The Sixth Congress of the RSDLP (Bolsheviks). August 1917 Protocols and resolutions.* (1958). Moscow: Gospolitizdat. 488 p. (In Russ.).
- Zalezhsy, V. N. (1923). Helsingfors in the spring and summer of 1917. *Proletarian Revolution*, 5: 115—189. (In Russ.).
- Zalezhsy, V. N. (1925). *The struggle for the Baltic Fleet*. Moscow; Leningrad: Molodaya gvardiya. 166 p. (In Russ.).

REFERENCES

- Abrosimova, T. A. (1994). The socialist idea in the mass consciousness of 1917. In: *The anatomy of a revolution. 1917 in Russia: masses, parties, power*. St. Petersburg: “Verb”. 176—187. (In Russ.).
- Bazhanov, D. A. (2007). *Shield of Petrograd. Official everyday life of the Baltic Dreadnoughts in 1914—1917*. St. Petersburg: A. I. Herzen State Pedagogical University. 224 p. ISBN 978-5-8064-1247-9. (In Russ.).
- Buldakov, V. P. (1997). *Krasnaya smuta: the Nature and consequences of revolutionary violence*. Moscow: ROSSPEN. 376 p. ISBN 5-86004-168-3. (In Russ.).
- Dubrovskaya, E. Y. (2008). *Russian servicemen and the population of Finland during the First World War (1914—1918)*. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Publishing House. 128 p. (In Russ.).
- Figes, O., Kolonitskii, B. (1999). *Interpreting the Russian Revolution: the Language and Symbols of 1917*. New Haven, London: Yale Univ. Press. 198 p. ISBN 0-300-08106-5.
- Karemaa, O. (1988). *Vihollisia, vainojia, syöpäläisiä: venäläisviha Suomessa 1917—1923*. Helsinki: SKS Toimituksia. 221 s. ISBN 951-710-081-7. (In Fin.).
- Khesin, S. S. (1971). *The October Revolution and the Fleet*. Moscow: Nauka. 487 p. (In Russ.).
- Kiuru, M. H. (1965). *Combat Reserve of revolutionary Petrograd. From the History of Russian Bolshevik organizations in Finland*. Petrozavodsk: Karelian Book Publishing House. 223 p. (In Russ.).
- Klinge, M. (2005). *Imperial Finland*. St. Petersburg: Kolo Publishing House. 616 p. ISBN 5-901841-22-0. (In Russ.).
- Kolonitsky, B. I. (2019). From World War to civil wars (1917?—1922?). *Russian History*, 1: 3—24. DOI: 10.31857 / S086956870004216-8. (In Russ.).
- Kolonitsky, B. I. (2001). *Shoulder straps and the struggle for power in 1917*. St. Petersburg: Ostrov. 83 p. ISBN 5-94500-003-5. (In Russ.).
- Kolonitsky, B. I. (2001). *Symbols of power and the Struggle for power: to study the political culture of the Russian Revolution of 1917*. St. Petersburg: Dm. Bulanin. 349 p. ISBN 5-86007-274-0. (In Russ.).
- Luntinen, P. (2006). Relations between Finns and Russians during the Grand Duchy of Finland. In: *Russia and Finland: problems of mutual perception. XVII—XX centuries. Collection. monograph*. Moscow: IRI RAS. 60—72. (In Russ.).
- Modsley, I. (2014). *Soldiers and sailors. Critical Dictionary of the Russian Revolution: 1914—1921*. St. Petersburg: “Nestor-History”. 558—564. ISBN 978-5-4469-0360-3. (In Russ.).
- Nähri, M. (1984). Venäläiset joukot Suomessa autonomian aikana. *Venäläiset Suomessa: 1809—1917. Historiallinen Arkisto*, 83: 161—180. (In Fin.).

- Nazarenko, K. B. (2017). *The Baltic Fleet in the revolution. 1917—1918*. Moscow: Eksmo. 448 p. ISBN 978-5-699-95886-3. (In Russ.).
- Porshneva, O. S. (2000). *Mentality and social behavior of workers, peasants and soldiers of Russia during the First World War (1914 — March 1918)*. Yekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. 415 p. (In Russ.).
- Senyavskaya, E. S. (2006). *Opponents of Russia in the wars of the twentieth century: The evolution of the “image of the enemy” in the minds of the army and society*. Moscow: ROSSPEN. 288 p. ISBN 5-8243-0782-2. (In Russ.).
- Smolin, A. V. (2015). 1917: Torneo — the road to Russia. *The modern history of Russia*, 2: 19—53. (In Russ.).
- Solomesh, I. M. (1992). *The Finnish policy of tsarism during the First World War (1914 — February 1917)*. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Publishing House. 90 p. (In Russ.).
- Stepsons of the Revolution. (1990). *Rodina*, 3: 67—74. (In Russ.).
- Tarasov, K. A. (2017). *Soldier’s Bolshevism. The military organization of the Bolsheviks and the radical left movement in the Petrograd garrison (February 1917 — March 1918)*. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg. 376 p. ISBN 978-5-94380-239-3. (In Russ.).
- Wildman, A. K. (1982). The Soldier’s Plebiscite: Soviet Power and the Committee Revolution at the Front, October-November 1917. *Kenan Institute for Advanced Russian Studies*, 163: 46 p.

Дудайти А. К. Внешняя политика Ирана в 1933—1939 годах : проблемы диверсификации отношений с ведущими мировыми державами / А. К. Дудайти // Научный диалог. — 2021. — № 12. — С. 309—326. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-309-326.

Dudaiti, A. K. (2021). Iran's Foreign Policy in 1933-1939: Problems of Diversifying Relations with Leading World Powers. *Nauchnyi dialog*, 12: 309-326. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-309-326. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-309-326

**Внешняя политика Ирана
в 1933—1939 годах:
проблемы диверсификации
отношений с ведущими
мировыми державами**

Дудайти Альберт Константинович
orcid.org/0000-0001-3790-6183
доктор исторических наук, профессор
кафедры всеобщей истории
adudaiti@mail.ru

Северо-Осетинский
государственный университет
имени Коста Левановича Хетагурова
(Владикавказ, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено
при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного
проекта № 20-59-56010

**Iran's Foreign Policy
in 1933-1939: Problems
of Diversifying Relations
with Leading World Powers**

Albert K. Dudaiti
orcid.org/0000-0001-3790-6183
Doctor of Historical Sciences, Professor,
Department of General History
adudaiti@mail.ru

North Ossetian State University
named after Kosta Levanovich Khetagurov
(Vladikavkaz, Russia)

Acknowledgments:
The reported study
was funded by RFBR,
project number 20-59-56010

© Дудайти А. К., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются проблемы модернизации внешнеполитической стратегии Ирана накануне Второй мировой войны, реализации комплекса мер по диверсификации его отношений с ведущими мировыми державами. Выявлены факторы, воздействующие на формирование конфликтных взаимоотношений Ирана с Великобританией и СССР. Прослеживаются особенности националистической политики режима Реза-шаха, направленной на освобождение страны от британского контроля и ослабление советского влияния в стране. Особое внимание уделено вопросам формирования прогерманского курса во внешней политике Ирана. Автор подчеркивает, что важную роль в сближении шахского режима Ирана с нацистским руководством Германии играл идеологический фактор (нацистская пропаганда об общем арийском происхождении немцев и иранцев). Констатируется, что сближение Ирана с Германией способствовало росту напряженности в Европе, усилению противостояния между блоком фашистских государств и лагерем антифашистских сил. Отмечается также, что в результате ирано-германского сближения взаимоотношения Москвы с Тегераном оказались в кризисной ситуации: усиление нацистского влияния в Иране побудило руководство СССР принять срочные меры для обеспечения надежной защиты южных рубежей страны перед угрозой германского нападения.

Ключевые слова:

шахский режим Ирана; националистическая политика; ведущие мировые державы; диверсификация отношений; борьба с британским засильем; кризис ирано-советских отношений; ирано-американские связи; ирано-германское сближение.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the problems of modernizing Iran's foreign policy strategy on the eve of World War II, the implementation of a set of measures to diversify its relations with the leading world powers. The factors influencing the formation of the conflict relations of Iran with Great Britain and the USSR are revealed. The features of the nationalist policy of the Reza Shah regime, aimed at liberating the country from British control and weakening Soviet influence in the country, are traced. Particular attention is paid to the formation of a pro-German course in Iran's foreign policy. The author emphasizes that the ideological factor (Nazi propaganda about the common Aryan origin of the Germans and Iranians) played an important role in the rapprochement of the Shah's regime of Iran with the Nazi leadership of Germany. It is stated that the rapprochement of Iran with Germany contributed to the growth of tension in Europe, the intensification of the confrontation between the bloc of fascist states and the camp of anti-fascist forces. It is also noted that as a result of the Iranian-German rapprochement, Moscow's relations with Tehran found themselves in a crisis situation: the strengthening of Nazi influence in Iran prompted the USSR leadership to take urgent measures to ensure reliable protection of the country's southern borders against the threat of a German attack.

Key words:

Shah's regime of Iran; nationalist politics; leading world powers; diversification of relations; fight against British dominance; crisis of Iranian-Soviet relations; Iranian-American ties; Iranian-German rapprochement.

Внешняя политика Ирана в 1933—1939 годах: проблемы диверсификации отношений с ведущими мировыми державами

© Дудайти А. К., 2021

1. Введение

На протяжении многих десятилетий регионы Ближнего и Среднего Востока продолжают оставаться конфликтными зонами современного мира. События «арабской весны», палестино-израильское противостояние, кризис в Сирии, взрывоопасная ситуация в Афганистане, ядерная программа Ирана — вот неполный перечень проблем, способствующих сохранению высокого уровня напряженности в указанных регионах. В существенном снижении там конфликтного потенциала определяющую роль могут сыграть ведущие державы мира, в том числе путем вовлечения стран Ближнего и Среднего Востока в международные политические и экономические процессы. Но этому мешает неприкрытое вмешательство внешних сил во внутренние дела этих стран, неоднократные попытки сменить элиты и правящие режимы в них, что провоцирует новые конфликты и создает угрозу региональной безопасности. Особенно это касается активного внешнего вмешательства во внутренние дела Исламской Республики Иран — страны, являющейся одним из «эпицентров» региональной нестабильности. Санкционная политика в отношении Ирана имеет ряд существенных отличий от практикуемых в прошлом методов давления на него и требует научного осмысления. В этом контексте вызывает интерес исторический опыт взаимодействия Ирана с ведущими мировыми державами, трансформация его взаимоотношений с ними в сторону учета своих национальных интересов.

Каковы были причины усиления антибританских тенденций в Иране после прихода к власти Реза-шаха Пехлеви? В чем заключалась особенность его националистической политики, какие формы и методы практиковались для ее реализации? Какие факторы лежали в основе внешнеполитического курса шахского режима Ирана, направленного на сближение с нацистской Германией, и к чему привел этот курс, если принять во внимание национальные интересы страны? Эти и другие вопросы продолжают сохранять свою актуальность, они вызывают дискуссии и требуют научной разработки.

Особенности внешнеполитической стратегии Ирана в межвоенный период, основные направления деятельности шахского режима на внешней арене, направленной на диверсификацию отношений с ведущими миро-

выми державами, недостаточно полно изучены отечественными исследователями. При этом в своих работах российские ученые уделяют внимание преимущественно интересам западных держав в их взаимоотношениях с Ираном. Данная работа, нацеленная на выявление специфики продвижения Ираном своих национальных интересов во внешнем мире на примере ее отношений с Великобританией, Францией, США, Германией и СССР, позволяет в определенной степени восполнить имеющийся пробел в изучении внешней политики Ирана накануне Второй мировой войны.

2. В поисках перемен: Иран в борьбе с засильем Великобритании

В начале 1930-х годов возросли националистические тенденции в политике шахского режима, направленные на освобождение Ирана от зависимости Великобритании, достижение независимости и суверенитета страны. Время для борьбы с британским засильем в Иране было выбрано в целом удачно, учитывая, что реализация колониальной политики Великобритании в странах Востока стала сталкиваться с перманентными трудностями. Так, заметно возросли антиколониальные настроения среди населения Британской Индии и Египта; пребывающая в состоянии глубокого кризиса экономика Ирака поглощала значительные финансовые средства англичан; в подмандатной территории Палестины усилилась угроза втягивания Великобритании в конфликт палестинских арабов с еврейскими переселенцами; полностью провалились попытки англичан разжечь огонь сепаратизма в республик Закавказья и Средней Азии [British Documents ..., 1994]. В этих условиях правящие круги Ирана решили взять курс на налаживание разносторонних связей с колониальными соперниками Великобритании с расчетом добиться их поддержки в антибританской борьбе. Действуя в этом направлении, правительство Реза-шаха стремилось придерживаться осторожных и прагматичных решений, но вследствие непоследовательного и двойственного характера его внешнеполитических акций рассчитывать на конечный успех не приходилось. В немалой степени этому мешали английские представители в Тегеране, при каждом удобном случае вмешивающиеся во внутренние дела Ирана. Власти Великобритании были готовы защищать свои интересы в Иране (равно как и других странах Востока) любыми путями, включая применение военной силы [Дудайти, 2020, с. 5—6]. Британские позиции в Иране особенно сильными были в энергетическом секторе страны: в этот период иранские нефтяные ресурсы находились под полным контролем Англо-Персидской нефтяной компании (АПНК) [The Cambridge History ..., 2008, p. 238]. Англичане по своему усмотрению определяли размеры добываемой иранской нефти и ее поставки за рубеж. При этом большая часть прибыли от продажи нефти доставалась АПНК, а иранская сторона

вынуждена была довольствоваться мизерными суммами. Англичан не интересовали социально-экономические проблемы Ирана: они были озабочены только тем, чтобы получить максимальную прибыль за счет хищнической эксплуатации его нефтяных месторождений. Управленческие структуры АПНК комплектовались исключительно англичанами, среднее звено работников составляли выходцы из Британской Индии, иранцы же были заняты на низкооплачиваемых и тяжелых работах. Фактически деятельность АПНК представляла собой замаскированную форму колониализма: компания владела всеми правами на добычу и продажу иранской нефти, в то время как правительство Ирана испытывало нехватку финансовых средств для реализации программы модернизации национальной экономики. Не надеясь на финансовую помощь со стороны Великобритании, а также вследствие снижения финансовых отчислений АПНК в иранскую казну правительство Реза-шаха вынуждено было пойти на крайние меры: в частности, в ноябре 1932 года в Тегеране официально объявили о прекращении действия концессионного соглашения с АПНК. Руководство компании было поставлено в известность, что возобновление договора возможно только при условии учета национальных интересов Ирана. Реакция на это заявление последовала незамедлительно: из Лондона сообщили, что правительство Ее Величества примет все меры, чтобы не допустить «покушения» на интересы АПНК, пресечь любые попытки вмешаться во внутренние дела компании [Martin, 2009, p. 131]. Оказавшись под жестким давлением англичан, ближайшее окружение Реза-шаха стало склоняться к принятию компромиссных решений в нефтяном вопросе и в результате правительство Реза-шаха вынуждено было пойти на уступки. В апреле 1933 года было заключено новое концессионное соглашение с АПНК сроком на 60 лет. Руководство компании соглашалось на незначительное увеличение финансовых выплат Ирану от продажи нефти за рубеж, а также предоставление дополнительных рабочих мест гражданам страны [Persian Concession, 1933—1993]. В результате заключения нового концессионного соглашения АПНК сумела закрепить за собой обширные территории Ирана с богатыми нефтяными месторождениями, расположенных на юге и юго-востоке страны.

3. На пути гармонизации двусторонних отношений с Францией

В рамках антибританской борьбы шахского режима Ирана важное внимание уделялось развитию двусторонних связей с колониальными соперниками Великобритании в надежде добиться поддержки своей националистической политики. Во внешнеполитических действиях Иран сконцентрировался на гармонизации отношений с Францией, которая со времен заключения англо-иранского договора в 1919 году [Papers Relating ...,

р. 699—700] крайне отрицательно относилась к факту усиления влияния Великобритании в Иране.

Приход к власти в Иране Реза-шаха придал новый импульс развитию ирано-французских отношений. Шах был благоприятного мнения о Франции и ее руководстве, благодаря чему фирмы и компании страны получили возможность развернуть активную работу в Иране. С их помощью в стране реализовывались многие проекты: в частности, был создан филиал Французского банка в Тегеране, строились дороги, возводились объекты школьного и университетского образования (в дальнейшем во многих из них была принята французская модель обучения) [Coleman, 2017].

С 1933 года при содействии французской военной миссии в Тегеране началась реализация программы по обучению военных кадров для иранской армии. В ней были задействованы командированные в Иран французские военные инструкторы. Таким образом руководство миссии рассчитывало получить надежный канал для экспорта оружия и военной техники в Иран. Однако в дальнейшем франко-иранские отношения стали ухудшаться из-за появившихся во французской прессе сатирических статей о Реза-шахе [Burrell, 1997, p. 6].

Несмотря на возникшие трудности, Франция прилагала энергичные усилия для сохранения своих позиций в Иране и недопущения роста германского влияния в стране, в том числе путем поставок немецкой военной продукции. Но возможности в этом направлении были ограничены: Франция продолжала пребывать в состоянии глубокого экономического кризиса, страну охватила массовая безработица. Сформированное в 1936 году правительство Народного фронта столкнулось с тотальным сопротивлением правых сил в ходе осуществления социальных реформ. Ситуация осложнялась в связи с возросшей угрозой Франции со стороны нацистской Германии, успешно противостоять которой не представлялось возможным без поддержки прежних союзников или Лиги наций. Одним из важных внешнеполитических мероприятий этого периода стало заключение франко-советского пакта о взаимопомощи (1935), но попытка возродить прежний франко-русский союз с целью противостояния экспансионистским устремлениям Германии не увенчалась успехом.

В этой сложной международной обстановке ожидать оживления дипломатических контактов между Парижем и Тегераном не приходилось. Проблемы в двусторонних отношениях, возникшие вследствие очернения личности шаха во французской прессе, возросли после прихода к власти во Франции социалистов во главе с Л. Блюмом. С этого времени Реза-шах с еще большим подозрением стал относиться к действиям французской дипломатии в иранском направлении. Кроме того, в его окружении считали,

что сильно ослабленная в результате разрушительного мирового кризиса экономика Франции не способна выполнять иранские заказы, поэтому нет смысла размещать их в этой стране. По настоянию прибывшего в страну после обучения в Европе наследного принца Мухаммеда Реза из Ирана были высланы французские военные инструктора, одновременно свертывались торгово-экономические связи с Францией [Chaumont, 2000]. Кульминацией напряженности в двусторонних отношениях стало решение иранского правительства о полном разрыве дипломатических отношений с Францией, принятое 30 декабря 1938 года в ответ на очернение личности Реза-шаха во французской прессе [Foreign Relations of the United States..., p. 745].

Официальные отношения между двумя странами были полностью восстановлены в марте 1939 года. Пребывающему до этого времени в тени французскому дипломатическому представительству в Тегеране разрешили возобновить работу в полном объеме. Тем не менее позитивных изменений в двусторонних отношениях не произошло: во Франции сохранялась сложная внутрисполитическая обстановка, негативно отражающаяся на французских позициях на Ближнем Востоке [The Cambridge History..., p. 240]. Прежде всего, растущие антиколониальные тенденции в Сирии и Ливане могли перерасти в широкомасштабную борьбу против французских колонизаторов, чего опасались в Париже. Поэтому власти Франции были недовольны активными внешнеполитическими действиями Ирана на Ближнем Востоке, нацеленными на создание региональной организации с участием его ближайших соседей. Она была призвана служить интересам мира, стабильности и безопасности в приграничных территориях Ирана и его партнеров [Kumral, 2020, p. 110]. Вскоре усилия иранской дипломатии увенчались успехом: в июле 1937 года Иран, Турция, Ирак и Афганистан заключили договор о дружбе и ненападении, получивший название Саадабадский пакт, или Ближневосточная Антанта [British Documents on Foreign Affairs ...; Afghanistan — Treaty ...]. Страны-члены этой организации могли рассчитывать, что с помощью этой организации смогут ощущать себя в равной безопасности и не будут ставиться ведущими западными странами перед ложным выбором: «либо с нами, либо против нас». При высоком желании обеспечить устойчивое функционирование организации можно было совместными усилиями сделать многое в деле достижения региональной безопасности, но этого не случилось. Противоречия, сохраняющиеся между участниками договора с давних времен, перечеркивали надежды на решение этой задачи. В результате уже на первом заседании членов Постоянного совета попытка выработать совместную внешнеполитическую стратегию стран-участниц договора закончилась неудачей. Не удалось прийти к общему мнению в этом вопросе также в ходе последующих заседаний Постоянного совета. В результате

реальная польза от Саадабадского пакта практически была сведена к нулю [Kumral, 2016, p. 71]. По большому счету, в Тегеране не рассчитывали получить большие дивиденды от участия Ирана в Саадабадском пакте: там считалось, что достаточно уже того, что в период подготовки и оформления договора международный престиж Ирана заметно возрос.

4. Иран и США: возможности и пределы развития двусторонних связей

Отсутствие положительных результатов в контактах с руководством Франции подвинуло правительство Реза-шаха к активизации усилий в «американском направлении» [Roshandel, Cook, 2009, p. 15—16]. США, являясь высокоразвитой индустриальной державой, занимающей лидирующие позиции в мировой экономике и финансовой системе, рассматривались иранским режимом в качестве идеального противовеса позициям Великобритании в Иране. В рамках двусторонних отношений с Соединенными Штатами первостепенное значение придавалось привлечению американских фирм и компаний в рамках реализации программы модернизации иранской экономики. В начале 1937 года нефтяные компании из США получили лицензию на проведение геологоразведочных работ на территориях северных провинций Ирана с целью выявления новых нефтяных месторождений. В это же время готовилось двустороннее соглашение, предусматривающее реализацию крупномасштабного проекта — строительства нефтепровода до иранского порта Чахбахар на побережье Индийского океана.

Активное участие американских фирм и компаний в реализации экономических проектов в рамках программы модернизации Ирана могло служить механизмом, гарантирующим ослабление британских позиций в экономике страны. Американское экономическое присутствие в Иране могло получить новое качество, а британские позиции неминуемо подвергались серьезным испытаниям. Однако американцы оказались неготовыми к тому, чтобы своей широкомасштабной работой в Иране нанести мощный удар по британским позициям в экономике страны. Усиление международной напряженности в Европе оказывало сдерживающее воздействие на реализацию американских планов в иранском направлении. В Вашингтоне опасались, что широкое участие фирм и компаний США в реализации экономических проектов в Иране приведет к осложнению взаимоотношений с союзной Великобританией. Подобные опасения вовсе не были лишены оснований, если учесть, что власти Великобритании не скрывали недовольства по поводу усиления американского присутствия в экономике Ирана. В Лондоне ясно дали понять, что Великобритания всеми силами воспрепятствует попыткам ослабить позиции компании АПНК в энергети-

ческом секторе иранской экономики, включая добычу нефти и ее экспорт на мировой рынок энергоносителей.

5. Новые ориентиры во внешней политике Ирана: курс на сближение с нацистской Германией

В результате трансформации внутривнутриполитического поля в Иране, роста националистических, антибританских настроений в иранском обществе шахский режим все больше обращал свои взоры на нацистскую Германию, надеясь с ее помощью не допустить превращения Ирана в вассальное Великобритания государство, положить конец британскому засилью в стране. Исходная база для строительства ирано-германских отношений выглядела достаточно благоприятной, учитывая, что Германия, в отличие от Великобритании и Франции, была свободна от традиций колониального прошлого в странах Востока [Khatib-Shahid, 2013, p. 25–26; 27–28]. После того как кайзеровская Германия потерпела поражение в Первой мировой войне, все ее колонии были переданы в Лигу Наций в подмандатное управление — прежде всего Великобритании и Франции [Дудайти, 2009, с. 17–18]. В свою очередь, факт отсутствия у Германии традиций колониального прошлого на Востоке был использован ее пропагандистскими службами. В Берлине был выдвинут лозунг борьбы с британским и французским колониализмом, служивший прикрытием для реализации экспансионистских целей и задач Германии на Ближнем и Среднем Востоке [Дудайти, 2007, с. 18].

В ходе реализации внешнеполитических действий в европейском направлении руководство Ирана не скрывало своих симпатий к нацистскому режиму Германии: шахскому правительству импонировал курс нацистов на создание сильной централизованной власти, свободной от демократии и инакомыслия. Реза-шах был вдохновлен разработанной нацистскими идеологами теорией расового превосходства арийцев над другими народами, составившей основу официальной идеологией Третьего рейха [Bast, 2001]. В Иране многие националистически настроенные публицисты, историки и филологи стремились соединить богатую историю иранских монархий доисламского периода с арийской идеологией германских нацистов. В 1935 году Реза-шах обратился с просьбой в Лигу Наций, чтобы впредь в международном общении вместо устоявшегося термина «Персия» использовалось новое название страны — «Иран». Свою позицию шах обосновывал тем, что иранский народ для обозначения своей страны употреблял слово «ирани», происходящее от древнего самоназвания арийцев. Поэтому, считал Реза-шах, страна должна была называться тем именем, которое использовало его население, а не пользоваться для этого европейским производным, унаследованным от библейских традиций.

В свою очередь, нацистское руководство Германии проявляло высокий интерес к Ирану, располагавшему богатыми энергетическими ресурсами. Не менее важным было стратегическое положение Ирана: географическая близость страны от Ирака и Британской Индии позволяла использовать его территорию для нападения на британские колонии. Стремясь продемонстрировать свое расположение к шахскому режиму, правительство А. Гитлера своим декретом от 1936 года освободило иранцев от ограничительных действий нюрнбергских нацистских законов как «чистокровных арийцев» [Hirschfeld, 1980, s. 305; Shajari, 2014, p. 142]. Имея развитую, ориентированную на экспорт промышленность, а также пользуясь благоприятными условиями для активной работы в Иране, германские фирмы и компании за короткий срок заняли лидирующие позиции в иранской экономике, оттеснив британских и советских конкурентов. Высокая инвестиционная привлекательность Ирана способствовала росту германских финансовых вложений в экономические проекты в рамках реализации программы модернизации Ирана. В стране с помощью германских инвесторов строились промышленные объекты, оснащенные современной техникой и оборудованием; немецкие техники, инженеры и другие специалисты были заняты в работах по налаживанию импортируемого германского оборудования на новых предприятиях. В Тегеране были открыты представительства крупных известных компаний «AEG», «Weber-bauer», «Siemens», «AG Krupp», «ATLAS», «Auto-Union», «Mercedes-Benz», получающих выгодные заказы на сооружение различных инфраструктурных объектов. Некоторые из них были задействованы в реализации масштабного проекта — строительства магистральной Трансиранской железной дороги, из Германии поставлялась большая часть необходимого железнодорожного оборудования и материалов. В результате благодаря эффективной работе своих фирм и компаний Германия сумела установить контроль над внутренними коммуникациями Ирана и в целом занять господствующие позиции в ее экономике.

6. От сотрудничества к конфронтации: проблемы в ирано-советских отношениях

Усиление германского влияния в Иране вызывало беспокойство в Лондоне и Москве. Прогерманский курс шахского режима сопровождался охлаждением во взаимоотношениях Ирана с СССР, что на первый взгляд казалось противоестественным: вначале две страны, в соответствии с духом и буквой советско-иранского договора, заключенного 26 февраля 1921 года [Договор между РСФСР и Персией ..., с. 536—544], предпринимали усилия для развития равноправных и взаимовыгодных связей, но затем Иран начал уходить от сотрудничества. Прогерманский крен во внешней политике

руководства страны создавал дополнительные проблемы в советско-германских отношениях, тем более что процесс налаживания тесных связей Ирана с Германией, как правило, сопровождался антисоветской риторикой. На этом фоне разногласия между Москвой и Тегераном должны были возрастать и приобретать все более конфликтный характер. Прежде всего, они крайне негативно сказывались на торгово-экономических связях двух стран, быстрыми темпами сокращались объемы товарооборота между ними. В Тегеране не спешили с продлением торгового договора с СССР, срок действия которого истек в июле 1938 года, выдвигая заведомо неприемлемые для советской стороны условия поставок продукции на иранский рынок. В результате наносился сильный удар по позициям СССР в экономике Ирана: советские торговые организации все чаще стали проигрывать западным экспортерам в конкурентной борьбе на иранском рынке. Располагая гораздо большими по сравнению с СССР экспортными и финансовыми возможностями, фирмы и компании западных стран выдвигались на ведущие позиции в экономике Ирана и при этом получали возможность оказывать политическое влияние на правительство этой страны.

Особое внимание в рамках программы модернизации экономики Ирана уделялось развитию северных провинций Ирана: там опережающими темпами сооружались инфраструктурные объекты, строились дороги, выходящие к границам Турции и побережью Персидского залива. При этом правительство Реза-шаха рассчитывало положить конец зависимости этих провинций от импорта продукции из СССР, а также снять угрозу советского идеологического влияния на иранское население. В росте конфликтности в двусторонних отношениях большую роль играл идеологический фактор: из Тегерана звучали обвинения в том, что якобы Иран подвергается масштабному идеологическому воздействию со стороны СССР, что иранскому народу навязывается советский образ жизни, система ценностей, форма жизнеустройства, политический режим и т. д. [Rezumi, 1981, p. 19]. В контексте этих обвинений в стране усилились преследования коммунистов и профсоюзных работников, многие активисты были арестованы и заключены в тюрьмы. В 1938 году в Тегеране состоялся громкий судебный процесс над Иранской коммунистической партией (ИКП), ее руководители были репрессированы. Эти действия иранских властей подверглись жесткой критике со стороны руководства СССР и вели к дальнейшему ухудшению двусторонних отношений с Ираном.

Особое недовольство вызывали в Москве попытки ревизии властями Ирана статьи № 6 советско-иранского договора от 28 февраля 1921 года. Согласно ей, допускалось применение военной силы в случае попыток вооруженного вмешательства из Ирана либо использования третьими странами иранской территории в качестве плацдарма для вторжения на со-

ветскую территорию [Договор между РСФСР и Персией ..., с. 538—539]. В целом пограничные вопросы постоянно носили спорный характер в двусторонних отношениях: не было совместно разработанных карт советско-иранской границы, отсутствовал строгий пограничный контроль в пунктах пропуска, из-за чего часто случались нарушения на границе, приводящие к вооруженным стычкам с пограничниками. Сложение потенциалов двух стран могло бы существенно повысить эффективность усилий по наведению порядка на советско-иранской границе и приграничных территориях, но этого не произошло. Москва неоднократно предлагала иранцам принять общие меры для укрепления границы, выработать механизм мирного разрешения конфликтных ситуаций на контрольно-пропускных пунктах. Была создана советско-иранская комиссия с целью подготовки проекта соглашения о разрешении конфликтных ситуаций на границе, но дальше слов дело не шло. В конечном счете нежелание Тегерана идти на компромисс, выдвигание заведомо неприемлемых для русских требований привело к прекращению работы комиссии. В этих условиях советская сторона приняла решение самостоятельно разработать общие правила пересечения советско-иранской границы жителями приграничных территорий [Mamedova, 2009]. В это время началась высылка из Советского Союза иранских мигрантов: проблема их трудоустройства на родине стало настоящей головной болью для иранских властей. Наконец, для обеспечения безопасности в приграничных с Ираном территориях стали проводиться охранные мероприятия в каспийской зоне. Международно-правовое положение Каспия как моря общего пользования было зафиксировано в советско-иранской Конвенции от 27 октября 1931 года [Конвенция о поселении, о торговле и о мореплавании ..., 1968, с. 595—604]. Однако в ней ничего не было сказано о разграничении территориальных вод Каспийского моря. Исходя из этого, в Москве решили самостоятельно ввести правила судоходства в Каспийском море: в частности, была установлена пограничная линия, пересекать которую иранским судам впредь было запрещено. Советская сторона считала эти меры вполне обоснованными, поскольку по своей конфигурации Каспийское море глубоко вклинилось в пределы территории СССР. Между тем в Тегеране отказывались признать введенные русскими правила, и в результате проблема разграничения морских границ в бассейне Каспийского моря стала камнем преткновения в двусторонних отношениях. Тем не менее по-прежнему принимались меры по охране разделительной линии в Каспийском море. Необходимость в этом возросла в связи с участвующим присутствием германских специалистов (в том числе военных) в приграничных населенных пунктах Ирана, что в корне нарушало договоренности о статусе Каспийского моря.

Конфликтность во взаимоотношениях СССР с Ираном усиливалась параллельно с ростом напряженности в Европе из-за агрессивной политики нацистской Германии и ее союзников. Советский Союз оказывал поддержку правительству Народного фронта во время гражданской войны в Испании (1936—1939), выступал против расистской идеологии германских национал-социалистов и их агрессивной политики. В Москве прилагали усилия, чтобы вместе с Великобританией и Францией создать в Европе систему коллективной безопасности, но они не привели к успеху. Мюнхенский сговор 1938 года окончательно развеял иллюзии по поводу того, что удастся создать эффективно действующий международный механизм для отпора агрессору. Он стал вершиной политики умиротворения, последовательно проводимой Великобританией и Францией. После мюнхенских событий руководство СССР было поставлено перед необходимостью реализации комплекса мер для укрепления западных границ СССР, особенно с учетом возросшей угрозы германского нападения на страну.

Сложная международная обстановка в Европе прямо отражалась и на внешнеполитических действиях правительства Ирана. Обеспокоенное фактом захвата территории Эфиопии войсками фашистской Италии (1935), оно продолжило следовать курсу на сближение с нацистской Германией, веря, что с ее помощью Ирану удастся преодолеть зависимость от Великобритании. В то же время дальнейшая активизация прогерманского курса шахского режима вела к росту напряженности в Европе, усиливала противоречия между блоком фашистских государств во главе с нацистской Германией и противостоящими ему антифашистскими силами.

За несколько лет до начала Второй мировой войны шахский режим провел военную реформу, целью которой власти провозглашали пресечение возможных сепаратистских выступлений в разных провинциях Ирана. Но, по поступающей в Москву информации, правительство Реза-шаха строило планы провести в будущем военную операцию в направлении Закавказья, для чего нужна была сильная армия. Определенные надежды на реализацию этих планов в Тегеране связывали с нацистской Германией: Реза-шах тайно надеялся, что после победы в войне с Советским Союзом Гитлер вернет Ирану утраченные в прошлом территории на Кавказе [Forbis, 1980, p. 50].

Между тем кризис в советско-иранских отношениях способствовал созданию нестабильности на южных рубежах СССР: нужны были срочные меры для укрепления государственных границ в Закавказье, дабы пресечь агрессивные вылазки с территории Ирана. Еще более сложная ситуация создавалась на западных рубежах страны из-за возросшей угрозы германского нападения. Правительство СССР, не добившись успеха в привлечении Великобритании и Франции к созданию системы коллективной безопасности

в Европе, подписало 23 августа 1939 года договор о ненападении с Германией, что изменило геополитическую картину в Европе [Договор о ненападении ..., с. 630—632; ДВП СССР, 1992, Т. XXII, Кн. 1, с. 630—632; Documents on German Foreign Policy ..., 1937—1945]. Внешнеполитический ход Москвы вызвал полную растерянность в Иране: руководство страны вынуждено было внести срочные коррективы в свою внешнюю политику с учетом заключенного советско-германского договора. Необходимость в этих мерах еще больше возросла после германского нападения на Польшу в начале сентября 1939 года и последовавшего за этим объявления войны нацистской Германии со стороны польских союзников — Великобритании и Франции, что свидетельствовало о начале Второй мировой войны.

7. Заключение

Таким образом, в предвоенный период значительно активизировалась внешняя политика Ирана, направленная на диверсификацию отношений с ведущими западными странами. В своей внешнеполитической деятельности правительство Реза-шаха рассчитывало заручиться поддержкой своей политики, направленной против британского засилья в Иране, со стороны колониальных соперников Великобритании — Франции и США. Но надежды на решение этой задачи с помощью французов и американцев не оправдались, в результате чего власти Ирана обратили взоры на нацистскую Германию как потенциального союзника в решении поставленных перед собой задач. В свою очередь нацистское руководство Германии проявляло высокую заинтересованность в сотрудничестве с шахским режимом Ирана, рассчитывая получить прямой доступ к нефтяным месторождениям страны, а также использовать иранскую территорию в качестве плацдарма для нападения на Британскую Индию. Важную роль в германо-иранском сближении играл идеологический фактор — расовая теория нацистов, составляющая основу официальной идеологии Третьего рейха. Между тем расширение тесного взаимодействия между Германией и Ираном вело к усилению международной напряженности в Европе, способствовало ужесточению противостояния нацистской Германии и ее союзников с лагерем антифашистских сил. Одновременно прогерманский курс шахского режима, сопровождаемый антисоветской риторикой, сделал невозможным прагматичный, деидеологизированный диалог между Москвой и Тегераном. В результате советско-иранские отношения предугадываемо оказались в состоянии глубокого кризиса. Обеспокоенное быстрым ростом германского влияния в Иране, советское руководство вынуждено было принять срочные меры, чтобы укрепить южные рубежи страны, что представлялось жизненно важным в условиях возрастающей угрозы нападения со стороны нацистской Германии.

Источники

1. *Договор* между Российской Советской Федеративной Республикой и Персией, 26 февраля 1921 года // Документы внешней политики СССР. — Москва : Госполитиздат, 1959. — Т. III. — 724 с.
2. *Договор* о ненападении между Германией и Советским Союзом, 23 августа 1939 года // Документы внешней политики СССР. — Москва : Международные отношения, 1992. — Т. XII. — Книга 1. — 712 с.
3. *Конвенция* о поселении, о торговле и о мореплавании между Союзом Советских Социалистических Республик и Персией, 27 октября 1931 года // Документы внешней политики СССР. — Москва : Политиздат, 1968. — Т. XIV. — 872 с.
4. *Постановление* ЦК ВКП(б) о принятии советского подданства подданными Ирана с приложением справки о наличии иранцев в Азербайджане // Международный фонд «Демократия» (Фонд А. Н. Яковлева) [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1021188> (дата обращения 07.10.2021).
5. *British Documents on Foreign Affairs (Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print : Turkey)*. — Washington : University Publication of America, 1997. — 280 p.
6. *Documents on German Foreign Policy 1918—1945 (Series D : 1937—1945)* [Electronic resource]. — Washington : United States Government Printing Office, 1964. — Vol. 8. — Access mode : <https://archive.org/details/documentsongerma014726mbp> (accessed 09.10.2021).
7. *Foreign Relations of the United States : Diplomatic Papers*. — Washington : U.S. Government Printing Office, 1955. — 626 p.
8. *League of Nations Treaty Series (Treaty of Non-Aggression. Signed at Teheran. — 1937 / [1938]*. — LNTSer 163 ; 190 LNTS 21 [Electronic resource]. — Access mode : <http://www.worldlii.org/int/other/LNTSer/1938/163.html> (accessed 09.10.2021).
9. *Papers to the foreign Relations of the United States* [Electronic resource]. — 1919. — Vol. II. — Access mode : <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1919v02/index> (accessed 10.10.2021).
10. *Persian Concession, 1933—1993. Agreement Between the Imperial Government of Persia and the Anglo-Persian Oil Company, Limited, Made at Tehran on the 29 April, 1933*. — London : Anglo-Persian oil Company, limited, 1939. — 32 p.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алиев С. М.* История Ирана. XX век / М. С. Алиев. — Москва : Институт востоковедения РАН : Крафт+, 2004. — 644 с. — ISBN 5-93675-075-2 (Крафт+).
2. *Дудайти А. К.* Арабский Восток во внешней политике ФРГ (1950—1990) / А. К. Дудайти. — Владикавказ : СОГУ, 2007. — 320 с. — ISBN 978-5-8336-0495-3 (В пер.).
3. *Дудайти А. К.* Политика ведущих стран Евросоюза в конфликтных регионах мира : Ближний Восток / А. К. Дудайти. — Владикавказ : СОГУ, 2020. — 304 с. — ISBN 978-5-8336-1018-3.
4. *Дудайти А. К.* ФРГ : ближневосточная политика (1949—1983) / А. К. Дудайти. — Владикавказ : СОИГСИ, 2009. — 224 с. — ISBN 978-5-91480-043-4.
5. *Оришев А. Б.* Нацистская Германия в Иране : политико-идеологическая экспансия накануне Второй мировой войны [Электронный ресурс] / А. Б. Оришев. — Режим доступа : http://library.by/portalus/modules/history/referat_readme.php?archive=&id=1210697616&start_from=&subaction=s_howfull&ucat= (дата обращения 11.10.2021).

6. *Asgharzadeh A.* Iran and the Challenge of Diversity : Islamic Fundamentalism, Aryanist Racism, and Democratic Struggles / A. Asgharzadeh. — London : Palgrave Macmillan, 2007. — 249 p. — ISBN 9780230604889, 023060488.
7. *Bast O.* German-Iranian diplomatic Relations [Electronic resource] / O. Bast // Encyclopædia Iranica. Online edition. — 2001. — Access mode : <https://iranicaonline.org/articles/germany-i> (accessed 12.10.2021).
8. *Beck P.J.* The Anglo-Persian Oil Dispute 1932—1933 [Electronic resource] / P.J. Beck // Journal of Contemporary. — 1974. — № 4. — Pp. 123—151. — DOI: 10.1177/002200947400900406. — Access mode : <https://www.jstor.org/stable/260294> (accessed 13.10.2021).
9. *Burrell R. M.* Iran : 1939—1942 / R. M. Burrell, R. L. Jarman. — Cambridge : Archive Editions, 1997. — 662 p. — ISBN 1852077107, 9781852077105.
10. *Chaumont M.-L.* France : Relations with Persia since 1918 [Electronic resource] / M.-L. Chaumont // Encyclopædia Iranica. Online edition. — 2000. — Access mode : <https://iranicaonline.org/articles/france-iv-relations-with-persia-since-1918> (accessed 12.10.2021).
11. *Coleman M.* A History of Franco-Iranian Relations [Electronic resource] / M. Coleman. — Access mode : <http://www.us-iran.org/news/2017/10/19/a-history-of-franco-iranian-relations> (accessed 12.10.2021).
12. *Forbis W.* Fall of the peacock throne : The story of Iran / W. H. Forbis. — New York : Harper & Row, 1980. — 305 p. — ISBN 0-06-011301-4 (U.S.A. a. Canada).
13. *Hirschfeld Y.* Deutschland und Iran im Spielfeld der Mächte : Internationale Beziehungen unter Reza Schah (1921—1941). — Düsseldorf : Schriftenreihe des Instituts für Deutsche Geschichte, 1980. — 351 s. — ISBN-10 3770005759 ; ISBN-13 978-3770005758.
14. *Khatib-Shahid R.* German foreign Policy towards Iran before World War II : Political Relations, Economic Influence and the National Bank of Persia / R. Khatib-Shahid. — London : I. B. Tauris, 2013. — 240 p. — ISBN-10 1848853246 ; ISBN-13 978-1848853249.
15. *Kumral M.* Exploring Emotions in Turkey-Iran Relations : Affective Politics of Partnership and Rivalry / M. Kumral. — London : Palgrave Macmillan, 2020. — 359 p. — ISBN-13 978-3030390280 ; ISBN-10 3030390284.
16. *Kumral M.* Rethinking Turkey — Iraq Relations. The Dilemma of Partial Cooperation / M. Kumral. — Ankara : Middle East Technical University, 2016. — 258 p. — ISBN-10 1137561238 ; ISBN-13 978-1137561237.
17. *Mamedova N. M.* Iranian-Soviet Relations (1917—1991) [Electronic resource] / N. M. Mamedova // Encyclopædia Iranica. Online edition. — 2009. — Access mode : <http://www.iranicaonline.org/articles/russia-ii-iranian-soviet-relations-1917-1991> (accessed 13.10.2021).
18. *Martin V.* Britain-Iranian Relations since 1800 / V. Martin. — London : Routledge, 2009. — 188 p. — ISBN-10 0415544394 ; ISBN-13 978-0415544399.
19. *Roshandel J.* The United States and Iran : Policy Challenges and Opportunities / J. Roshandel, A. Cook. — New York : Palgrave Macmillan US, 2009. — 220 p. — ISBN 978-0-230-62328-6.
20. *Rezun M.* The Soviet Union and Iran : Soviet Policy in Iran from the Beginning of Pahlavi Dynasty until the Soviet Invasion in 1941 / M. Rezun. — London : Westview press, 1988. — 425 p. — ISBN 0-8133-7616-5.
21. *Shajari S.* Chain Reaction and Chaos : Toward Modern Persia / S. Shajari. — New York : University Press of America, 2014. — 299 p. — ISBN 0761865225 ; 9780761865223.
22. *The Cambridge History of Iran.* From Nader Shah to the Islamic Republic (1722—1979). — Cambridge : Cambridge University Press, 2008. — Vol. 7. — 1072 p. — ISBN 0521200954, 9780521200950.

MATERIAL RESOURCES

- British Documents on Foreign Affairs (Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print: Turkey)*. (1997). Washington: University Publication of America. 280 p.
- Convention on Settlement, on Trade and on Navigation between the Union of Soviet Socialist Republics and Persia, October 27, 1931. (1968). In: *Documents of the USSR Foreign Policy, XIV*. Moscow: Politizdat. 872 p. (In Russ.).
- Documents on German Foreign Policy 1918—1945 (Series D: 1937—1945)*, 8. (1964). Washington: United States Government Printing Office. Available at: <https://archive.org/details/documentsongerma014726mbp> (accessed 09.10.2021).
- Foreign Relations of the United States: Diplomatic Papers*. (1955). Washington: U.S. Government Printing Office. 626 p.
- League of Nations Treaty Series (Treaty of Non-Aggression. Signed at Teheran. 1937 / [1938]. LNTSer 163; 190 LNTS 21*. Available at: <http://www.worldlii.org/int/other/LNT-Ser/1938/163.html> (accessed 09.10.2021).
- Non-Aggression Treaty between Germany and the Soviet Union, August 23, 1939. (1992). In: *Documents of the USSR Foreign Policy, XII (1)*. Moscow: International Relations. 712 p. (In Russ.).
- Papers to the foreign Relations of the United States, II*. (1919). Available at: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1919v02/index> (accessed 10.10.2021).
- Persian Concession, 1933—1993. Agreement Between the Imperial Government of Persia and the Anglo-Persian Oil Company, Limited, Made at Tehran on the 29 April, 1933*. (1939). London: Anglo-Persian oil Company, limited. 32 p.
- Resolution of the Central Committee of the CPSU(b) on the acceptance of Soviet citizenship by subjects of Iran with the attachment of a certificate on the presence of Iranians in Azerbaijan. In: *International Fund "Democracy" (A. N. Yakovlev Foundation)*. Available at: <http://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/1021188> (accessed 07.10.2021). (In Russ.).
- The Treaty between the Russian Soviet Federative Republic and Persia, February 26, 1921. (1959). In: *Documents of the USSR Foreign Policy, III*. Moscow: Gospolitizdat. 724 p. (In Russ.).

REFERENCES

- Aliyev, S. M. (2004). *History of Iran. XX century*. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences: Kraft+. 644 p. ISBN 5-93675-075-2 (Kraft+). (In Russ.).
- Asgharzadeh, A. (2007). *Iran and the Challenge of Diversity: Islamic Fundamentalism, Aryanist Racism, and Democratic Struggles*. London: Palgrave Macmillan. 249 p. ISBN 9780230604889, 023060488.
- Bast, O. (2001). German-Iranian diplomatic Relations. In: *Encyclopedia Iranica. Online edition*. Available at: <https://iranicaonline.org/articles/germany-i> (accessed 12.10.2021).
- Beck, P. J. (1974). The Anglo-Persian Oil Dispute 1932—1933. *Journal of Contemporary*, 4: 123—151. DOI: 10.1177/002200947400900406. Available at: <https://www.jstor.org/stable/260294> (accessed 13.10.2021).
- Burrell, R. M., Jarman, R. L. (1997). *Iran: 1939—1942*. Cambridge: Archive Editions. 662 p. ISBN 1852077107, 9781852077105.

- Chaumont M.-L. (2000). France: Relations with Persia since 1918. In: *Encyclopedia Iranica. Online edition*. Available at: <https://iranicaonline.org/articles/france-iv-relations-with-persia-since-1918> (accessed 12.10.2021).
- Coleman, M. *A History of Franco-Iranian Relations*. Available at: <http://www.us-iran.org/news/2017/10/19/a-history-of-franco-iranian-relations> (accessed 12.10.2021).
- Dudaiti, A. K. (2007). *The Arab East in the foreign policy of Germany (1950—1990)*. Vladikavkaz: SOGU. 320 p. ISBN 978-5-8336-0495-3 (In the lane). (In Russ.).
- Dudaiti, A. K. (2009). *FRG: Middle East policy (1949—1983)*. Vladikavkaz: SOIGSI. 224 p. ISBN 978-5-91480-043-4. (In Russ.).
- Dudaiti, A. K. (2020). *Policy of the leading EU countries in conflict regions of the world: The Middle East*. Vladikavkaz: SOGU. 304 p. ISBN 978-5-8336-1018-3. (In Russ.).
- Forbis, W. (1980). *Fall of the peacock throne: The story of Iran*. New York: Harper & Row. 305 p. ISBN 0-06-011301-4 (U.S.A. a. Canada).
- Hirschfeld, Y. (1980). *Deutschland und Iran im Spielfeld der Mächte: Internationale Beziehungen unter Reza Schah (1921—1941)*. Düsseldorf: Schriftenreihe des Instituts für Deutsche Geschichte. 351 s. ISBN-10 3770005759; ISBN-13 978-3770005758. (In Germ.).
- Khatib-Shahid, R. (2013). *German foreign Policy towards Iran before World War II: Political Relations, Economic Influence and the National Bank of Persia*. London: I. B. Tauris. 240 p. ISBN-10 1848853246; ISBN-13 978-1848853249.
- Kumral, M. (2016). *Rethinking Turkey — Iraq Relations. The Dilemma of Partial Cooperation*. Ankara: Middle East Technical University. 258 p. ISBN-10 1137561238; ISBN-13 978-1137561237.
- Kumral M. (2020). *Exploring Emotions in Turkey-Iran Relations: Affective Politics of Partnership and Rivalry*. London: Palgrave Macmillan. 359 p. ISBN-13 978-3030390280; ISBN-10 3030390284.
- Mamedova, N. M. (2009). Iranian-Soviet Relations (1917—1991). In: *Encyclopedia Iranica. Online edition*. Available at: <http://www.iranicaonline.org/articles/russia-ii-iranian-soviet-relations-1917-1991> (accessed 13.10.2021).
- Martin, V. (2009). *Britain-Iranian Relations since 1800*. London: Routledge. 188 p. ISBN-10 0415544394; ISBN-13 978-0415544399.
- Orishev, A. B. *Nazi Germany in Iran: Political and ideological expansion on the eve of World War II*. Available at: http://library.by/portalus/modules/history/referat_readme.php?archive=&id=1210697616&start_from=&subaction=s howfull&ucat= (accessed 11.10.2021). (In Russ.).
- Roshandel, J., Cook, A. (2009). *The United States and Iran: Policy Challenges and Opportunities*. New York: Palgrave Macmillan US. 220 p. ISBN 978-0-230-62328-6.
- Rezun, M. (1988). *The Soviet Union and Iran: Soviet Policy in Iran from the Beginning of Pahlavi Dynasty until the Soviet Invasion in 1941*. London: Westview press. 425 p. ISBN 0-8133-7616-5.
- Shajari, S. (2014). *Chain Reaction and Chaos: Toward Modern Persia*. New York: University Press of America. 299 p. ISBN 0761865225; 9780761865223.
- The Cambridge History of Iran. From Nader Shah to the Islamic Republic (1722—1979)*, 7. (2008). Cambridge : Cambridge University Press. 1072 p. ISBN 0521200954, 9780521200950.

Загороднюк Н. И. Организация медицинской помощи заключенным Тобольского тюремного острога в конце XVIII — первой половины XIX веков / Н. И. Загороднюк // Научный диалог. — 2021. — № 12. — С. 327—343. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-327-343.

Zagorodnyuk, N. I. (2021). Organization of Medical Care for Prisoners of Tobolsk Prison Castle: End of XVIII — First Half of XIX Century. *Nauchnyi dialog*, 12: 327-343. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-327-343. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-327-343

Организация медицинской помощи заключенным Тобольского тюремного острога в конце XVIII — первой половины XIX веков

Загороднюк Надежда Ивановна
orcid.org/0000-0002-9071-6998
кандидат исторических наук
старший научный сотрудник
niz1957@yandex.ru

Тобольская комплексная научная станция
Уральского отделения Российской академии наук
(Тобольск, Россия)

Organization of Medical Care for Prisoners of Tobolsk Prison Castle: End of XVIII — First Half of XIX Century

Nadezhda I. Zagorodnyuk
orcid.org/0000-0002-9071-6998
PhD in History
senior research scientist
niz1957@yandex.ru

Tobolsk complex scientific station
of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences
(Tobolsk, Russia)

© Загороднюк Н. И., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается начальный период формирования пенитенциарной медицины на примере тюремной больницы Тобольского тюремного замка (острога). Статья является первой работой по истории пенитенциарной медицины в Тобольской губернии. В основу исследования лег широкий круг источников, наиболее значимы среди них документы центральных и региональных архивов, впервые вводимые в научный оборот. В конце XVIII — первой половине XIX веков происходит формирование нормативно-правовой основы пенитенциарной медицины, исполнение законодательных и подзаконных актов прослеживается в деятельности тюремной администрации, ее взаимодействии с Западно-Сибирским генерал-губернаторством, гражданскими губернаторами, государственными учреждениями. Обращается внимание на особенности организации медицинской помощи арестантам. Доказано, что развитие материальной базы больницы зависело не только от размера выделяемых казенных средств, а в большей степени от вкладов благотворительного фонда губернского попечительного о тюрьмах комитета, а также частной благотворительности. Утверждается, что руководство больницей осуществлялось врачами гражданской медицинской службы, только в 1854 году решением Правительствующего Сената в штаты тюрьмы была введена должность лекаря. Проанализированы причины заболеваемости и смертности заключенных, отмечен жертвенный подвиг тюремных лекарей в период эпидемии холеры 1848 года.

Ключевые слова:

тюремный острог; Приказ общественного призрения; тюремная больница; губернский попечительный о тюрьмах комитет; эпидемия холеры 1848 года; Тобольская губерния.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article examines the initial period of the formation of penitentiary medicine on the example of the prison hospital of the Tobolsk prison castle (ostrog). The article is the first work on the history of penitentiary medicine in the Tobolsk province. The study was based on a wide range of sources, the most significant are documents from central and regional archives, introduced into scientific circulation for the first time. In the first half of the XIX century. The legal framework of penitentiary medicine is being formed, the execution of legislative and subordinate acts can be traced in the activities of the prison administration, its interaction with the West Siberian Governor-General, civil governors, and state institutions. Attention is drawn to the peculiarities of the organization of medical care for prisoners. The development of the hospital's material base depended not only on the amount of state funds allocated, but to a greater extent on the contributions of the charitable foundation of the provincial prison trust committee, as well as private charity. The management of the hospital was carried out by doctors of the civil medical service, only in 1854, by the decision of the Governing Senate, the position of a doctor was introduced into the prison staff. The causes of morbidity and mortality of prisoners are analyzed, the sacrificial feat of prison doctors during the cholera epidemic of 1848 is noted.

Key words:

prison castle; Order of public charity; prison hospital; provincial prison care committee; cholera epidemic of 1848; Tobolsk province.

Организация медицинской помощи заключенным Тобольского тюремного острога в конце XVIII — первой половины XIX веков

© Загороднюк Н. И., 2021

1. Введение

История пенитенциарной системы России в целом и тюремной медицины, в частности, является малоизученной темой. Сегодня как никогда актуальны вопросы здравоохранения среди различных социальных слоев населения. Важно осознавать, что все времена качество условий содержания заключенных и организации оказания им медицинской помощи были показателями гуманности общества, степени его прогрессивности. Современная уголовно-исполнительная система Российской Федерации находится в условиях коренного реформирования. Важным направлением является совершенствование медицинской помощи осужденным, снижение заболеваемости и смертности лиц, находящихся в местах лишения свободы. Отсутствие обобщающих сведений о ключевых проблемах истории организации медицинской помощи и охраны здоровья заключенных не дает в полной мере оценить опыт прошлого в сравнении с настоящим для разработки стратегии совершенствования организации пенитенциарной медицины. С другой стороны, история тюремной медицины является неотъемлемой частью истории культуры общества. Все вышесказанное подводит к мысли об актуальности данной темы.

Начало формирования медицинской службы в Сибири приходится на XVIII век. В первой половине XIX века пенитенциарная медицина, впрочем, как и официальная, находилась в зачаточном состоянии. Открытие каждой острожной больницы было значимым событием. Опыт медицинской практики, накопленный в этот период в Тобольском тюремном остроге, представляет научный интерес.

На протяжении полутора столетий отечественными правоведами-теоретиками и юристами-практиками была проделана большая работа, нацеленная на осмысление основ пенитенциарной политики Российского государства. Однако интерес к вопросам пенитенциарной медицины обозначился только в последние десятилетия.

Современными исследователями был расширен круг выявленных документов, регламентирующих медицинскую деятельность в тюрьмах в конце XVIII — первой половине XIX веков. Л. В. Пертли, Б. А. Спасен-

ников, Н. Д. Эриашвили и другие пришли к выводу, что если первые попытки нормативно-правового регулирования медицинской помощи заключенным в России были сделаны в XVIII веке, то в XIX веке нормированное медицинское обеспечение арестантов стало закрепленной обязанностью государства [Пертли и др., 2016; Пестова, 2014; Спасенников и др., 2016; Хабриев и др., 2017; Черкасов и др., 2018; Филичкин, 2006].

Обращение историков к данной теме выявило ряд «слабых мест» в исследованиях правоведов. Так, оказание медицинской помощи в тюремных больницах, где не было штатных врачей, возлагалось на городских или уездных врачей, их деятельность контролировалась врачебными управами. В связи с этим возникает необходимость расширить круг правовых документов за счет привлечения актов, регламентирующих профессиональную деятельность врачей гражданского ведомства.

В исследованиях, посвященных вопросам пенитенциарной медицины, преобладают обзорные работы историко-правового характера. Лишь в нескольких работах рассматриваются вопросы оказания медицинской помощи заключенным в исследуемый период.

Развитие пенитенциарной медицины в сибирских тюрьмах не стало предметом специальных исследований. Исключением является диссертационное исследование О. О. Гармса, где в отдельном параграфе рассматриваются вопросы здравоохранения в тюрьмах Томской губернии в дореформенный период. На примере Томской тюремной больницы автором выявлены нарушения, многие из которых наблюдались в последующие десятилетия: переполненность больниц, нехватка медикаментов, плохая проветриваемость палат, недостаточная чистота помещений, а также одежды, постельных принадлежностей. Тем не менее больница была тем местом, где арестант мог не только получить медицинскую помощь, но и просто отдохнуть [Гармс, 2008].

Цель данного исследования — охарактеризовать основные формы оказания медицинской помощи арестантам Тобольского тюремного острога (замка), особое внимание уделяется деятельности тюремной больницы.

Основными источниками являются впервые вводимые в научный оборот отчеты Тобольского губернского попечительного о тюрьмах комитета за 1838—1855 годы (ф. И659), хранящиеся в Государственном архиве в г. Тобольске.

Нижняя граница исследования совпадает со временем открытия в Тобольске Приказа общественного призрения (1781 год) и тюремного острога (замка) (1782 год). До открытия тюремной больницы лечение арестантов производилось городским врачом, имелась возможность получить медицинскую помощь в военном госпитале, городской больнице. Нижняя гра-

ница определена серединой 1850-х годов. В 1857 году «старый» острог покинул последний арестант в связи с открытием «нового» тюремного замка.

2. Состояние медицинской помощи заключенным на начало XIX века. Открытие тюремной больницы

Уже к концу XVIII века Сибирь в государственной политике Российской империи прочно закрепила за собой роль места каторги и ссылки. На рубеже XVIII—XIX веков в Сибири имелся только один каменный тюремный острог, возведенный в 1780-е годы в губернском центре Тобольске.

Сведения о постройках конца XVIII века скудны. При строительстве учитывались требования, предъявляемые к постройкам казенных зданий, нашедшие отражение в проекте «Наказа о тюрьмах» [Собственноручный проект ..., 1896]. Основные и вспомогательные каменные и деревянные постройки острога расположены были «замком» на высоком берегу реки Курдюмки, в северо-восточной части города. Известно, что корпус, в котором содержались арестанты, имел в длину 26 и в ширину 22 сажень, «горницы»-камеры — величиной «в три сажени или девять аршин в длину и широту, вышина две сажени, горничное окошко величиною в полтора аршина, от потолка тоже». В камерах имелись стол и скамья, печь-лежанка, отапливаемая из коридора [ГАОО, ф. 2, оп. 1, д. 320, л. 5 об.]. «Большой пожар» 1788 года стер с лица земли город и сведения о казенных постройках более раннего времени. Одной из дат открытия тюрьмы называют 1782 год.

Появление первых медицинских учреждений в Сибири приходится на первую треть XVIII века. Первым медицинским учреждением в Западной Сибири является гарнизонный госпиталь на 20 коек, открытый в Тобольске в 1735 году. В 1763 году в городе начали работу казенная аптека с садом лекарственных растений, один из двух в Российской империи заводов медицинских инструментов. В 1764 году в связи с утверждением новых губернских штатов были введены должности губернского и городского доктора [Власов, 2004, с. 12—14]. Гражданская больница Приказа общественного призрения на 20 коек начала работу не позднее 1783 года [ГАТ, ф. ИЗ31, оп. 1, д. 148]. Здание острога в пожаре серьезно пострадало, его восстановление требовало значительных средств. В 1800 году было принято решение о размещении узников в помещении больницы Приказа общественного призрения [ГАТ, ф. ИЗ35, оп. 1, д. 21, л. 3], последняя была вновь открыта в другом здании. В литературе можно встретить информацию, что больница Приказа на 20 коек была открыта в 1801 году [Власов, 1999, с. 18]. Датой открытия острожной больницы на 10 коек называют 1800 год, что, скорее всего, не соответствует действительности, и 1817 год [Карцов, 1965, с. 74]. В 1813 году в городе появилась крестьянская больница.

Острог неоднократно перестраивался. В течение полувека число арестантов постоянно росло. Не последнюю роль в этом сыграл факт открытия в 1822 году в губернском центре Приказа (Экспедиции) о ссыльных, отчего число арестантов стало увеличиваться. Если в 1838 году в тобольской тюрьме содержалось 7601 арестантов всех категорий, то в 1855 году — 12740 чел. [ГАТ, ф. И659, оп. 1, д. 1/1, л. 43 об.; д. 6, л. 6]. Для размещения пересыльных были построены казармы, что позволило принимать одновременно до 700 человек [ГАОО, ф. 2, оп. 1, д. 594. л. 7 об.—8 об.].

При устройстве ее руководствовались «установлениями и наизиданиями» «О гошпиталях, или больницах» из «Учреждения для управления губерний Российской Империи»: больницу ставить «на высоком месте и свободном воздухе», здание должно быть «не тесное и не низкое», «покой чисто содержаны были и ... в покоях воздух переменялся открытием хотя на время окон», больные мужского и женского пола должны содержать раздельно, для больных с «прилипчивыми» болезнями помещать отдельно от других больных. Особо отмечалось: средства, выделяемые из казны, должны быть употреблены «с лучшею пользою для излечения наивысшего числа больных» [Благочестивейшая ..., 1870, с. 145—152].

Размещение арестантов в здании больницы лишь означало, что заключенные имели возможность получать медицинскую помощь. В вышеуказанном документе дано указание о «лечении больных преступников». Услуги больницы Приказа общественного призрения были платными. Автором не были выявлены факты оказания медицинской помощи арестантам тобольского острога в конце XVIII века, хотя известен следующий факт: в 1789 году по указу Екатерины II на лечение, питание и содержание больных ссыльных (не арестантов) Иркутской губернии была выделена значительная сумма казенных денег [Шуляк, 2019, с. 125].

3. Материальная база больницы и условия пребывания в ней арестантов

Вопросами открытия больниц и обеспечения их кадрами занимались врачебные управы. В своей деятельности они руководствовались законом 1797 года «Об учреждении медицинских управ». Инспектор врачебной управы по несколько раз в год обязан был проверять как врачебную, так и хозяйственную деятельность учреждения. Административно-хозяйственные и финансовые вопросы находились в ведении Приказа общественного призрения.

В исследуемый период управление местами лишения свободы было децентрализовано. Губернаторы имели широкие полномочия во всех вопросах отбывания наказания. На основании «Общего наказа губернаторам», утвержденного Сенатом 3 июня 1837 года, на начальников губерний

возлагался постоянный надзор и попечение о тюремных больницах, при отсутствии их лечение больных арестантов должно было быть предметом «личного, непосредственного попечения начальника губернии» [ПСЗРИ—II, т. XII, ч. 1, № 10303, с. 421].

В первой половине XIX века министерством внутренних дел и Обществом попечительном о тюрьмах были разработаны инструкции, конкретизирующие хозяйственную работу больниц. В 1823 году МВД были разработаны «Наставления об устройстве больниц». В данном документе подробно были изложены требования к их материальной базе. Этот документ регламентировал деятельность не только гражданских, но и тюремных больниц.

В 1831 году начальники губерний приняли к руководству «Инструкцию смотрителю губернского тюремного замка», в которой регламентировались все стороны работы пенитенциарного заведения.

В главе XI «О больнице» 1831 года определялись основные требования к устройству больницы и ее хозяйственной деятельности [Инструкция ..., с. 15—19]. Обязательным условием в больнице было наличие двух отделений: мужского и женского, причем в каждом отделении больные размещались «по роду болезней». Допускалось иметь отдельную камеру для заключенных высших чинов, представителей дворянского сословия.

Заболевшие арестанты должны были бесплатно получать лекарства, снабжаться одеждой, предметами первой необходимости, получать пищу, приготовленную по предписанию врача и соответственно правилам, введенным в больницах.

Тюремные больницы содержались на казенные средства. Поддержание материально-технической базы, обеспечение больных лекарствами, предметами первой необходимости, служащих — заработной платой — требовали значительных финансовых затрат. Изменения в лучшую сторону наступили с открытием губернских и уездных комитетов Общества попечительного о тюрьмах.

Сведения о первых десятилетиях существования тюремной больницы в Тобольском остроге отрывочны. Здания острога постоянно требовали обновления и ремонта. Только в первой трети XIX века крупные работы выполнялись в 1806—1808, 1818—1819, 1827 годах [ГАОО, ф. И2, оп. 1, д. 46, 138].

Публицист К. Голодников писал, что при губернаторе Д. Н. Бантыш-Каменском в течение 1825—1828 годов было отремонтировано здание тюремного замка, улучшены санитарные условия; в тюремной больнице устроены палаты «по разрядам болезней», появилась вентиляция [Голодников, 1886, с. 69].

К 1838 году территория тюремного острога включала два двора, огражденных каменной стеной. Каменное здание больницы находилось во дворе подсудимых арестантов. В нем имелось 7 помещений: палаты для лиц мужского и женского пола, комнаты для приема больных и аптеки, медицинского персонала, подсобное помещение. В отчете губернского тюремного комитета отмечалось, что больница «снабжена всеми вещами, которые необходимы», «содержится в чистоте, и воздух в ней сохраняется всегда свежий» [ГАТ, ф. И659, оп. 1, д. 1/1, лл. 11—11 об., 43 об., 46].

Открытие губернского тюремного комитета позволило значительно сократить государственные расходы на содержание больницы: если в 1837 году на приобретение лекарств, дров, свечей, продуктов питания и других предметов первой необходимости, пошив одежды, погребение арестантов было израсходовано 13 193 руб. 71 коп., то в следующем году от казначейства поступило лишь 4163 руб. 64 коп. на выплаты жалованья аптекарскому ученику и фельдшерам, в расчете на то, что комитет компенсирует другие расходы [ГАТ, ф. И659, оп. 1, д. 1/1, лл. 6 об., 20—21].

Медикаменты для лечения больных приобретались на казенные деньги по каталогам, составленным лекарем, через Тобольскую врачебную управу или у вольного провизора. С 1838 года значительная часть стоимости лекарств компенсировалась из средств тюремного комитета [ГАТ, ф. И659, оп. 1, д. 1/1, лл. 11, 45].

Тюремная больница обслуживала не только срочных, но и подсудимых арестантов и пересыльных колодников, содержание которых финансировалось различными учреждениями, что затрудняло выполнение финансовой отчетности.

Материальные условия больных были значительно лучше здоровых арестантов. В 1850 году ни подсудимые, ни пересыльные арестанты не имели постелей. Срочным арестантам и больным (независимо от категорий) предоставлялись кровати с тюфяками и подушками, набитыми соломой, простыни и одеяла. В зимнее время суконовые одеяла выдавались только больным [ГАТ, ф. И659, оп. 1, д. 3, лл. 40—41].

Обычно питание заключенных включало завтрак (хлеб и квас), обед (щи с говядиной, в пост — с рыбой, каша из ячных круп или вареный горох с постным маслом), ужин — из тех же блюд; в воскресные и праздничные дни добавлялись одно-два блюда. Для больных пища отпускалась «по рецептам медика», в которые могли включаться молоко, вино и другие продукты [ГАТ, ф. И659, оп. 1, д. 1/1, лл. 44, 46; ГАОО, ф. ИЗ, оп. 1, д. 1545, л. 65]. Разнообразили пищу овощи, выращенные на тюремном огороде: картофель, свекла, капуста [ГАТ, ф. И659, оп. 1, д. 2, лл. 1]. Накануне и в период церковных праздников горожане оказывали благотворительную помощь не только деньгами, но и продуктами.

К концу исследуемого периода, отмечается в документах, материальное обеспечение тюремной больницы было достаточным.

4. Деятельность врачебного персонала тюремной больницы

Основные установления в организации санитарно-медицинской помощи изложены в «Инструкции смотрителю губернского тюремного замка» 1831 года. В ней подчеркивалась необходимость открытия больниц в тюремном замке, определялись особенности их функционирования.

В отдельной главе «Инструкции» тщательно охарактеризованы обязанности медицинского персонала, в первую очередь тюремного врача. Врачебная и аптекарская деятельность острожной больницы регулировалась врачом (лекарем), режим содержания и хозяйственные вопросы решались смотрителем тюрьмы. Распределение функций часто порождало конфликты между смотрителем тюрьмы и врачом. В случае размещения здорового арестанта в больнице врачу грозило наказание [Инструкция ..., с. 15—19].

Согласно циркуляру, штатная должность врача и аптекаря вводилась только в тех тюремных больницах, где было 30 и более коек [ГАТ, ф. И659, оп. 1, д. 5/1, лл. 8—9]. В Тобольской острожной больнице, первоначально устроенной на 10, затем на 25 коек, врачи не получали жалования до середины 1850-х годов. Обязанности лекаря и аптекаря исполняли лекари Приказа общественного призрения и городовые врачи, дополнительная оплата труда для них не предусматривалась.

Тюремный врач имел широкий круг обязанностей. Прибывшего арестанта врач был обязан осмотреть в тот же или на следующий день, «не одержим ли он какими болезнями». В исключительных случаях при невозможности вызова врача допускалось принимать решение, отправлять арестанта в больницу или нет, самому смотрителю замка [Инструкция ..., с. 1—2].

Врач вел прием заболевших арестантов. Осмотр больных в палатах должен был проводиться два раза в день — в 8 часов утра и в 8 часов вечера; при наличии тяжелых больных — чаще. На каждого больного заполнялся «скорбный лист», в котором фиксировалось течение болезни, назначения лекарств. Ежедневно в двух экземплярах подавались сведения о количестве больных с указанием диагнозов, для последующего предоставления смотрителем замка губернатору и губернскому прокурору.

Врач заведовал аптекой, вел строгий учет выдачи лекарств и материалов. В конце года проводилась ревизия в аптеке, врачом готовился соответствующий доклад на имя губернатора. Кроме того, в его обязанности входило осуществление контроля санитарного состояния камер и других тюремных помещений. Рекомендовалось не только проветривание, но и

окуривание палаты «можжевеликом или минеральными кислотами, чтобы воздух освежаем был».

Он определял качество приготовленной для всех категорий арестантов пищи, для больных — состав, размер порции, ежедневно представляя соответствующую служебную записку смотрителю тюрьмы [Инструкция ..., с. 15—19].

Исходя из содержания Инструкции, предполагалось постоянное пребывание тюремного врача в острожной больнице, что в ситуации бесплатного «совместительства» было просто невозможно, поэтому часть работы перекладывалась на плечи фельдшеров, часть — выполнялась нерегулярно или вовсе не выполнялась. Тем не менее претензий к работе врачей у губернского тюремного комитета не было.

Первые десятилетия больница острога состояла в ведении врача Приказа общественного призрения. Сведения об этом периоде скудны. В 1837 году эти обязанности выполнял лекарь Волков. Учитывая большую загруженность работой в учреждениях Приказа, Волков был освобожден, лечение пациентов тюремной больницы было возложено на городского лекаря — штаб-лекаря Зданевича. Несмотря на то, что работа выполнялась безвозмездно, неоднократно в отчетах губернского попечительного о тюрьмах комитета отмечалось, что новый тюремный врач отличался «усердием и ревностным лечением больных», «в полной мере оправдывает надежду правительства» [ГАТ, ф. И659, оп. 1, д. 1/1, л. 46, д. 1/2, л. 5 об.-6].

С 1846 года исполнял должность врача Приказа общественного призрения и заведовал тюремной больницей А. А. Юшков, выпускник Санкт-Петербургской медицинско-хирургической академии. В течение 20 лет он оказывал хирургическую, акушерскую помощь местным жителям и заключенным [Власов, 2004, с. 19—20].

В 1851—1852 годах городской врач Иоким Зенец, выпускник медицинского факультета Императорского университета Святого Владимира (г. Киев), заведовал больницей и аптекой Тобольского тюремного замка [ГАТ, ф. 152, оп. 31, д. 457, лл. 1—12].

Рост числа заключенных, с одной стороны, постоянный недостаток в медицинских кадрах, расширение функций городских врачей, с другой, привели в начале 1850-х годов к ситуации, когда обязанности тюремного лекаря «никто безвозмездно принять не пожелал». В марте 1852 года губернским попечительным о тюрьмах комитетом было принято решение обратиться к управляющему губернией с просьбой установить жалованье врачам в размере 343 руб. 10 коп. в год из средств тюремного комитета. Спустя месяц пришел отрицательный ответ, так как «жалованье медицинским чинам, по штату губернских тюрем, должно быть произведено не из

сумм, тюремным комитетам принадлежащим, а из особо определенных на то источников» [ГАТ, ф. И659, оп. 1, д. 5/1, л. 21, 34, 52—52 об.]. Тем не менее Сибирский комитет поддержал ходатайство губернского тюремного комитета. 31 декабря 1852 года был принят указ правительствующего Сената за № 26904 «Об учреждении должности особого врача при больнице Тобольского тюремного замка»: «Государь Император, по положению Сибирского комитета, Высочайше соизволил повелеть, при больнице Тобольского тюремного замка учредить вакансию особого врача, с жалованием по 343 рубля 10 коп. серебром в год из сумм тамошнего тюремного комитета» [ПСЗРИ–II, т. XXVII, отд. 1, № 26904, с. 801].

С 1852 по 1854 годы исполнял должность лекаря ссыльный декабрист Фердинанд Богданович Вольф, выпускник московского отделения Медико-хирургической академии [Муравьев, 1999, с. 58].

Фельдшеры и аптекарские ученики получали жалование. Охрану осуществляли нижние воинские чины, уход за больными — люди по найму.

В период эпидемии холеры 1848 года катастрофически не хватало медицинского персонала. Решением губернского совета было разрешено набирать на должности фельдшеров и помощников лиц из ссыльнопоселенцев [ГАТ, ф. 152, оп. 31, д. 127, л. 68]. В начале 1850-х годов должность старшего фельдшера исполнял государственный крестьянин из поселенцев Л. В. Штенгель, младшего — поселенец И. М. Юргилев (Юргилевский) [ГАТ, ф. И659, оп. 1, д. 5/1, лл. 8—9, 29].

На протяжении первой половины XIX века наблюдается постоянный рост числа арестантов, содержавшихся в Тобольском остроге: если в течение года в 1838 году здесь находилось 7601 человек [ГАТ, ф. И659, оп. 1, д. 1/1, л. 43 об.], то 1855 году — 12 740 человек [ГАТ, ф. И659, оп. 1, д. 6, л. 6], то есть почти в два раза больше.

В отчетах губернского попечительного о тюрьмах содержатся неполные сведения о заболеваемости и смертности арестантов, возможно, потому, что главным показателем в тот период являлось количество открытых больниц, а не состояние врачебной деятельности. Особенности и виды заболеваний характеризовались лаконичными фразами: арестанты «имели болезни простудную и преимущественно лихорадочную» (1838 год); «основными заболеваниями были чахотка легких, горячка, нервные болезни» (1840 год) [ГАТ, ф. И659, оп. 1, д. 1/2, лл. 5 об.-6].

Причинами высокой заболеваемости называли физическое истощение, недостаточность пищи и теплой одежды и обуви, тесные помещения, недостаточную вентиляцию, слабую освещенность, сырость, изнурение от предшествующих болезней. Особое внимание обращалось на факторы, влияющие на психологическое самочувствие арестантов: «угнетенное со-

стояние вследствие ареста» [ГАТ, ф. И659, оп. 1, д. 10, л. 152], «оставление родины, родных, с коими грелись сердца их, тоска, раскаяние, продолжительные переходы во всякое время года, а не менее того — суровый климат Сибири» [ГАТ, ф. И659, оп. 1, д. 1/1, лл. 20—21].

Доля больных в общем числе арестантов составила в 1838 году 9,3 %, 1840 — 8,8 %, 1849 — 9,2 %, 1850 годы — 8,7 %. [подсчит. по: ГАТ, ф. И659, оп. 1, д. 1/1, лл. 43 об., 45 об.; д. 1 / 2, л. 4, 5 об.-6; д. 2, лл. 1—1 об., 6; д. 3, лл. 25, 28—28 об.]. Для сравнения: в тюрьмах страны, находившихся под опекой Общества попечительного о тюрьмах, в 1840 году число заболевших составляло 8,5 % от общего числа арестантов [Краткий отчет ..., 1841, с. 9], в 1849 году — 12,4 %, что значительно выше аналогичного показателя по Тобольской тюремной больнице [Отчет ..., 1850, с. 4—5].

Процент умерших к общему количеству заболевших в эти же годы в тюремной больнице составлял в 1838 году — 4 %, 1840 — 7,8 %, 1849 — 4,9 % [подсчит. по: ГАТ, Ф. И659, оп. 1, д. 1/1, л. 45 об.; д. 1/2, л. 5 об.-6; д. 2, л. 6, 75]. В Отчете Общества попечительного о тюрьмах за 1844 год была самая большая смертность (один из шести больных) [Отчет ..., 1845, с. 5]. В 1849 году этот показатель равнялся 4,9 %, по губернским тюремным больницам в целом значительно ниже — около 3 % [ГАТ, ф. И659, оп. 1, д. 2, лл. 1—1 об., 67, 75].

Серьезным испытанием для губернской медицинской службы были эпидемии. В середине 1840-х годов эпидемия холеры распространилась по миру. В Тобольске вспышки заболевания фиксировались летом 1847 и 1848 годов.

В годовом отчете тобольского губернатора за 1848 год подробно описываются те события. Первые случаи заболевания были зафиксированы 2 июля: на судне, прибывшем с казенным спиртом из Успенского винокуренного завода, заболело 6 человек команды, трое ночью скончалось. На следующий день заболело трое жителей верхнего посада. С 6 по 12 июня росло число зараженных. Только 12 июня скончалось 83 человека [ГАТ, ф. 152, оп. 31, д. 127, лл. 56—57].

В первых числах июля были мобилизованы все медицинские силы губернии. На тот момент на службе состояло 21 чел. врачей и ветеринаров, трое практикующих врачей, 10 повивальных бабок, 37 лекарских и ветеринарских учеников, а также 208 оспопрививателей из мещан, крестьян и других сословий. Для больных холерой была открыта временная больница [ГАТ, ф. 152, оп. 31, д. 127, лл. 54, 62].

С 17 июля число заболевших стало сокращаться, с 15 по 20 августа наблюдались единичные случаи, после 20 числа вновь заболевших не было, а к 25 августа выздоровели последние больные. За этот период только в Тобольске заболели холерой 1612 чел., из них умерло 987 чел., причем

со 2 по 24 июля умерло 786 чел., с 24 июля до окончания эпидемии — 172 чел. [ГАТ, ф. 152, оп. 31, д. 127, лл. 57—58]. 61 % заболевших тоболяков скончался в от тифа.

Эпидемия холеры распространилась и в тюремном замке. В воспоминаниях Ш. Токаржевского, участника польского движения, запечатлены события, развернувшиеся в городе и тюремном остроге в период эпидемии холеры 1848 года. По дороге в Сибирь ссыльнокаторжные наблюдали ужасающую картину. «В Москве холера опустошила город. На улицах — ни души. Только иногда встречался погребальный кортеж всего из нескольких человек...». Прибытие партии арестантов в Тобольск совпало с началом эпидемии: «Через пару дней после нашего прибытия в Тобольск там объявилась неведомая до тех пор холера. Более шестидесяти человек умирали ежедневно. Весть о том, что мы якобы привезли с собой холеру и распространили по улицам города, как молния поразила весь Тобольск. Нашлись и такие, которые под присягой утверждали, что собственными глазами видели, как мы вытаскивали холеру из карманов». Городская толпа нашла виновников бедствия: ссыльные! «Если бы нас [не] заперли в тюрьме, — писал Токаржевский, — куда никто не имел к нам доступа, с нами точно повторилось бы то, что не раз случалось в других городах России» [Токаржевский].

В течение 1848 года в тобольской тюрьме заболело 1739 чел., из них 1536 чел. выздоровело, число умерших составило 84 чел. (4,8 %) [ГАТ, ф. 152, оп. 31, д. 127, л. 40].

В середине 1850-х годов произошли кардинальные изменения: с 1854 года принял первых насельников новый тюремный замок, центральное место в котором занимало здание больницы, рассчитанной на 100 мест.

5. Заключение

Итак, первые мероприятия по организации медицинской помощи арестантам в стенах тобольского тюремного острога-замка совпали по времени с открытием медицинских учреждений в регионе. Губернская тюремная больница большую часть исследуемого периода являлась единственным учреждением такого рода.

К середине XIX века была заложена основа нормативно-правовой базы пенитенциарной медицины. Изменения в экономических, политических, социокультурных процессах в стране обнажили проблемы, решение которых проводилось во время реформ 1860—1870-х годов и последующий период.

Для стабильного функционирования тюремных больниц требовалось действенное участие губернских учреждений и лично гражданского губернатора, медицинской управы, обеспечивающей кадрами и осуществляв-

шей контроль над выполнением врачебных задач, городских властей, ведавших отдельными направлениями материального обслуживания и проч.

В первой половине XIX века обществом ставилась задача открытия новых больниц в губернских и уездных тюрьмах, велась статистика заболеваемости и смертности, эти пункты являются ключевыми в содержании архивных документов. В регионах тюремные комитеты рассматривали эту проблему с других позиций. Ставилась задача улучшения материальной базы тюремных больниц, привлечения высококвалифицированного медицинского персонала, под влиянием христианских традиций заботы о «заблудших овцах» — создания доброжелательной атмосферы в их стенах. Тобольская тюремная больница имела достаточную материальную базу, медицинский персонал отличался доброжелательностью и терпимостью.

Финансирование расходов на оказание медицинской помощи арестантам проводилось из казенных средств. С началом деятельности в Тобольске губернского тюремного комитета Общества попечительного о тюрьмах в 1838 году большая часть расходов компенсировалась из благотворительных средств.

Сведений об оказании медицинской помощи арестантам со стороны других медицинских учреждений, частнопрактикующих врачей в этот период не имеется, за исключением эпидемий, во время которых ведомственная принадлежность не играла большой роли.

Архивы сохранили имена врачей, верных клятве Гиппократ, которые безвозмездно оказывали медицинскую помощь изгоям общества.

Полувековой опыт показал, что причиной заболеваний, в том числе эпидемий являются не якобы убийственные санитарные условия в тюрьме. Чтобы сделать объективные выводы, возникает необходимость сбора сведений и анализа данных тюремной статистики. На оказание медицинской помощи арестантам расходовались значительные средства из благотворительного фонда губернского попечительного о тюрьмах комитета. В медицинских кругах постоянно обсуждался и постепенно реализовывался на практике переход от стратегии увеличения расходовемых средств к профилактике заболеваний.

Источники и принятые сокращения

1. *Благочестивейшия самодержавнейшия великия государыни императрицы Екатерины Втория учреждения для управления губерний Всероссийския империи, в коих столицы.* — Санкт-Петербург : Сенатская типография, 1780. — 238 с.

2. ГАТ — *Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в Тобольске»*. Ф. И31 (Тобольская Управа Благочиния или полицейская. 1782—1798 гг.). Ф. И152 (Тобольское губернское управление. 1822—1919 гг.). Ф. И355 (Тобольский Приказ общественного призрения. 1775—1895 гг.). Ф. И457 (Тобольский по-

печительный о тюрьмах комитет по женскому отделению. 1851—1917 гг.). Ф. И659 (Тобольский попечительный о тюрьмах комитет по женскому отделению. 1851—1917 гг.).

3. ГАОО — *Государственный архив Омской области*. Ф. И2 (Сибирский генерал-губернатор. 1801—1822); Ф. И3 (Главное управление Западной Сибири в Омске. 1821—1905).

4. *Голодников К.* Город Тобольск и его окрестности : ист. Очерк / К. Голодников. — Тобольск : [б. и.], 1886. — 139 с.

5. *Извлечение из Отчета о положении и действиях общества попечительного о тюрьмах, поднесенного государю императору, за 1851 год.* — Санкт-Петербург : Типография Опекунского Совета, 1852. — 19 с.

6. *Инструкция смотрителю губернского тюремного замка.* — Пермь : Типография губернского правления, 1882. — 25 с.

7. *Краткий отчет о положении и действиях Общества попечительного о тюрьмах ... за 1840 год.* — Санкт-Петербург, 1841. — 61 с.

8. *Муравьев А. М.* Записки и письма / А. М. Муравьев. — Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1999. — 415 с. — ISBN 5-7424-0653-3.

9. *Отчет о положении и действиях Общества попечительного о тюрьмах, поднесенный Государю Императору за 1844 год.* — Санкт-Петербург : Типография III Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1845 (2017). — 72 с.

10. ПСЗРИ-II — *Полное собрание законов Российской Империи*. Собр. 2-е. Т. XII (1837). Отд. 1. № 9825—10631. — Санкт-Петербург : Типография 2-го Отделения Собственной ее Императорского Величества канцелярии, 1838. — 822 с.

11. ПСЗРИ-II — *Полное собрание законов Российской Империи*. Т. XXVII (1852). Отд. 1. № 25870—26904. — Санкт-Петербург : Типография 2-го Отделения Собственной ее Императорского Величества канцелярии, 1853. — 801 с.

12. *Собственнонурчный проект о тюрьмах Императрицы Екатерины Великой* // Тюремный вестник. — 1896. — № 11. — С. 596—618.

13. *Токаржевский Ш.* Семь лет каторги [Электронный ресурс] / Ш. Токаржевский // *Голос Сибири* : литературно-художественный альманах (сайт). — Режим доступа : http://golosasibiri.narod.ru/almanah/kuz_ven_2/tokarjevsky/07.html (дата обращения 07.06.2021).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Власов А. А.* Очерки истории хирургии в Сибири / А. А. Власов. — Москва : Наука, 1999. — 266 с. — ISBN 5-02-004480-6.

2. *Власов А. А.* Хирургия в Тобольске от древности до современности / А. А. Власов. — Тобольск : [б. и.], 2004. — 54 с.

3. *Гармс О. О.* Пенитенциарная система Томской губернии (1804—1861 гг.) : автореферат ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / О. О. Гармс. — Барнаул, 2008. — 23 с.

4. *Карцов В. Г.* Декабрист В. Г. Батеньков / В. Г. Карцов. — Новосибирск : Наука ; Сибирское отделение, 1965. — 239 с.

5. *Пертли Л. Ф.* Развитие медицинской помощи в пенитенциарной системе России (конец XVII — начало XX века) / Л. Ф. Пертли, Н. Д. Эриашвили, Б. А. Спасенников // *Уголовное судопроизводство : проблемы теории и практики*. — 2016. — № 2. — Т. 2. — С. 75—80.

6. *Пестова О. Ю.* Развитие института оказания медицинской помощи заключенным России (конец XVII — начало XX в.) / О. Ю. Пестова // *Вестник Вятского государственного университета*. — 2014. — № 3. — С. 48—51.

7. Спасенников Б. А. Развитие медицинской помощи в тюремной системе России (конец XVIII — начало XX века) / Б. В. Спасенников, Л. Ф. Пертли // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 2016. — Т. 24. — № 4. — С. 252—256.

8. Филичкин А. А. История становления пенитенциарной медицины в России / А. А. Филичкин // Уголовно-исполнительное право : научный журнал. — 2006. — № 1. — С. 71—74.

9. Хабриев Р. У. Развитие гигиены и санитарии в пенитенциарной системе России (конец XVIII — начало XX века) / Р. У. Хабриев, Б. А. Спасенников, Л. Ф. Пертли, С. А. Копыткин // Гигиена и санитария. — 2017. — Т. 96 (8). — С. 789—792. — DOI: 10.18821/0016-9900-2017-96-8-789-792.

10. Черкасов С. Н. Развитие медицинской помощи в пенитенциарной системе России (начало XVIII — конец XIX в.) / С. Н. Черкасов, Б. А. Спасенников // Бюллетень национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. С. Семашко. — 2018. — № 1. — С. 86—90.

11. Шуляк Е. В. Развитие здравоохранения Сибири в XVIII — первой половине XIX в. / Е. В. Шуляк // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. — 2019. — Том 5. — № 2. — С. 121—132. — DOI: 10.21684/2411-197X-2019-5-2-121-132.

MATERIAL RESOURCES

A brief report on the situation and actions of the Prison Trustee Society ... for 1840. (1841). St. Petersburg. 61 p. (In Russ.).

A handwritten project about the prisons of Empress Catherine the Great. (1896). *Prison Bulletin*, 11: 596—618. (In Russ.).

Extract from the Report on the situation and actions of the Prison Trustee Society, presented to the sovereign Emperor, for 1851. (1852). St. Petersburg: Printing House of the Guard-ian Council. 19 p.

Golodnikov, K. (1886). *The city of Tobolsk and its surroundings: ist. Essay*. Tobolsk: [b. i.]. 139 p. (In Russ.).

Instructions to the caretaker of the provincial prison castle. (1882). Perm: Printing house of the provincial government. 25 p. (In Russ.).

Muravyov, A. M. (1999). *Notes and letters*. Irkutsk: East Siberian Book Publishing House. 415 p. ISBN 5-7424-0653-3. (In Russ.).

Report on the situation and actions of the Prison Trustee Society, presented to the Sovereign Emperor for 1844. (1845 (2017). St. Petersburg: Printing House of the III Department of Its Own E. I. V. Chancellery. 72 p. (In Russ.).

The complete collection of laws of the Russian Empire. Sobr. 2nd. Vol. XII (1837). Ed. 1. № 9825—10631. (1838). St. Petersburg: Printing House of the 2nd Department of Her Imperial Majesty's Own Chancellery. 822 p. (In Russ.).

The complete collection of laws of the Russian Empire. Vol. XXVII (1853). Department 1. № 25870—26904. (1853). St. Petersburg: Printing House of the 2nd Department of Her Imperial Majesty's Own Chancellery. 801 p. (In Russ.).

The most pious autocracy of the Great Empress Catherine the Second, the institutions for the administration of the provinces of the All-Russian Empire, in which the capitals. (1780). St. Petersburg: Senate Printing House. 238 p. (In Russ.).

The State Archive of the Omsk region. F. I.2 (Siberian Governor-General. 1801—1822). F. I.3 (The Main Directorate of Western Siberia in Omsk. 1821—1905). (In Russ.).

The State budgetary Institution of the Tyumen region “State Archive in Tobolsk”. F. I31 (Tobolsk Deanery or police Board. 1782—1798). F. I152 (Tobolsk Provincial Administration. 1822—1919). F. I355 (Tobolsk Order of public charity. 1775—1895). F. I457 (Tobolsk Prison Trustee Committee for the Women’s Department. 1851—1917). F. I659 (Tobolsk Prison Care Committee for Women’s Department. 1851—1917). (In Russ.).

Tokarzhevsky, Sh. *Seven years of hard labor. Voice of Siberia: literary and artistic almanac (website)*. Available at: http://golosasibiri.narod.ru/almanah/kuz_ven_2/tokarjevsky/07.html (accessed 07.06.2021). (In Russ.).

REFERENCES

Cherkasov, S. N., Spasennikov, B. A. (2018). The improvement of medical care in the penitentiary system of Russia (the beginning of the XVIII — the end of XIX century). *Bulletin of the national research Institute of public health named after N. S. Semashko*, 1: 86—90. (In Russ.).

Filichkin, A. A. (2006). The history of the formation of penitentiary medicine in Russia. *Penal enforcement law: scientific journal*, 1: 71—74. (In Russ.).

Garms, O. O. (2008). *Penitentiary system of Tomsk province (1804—1861)*. Author’s abstract of PhD Diss. Barnaul. 23 p. (In Russ.).

Kartsov, V. G. (1965). *Decembrist V. G. Batenkov*. Novosibirsk: Nauka; Siberian Branch. 239 p. (In Russ.).

Khabriev, R. U., Spasennikov, B. A., Pertli, L. F., Kopytkin, S. A. (2017). Development of hygiene and sanitation in the penitentiary system of Russia (late XVIII — early XX century). *Hygiene and sanitation*, 96 (8): 789—792. DOI: 10.18821/0016-9900-2017-96-8-789-792. (In Russ.).

Pertli, L. F., Eriashvili, N. D., Spasennikov, B. A. (2016). Development of medical care in the penitentiary system of Russia (late XVII — early XX century). *Criminal proceedings: problems of theory and practice*, 2 (2): 75—80. (In Russ.).

Pestova, O. Yu. (2014). Development of the institute of medical care for prisoners in Russia (late XVII — early XX century). *Bulletin of Vyatka State University*, 3: 48—51. (In Russ.).

Shulyak, E. V. (2019). Development of healthcare in Siberia in the XVIII — first half of the XIX century. *Bulletin of the Tyumen State University. Humanitarian studies. Humanities*, 5 (2): 121—132. DOI: 10.21684/2411-197X-2019-5-2-121-132. (In Russ.).

Spasennikov, B. A., Pertli, L. F. (2016). Development of medical care in the prison system of Russia (late XVIII — early XX century). *Problems of social hygiene, healthcare and the history of medicine*, 24 (4): 252—256. (In Russ.).

Vlasov, A. A. (1999). *Essays on the history of surgery in Siberia*. Moscow: Nauka. 266 p. ISBN 5-02-004480-6. (In Russ.).

Vlasov, A. A. (2004). *Surgery in Tobolsk from antiquity to modernity*. Tobolsk: [b. i.]. 54 p. (In Russ.).

Зайцева Л. Г. Пути сообщения Верхнего Прииртышья XVII — начала XVIII веков по материалам «Хорографической книги» и «Чертежной книги Сибири» С. У. Ремезова / Л. Г. Зайцева, Д. С. Бобров // Научный диалог. — 2021. — № 12. — С. 344—362. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-344-362.

Zaitseva, L. G., Bobrov, D. S. (2021). Communication Routes of Upper Irtysh Region of 17th — Early 18th Centuries in “Horographic Book” and “Drawing Book of Siberia” by S. U. Remezov. *Nauchnyi dialog*, 12: 344-362. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-344-362. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-344-362

**Пути сообщения Верхнего
Прииртышья XVII — начала
XVIII веков по материалам
«Хорографической книги» и
«Чертежной книги Сибири»
С. У. Ремезова**

Зайцева Любовь Геннадьевна
orcid.org/0000-0003-1512-0200
zajcevalyuba2014@yandex.ru

Бобров Денис Сергеевич
orcid.org/0000-0001-6786-1321
кандидат исторических наук, доцент
кафедры отечественной истории
Института истории и
международных отношений
bds-eureka@yandex.ru

Алтайский
государственный университет
(Барнаул, Россия)

Communication Routes of Upper Irtysh
Region of 17th — Early 18th Centuries in
“Horographic Book” and “Drawing Book
of Siberia” by S. U. Remezov

Lyubov G. Zaitseva
orcid.org/0000-0003-1512-0200
zajcevalyuba2014@yandex.ru

Denis S. Bobrov
orcid.org/0000-0001-6786-1321
PhD in History, Associate Professor,
Department of National History, Institute
of History and International Relations
bds-eureka@yandex.ru

Altai State University
(Barnaul, Russia)

© Зайцева Л. Г., Бобров Д. С., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлена характеристика сухопутных коммуникаций Верхнего Прииртышья в структуре путей сообщения юга Западной Сибири на рубеже XVII—XVIII веков по данным хорографических чертежей С. Ремезова. Источниковый корпус исследования базируется на сохраняющих эвристическую значимость атласах тобольского изографа и опубликованных сведениях российских дипломатов. Повышение значимости маршрутов движения в Верхнем Прииртышье рассматривается в контексте динамики этносоциальной и политической ситуации в регионе. Особое внимание уделяется соотношению конкретных траекторий перемещения с физико-географическими (гидрологическими, геоморфологическими) и социально-политическими (монастырями, ставками правителей) объектами местности. Авторы предлагают собственную трактовку категории «путь», приводят оригинальную карту-схему путей сообщения в верхнем и части среднего течения Иртыша. Доказывается существование в Верхнем Прииртышье в раннее Новое время двух ключевых траекторий передвижения: (1) караванных троп, отходивших от Иртыша и соединявшихся в верховьях Чара; (2) пути от Калбинского хребта по западной равнине Зайсана мимо гор Орентау к Тарбагатайскому хребту и реке Эмель.

Ключевые слова:

пути сообщения; атласы С. У. Ремезова; хорография; Верхнее Прииртышье; Джунгарское ханство; монастыри; маршруты дипломатов.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The characteristics of land communications of the Upper Irtysh region in the structure of communications in the south of Western Siberia at the turn of the 17th—18th centuries, is described in the article according to the chorographic drawings of S. Remezov. The source corpus of the study is based on the atlases of the Tobolsk isographer, which retain heuristic significance, and the published information of Russian diplomats. The increasing importance of traffic routes in the Upper Irtysh region is considered in the context of the dynamics of the ethnosocial and political situation in the region. Special attention is paid to the correlation of specific trajectories of movement with physical-geographical (hydrological, geomorphological) and socio-political (monasteries, rulers' rates) terrain objects. The authors propose their own interpretation of the category "way", present an original map-scheme of communication routes in the upper and part of the middle reaches of the Irtysh. The existence of two key trajectories of movement in the Upper Irtysh region in early modern times is proved: the caravan paths that left the Irtysh and connected in the upper reaches of the Chara; the way from the Kalbinsky ridge along the western plain of the Zaisan past the Ortentau mountains to the Tarbagatai ridge and the Emel River.

Key words:

communication routes; atlases of S. U. Remezov; chorography; Upper Irtysh; Dzungar Khanate; monasteries; routes of diplomats.

Пути сообщения Верхнего Прииртышья XVII — начала XVIII веков по материалам «Хорографической книги» и «Чертежной книги Сибири» С. У. Ремезова

© Зайцева Л. Г., Бобров Д. С., 2021

1. Введение

К рубежу XVII—XVIII веков на юге Западной Сибири в условиях постепенного расширения российского влияния и усиления взаимодействия с автохтонным населением повысилась актуальность освоения маршрутов, использовавшихся в дипломатических и торговых целях. В стратегически важных узлах путей сообщения на формировавшейся русско-джунгарской границе возник ряд оборонительных сооружений. Активизация освоенческой политики государства в петровскую эпоху вынужденно проходила в условиях острого дефицита сведений о Сибири, в том числе наглядно-графического характера [Историко-географические образы, 2016, с. 43]. Для Верхнего Прииртышья, района, представлявшего для российской администрации существенный интерес в силу соединения здесь караванных путей из различных регионов Центральной Азии (Джунгария, Семиречье, «Бухария»), систематизированная информация относительно сухопутных коммуникаций нашла выражение в детальной (в масштабах XVII столетия) росписи объектов, значимых для передвижения, на хорографических чертежах Семена Ульяновича Ремезова.

Эвристический потенциал атласов С. Ремезова, положивших, по мнению Л. А. Гольденберга, начало систематическому планомерному изучению Сибири [Гольденберг, 1965, с. 132], в настоящий момент далеко не исчерпан. Чертежи южных окраин региона неоднократно использовались в исторических исследованиях при анализе формирования русско-джунгарской границы и этнографической ситуации [Бородаев и др., 2007, с. 48—57; Бородаев и др., 2015, с. 49—73, 85—87; Историко-географические образы, 2016, с. 43—45], гораздо реже — при изучении путей сообщения. В частности, А. В. Матвеев, затрагивая материалы хорографии при реконструкции системы передвижений в Омском Прииртышье раннего Нового времени и предшествующих периодов, пришел к выводу о высоком уровне стабильности траекторий до начала XVIII столетия [Матвеев, 2014]. Обращение к наследию тобольского изографа актуально и для авторских интерпретаций некоторых археологических объектов Верхнего Прииртышья [Смагулов, 2012, с. 13—15, 106—108].

Целью данной статьи является характеристика сухопутных коммуникаций Верхнего Прииртышья в структуре путей сообщения юга Западной Сибири на рубеже XVII—XVIII веков по данным хорографических атласов С. Ремезова. Под термином *путь* в исследовании понимается разовый или относительно устойчивый маршрут на местности. В гидрографии область Верхнего Иртыша ограничивается местом впадения р. Шаган [Ресурсы ..., 1969, с. 5], однако исторические характеристики региона (в частности, фактические пределы российского влияния) обуславливают отнесение к его рамкам и части Среднего Прииртышья (юго-восток современной Павлодарской области Республики Казахстан).

Территория верхнего бассейна Иртыша (включая оз. Зайсан) показана на четырех чертежах из «Хорографической чертежной книги Сибири» — первого из атласов С. Ремезова, составлявшегося в течение более 10 лет (1697—1711 годы) [Гольденберг, 1965, с. 82—89], а также на «Чертеже земли всей безводной и малопроходной каменной степи» и «Чертеже всех сибирских градов и земель» из «Чертежной книги Сибири» 1699—1701 годов [Хорографическая чертежная книга, 2011, л. 96—99; Чертежная книга, 2003, л. 42, 44]. В содержательном плане источники крайне близки, сведения о Прииртышье в них в большинстве своем дублируют друг друга, за исключением расхождений в некоторых названиях.

При составлении С. Ремезовым хорографических чертежей Верхнее Прииртышье изображалось как периферийное пространство в силу отсутствия здесь к концу XVII века городов как опорных пунктов и минимального количества «ясашных волостей», выступавших визуально-наглядным маркером российской границы [Бобров, 2011, с. 63—64]. В степных районах, населенных кочевыми племенами, приоритетными объектами становились значимые в политико-дипломатическом аспекте ставки джунгарских правителей, месторасположения их кочевий, а также основные траектории передвижения.

При анализе хорографических «карт» южных окраин Западной Сибири следует учитывать, что С. Ремезов составлял структуру гидрографической сети на основе свидетельств очевидцев, то есть косвенных данных, а не географической меридиональной сетки. В результате это объективно привело к тому, что проекции «прилегающих с юга к Сибири земель», как отмечал в свое время еще Г. Н. Потанин, отличались «запутанностью» [Потанин, 1883, с. 314]. Изограф был вынужден осуществлять сложную компилятивную работу, используя информацию, полученную из расспросных речей, отчетов посольств и т. д. Снижало достоверность получаемых сведений и затрудняло их интерпретацию как неизбежно субъективное видение информантов (однако оно же давало некоторые оригинальные ориентиры),

так и влияние языковых барьеров, обусловленных этнической и языковой пестротой населения предгорий Алтая. Одним из источников, использованных С. Ремезовым при составлении чертежей Верхнего Прииртышья, был статейный список посольства Федора Исаковича Байкова в Китай (1654—1658 годы), с которым хорограф мог ознакомиться в Тобольской приказной палате. В ремезовских атласах отчетливо проявляется наложение информации, представленной дипломатом, на более поздние сведения различного рода [Демидова и др., 1966, с. 147]. Г. Н. Потанин пришел к выводу об использовании описаний как минимум двух маршрутов при составлении чертежей территории, что привело к очевидному дублированию рек в изображении бассейна Черного Иртыша [Потанин, 1883, с. 316]. Л. А. Гольденберг, в свою очередь, замечал, что С. Ремезов был достаточно неплохо осведомлен о землях Джунгарского ханства не только из посольских и торговых материалов, но и из семейных преданий, поскольку его дед возглавлял посольство к хунтайджи Эрдени-Багатуру в 1640—1641 годах, а отец ездил в 1660 году к хошутскому Аблаю-тайджи [Гольденберг, 1976, с. 228].

Наряду с этими обстоятельствами затрудняют исследовательскую реконструкцию отсутствие единых ориентировки и масштаба чертежей, явная зависимость графической передачи контуров рек от формата (границ) листа, что усиливало искажения во взаиморасположении объектов. Характерными чертами восприятия географического пространства русскими дипломатами и путешественниками XVII—XVIII веков были ориентация на местности сообразно направлению собственного движения («по левую» и «по правую руку») и, следовательно, определение берегов реки относительно устья, а не истока — при условии движения вверх по течению. Так, в статейном списке Ф. Байкова «левый берег» Иртыша соответствует восточному (то есть географическому правому). Эта особенность явилась едва ли не главной причиной отмеченных Н. Ф. Демидовой и В. С. Мясниковым отдельных расхождений маршрута, обозначенного С. Ремезовым на чертеже, с письменными сведениями дипломата [Демидова и др., 1966, с. 150—151].

2. Ямышево в структуре транспортных коммуникаций Верхнего Прииртышья

«Соляная дорога», то есть путь вдоль течения Иртыша от Тобольска до Ямышева (современное оз. Калатуз Республики Казахстан), была достаточно хорошо известна к рубежу XVII—XVIII веков. Она функционировала с XVI столетия как одна главных магистралей Среднего Прииртышья и проходила сначала по левому берегу до Татмытской слободы, затем — по коренной террасе на правобережье, где было легче переправляться через многочисленные притоки Иртыша [Матвеев, 2003, с. 165; Матвеев, 2007,

с. 98—99]. Стремление русского правительства закрепить за собою Ямышевское озеро прослеживается с первой половины XVII века. Наряду с идеей централизованного снабжения ямышевской солью сибирских городов и острогов, с середины 1620-х годов правительственными кругами рассматривалась возможность установления регулярной торговли с «калмыцкими людьми». В 1626 году тобольским властям было предписано осуществить осмотр местности у Ямышева для строительства острога, в следующем десятилетии неподалеку от озера возникли первые укрепления (без постоянного гарнизона) [Каменецкий и др., 2010, с. 33]. П. А. Словцовым упоминается соляной поход из Тобольска в 1699 году к Ямышевскому и Коряковскому озёрам на 25 дощаниках под командой дворянина Фефилова, имевший своей задачей, помимо добычи соли, построить уже «три острожка» и «открыть ярмарку с калмыками на праве таможенном» [Словцов, 1886, с. 110; Бородавский и др., 2021, с. 14—15]. Таким образом, к началу XVIII века Ямышево стало одним из важнейших пунктов на Иртышской меридиональной магистральной, выполнявшим роль связующего звена и своеобразной «таможни» в экономических и политических взаимоотношениях России и Джунгарии. Значимость этого пункта подчеркнута и С. Ремезовым: на «Чертеже земли всей... каменной степи» название озера продублировано крупной надписью красного цвета (в отличие от других гидронимов).

Имевшиеся у тобольской администрации сведения о коммуникациях, уходивших на юг, в казахские / джунгарские владения, были отрывочны и условны. На «Чертеже грани Тарского города с уездами» обозначено, что «от Иртыша путь належит степью к калмыцкому Ердени контаише (хунтайджи Эрдэни-Багатур. — авт.), а ходу до него летом на лошедях и на вельбудах в шесть недель и болши. А осенним и зимным путем от него контаиши до Тарского города ходу двенатцать недель. А водяного пути от реки Иртышу к нему нет». Таким образом, в окрестностях Ямышева оканчивался водный путь для русских путешественников. От административного центра — города Тобольска — до Ямышева «вверх по Иртышу реке служилые люди на дощениках для соли доходят... в четыре недели» [Хорографическая чертежная книга, 2011, л. 166 об.]. Традиционные торгово-дипломатические сухопутные маршруты далее в степь пролегли в меридиональном направлении вдоль левого берега Иртыша от Тары мимо Белых вод (левобережная протока Иртыша южнее г. Аксу в районе р. Белой [Смагулов, 2012, с. 12]) на юг. В результате интенсификации проникновения русских служилых людей вверх по Иртышу активно стали использоваться траектории и на правобережье. Ориентирами на этих путях выступали как природные объекты, так и отдельные кочевья, культовые и оборонительные постройки ойратских племен, проживавших в Верхнем Прииртышье.

3. Реконструкция сухопутных маршрутов передвижения в Верхнем Прииртышье по атласам С. У. Ремезова

Иртыш только ниже современной д. Семиярки (окрестности г. Курчатова) имеет характер равнинной реки. Извилистые скалистые берега, многочисленные утесы, стремительное течение и перекаты, не достигавшие в некоторых местах и 1 м в глубину, делали его весьма затруднительным для судоходства в верхнем течении [Семенов-Тянь-Шанский, 1935, с. 275—279]. Вследствие этого традиционно предпочтение отдавалось сухопутному, а не водному сообщению.

С. Ремезовым отображены маршруты вдоль Иртыша на юг по правому и левому берегам. Первым пунктом после Ямыша в двух днях пути от озера выступает «Мани молбище Залово» — очевидно, ламаистская культовая постройка (рис. 1) (название появилось в связи с тем, что буддийское сооружение имело надпись — молитву-мантру «ом мани падме хум» [Потанин, 1883, с. 316]). Т. Н. Смагулов выдвигает версию, что под этим названием зафиксирован калмыцкий памятник, известный как Джалин-Обо [Смагулов, 2012, с. 107—108]. На левом берегу отмечено урочище «Кабалгасун», «мечать, город пустой». Появление мусульманского средневекового некрополя в долине среднего Иртыша связано как с благоприятными условиями для скотоводства в иртышской пойме, так и с наличием караванных дорог, северных ответвлений Великого Шелкового пути [Смагулов, 2012, с. 10, 99, 104—107, 132—133].

Рис. 1. Фрагмент течения Иртыша на чертеже из «Хорографической чертежной книги Сибири С. У. Ремезова» [Хорографическая чертежная книга, 2011, л. 97]

Кабалгасун с приходом в Прииртышье ойратов утратил свои изначальные функции, но сохранил значение как ориентир на традиционном маршруте вдоль Иртыша. С начала XVII века в источниках встречаются различные упоминания этого памятника в качестве важного пункта системы сообщений. Г. Ф. Миллер в своих трудах приводит грамоту воеводе Ф. Коркодинову, датированную 1616 годом, в которой говорится об урочище «Каменные мечети» в полутора днях пути от «Соленого озера» — Ямышева [Миллер, 2000, с. 274]. Расспросные речи И. Савельева, посла к дербетскому тайше Далай-Батыру (1617 год), упоминают «мечеть колмацких людей», известную как «Давыдово кладбище», в шести неделях пути от Тобольска вверх по Иртышу, откуда путь отряда поворачивал «направо» [Русско-монгольские отношения, 1959, с. 70]. В статейном списке Ф. Байкова указано, что в 1654 году после Белых вод спустя три дня его караван пришел к зданию «Кабал-Гасун» (в другом варианте — «Кабан-Гусан»). «Кирпич женой, пустая, дело старинное», — так охарактеризовал дипломат это сооружение [Текст ..., 1966, с. 116].

От Кабалгасуна (где существовал брод через Иртыш) расходились два направления караванных путей: основной маршрут в Джунгарию, соединявший Среднее Прииртышье с Тарбагатаем, Жетысу и Восточным Туркестаном, и Каркаралинская дорога (один из вариантов Великого меридионального пути), шедшая от Иртыша по долине р. Тундык к горам Ку, Каркаралы, откуда одна из траекторий выводила к р. Сарысу и далее к присырдарьинским оазисам, а другая — к реке Чу и древним городам Семиречья [Маргулан, 1997, с. 19; Артыкбаев, 2007, с. 55; Смагулов, 2012, с. 133].

Выше по течению С. У. Ремезовым указана переправа через Иртыш в районе урочища Долон-Карагай (на чертеже дан перевод — «семь сосен») на левобережье (окрестности современного с. Долонь на правом берегу Иртыша) несколько выше устья притока Иртыша, вытекающего из озера «Енкуль», располагавшегося, по указанию изографа, в «20 верстах ходу» (по видимости, от переправы). Т. Н. Смагулов отождествляет этот приток с р. Шаган, в районе нижнего течения которой расположено несколько небольших озер, возможно, в XVII веке имевших сток в реку [Смагулов, 2012, с. 12]. «Перевоз» на Долон-Карагае действовал и в XVIII столетии (например, он упомянут в расспросных речах И. Чередова) [Демидова и др., 1966, с. 150].

Обозначив путь далее по правому берегу Иртыша мимо протоки «Черные воды» (указано: «от белых вод до черных ходу 12 дней»), следующими ориентирами С. Ремезов отметил «коч тайша Аблай» и город «Булгана» («град Булгагана» на «Чертеже земли всей... каменной степи», вероятно, от калмыцкого «балгасун» — город [Конкашпаев, 1984, с. 112—118]) вблизи «камня Калма Тологои» («кочю Каматологой» на другом чертеже)

в междуречье «Малой Бешки» и «Угун-Кочира», с отметками «до Барабы ходу три дня» и «от семи сосен до Аблая ходу семь дней» (рис. 2). Соответствующие обозначения позволяют отождествить «кочевье» и «город» с известным буддийским культовым комплексом Аблай-хит (Аблайин-кит, Аблайкит), основанным в 1654 году тайджи Аблаем [Байпаков и др., 2017, с. 637] у юго-восточного склона горы Байга в межгорной долине вблизи устьев рек Талды и Талды-Булак (окрестности с. Алгабас, к югу от Усть-Каменогорска), притоков современной р. Сибинки, впадающей в Аблакетку (левый приток Иртыша). Известия об Аблай-хите С. Ремезов мог получить из статейного списка Ф. Байкова, заставшего строительство монастыря: «А на той речке Бешке Аблай-тайша делает город... а ставит тот город промеж гор каменных...» [Текст ..., 1966, с. 119].

Рис. 2. Фрагмент течения Иртыша и Аблай-хит на чертеже из «Хорографической чертежной книги Сибири С. У. Ремезова» [Хорографическая чертежная книга, 2011, л. 98]

Через владения Аблая-тайджи проходили пути русских торговых и дипломатических караванов, направлявшихся в Цинскую империю. В 1668 году тобольский воевода П. И. Годунов писал в Сибирский приказ, что русские караваны направлялись «от Ямыша де озера... через Аблаев улус и до Китай. А... из Аблаева улусу проваживали их до Китай Аблаевы люди на своих подводах...» [Русско-монгольские отношения, 1996, с. 196—197].

Посещение Ф. Байковым Аблай-хита, скорее всего, сделало известным новый вариант маршрута от Иртыша в долину Зайсана. В районе современного Усть-Каменогорска был брод, которым пользовались кочевые пле-

мена юго-западного Алтая [Потапов, 1953, с. 124]. Возможно, именно он обозначен на чертеже С. Ремезова между реками «Улан-Усун» и «Бешка». В таком случае «Улан-Усун» можно предварительно соотнести с р. Уланкой, впадающей в Иртыш с юга ниже Усть-Каменогорска. Одна из траекторий могла проходить от брода по долине р. Аблакетки и мимо Аблайхита, который, господствуя над Сибинскими озерами и речной долиной, прикрывал путь с запада в долину р. Таргын (приток р. Таинты) и далее к Иртышу [От Алтая, 2011, с. 131—132], а также в верховья Сибинки, откуда можно было попасть, например, в долину р. Былкылдак и к верховьям Чара (подобный маршрут подразумевается сообщениями Ф. Байкова).

При составлении чертежей С. Ремезов использовал уже устаревшие сведения: в течение почти 15 лет Аблай-хит являлся крупным культовым центром Джунгарии [Ерофеева, 2011, с. 336—337], но вследствие междоусобиц Аблай-тайджи покинул Верхнее Прииртышье [От Алтая ..., 2011, с. 136]. Ко времени составления атласа он уже умер. Следует отметить, что «город Булгана» как один из известных русским стационарных пунктов в ойратских кочевьях оказался локализован на территории владений Аблая в стороне от функционировавшего пути [Хорографическая чертежная книга, 2011, л. 98; Чертежная книга, 2003, л. 42]. Скорее всего, традиционный маршрут караванов, шедших из Российского государства, не затрагивал долину Сибинки, а проходил западнее Калбинского хребта сразу в ставку хошутского правителя.

Расположив Аблай-хит на правом берегу Иртыша, изограф был вынужден провести траекторию далее по правобережью этой реки и озера Нор-Зайсан, хотя, как указывает А. Ю. Огурцов, сложный ландшафт местности от Усть-Каменогорской крепости до Зайсана (каменные осыпи, скалы и труднопроходимая тайга) крайне затруднял передвижение на этом участке вплоть до конца XVIII века [Огурцов, 1999, с. 19]. Для реконструкции дальнейших направлений, указанных С. Ремезовым, необходимо рассматривать хорографические данные с учетом произошедшей «перестановки» берегов. Обозначенный на чертеже путь проходил через реку «Бешка», далее мимо «коч (к) Тархан даичи» к р. «Мов кочир» и тянулся от кочевья к кочевью вдоль условно «северного» берега оз. «Зайсан-Нор» («Кокоту-Нор»), пересекая вблизи устьев реки «Кара-Кочир», «Усун-Кочир», «Безар» (вероятно, приток р. Каргоба), «Улан-Кочир», «Удень», а затем вдоль, по всей видимости, Кара-Иртыша (не подписан) стремился вверх по течению и поднимался в Алтайские горы к «вершине обской» и озеру «Катыня» («оз. Кан» на «Чертеже земли всей... каменной степи»). Наименования некоторых из этих гидронимов, а также характер локализации кочевий («Аблаевы», «Контаишины», «коч. Кон тайша», «коч. Сенга») позволяют

соотнести их с современными реками западной Зайсанской равнины, где, по сведениям Ф. Байкова, в 1650-х годах находились кочевые ставки тайджи Аблая, хунтайджи Эрдени-Багатура и его детей, из которых отдельно назван Сэнгэ-тайджи [Текст ..., 1966, с. 119—120].

Таким образом, под указанной траекторией можно понимать один из маршрутов, проходивших от Калбинского хребта по западной равнине Зайсана к горам Тарбагатай, далее соединявшийся с путем, выводившим к Алтайским горам, откуда можно было попасть в бассейн Катунь (например, на карте Джунгарии Г. Рената показан путь от верховьев Черного Иртыша через горы в долину Аргута [Бородаев и др., 2007, с. 63]).

От Долон-Карагая Ремезовым отмечены два пути по левобережью Иртыша, которые расходились от урочища «Ак-Билюта» («ходу два дня» от переправы), расположенного «подле яру», предположительно в районе современного Семипалатинска (рис. 3). «Западная» траектория, минуя «озеро Соленое», поднималась по долине реки Чар и, пересекая его верхние притоки «Чарин-Карабута» («ходу пять день») и «Гурбан-Цар», проходила по горной местности мимо «камня Калма» с обозначенным строением и горы «Чегулук» («Чегулук» в Чертежной книге), минуя одноименную реку.

Рис. 3. Фрагмент верхнего течения Иртыша на чертеже из «Хорографической чертежной книги Сибири С. У. Ремезова» [Хорографическая чертежная книга, 2011, л. 98]

Караванный маршрут между горами с юга от Калбинского хребта в верховьях р. Чар упомянут как Ф. Байковым («А от речки Чогуляку до камени до Калмы ходу два дня... А от камени от Калмы до речки Чару ходу два дня») [Текст ..., 1966, с. 118], так и более поздними источниками XVIII века. На карте И. Унковского 1724 года отмечен путь вверх по долине р. Царчерен (Чар) и переход водораздела между горой «Тологой» и верховьем р. Чогулук (Шигилек) [Посольство ..., 1887]. Сведения журнала капитана довольно ярко характеризуют местность на этом участке пути: вершина «Голма-Толгой», стоящая «между гор» «в самом устье на

чистом месте», описана как «великая каменная сопка» высотой «около 100 сажен». Расстояние от нее до реки «Чоголок» занимало три часа [Посольство ..., 1887, с. 19—20]. Эти данные позволяют с высокой долей уверенности отождествить сопку «Голма-Толгой» (а следовательно, и ремезовские «Калма Тологой», «Калма») с горой Толагай (*Толагай* — казахское название куполовидных гор, сопков, как правило, отдельных. Толагай в Калбинских горах — вблизи Кокпекты, см.: [Койчубаев, 1974, с. 220—221]), расположенной вблизи правых притоков Шигилека. Указание данной вершины на хорографических чертежах показывает ее значимость как одного из маршрутных маркеров XVII века. Изображение С. Ремезовым «камня Калма Тологой» возле крепостной стены «города Булгана» может свидетельствовать о связи этих двух пунктов в системе передвижения, иначе говоря, путь от Аблай-хита лежал в сторону верховьев Шигилека к вершине Толагай. В то же время нельзя абсолютно исключать вероятность того, что соответствующее наименование могла носить одна из возвышенностей в ближайших окрестностях монастыря в долине Сибинки.

Таким образом, траектория пути в районе Калбинского хребта выглядела примерно следующим образом: поднимаясь по течению Чара до истоков (ручьи Айкашар и Березовый), караваны пересекали водораздел вблизи современной горы Каражал (Каражалские горы) и спускались вниз вдоль р. Толагай (западнее ее устья расположена одноименная вершина) в долины Малого, а затем Большого Шигилека. Вершина «Чегулулук» ремезовской «карты», очевидно, соответствует современной горе Байбура (южные отроги Калбинского хребта), на юго-западном склоне которой берет начало р. Большой Шигилек. Этот чертеж, как и предшествующие, содержит обратное обозначение ориентиров: гора «Чегулулук» изображена с правой стороны пути (при движении с севера), тогда как г. Байбура расположена восточнее русла Чара. Гора Толагай («Калма», «Калма Тологой») оказалась отмечена на чертеже дважды, на правом и левом берегах Иртыша. Река «Чегулулук» (Шигилек, вытекает на Зайсанскую равнину с южного склона Калбинских гор, приток Кокпекты) изображена впадающей в Иртыш ниже р. Бешка. Подобная же «участь» постигла р. «Бокон-Чегуляк» (Буконь), берущую начало также на южном склоне Калбы восточнее Шигилека и вливающуюся в Иртыш. Условное взаиморасположение этих водных объектов передано С. Ремезовым верно, но они смещены вниз по течению Иртыша.

Более «восточная» траектория от урочища «Ак-Билюта» изображена составителем чертежа тянувшейся по левому берегу Иртыша. Она пересекает р. Чар, подходит к кочевьям «коч тайша Тархан Гоча» (по всей видимости, тайджи Тархана, упомянутого в докладе тобольского воеводы А. Буйносова-Ростовского в конце 1650-х годов [Златкин, 1983, с. 136]) у р. «Бо-

кон Чегуляк» и «коч лаба Учюртин» («коч лаба Учюртин») у р. «Чегулук», за которым сливается с путем, ведущим от брода через Иртыш (чуть ниже устья Бешки), поднимается вверх по р. «Гурбан-чар» (с комментарием «Иртыш остался влеве») и «уходит» в «камень Тарбагатай». Если отмеченная изографом «третья река Гурбан чар» — это дублированное изображение Чара (у которого «Гурбан-царом» названо верхнее течение), то в этом случае маршрут вдоль него на чертеже воспроизведен дважды. «Коч лаба Учюртин» представляется вероятным отождествить с буддийским монастырем Дархан-цорджин-хит [Потанин, 1868, с. 18], существовавшим на правом берегу Иртыша, сведения о котором приведены в статейном списке Ф. Байкова: «А живет тот калмыцкой лаба подле реки Иртыша на левой стороне (монастырь находился на географическом правом берегу Иртыша. — Л. З., Д. Б.). Поставлены у него две палаты бурханные кирпичные... А пашни у того лабы пашут бухарцы» [Текст ..., 1966, с. 116]. Н. В. Цыремпилов выдвигает предположение, что этот объект мог находиться под патронажем Очирту-Цэцена, старшего брата Аблая-тайджи [Цыремпилов, 2018, с. 42]. Общей точкой для изображенных Ремезовым траекторий, идущих по рекам «Чар» и «Гурбан-чар», является урочище «Абдара-мудун», упомянутое также и И. Унковским как место, где «караул калмыцкой бывал» [Посольство, 1887, с. 20], и скорее всего располагавшееся в окрестностях гор Ортентау в Зайсанской котловине.

Итак, в верховьях Чара сходились две траектории: от брода в районе современного Усть-Каменогорска по долинам Аблакетки, Сибинки (мимо Аблай-хита) и от Долон-Карагая по р. Чар, далее — к горам Тарбагатай и р. Эмель.

В связи с перемещением С. Ремезовым рек Зайсанской равнины на противоположный берег Зайсана правые притоки Иртыша «Бохтурма» (Бухтарма) и «Богшурма» (вероятно, р. Курчум или Нарым) оказались изображены впадающими в озеро Зайсан условно с южной стороны. На «Чертеже земли всей... каменной степи» обе реки подписаны одинаково «Бохтурма». Трудности передвижения вверх по течению вдоль правого берега Иртыша и удаленность водных объектов от траекторий дипломатических поездок в Джунгарию и Китай обусловили слабую осведомленность русских об этих местах.

4. Заключение

Таким образом, атласы С. У. Ремезова отразили известные отечественным служилым людям, дипломатам и путешественникам на конец XVII века и значимые для сношений с регионами Центральной Азии и Восточным Туркестаном пути передвижения в Верхнем Прииртышье, сре-

ди которых доминировали различные вариации следования вдоль Иртыша к Калбинским горам, далее к хребту Тарбагатай. Отображенные на картографических чертежах маршруты были представлены двумя ключевыми траекториями (рис. 4): 1) караванные тропы, отходившие от Иртыша и соединявшиеся в верховьях Чара (от района современного Усть-Каменогорска по долинам Аблакетки и Сибинки (мимо Аблай-хита) и от Долон-Карагая по р. Чар); 2) путь от Калбинского хребта по западной равнине Зайсана мимо гор Ортентау к Тарбагатайскому хребту и далее к реке Эмель.

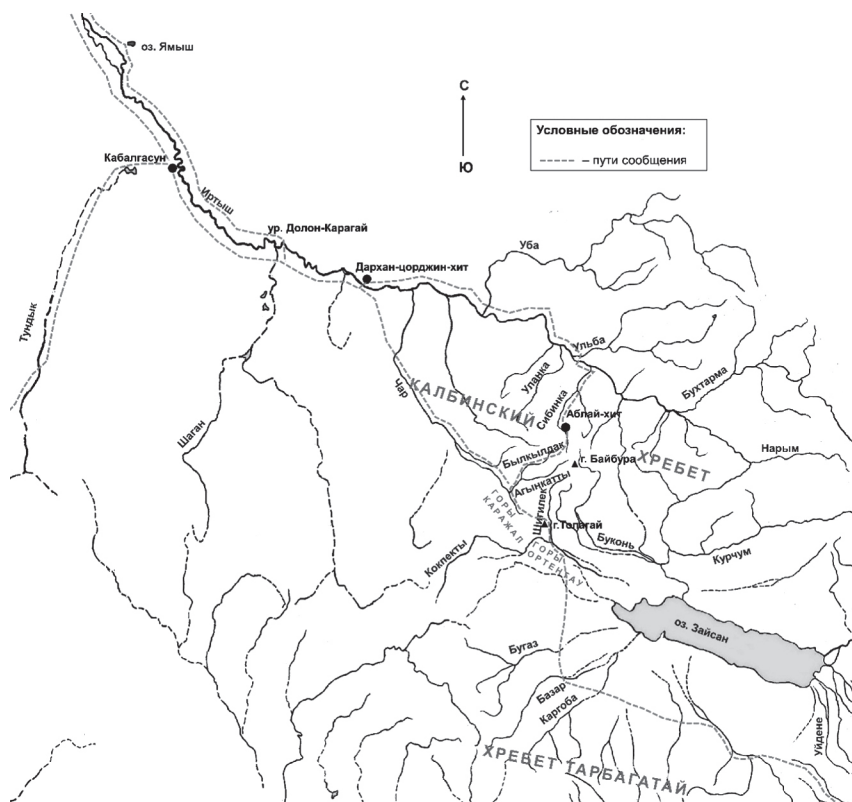

Рис. 4. Карта-схема путей сообщения Верхнего Прииртышья, отмеченных на чертежах С. У. Ремезова. Авторская реконструкция.

Источники

1. *Посольство к зюнгарскому хун-тайчи Цэван Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722—1724 годы* / сост. Н. И. Веселов-

ский. — Санкт-Петербург : Типография В. Киршбаума, 1887. — XLVI, 277 с. (Записки Императорского Русского географического общества по отд. этнографии. Т. 3, вып. 2).

2. Ремезов С. У. Хорографическая чертежная книга Сибири С. У. Ремезова / С. У. Ремезов. — Тобольск : Фонд Возрождение Тобольска, 2011. — 344 с.

3. Ремезов С. У. *Чертежная* книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Ремезовым в 1701 году / С. У. Ремезов. — Москва : Федеральная служба геодезии и картографии России; Российская государственная библиотека, 2003. — Том 1. — 48 л.

4. *Русско-монгольские* отношения. 1607—1636 : сборник документов / сост. Л. М. Гатаулина, М. И. Гольман, Г. И. Слесарчук. — Москва : Восточная литература, 1959. — 352 с.

5. *Русско-монгольские* отношения. 1654—1685 : сборник документов / сост. Г. И. Слесарчук. — Москва : Восточная литература, 1996. — 559 с.

6. Текст статейного списка Ф. И. Байкова // Демидова Н. Ф. Первые русские дипломаты в Китае / Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников. — Москва : Наука, 1966. — С. 113—144.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аблайкит*: второй год комплексных исследований / К. М. Байпаков, Д. А. Воякин, И. В. Ерофеева, Е. С. Казизов // Мир Большого Алтая. — 2017. — № 3 (4). — С. 634—665.

2. *Артыкбаев Ж. О.* «Галданова кумирня» и вопрос о памятниках калмыков на территории Казахстана / Ж. О. Артыкбаев // Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов. — 2015. — № 3. — С. 277—288.

3. *Артыкбаев Ж. О.* Великий меридиональный путь / Ж. О. Артыкбаев // Среднее Прииртышье в контексте проблем истории Евразийских степей. — Павлодар : НПФ «ЭКО», 2007. — Том 1. — С. 53—64.

4. *Бобров Д. С.* Эволюция государственного взгляда на процесс освоения Алтая в первой половине XVIII в. через призму изменения специфики картографического материала / Д. С. Бобров // Кабинетская модель управления хозяйством и эксплуатации природных ресурсов Алтая в XVIII — начале XX века. — Барнаул : Азбука, 2011. — С. 62—70.

5. *Бородаев В. Б.* Исторический атлас Алтайского края: картографические материалы по истории Верхнего Приобья и Прииртышья (от античности до начала XXI в.) / В. Б. Бородаев, А. В. Контев. — Барнаул : Азбука, 2007. — 214 с.

6. *Бородаев В. Б.* Формирование Российской границы в Иртышско-Енисейском междуречье в 1620—1720 гг. / В. Б. Бородаев, А. В. Контев. — Барнаул : Издательство Алтайского государственного педагогического университета, 2015. — 415 с.

7. *Бородовский А. П.* Соляной Поворот на Среднем Иртыше (станция, редут, станция на Иртышской оборонительной линии XVIII—XIX вв.): учебное пособие / А. П. Бородовский, П. В. Чибышев. — Омск; Новосибирск : Апостроф, 2021. — 124 с.

8. *Гольденберг Л. А.* Семен Ульянович Ремезов — сибирский картограф и географ / Л. А. Гольденберг. — Москва : Наука, 1965. — 262 с.

9. *Гольденберг Л. А.* Статья С. У. Ремезова «О калмыках, как весьма известном в Сибири народе» / Л. А. Гольденберг // Страны и народы Востока. — 1976. — Выпуск 18. — С. 228—233.

10. *Демидова Н. Ф.* Комментарии к тексту статейного списка / Н. Ф. Демидова, В. С. Мясников // Первые русские дипломаты в Китае («Роспись» И. Петлина и статейный список Ф. И. Байкова). — Москва : Наука, 1966. — С. 87—112.

11. *Ерофеева И. В.* Религиозно-культурные центры тибетского буддизма на территории Восточного Казахстана в XVII — середине XVIII в. / И. В. Ерофеева // Буддизм

Ваджраяны в России: от контактов к взаимодействию : материалы II Международной научно-практической конференции. — Москва : Алмазный путь, 2011. — С. 333—344.

12. *Златкин И. Я.* История Джунгарского ханства / И. Я. Златкин. — Москва : Наука, 1983. — 332 с.

13. *Историко-географические образы Алтая в трудах ученых, путешественников и чиновников XVIII — начала XX в.* / под ред. Т. Н. Соболевой, Д. С. Боброва. — Барнаул : Азбука, 2016. — 440 с.

14. *Каменецкий И. П.* Озеро Ямыш как зона политического и хозяйственного взаимодействия народов в XVII в. / И. П. Каменецкий, Д. Я. Резун // Гуманитарные науки в Сибири. — 2010. — № 2. — С. 32—35.

15. *Койчубаев Е.* Краткий толковый словарь топонимов Казахстана / Е. Койчубаев. — Алма-Ата : Наука, 1974. — 274 с.

16. *Конкашпаев Г. К.* Некоторые сведения о пребывании ойратов на территории Казахстана / Г. К. Конкашпаев // Проблемы этногенеза калмыков. — Элиста : Респ. тип-я Гос. комитета Калмыцкой АССР, 1984. — С. 112—118.

17. *Маргулан А. Х.* Древние караванные пути через пустыню Бетпак дала / А. Х. Маргулан // Мир казаха. — Алматы : Ин-т развития Казахстана, 1997. — С. 16—30.

18. *Матвеев А. В.* История сухопутных путей сообщения Омского Прииртышья (Средневековые — Новое время) / А. В. Матвеев. — Омск : Наука, 2014. — 268 с.

19. *Матвеев А. В.* Опыт локализации участка Иртышского средневекового меридионального пути / А. В. Матвеев // Средневековая археология евразийских степей. — Казань : Институт истории АН РТ, 2007. — Том 1. — С. 96—103.

20. *Матвеев А. В.* Сухопутные маршруты передвижения населения Среднего Прииртышья XVII — первой трети XVIII века по данным письменных, картографических источников и этнографии / А. В. Матвеев // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. — 2003. — Том 10. — С. 163—169.

21. *Миллер Г. Ф.* История Сибири / Г. Ф. Миллер. — Москва : Научная литература, 2000. — Том 2. — 796 с.

22. *Огурцов А. Ю.* Иртышская пограничная линия / А. Ю. Огурцов // Кузнецкая старина. — Новокузнецк : Кузнецкая крепость, 1999. — Выпуск 3. — С. 19—35.

23. *От Алтая до Каспия.* Атлас памятников и достопримечательностей природы, истории и культуры Казахстана : в 3 томах. — Алматы, 2011. — Том 1. — 584 с.

24. *Потанин Г. Н.* О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVIII столетии / Г. Н. Потанин. — Москва : Унив. тип. (Катков и к°), 1868. — 93 с.

25. *Потанин Г. Н.* Путешествие чрез Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. Чертежная книга Сибири / Г. Н. Потанин // Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП). — 1883. — Часть 227. — С. 300—319.

26. *Потапов Л. П.* Очерки истории алтайцев / Л. П. Потапов. — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1953. — 444 с.

27. *Ресурсы поверхностных вод СССР.* — Ленинград : Гидрометеиздат, 1969. — Том 15: Алтай и Западная Сибирь. — Выпуск 1, Часть 1. — 439 с.

28. *Семенов-Тянь-Шанский В.* Иртыш / В. Семенов-Тянь-Шанский, Н. Яницкий // Большая советская энциклопедия (БСЭ). — Москва : Советская энциклопедия, 1935. — Том 29. — С. 275—279.

29. *Словцов П. А.* Историческое обозрение Сибири / П. А. Словцов. — Санкт-Петербург : Тип. И. Н. Скороходова, 1886. — Книга 1. — 326 с.

30. Смагулов Т. Н. Калбасунская башня / Т. Н. Смагулов; отв. ред. Б. А. Байтанаев. — Алматы, 2012. — 158 с.
31. Цыремпилов Н. В. Хозяин Аблайкита. Кто и зачем построил монастырь на Иртыше? / Н. В. Цыремпилов // Вестник Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева. Серия: Исторические науки. Философия. Религиоведение. — 2018. — № 4 (125). — С. 28—53.
32. Черников С. С. Памятники архитектуры ойрат-калмыков (материалы) / С. С. Черников // Мир Большого Алтая. — 2008. — № 4 (2). — С. 321—339.

MATERIAL RESOURCES

- Gataullina, L. M., Golman, M. I., Slesarchuk, G. I. (eds.). (1959). *Russian-Mongolian relations. 1607—1636: collection of documents*. Moscow: Eastern Literature. 352 p. (In Russ.).
- Remezov, S. U. (2003). *Drawing book of Siberia, compiled by the Tobolsk boyar's son Remezov in 1701, I*. Moscow: Federal Service of Geodesy and Cartography of Russia; Russian State Library. 48 p. (In Russ.).
- Remezov, S. U. (2011). *Chorographic drawing book of Siberia S. U. Remezov*. Tobolsk: Fund Revival of Tobolsk. 344 p. (In Russ.).
- Slesarchuk, G. I. (eds.). (1996). *Russian-Mongolian relations. 1654—1685: collection of documents*. Moscow: Eastern Literature. 559 p. (In Russ.).
- The text of the article list of F. I. Baikov. (1966). In: Demidova, N. F. *The first Russian diplomats in China*. Moscow: Nauka. 113—144.
- Veselovsky, N. I. (ed.). (1887). *The embassy to the Zyungar hun-taichzhi Tsewang Rabtanu of the artillery captain Ivan Unkovsky and his travel log for 1722—1724*. St. Petersburg: V. Kirshbaum's printing house. 277 p. (In Russ.).

REFERENCES

- Artykbaev, Zh. O. (2007). Great meridional path. In: *Middle Irtysh region in the context of problems of the history of the Eurasian steppes, I*. Pavlodar: EKO. 53—64. (In Russ.).
- Artykbaev, Zh. O. (2015). “Galdan’s idol” and the question of the monuments of the Kalmyks on the territory of Kazakhstan. *Problems of ethnic history and culture of the Turkic-Mongol peoples*, 3: 277—288. (In Russ.).
- Baipakov, K. M., Voyakin, D. A., Erofeeva, I. V., Kazizov, E. S. (2017). Ablaykit: the second year of complex research. *World of Greater Altai*, 3 (4): 634—665. (In Russ.).
- Bobrov, D. S. (2011). Evolution of the state view on the process of the development of Altai in the first half of the 18th century through the prism of changing the specifics of cartographic material. In: *Cabinet model of economic management and exploitation of natural resources of Altai in the 18th — early 20th centuries*. Barnaul: Azbuka. 62—70. (In Russ.).
- Borodaev, V. B., Kontev, A. V. (2007). *Historical Atlas of Altai Territory: Cartographic Materials on the History of the Upper Ob and Irtysh Region (from Antiquity to the Beginning of the XXI Century)*. Barnaul: Azbuka. 214 p. (In Russ.).
- Borodaev, V. B., Kontev, A. V. (2015). *Formation of the Russian border in the Irtysh-Yenisei interfluvium in 1620—1720*. Barnaul: Altai State Pedagogical University Publishing House, 2015. 415 p. (In Russ.).

- Borodovsky, A. P., Chibyshev, P. V. (2021). *Solyanoy Turn on the Middle Irtysh (station, re-doubt, village on the Irtysh defensive line of the 18th—19th centuries): textbook*. Omsk; Novosibirsk: Apostrophe. 124 p. (In Russ.).
- Chernikov, S. S. (2008). Architectural monuments of the Oirat-Kalmyks (materials). *World of the Greater Altai*, 4 (2): 321—339.
- Demidova, N. F., Myasnikov, V. S. (1966). Comments to the text of the article list. In: *First Russian diplomats in China*. Moscow: Nauka. 87—112. (In Russ.).
- Erofeeva, I. V. (2011). Religious and cult centers of Tibetan Buddhism on the territory of East Kazakhstan in the 17th — mid-18th centuries. In: *Vajrayana Buddhism in Russia: from contacts to interaction: materials of the II International scientific-practical conference*. Moscow: Almazny way. 333—344. (In Russ.).
- From Altai to the Caspian Sea. Atlas of monuments and sights of nature, history and culture of Kazakhstan*, 3/1. (2011). Almaty. 584 p. (In Russ.).
- Goldenberg, L. A. (1965). *Semyon Ulyanovich Remezov — Siberian cartographer and geographer*. Moscow: Nauka. 262 p. (In Russ.).
- Goldenberg, L. A. (1976). Article by S. U. Remezov “About the Kalmyks, as a very famous people in Siberia”. *Countries and peoples of the East*, 18: 228—233. (In Russ.).
- Kamenetsky, I. P., Rezun, D. Ya. (2010). Lake Yamysh as a zone of political and economic interaction of peoples in the 17th century. *Humanities in Siberia*, 2: 32—35. (In Russ.).
- Koichubaev, E. (1974). *Concise explanatory dictionary of toponyms of Kazakhstan*. Almaty: Nauka. 274 p. (In Russ.).
- Konkashpaev, G. K. (1984). Some information about the presence of the Oirats on the territory of Kazakhstan. In: *Problems of the ethnogenesis of the Kalmyks*. Elista: Rep. type-I State. Committee of the Kalmyk ASSR. 112—118. (In Russ.).
- Margulan, A. Kh. (1997). Ancient caravan routes through the Betpak dala desert. In: *World of Kazakhs*. Almaty: Institute of Development of Kazakhstan. 16—30. (In Russ.).
- Matveev, A. V. (2003). Land routes of movement of the population of the Middle Irtysh region of the 17th — first third of the 18th century according to written, cartographic sources and ethnography. *Bulletin of the Omsk State Museum of History and Local Lore*, 10: 163—169. (In Russ.).
- Matveev, A. V. (2007). Experience in localizing a section of the Irtysh medieval meridional path. *Medieval archeology of the Eurasian steppes*, 1. Kazan: Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. 96—103. (In Russ.).
- Matveev, A. V. (2014). *History of overland communication routes of the Omsk Irtysh region (Middle Ages — New time)*. Omsk: Nauka. 268 p. (In Russ.).
- Miller, G. F. (2000). *History of Siberia*, 2. Moscow: Scientific literature. 796 p. (In Russ.).
- Ogurtsov, A. Yu. (1999). Irtysh border line. In: *Kuznetsk antiquity*, 3. Novokuznetsk: Kuznetsk Fortress. 19—35. (In Russ.).
- Potantin, G. N. (1868). *On caravan trade with Dzungarian Bukharia in the 18th century*. Moscow: Univ. type of. (Katkov and co). 93 p. (In Russ.).
- Potantin, G. N. (1883). Travel through Siberia from Tobolsk to Nerchinsk and the borders of China by the Russian envoy Nikolai Spafari in 1675. Drawing book of Siberia. *Journal of the Ministry of Public Education (JMNP)*, 227: 300—319. (In Russ.).
- Potapov, L. P. (1953). *Essays on the history of the Altaians*. Moscow; Leningrad: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR. 444 p. (In Russ.).
- Semenov-Tyan-Shansky, V., Yanitsky, N. (1935). Irtysh. In: *Great Soviet Encyclopedia (TSB)*, 29. Moscow: Soviet Encyclopedia. 275—279. (In Russ.).

- Slovtsov, P. A. (1886). *Historical review of Siberia, I*. St. Petersburg: Type. I. N. Skorokhodova. 326 p. (In Russ.).
- Smagulov, T. N. (2012). *Kalbasun tower*. Almaty. 158 p. (In Russ.).
- Soboleva, T. N., Bobrova, D. S. (eds.). (2016). *Historical and geographical images of Altai in the works of scientists, travelers and officials of the 18th — early 20th centuries*. Barnaul: Azbuka, 440 p. (In Russ.).
- Surface water resources of the USSR, 15: Altai and Western Siberia, 1/1*. (1969). Leningrad: Gidrometeoizdat. 439 p. (In Russ.).
- Tsyrempilov, N. V. (2018). The owner of Ablaykit. Who and why built a monastery on the Irtysh? *Bulletin of the Eurasian National University. L. N. Gumilyov. Series: Historical Sciences. Philosophy. Religious studies*, 4 (125): 28—53. (In Russ.).
- Zlatkin, I. Ya. (1983). *History of the Dzungar Khanate*. Moscow: Nauka. 332 p. (In Russ.).

Кулешова Е. В. Проблема периодизации истории античности в исследованиях И. М. Гревса и Н. И. Кареева в конце XIX — начале XX веков / Е. В. Кулешова, Д. Н. Старостин // Научный диалог. — 2021. — № 12. — С. 363—379. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-363-379.

Kuleshova, E. V., Starostin, D. N. (2021). Periodization of Antiquity's History in Studies of I. M. Grevs and N. I. Kareev in Late XIX — Early XX Centuries. *Nauchnyi dialog*, 12: 363-379. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-363-379. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-363-379

**Проблема периодизации
истории античности
в исследованиях
И. М. Гревса
и Н. И. Кареева в конце
XIX — начале XX веков**

Кулешова Елена Владимировна
orcid.org/0000-0003-1021-4769
кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории Средних веков
e.kuleshova@spbu.ru

Старостин Дмитрий Николаевич
orcid.org/0000-0001-9448-834X
кандидат исторических наук, доцент
кафедры истории Средних веков
d.starostin@spbu.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

**Periodization of Antiquity's
History in Studies
of I. M. Grevs and
N. I. Kareev in Late XIX —
Early XX Centuries**

Elena V. Kuleshova
orcid.org/0000-0003-1021-4769
PhD in History, Associate Professor
Department of History of the Middle Ages
e.kuleshova@spbu.ru

Dmitry N. Starostin
orcid.org/0000-0001-9448-834X
PhD in History, Associate Professor
Department of History of the Middle Ages
d.starostin@spbu.ru

St. Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)

© Кулешова Е. В., Старостин Д. Н., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Периодизация истории и определение рамок Античности и Средних веков были вопросами, открытыми для научного обсуждения на переломе XIX—XX веков, когда в России и особенно в Санкт-Петербурге активно развивалась отечественная школа антиковедения и медиевистики. Концепция И. М. Гревса состояла в том, что Римская империя знаменовала собой начало Поздней Античности с ее особым экономическим укладом в виде крупного землевладения, но этот период закончился с наступлением эпохи варварских королевств. И. М. Гревс отделил Римскую империю от периода классической Античности и одновременно показал ее отличие от уклада раннего Средневековья. В своих курсах по всеобщей истории, прочитанных вслед за И. М. Гревсом, Н. И. Кареев описал древние универсальные монархии, которые стремились к распространению своей власти до пределов ойкумены и объединению различных традиций организации власти. Следует сделать вывод о том, что Н. И. Кареев дополнил периодизацию, предложенную И. М. Гревсом, найдя в Античном мире такой же переломный момент в виде эллинистической монархии, подобно найденному в Поздней Античности И. М. Гревсом.

Ключевые слова:

И. М. Гревс; Н. И. Кареев; периодизация истории; Античность; Средние века; романо-германский синтез.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The periodization of history and the definition of the framework of Antiquity and the Middle Ages were questions open for scientific discussion at the turn of the 19th-20th centuries, when the Russian school of ancient and medieval studies was actively developing in Russia and especially in St. Petersburg. The concept of I. M. Grevs was that the Roman Empire marked the beginning of Late Antiquity with its special economic structure in the form of large land ownership, but this period ended with the onset of the era of barbarian kingdoms. I. M. Grevs separated the Roman Empire from the period of classical Antiquity and at the same time showed its difference from the way of the early Middle Ages. In his courses on general history, read after I. M. Grevs, N. I. Kareev described the ancient universal monarchies, which sought to extend their power to the limits of the ecumene and unite the various traditions of organizing power. It should be concluded that N. I. Kareev supplemented the periodization proposed by I. M. Grevs, finding in the Ancient world the same turning point in the form of the Hellenistic monarchy, similar to that found in Late Antiquity by I. M. Grevs.

Key words:

I. M. Grevs; N. I. Kareev; periodization of history; Antiquity; Middle Ages; Romano-Germanic synthesis.

Проблема периодизации истории античности в исследованиях И. М. Гревса и Н. И. Кареева в конце XIX — начале XX веков

© Кулешова Е. В., Старостин Д. Н., 2021

1. Постановка проблемы

Значимость отечественной медиевистики XIX — начала XX веков состоит не только в открытии и изучении новых источников, что было достижимо лишь для отдельных историков, получавших возможность поработать в европейских архивах, но также в уточнении хронологических рамок исторических периодов с целью углубления дальнейших исследований и развития научных подходов, используемых в преподавании при чтении лекционных курсов. Одна из существенных проблем, которая вставала перед отечественными учеными, активно занимавшимися также и педагогической деятельностью, было уточнение периодизации Античности и Средневековья как для целей преподавания, так и для разработки собственных исследовательских концепций.

Периодизация истории и определение рамок Античности и Средних веков были вопросами, открытыми для научного обсуждения. Со второй четверти XIX века в России стали активно развиваться отечественные школы антиковедения и медиевистики, следовательно, проблемы периодизации истории в значительной степени занимали и российских ученых. Благодаря появлению таких исследователей, как М. И. Куторга и его ученики, прежде всего В. Г. Васильевский, стали подниматься вопросы, решение которых было важным как для дальнейшей разработки теоретических проблем исторической науки, так и для более практических целей формирования лекционных курсов. Несмотря на то, что курсы по истории Античности и Средних веков еще не собирали большого количества слушателей, они неизменно пользовались популярностью среди преданных и заинтересованных студентов совершенно разных научных специальностей. В настоящем исследовании мы рассмотрим, как в контексте взаимных встреч, контактов и непрямого диалога при преподавании общих курсов по всеобщей истории отечественные ученые решали проблему периодизации истории Античного мира и Средних веков.

Сравнение концепций И. М. Гревса и Н. И. Кареева в области представлений о начале классического периода в истории Античного общества и в отношении начала Поздней Античности и Средневековья, безусловно,

заслуживает внимания, поскольку современные исследования зачастую не только не противоречат, но и по сути даже повторяют их интерпретации. Сравнение мировоззрений Н. И. Кареева и И. М. Гревса представляется возможным и по той причине, что два ученых пересекались благодаря своей преподавательской деятельности в Политехническом институте в Санкт-Петербурге. В 1908 году И. М. Гревс читал здесь лекции по средневековой истории, но в дальнейшем данный курс был передан Н. И. Карееву и стал частью обширного курса по всеобщей истории, который последний преподавал в Политехническом институте до 1916 года.

В настоящей статье мы предлагаем обратить внимание на разработку проблем периодизации Античной и Средневековой истории И. М. Гревсом и Н. И. Кареевым, предпринятую в рамках подготовки лекционных курсов, прочитанных ими в Политехническом институте в Петербурге, которые затем получили свое оформление в монографиях, созданных этими учеными в том числе по материалам своих курсов.

2. Проблема перехода от Античности к Средневековью в трудах историков конца XIX века

И. М. Гревс был специалистом по проблемам перехода от Античности к Средневековью и учеником В. Г. Васильевского, курс которого в Санкт-Петербургском университете был посвящен именно этой тематике, а в особенности смене римской империи на Западе системой варварских королевств. Н. И. Кареев имел подготовку в области истории раннего Нового времени, однако в рамках читаемого им курса по всеобщей истории смог развить концепцию эллинистической монархии как поворотной точки в истории Античности. Эта идея, являвшаяся довольно оригинальным развитием научных подходов И. Г. Дройзена, дополняла идеи И. М. Гревса о начале Поздней Античности в эпоху Октавиана Августа, что в совокупности позволяло выстроить некий общий взгляд на историческую периодизацию Античности и Средних веков.

Одной из особенностей подходов отечественных исследователей можно назвать следующую: по ряду причин их стали сразу интересовать вопросы концептуальной логичности хронологических схем античного общества и Средневековья. Именно в то время, когда И. М. Гревс и Н. И. Кареев проходили процесс становления как ученые, западных историков стал интересовать не столько вопрос описания обществ на той или иной стадии их развития, сколько именно процесс перехода, и в частности именно перехода от Античности к Средневековью. Данный интерес к переходным периодам возник на основе первоначальной периодизации, созданной отчасти уже С. Ле Нэн де Тильмоном (1637—1698) [Le Nain de Tillemont,

1692], Монтескьё (1689—1755) [Montesquieu, 1734] и Джамбаттиста Вико (1668—1744), хотя данная периодизация была мало известна исследователям и плохо принималась теми, кто был с ней знаком [Donzelli, 2019; Vico, 1744; Vico, 1997], в частности Эдуардом Гиббоном [Gibbon, 1781].

В целом хронологические рамки античного общества с учетом типологических и социальных характеристик были уточнены в трудах К. Ю. Белоха (1854—1929) [Beloch, 1884], М. С. Куторги (1809—1886) [Куторга, 1848; Алпатов, 1955; Георгиев, 2009, с. 5; Фролов, 1999, с. 399—401], Т. Моммзена (1817—1903) и И. Г. Дройзена [Walter, 1999; Droysen, 1877]. В трудах К. Ю. Белоха, М. С. Куторги, В. П. Бузескула правление Перикла в Афинах в середине V века до н. э. было выделено в качестве отправной точки в создании полисной демократии. Отметим, что в некоторых аспектах этого тезиса отечественные ученые опередили своих западноевропейских коллег [Beloch, 1884; Куторга, 1875; Куторга, 1894—1896; Бузескул, 1889; Бузескул, 1909].

В своих работах Т. Моммзен провел деление между эпохой республиканского Рима и империей. Пятый том его истории, посвященный Римской империи и провинциям, был, как считают исследователи, слишком сух и содержал мало оценок и выводов по поводу Поздней Античности и Римской империи по сравнению с блестящими трактовками Рима эпохи Республики в первых четырех томах [Mommsen, 1904]. А в исследовании И. Г. Дройзеном истории Александра Македонского впервые прозвучала идея о необходимости выделить его правление как обладающее рядом особых черт и как типичное для целого периода эллинизма.

Несмотря на решение ряда важных задач по более четкой периодизации истории Античности и Средневековья, к третьей четверти XIX века у историков остался ряд проблем по уточнению точки отсчета для смены исторических эпох. Хорошим примером являются исследования Нумы Дени Фюстель де Куланжа (1830—1889), труды которого И. М. Гревс прекрасно знал. Начав с труда по истории античного города, французский исследователь обратился в результате к вопросу о периоде зарождения средневековых политических порядков и уклада. Фюстель де Куланж создал классическую монографию по переходу от римской Галлии к королевству франков, уклад которого он рассматривал как часть позднеантичного уклада в области земельной собственности до начала становления власти династии Каролингов [Fustel de Coulanges, 1864; Fustel de Coulanges, 1877—1889]. Именно в дальнейшем развитии этого вопроса и состоит вклад И. М. Гревса в проблему установления даты окончания классического, полисного периода в истории Средиземноморья и начала нового, позднеантичного периода. Стоит отметить, что, несмотря на то,

что личность И. М. Гревса традиционно привлекала внимание историков и его творчеству и преподавательской деятельности был посвящен целый ряд работ [Валк, 2000, с. 38—39; Каганович, 1990; Свешников, 2004], его уточнения тезиса именитого французского исследователя остались вне поля зрения исследователей. В первую очередь историки рассматривали методологию исторического исследования И. М. Гревса [Бамбизова, 2005; Бамбизова, 2007; Бамбизова, 2008]. Кроме того, хорошо были исследованы биография ученого и круг его общения [Каганович, 1995; Каганович, 2007; Свешников, 2009]. Переписка И. М. Гревса также стала важным объектом изучения [Вахромеева, 2004; Вахромеева, 2005]. В особенности можно отметить издание переписки И. М. Гревса с Вяч. Ивановым. Обращение к эпистолярному наследию этих двух представителей интеллигенции конца XIX — начала XX веков стало важным этапом не только с точки зрения эпистолографии, но с позиций исследования не утративших и по сей день актуальность воззрений на римскую историю [Бонгард-Левин, 2006]. Образ ученого в переписке его друзей также подвергся тщательному анализу [Корзун, 2001]. Данные исследования и публикации продолжили изучение работ И. М. Гревса и ввели в оборот ряд интересных архивных материалов и писем, связанных с ученым. К преподавательской деятельности И. М. Гревса историки тоже обращались не раз [Бамбизова, 2007]. Однако в данных исследованиях, содержащих обширные биографические материалы и анализирующих методологию истории выдающего отечественного медиевиста, мы не нашли развернутых комментариев по поводу одного концептуального разногласия И. М. Гревса с Н. Д. Фюстель де Куланжем.

3. Концепция римской латифундии И. М. Гревса

Из переписки И. М. Гревса и Вяч. Иванова стало известно об одной принципиальной дискуссии между ними, развернувшейся вокруг главного тезиса Гревса о существовании в поздней Римской империи крупных латифундий, к которому Вяч. Иванов отнесся весьма скептически, указав на разбросанность владений крупных землевладельцев по разным провинциям [Бонгард-Левин, 2003; Бамбизова, 2008, с. 17]. В частности, исследование переписки дало возможность понять, что метод анализа И. М. Гревсом социально-экономических реалий на основании литературных текстов в том его виде, в котором мы находим его в «Очерках по истории римского землевладения» [Гревс, 1899], не родился сразу и без усилий, а явился результатом активной полемики ученого с его другом Вяч. Ивановым. Более того, эти споры оказали существенное влияние и на формирование И. М. Гревсом концепции «ойкоса» (домового хозяйства) как основы экономики римского мира, которая для исследователей связана только с именем последнего.

Вопрос оценки крупного землевладения в позднеримскую эпоху непосредственным образом был связан с темой феодализма, которая, как считала ученица И. М. Гревса О. А. Добиаш-Рождественская, занимала важнейшее место в его научной деятельности. В частности, от оценки характера и факта существования латифундий зависело наличие или отсутствие преемственности между позднеантичным и средневековым экономическими укладами. Однако характеристика, данная его взглядам на этот предмет современными исследователями, была чересчур краткой, и «феодализм» Гревса сейчас находится в тени его «римского землевладения». Взгляды И. М. Гревса на эту важнейшую для истории Средних веков концепцию иногда видятся современным исследователям только как отражение концепций французских историков Ф. Гизо, О. Тьерри, Ж. Мишле и Н. Д. Фюстеля де Куланжа [Каганович, 1990, с. 209]. Сам И. М. Гревс дал основания для такой оценки, написав в своих воспоминаниях, что считает наиболее значимым в развитии своего мировоззрения влияние Н. Д. Фюстеля де Куланжа, О. Тьерри и ряда других менее известных французских специалистов по истории Рима и Средневековья.

4. Переход от Античности к Средневековью: концепция И. М. Гревса

Однако проблематика перехода от Античности к Средневековью отнюдь не исчезла из работ И. М. Гревса и после прекращения исследований крупного римского землевладения. Тему романо-германского синтеза и феодализма он затрагивал не только в процессе преподавания средневековой истории и не только потому, что она была центральной для Н. Д. Фюстеля де Куланжа, труды которого значительно повлияли на его историческую концепцию. Две важнейших работы И. М. Гревса, посвященных феодализму [Гревс, 1902; Гревс, 1903; Гревс, Петрушевский, 1910], а также многочисленные черновики его лекций, дошедшие до нас в виде рукописей и тоже посвященные этой теме, практически не привлекли внимания современных исследователей. О том, что данная тема его интересовала не только в связи с преподаванием, а являлась для него важным исследовательским вопросом, говорит тот факт, что в отличие от своего учителя В. Г. Васильевского, курсы лекций которого практически не обновлялись в концептуальном плане, И. М. Гревс постоянно стремился дать наиболее современное представление о раннесредневековой истории. Судя по воспоминаниям И. М. Гревса, В. Г. Васильевскому непросто давалось чтение лекций, и в результате студентам было нелегко воспринимать их. Больше всего Гревс отмечал такую особенность своего учителя, как частый уход от основной темы и погружение в частные сюжеты, а затем вновь возвращение к основной теме лекции. Студентов выручал тот факт, что курс

лекций В. Г. Васильевского был опубликован и это издание предлагалось в процессе обучения, но вместе с тем курс не обновлялся концептуально. Однако в случае И. М. Гревса ситуация была принципиально иной: он предпочитал собственной рукой писать черновики всех новых лекций и курсов, которые ему приходилось читать. Показательно, что вопросу перехода от Античности к Средневековью и теме генезиса феодализма как важнейшему аспекту этого перехода был посвящен целый ряд его лекционных курсов (История феодализма. Конспекты отдельных тем и библиография к ним [ОР РНБ, ф. 1148, д. 70]; План курса по истории феодализма [ОР РНБ, ф. 1148, д. 74]. Эти же темы затронуты в курсах: Конспект лекций по истории раннего Средневековья [ОР РНБ, ф. 1148, д. 71], Эпоха перехода от Античности к новой культуре (руководящий учебный курс). 1907—1908 уч. г. [ПФА РАН, ф. 726, оп. 1, д. 81] и Переход от первоначального курса к курсу о франкском королевстве [ОР РНБ, ф. 1148, д. 73]). Несмотря на то, что И. М. Гревс не писал исследовательских статей на тему о феодализме, он испытывал к нему живой интерес, постоянно обдумывая те возможности, которые концепция феодализма давала для лучшего понимания перехода от Античности к Средневековью. Работа над диссертацией по проблеме крупного землевладения в римскую эпоху способствовала становлению И. М. Гревса как специалиста, который смог ответить на вопрос, были ли домены феодальной эпохи генетически связаны с крупным землевладением римской эпохи? Обратив внимание на крупные домены, И. М. Гревс уточнил тезис Н. Д. Фюстеля де Куланжа о сохранении в меровингском королевстве франков позднеантичного уклада. Если для французского исследователя, использовавшего правовые источники в первую очередь, римское землевладение казалось не изменившимся и с приходом первой династии франкских правителей, то для И. М. Гревса было понятно, что крупный домен в целом уступил давлению обстоятельств. В этом смысле преемственность между римской эпохой и эпохой варварских королевств в области экономического уклада разорвалась не в VIII веке, как думал Н. Д. Фюстель де Куланж, а практически сразу после прихода варваров на территорию римских провинций и Галлии в особенности. В своей книге «Феодализм» [Гревс, 1903], представлявшей собой своего рода учебное пособие к курсу лекций, он сделал ряд интересных высказываний по этому вопросу. В частности, он говорил о том, что в меровингскую эпоху короли франков не смогли бороться с «факторами разложения, которые раньше проникли в социальную жизнь римских провинций» [Гревс, 1903, с. 42—43]. А в своих набросках для лекций [ПФА РАН, ф. 726 оп. 1, д. 116, л. 1—6] он прямо указывал, что считал началом Поздней Античности именно приход к власти Октавиана Августа, а не создание тетрархии Диоклетианом.

Выдержки из лекций и черновых набросков И. М. Гревса показывают, что если он и использовал дихотомию «римского» и «варварского» начал, то обращался с этими терминами не так прямолинейно, как это было характерно для представителей французской и немецкой историографии. В частности, для него сами эти термины имели лишь относительное значение, поскольку он отмечал «космополитический характер» римского населения (Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры. Наброски [ОР РНБ, ф. 1148, д. 56, л. 3]; в доказательство своего тезиса он цитировал Сенеку. Adv. Helv. 5). В одном из своих курсов лекций, относящихся к периоду после 1905 года, И. М. Гревс подчеркивал принципиальную противоположность античной и варварской цивилизаций, но делал это не в тех терминах, которыми пользовались «романисты» и «германисты». В частности, важнейшим качеством античной цивилизации Гревс видел «упругость», которую она «теряет» в поздней античности. А варвары, проникающие на территорию Римской империи, приносят новый уклад и энергию (Гревс И. М. Конспект лекций по истории раннего Средневековья [ОР РНБ, ф. 1148, д. 71, л. 1]). Описывая историческую концепцию французского историка О. Тьери, он подчеркивал в качестве одной из основных проблем традиционных «романизма» и «германизма» вопрос о «чистоте» римской и варварской традиций, которые подвергались значительному взаимопроникновению в Поздней Античности (Гревс И. М. История Средних веков. Конспект практических занятий на В[ысших] Ж[енских] К[урсах]. [ОР РНБ, ф. 1148, д. 78, л. 10]. Запись гласит: «теория О. Тьерри. а). Романизм и германизм б). вопрос о «чистоте» в). революция или эволюция»). Это говорит о том, что для Гревса империя не была «римской» в прямом смысле этого слова, поскольку уже в Поздней Античности, которая для него начиналась как минимум со II века н. э., она подверглась значительному влиянию народов, входивших в нее. Более того, проникновение на ее территорию «варваров» было конфликтом не столько между «римлянами» и «германцами», понимаемыми как два народа, сколько между двумя системами организации общества, не имевшими выраженной этнической специфики. В частности, это варварское общество, как и сама Позднеримская империя, отличалось отсутствием «единства» (Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры [ОР РНБ, ф. 1148, д. 56, л. 1 об.]). В плане этих «Очерков» он пишет: «За ними последуют части, которые <неразб. — Е. К., Д. С.> к разъединению единого римского мира в борьбе с наступающею варварскою раздробленностью, затем создание в муках этой борьбы основ того, что станет в будущем культурой Италии и Франции»). Таким образом, воззрения И. М. Гревса на центральную для медиевистов тему романо-германского синтеза отличались своеобразием и не были результатом прямого заимствования концепций западных исследователей.

Таким образом, в своей полемике с Н. Д. Фюстелем де Куланжем И. М. Гревс уточнил тезис последнего и все-таки заявил об окончании существования римского поземельного уклада. Его концепция состояла в том, что Римская империя знаменовала собой наступление Поздней Античности с ее особым экономическим укладом в виде крупного землевладения и что этот период закончился с наступлением эпохи варварских королевств, поскольку именно крупное землевладение и не выдержало новых реалий. То есть И. М. Гревс отделил Римскую империю в области ее экономического уклада от периода классической Античности и одновременно показал ее отличие от уклада раннего и высокого Средневековья. Поэтому фактически проблема периодизации классической истории осталась нерешенной.

5. Периодизация античной истории: концепция Н. И. Кареева

Н. И. Кареев, который читал курс всеобщей истории после И. М. Гревса в Политехническом Институте, был хорошо знаком с концепцией своего коллеги и даже написал на нее рецензию [Кареев, 1900]. Но одним из интересных аспектов теории исторического знания Н. И. Кареева была концепция о консекутивных законах исторического бытия, согласно которой он отделил законы периодических смен от законов причинности (или каузальные) [Кареев, 2017, с. 353]. Не менее значимой является идея об обязательной необходимости для истории допущений о значимости причинности и вероятностности как основных способах мышления историка [Кареев, 2017, с. 362]. Таким образом, он отделял смену династий от причинно-следственных связей, определявших смену форм правления, в той или иной степени основанную на законах развития исторических укладов. В трудах Н. И. Кареева сложилась сложная система представлений о последовательности и взаимосвязи исторических эпох. Одной из важнейших деталей этой концепции было то, что он стремился аккуратно разделить представление о последовательности исторических эпох и идею о значительной преемственности обществ, находящихся на разных стадиях исторического развития. Античный город был для него центральным феноменом классической Античности [Филимонов, 2010, С. 327—328] Свои идеи о последовательности исторических эпох он воплотил в ряде учебных пособий и курсов лекций, которые имели в первую очередь систематизирующий, дидактический характер. Одной из важнейших являлась идея параллельного сосуществования систем власти, которые другие историки были склонны видеть как сменяющие друг друга. Например, говоря об эпохе Александра Великого, он подчеркивал, что в его образе было две ипостаси — высшего магистрата города-государства и царя, похожего по

своим функциям на персидского монарха. Эту же двойственность власти он подмечал в отношении раннего Средневековья, когда, по его мнению, правители варварских королевств были наследниками власти римских императоров для римского населения и народными вождями для пришедших с ними варваров [Кареев, 1908, с. 144]. Главной его идеей было описание истории Древнего мира как истории универсальных монархий, которые стремились к распространению своей власти до пределов ойкумены и объединению различных традиций организации власти [Кареев, 1908, с. 383—384]. Таким образом, в своих лекциях и опубликованных курсах он постарался найти способ дополнить периодизацию, фактически созданную И. М. Гревсом, и обнаружить в Античном мире такой же водораздел, который нашел в Поздней Античности И. М. Гревс. Заметим, что для Н. И. Кареева была важна та же самая проблема, которую И. М. Гревс увидел при рассмотрении Поздней Античности. Обозначив эпоху Александра Великого как переломную и схожую с ранним Средневековьем в том, что правитель в обеих этих эпохах сам был промежуточной фигурой, воплощавшей одновременно и старые и новые образы власти, он фактически удачно решил проблему периодизации.

6. Заключение

Обратив внимание на крупные домены, И. М. Гревс уточнил тезис Н. Д. Фюстеля де Куланжа о сохранении в меровингском королевстве франков позднеантичного уклада. Его концепция состояла в том, что Римская империя знаменовала собой наступление Поздней Античности с ее особым экономическим укладом в виде крупного землевладения и что этот период закончился с наступлением эпохи варварских королевств, поскольку именно крупное землевладение и не выдержало новых реалий. То есть И. М. Гревс отделил Римскую империю в области ее экономического уклада от периода классической Античности и одновременно показал ее отличие от уклада раннего и высокого Средневековья. Н. И. Кареев дополнил эту концепцию, показав, что классическое полисное общество уступило эллинистической монархии, а та, в свою очередь, Римской империи. В результате работы двух исследователей сложилась следующая схема этапов развития общества: архаическая Греция и Рим, эпоха развития классического полиса (Перикл), эллинистические монархии, позднеантичная Римская империя и раннее Средневековье. Можно отметить, что такая постановка вопроса оказалась в длительной перспективе самой правильной, поскольку именно она завоевала значительную популярность в монографиях и исследованиях ученых конца XX — начала XXI веков. Самым главным достижением Н. И. Кареева было понимание того, что исторический дея-

тель может одновременно быть воплощением и транслятором и старой и новой форм власти (уходящей и нарождающейся), точно так же как при экспансии и объединении цивилизаций сосуществуют два разных образа власти. Именно так стали трактовать переход от Поздней Античности к Средневековью многие исследователи XX—XXI веков, рассматривая, например, проблему наследников Александра как людей, воплощавших в себе две ипостаси власти, полисную и универсалистскую, основанную на монархической идее [Bosworth, 2002; Habicht, 2006]. Таким образом, Н. И. Кареев создал периодизацию, которая в успешности решения вопроса о смене исторических эпох превосходила концепцию, разработанную И. М. Гревсом. В концепции первого ученого полис времен Перикла уступал эллинистической монархии, и последняя оставалась основным способом организации власти до начала побед Рима в Средиземноморье в ходе Пунических войн и до создания Римской империи как характерной именно для позднеантичного периода формы организации власти. В этом смысле, будучи всесторонне заинтересованным исследователем в области гуманитарных наук в целом, Н. И. Кареев фактически создал очень удачную схему истории Античного мира от зарождения полисного устройства до появления раннесредневековых варварских королевств.

Источники и принятые сокращения

1. ОР РНБ — *Отдел* рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры. Наброски. Ф. 1148. Д. 56. Гревс И. М. Очерки развития средневековой культуры. Ф. 1148. Д. 70. Гревс И. М. История феодализма. Конспекты отдельных тем и библиография к ним. Ф. 1148. Д. 71. Гревс И. М. Конспект лекций по истории раннего Средневековья. Ф. 1148. Д. 71. Л. 1. Гревс И. М. Конспект лекций по истории раннего Средневековья. Ф. 1148. Д. 73. Гревс И. М. Переход от первоначального курса к курсу о франкском королевстве. Ф. 1148. Д. 74. Гревс И. М. План курса по истории феодализма. Ф. 1148. Д. 78. Л. 10. Гревс И. М. История Средних веков. Конспект практических занятий на В[ысших] Ж[енских] К[урсах].
2. ПФА РАН — Петербургский филиал архива Российской академии наук. Ф. 726. Оп. 1. Д. 116. Л. 1—6. Гревс И. М. <Заметки>; Ф. 726. Оп. 1. Д. 81. Гревс И. М. Эпоха перехода от Античности к новой культуре (руководящий учебный курс). 1907—1908 уч. г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов М. А. Мировоззрение М. С. Куторги и его концепция истории древней Греции / М. А. Алпатов // Вестник древней истории. — 1955. — № 3. — С. 179—198.
2. Бамбизова К. В. Образ историка и его ремесла глазами историка-медиевиста И. М. Гревса : конец XIX — начало XX века / К. В. Бамбизова // Мир историка : историографический сборник / под ред. В. П. Корзун. — Омск : [б. и.], 2005. — Т. 3. — С. 213—243.

3. *Бамбизова К. В.* Значение вводных лекций в курсах по истории Средних Веков на рубеже XIX—XX вв. (по материалам лекций И. М. Гревса) / К. В. Бамбизова // III Чтения, посвященные памяти Р. Л. Яворского (1925—1995) : Материалы Международной научной конференции. — Новокузнецк : РИО КузГПА, 2007. — С. 6—15. — ISBN 978-5-85117-278-6.

4. *Бамбизова К. В.* Историческая концепция Ивана Михайловича Гревса — основоположника петербургской школы медиевистики : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.09 / К. В. Бамбизова. — Томск, 2008. — 30 с.

5. *Бонгард-Левин Г. М.* Вячеслав Иванов и диссертация И. М. Гревса по истории римского землевладения / Г. М. Бонгард-Левин // Вестник древней истории. — 2003. — Т. 4. — С. 178—209.

6. *Бонгард-Левин Г. М.* История и поэзия : переписка И. М. Гревса и Вяч. Иванова / Г. М. Бонгард-Левин, В. П. Полыковская ; комментарий М. Бонгард-Левина, под ред. В. П. Полыковской. — Москва : РОСПЭН, 2006. — 447 с. — ISBN 5-8243-0650-8.

7. *Бузескул В. П.* История афинской демократии / В. П. Бузескул. — Санкт-Петербург : Типография М. М. Стасюлевича, 1909. — 467 с.

8. *Бузескул В. П.* Перикл. Историко-критический этюд / В. П. Бузескул. — Харьков : Типография Губернского правления, 1889. — VIII, 418, [2] с.; 24.

9. *Валк С. Н.* Историческая наука в Ленинградском университете за 125 лет / С. Н. Валк // Избранные труды по историографии и источниковедению. — Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского Государственного Университета, 2000. — С. 38—39. — ISBN 5-02-028422-X.

10. *Вахромеева О. Б.* Духовное единение : к изучению творческой биографии И. М. Гревса / О. Б. Вахромеева. — Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского Государственного Университета, 2005. — 165 с.

11. *Вахромеева О. Б.* Человек с открытым сердцем : Автобиографическое и эпистолярное наследие Ивана Михайловича Гревса (1860—1941) / О. Б. Вахромеева. — Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского Государственного Университета, 2004. — 372 с. — ISBN 5-9651-0035-3: 300.

12. *Георгиев П. В.* Афинская демократия в отечественной историографии середины XIX — первой трети XX вв. : автореферат диссертации ... кандидата исторических наук : 07.00.09. — Казань : Казанский Государственный Университет, 2009. — 23 с.

13. *Гревс И. М.* Очерки по истории римского землевладения / И. М. Гревс. — Санкт-Петербург : Типография М. М. Стасюлевича, 1899. — 651 с.

14. *Гревс И. М.* Феодализм / И. М. Гревс // Энциклопедический словарь / под ред. Ф. А. Брокгауз, И. А. Эфрон. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1902. — Т. 70. — С. 506—530.

15. *Гревс И. М.* Феодализм / И. М. Гревс. — Санкт-Петербург : Типо-лит. И. Трофимова, 1903. — [4], 149 с.; 29.

16. *Гревс И. М.* Феодализм / И. М. Гревс, Д. М. Петрушевский. — Санкт-Петербург : Студ. изд. ком. при Ист.-филол. фак., 1910. — 184 с.

17. *Каганович Б. С.* Вокруг «Очерков из истории римского землевладения» И. М. Гревса / Б. С. Каганович // Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI—XVII вв.) / под ред. В. И. Рутенбурга, И. П. Медведева. — Ленинград : На-ука, 1990. — С. 198—216. — ISBN 5-02-027277-9.

18. *Каганович Б. С.* Русские историки средневековья и нового времени (конец XIX — первая половина XX в.) : автореферат диссертации ... доктора исторических наук : 07.00.09 / Б. С. Каганович. — Санкт-Петербург, 1995. — 39 с.

19. *Каганович Б. С.* Русские медиевисты первой половины XX века / Б. С. Каганович. — Санкт-Петербург : Гиперион, 2007. — 184 с. — ISBN 978-5-89332-096-1.
20. *Кареев Н. И.* Монархии Древнего Востока и Греко-римского мира / Н. И. Кареев. — Санкт-Петербург : Типография М. М. Стасюлевича, 1908. — 395 с.
21. *Кареев Н. И.* Общая методология гуманитарных наук. Глава 2. Логические предпосылки всякой методологии / Н. И. Кареев // *Russian Sociological Review*. — 2017. — Т. 16. — Выпуск 3. — С. 327—365. — DOI: 10.17323/1728-192X-2017-3-327-365.
22. *Кареев Н. И.* Книга И. М. Гревса о римском землевладении / Н. И. Кареев // *Русское богатство*. — 1900. — Т. 11, 12. — № 1, 2. — С. 1—27, 1—20.
23. *Корзун В. П.* Третий угол. (И. М. Гревс в пространстве переписки «Из двух углов» В. И. Иванова и М. О. Гершензона) / В. П. Корзун // *История и историки*. — Москва : [б. и.], 2001. — С. 175—187.
24. *Куторга М. С.* Борьба демократии с аристократией в древних эллинских республиках перед персидскими войнами / М. С. Куторга // *Русский Вестник*. — 1875. — Т. 112. — С. 5—31.
25. *Куторга М. С.* Афинская гражданская община по известиям Эллинских историков / М. С. Куторга. — В 2-х тт. — Санкт-Петербург : Л.Ф. Пантелеев, 1894—1896. — 2 т.; 24.
26. *Куторга М. С.* История афинской республики от убения Иппарха до смерти Мильтиада / М. С. Куторга. — Санкт-Петербург : Типография Е. Фишера, 1848. — 175 с.
27. *Свешников А. В.* Иван Михайлович Гревс (1860—1941) / А. В. Свешников // *Портреты историков. Время и судьбы*. — Москва : Наука, 2004. — Т. 3. — С. 336—360. — ISBN 5-02-009825-6.
28. *Свешников А. В.* Как поссорился Лев Платонович с Иваном Михайловичем. История одного профессорского конфликта / А. В. Свешников // *Новое литературное обозрение*. — 2009. — Т. 96. — С. 42—72.
29. *Филимонов В. А.* Универсальный дискурс Н. И. Кареева как опыт репрезентации античной истории / В. А. Филимонов // *Древности 2010. Харьковский историко-археологический ежегодник*. — Харьков : Издательство ХИАО, 2010. — Выпуск 9. — С. 325—332.
30. *Фролов Э. Д.* Русская наука об античности : историографические очерки / Э. Д. Фролов. — Санкт-Петербург : Гуманитарная Академия, 1999. — 604 с.
31. *Beloch K. J.* Die attische Politik seit Perikles / K. J. Beloch. — Leipzig : B. G. Teubner, 1884. — 332 S.
32. *Bosworth A. B.* The Legacy of Alexander : Politics, Warfare, and Propaganda under the Successors / A. B. Bosworth. — Oxford : Oxford University Press, 2002. — 321 p. — ISBN 0198153066.
33. *Donzelli M.* L'età dei barbari: Giambattista Vico e il nostro tempo ; con il testo introduttivo alla «Scienza nuova» e la traduzione a fronte in italiano modern / M. Donzelli ; cur. e trad. da M. Donzelli. — Roma : Donzelli editore, 2019. — P. 186. — ISBN 978886439217.
34. *Droysen J. G.* Geschichte des Hellenismus. Geschichte Alexanders des Grossen / J. G. Droysen. — Gotha : Perthes, 1877. — Bd. 1, 2. — 413 p.
35. *Fustel de Coulanges N. D.* La Cité antique, étude sur le culte, le droit, les institutions de la Grèce et de Rome / N. D. Fustel de Coulanges. — Paris : Durand, 1864. — 525 p.
36. *Fustel de Coulanges N. D.* Histoire des institutions politiques de l'ancienne France : en 2 t. / N. D. Fustel de Coulanges. — Paris : Hachette et Cie, 1877—1889. — 562 p.
37. *Gibbon E.* History of the Decline and Fall of the Roman Empire / E. Gibbon. — London : W. Strahan, T. Cadell, 1781. — 640 p.

38. *Habicht C.* The Hellenistic Monarchies / C. Habicht. — Ann Arbor, MI : The University of Michigan Press, 2006. — 322 p. — ISBN 0472111094.

39. *Le Nain de Tillemont S.* Histoire des empereurs et des autres princes qui ont régné, durant les six premiers siècles de l'Église / S. Le Nain de Tillemont. — Bruxelles : Fricx, 1692. — 2 T.

40. *Mommsen T.* Römische Geschichte : 5. Die Provinzen von Caesar bis Diocletian / T. Mommsen. — Berlin : Weidemann, 1904. — 659 S.

41. *Montesquieu C.-L. I. S. b. d.* Considerations on the Causes of the Greatness of the Romans and their Decline / C.-L. I. S. b. d. Montesquieu. — Amsterdam : Jaques Desbordes, 1734.

42. *Vico G.* Scienza nuova / G. Vico. — Napoli, 1744.

43. *Vico G.* Principj di scienza nuova d'intorno alla comune natura delle nazioni / G. Vico // Concordanze e indici di frequenza dell'ed. Napoli 1744 / a cura di Marco Veneziani. — Firenze : L. S. Olschki, 1997. — 1045 p.

MATERIAL RESOURCES

OR RNL — *Department of Manuscripts of the Russian National Library.* (In Russ.).

F. 1148. D. 56. Grevs I. M. Essays on the development of medieval culture. Sketches.

F. 1148. D. 56. Grevs I. M. Essays on the development of medieval culture.

F. 1148. D. 70. Grevs I. M. History of feudalism. Summaries of individual topics and bibliography to them.

F. 1148. D. 71. Grevs I. M. Lecture notes on the history of the early Middle Ages.

F. 1148. D. 71. L. 1. Grevs I. M. Lecture notes on the history of the early Middle Ages.

F. 1148. D. 73. Grevs I. M. Transition from the initial course to the course on the Frankish kingdom.

F. 1148. D. 74. Grevs I. M. Course plan on the history of feudalism.

F. 1148. D. 78. L. 10. Grevs I. M. History of the Middle Ages. Abstract of practical studies at the Higher Women's Courses.

PFA RAS — *St. Petersburg branch of the archive of the Russian Academy of Sciences.* (In Russ.).

F. 726. Op. 1. D. 116. L. 1-6. Grevs I. M. <Notes>.

F. 726. Op. 1. D. 81. Grevs I. M. The era of transition from Antiquity to a new culture (leading training course). 1907-1908.

REFERENCES

Alpatov, M. A. (1955). The worldview of M. S. Kutorgi and his concept of the history of ancient Greece. *Bulletin of Ancient History*, 3: 179—198. (In Russ.).

Bambizova, K. V., Korzun, V. P. (ed.). (2005). The image of the historian and his craft through the eyes of the historian-medievalist I. M. Grevs: the end of the XIX — beginning of the XX century. In: *The World of the historian: a historiographical collection*, 3. Omsk: [b. i.]. 213—243. (In Russ.).

Bambizova, K. V. (2007). The significance of introductory lectures in courses on the history of the Middle Ages at the turn of the XIX—XX centuries. (based on the lectures of I. M. Grevs). In: *III Readings dedicated to the memory of R. L. Yavorsky (1925—1995): Materials of the International Scientific Conference*. Novokuznetsk: RIO KuzGPA. 6—15. ISBN 978-5-85117-278-6. (In Russ.).

- Bambizova, K. V. (2008). *Historical concept of Ivan Mikhailovich Grev — the founder of the St. Petersburg school of Medieval Studies*. Author's abstract of PhD Diss. Tomsk. 30 p. (In Russ.).
- Beloch, K. J. (1884). *Die attische Politik seit Perikles*. Leipzig: B. G. Teubner. 332 S. (In Germ.).
- Bongard-Levin, G. M. (2003). Vyacheslav Ivanov and I. M. Grevs' dissertation on the history of Roman land ownership. *Bulletin of Ancient History*, 4: 178—209. (In Russ.).
- Bongard-Levin, G. M., Polykovskaya, V. P. (2006). *History and poetry: correspondence of I. M. Grevs and Vyach. Ivanova*. Moscow: ROSPEN. 447 p. ISBN 5-8243-0650-8. (In Russ.).
- Bosworth, A. B. (2002). *The Legacy of Alexander: Politics, Warfare, and Propaganda under the Successors*. Oxford: Oxford University Press. 321 p. ISBN 0198153066.
- Buzeskul, V. P. (1889). *Pericles. Historical and critical etude*. Kharkiv: Printing House of the Provincial Government. VIII, 418, [2] p.; 24. (In Russ.).
- Buzeskul, V. P. (1909). *The history of Athenian democracy*. St. Petersburg: Printing house of M. M. Stasyulevich. 467 p. (In Russ.).
- Donzelli, M. (2019). *L'età dei barbari: Giambattista Vico e il nostro tempo; con il testo introduttivo alla «Scienza nuova» e la traduzione a fronte in italiano modern*. Roma: Donzelli editore. P. 186. ISBN 9788868439217. (In Ital.).
- Droysen, J. G. (1877). *Geschichte des Hellenismus. Geschichte Alexanders des Grossen, I, 2*. Gotha: Perthes. 413 p. (In Germ.).
- Filimonov, V. A. (2010). N. I. Kareev's universal discourse as an experience of representation of ancient history. In: *Antiquities 2010. Kharkiv Historical and Archaeological Yearbook*, 9. Kharkiv: Publishing House of the KHIAO. 325—332. (In Russ.).
- Frolov, E. D. (1999). *Russian Science of Antiquity: historiographical essays*. St. Petersburg: Humanities Academy. 604 p. (In Russ.).
- Fustel de Coulanges, N. D. (1864). *La Cité antique, étude sur le culte, le droit, les institutions de la Grèce et de Rome*. Paris : Durand. 525 p. (In Franc.).
- Fustel de Coulanges, N. D. (1877—1889). *Histoire des institutions politiques de l'ancienne France: en 2 t*. Paris: Hachette et Cie. 562 p. (In Franc.).
- Georgiev, P. V. (2009). *Athenian democracy in Russian historiography of the middle of the XIX — first third of the XX centuries*. Author's abstract of PhD Diss. Kazan: Kazan State University. 23 p. (In Russ.).
- Gibbon, E. (1781). *History of the Decline and Fall of the Roman Empire*. London: W. Strahan, T. Cadell. 640 p.
- Grevs, I. M. (1889). *Essays on the history of Roman land ownership*. St. Petersburg: Printing house of M. M. Stasyulevich. 651 p. (In Russ.).
- Grevs, I. M. (1902). *Feudalism*. In: Brockhaus, F. A., Efron, I. A. (eds.). *Encyclopedic Dictionary*, 70. St. Petersburg: [b. i.]. 506—530. (In Russ.).
- Grevs, I. M. (1903). *Feudalism*. St. Petersburg: I. Trofimova Type-lit. [4], 149 p.; 29. (In Russ.).
- Grevs, I. M., Petrushevsky, D. M. (1910). *Feudalism*. Saint Petersburg: Stud. ed. com. at the Ist.-philol. fac. 184 p. (In Russ.).
- Habicht, C. (2006). *The Hellenistic Monarchies*. Ann Arbor, MI: The University of Michigan Press. 322 p. ISBN 0472111094.
- Kaganovich, B. S. (1990). Around "Essays from the history of Roman land ownership" by I. M. Grevs. In: Rutenburg, V. I., Medvedev, I. P. (eds.). *Political structures of the feudal era in Western Europe (VI—XVII centuries)*. Leningrad: Nauka. 198—216. ISBN 5-02-027277-9. (In Russ.).

- Kaganovich, B. S. (1995). *Russian historians of the Middle Ages and modern times (late XIX — first half of XX century)*. Author's abstract of Doct. Diss. St. Petersburg. 39 p. (In Russ.).
- Kaganovich, B. S. (2007). *Russian medievalists of the first half of the XX century*. St. Petersburg: Hyperion. 184 p. ISBN 978-5-89332-096-1. (In Russ.).
- Kareev, N. I. (1900). I. Grevs' Book on Roman land ownership. *Russian Wealth*, 11, 12 (1, 2): 1—27, 1—20. (In Russ.).
- Kareev, N. I. (1908). *Monarchies of the Ancient East and the Greco-Roman World*. St. Petersburg: Printing house of M. M. Stasyulevich. 395 p. (In Russ.).
- Kareev, N. I. (2017). General methodology of the humanities. Chapter 2. Logical prerequisites of any methodology. *Russian Sociological Review*, 16 (3): 327—365. DOI: 10.17323/1728-192X-2017-3-327-365. (In Russ.).
- Korzun, V. P. (2001). The third corner. (I. M. Grevs in the space of correspondence “From two corners” by V. I. Ivanov and M. O. Gershenzon). In: *History and Historians*. Moscow: [b. i.]. 175—187. (In Russ.).
- Kutorga, M. S. (1848). *The history of the Athenian Republic from the murder of Hipparchus to the death of Miltiades*. St. Petersburg: E. Fischer Printing House. 175 p. (In Russ.).
- Kutorga, M. S. (1875). The struggle of democracy with the aristocracy in the ancient Hellenic republics before the Persian wars. *Russian Bulletin*, 112: 5—31. (In Russ.).
- Kutorga, M. S. (1894—1896). *The Athenian civil community according to the news of Hellenic historians*, 2. St. Petersburg: L. F. Panteleev. 2 t.; 24. (In Russ.).
- Le Nain de Tillemont, S. (1692). *Histoire des empereurs et des autres princes qui ont régné, durant les six premiers siècles de l'Église*, 2. Bruxelles: Fricx. (In Belg.).
- Mommsen, T. (1904). *Römische Geschichte: 5. Die Provinzen von Caesar bis Diocletian*. Berlin: Weidemann. 659 S. (In Germ.).
- Montesquieu, C.-L. J. S. b. d. (1734). *Considerations on the Causes of the Greatness of the Romans and their Decline*. Amsterdam: Jaques Desbordes.
- Sveshnikov, A. V. (2004). Ivan Mikhailovich Grevs (1860—1941). In: *Portraits of historians. Time and fate*, 3. Moscow: Nauka. 336—360. ISBN 5-02-009825-6. (In Russ.).
- Sveshnikov, A. V. (2009). How Lev Platonovich quarreled with Ivan Mikhailovich. The history of one professorial conflict). *New Literary Review*, 96: 42—72. (In Russ.).
- Vakhromeeva, O. B. (2004). *A Man with an open heart: The Autobiographical and epistolary Legacy of Ivan Mikhailovich Grevs (1860—1941)*. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University. 372 p. ISBN 5-9651-0035-3. 300. (In Russ.).
- Vakhromeeva, O. B. (2005). *Spiritual unity: towards the study of the creative biography of I. M. Grevs*. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University. 165 p. (In Russ.).
- Valk, S. N. (2000). Historical science at Leningrad University for 125 years. In: *Selected works on historiography and source studies*. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University. 38—39. ISBN 5-02-028422-X. (In Russ.).
- Vico, G. (1744). *Scienza nuova*. Napoli.
- Vico, G. (1997). *Principj di scienza nuova d'intorno alla comune natura delle nazioni. Concordanze e indici di frequenza dell'ed. Napoli 1744*. Firenze: L. S. Olschki. 1045 p. (In Ital.).

Поздеев И. Л. Марийцы Удмуртии: факторы сохранения традиционной культуры в современных условиях / И. Л. Поздеев // Научный диалог. — 2021. — № 12. — С. 380—395. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-380-395.

Pozdeev, I. L. (2021). Mari of Udmurtia: Factors of Preserving Traditional Culture in Modern Conditions. *Nauchnyi dialog*, 12: 380-395. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-380-395. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-380-395

Марийцы Удмуртии: факторы сохранения традиционной культуры в современных условиях

Поздеев Игорь Леонидович
orcid.org/0000-0002-3116-5540
ResearcherID AAJ-4154-2021
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Pozdeev79@gmail.com

Удмуртский институт
истории, языка и литературы
Удмуртского федерального
исследовательского центра
Уральского отделения
Российской академии наук
(Ижевск, Россия)

Mari of Udmurtia: Factors of Preserving Traditional Culture in Modern Conditions

Igor L. Pozdeev
orcid.org/0000-0002-3116-5540
ResearcherID AAJ-4154-2021
PhD in History, Senior Researcher
Pozdeev79@gmail.com

Udmurt Institute
of History, Language and Literature
of the Udmurt Federal Research Center
of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences
(Izhevsk, Russia)

© Поздеев И. Л., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматриваются факторы сохранения и межпоколенной передачи традиционной культуры локальной группы марийцев, проживающей на территории Удмуртии в условиях иноэтничного окружения. Источниковую основу статьи составили собранные в 2007 году среди марийцев Каракулинского района Удмуртской Республики полевые этнографические материалы, впервые вводимые в научный оборот. Охарактеризованы социально-экономическое положение респондентов, сложившиеся механизмы адаптации к рыночным отношениям, сохранность традиционных обрядов и праздников, материальной и духовной культуры, использование родного языка, этнодемографические процессы, деятельность марийской общности по поддержке этнической культуры. Автор отмечает, что исторически сформировавшийся механизм обеспечения жизнеспособности марийского социума включает в себя практики демографического поведения, этническую социализацию молодежи, воспроизводство элементов духовно-религиозной культуры (моления, семейные и календарные обряды, песни) и материального мира (национальный костюм, элементы архитектуры, музыкальные инструменты, национальная кухня), использование марийского языка. Доказано, что обрядовая сфера марийцев переживает трансформации, но при этом продолжает оставаться неотделимой частью бытия народа. В ходе работы также выявлено, что локальной группе марийцев в современных условиях для самосохранения требуется постоянно генерировать этнические маркеры на основе традиционной культуры. Ключевая роль в этом отводится деревенскому обществу, образовательным учреждениям и общественным организациям.

Ключевые слова:

удмуртские марийцы; адаптация; семья; традиционная культура; народные праздники; самосознание.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The factors of preservation and intergenerational transmission of the traditional culture of the local group of Mari living in the territory of Udmurtia in a different ethnic environment is examined in the article. The source basis of the article was the field ethnographic materials collected in 2007 among the Mari of the Karakulinsky region of the Udmurt Republic and introduced into scientific circulation for the first time. The socio-economic situation of the respondents, the established mechanisms of adaptation to market relations, the preservation of traditional rituals and holidays, material and spiritual culture, the use of the native language, ethno-demographic processes, the activities of the Mari community to support ethnic culture are showed in the work. The author notes that the historically formed mechanism for ensuring the viability of the Mari society includes practices of demographic behavior, ethnic socialization of youth, reproduction of elements of spiritual and religious culture (prayers, family and calendar rituals, songs) and the material world (national costume, elements of architecture, musical instruments, national cuisine), the use of the Mari language. It has been proven that the ritual sphere of the Mari is undergoing transformations, but at the same time it continues to remain an inseparable part of the life of the people. In the course of the work, it was also revealed that the local group of Mari in modern conditions for self-preservation needs to constantly generate ethnic markers based on traditional culture. The key role in this is assigned to the village community, educational institutions and public organizations.

Key words:

Udmurt Mari; adaptation; family; traditional culture; folk holidays; self-awareness.

Марийцы Удмуртии: факторы сохранения традиционной культуры в современных условиях

© Поздеев И. Л., 2021

1. Введение

Исследование истории и этнокультурных особенностей народов, проживающих на территории нашей страны, является одной из наиболее важных задач, стоящих перед отечественной гуманитарной наукой. Первостепенное значение имеет изучение локальных этнокультурных групп, проживающих за пределами титульных республик, поскольку часто именно в таких малых по численности диаспорах сохраняются элементы традиционной культуры, зачастую утраченные основным массивом этноса.

Марийцы Удмуртии являются пятым по численности этносом региона (по данным Всероссийской переписи 2010 года их численность составляла 8067 человек [Итоги ..., 2010]), компактно проживают на юге и юго-западе республики в Алнашском, Граховском, Каракулинском и Камбарском районах. И хотя история расселения марийцев, особенности материальной и духовной культуры, языка, деятельность марийских некоммерческих организаций (НКО) попадали в сферу изучения местных исследователей [Марийцы, 2003; Марийцы Удмуртии, 2015; Попова, 2012; Попова, 2016], но данные работы во многом носят фрагментарный характер, что обосновывает дальнейшее изучение марийцев Удмуртии, особенно в части сбора полевых этнографических материалов. В данной статье проводится анализ и частичное введение в научный оборот материалов, собранных в 2007 году сотрудниками Удмуртского института истории языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук (с 2017 года — Удмуртский институт истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра УрО РАН) в населенных пунктах Ныргында, Быргында, Новопоселенное, Зуевы Ключи Каракулинского района Удмуртской Республики. В качестве источников при написании работы выступили архивные дела, хранящиеся в Научном архиве УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, с материалами полевых исследований Г. А. Никитиной [НА УИИЯЛ, д. 1499, 27 л.], И. Л. Поздеева [НА УИИЯЛ, д. 1495, 123 л.] и Л. С. Христолюбовой [НА УИИЯЛ, д. 1516, 33 л.], научные отчеты института [НА УИИЯЛ, д. 724а, 195 л.], а также личные воспоминания участников экспедиции.

Этнографическая экспедиция к марийцам, проживающим на территории Каракулинского района Удмуртской Республики, осуществлялась

в ходе реализации научно-исследовательского проекта «Адаптационные ресурсы и практики народов Камско-Вятского региона в условиях российских трансформаций» (руководитель — доктор исторических наук Г. А. Никитина). Ключевой задачей проекта было исследование механизмов и практик, способствующих сохранению этносов в условиях социально-экономических трансформаций. В связи с этим при сборе материала основой упор делался на экономическое положение сельских семей, социально-демографические параметры, этническую идентичность, материальное положение, личностные оценки жизненной ситуации, адаптационные модели поведения. Помимо конкретных задач, стоящих перед исследователями по вопросам социокультурной адаптации, члены экспедиции собирали материал по индивидуальным научным темам.

2. Сохранение и использование марийского языка

Для всех исследователей, выезжающих в «поле» для сбора этнографических материалов в незнакомый населенный пункт, очень важным является первое впечатление о населенном пункте, о людях, которые там проживают, и, конечно, о сохранности традиционной культуры. И это чувство является наиболее ярким, именно его вспоминаешь даже спустя годы, а фотографии и полевые записи только усиливают воспоминания. В Ныргынде влияние марийской культуры прослеживается практически во всем: в повсеместно звучащем марийском языке на улице, в семейном укладе, в традиционном платье встречной пожилой женщины, элементах орнамента на воротах и наличниках, даже в бане «по-черному».

Одним из наиболее важных и болезненных вопросов для марийцев Удмуртии является сохранение и использование марийского языка. Именно от сохранения родного языка зависит сохранение идентичности, самобытности народа. Практически все жители в исследуемых марийских деревнях разговаривали на своем языке, его можно услышать в семьях, в магазине, при обращении друг к другу на улице. В то же время выделяется несколько факторов, оказывающих негативное воздействие на языковую ситуацию. Во-первых, смешанные семьи, дети в которых уже начинают говорить по-русски, поскольку их родители «переходят на общий язык, на русский. Если родители марийка и удмурт, допустим, то уже в семье по-русски разговаривают» [НА УИИЯЛ, д. 1495, л. 55], «Наши дети, многие, уже женятся на русских, удмуртках, а их семьи становятся немарийскими» [НА УИИЯЛ, д. 1499, л. 20]. Во-вторых, ограниченность использования языка («в деревне нужен, а за деревней уже нет») приводит к тому, что родители сами начинают отказываться от родного языка при общении с детьми, чтоб, по их мнению, облегчить дальнейшее поступление в вузы и сузы:

«У нас сейчас идет такое поколение, которое говорит, что зачем нам нужен марийский язык... в учебные заведения принимаются независимо от того, из национальной ты школы вышел, или нет. На это не смотрят. И зачем тогда нам нужен марийский язык?» [НА УИИЯЛ, д. 1495, л. 32]. Ситуация усугубляется еще и тем, что у местных жителей на тот момент практически не было доступа к СМИ на марийском языке, газеты и журналы не выписывались из-за недостатка денег, теле- и радиовещания на марийском языке также не было: «У нас радио, радио по-удмуртски можно услышать, по-татарски, а марийские мы не услышим» [НА УИИЯЛ, д. 1495, л. 33].

Стоит отметить, что марийцам Удмуртии приходится жить в сложных условиях билингвизма, с одной стороны, пытаясь сохранить свой родной язык, а с другой — стараясь сделать своих детей успешными в современных реалиях. В детском саду воспитатели с детьми начинают общаться на русском, вводя тем самым их в русскоязычную систему образования. В школе марийский язык преподается в рамках регионального компонента, в среднем по три часа в неделю. Кроме того, велись кружки марийского языка, краеведения. Думается, это максимум того, что школа может сделать в сложившихся условиях. Во всяком случае, по словам директора Нырғындынской школы А. Е. Кумерова, дети между собой, как и педагоги, разговаривают на марийском [НА УИИЯЛ, д. 1495, л. 62].

3. Социально-экономическое положение марийских деревень

Муниципальное образование «Нырғындынское» включает в себя 3 населенных пункта: деревни Нырғында, Зуевы Ключи и выселок Дубровка. Как отмечали работники сельской администрации, в сельском поселении в 2007 году было зарегистрировано 809 человек, 308 дворов [НА УИИЯЛ, д. 1495, л. 39], из них в Нырғынде — 723 человека (234 двора), Дубровке — 67 жителей (25 хозяйств), Зуевых Ключах — 19 человек (49 дворов). В Дубровке проживало смешанное русско-марийское население, в Нырғынде — в основном марийцы, 34 русских, 19 удмуртов, трое татар и 1 туркменка. Интересная ситуация сложилась в Зуевых Ключах: «Там уже русское население, марийцев нет. Там всего коренных жителей 19 человек. А остальные — дачники» [НА УИИЯЛ, д. 1495, л. 39]. Здесь следует сделать небольшой комментарий: деревня Зуевы Ключи, благодаря своему географическому положению, близкому расположению к р. Кама, стала привлекательной зоной отдыха среди экономической и политической элиты Удмуртии. Появление поблизости роскошных дач богатых и влиятельных в регионе людей оказало психологическое воздействие на местных жителей, испытавших своеобразный «культурный шок». Даже сейчас, по прошествии тринадцати лет, рассматривая экспедиционные фо-

тографии, видишь с одной стороны деревенские улочки со старыми, преимущественно деревянными и кирпичными домами, покрытыми темными шиферными крышами, огороженными заборами из потемневших досок, а с другой — двух- и трёхэтажные особняки из облицовочного кирпича или оцилиндрованных бревен под яркими крышами из металлочерепицы. Конечно, это вызывало определенное чувство неполноценности у местных, подкрепляемое еще и соответствующим отношением со стороны приезжих: «Даже около Камы я однажды проходила, так вижу, что огородили прямо до берега, до Камы и не пропускают. Теперь получается, что они как собственники стали. Мы даже в своем крае к берегу Камы не можем подойти» [НА УИИЯЛ, д. 1495, л. 35].

По состоянию на 01 января 2021 года в муниципальном образовании количество жителей составляет 780 человек, проживающих в 378 домохозяйствах. В разрезе деревень это выглядит следующим образом: Ныргында — 234 хозяйства с численностью 718 человека, Дубровка — 26 хозяйств с численностью 45 человек, Зуевы Ключи — 118 хозяйств с численностью 17 человек [Отчет Главы МО «Нырғындынское» ..., 2020]. Как видим, за истекшие годы хоть и произошло падение численности населения, но при этом показатели далеки от критических. В то же время резко (с 49 до 118) выросло количество построенных домов-дач в Зуевых Ключах.

Приведем данные за 2007 год о соседнем Быргындинском сельском поселении. В муниципальном образовании числилось 809 человек в 296 дворохозяйствах, из них в самой деревне Быргында — 653 человека (242 двора), в селе Новопоселённое — 156 жителей и 54 двора [НА УИИЯЛ, д. 1495, л. 71]. Национальный состав Быргынды составляли 82 % марийцев, 11 % русских и около 7 % удмуртов. Также там проживала одна армянская семья из трех человек [НА УИИЯЛ, д. 1516, л. 16]. В 2018 году, согласно паспорту поселения, число жителей составило 721 человек (Быргында — 620, Новопоселённое — 101) [Паспорт ..., 2018], личных подсобных хозяйств — 253 [Отчет Главы МО «Быргындинское» ..., 2019]. Здесь, как мы видим, сокращение населения идет интенсивнее.

Экономическое положение селян участниками экспедиции на тот момент оценивалось как сложное. В Нырғындынском сельском поселении из всего количества трудоспособного населения 110 человек на постоянной основе работали на сельскохозяйственном предприятии ОАО «Ардени», 78 человек были трудоустроены в бюджетной сфере, 12 человек — в «Белкамнефти». Как отмечали местные жители, «зарегистрированных безработных у нас нет, а фактически такие имеются в каждой семье» [НА УИИЯЛ, д. 1516, л. 14].

При этом заработная плата бюджетников и работников сельского хозяйства часто не дотягивала до среднемесячной заработной платы по региону,

составлявшей 9484 рубля [Социально-экономическое ..., 2008]. К примеру, ежемесячный бюджет семьи с двумя родителями-бюджетникам, один из которых работает на 1,5 ставки, составлял 13 тысяч рублей. При этом родителям необходимо содержать еще двух детей [НА УИИЯЛ, д. 1495, л. 31]. У специалистов муниципального образования оклад составлял примерно 6—7 тысяч рублей [НА УИИЯЛ, д. 1516, л. 14—15]. Сельхозпредприятие «Арденн», деятельность которого распространялась на Нырғындынское и Быргындынское сельские поселения, выплачивала дояркам до 7 тысяч, механизаторам — около 3 тысяч рублей [НА УИИЯЛ, д. 1495, л. 41]. При этом многие респонденты отмечают, что «колхозники» зарплату получали с задержками. В наиболее хорошем положении находились работники «Белкамнефти», их заработная плата была даже выше средней по региону. В качестве иллюстрации хотелось бы привести небольшую зарисовку из жизни смешанной марийско-татарской семьи, записанную Л. С. Христюловой: «Татарка Альфия здесь с 1995 г. с мужем марийцем познакомилась в Сарапуле через подругу-марийку. Свадьба была по-марийски: песни пели марийские, на подушку ставили, когда в дом мужа привезли. Сейчас у них двое детей. С ними живет мать мужа, всего пятеро. Её зарплата социального работника 3000 рублей, зарплата мужа, рабочего «Белкамнефти» — 10 000 рублей. Земли у них 50 соток по документам» [НА УИИЯЛ, д. 1516, л. 15].

Появление поблизости дачных участков повлияло также на занятость населения: «У нас много народу работает по найму дачников. Школьники работают там, участки пропалывают, выкорчевывают» [НА УИИЯЛ, д. 1495, л. 43]. Заработок составлял примерно 250 рублей в день для школьников и 350 рублей для взрослых, занятых тяжелой работой на стройках. С одной стороны, местным жителям предоставляется возможность работать недалеко от дома, получая почти две тысячи на взрослого за 5 дней работы, с другой стороны, видно, что они сложно привыкают к рыночным реалиям, для них пойти работать на «богатых» психологически непривычно, но многие идут на это от безысходности: «Работа тяжелая, бетонные работы, копка... А куда деваться, идут все равно, потому что в колхозе негде заработать, работы нет. Вот у нас доярка, 7 человек по деревне, а раньше было около 20. Все попали под сокращение» [НА УИИЯЛ, д. 1495, л. 44—45].

Как видим, основная часть жителей была занята в сельском хозяйстве и бюджетной сфере. При этом работа на сельхозпредприятии оплачивалась хуже, выплаты осуществлялись нерегулярно, часто применялась натуроплата (предоставление работникам сена, зерна, вспашка огородов и др.). Сельскохозяйственное предприятие само находилось в сложном экономическом положении. По материалам Г. А. Никитиной, бравшей интервью у руководителя ОАО «Арденн», марийца В. Н. Белоусова, видно, что значительный

разрыв между закупочными ценами на молоко, зерно, мясо и ценами на топливо, электроэнергию, запчасти, не говоря уже о новой технике, ставит организацию на грань выживания: «Посмотрите на закупочные цены — копейки... литр цельного молока стоит 6 рублей (закупочная цена — прим. автора), а в магазине — 10,5 рублей. Что это такое? Горючее на уборочной сейчас стоит литр 18 рублей, чтоб его возместить, надо сдать 3 кг молока» [НА УИИЯЛ, д. 1499, л. 27]. Но и в таких условиях предприятие обеспечивало работой жителей деревень Ныргында, Быргында, Новопоселенное, Дубровка и Зуевы Ключи, помогало бюджетным организациям: «Садик я тащу всю жизнь — и ремонт, и вопросы с мясом, и с транспортом — я все им “закрываю”... и школе помогаем, только что директор звонил, о встрече просил — надо встречаться» [НА УИИЯЛ, д. 1499, л. 25]. Во многом такая социальная ориентированность обусловлена тем, что руководитель сам является неотделимой частью деревенского и культурного сообщества: «Единственное, что мне надо, чтоб я народ уважал и чтобы меня уважали. Шибко больших денег мне не надо, шибко больших благ тоже не надо, я живу наравне со всеми, и мне это нравится. Я живу среди народа, мне никто открыто не говорит, что я плохой, гордый, здесь живут все мои родственники, я и с народом в праздник могу выпить» [НА УИИЯЛ, д. 1499, л. 25].

Как видим, экономическое положение жителей указанных муниципальных образований складывалось в зависимости от целого ряда социальных, производственных, природно-географических и культурных факторов. Практически у каждой семьи имелось личное подсобное хозяйство, большое количество домашнего скота, огороды. В качестве дополнительного заработка жители отмечали рыбную ловлю («А зимой у нас рыболовством занимаются... приезжают с Ижевска скупщики, наши уроженцы, знают же, что рыба водится, закупают за определенную цену» [НА УИИЯЛ, д. 1495, л. 48—49]), плетение лаптей («Чистую технологию изготовления, тем более марийских лаптей, никто не знает уже, как это делается. А у нас есть одна бабушка Вера Федоровна Ижболдина. Я ей еще говорю, давай делай, через Центр народного творчества она делает, продает» [НА УИИЯЛ, д. 1495, л. 54]), даже знахарство («Белоусова Зинаида Аркадьевна, марийка. От Зуевых Ключей в километрах двух у нее фермерское хозяйство..., она еще и целительница наша. Мне кажется, что к ней приезжают со всех концов России [НА УИИЯЛ, д. 1495, л. 46—47]) и др.

4. Народные праздники

Сложившийся народный календарь марийцев во многом связан с циклом земледельческих работ и до сих пор не утратил своей актуальности. В Ныргынде респонденты выделяли празднование *Окрашудо* (Дикий чес-

нок): «Проводят его после посевной, в начале июня. Его проводит колхоз вместе с сельским советом. Собирается вся деревня, у Камы. Каждый сам себе приносит угощение» [НА УИИЯЛ, д. 1499, л. 20]; «Раньше же это проводили, когда поспевал дикий чеснок. Этот праздник в честь этого. Во время войны с Татарстана и из других мест приходили сюда за диким чесноком» [НА УИИЯЛ, д. 1495, л. 57]. В словаре марийских говоров Татарстана и Удмуртии указано: «*Окрашудо найрам* — праздник Черемши — праздник жителей д. Ныргында нерелигиозного характера» [Вершинин, 2011, с. 387]. При этом часть респондентов данный праздник называли ещё словом, записанным в полевых материалах как *Зин*: «У нас есть праздник Зин. Переводится как дикий чеснок. Проводится летом, после посевных работ» [НА УИИЯЛ, д. 1495, л. 64]. Другая часть опрошенных выделяет его в качестве самостоятельного: «Праздник у нас Зин называется. В честь уборки» [НА УИИЯЛ, д. 1495, л. 34]. Возможно, этим локальным термином обозначается праздник вообще, массовое гуляние, что подтверждается и данными словаря: «*ж'и ын, ж'ин*, собрание, массовый праздник, собрание, сабантуй» [Вершинин, 2011, с. 90].

Еще один популярный этнически окрашенный праздник местных марийцев — *Семык*. В свое время он был одним из важнейших праздников, завершающих весенне-летний цикл и связанных с почитанием предков. Современный *Семык* был восстановлен марийскими общественными организациями и с 1991 года превратился в массовый национальный праздник удмуртских марийцев [Калинина, 2005, с. 156], аналогичный *Сабантую* у татар или *Герберу* у удмуртов: «Семык отмечается в разных районах, то в Граховском, то в Каракулинском. Это Анатолий Ильич Радыгин (руководитель Удмуртской республиканской организации марийского народа «Одо мари ушем». — *И. П.*) организует. Собирает марийцев из разных районов Удмуртии, приглашает артистов из Йошкар-Олы» [НА УИИЯЛ, д. 1516, л. 15].

Следует отметить, что местные дети с самого рождения вовлечены в сохранившуюся обрядовую жизнь деревни, активно участвуют в праздниках, буквально погружаются в духовную культуру своих родителей, бабушек и дедушек, что служит основным фактором передачи этнической культуры: «Есть у нас тут отдельные песни, слова тоже. Специально для проводов. Для свадьбы тоже есть отдельные песни. Для похорон тоже отдельно. Все это есть у нас. Вот по улице пойдет, тоже отдельная песня, уличная. Вот если праздник, то бабушки соберутся, и в гости ходят по домам, друг к другу. Есть застольные песни, которые только за столом поются, а есть и те, с которыми только по улице идут» [НА УИИЯЛ, д. 1495, л. 59]. Находит это отражение и в использовании традиционного марий-

ского платья: «Старожилы постоянно носят. Они сами себе сошьют эти платья. А есть очень нарядные. Чем ярче костюм, тем, считается богаче. Там цвета красный, желтый. Сочетания они не смотрят. Лишь бы поярче было. Это считается красивый костюм» [НА УИИЯЛ, д. 1495, л. 60]. Как отмечали в Нырғынде, народные костюмы есть практически в каждой семье, они достаются по наследству, либо шьются новые. В основном надевают на праздники, на выступления в фольклорных коллективах.

5. Поминальная обрядность

Одной из наиболее сохранных сфер традиционной культуры выступает похоронно-поминальная обрядность. Это естественно, поскольку в сферах, связанных с рождением и смертью, здоровьем человека, человеческий прагматизм и рациональность уступают сложившимся многовековым практикам. Похороны у местных марийцев отличаются от погребального обряда соседних народов: «Покойника провожают с песней под гармошку, поют специальную обрядовую мелодию. Одежду покойника выносят в три приема» [НА УИИЯЛ, д. 1516, л. 15]. Кроме частных поминок, также были особые поминальные дни — *сорта кече* («*сортаге'че*, *сортаге'че* — день поминовения, буквально — день свечей; день, когда зажигают свечи» [Вершинин, 2011, с. 527]). Начинали поминать предков и умерших накануне Пасхи, а после неё в родительский день шли на кладбище [НА УИИЯЛ, д. 1495, л. 34]. Устраивали поминки и перед праздником Семьк, перед православной Троицей, также ставя свечи.

Обращает на себя внимание целый цикл осенних поминальных обрядов, которые проводятся с 21 ноября (Михайлов день) еженедельно каждый четверг до 19 декабря: «Это начинаются уже поминки, по четвергам. До 19 декабря, до Николова праздника. Каждый четверг можно поминать умерших людей. Это вроде как поминание, вот лето прошло, скотина выросла, зарезали скотину, и вот вроде как в благодарность этот праздник устраивают... перед этим мне, например, сын (погибший — прим. автора) во сне приснится. Вроде как напоминание, что я к тебе приду угощаться. Раньше так было в течение трех лет после похорон» [НА УИИЯЛ, д. 1495, л. 34].

В эти дни свечи зажигать было уже необязательно, на кладбище тоже не ходили, но для покойников угощение готовили: «Накрывают специальный столик. Угощают покойников и все своих родственников». Обязательно топили баню в среду, или в четверг до обеда: «Мужчины всех мужиков зовут в баню, женщины — женщин, типа, давайте попаримся. В баню заходят, берут веник и парят пустую полку, вроде бы покойников парят так. Еще и приговаривают... на марийском, просят здоровья для себя, детей, чтобы все было хорошо, чтобы скотину смотрели. После бани

обязательно ставят чай. Если даже стол не накрыт, накрывают и после бани ставят горячий чай» [НА УИИЯЛ, д. 1495, л. 34]. По четвергам стряпали, открывали двери и зазывали: «Мол, идите, заходите, специально для вас лепешки постряпали, угощайтесь».

С 21 ноября связан еще один праздник, указанный в материалах как «*Шижи парьям*» (*шиже*, *шыже* — осень; *шижым* — осенью; *пайрем*, реже *парьям* — праздник (Нырг.) [Вершинин, 2011, с. 412]), возможно, являющийся исторически сохранившейся частью осеннего коллективного моления с жертвоприношением *Шыже кўсё* по окончании полевых работ [Марийцы ..., 2018, с. 276]. В это время традиционно резали скотину, которую откармливали летом: «Я держу гусей и в один день их режу, если гусей много, зову сестер, золовок, свекровь, чтобы помогли их ощипывать, а потом делаю угощение — накрываю на стол и всех приглашаю» [НА УИИЯЛ, д. 1499, л. 20]. На стол ставилось свежее мясо, ножки гусей хозяйка отдавала помощникам. На праздник обычно приглашали родственников, могли позвать соседей, друзей.

6. Брачные практики и свадебная обрядность

Сосуществование в иноэтничном окружении выработало у местных марийцев и свои брачные предпочтения. Поскольку деревня большая, то либо в брак вступали внутри деревни, либо выбирали супруга из других марийских деревень, находящихся обычно в пределах 3—15 километров от Ныргынды (Быргында, Усть-Сакла (*Шанкер*), в том числе и на территории соседнего Агрыского района Республики Татарстан — Ожбуй (*Ошбуй*), Байтуганово (*Шуар*), Кулегаш, Бима, Пелемеш, Мадык (*Мандык*), Каменный Ключ (*Кюян Эмер*). «Браки не разрешаются между родственниками до четвертого поколения... Ныне бывают нарушения этого правила: известны две семьи выходцев из их деревни, в которых женаты троюродные брат с сестрой, они живут в Ижевске» [НА УИИЯЛ, д. 1516, л. 15]. Следует отметить, что создание моноэтнических брачных союзов является одним из необходимых условий сохранения этнических сообществ. Аналогичные практики характерны для большинства локальных этнических групп, к примеру, это имеет место среди удмуртов Татарстана [Поздеев, 2019, с. 358].

Старшим поколениям респондентов памятливы еще традиционно проводимые свадьбы: «Свадьбы были больно мудреные, не как сейчас. Приданое девушки сами готовили, подарки готовили. На свадьбу ездили на карантасах (так она сказала) с колокольчиками, зимой — в кошовках, лошадей украшали платками, поясами. Музыкальные инструменты были кўсле (гусли), многие приходили смотреть свадьбу. Раньше свадьба два-три дня шла, к родственникам ходили. Сперва у жениха, потом ехали за невестой

туда, где она готовила подарки (в доме родственников). Её с песнями привозили к жениху. Столы накрывали отдельно, мужчинам и женщинам» [НА УИИЯЛ, д. 1516, л. 16]. Были на свадьбе и традиционные свадебные роли: отец свадьбы (тамада, глава свадьбы), мать свадьбы, а также свидетели, друзья жениха и невесты («Они отвечали за то, чтобы народ не стоял, а пил и плясал, веселился. И никто не должен сердиться на него. У нас такой человек с кнутом был» [НА УИИЯЛ, д. 1495, л. 60]).

Современные свадебные церемонии обычно ограничиваются визитами будущих родственников друг к другу, свадебные пиры проходят в один день за общим столом в домах родителей невесты или жениха или в кафе, столовой: «Нынче свадьбу проводят в столовой или дома, марийская и русская свадьбы не отличаются друг от друга» [НА УИИЯЛ, д. 1516, л. 16].

7. Вклад фольклорных коллективов в сохранении этнической культуры

Важнейшую роль в сохранении и передачи этнической культуры местных марийцев выполняют учреждения культуры — сельские дома культуры и библиотеки в деревнях Быргында и Ныргында. В Ныргынде на базе сельского дома культуры (СДК) в 2007 году функционировали Центр марийской культуры (руководитель — Н. В. Токмурзина), фольклорный ансамбль «*Ныргындыш сем*» (Мелодии Ныргынды), образованный в 1984 году, Образцовый детский ансамбль «*Висвис*» (Ромашка) и ансамбль любителей народной песни «*Ломбо*» (Черемуха). Возникшие на волне повсеместного подъема интереса к этнической культуре, роста этнического самосознания фольклорные коллективы ведут работу по сохранению и популяризации национальной самобытности, развитию языка, культуры марийцев. Коллективы известны не только в Удмуртии, но и за её пределами, выступают на общедеревенских, республиканских праздниках, выезжают с концертами в Республики Марий-Эл и Татарстан: «Нас часто приглашают в Марийскую республику. В прошлом году детский ансамбль “Висвис” ездил туда на Праздник цветов» [НА УИИЯЛ, д. 1495, л. 55]. Во многом именно благодаря участию фольклорных коллективов поддерживается мода на народный костюм, со сцены звучат марийские песни, осуществляется общение людей разных поколений. Центр марийской культуры в рамках клуба выходного дня «Улыбка» проводил для учеников младших классов занятия на марийском и русском языках (поскольку приходят и русские дети) на различные темы. Раз в месяц для пожилых людей устраивались фольклорные марийские посиделки *Мари кас* (Марийский вечер): «Человек 30 бывает. Иногда 45. В гололед поменьше. Но обязательно на каждый “Мари кас” приглашаются ребята из ансамбля “Висвис”. И вот они показывают, играют вместе с ними» [НА УИИЯЛ, д. 1495, л. 57].

Также клубные работники ставили спектакли; с постановками на марийском языке ансамбль выезжал в марийские деревни Татарстана: «У нас ансамбль большой, в узик (автомобиль УАЗ. — *И. П.*) не входит. Со спектаклем ездили как раньше, на лошадях. В Татарию в соседнюю деревню надо через поле ехать. А транспорт там не проедет. Так и ездили на спектакль на лошадях» [НА УИИЯЛ, д. 1495, л. 55].

Таким образом, работники культуры своей деятельностью, личной заинтересованностью поддерживают и популяризируют этническую культуру марийцев, формируют канал межпоколенной передачи, участвуют в организации национальных праздников. Более того, именно самобытная марийская культура выгодно отличает местные деревни на общем республиканском фоне и становится тем общественным и культурным капиталом, который привлекает дополнительные финансы и позволяет осознать значимость родной культуры для самих жителей. К примеру, районный туристический маршрут разработан так, что желающим предлагается «Посещение Центра марийской культуры в дд. Ныргында и Быргында, музея быта марийцев, национального костюма»: «Можно примерить марийский костюм и сфотографироваться. Предлагаются дегустация национальных блюд, мастер-классы по танцу “восьмерка”, плетению национальных поясов и приготовлению марийских блюд» [Туристические ...]. Поэтому местные жители болезненно воспринимают возникающие время от времени попытки сократить или оптимизировать ставки культработников.

8. Заключение

Изучение материалов этнографической экспедиции 2007 года к марийцам Удмуртской Республики позволяет сделать следующие выводы.

Одной из актуальных проблем, стоящих сегодня перед удмуртскими марийцами, является сбережение этнокультурной самобытности, воспроизводство себя как некой целостности. Исторически сформировавшийся механизм обеспечения жизнеспособности социума включает в себя сложившиеся практики демографического поведения, межпоколенную передачу и воспроизводство обрядовой сферы, элементов материальной и духовной сферы. И в современных условиях марийский социум стремится генерировать и поддерживать этнические маркеры, позволяющие поддерживать этническую идентичность, среди которых можно отметить детали материального мира (национальный костюм, элементы архитектуры, музыкальные инструменты, национальная кухня и пр.), части духовно-религиозной культуры (моления, семейные и календарные обряды, песни), марийский язык и др.

Полевые этнографические материалы показывают, что обрядовая сфера марийцев переживает вполне объяснимые трансформации и изменения.

Отмечается смешение смыслов и значений многих обрядов, праздников. К примеру, праздник *Семык*, ранее посвященный поминовению усопших, превратился в общереспубликанский национальный праздник. И здесь в конструировании новой этнической реальности значительная роль отводится представителям общественных организаций, культработникам и педагогам.

Конечно, в ходе одной экспедиции не удалось описать всю обрядовую сферу, материальную культуру, традиционные верования и другие элементы жизни и быта местных марийцев, но и имеющийся материал показывает, что обрядовый пласт культуры сохраняется и продолжает оставаться неотделимой частью бытия народа.

Источники и принятые сокращения

1. *Итоги* Всероссийской переписи населения 2010 г. [Электронный ресурс] Сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Удмуртской Республике. — Режим доступа : https://udmstat.gks.ru/storage/mediabank/pub-04-01_%D0%A2%D0%B5%D1%80%D1%80=94000000.pdf (дата обращения 21.07.2021).
2. НА УИИЯЛ — *Научный архив УИИЯЛ* УдмФИЦ УрО РАН. Рукописный фонд. Опись 2-Н. Д. 1495. 123 л. ; Опись 2-Н. Д. 1499. 27 л. ; Опись 2-Н. Д. 1516. 33 л. ; Управленческий фонд. Оп. 1. Д. 724а. 195 л.
3. *Отчет* Главы МО «Быргиндиское» о деятельности Администрации и Совета депутатов муниципального образования «Быргиндиское» за 2019 год [Электронный ресурс // Официальный сайт МО «Каракулинский район». — Режим доступа : http://karakulino.udmurt.ru/mo/birgindinskoe/administratsiya/texts_official_statements/ (дата обращения 16.07.2021).
4. *Отчет* Главы МО «Ныргиндиское» за 2020 год [Электронный ресурс // Официальный сайт МО «Каракулинский район» — Режим доступа : http://karakulino.udmurt.ru/mo/nirgindinskoe/administratsiya/texts_official_statements/ (дата обращения 16.07.2021).
5. *Паспорт* МО «Быргиндиское» на 01.01.2018 [Электронный ресурс // Официальный сайт МО «Каракулинский район». — Режим доступа : <http://karakulino.udmurt.ru/mo/birgindinskoe/> (дата обращения 18.07.2021).
6. *Социально-экономическое* положение Удмуртской Республики в январе — декабре 2007 г. // Удмуртская правда : газета. — 2008. — № 15. — С. 3.
7. *Туристические маршруты* [Электронный ресурс // Официальный сайт МО «Каракулинский район». — Режим доступа : http://karakulino.udmurt.ru/city/turizm/Turmarshrut_Karakulino_Nyrgynda.pdf (дата обращения 16.07.2021).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вершинин В. И.* Словарь марийских говоров Татарстана и Удмуртии / В. И. Вершинин. — Йошкар-Ола : Марийский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории им. В. М. Васильева, 2011. — 794 с. — ISBN 978-5-94950-054-5.
2. *Калинина О. А.* Семык удмуртских марийцев / О. А. Калинина // Диаспоры Урало-Поволжья : материалы межрегиональной научно-практической конференции

(Ижевск, 28—29 октября 2004 г.). — Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2005. — С. 155—157. — ISBN 5-7691-1669-2.

3. *Марийцы* // Феномен Удмуртии. Т. 3. Кн. 3 : Единство и многообразие этнических мобилизаций: уроки пройденного пути. — Москва — Ижевск : Удмуртия, 2003. — С. 529—547. — ISBN 5-7659-0178-6.

4. *Марийцы*. Историко-этнографические очерки. — Изд. 3-е, дополн. — Йошкар-Ола : МарНИИЯЛИ, 2018. — 482 с. — ISBN 978-5-94950-080-4.

5. *Марийцы* Удмуртии: история, традиции и современность : материалы межрегиональной научно-практической конференции с международным участием, 6 декабря 2015 г., г. Ижевск / под ред. А. Е. Загребина. — Ижевск : Монпоражен, 2015. — 134 с.

6. Поздеев И. Л. Роль семьи в сохранении и передаче этнической культуры удмуртов Республики Татарстан в XXI веке / И. Л. Поздеев // Научный диалог. — 2019. — № 7. — С. 352—365. — DOI 10.24224/2227-1295-2019-7-352-365.

7. Попова Е. В. Марийцы / Е. В. Попова // Удмуртская Республика : историко-этнографические очерки. — Ижевск : б/и, 2012. — С. 241—266. — ISBN 978-5-478-00103-6.

8. Попова Е. В. Некоторые историко-этнографические сведения о марийцах Удмуртии / Е. В. Попова // Марийский архивный ежегодник. — 2016. — С. 233—245.

MATERIAL RESOURCES

NA UIIYaL — *Scientific archive UIIYAL UdmFIC UB RAS*. (In Russ.).

Passport MO “Byrgyndinskoe” on 01.01.2018. In: *Official site of the “Karakulinsky District” MO*. Available at: <http://karakulino.udmurt.ru/mo/birgindinskoe/> (accessed 18.07.2021). (In Russ.).

Report of the Head of the municipal entity “Byrgyndinskoe” on the activities of the Administration and the Council of Deputies of the municipal formation “Byrgyndinskoe” for 2019. In: *Official site of the “Karakulinsky District” MO*. Available at: http://karakulino.udmurt.ru/mo/birgindinskoe/administratsiya/texts_official_statements/ (accessed 16.07.2021). (In Russ.).

Report of the Head of the municipal entity «Nyrgyndinskoe» for 2020. In: *Official site of the “Karakulinsky District” MO*. Available at: http://karakulino.udmurt.ru/mo/nirgindinskoe/administratsiya/texts_official_statements/ (accessed 16.07.2021). (In Russ.).

Results of the All-Russian Population Census 2010 year. In: *Site of the Territorial Body of the Federal State Statistics Service for the Udmurt Republic*. Available at: https://udmstat.gks.ru/storage/mediabank/pub-04-01_%D0%A2%D0%B5%D1%80%D1%80=94000000.pdf (accessed 21.07.2021). (In Russ.).

Socio-economic situation of the Udmurt Republic in January—December 2007. (2008). *Udmurtskaya pravda: newspaper*. 15: 3. (In Russ.).

Tourist routes. In: *Official site of the “Karakulinsky District”*. Available at: http://karakulino.udmurt.ru/city/turizm/Turmarshrut_Karakulino_Nyrgynda.pdf (accessed 16.07.2012). (In Russ.).

REFERENCES

Kalinina, O. A. (2005). Semyk of the Udmurt Mari. In: *Diasporas of the Ural-Volga region: materials of the interregional scientific-practical conference (Izhevsk, October 28—29 2004)*. Izhevsk: UIIYaL UrO RAN. 155—157. ISBN 5-7691-1669-2. (In Russ.).

- Mari (2003). In: *The phenomenon of Udmurtia. Unity and Diversity of Ethnic Mobilization: Lessons from the Path Traveled*. Moskva—Izhevsk: Udmurtiya. 3/3. 529—547. ISBN 5-7659-0178-6. (In Russ.).
- Mari. *Historical and ethnographic essays*. (2018). (3th ed.). Yoshkar-Ola: MarNIIYaLI. 482 p. ISBN 978-5-94950-080-4. (In Russ.).
- Popova, E. V. (2012). Mari. In: *Udmurt Republic: Historical and Ethnographic Essays*. Izhevsk. 241—266. ISBN 978-5-478-00103-6. (In Russ.).
- Popova, E. V. (2016). Some historical and ethnographic information about the Mari of Udmurtia. In: *Mari Archival Yearbook*. 233—245. (In Russ.).
- Pozdeev, I. L. (2019). Role of Family in Preservation and Transmission of Ethnic Culture in Udmurts of Republic of Tatarstan in 21st Century. *Nauchnyi dialog*, 7: 352—365. DOI 10.24224/2227-1295-2019-7-352-365. (In Russ.).
- Vershinin, V. I. (2011). *Dictionary of the Mari dialects of Tatarstan and Udmurtia*. Yoshkar-Ola: Mari Research Institute of Language, Literature and History. 794 p. ISBN 978-5-94950-054-5. (In Russ.).
- Zagrebin, A. E. (ed.). (2015). *Mari of Udmurtia: history, traditions and modernity: materials of an interregional scientific-practical conference with international participation*. Izhevsk: Monporazhen. 134 p. (In Russ.).

Научный диалог = Nauchnyi dialog = Nauchnyy dialog
ISSN 2225-756X, eISSN 2227-1295

Половникова М. Ю. Епископ Аполлос (Беляев) и развитие Вятской епархии в 1866—1885 годы / М. Ю. Половникова // Научный диалог. — 2021. — № 12. — С. 396—412. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-396-412.

Polovnikova, M. Yu. (2021). Bishop Apollos (Belyaev) and Development of Vyatka Diocese in 1866—1885. *Nauchnyi dialog*, 12: 396-412. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-396-412. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-396-412

Епископ Аполлос (Беляев) и развитие Вятской епархии в 1866—1885 годы

Половникова Марина Юрьевна
orcid.org/0000-0002-6903-9662
кандидат исторических наук, доцент
кафедра истории
и политических наук
usr06624@vyatsu.ru

Вятский государственный университет
(Киров, Россия)

Bishop Apollos (Belyaev) and Development of Vyatka Diocese in 1866—1885

Marina Yu. Polovnikova
orcid.org/0000-0002-6903-9662
PhD in History, Associate Professor,
Department of History
and Political Sciences
usr06624@vyatsu.ru

Vyatka State University
(Kirov, Russia)

© Половникова М. Ю., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

В статье при использовании преимущественно историко-сравнительного и историко-генетического методов рассматривается вопрос развития Вятской и Слободской епархий, совпадающей в границах с Вятской губернией, при епископе Аполлосе (Беляеве). Уделяется особое внимание процессу организации религиозно-просветительской и миссионерской деятельности. Показано, что вплоть до назначения на должность епископа Аполлоса результаты данной работы были несущественными. Новизна исследования заключается в том, что впервые комплексно рассматривает деятельность Вятского епископа Аполлоса в плане реализации общегосударственного религиозного курса, который включал активную просветительскую и миссионерскую работу местного духовенства. При епископе Аполлосе для повышения влияния духовенства на местное население, в том числе старообрядческое и неправославное, были проведены важные преобразования: в епархии было сформировано отдельное викариатство, открыты Вятский комитет Православного миссионерского общества и Вятское братство святителя и чудотворца Николая, а также реорганизована работа местного духовенства в целом. Это дало первые положительные результаты по усилению позиций Русской православной церкви среди местного населения Вятской епархии.

Ключевые слова:

Вятская губерния; Вятская епархия; Вятское братство святителя Николая; губернатор; Аполлос (Беляев); Н. А. Троицкий.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

Using mainly historical-comparative and historical-genetic methods, the issue of the development of the Vyatka and Slobodsk dioceses, which coincides within the borders with the Vyatka province, under Bishop Apollos (Belyaev), is considered in the article. The author pays special attention to the process of organizing religious, educational and missionary activities, and up to the appointment of Bishop Apollos, the results of this work were insignificant. The novelty of the research lies in the fact that for the first time it comprehensively examines the activities of the Vyatka Bishop Apollos in terms of the implementation of a nationwide religious course, which included active educational and missionary work of the local clergy. Under Bishop Apollos, to increase the influence of the clergy on the local population, including the Old Believers and non-Orthodox, important transformations were carried out: a separate vicariate was allocated in the diocese, the Vyatka Committee of the Orthodox Missionary Society and the Vyatka Brotherhood of St. Nicholas the Wonderworker were opened, and the work of the local clergy was also generally reorganized. This gave the first positive results in strengthening the position of the Russian Orthodox Church among the local population of the Vyatka diocese.

Key words:

Vyatka province; Vyatka diocese; Vyatka brotherhood of St. Nicholas; governor; Apollos (Belyaev); N. A. Troitskiy.

Епископ Аполлос (Беляев) и развитие Вятской епархии в 1866—1885 годы

© Половникова М. Ю., 2021

1. Введение

В середине XIX столетия, в первую очередь после реформ 1860-х годов, в Российской империи произошли изменения, коснувшиеся всех сфер деятельности государства. Время требовало изменений и в церковной сфере. Разрыв между обществом и государством в период реформ усиливался. Российская православная церковь также теряла свои позиции, но ее связи с прихожанами оставались важным рычагом в проведении политического курса Российского государства.

В силу подобных обстоятельств начались религиозные преобразования, целью которых стало активное ведение миссионерской работы среди населения Российской империи, в том числе за счет создания многочисленных религиозно-просветительских и миссионерских обществ и братств. Эти изменения в религиозной сфере коснулись всех епархий Российской империи, в том числе Вятской.

Во второй половине XIX века «по величине... Вятская губерния занимает 8-е место в числе Европейской России и превосходит 3 европейских государства, взятые вместе: Грецию, Бельгию и Нидерланды» [Статистическое описание..., 1875, с. 5]. Численность населения Вятской губернии, совпадающей в границах с Вятской епархией, также была значительной: на 1875 год на территории Вятской губернии проживало 2 450 000 человек (из них мужчин — 1 176 524 человека, женщин — 1 273 498 человека) [Там же, с. 9]. Основную часть населения представляли лица православного вероисповедования: их насчитывалось 2 281 200 человек православного вероисповедования, а также 5 371 единоведец. Численность старообрядческого населения составляла примерно 2,25 %, или 54 960 человек [Там же, 1875, с. 39—40]. Также в Вятской губернии проживали католики (780 человек), протестанты (224 человека), а также англикане (6 человек), мусульмане (94 819 человек), иудеи (814 человек). Также на территории Вятской епархии проживали язычники, преимущественно в Елабужском, Малмыжском и Сарапульском уездах, численностью 11 826 человек.

На 1890 год численность населения Вятской губернии составляла 2 975 000 человек, из которых православными были 2 756 000 человек (православным было все русское население, исключая 82 000 старообрядцев,

а также почти все удмурты, марийцы, «пермяки, бесермяне и часть татар и тептярей»). Мусульман насчитывалось примерно 127 000 человек (эту религию исповедовали татары, башкиры и часть тептярей). Языческое население составляло менее 10 000 человек и было представлено преимущественно марийцами, проживающими в Елабужском, Малмыжском, Сарапульском и Уржумском уездах [География Вятской губернии, 1890, с. 46—48].

Православное население было преобладающим в Вятской губернии на протяжении второй половины XIX — начала XX веков: на 1875 год численность православного населения составляла 93,1 %, на 1889—1890 годы — 92,5 % от общей численности населения [Отчет о состоянии ЦПШ..., 1891, с. 83]. Но при этом сохранение такого баланса требовало большого напряжения сил со стороны местных властей и духовенства [Макурина, 2002; Макурина, 2009; Немчанинова и др., 2019; Половникова, 2017]. Особую озабоченность со стороны местного епископа вызывала проблема снижения авторитета местного духовенства среди населения Вятской епархии, а также разложение общества. Это было связано с тем, что работа среди детей и молодежи в церковно-приходских школах со стороны духовенства велась зачастую без приобщения учащихся к церковным таинствам. Кроме того, произошло «расслоение в религиозно-нравственном отношении... между простым народом, преимущественно сельским, и образованными...» [Очерки..., 2007, с. 204].

Ослабление влияния Русской православной церкви во второй половине XIX века стало проблемой для светской и духовной властей Российской империи, которые стали проводить последовательные преобразования в религиозной сфере. В Вятской губернии проведение мероприятий по укреплению положения Русской православной церкви было связано с именем епископа Аполлоса.

2. Епископ Аполлос (Беляев): основные биографические сведения

Для Вятской епархии второй половины XIX — начала XX веков характерно, как и для большинства других российских епархий, частое перемещение архиереев с кафедры на кафедру. Епископ Аполлос был одним из немногих представителей духовной власти, управлявших епархией почти 19 лет. Его предшественник, епископ Агафангел (Соловьев), за годы своего руководства кафедрой (1860—1866 годы) заложил основу для укрепления положения православной церкви: наладил связи с Афоном, стал инициатором издания «Вятских епархиальных ведомостей», стремился снизить накал страстей, возникший в крестьянской среде после реформы 1861 года, стоял у истоков женского образования на Вятской земле.

Будущий епископ Аполлос, в миру Иоанн Егорович Беляев, родился 11 апреля 1812 года в селе Волохове Александровского уезда Владимир-

ской губернии в семье священника. Иоанн Беляев поступил в 1830 году во Владимирскую семинарию, затем обучался в Киевской духовной академии [Слово при погребении..., 1885, с. 670]. 25 сентября 1838 года, за год до окончания курса академии, был пострижен в монахи с именем Аполлос [РНБ, ф. 608, оп. 1., д. 2901, л. 1]. После окончания курса в академии Аполлос был определен «29 сентября 1839 года в Орловскую Духовную Семинарию учителем Церковной Истории, в том же году 27 октября получил назначение в Тверскую Семинарию на класс Библейской Истории и Священного Писания, 27 августа 1841 г. переведен во Владимирскую Семинарию на класс Богословских наук, где более года исправлял должность инспектора...» [Извлечение..., 1885, с. 681]. 29 мая 1845 года Аполлос был причислен к соборным иеромонахам Киево-Печерской Лавры.

31 октября 1847 года Аполлос был назначен инспектором Астраханской семинарии и профессором по классу Священного Писания. В скором времени 20 августа 1849 года Аполлос становится настоятелем Астраханского Иоанно-Предтеченского монастыря, где 29 августа был возведен в сан игумена. Через два года, 9 ноября 1851 года, Аполлос был рукоположен в сан архимандрита. 21 февраля 1854 года Аполлос был назначен ректором Астраханской семинарии и профессором богословских наук, а также настоятелем Спасопреображенского второклассного монастыря. 26 октября 1856 года архимандрит Аполлос был переведен на должность ректора Псковской семинарии с одновременным определением его настоятелем Псково-Печерского Успенского первоклассного монастыря.

1864 год стал поворотным в духовной карьере архимандрита Аполлоса. «Высочайшим Указом, данным Святейшему Синоду 21 января 1864 года, повелено ему быть Епископом Старорусским, Викарием Новгородской Епархии» [Извлечение..., 1885, с. 681—682], в должность которого он был рукоположен в Исаакиевском соборе Санкт-Петербурга 16 февраля того же 1864 года. Через два года, 22 февраля 1866 года, епископ Аполлос был переведен на Ладожскую кафедру, он стал викарием Санкт-Петербургским. Но на данной кафедре Аполлос служил менее года.

13 декабря 1866 года, в возрасте 54 лет, «по указу... определен епископом Вятским и Слободским» [РНБ, ф. 608, оп. 1, д. 2901, л. 8], в должности которого состоял до 7 июня 1885 года. С этой должности епископ Аполлос ушел на покой в 73 года. За время своего пребывания на Вятской кафедре епископ Аполлос также 14 октября 1868 года был назначен настоятелем Слободского Крестовоздвиженского монастыря, в котором доживал свои последние месяцы после увольнения с должности.

За период руководства кафедрой в силу тесной связи светской и духовной властей епископ Аполлос контактировал с пользой для Вятской епархии

с вятскими губернаторами и вице-губернаторами, которых за этот период сменилось немало. «Так, епископ Аполлос за период управления Вятской епархией находился в отношениях со следующими вятскими губернаторами: Н. В. Компанейщиковым (возглавлял губернию в 1866—1869 годы, В. И. Чарыковым — вятский губернатор с 1869 по 1875 годы, Н. А. Тройницким — возглавлял губернию с 1876 по 1882 годы, а также А. Н. Волковым (вятский губернатор с 1882 по 1887 год). Конечно, при такой частой смене вятских губернаторов религиозный курс Вятской епархии полностью зависел от деятельности епископа Аполлоса» [Половникова и др., 2020а, с. 106].

Кроме того, по Указу Святейшего Синода от 20 мая 1879 года «состоял Присутствующим Святейшего Синода с 15 июня 1879 г. по 11 мая 1880 г.» [Извлечение..., 1885, с. 682]. 20 апреля 1880 года епископ Аполлос был возведен в сан архиепископа. За свою жизнь епископ Аполлос также «был членом Консисторий — Астраханской и Псковской; проходил должность Благочинного монастырей в Астраханской и Псковской Епархиях, состоял председателем в Новгородском Губернском Комитете по учреждению училищ, Председателем в Санкт-Петербургском Губернском Присутствии по обеспечению православного духовенства, Председателем Историко-статистического Комитета для описания С.-Петербургской Епархии, Председателем Губернского Присутствия по обеспечению духовенства Вятской епархии,... членом Астраханского Попечительного тюремного Комитета, Вице-директором Новгородского тюремного Комитета, с 1867 года Вице-директором Вятского тюремного Комитета,... сотрудником-корреспондентом Императорского Вольного Экономического общества, почетным членом Вятского Губернского Статистического Комитета, членом Общества попечения о раненых и больных воинах, членом Комитета и попечителем Вятской Публичной библиотеки, членом Комитета грамотности при Императорском С.-Петербургском Вольном Экономическом обществе, действительным членом Вятского Благотворительного Общества, почетным членом Общества покровительства животных, почетным членом Общества врачей в г. Вятке, членом-соревнователем Мариинского Попечительства для призрения слепых, почетным членом Богоявленского Общества при Киевской Духовной Академии,... почетным членом Общества вспомоществования нуждающимся ученикам Вятской гимназии» и др. [Извлечение..., 1885, с. 683].

Епископ Аполлос за свою активную административную и научно-просветительскую деятельность был отмечен различными наградами. Так, в 1867 году он получил Высочайшую признательность за заботу о благосостоянии духовно-учебных заведений Вятской губернии, в 1872 году был награжден орденом св. Анны 1 степени [Там же], в 1877 году — орденом св. Владимира 2 степени большого креста [РНБ, ф. 608, оп. 1., д. 2901, л. 12].

7 июня 1885 года, «находясь уже в преклонном возрасте, владыка подал прошение об увольнении его на покой в Слободской мужской монастырь» [Очерки..., 2007, с. 172]. Еще за три года до этого «он составил духовное домашнее завещание и до этого еще просился на покой в здешний монастырь. Судя по его бывшим силам и деятельности, Свят. Синод долго не увольнял его от управления епархией, и тогда уже уволил его, когда он не мог ходить и находился почти в неизлечимой болезни» [Слово при погребении..., 1885, с. 669]. Также епископ заблаговременно подготовил место своего пребывания после оставления Вятской кафедры — он активно занимался благоустройством Слободского Крестовоздвиженского монастыря. После долгожданного увольнения на покой епископ Аполлос переехал в монастырь, где через несколько месяцев, 26 ноября 1885 года, скончался. 1 декабря 1885 года епископ Аполлос был погребен в заранее подготовленном им месте — в Троицкой церкви Слободского Крестовоздвиженского монастыря, в склепе «под серединою храма, против царских врат» [Погребение..., 1885, с. 678].

Так, прожив достойную и богатую событиями жизнь, епископ Аполлос нашел свое последнее пристанище в епархии, для развития которой сделал многое. На протяжении почти девятнадцати лет он постепенно трансформировал роль приходского духовенства в жизни населения Вятской губернии, способствуя укреплению положения Русской православной церкви и распространению православной веры.

3. Управление Вятской епархией (1866—1885 годы)

Взойдя на Вятскую кафедру, епископ Аполлос приступил к активной деятельности по развитию Вятской епархии в духе требований религиозной политики второй половины XIX века. Хотя он был переведен на Вятскую кафедру с более значимой должности — Ладожского викариатства Санкт-Петербургской епархии, но за время служения Вятская епархия «своею добротою, простотою и набожностью понравилась ему так, что он не хотел никуда переходить отсюда в другие даже лучшие епархии» [Слово при погребении..., 1885, с. 669].

Выделим основные направления работы епископа в управлении епархией: в первую очередь он стремился организовать управление епархией в соответствии с требованиями времени и проводимыми в религиозной сфере реформами с наименьшими потерями для приходского духовенства, а также старался укрепить православную веру и авторитет местного духовенства и Русской православной церкви в Вятской епархии. Во-вторых, епископ Аполлос активно занимался просвещением местного населения, стараясь через повышение уровня образования укрепить православную веру в народе.

В-третьих, при нем была организована деятельность основных религиозно-просветительских и миссионерских обществ в Вятской губернии для ведения работы с неправославным нерусским населением епархии.

Епископ был человеком сведущим, стремящимся к усилению православной церкви в Вятской губернии. В плане управления епархией он понимал, что территория Вятской губернии обширна по своей площади, а местное духовенство не может охватить работой все население губернии. Действительно, «пространство... занимает 13.904.020 д.[есятин] составляющие 134.537 кв. верст или 2,780 кв. миль. По величине Вятская губерния занимает 8-е место в числе губерний Европейской России» [Статистические данные..., 1875, с. 4—5]. В связи с этим епископ Аполлос стал инициатором выделения в составе епархии викариатства, которое, после удовлетворения просьбы Святейшим Синодом, было создано в 1868 году. С открытием Сарапульского викариатства у епархиального архиерея появился помощник в лице викария, который брал на себя ряд полномочий (например, викарии брали на себя «наложение штрафов, дела о церковно-приходских попечительствах,... о судебных епитимиях,... утверждали в должности школьных законоучителей,... отвечали за распределение и сбор кружечных доходов, изыскание земли для причтов, решали все метрические вопросы, расторгали браки, взыскивали долги...» [Очерки..., 2007, с. 174]). Викарий стал первым помощником архиерея. Также Сарапульский викарий ведал всеми религиозными вопросами викариатства, следил за деятельностью местного духовенства и его потребностями, оказывал содействие организации религиозно-просветительской и миссионерской работы на территории викариатства. Епископ Аполлос добился создания викариатства в сложной в религиозном плане местности Вятской губернии. Сарапульский викарий взял на себя значительную долю забот по ведению религиозной работы среди местного языческого и старообрядческого населения, что позволило епархиальному архиерею уделить больше внимания остальным делам Вятской епархии.

Кроме того, епископ Аполлос понимал проблемы духовенства и населения, всеми силами стремился улучшить положение духовенства, в первую очередь ратовал за высокоморальность и материальное благосостояние. Закон 1869 года, выводивший детей духовенства из духовного сословия, разорвал преемственность в передаче не только приходов от отца к сыну, но и в плане принятия новых священников местным населением. Данный закон также породил нехватку священнослужителей, что проявилось не сразу, но стало проблемой, в том числе для Вятской губернии, уже в середине 1870-х годов. Епископ Аполлос стремился улучшить ситуацию, в большинстве случаев поддерживая оказание материальной по-

мощи нуждающимся представителям духовенства Вятской епархии через епархиальную консисторию. Но нехватка священнослужителей зачастую восполнялась за счет священников, не прошедших полный курс обучения, что сказывалось на знаниях таких священников, а также на их моральном облике и неумении наладить контакт с населением прихода.

В просветительском направлении епископ вел обширную работу с населением Вятской епархии. Но при этом с появлением возможности получения образования для низших слоев населения рост образованности был сопряжен с ростом ухода из-под опеки Русской православной церкви. В конце 1860-х годов стала прослеживаться угрожающая церкви тенденция: «Быстрое развитие и смена новых, разнообразных учений, упорный труд в приобретении обширных и многосторонних познаний, нескончаемый ряд... открытий дают, по-видимому, право нашему веку увлекать всех за свою колесницу, быстро несущуюся вперед... Кто не успел узнать и усвоить новость, явившуюся в последнее время, тот почитается отставшим от века, отодвигается в область прошедшего, понятие истинности и жизненности соединяется только с понятием современности» [Христианский взгляд..., 1869, с. 1—2]. При таком подходе церковь оказывалась далекой от современности. Данную тенденцию понимал и епископ Аполлос, который при непосредственном общении с прихожанами, в том числе во время объездов епархии, видел ее проявление в недоверии к православной церкви и ее представителям. Но все же «православный русский народ тверд в вере, усердно исполняет важнейшие христианские обязанности и строго блюдет установления св. Церкви» [РГИА, ф. 796, оп. 442, д. 950, л. 5]. Епископ Аполлос видел решение проблемы в активной работе священнослужителей в каждом приходе, в первую очередь в плане работы местного духовенства по приобщению детей к церкви и церковным таинствам, а также в получении полноценного образования.

В тот период происходят изменения в системе духовного образования, которое становится все более светским. Если говорить о начальной ступени, то после 1864 года поддержка церковно-приходских школ со стороны государства была практически ликвидирована в пользу развития земских школ. В Вятской епархии церковно-приходские школы продолжили работу за счет инициативного духовенства, преподавателей и жертвователей. Только в конце 1870-х годов государственная власть вновь признала важную роль церкви в организации образовательного процесса, а позднее узаконило школы грамотности и церковно-приходские школы.

При епископе Аполлосе в Вятской губернии продолжает свою работу Епархиальное женское училище, открытое в 1863 году, которому епископ оказывал посильную помощь в развитии. Кроме того, в 1871 году Вятское

епархиальное училище и Вятская духовная семинария перешли на новые Уставы, по которым учащиеся должны были получать не столько богословское, сколько академическое образование. Такие преобразования соответствовали духу времени, поэтому епископ Аполлос постепенно способствовал их реализации.

Также «в 1870 году по благословению еп.[ископа] Аполлоса в г. Вятке состоялось открытие Вятской епархиальной библиотеки» [Очерки, 2007, с. 241]. Сам епископ пожертвовал библиотеке 197 томов редких и ценных книг, считая, что через чтение население будет обогащаться духовно.

Сам епископ Аполлос был известен своей ученостью, ораторским и писательским талантами. Епископ Аполлос ратовал за укрепление веры в духовенстве и простом населении, поэтому постоянно обращался к ним с наставлениями [Аполлос, 1882, с. 155], что было отмечено представителями епархии. В дальнейшем, в начале XX века, когда встал вопрос о методах ведения проповеднической работы, духовенство вернулось к наставленческому опыту епископа Аполлоса. Стоит отметить, что анализ приемов, которыми он пользовался, был представлен на страницах «Ярославских епархиальных ведомостей», а затем перепечатан в «Вятских епархиальных ведомостях». Так, указывалось, что «бывший архиепископ Вятский Аполлос в своем архипастырском наставлении по предмету церковного проповедничества приводит два приема из практики священнической, показывающие, как должно вести беседы с простым народом с благотворным влиянием на него, пользуясь всяким удобным случаем и местом» [Влияние на слушателей..., 1911, с. 793]. Также ряд его наставлений, обращенных как к духовенству, так и к прихожанам был опубликован во время его пребывания на Вятской кафедре и сохранился либо отдельными брошюрами, либо на страницах «Вятских епархиальных ведомостей».

В плане организации религиозно-просветительской и миссионерской работы необходимо отметить, что две основные религиозные организации возникли в Вятской губернии в период руководства епископа Аполлоса. Речь идет об открытии Вятского комитета Православного миссионерского общества и Вятского братства Святителя и Чудотворца Николая. Кроме того, епископ являлся почетным членом Императорского Православного Палестинского общества (его отдел в Вятской губернии открылся только в 1894 году, после смерти епископа Аполлоса).

В 1870 году миссионерская деятельность в Российской империи была централизована — было создано Всероссийское Православное миссионерское общество. Сразу же начали создаваться отделения общества на территории России. 28 мая 1870 года был открыт Вятский комитет Православного миссионерского общества. Каждый епархиальный комитет, в соответствии

с Уставом общества, состоял из председателя, его товарища и членов, которые «избираются местным общим собранием, в числе от 4 до 8 человек» [Никольский, 1895, с. 12], а также казначея и делопроизводителя. Так, Вятский комитет состоял «из председателя комитета, товарища председателя и семи человек» [ЦГА КО, ф. 811, оп. 1, д. 218, л. 1]. Первым председателем Вятского комитета стал Аполлос, епископ Вятский и Слободской. Но в силу своей загруженности, основываясь на примечании к § 4 Устава Православного миссионерского общества, 30 июня 1870 года председательство было «возложено на Его Преосвященство, Преосвященнейшего Геннадия, епископа Сарапульского, викария Вятской епархии» [Распоряжение..., 1870, с. 267].

Несмотря на то, что епископ Аполлос так недолго занимал должность председателя Вятского комитета, он внес заметный вклад в его работу: принимал активное участие в жизни Вятского комитета, много сделал для налаживания миссионерской работы комитета среди неправославного и нерусского населения Вятской губернии, а также в плане организации деятельности миссионерских школ. Кроме того, преосвященный Аполлос обеспечил Вятскому комитету поддержку со стороны светской власти: он предложил действительному статскому советнику, вятскому губернатору Валерию Ивановичу Чарыкову «по силе 51 § устава... принять звание товарища председателя Вятского Комитета Миссионерского общества, на что Его Превосходительство согласился» [О личном составе..., 1870, с. 310]. С тех пор традиционно епископ предлагал занимать должность товарища председателя Вятского комитета губернатору. Это обеспечивало прямую поддержку деятельности Вятского комитета со стороны светской власти и подчеркивало важность работы организации.

Еще одной знаковой для Вятской епархии организацией дореволюционного периода стало Вятское братство Святителя и Чудотворца Николая, которое из местного братства (подобные открывались повсеместно на территории Российской империи по решению Святейшего Синода) в начале XX века превратилось в ведущую религиозную организацию Вятского губернии, наладив связи с местными отделами общероссийских обществ.

Открытие Вятского братства Святителя и Чудотворца Николая связано с возникшим недопониманием со стороны светской и духовной властей Вятской губернии [Половникова и др., 2020б]. Изначально епископ Аполлос поддерживал идею открытия противораскольнического братства, но стремился, чтобы содержание общества и уже действовавшей противораскольнической школы, открытой отцом Стефаном Кашменским, не коснулось средств Вятской епархии и действовало при поддержке со стороны жертвователей. Но губернатор Н. А. Тройницкий выступал в качестве ходатая перед Святейшим Синодом и «указывал, что не видит никакой про-

блемы в оказании содействия С. Кашменскому со стороны епархиального и губернского начальства, но на деле именно епархиальные власти стали создавать препятствия для открытия братства и передачи ему школы. Епископ Вятский и Слободской Аполлос по-другому относился к данному вопросу» [Половникова и др., 2020б, с. 425], «и он же желает выпустить это учреждение из-под ведения Консистории, и потому не соглашается на учреждение братства» [РГИА, ф. 1574, оп. 2, д. 58, л. 66]. Епископ Аполлос в ходе переписки со Святейшим Синодом изменил свое мнение по вопросу учреждения Вятского братства и в скором времени «дал Консистории предложение войти в суждение об учреждении братства против раскола в Вятской епархии» [РГИА, ф. 1574, оп. 2, д. 87, л. 2].

Так, при содействии светской и духовной властей 31 октября 1882 года, с разрешения Святейшего Синода, «согласно предложению Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнейшего Аполлоса, Архиепископа Вятского и Слободского, состоялось открытие Братства Святителя и Чудотворца Николая в г. Вятке» [Открытие Вятского братства..., 1882, с. 563]. В честь такого события епископ Аполлос подарил братству новый «принадлежащий архиерейскому дому двухэтажный флигель для братской школы» [Открытие Вятского братства..., 1882, с. 567] на берегу р. Вятка, расположенный в северо-восточном углу архиерейского сада. Это здание было предназначено для размещения братской школы, у которой до этого не было постоянного помещения, и для проживания ее учащихся.

Нужно отметить, что епископ Аполлос был любим населением Вятской епархии. Во время объездов епархии (эту обязанность епископ Аполлос разделял с Сарапульским викарием, тем самым охватывая больше отдаленных территорий) население всегда приветливо встречало епископа Аполлоса, готовясь к подобным приездам заранее и с большим усердием. Приезд епископа воспринимался как праздник для местного населения, особенно в самых отдаленных местностях епархии. Епископ Аполлос старался либо ежегодно, либо раз в два года совершать подобные поездки. Так, в 1874 году «все путешествие Владыки совершилось в 19 дней, причем сделано 1231 верст пути» [Обозрение..., 1874, с. 3]. Благодаря таким поездкам епископ Аполлос контролировал состояние местных церквей и соборов, а также состояние местного духовенства, следил за выполнением своих поручений, выявлял проблемы в приходах, а также напрямую общался с простым населением, пытаясь словом укреплять православную веру.

4. Заключение

Епископ Аполлос (Беляев) является ярким представителем высшего духовенства в Вятской губернии, а также многогранной личностью. При нем

Вятская епархия переживает ряд преобразований: в силу новых требований со стороны светской власти и изменений времени были проведены важные трансформации в работе с населением Вятской губернии, была преобразована религиозная работа духовенства. Епископ Аполлос проявил себя как смелый, умный и активный руководитель, стремящийся всеми способами достичь поставленной цели — укрепления авторитета Русской православной церкви и положения духовенства Вятской епархии среди населения.

Для достижения поставленной цели епископ Аполлос поддерживал тесное сотрудничество с вятскими губернаторами, причем всегда находил у них необходимую поддержку. Он находился во главе Вятской епархии длительный период — с 1866 по 1885 годы, за который сменилось четыре вятских губернатора. Поэтому положение в Вятской губернии было довольно стабильным, что позволяло епископу зачастую действовать независимо от светской власти и принимать самостоятельные решения, без оглядки на нее.

Руководя Вятской кафедрой, епископ Аполлос содействовал укреплению веры и положения духовенства Русской православной церкви среди населения Вятской губернии, улучшению положения местного духовенства, просвещению населения и развитию образования. При нем в Вятской епархии проводилась религиозная политика государства, создавалась система религиозно-просветительских и миссионерских организаций.

Епископ Аполлос стремился словом и делом укреплять веру как в среде духовенства, так и среди простого населения, приветствовал изменения в подготовке приходского духовенства и в системе духовного образования. В Вятской губернии стала развиваться библиотечная сеть: библиотеки возникали практически при каждом храме, новыми изданиями пополнялись как архиерейская библиотека, так и библиотеки духовных учебных заведений.

При поддержке светской и духовной властей при епископе Аполлосе начинает действовать Вятский комитет Православного миссионерского общества — местный отдел общероссийской организации, ведущий работу среди нерусского неправославного населения Вятской губернии посредством миссионерской работы местного духовенства, а также создания миссионерских школ в приходах епархии для обучения в первую очередь детей неправославного нерусского населения. Также в конце служения епископа было учреждено Вятское братство Святителя и Чудотворца Николая для ведения работы среди старообрядческого населения Вятской губернии. Вятское братство организовало миссионерскую работу и подготовку миссионеров в специальной братской школе (действовала только мужская школа в г. Вятка). Кроме того, Вятское братство создавало сеть братских школ для обучения детей преимущественно из старообрядческих

и неправославных семей. Таким образом, просветительской работой на территории Вятской епархии занимались как церковно-приходские школы, так и миссионерские и братские школы (старались, чтобы в каждом приходе была хотя бы одна школа из перечисленных).

Период управления епископом Аполлосом стал ключевым для развития Вятской епархии в долгосрочной перспективе: появилось новое викариатство, была налажена религиозно-просветительская и миссионерская работа, созданы отделения общероссийских организаций и местное братство, в дальнейшем игравшее ключевую роль в религиозной жизни Вятской губернии. Епископ Аполлос стоял у истоков религиозных изменений в Вятской епархии. Большая часть этих изменений была начата или реализована самим Аполлосом при поддержке светской власти, местного духовенства и населения Вятской губернии. Эти преобразования были продолжены и развиты некоторыми последующими вятскими архиереями.

Источники и принятые сокращения

1. *Аполлос*, архиепископ Вятский. Архипастырское наставление приходским священникам / Аполлос // Вятские епархиальные ведомости. — 1882. — № 10. — С. 155—159.
2. *Влияние* на слушателей простого слова // Вятские епархиальные ведомости. — 1911. — № 35. Отдел неофициальный. — С. 793—796.
3. *География* Вятской губернии. Курс родиноведения для городских училищ / Сост. К. В. Лаврентьевич. — Вятка : Типография Маишеева, 1890. — 222 с.
4. *Извлечение* из послужного списка Преосвященнейшего Архиепископа Аполлоса // Вятские епархиальные ведомости. — 1885. — № 24. Отдел духовно-литературный. — С. 681—683.
5. *Обозрение* Вятской епархии Его Пресвященством Преосвященнейшим Аполлосом, Епископом Вятским и Слободским, в 1874 году // Вятский губернский ведомости. — 1875. — № 1. — С. 3.
6. *Открытие* Вятского Братства Святителя и Чудотворца Николая // Вятские епархиальные ведомости. — 1882. — № 22. Отдел духовно-литературный. — С. 563—568.
7. *Отчет* о состоянии церковно-приходских школ и школ грамотности Вятской епархии за 1889/90 учебный год // Вятские епархиальные ведомости. — 1891. — № 4. — С. 83—102.
8. *О личном* составе Вятского Комитета Православного Миссионерского Общества // Вятские епархиальные ведомости. — 1870. — № 15. — С. 309—311.
9. *Погребение* Преосвященнейшего Архиепископа Аполлоса // Вятские епархиальные ведомости. — 1885. — № 24. Отдел духовно-литературный. — С. 678—680.
10. *Распоряжения* Епархиального начальства // Вятские епархиальные ведомости. — 1870. — № 13. — С. 267—268.
11. *Российский* государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 442. Д. 950.
12. *Российский* государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1574. Оп. 2. Д. 58.
13. *Российский* государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1574. Оп. 2. Д. 87.
14. *Российская* национальная библиотека (РНБ). Ф. 608. Оп. 1. Д. 2901.

15. Слово при погребении Высокопреосвященнейшего Аполлоса, бывшего архиепископа Вятского и Слободского, произнесенное Преосвященнейшим Макарием, епископом Вятским и Слободским, в Слободском Крестовоздвиженском монастыре, 1 декабря 1885 года // Вятские епархиальные ведомости. — 1885. — № 24. Отдел духовно-литературный. — С. 666—671.

16. Статистическое описание Вятской губернии и справочные сведения / Сост. Н. Спасский. — Вятка : Губернская типография, 1875. — 394 с.

17. Христианский взгляд на современность // Вятские епархиальные ведомости. — 1869. — № 1. Отдел неофициальный. — С. 1—10.

18. Центральный государственный архив Кировской области (ЦГА КО). Ф. 811. Оп. 1. Д. 218.

ЛИТЕРАТУРА

1. Макурина В. В. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Удмуртии во второй половине XIX — начале XX века : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / В. В. Макурина. — Санкт-Петербург, 2002. — 323 с.

2. Макурина В. В. Приходская и миссионерская деятельность на территории расселения удмуртов в Вятской епархии (вторая половина XIX — начало XX вв.) / В. В. Макурина // Религии народов Вятского края : учебно-справочное пособие. — Киров : [б. и.], 2009. — С. 62—74.

3. Немчинова Е. Н. Губернатор и епископ в системе церковно-государственных отношений во второй половине XIX — начале XX в. (на материалах Вятской губернии) / Е. Н. Немчинова, М. Ю. Половникова // Вестник Томского университета. История. — 2019. — № 62. — С. 72—79. — DOI: 10.17223/19988613/62/9.

4. Никольский А. Православное миссионерское общество. Историческая записка о деятельности Общества за истекшее двадцатипятилетие (1870—1895 гг.) / А. Никольский. — Москва : Печатня А. И. Снегиревой, 1895. — 146 с.

5. Очерки истории Вятской епархии (1657—2007) : 350-летие Вятской епархии / Под. ред. митр. Вятского и Слободского Хрисанфа. — Вятка : Буквица, 2007. — 640 с. — ISBN 978-5-9901101-3-7.

6. Половникова М. Ю. Взаимодействие власти и духовенства Русской православной церкви в организации религиозно-просветительской и миссионерской деятельности во второй половине XIX — начале XX в. (на материалах Вятской губернии) / М. Ю. Половникова, Е. Н. Немчинова. — Киров, 2020а. — 227 с. — ISBN 978-5-6044635-6-7.

7. Половникова М. Ю. Религиозно-просветительская и миссионерская деятельность Русской православной церкви во второй половине XIX — начале XX вв.: на материалах Вятской епархии : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.02 / М. Ю. Половникова. — Киров, 2017. — 296 с.

8. Половникова М. Ю. Создание Вятского братства Святителя и Чудотворца Николая в контексте взаимодействия светских и духовных властей Вятской губернии / М. Ю. Половникова, Е. Н. Немчинова // Научный диалог. — 2020б. — № 9. — С. 420—433. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-9-420-433.

MATERIAL RESOURCES

Apollos, Archbishop of Vyatka. Archpastoral instruction to parish priests. (1882). *Vyatka Diocesan Vedomosti*, 10: 155—159. (In Russ.).

- Extract from the service record of His Grace Archbishop Apollos. (1885). *Vyatka Diocesan Vedomosti*, 24: Department of Spiritual and literary. 681—683. (In Russ.).
- Geography of the Vyatka province. The course of homeland studies for city schools. (1890). Vyatka: Maisheev Printing House. 222 p. (In Russ.).
- Influence on listeners of a simple word. (1911). *Vyatka diocesan Gazette*, 35: Unofficial department. 793—796. (In Russ.).
- On the personnel of the Vyatka Committee of the Orthodox Missionary Society. (1870). *Vyatka diocesan Gazette*, 15: 309—311. (In Russ.).
- Opening of the Vyatka Brotherhood of St. Nicholas the Wonderworker. (1882). *Vyatka diocesan Gazette*, 22: Department of Spiritual and literary. 563—568. (In Russ.).
- Orders of the Diocesan authorities. (1870). *Vyatka diocesan Gazette*, 13: 267—268. (In Russ.).
- Report on the state of parochial schools and literacy schools of the Vyatka diocese for the 1889/90 academic year. (1891). *Vyatka diocesan Vedomosti*, 4: 83—102. (In Russ.).
- Review of the Vyatka Diocese by His Most Reverend Apollos, Bishop of Vyatka and Sloboda, in 1874. (1875). *Vyatka gubernskie Vedomosti*, 1: 3. (In Russ.).
- Russian state historical archive (RGIA). F. 796. Op. 442. D. 950. (In Russ.).
- Russian state historical archive (RGIA). F. 1574. Op. 2. D. 58. (In Russ.).
- Russian state historical archive (RGIA). F. 1574. Op. 2. D. 87. (In Russ.).
- Russian national library (RNB). F. 608. Op. 1. D. 2901. (In Russ.).
- Statistical description of the Vyatka province and background information. (1875). Vyatka: Provincial printing house. 394 p. (In Russ.).
- The burial of His Grace Archbishop Apollos. (1885). *Vyatka Diocesan Vedomosti*, 24: Department of Spiritual and Literary. 678—680. (In Russ.).
- The Central State Archive of the Kirov region (CGA KO). F. 811. Op. 1. D. 218. (In Russ.).
- The Christian view of modernity. (1869). *Vyatka diocesan Vedomosti*, 1: The department is unofficial. 1—10. (In Russ.).
- The word at the burial of His Eminence Apollos, former Archbishop of Vyatka and Sloboda, pronounced by His Grace Makarii, Bishop of Vyatka and Sloboda, in the Sloboda Holy Cross Monastery, December 1, 1885. (1885). *Vyatka Diocesan Vedomosti*, 24: Department of spiritual and literary. 666—671. (In Russ.).

REFERENCES

- Essays on the History of the Vyatka Diocese (1657—2007): 350th anniversary of the Vyatka Diocese. (2007). Vyatka: Bukvitsa. 640 p. ISBN 978-5-9901101-3-7. (In Russ.).
- Makurina, V. V. (2002). *Missionary activity of the Russian Orthodox Church in Udmurtia in the second half of the XIX — early XX century*. PhD Diss. St. Petersburg. 323 p. (In Russ.).
- Makurina, V. V. (2009). Parish and missionary activity on the territory of the settlement of Udmurts in the Vyatka diocese (the second half of the XIX — beginning of the XX centuries). In: *Religions of the peoples of the Vyatka region: an educational reference guide*. Kirov: [b. i.]. 62—74. (In Russ.).
- Nemchaninova, E. N., Polovnikova, M. Y. (2019). Governor and bishop in the system of church-state relations in the second half of the XIX — early XX century. (based on the materials of the Vyatka province). *Bulletin of Tomsk University. History*, 62: 72—79. DOI: 10.17223/19988613/62/9. (In Russ.).

- Nikolsky, A. (1895). *Orthodox Missionary Society. Historical note on the activities of the Society for the past twenty-five years (1870—1895)*. Moscow: Printing House of A. I. Snegireva. 146 p. (In Russ.).
- Polovnikova, M. Y. (2017). *Religious-educational and missionary activity of the Russian Orthodox Church in the second half of the XIX — early XX centuries: on the materials of the Vyatka diocese*. PhD Diss. Kirov. 296 p. (In Russ.).
- Polovnikova, M. Y., Nemchaninova, E. N. (2020a). *Interaction of the authorities and clergy of the Russian Orthodox Church in the organization of religious-educational and missionary activities in the second half of the XIX — early XX century (based on the materials of the Vyatka province)*. Kirov. 227 p. ISBN 978-5-6044635-6-7. (In Russ.).
- Polovnikova, M. Yu., Nemchaninova, E. N. (2020b). Creation of Vyatka Brotherhood of Saint Nicholas Miracle Worker in Context of Interaction of Secular and Spiritual Authorities of Vyatka Province. *Nauchnyi dialog*, 9: 420—433. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-9-420-433. (In Russ.).

Рудковская М. М. Документы по истории русской военно-морской эмиграции в региональных архивах южной Франции: проблемы поиска и изучения / М. М. Рудковская // Научный диалог. — 2021. — № 12. — С. 413—428. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-413-428.

Rudkovskaya, M. M. (2021). Documents on History of Russian Naval Emigration in Regional Archives of Southern France: Problems of Search and Study. *Nauchnyi dialog*, 12: 413-428. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-413-428. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-413-428

Документы по истории русской военно-морской эмиграции в региональных архивах южной Франции: проблемы поиска и изучения

Рудковская Маргарита Михайловна^{1,2}

orcid.org/0000-0003-3206-2962
кандидат исторических наук, доцент
кафедры политической экономики и
истории экономической науки;
докторант Центра
средиземноморских исследований
(новая и новейшая история)
margarita.thimrud@gmail.com

¹ Российский экономический
университет имени Г. В. Плеханова
(Москва, Россия)

² Университет Лазурного берега
(Ницца, Франция)

Благодарности:

Исследование выполнено в рамках
гранта РФФИ 19-09-00081 А
«Старое русское морское офицерство
после 1917 года: сплошное
просопографическое исследование»

Documents on History of Russian Naval Emigration in Regional Archives of Southern France: Problems of Search and Study

Margarita M. Rudkovskaya^{1,2}

orcid.org/0000-0003-3206-2962
PhD in History, Associate Professor,
Department of Political Economy
and History of Economic Science;
doctoral student at the Center
for Mediterranean Studies
(modern and recent history)
margarita.thimrud@gmail.com

¹ Plekhanov Russian
University of Economics
(Moscow, Russia)

² University of the Cote d'Azur
(Nice, France)

Acknowledgments:

The reported study was funded by RFBR,
project number 19-09-00081 А

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается проблема выявления, описания и введения в научный оборот документов и материалов по истории русского морского офицерства, проживавшего в регионе южной Франции в 1920—1930-е годы. Актуальность и новизна исследования обусловлены введением в научный оборот документальных комплексов региональных, локальных и ведомственных архивов, содержащих сведения о русской военно-морской эмиграции во Франции. Автор обращает внимание на специфику выявления архивных документов в рамках исследуемой темы. Уделяется внимание особенностям комплектования фондов во французских архивах. Показано, как знание данной специфики позволяет находить и идентифицировать искомые материалы в условиях отсутствия тематических коллекций и указателей. Представлены результаты исследования обнаруженных автором архивных коллекций и фондов в региональных, локальных и ведомственных архивах, содержащих сведения об истории русской военно-морской эмиграции в южной Франции. Вопреки сложившимся во французской историографии представлениям о маргинальности данной темы демонстрируется потенциал её разработки на выявленных автором материалах. Выполнен обзор обнаруженных архивных фондов с точки зрения перспектив реконструкции коллективных и индивидуальных биографий русских морских офицеров-эмигрантов. Предлагается авторская классификация выявленных документальных комплексов.

Ключевые слова:

русская военно-морская эмиграция; морское офицерство; Франция; архивы; биографические исследования; архивное наследие.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article deals with the problem of identifying, describing and introducing into scientific circulation documents and materials on the history of the Russian naval officers who lived in the region of southern France in the 1920s—1930s. The relevance and novelty of the research is due to the introduction into scientific circulation of documentary complexes of regional, local and departmental archives containing information about the Russian naval emigration in France. The author draws attention to the specifics of identifying archival documents within the framework of the research topic. Attention is paid to the peculiarities of the collection of funds in the French archives. It is shown how knowledge of this specificity makes it possible to find and identify the required materials in the absence of thematic collections and indexes. The results of a study of archival collections and funds discovered by the author in regional, local and departmental archives containing information about the history of the Russian naval emigration in southern France are presented in the article. Contrary to the ideas of the marginality of this topic that have developed in French historiography, the potential of its development on the basis of the materials identified by the author is demonstrated. A review of the discovered archival funds is carried out from the point of view of the prospects for the reconstruction of collective and individual biographies of Russian naval officers-emigrants. The author's classification of the identified documentary complexes is proposed.

Key words:

Russian naval emigration; naval officers; France; archives; biographical research; archival heritage.

Документы по истории русской военно-морской эмиграции в региональных архивах южной Франции: проблемы поиска и изучения

© Рудковская А. А., 2021

1. Введение

Данная статья посвящена истории документального наследия русской военно-морской эмиграции во Франции, традиционными центрами которой считаются Париж, Лион, Марсель, Тулон, Ницца и некоторые другие города и регионы [Пивовар, 2008]. В работе особое внимание будет уделяться вопросам изучения коллекций региональных архивов, связанных с историей исследования коллективных и индивидуальных биографий русских моряков-эмигрантов в регионе южной Франции в межвоенный период. В нашем исследовании мы будем выделять государственные и ведомственные архивы, архивы научных библиотек, университетские архивы, архивы частных и общественных организаций.

Организацией архивного дела во Франции занимается Национальное агентство государственных архивов, службы которого расположены в Париже, Фонтенблэ и Пьерфит-сюр-Сен. Агентство обеспечивает научный и технический контроль над документами, их сохранность и доступ к документам в соответствии с существующей законодательной базой. Ежегодно агентство проводит обследование деятельности сети государственных архивных служб и публикует результаты в виде открытых статистических данных и сводного годового отчета. Основные показатели касаются предоставления услуг в архивах, сбора и обработки документов, взаимодействия с общественными структурами и средствами массовой информации, организации культурных и образовательных мероприятий, формирования имиджа архивов в сети Интернет. Архивная сеть во Франции объединяет 3 учреждения национальной юрисдикции, 100 департаментских, 17 региональных, почти 700 муниципальных и межкоммунальных архивов. В особом подчинении находятся ведомственные архивы, к примеру, Военно-историческая служба Министерства обороны, а также архивы образовательных, общественных и религиозных организаций.

Основными рабочими инструментами поиска необходимой информации исследователя во французском архиве являются электронные каталоги и формуляры, опубликованные справочники по фондам, обращение в службу научного консультирования. Большое значение приобретают начальные

знания о структуре организации архивных коллекций, которая подчиняется единым государственным стандартам формирования архивных фондов. К примеру, в региональных архивах в фонде «М» хранятся статистические сведения по иностранцам [AD Var, série M, sous-série 4, carton 99—105], в фонде «S» — документы о профессиональной деятельности иностранцев [AD Var, série S, sous-série 5, Carton 159], в фонде «Z» — полицейские ежедневные отчеты и рапорты [AD Var, série Z, carton 57—58, Rapports et statistiques policiers, 1922—1939]. При работе в муниципальных архивах также надо учитывать некоторые особенности их организационной структуры. Например, данные городских переписей населения сосредоточены в фонде «8» [AM Toulon, série 8, sous-série 1, cartons 4—15bis, Recensements de population, 1921—1946], а полицейская отчетность в фонде «J» [AM Toulon, série JII, sous-série 1, cartons 5—6].

2. Коллекции государственных архивов

Исходя из структуры архивных учреждений во Франции, анализ документальных коллекций начнем с характеристики фондов государственных учреждений регионального уровня, а именно департаментских архивов в пределах изучаемого региона юга Франции: Буш-дю-Рон, Вар, Приморские Альпы.

В названных архивах отсутствуют отдельные тематические коллекции, посвященные русской военно-морской эмиграции. Тем не менее работа с каталогами архива помогла выявить весьма ценные документы для изучения коллективного портрета данной эмигрантской группы:

- данные полицейской статистики с указанием возраста, адреса, состава семьи, период с 1920 по 1948 годы, общее количество листов — 56 [AD Var, série M, sous-série 4, cartons 99—105];

- данные общегородских переписей населения 1921, 1926, 1932, 1940 годов с указанием полного адреса, сведений о занимаемом жилом помещении, о составе семьи, профессиональной занятости, общее количество листов — около 2000 [AD Var, série M, sous-série 4, cartons 99—105];

- ежегодная полицейская статистика по иностранцам с указанием актуального места работы, обязательной справки от работодателя о благонадежности, занятости иностранцев по отраслям, сведений о получении детьми среднего образования во французских школах, общее количество листов — 100 [AD Var, série M, sous-série 7, carton 130; série M, sous-série 4, cartons 131—139; série M, sous-série 6, carton 478; AM Toulon, série F, sous-série 1, cartons 4—15bis; série JII, sous-série 1, cartons 5—6];

- циркуляры, приказы, распоряжения префекта и кабинета Префекта по иностранцам в регионе (численность, сведения о трудовой деятельно-

сти, юридическом статусе), общее количество листов — 40 [AD Var, série M, sous-série 4, cartons 99—105];

— личные досье эмигрантов с запросами о получении профессиональной карты предпринимателя, общее количество листов — 22 [AD Var, série S, sous-série 5, carton 159];

— личные досье эмигрантов о выдаче временных видов на жительство и натурализации, общее количество листов — 80 [AD Var, série M, sous-série 7, carton 130; série M, sous-série 4, cartons 131—139; série M, sous-série 6, carton 478].

Кроме того, в архивах встречаются документы, посвященные каким-то специальным событиям, связанными с русскими эмигрантами. Так, например, в фонде «М» из коллекции регионального архива департамента Вар хранятся документы о прибытии русских эмигрантов в Тулон в 1921 году на пароходе «Рион»: переписка префекта, циркуляры Министерства иностранных дел, сведения о членах экипажа, разрешение на проживание в регионе (общее количество листов — 26) [AD Var, série M, sous-série 4, cartons 99, 100].

Интерес для исследователей русской эмиграции также представляют документы фонда «4М» регионального архива департамента Буш-дю-Рон в Марселе, где, помимо ежегодной статистики иностранцев (период с 1925 по 1938 годы, общее количество листов — 32), содержится переписка канцелярии префекта о взаимодействии французской администрации с русскими региональными дипломатическими структурами, а именно с Офисом по делам русских беженцев при бывшем Генеральном консульстве в Марселе [AD Bouches-du-Rhône, série M, sous-série 4, carton 964]. Переписка датируется 1925 годом, когда названная структура была образована, и посвящена вопросам оформления и выдачи временных документов для русских беженцев — нансеновских паспортов. Также стоит упомянуть о совсем небольшой коллекции полицейских рапортов фонда «1М» о функционировании общественных организаций военных эмигрантов (период — с февраля по декабрь 1925 года, общее количество листов — 6) [AD Bouches-du-Rhône, série M, sous-série 1, carton 916—918]. Данные документы представляют собой отчеты французских полицейских о проведении русскими морскими офицерами регулярных собраний. В них содержатся сведения о месте проведения мероприятий, численном составе участников, их поведении и общей обстановке в ходе мероприятия.

Большое значение для реконструкции биографических данных имеют документы органов ЗАГС (свидетельства о рождении, браке и смерти), которые любой исследователь может получить по запросу в мэрии соответствующего города или коммуны, заполнив электронную форму (рис. 1).

Ville de Marseille

Mairie Centrale

République Française

ACTE DE DÉCÈS
Copie Intégrale

conforme au registre détenu par le Service des BMDP et de l'Etat Civil.

IVANOFF

655,- C I
le deux juillet mil neuf cent cinquante trois , à treize heures , est décédé
en son domicile Tr St Charles 17 bis - Alexandre IVANOFF , né à Nicolsieff
(Russie) le Dix décembre mil huit cent soixante quinze , centenaire
Mecanicien , fils de Cyrille IVANOFF et de Klavdia SAPONOFF - Eux de Lydie
BATCHKOVA - Dressé le deux juillet mil neuf cent cinquante trois , à quatorze
heures dix sur la déclaration de Alexis IVANOFF , quarante sept ans
Architecte , 80 Av Colbert Toulon (var) Decture faite Nous - TATILON Paul
Conseiller Municipal , officier de l'Etat Civil par délégation Avez signé
avec lui ,

Conformément au décret n°2017-890 du 6 mai 2017 relatif à l'état civil.

A Marseille, le 29 mai 2018

Marseille - Service des BMDP et de l'Etat Civil, 33 rue Jean François Luca 13233 Marseille Cedex 20

Officier de l'état civil

Gérard TALAT

Рис. 1. Копия свидетельства о смерти генерал-майора флота
А. К. Иванова (10.12.1876 — 02.07.1953),
документ выдан 29 мая 2018 года центральной мэрией г. Марсель

Город Марсель
Город Марсель
Центральная мэрия

Французская республика
СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ

полная копия

в соответствии с записью отдела ЗАГС районного муниципалитета
Ивановф 655, — C I

второго июля тысяча девятьсот шестьдесят третьего года, в тринадцатый часов, скончался в своем доме по адресу Сен-Шарль, 17 бис, Александр Ивановф, род. в Николаеве (Россия) десятого декабря тысяча восемьсот семьдесят пятого года, капитан-механик, родители Кирилл Ивановф и Клавдия Сафонофф, супруга Лидия Дьячкова, составлено второго июля тысяча девятьсот шестьдесят третьего года в четырнадцать часов десять минут по заявлению Алексиса Ивановф, сорока семи лет, архитектора, проживающего по адресу 80, авеню Жильбер, Тулон (Var), про-

читано нами Полем Татийон, муниципальным советником, сотрудником органа записи актов гражданского состояния в рамках делегированных полномочий.

Подписи: неразборчиво

В соответствии с декретом № 2017-890 от 6 мая 2017 года.

Марсель, 29 мая 2018 г.

Сотрудник отдела ЗАГС
Жерар Тала
Печать

Марсель — Отдел ЗАГС районного муниципалитета,
33, ул. Жан-Франсуа Лека, 13233, Марсель, круглосут. почт. обл. 20
(пер. с фр. наш. — М. Р.).

В региональном архиве департамента Приморские Альпы хранятся материалы фонда «4М», посвященные отчетности и функционированию русских эмигрантских объединений, которые раскрывают подробности общественной жизни русских эмигрантов в регионе (общее количество листов — 205) [AD Alpes Maritimes, série M, sous-série 4, cartons 338, 340, 341, 343, 344, 346, 357, 365]. Коллекция содержит архивы русских военных, гражданских, творческих и молодежных ассоциаций: уставные документы, переписку с французской администрацией, сведения об организации мероприятий (табл. 1).

В фонде «10R» содержатся документы Комитета помощи российским беженцам в Ницце и Каннах и Комитета помощи русским военнопленным, участникам Первой мировой войны (общее количество листов — 230) [AD Alpes Maritimes, série R, sous-série 10, cartons 200, 226, 227—228]. Документы подробно описывают деятельность данных общественных организаций, инструкции и законодательные акты, на основании которых они вели свою работу, их взаимодействие с французской администрацией и виды предлагаемой помощи. Так, например, благодаря этой документальной коллекции мы можем узнать списки и точный размер денежных пособий, назначаемых Комитетом помощи российским беженцам в Ницце в 1919—1920 годах [AD Alpes Maritimes, série R, sous-série 10, carton 226]. Комитет помощи русским военнопленным, участникам Первой мировой войны также оказывал адресную финансовую помощь нуждающимся: в деле 200 фонда «10R» находятся поименные книги получателей с подробными анкетами, описанием материального положения на момент полу-

Таблица 1

**Общественные организации русских эмигрантов в Ницце
по документам департаментского архива региона Приморские Альпы.**

Составлено автором по данным: AD Alpes Maritimes. Série M. Sous-série 4.

Cartons 338, 340, 341, 343, 344, 346, 357, 365.

№	Название	Год	Направлен- ность	Состав документов
1.	Общество друзей русского музея (Société des amis du musée russe)	1932	Культура	Циркуляр о создании ассоциации, Устав ассоциации, список учредителей
2.	Союз русских организаций Ниццы и ее окрестностей) Union des organisations russes à Nice et ses environs	1932	Общественные инициативы, взаимопомощь	Циркуляр о создании ассоциации, Устав ассоциации, список учредителей
3.	Ассоциация русских инвалидов-ветеранов во Франции) Association des grands mutilés combattants russes en France, региональное отделение	1932	Военная, взаимопомощь	Циркуляр о создании ассоциации, Устав ассоциации, список учредителей, квитанции об оплате членских взносов, переписка с мэрией и префектурой
4.	Ассоциация русских христианских рабочих региона Ниццы (Association des travailleurs chrétiens russes de la région de Nice)	1932	Защита профессиональных интересов, взаимопомощь	Циркуляр о создании ассоциации, Устав ассоциации, список учредителей
5.	Союз взаимопомощи русских офицеров, участников Первой мировой войны (Union de secours mutuel tous les officiers russes combattants de la Grande Guerre)	1935	Военная, взаимопомощь	Циркуляр о создании ассоциации, Устав ассоциации, список учредителей, переписка с префектурой
6.	Комитет русских политических эмигрантов (Comité des émigrés politiques russes)	1923	Общественные инициативы, взаимопомощь	Циркуляр о создании ассоциации, Устав ассоциации, список учредителей
7.	Общество помощи в трудовой деятельности русским эмигрантам на Лазурном берегу (Société de secours par le travail aux émigrés russes de la Côte d'Azur)	1923	Защита профессиональных интересов, взаимопомощь	Циркуляр о создании ассоциации, Устав ассоциации, список учредителей

Окончание табл. 1

№	Название	Год	Направленность	Состав документов
8.	Союз русских инвалидов-ветеранов Первой мировой войны в Ницце и на Лазурном берегу (Union des combattants russes mutilés de la Grande Guerre à Nice et sur la Côte d'Azur)	1935	Военная, взаимопомощь	Циркуляр о создании ассоциации, Устав ассоциации, список учредителей
9.	Общество помощи русским школам в Ницце (Société de secours aux écoles russes de Nice)	1935	Образование	Циркуляр о создании ассоциации, Устав ассоциации, список учредителей, переписка с префектурой
10.	Американский комитет помощи русским беженцам на юге Франции (Comité américain pour le secours au réfugiés russes du Sud de la France)	1935	Социальная помощь	Циркуляр о создании ассоциации, Устав ассоциации, список учредителей
11.	Союз русских рабочих юга Франции (Union des ouvriers russes du Midi de la France)	1925	Защита профессиональных интересов, взаимопомощь	Циркуляр о создании ассоциации, Устав ассоциации, список учредителей, полицейские отчеты о деятельности союза, публикации в СМИ
12.	Ассоциация «Кружок» (Association amicale « Kroujok »)	1925	Образование и культура	Циркуляр о создании ассоциации, Устав ассоциации, список учредителей, переписка с префектурой
13.	Русский артистический союз на Ривьере (Union artistique russe de la Riviera)	1927	Культура	Циркуляр о создании ассоциации, Устав ассоциации, список учредителей, афиша мероприятий

чения помощи и динамикой финансовой ситуации [AD Alpes Maritimes, série R, sous-série 10, carton 200].

Фонды «03U02» хранят судебные записи о преступлениях, совершенных в отношении или с участием русских беженцев (общее количество листов — 216) [AD Alpes Maritimes, série 03U, sous-série 02]. В составе фонда находим документы Суда первой инстанции г. Грасс с описанием различ-

ных действий процессуального характера, среди которых содержатся досье об ограблении с участием группы русских беженцев, один из которых, Адам Жукин, был потерпевшим и выдвигал обвинения против русских соседей, в частности, против своего компаньона Степана Евдокимова. Несмотря на кажущуюся простоту преступления и улики против Евдокимова, французская полиция провела весь необходимый перечень следственных мероприятий и доказала невиновность последнего.

3. Коллекции ведомственных архивов

Архив Центрального французского агентства по делам беженцев и апатридов обладает уникальной коллекцией административных документов, благодаря которой становится возможным не только изучить юридические вопросы иммиграционного процесса, но и подробно восстановить биографические сведения о русских эмигрантах, проживавших во Франции [Archives OFPRA. Dossiers de demande de naturalisation des réfugiés russes. Non-côtées, 1930].

Упомянутая коллекция документов представляет собой русскоязычную картотеку личных дел русских беженцев. Картотека была открыта и введена в научный оборот французской исследовательницей Катрин Гусефф, которая работала с ней при подготовке своей докторской диссертации [Гусефф, 2014]. Подавляющее большинство документов архива — запросы о натурализации и нансеновские паспорта (рис. 2), созданные Управлением Верховного комиссара Лиги Наций по делам российских беженцев в 1922 году.

Рис. 2. Нансеновский паспорт русского эмигранта, капитана 1 ранга Б. П. Казмичева

В настоящее время руководство архива старается содействовать научным исследованиям по истории русского беженства, ведется оцифровка документальной коллекции. Объективными сложностями при работе с данной картотекой следует назвать, во-первых, особый статус ведомственного архива и, как следствие, затрудненный доступ исследователей к документам, а также отсутствие научно-справочного аппарата русской картотеки, связанное, безусловно, с необходимостью преодоления языкового барьера французскими архивистами.

Помимо уже сказанного выше, для реконструкции биографий русских эмигрантов могут быть использованы различные фонды других ведомственных архивов. Незначительная по объему, но очень интересная по составу коллекция по истории русской морской эмиграции хранится в архиве Торгово-промышленной палаты Марселя (общее количество листов — 108) [Archives CCIM, Série L, Journaux de campagnes d'Odessa, d'Affon, de Jérusalem]. Содержание фонда «L» посвящено истории известной французской компании «Морской Курьер» («Мессажери Маритим»), которая после окончания Гражданской войны в России приступила к покупке и последующему использованию некоторых судов российского торгового флота. Русские суда использовались как пассажирские транспорты на постоянных линиях между Марселем и Индокитаем. Из документов мы узнаем, что компания также нанимала на службу русских морских офицеров, проживавших в Марселе. Капитаном судна, как правило, назначался французский офицер, а старшим помощником — русский; он же получал право формирования «русской части» команды. Стандартный судовый журнал содержит различные сведения о судне и экипаже: общие сведения о маршруте и его прохождении, список членов экипажа, состояние здоровья и санитарная обстановка, данные о заболевших и умерших, данные о пассажирах, данные о перевозимых грузах, финансовые расходы, техническое состояние судна, данные о русских членах экипажа, данные о французских членах экипажа, запасы угля и его расход, отчеты об организации питания, особые примечания. Наибольший интерес для исследователя эмигрантских судеб представляют разделы судовых журналов и отчеты офицеров, в которых мы находим свидетельства о составе и повседневной жизни смешанных русско-французских экипажей. Подобные документы дают возможность восстановить ценные детали службы моряков-изгнанников во французской компании.

Безусловный интерес для темы представляют архивные коллекции университетов, библиотек и общественных организаций. Так, например, для анализа общественной деятельности эмигрантов полезны отдельные материалы фондов университетской научной библиотеки «Современность»,

где находятся на хранении документы о деятельности Морского собрания в Париже [La Contemporaine, F/DELTA/RES/0917///Chemises 1—10, fonds Savelieff Serguey. Foyer des Anciens officiers de la Marine russe, 1950—1970]. Речь идет о документах личного фонда Сергея Савельева. Представитель «молодого поколения» русских моряков-эмигрантов, выпускник кадетской школы в Бизерте, Савельев сохранил материалы, связанные с деятельностью Ассоциации бывших офицеров Императорского флота России в Париже: именные списки членов ассоциации, отчеты об организации встреч и праздничных мероприятий. Эти архивы важны для нас, поскольку они позволяют проследить жизненно важные перипетии молодых российских моряков после их переезда во Францию: выбор профессии, военная служба, членство в ассоциативных организациях.

Ассоциация «Французские линии и компании» — это государственное учреждение в сфере культурного сотрудничества, созданное в 2017 году городом Гавр и регионом Нормандия. Её целью является сохранение и укрепление истории и наследия торгового флота, его компаний и портов. Ассоциация управляет архивными фондами «Национальной морской компании» (CGM), «Национального общества корсиканского Средиземноморья» (SNCM), которые являются «потомками» таких предприятий, как «Национальная трансатлантическая компания» и компания «Мессажери Маритим». С 1 апреля 2018 года ассоциация открыла доступ к архивам для исследователей на своей новой площадке в Гавре. Часть коллекций представляет собой картотеку дел личного состава судовых команд, описывает особенности найма и обучения экипажей. Данные документы представляют особый интерес для изучения возможных условий сотрудничества французских предприятий и русских офицеров-эмигрантов в исследуемый период.

С 2000 года в Марселе работает ассоциация «Анкраж», специалисты которой занимаются сохранением исторического наследия мигрантов в городе и выступают за включение истории миграции в национальное достояние. Многие инициативы «Анкраж» направлены на то, чтобы собрать, сохранить и распространить воспоминания об иммиграции в образовательной среде всех уровней. Документальные ресурсы ассоциации — это более 4000 единиц хранения междисциплинарных справочных материалов, тематический документальный фонд по истории миграций в регионе Марсель и Южный Прованс. С точки зрения истории русской военно-морской эмиграции интерес представляет поиск и использование архивов, в том числе визуальных, связанных с историей эмигрантских районов и кварталов в Марселе в межвоенный период, таких как русский лагерь в Камп-Юго и русские бараки в лагере Оддо.

Что касается архивов и документов религиозных ассоциаций, то в изучаемом регионе стоит обратить внимание прежде всего на архив русской церкви Вознесения в г. Тулон, архив русской церкви Михаила Архангела в г. Канны, архив русской православной ассоциации при Свято-Николаевском соборе в г. Ницца. Приходские архивы содержат многочисленные и разнообразные сведения не только о жизни храма и организации церковной жизни, но и данные о прихожанах: метрики о рождении детей, исповедальные книги, приходские регистры, брачные обыски, клировые ведомости [AP de l'Eglise de la Résurrection de Toulon. Non côtéées, 1929—1938]. Изучение документов приходских архивов дает возможность проследить изменения в социально-профессиональной жизни эмигрантов, их гражданский статус, внутренние связи между членами прихода, общественные, культурные инициативы и мемориальные практики прихожан.

4. Заключение

Итак, русская эмиграция считается во Франции малочисленной иммиграционной волной, проблемами её изучения занят очень узкий круг исследователей, её вклад и значение в развитие экономики, культуры, истории регионов не исследован и не осмыслен полноценно.

В связи с этим возникает проблема поиска архивов, так как на сегодняшний день даже в среде профессиональных французских историков и архивистов распространено мнение об отсутствии значимого архивного следа, связанного с историей данной иммиграционной волны. При работе в самих архивах исследователь сталкивается с новой проблемой — отсутствием, за редким исключением, выделенных тематических коллекций, поэтому архивные поиски требуют не только большой настойчивости, но и знания особенностей и правил комплектации фондов.

Именно поэтому для нас очень важны найденные документы региональных, а не только центральных архивов. Достаточное количество и исследовательский потенциал описанных документальных комплексов имеют значение не только потому, что они помогают составить формальные сведения о составе русских колоний в регионе южной Франции (численность, возраст, половозрастной состав), но также дают возможность исследования и построения индивидуальных биографических траекторий эмигрантов: расселение и миграции внутри региона, эволюция и трансформация социально-профессионального статуса, организация повседневной жизни в городе, освоение городского пространства, жилищные условия, участие в общественной деятельности.

Возможные перспективы и дальнейшие направления работы связаны с изучением документальных комплексов ведомственных и узкопрофиль-

ных архивов в регионе, например, таких, как архивы Торгово-промышленной палаты департамента Вар в Тулоне, где могли сохраниться документы, связанные с обращениями русских офицеров-эмигрантов, или сведения об их профессиональной деятельности. Важно обратить внимание на муниципальные архивы небольших городов департамента Приморские Альпы. В конце 1920 — середине 1930-х годов в этом регионе было значительное количество русских сельскохозяйственных ферм, организованных моряками-эмигрантами в рамках программы предпринимательства военно-морского агента в Париже [Рудковская, 2020]. В локальных архивах можно почерпнуть сведения об организации ими хозяйственной жизни, участии в местных агрикультурных инициативах или профессиональных ассоциациях фермеров [AM Antibes, série 3F, sous-série 7, Société d'horticulture du canton d'Antibes, 1912—1935].

Безусловный интерес также представляют архивы русских и французских общественных организаций, частные, семейные и университетские архивные коллекции, где часто хранятся уникальные личные документы эмигрантов, их воспоминания, дневниковые записи, их использование и введение в научный оборот имеет большое значение для исследователя эмигрантских биографий.

Источники и принятые сокращения

1. AD Alpes Maritimes — *Archives départementales des Alpes Maritimes*. Série M. Sous-série 4. Cartons 338, 340, 341, 343, 344, 346, 357, 365.
2. AD Alpes Maritimes — *Archives départementales des Alpes Maritimes*. Série R. Sous-série 10. Carton 228.
3. AD Alpes Maritimes — *Archives départementales des Alpes Maritimes*. Série 03U. Sous-série 02.
4. AD Bouches-du-Rhône — *Archives départementales des Bouches-du-Rhône*. Série M. Sous-série 4. Carton 964.
5. AD Bouches-du-Rhône — *Archives départementales des Bouches-du-Rhône*. Série M. Sous-série 1. Carton 916—918.
6. AD Var. — *Archives départementales du Var*. Série M. Sous-série 4. Cartons 99—105, 131—139.
7. AD Var. — *Archives départementales du Var*. Série M. Sous-série 6. Carton 478.
8. AD Var. — *Archives départementales du Var*. Série M. Sous-série 7. Carton 130.
9. AD Var. — *Archives départementales du Var*. Série Z. Carton 57—58. Rapports et statistiques policiers. 1922—1939.
10. AM Antibes — *Archives municipales d'Antibes*. Série 3F. Sous-série 7. Société d'horticulture du canton d'Antibes. 1912—1935.
11. AM Toulon — *Archives municipales de Toulon*. Série 8. Sous-série 1. Cartons 4—15bis. Recensements de population. 1921—1946.
12. AM Toulon — *Archives municipales de Toulon*. Série F. Sous-série 1. Cartons 4—15bis.

13. AM Toulon — *Archives municipales de Toulon*. Série JII. Sous-série 1. Cartons 5—6.
14. AP de l'Eglise — *Archives paroissiales de l'Eglise de la Résurrection de Toulon*. Ensemble des archives paroissiales. Non cotées, non datées. 1928—1938.
15. Archives CCIM — *Archives de la Chambre de Commerce et d'Industries Marseille*. Série L. Journaux de campagnes d'Odessa, d'Affon, de Jérusalem.
16. Archives OFPRA — *Archives de l'Office français pour les réfugiés et les apatrides*. Dossiers de demande de naturalisation des réfugiés russes. Non-cotées. Années 1930.
17. La Contemporaine — *Bibliothèque*, archives, musée des mondes contemporains. F/ DELTA/RES/0917///Chemises 1—10. Fonds Savelieff Serguey. Foyer des Anciens officiers de la Marine russe. Années 1950—1970.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гусефф К. Русская эмиграция во Франции: социальная история (1920—1939 годы) / К. Гусефф. — Москва : Новое литературное обозрение, 2014. — 328 с.
2. Пивовар Е. И. Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии / Е. И. Пивовар. — Москва : РГГУ, 2008. — 545 с.
3. Рудковская М. М. Пять тысяч франков для русского офицера: программа военно-морского предпринимательства во Франции в 1921—1925 гг. / М. М. Рудковская // Деньги в российской истории. Вопросы производства, обращения, бытования : сборник материалов Третьей международной научной конференции. — Санкт-Петербург : Госзнак, 2020. — С. 271—277.
4. Рудковская М. М. Русская военная эмиграция в Тулоне в 1920—1930-е гг.: проблемы адаптации и интеграции : диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук / М. М. Рудковская. — Брянск, 2019. — 243 с.

MATERIAL RESOURCES

- AD Alpes Maritimes — *Archives départementales des Alpes Maritimes*. Série M. Sous-série 4. Cartons 338, 340, 341, 343, 344, 346, 357, 365. (In French).
- AD Alpes Maritimes — *Archives départementales des Alpes Maritimes*. Série R. Sous-série 10. Carton 228. (In French).
- AD Alpes Maritimes — *Archives départementales des Alpes Maritimes*. Série 03U. Sous-série 02. (In French).
- AD Bouches-du-Rhône — *Archives départementales des Bouches-du-Rhône*. Série M. Sous-série 4. Carton 964. (In French).
- AD Bouches-du-Rhône — *Archives départementales des Bouches-du-Rhône*. Série M. Sous-série 1. Carton 916—918. (In French).
- AD Var. — *Archives départementales du Var*. Série M. Sous-série 4. Cartons 99—105, 131—139. (In French).
- AD Var. — *Archives départementales du Var*. Série M. Sous-série 6. Carton 478. (In French).
- AD Var. — *Archives départementales du Var*. Série M. Sous-série 7. Carton 130. (In French).
- AD Var. — *Archives départementales du Var*. Série Z. Carton 57—58. Rapports et statistiques policiers. 1922—1939. (In French).
- AM Antibes — *Archives municipales d'Antibes*. Série 3F. Sous-série 7. Société d'horticulture du canton d'Antibes. 1912—1935. (In French).
- AM Toulon — *Archives municipales de Toulon*. Série 8. Sous-série 1. Cartons 4—15bis. Recensements de population. 1921—1946. (In French).

- AM Toulon — *Archives municipales de Toulon*. Série F. Sous-série 1. Cartons 4—15bis. (In French).
- AM Toulon — *Archives municipales de Toulon*. Série JII. Sous-série 1. Cartons 5—6. (In French).
- AP de l'Eglise — *Archives paroissiales de l'Eglise de la Résurrection de Toulon*. Ensemble des archives paroissiales. Non cotées, non datées. 1928—1938. (In French).
- Archives CCIM — *Archives de la Chambre de Commerce et d'Industries Marseille*. Série L. Journaux de campagnes d'Odessa, d'Affon, de Jérusalem. (In French).
- Archives OFPRA — *Archives de l'Office français pour les réfugiés et les apatrides*. Dossiers de demande de naturalisation des réfugiés russes. Non-cotées. Années 1930. (In French).
- La Contemporaine — *Bibliothèque, archives, musée des mondes contemporains*. F/DELTA/RES/0917///Chemises 1—10. Fonds Savelieff Serguey. Foyer des Anciens officiers de la Marine russe. Années 1950—1970. (In French).

REFERENCES

- Guseff, K. (2014). *Russian emigration in France: social history (1920—1939)*. Moscow: New literary review 328 p. (In Russ.).
- Pivovarov, E. I. (2008). *Russian Diaspora: Socio-Historical Phenomenon, Role and Place in Cultural-Historical Heritage*. Moscow: RGGU. 545 p. (In Russ.).
- Rudkovskaya, M. M. (2019). *Russian military emigration in Toulon in 1920—1930s: problems of adaptation and integration*. PhD Diss. Bryansk. 243 p. (In Russ.).
- Rudkovskaya, M. M. (2020). Five thousand francs for a Russian officer: the program of naval entrepreneurship in France in 1921—1925. In: *Money in Russian history. Issues of production, circulation, existence: collection of materials of the Third International Scientific Conference*. St. Petersburg: Gosznak. 271—277. (In Russ.).

Симоненко Е. С. Сэм Хьюз и мобилизация канадских добровольцев для участия в войне (август 1914 — октябрь 1915) / Е. С. Симоненко // Научный диалог. — 2021. — № 12. — С. 429—443. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-429-443.

Symonenko, E. S. (2021). Sam Hughes and Mobilization of Canadian Volunteers for War (August 1914 — October 1915). *Nauchnyi dialog*, 12: 429–443. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-429-443. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-429-443

**Сэм Хьюз и мобилизация
канадских добровольцев
для участия в войне
(август 1914 — октябрь
1915)**

Симоненко Екатерина Сергеевна
orcid.org/0000-0001-7329-5346
кандидат исторических наук, доцент
межинститутская кафедра
естественно-научных и
социально-гуманитарных дисциплин
eka-1982.82@mail.ru

Приморская государственная
сельскохозяйственная академия
(Уссурийск, Россия)

**Sam Hughes and Mobilization
of Canadian Volunteers for
War (August 1914 — October
1915)**

Ekaterina S. Symonenko
orcid.org/0000-0001-7329-5346
PhD in History, Associate Professor, Inter-
Institutional Department
of Natural Sciences and Social
and Humanitarian Disciplines
eka-1982.82@mail.ru

Primorskaya State
Agricultural Academy
(Ussuriysk, Russia)

© Симоненко Е. С., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Рассматривается процесс мобилизации канадских добровольцев, проводимый министром милиции Сэмом Хьюзом в годы Первой мировой войны. Хронологические рамки ограничены датами вступления Канады в войну (4 августа 1914 года) и окончанием активной фазы мобилизации канадских добровольцев (октябрь 1915 года) в связи с первыми симптомами кризиса комплектования армии. Актуальность исследования обусловлена недостаточной изученностью специфики мобилизационной активности Канады в годы Первой мировой войны. Впервые формулируются представления и анализируется деятельность министра милиции С. Хьюза в процессе мобилизации канадских войск в годы войны. Источниками для исследования послужили канадские историко-статистические сборники, а также собрание официальных документов канадского правительства и публикации канадской федеральной и провинциальной прессы за два военных года (1914—1915 годы). Прослеживается представления С. Хьюза по вопросу участия Канады в войне и его деятельность в области комплектования добровольческой армии (1914—1915 годы). Доказывается, что решительный характер С. Хьюза и авторитарный стиль его руководства предопределили характер канадской мобилизации. Фактически она вышла из-под контроля британских властей вследствие отказа министра от официального мобилизационного плана, предусматривавшего слишком медленные темпы комплектования войск. Таким образом, личные усилия С. Хьюза по организации процесса мобилизации способствовали ее полному успеху.

Ключевые слова:

история Канады; Первая мировая война; Сэм Хьюз; министр милиции; мобилизация; канадские добровольцы.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The process of mobilization of Canadian volunteers, carried out by the Minister of Militia Sam Hughes during the First World War, is considered. The chronological framework is limited by the dates of Canada's entry into the war (August 4, 1914) and the end of the active phase of the mobilization of Canadian volunteers (October 1915) in connection with the first symptoms of the army manning crisis. The relevance of the study is due to insufficient knowledge of the specifics of Canada's mobilization activity during the First World War. For the first time, ideas are formulated and the activities of the Minister of Militia S. Hughes in the process of mobilizing Canadian troops during the war years are analyzed. The sources for the study were Canadian historical and statistical collections, as well as a collection of official documents of the Canadian government and publications of the Canadian federal and provincial press for two military years (1914—1915). The article traces the views of S. Hughes on the issue of Canada's participation in the war and his activities in the field of recruiting the volunteer army (1914—1915). It is proved that the decisive character of S. Hughes and the authoritarian style of his leadership predetermined the nature of the Canadian mobilization. In fact, it got out of the control of the British authorities due to the minister's refusal from the official mobilization plan, which provided for a too slow pace of manning. Thus, the personal efforts of S. Hughes to organize the process of mobilization contributed to its complete success.

Key words:

history of Canada; World War I; Sam Hughes; Minister of Militia; mobilization; Canadian volunteers.

Сэм Хьюз и мобилизация канадских добровольцев для участия в войне (август 1914 — октябрь 1915)

© Симоненко Е. С., 2021

1. Введение

4 августа 1914 года в семь часов вечера Канада, будучи доминионом Британской империи, вступила в войну после того, истек срок британского ультиматума, и премьер-министр Великобритании Г. Асквит объявил Германии войну. В то время общее руководство доминионом осуществляло находившееся у власти с осени 1911 года консервативное правительство во главе с Р. Борденом. Ядром военного управления было действовавшее при правительстве министерство милиции и обороны во главе с полковником Сэмюэлем (более известным как «Сэм») Хьюзом. Именно от него во многом зависело, насколько оперативно и в каком объеме Канада выполнит свои военные обязательства по отношению к метрополии.

Цель данной работы — проанализировать представления и деятельность министра милиции и обороны Канады С. Хьюза по мобилизации канадских добровольцев в годы Первой мировой войны (август 1914 — октябрь 1915 годов). Для реализации поставленной цели автор обращается к обширному кругу источников. Основу источниковой базы составляют историко-статистические сборники под редакцией Дж. Кастеля Хопкинса за 1914—1916 годы, в которых содержатся выдержки военных речей С. Хьюза, цитаты из канадской прессы, статистика мобилизационной активности. Собрание официальных правительственных документов, изданных в доминионе в годы войны в 4-х томах (DREW), содержат тексты законодательных актов, приказов и распоряжений Тайного совета, официальных объявлений и уведомлений, сопровождавших процесс мобилизации канадских добровольцев. Их дополняют публикации канадской федеральной и провинциальной прессы, позволяющей проследить подробности мобилизационной активности С. Хьюза в 1914—1915 годы. Наконец, в работе используются источники публицистического характера, которые включают политические обзоры, издававшиеся в годы войны британским движением «Круглого стола». В них содержатся факты, иллюстрирующие состояние канадской армии в годы войны.

2. Представления С. Хьюза о войне

Самыми напряженными для министра милиции стали первые месяцы войны: на него была возложена «титаническая» задача — в кратчайшие

сроки мобилизовать добровольческую армию в стране, которая никогда не содержала значительных вооруженных сил и не отличалась «воинственным духом». Армию нужно было не только создать, но и обеспечить вооружением и боевой техникой, снаряжением и связью, наладить медицинское обслуживание. Солдат необходимо было одеть, обуть и накормить. Наконец, воинские контингенты следовало транспортировать через всю Атлантику на британские острова. По свидетельству современников, трудности были колоссальными: «Не было ни армейских сапог, ни мундиров, ни лошадей, ни средств на ведение войны» [Black, 1915, p. 38].

С. Хьюз в полной мере осознавал сложность стоявших перед ним задач, но трудностей не боялся. За три предвоенных года на посту министра он проявил себя решительным реформатором, попытавшись создать в Канаде так называемую «демократическую армию», которая в случае опасности могла защитить территорию доминиона и оказать помощь метрополии. Залогом успеха такой гражданской армии он считал прохождение каждым добровольцем специального курса воинской подготовки. «Я предпочту, говорил министр на одном из своих выступлений, иметь дело с сотней обученных солдат, чем с десятью тысячами необученных патриотов» [CAR 1916, p. 256]. Инициатива С. Хьюза по реформированию канадской милиции вызвала в волну критики в среде не только политических оппонентов министра, но и его партийных сторонников, которые расценивали ее как попытку «милитаризации страны». Многие сравнивали его с идеологом германского милитаризма Фридрихом фон Бернхарди [Black, 1915, p. 39].

Став министром и разобравшись в хитросплетениях европейской внешней политики, С. Хьюз пришел к выводу, что неизбежным и естественным выходом из сложившегося положения являлась война между союзниками по Антанте и Германией. Когда шла последняя стадия дипломатических переговоров, он признался в том, что «испытывал страх», что Англия найдет какой-нибудь повод избежать войны. Он заявил, что выступает против всего, что «имеет привкус тирании», именно поэтому Канада обязана сражаться с Германией, так как последняя «пытается установить тиранию во всем мире» [CAR 1915, p. 187]. «Если Германия победит, не устал повторять он в своих выступлениях перед новобранцами, мы станем рабами» [Red Deer News, 1914, 19 Aug., p. 1]. В знак протеста против того, что метрополия колеблется вступать в войну, 3 августа 1914 года он приказал демонтировать британский флаг с крыши канадского штаба милиции [Freeman et al., 1999, p. 8]. «Юнион Джек» был спущен и оставался внизу в течение целого часа, пока более «холодные головы» не убедили министра милиции, что чести империи ничто не угрожало [Allen, 1961, p. 62]. Когда в полночь 4 августа 1914 года истек срок британского ультиматума

и Великобритания приняла решение объявить войну Германии, С. Хьюз был «вне себя от радости» [Ibid., p. 9]. Современники констатировали, что он был империалистом в теории, но патриотом на практике, настаивая на том, чтобы Канада несла ответственность по своим обязательствам в отношении метрополии, но делала это по собственному канадскому пути без вмешательства извне [Hopkins, 1919, p. 65].

3. Начало мобилизации канадских добровольцев

Спустя два дня после начала войны министр объявил всеобщую мобилизацию добровольцев [DREW, № 274, p. 535—536], которая предполагала все необходимые мероприятия, чтобы «вывести войска из мирного состояния в боевое, укомплектовать их людьми, животными, снаряжением и запасами» [Lang, 1916, p. 64]. Еще до войны (июль 1911 года — август 1914 года) канадская секция Имперского генерального штаба разработала мобилизационный план, по которому Канада в случае войны в Европе должна была направить на британские острова пехотную дивизию и конную бригаду общей численностью 25 тыс. человек [Stanley, 1954, p. 306—309]. По предвоенному мобилизационному плану набор должен был осуществляться в пунктах добровольного набора, открытых по всему доминиону. Однако в процессе комплектования первого контингента С. Хьюз решил действовать в обход британского армейского командования и мобилизационного плана. 8 августа 1914 года он подписал приказ, согласно которому каждый пехотный батальон, входивший в состав канадской милиции, должен был отправить в военно-тренировочный лагерь Валкартье в окрестностях Квебека одну или две роты добровольцев. Когда о «самоуправстве» министра стало известно имперским властям, он в свое оправдание сообщил, что, во-первых, ничего не знал о мобилизационном плане; во-вторых, тот способ мобилизации, который он предлагал, позволял набрать намного больше солдат, чем планировали в Лондоне. Объяснения С. Хьюза не удовлетворили его оппонентов. Они были удивлены тем, что, находясь на посту министра почти три года, он ни разу не поинтересовался наличием мобилизационного плана на случай войны. Более того, они задавались естественным вопросом, почему канадская секция Имперского генерального штаба не поставила в известность министра о существовании такого плана. Однако эти вопросы остались без ответа [Radley, 2000, p. 21].

В ходе вербовки первого контингента министр С. Хьюз совершал поездки по крупным канадским городам и произносил патриотические речи перед новобранцами. Так, 14 августа 1914 года, выступая на Марсовом поле перед 1 тыс. добровольцев монреальского гарнизона, он с уверенностью заявил, что «если Германия преуспее в этой войне, Бельгия и Голлан-

дия, а возможно, и Дания, будут аннексированы; Великобритания станет второразрядной державой; Франция будет стерта с лица земли, и мы, по всей вероятности, станем подданными той нации, которая отказывает людям в той мере свободы, которой они должны пользоваться. Но в намерения канадцев не входит превращение в рабов. Все мы знаем, что на карту поставлена наша свобода, и мы, канадцы, готовы выполнить свой долг» [Red Deer News, 1914, 19 Aug., p. 1].

Так или иначе, С. Хьюзу удалось в рекордно короткие сроки сформировать, обучить и отправить на британские острова первый канадский контингент, состоявший из пехотной дивизии и кавалерийской бригады общей численностью 32,5 тыс. человек [The Canadians..., 1967, p. 168]. Спустя семьдесят один день после объявления войны канадцы прибыли в порт английского города Плимут [Vince, 1954, p. 359]. По статистике, представленной самим министром, к 5 октября 1914 года под ружьем находилось уже 44 тыс. канадцев, включая добровольцев первого контингента, 1-тыс. гарнизон, несший службу на Бермудах, и 10-тыс. гарнизон Галифакса, Квебека и других канадских портов. Помимо этого, в доминионе проходили курс военного обучения 20-тыс. отряды местной обороны, которые в случае необходимости могли пополнить ряды добровольцев [The Edmonton Bulletin, 1914, 6 Oct., p. 1].

В процессе формирования первой дивизии министру С. Хьюзу поступило предложение от командующего британской армией Г. Китченера — расформировать единый канадский контингент и направить отдельные отряды в качестве подкреплений на усиление британских полков. Однако С. Хьюз высказался категорически против этой инициативы, заявив: «Наши силы, под руководством выбранных нами офицеров, должны находиться на фронте под командованием британского главнокомандующего, однако назначение офицеров и контроль всего, что связано с войсками, находящимися в Британии, должны полностью принадлежать Канаде» [Bovey, 1936, p. 12].

В местной прессе успехи С. Хьюза оценивались неоднозначно. Одни издания считали его самым компетентным и эффективным министром милиции за всю историю Канады. «Его энергия, его военный опыт, его решительность и бесстрашие, — писала «Оттава Фри Пресс», — являются бесценными качествами в настоящее время» [CAR 1915, p. 193]. Другие продолжали критиковать как самого С. Хьюза, так и его достижения, считая их слишком преувеличенными. Главным обвинителем министра стала крупнейшая канадская газета «Торонто Глоуб», которая в серии статей решительно осудила его «титанические усилия» по мобилизации канадской армии. Она характеризовала С. Хьюза как «безумного военного», который устраивал военные

учения «летом и зимой, днем и ночью, в дождь или в ясную погоду». «Страна может подумать, добавляла она, что он играет в солдатики». Наконец, министр был обвинен в излишних расходах на военные цели: «достопочтенный полковник Сэм тратит с трудом заработанные канадские деньги. Он рекордсмен первой величины» [Red Deer News, 1914, 23 Sept., p. 4]. Противоположные оценки в прессе отражали состояние канадского общественного мнения, где, по меткому выражению канадского историка, министр С. Хьюз вызвал почти такое же почитание, как король Георг V, и такую же враждебность, как кайзер «Билл» [Allen, 1961, p. 15].

4. Стиль руководства С. Хьюза

Индивидуальность С. Хьюза в полной мере проявилась в стиле его руководства, который стал камнем преткновения и одной из главных причин краха его военно-политической карьеры. Стремясь сконцентрировать всю полноту власти в своих руках, министр никогда не советовался со своими коллегами по министерству и кабинету, предпочитая принимать единоличные решения, вследствие чего был обвинен в авторитарности и отсутствии такта, эмоциональной несдержанности и крайнем тщеславии. Его оппоненты приводили в пример тот факт, что 21 октября 1914 года С. Хьюз продвинулся по службе весьма неожиданным способом: чин генерал-майора он присвоил себе сам. Они даже переделали всем известную пословицу «человек предполагает, а Бог располагает» следующим образом: «Хьюз — предполагает, Хьюз — располагает» [Ibid]. Взрывной характер министра и авторитарный стиль руководства закрепили за ним славу «деспотичного правителя армией», который распоряжался ею «железной рукой диктатора» и «убедил некоторых своих коллег по кабинету, что он был, по крайней мере, наполовину сумасшедшим» [Allen, 1961, p. 15]. Поразительно, но, по свидетельству современников, министр не обращал никакого внимания на то, ругали его или хвалили. Такое безразличие удивляло многих, но именно оно позволяло С. Хьюзу прямо идти к своей цели, не отвлекаясь на «досужие» разговоры. В итоге осенью 1914 года в возрасте шестидесяти одного года после успешной отправки в Англию первого канадского контингента он вышел на пик своей карьеры, в то время как многие его «сверстники» давно ушли на покой [Hughes, 1950, p. 37].

При С. Хьюзе была введена практика личного контроля министра за состоянием и содержанием канадских вооруженных сил. Он устраивал регулярные инспекционные туры по военно-тренировочным лагерям, не ограничиваясь при этом территорией доминиона. Так, например, в октябре 1914 года министр предпринял поездку в Великобританию, чтобы проинспектировать первую канадскую дивизию и условия ее пребывания на британских остро-

вах. Британское военное руководство снисходительно отнеслось к такой «проверке», но в кулуарах шептались, что министр опять вышел за рамки дарованных ему полномочий. По прибытии в Англию канадские отряды автоматически переходили под контроль британских властей, которые несли ответственность за их состояние и содержание. Такой «тотальный» контроль со стороны канадского министра милиции над вверенной ему армией стал предметом острых дебатов не только в метрополии, но и в доминионе, что впоследствии стало одной из причин его отставки [Ibid., p. 38].

Помимо встреч на высшем уровне, генерал С. Хьюз дал несколько интервью столичной прессе. На вопрос журналиста, сколько всего доминион планирует отправить людей на войну, он ответил, что в ближайшее время на фронте будет сражаться уже 50 тыс. канадцев, но итоговое количество солдат будет зависеть от желания метрополии. Перед отплытием домой 31 октября 1914 года в интервью американскому журналисту С. Хьюз объявил, что с первых дней войны американцы стали массово переходить границу, чтобы вступить добровольцами в канадскую армию и сражаться против немцев за демократию. Министр подсчитал, что за два месяца войны в его ведомство поступило 60 тыс. заявок от американских граждан, которые готовы были «хоть сегодня отправиться за границу» [CAR 1914, p. 218].

5. Формирование второго контингента добровольцев

7 октября 1914 года канадское правительство направило в Лондон уведомление о готовности направить на британские острова еще одну дивизию общей численностью 22 тыс. человек. Спустя два дня в прессе появилось сообщение о том, что предложение второго контингента было официально принято британским правительством. Министр по делам колоний Л. Харкорт заявил, что детали, касающиеся набора, обучения и снаряжения второго контингента будут доведены до сведения властей доминиона только после того, как первая партия канадских войск прибудет на острова и будет «протестирована» британским военным командованием. К концу октября 1914 года британский Армейский совет подготовил серию рекомендаций, касавшихся как самой процедуры мобилизации, так и ее масштабов [DREW, № 302, p. 577—578]. Важным нововведением стало изменение структуры воинских подразделений. Канадские роты должны были увеличиться вдвое (до 250 человек) по сравнению с теми, что были укомплектованы для первого контингента. Каждая рота должна была состоять из четырех взводов по 60 человек каждый, командовать ею должен был офицер в ранге не ниже майора [Crossfield Chronicle, 1914, 12 Nov., p. 7].

В процессе формирования второго контингента министерство милиции внесло некоторые изменения в общую систему мобилизации войск.

Вместо так называемого «полкового рекрутирования», когда каждый пехотный батальон должен был отправить в экспедиционный корпус по одной — две роты добровольцев, С. Хьюз приказал осуществлять набор по территориальному принципу через специальные пункты добровольного набора, созданных в военных округах. Руководство над ними следовало осуществлять окружному военному командованию. Вместо одного огромного военно-тренировочного лагеря под Квебеком, через который в августе — сентябре 1914 года шел основной поток добровольцев, в доминионе планировалось создать целую сеть небольших военно-тренировочных центров, рассчитанных на подготовку войск в зимнее время. Для стимулирования военного набора в западных провинциях Канады провинциальные власти предложили местным отрядам проходить военную подготовку по месту жительства. Однако министр милиции выступил против этого, так как в небольших провинциальных городах и деревнях не было никакой военной инфраструктуры. Он заявил, что канадские солдаты, как и прежде, будут проходить военное обучение в Валькартье, где для этого были все условия. Вместе с тем министр выразил желание, чтобы провинциальные власти профинансировали эти мероприятия [CAR 1914, p. 188].

По приказу С. Хьюза в военно-тренировочном лагере Валькартье был введен «сухой закон»: продажа спиртных напитков запрещалась, а употребление каралось исключением из состава экспедиционных сил. Министр объяснил, что в таком запрете нет никакой дискриминации по отношению к добровольцам. Лично он осуждал людей, употреблявших спиртные напитки, однако вводя такую меру, он руководствовался не личными мотивами, а мнением большинства жителей доминиона, озабоченных моральным обликом солдат. Он сообщил, что матери и жены не отпускали сыновей и мужей в армию, пребывая в уверенности, что там они обязательно будут злоупотреблять спиртными напитками и табаком [Cook, 2002, p. 134].

19 ноября 1914 года министр подписал приказ, в котором говорилось, что окружное военное командование могло проводить мобилизацию только после уведомления об этом местного населения. Мобилизация отрядов без оповещения общественности могла вызвать «ненужный военный испуг», повредить комплектованию армии и оказать деморализующее влияние на людей [CAR 1914, p. 219]. Генерал также обратился к средствам массовой информации с требованием не сообщать информацию о жертвах среди канадских добровольцев до того, как министерство милиции и обороны не известит об этом родственников погибших солдат [Blairmore Enterprise, 1915, 22 Jan., p. 2]. К концу 1914 года второй контингент был полностью укомплектован и частично обучен, однако министр заявил, что сформированные отряды будут оставаться в Канаде до тех пор, пока пер-

вая партия канадских войск, расквартированных на британских островах, не уйдет на фронт [The Canadian Army, 1916, p. 550]. В апреле 1915 года вторая канадская дивизия в составе 20 тыс. человек покинула территорию доминиона [Clarke, 2009, p. 71].

6. Дополнительный набор и начало кризиса комплектования армии

После отправки в Европу второго контингента на повестке дня министерства милиции и обороны встал вопрос о снаряжении новых партий канадских войск. Уже в начале июля 1915 года С. Хьюз обнародовал детальный план мобилизации третьего контингента [DREW, № 344, p. 631—632]. Спустя четыре месяца он объявил о том, что правительство планирует объявить набор для четвертого контингента и что проблем с комплектованием не возникнет, так как количество добровольцев превышает необходимый лимит [DREW, № 454, p. 874—875]. Такую поспешность в организации войск С. Хьюз объяснял тем, что и без того огромный военный потенциал Германии возрастал с каждым днем. Учитывая тот факт, что немцы целенаправленно готовились к войне в течение нескольких лет, генерал подсчитал, что Германия обладала таким количеством солдат и военной техники, которых будет достаточно на два или три года ведения боевых действий. «Каждый день, говорил С. Хьюз, Германия производит больше военной техники и снаряжения, чем все остальные страны мира вместе взятые» [CAR 1915, p. 187]. Он выразил полное согласие с фельдмаршалом Ф. Робертсом, который полагал, что после завершения Кильского канала у Германии появится еще одно преимущество: мощь британского флота уменьшится на 50 %, так как ему придется охранять два входа в Балтику. В заключение одной из своих речей, произнесенных в начале 1915 года, министр с уверенностью заявил: «Дорога до Берлина может быть долгой, но она будет пройдена» [Ibid., p. 189].

В результате усилий С. Хьюза к концу мая 1915 года в общей сложности 60 тыс. обученных и экипированных солдат отправились за океан, из них 40 тыс. сразу же выдвинулись на фронт. Кроме того, из остававшихся в Канаде еще 50 тыс. добровольцев он сформировал так называемое «ополчение» — местные отряды обороны, которые должны были обеспечивать внутреннюю безопасность. В начале июня был проведен дополнительный набор, в ходе которого было завербовано еще 35 тыс. человек. Специально для них рядом с Валкартье был построен еще один военно-тренировочный лагерь, во главе которого министр поставил своего брата Джона Хьюза [CAR, 1915, p. 190].

Одной из составляющих процесса мобилизации была проблема снабжения отрядов военным снаряжением, которое по предвоенному мобили-

зационному плану подразделялось на личное и полковое. Личное снаряжение включало оружие и служебную амуницию, выдаваемую для личного пользования солдата и забираемую с собой, когда он переводился из одного подразделения в другое. Полковая экипировка состояла из оружия, боеприпасов, транспортных средств, сбруи, шорно-седельных, канцелярских и других принадлежностей, которые требовались воинскому подразделению при мобилизации [Lang, 1916, p. 68]. В сентябре 1914 года по приказу министра был образован Комитет по артиллерийским снарядам во главе с полковником Т. Кентли, который 8 марта 1915 года вручил С. Хьюзу первый 18-мм снаряд, произведенный в доминионе [CAR, 1915, p. 190]. Летом того же года была обнародована статистика, согласно которой за год войны Канада произвела военного имущества на сумму 300 млн долларов (или 40 долларов на душу населения). Министр заявил, что, если понадобится, страна может произвести в пять раз больше военной техники, снаряжения и амуниции не только для своих, но и для британских солдат. К 1917 году в производстве снарядов и другого военного имущества были задействованы 400 канадских заводов, где было занято более 100 тыс. человек [Deschamps, 1917, p. 23].

Летом 1915 года министр опять отправился в рабочую поездку по Европе, в ходе которой проинспектировал канадские отряды, проходившие обучение в Англии, а также провел переговоры с членами британского Военного кабинета по ряду текущих вопросов. В Лондоне С. Хьюз встретился с находившимся там с визитом премьер-министром Р. Борденом, которого впоследствии сопровождал на всех официальных мероприятиях, в том числе при посещении канадских госпиталей [Aitken, 1916, p. 165]. После непродолжительного пребывания в британской столице он отправился во Францию, где беседовал с военным министром, после чего побывал на фронте в ставке британского фельдмаршала Джона Френча. Там он провел девять дней [Ibid., p. 185—187], после чего в середине августа вернулся в Лондон.

В конце октября 1915 года стало известно, что правительство после получения королевского послания через британского министра по делам колоний объявило дополнительный набор в армию [The Canada Gazette, 25 Oct., 1915, p. 1]. Когда генералу С. Хьюзу сообщили, что необходимо набрать еще 100 тыс. человек добровольцев, он сразу же произвел несложный расчет и сообщил прессе, что, если этот дополнительный набор будет выполнен полностью, к весне 1916 года в Европе будет присутствовать в общей сложности четверть миллиона канадских солдат. По официальным данным, к концу сентября 1915 года общее количество добровольцев, находившихся на действительной службе, составляло 164 тыс. человек всех рангов. По словам министра, создание новых батальонов и вербовка

новобранцев продолжались стабильно, и в скором времени они должны были достигнуть отметки в 200 тыс. человек. Новобранцев ожидало прохождение курса военной подготовки, который должен был продолжаться всю зиму. Министр С. Хьюз через прессу обратился к жителям Канады, которые имели опыт службы в милиции либо были готовы пройти обучение, обратиться в штаб своего округа и записаться на «зимние курсы» [Red Deer News, 3 Nov., 1915, p. 7].

Наконец, министр милиции подписал приказ, согласно которому дополнительный набор должен был пройти по всей Канаде, причем каждой провинции следовало выставить по одному батальону добровольцев [Lang, 1916, p. 74]. Рекрутирование началось быстрыми темпами, однако вскоре наметился едва заметный спад — первый за все время войны. Он объяснялся разными причинами, в том числе сокращением потока добровольцев, которые считали участие в войне своим долгом: канадцев британского происхождения, патриотов, детей из военных семей, авантюристов. Большинство из них либо уже давно сражались на фронте, либо ожидали отправки на фронт. В свою очередь среднестатистические канадцы были не готовы жертвовать комфортом, карьерой и, возможно, собственной жизнью, чтобы сражаться за тысячи миль от дома, когда британский флот и доктрина Монро защищали территорию их страны.

7. Заключение

Таким образом, процесс мобилизации канадских добровольцев в годы Первой мировой войны происходил под непосредственным руководством министра милиции и обороны Сэма Хьюза. Его представления о войне сводились к идее о неизбежности европейского конфликта, в котором Канада должна была принять самое активное участие. Решительный характер министра и авторитарный стиль его руководства предопределили своеобразный характер канадской мобилизации. Фактически она вышла из-под контроля британских властей вследствие отказа С. Хьюза от официального мобилизационного плана, предусматривавшего слишком медленные темпы комплектования войск. Личные усилия министра по организации процесса мобилизации (создание военно-тренировочных лагерей, инспектирование канадских отрядов, участие в вербовочных кампаниях, организация снабжения отрядов канадским оружием и боеприпасами) способствовали ее полному успеху.

Источники и принятые сокращения

1. *Canada Will Have a Quarter of Million Men in Arms Early Next Spring* // Red Deer News. — 1915. — November 3. — P. 7.

2. CAR 1914 — *The Canadian Annual Review*, War Series 1914 / Ed. by J. Castell Hopkins. — Toronto : Canadian Annual Review Limited, 1918. — Vol. 14. — 803 p.
3. CAR 1915 — *The Canadian Annual Review*, War Series 1915 / Ed. by J. Castell Hopkins. — Toronto : Canadian Annual Review Limited, 1918. — Vol. 15. — 880 p.
4. CAR 1916 — *The Canadian Annual Review*, War Series 1916 / Ed. by J. Castell Hopkins. — Toronto : Canadian Annual Review Limited, 1918. — Vol. 16. — 929 p.
5. *Colonel Hughes* // *Red Deer News*. — 1914. — September 23. — P. 4.
6. DREW — *Copies of Proclamations, Orders in Council, and Documents Relating to the European War* / Compiled by the Department of the Secretary of State of Canada. — Second Supplement. — Ottawa : Government Printing Bureau, 1916. — Pp. 527—1050.
7. *Must Fight for Canada and Liberty* // *Red Deer News*. — 1914. — August 19. — P. 1.
8. *New Infantry Training* // *Crossfield Chronicle*. — 1914. — November 12. — P. 7.
9. *Officially Notified Before Publication* // *Blairmore Enterprise*. — 1915. — January 22. — P. 2.
10. *Proclamations by the King* // *The Canada Gazette*. — 1915. — October 25. — P. 1.
11. *The Canadian Army* // *The Round Table. A Quarterly Review of the Politics of the British Empire*. — 1916. — Vol. 6. — № 23. — Pp. 546—553.
12. *44,000 Canadians Are Now Under Arms Says Col. Sam Hughes* // *The Edmonton Bulletin*. — 1914. — October 6. — P. 1.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Aitken M.* Canada in Flanders, with an Introduction by Prime Minister of Canada Sir Robert Borden and a Preface by Secretary of State for the Colonies A. Bonar Law / M. Aitken. — New York : George H. Doran Company, 1916. — Vol. 1. — 245 p.
2. *Allen R.* In this Corner Sir Sam Hughes / R. Allen // *Maclean's Magazine*. — 1961. — May 20. — Pp. 13—17, 60—66.
3. *Black R.* General — The Honorable — Sam : An Uncensored Character-Sketch of the Minister Militia / R. Black // *Maclean's Magazine*. — 1915. — January. — Pp. 38—40.
4. *Bovey W.* How the Corps Became Canadian / W. Bovey // *Maclean's Magazine*. — 1936. — April 15. — Pp. 12—13, 66—68.
5. *Clarke N. J.* Unwanted Warriors : The Rejected Volunteers of the Canadian Expeditionary Force. Thesis for Ph.D. degree in History / N. J. Clarke. — Ottawa : University of Ottawa, 2009. — 368 p.
6. *Cook T.* Wet Canteens and Worrying Mothers : Alcohol, Soldiers and Temperance Groups in the Great War / T. Cook // *Histoire sociale / Social History*. — 2002. — № 35 (70). — Pp. 311—330.
7. *Deschamps G.* Canada's Effort / G. Deschamps. — Paris : Bloud and Gay Publishers, 1917. — 27 p.
8. *Freeman B.* Far from Home : Canadians in the First World War / B. Freeman, R. Nielsen. — Whitby : McGraw-Hill Ryerson, 1999. — 246 p. — ISBN 0070861188.
9. *Hopkins J. C.* Canada at War : a Record of Heroism and Achievement 1914—1918 / J. C. Hopkins. — New York : George H. Doran Company, 1919. — 448 p.
10. *Hughes S. H.* Sir Sam Hughes and the Problem of Imperialism / S. H. Hughes // *Report of the Annual Meeting of the Canadian Historical Association*. — 1950. — Vol. 29. — № 1. — Pp. 30—41. — DOI: 10.7202/300315ar.
11. *Lang W. R.* Organization, Administration and Equipment of His Majesty's Land Forces in Peace and War / W. R. Lang. — Toronto : The Copp, Clarke Company, 1916. — 151 p.

12. Radley K. First Canadian Division, Canadian Expeditionary Force, 1914—1918. Thesis for Ph.D. degree in Philosophy / K. Radley. — Ottawa : Carleton University Press, 2000. — 441 p.
13. Stanley F. G. Canada's soldiers 1604—1954 / F. G. Stanley. — Toronto : Macmillan Company, 1954. — 401 p. — ISBN 1135738041.
14. *The Canadians* 1867—1967 / Ed. by J. M. Careless & R. C. Brown. — Toronto : Macmillan of Canada, 1967. — 412 p. — ISBN 0770500420.
15. Vince D. Development in the Legal Status of the Canadian Military Forces 1914—1919, as Related to Dominion Status / D. Vince // *The Canadian Journal of Economics and Political Science*. — 1954. — Vol. 20. — № 3. — Pp. 357—370. — DOI: 10.2307/138512.

MATERIAL RESOURCES

- Canada Will Have a Quarter of Million Men in Arms Early Next Spring. (1915). *Red Deer News*. November 3: 7.
- Castell Hopkins, J. (ed.). (1918). *The Canadian Annual Review, War Series 1914*, 14. Toronto: Canadian Annual Review Limited. 803 p.
- Castell Hopkins, J. (ed.). (1918). *The Canadian Annual Review, War Series 1915*, 15. Toronto: Canadian Annual Review Limited. 880 p.
- Castell Hopkins, J. (ed.). (1918). *The Canadian Annual Review, War Series 1916*, 16. Toronto: Canadian Annual Review Limited. 929 p.
- Colonel Hughes. (1914). *Red Deer News*. September 23: 4.
- Copies of Proclamations, Orders in Council, and Documents Relating to the European War / Compiled by the Department of the Secretary of State of Canada. Second Supplement*. (1916). Ottawa: Government Printing Bureau. 527—1050.
- Must Fight for Canada and Liberty. (1914). *Red Deer News*. August 19: 1.
- New Infantry Training. (1914). *Crossfield Chronicle*. November 12: 7.
- Officially Notified Before Publication. (1915). *Blairmore Enterprise*. January 22: 2.
- Proclamations by the King. (1915). *The Canada Gazette*. October 25: 1.
- The Canadian Army. (1916). *The Round Table. A Quarterly Review of the Politics of the British Empire*, 6 (23): 546—553.
- 44,000 Canadians Are Now Under Arms Says Col. Sam Hughes. (1914). *The Edmonton Bulletin*. October 6: 1.

REFERENCES

- Aitken, M. (1916). *Canada in Flanders, with an Introduction by Prime Minister of Canada Sir Robert Borden and a Preface by Secretary of State for the Colonies A. Bonar Law*, I. New York: George H. Doran Company. 245 p.
- Allen, R. (1961). In this Corner Sir Sam Hughes. *Maclean's Magazine*. May 20: 13—17, 60—66.
- Black, R. (1915). General — The Honorable — Sam: An Uncensored Character-Sketch of the Minister Militia. *Maclean's Magazine*. January: 38—40.
- Bovey, W. (1936). How the Corps Became Canadian. *Maclean's Magazine*. April 15: 12—13, 66—68.
- Clarke, N. J. (2009). *Unwanted Warriors: The Rejected Volunteers of the Canadian Expeditionary Force. Thesis for Ph.D. degree in History*. Ottawa: University of Ottawa. 368 p.

- Cook, T. (2002). Wet Canteens and Worrying Mothers : Alcohol, Soldiers and Temperance Groups in the Great War. *Histoire sociale / Social History*, 35 (70): 311—330.
- Deschamps, G. (1917). *Canada's Effort*. Paris: Bloud and Gay Publishers. 27 p.
- Freeman, B., Nielsen, R. (1999). *Far from Home: Canadians in the First World War*. Whitby: McGraw-Hill Ryerson. 246 p. ISBN 0070861188.
- Hopkins, J. C. (1919). *Canada at War: a Record of Heroism and Achievement 1914—1918*. New York: George H. Doran Company. 448 p.
- Hughes, S. H. (1950). Sir Sam Hughes and the Problem of Imperialism. *Report of the Annual Meeting of the Canadian Historical Association*, 29 (1): 30—41. DOI: 10.7202/300315ar.
- Lang, W. R. (1916). *Organization, Administration and Equipment of His Majesty's Land Forces in Peace and War*. Toronto: The Copp, Clarke Company. 151 p.
- Radley, K. (2000). *First Canadian Division, Canadian Expeditionary Force, 1914—1918. Thesis for Ph.D. degree in Philosophy*. Ottawa: Carleton University Press. 441 p.
- Stanley, F. G. (1954). *Canada's soldiers 1604—1954*. Toronto: Macmillan Company. 401 p. ISBN 1135738041.
- The Canadians 1867—1967*. (1967). Toronto: Macmillan of Canada. 412 p. ISBN 0770500420.
- Vince, D. (1954). Development in the Legal Status of the Canadian Military Forces 1914—1919, as Related to Dominion Status. *The Canadian Journal of Economics and Political Science*, 20 (3): 357—370. DOI: 10.2307/138512.

Скворцов А. М. Становление советской аспирантуры по истории в СССР в 1930-е годы : законодательное регулирование и практика / А. М. Скворцов // Научный диалог. — 2021. — № 12. — С. 444—460. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-444-460.

Skvortsov, A. M. (2021). Formation of Soviet Postgraduate Studies in History in USSR in 1930s: Legislative Regulation and Practice. *Nauchnyi dialog*, 12: 444-460. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-444-460. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-444-460

Становление советской аспирантуры по истории в СССР в 1930-е годы: законодательное регулирование и практика

Скворцов Артем Михайлович^{1,2}
orcid.org/0000-0002-3287-4154
кандидат исторических наук,
доцент, научный сотрудник
сектора социальных
и когнитивных проблем науки;
доцент кафедры истории России
и зарубежных стран
artyom-skvorcov@yandex.ru

¹ Санкт-Петербургский филиал
Института истории
естествознания и техники
им. С. И. Вавилова
Российской академии наук
(Санкт-Петербург, Россия)

² Челябинский
государственный университет
(Челябинск, Россия)

Formation of Soviet Postgraduate Studies in History in USSR in 1930s: Legislative Regulation and Practice

Artem M. Skvortsov^{1,2}
orcid.org/0000-0002-3287-4154
PhD in History, Associate Professor,
Researcher, Sector of Social and Cognitive
Problems of Science;
Associate Professor
of the Department of History
of Russia and Foreign Countries
artyom-skvorcov@yandex.ru

¹ S.I. Vavilov Institute for the History
of Science and Technology
of Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg Branch
(St. Petersburg, Russia)

² Chelyabinsk State University
(Chelyabinsk, Russia)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Исследуется формирование института аспирантуры по истории в СССР в 1930-е годы. В качестве источников используются опубликованные законодательные акты, публицистические материалы, архивные данные. Актуальность исследования обусловлена тем, что предлагаемая проблема рассматривалась зачастую в контексте истории научных и научно-образовательных учреждений либо исключительно через нормативно-правовые акты без учета реально существовавшей и складывающейся под влиянием сообщества ученых практики. Автор на материалах анализа учебных планов по подготовке аспирантов Московского университета, Ленинградского университета, Института истории АН СССР, а также индивидуальных планов аспирантов доказывает, что старшее поколение историков стремилось интегрировать дореволюционные стандарты и механизмы подготовки диссертантов в новые условия советской власти. Утверждается, что, несмотря на публикацию многочисленных постановлений, инструкций, правил правительственными структурами в отношении института аспирантуры в 1930-е годы, четкие рекомендации о характере процесса подготовки научных кадров отсутствовали. Руководители аспирантов, как правило, сами определяли объем требований к соискателям. Автором выявляется относительная свобода ученых-историков в определении условий и научных критериев вхождения неофицитов в научное сообщество.

Ключевые слова:

советская наука; диссертация; диспут; диссертационная культура; аспирантура; историческое образование.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The formation of the institute of postgraduate studies in history in the USSR in the 1930s is examined in the article. The sources used are published legislative acts, journalistic materials, archival data. The relevance of the study is due to the fact that the proposed problem was often considered in the context of the history of scientific and scientific and educational institutions or exclusively through regulatory legal acts without taking into account the practice that actually existed and developed under the influence of the community of scientists. Using the materials of curricula for the training of graduate students of Moscow University, Leningrad University, the Institute of History of the Academy of Sciences of the USSR, as well as using the individual plans of graduate students, the author proves that the older generation of historians sought to integrate pre-revolutionary standards and mechanisms for training dissertation candidates into the new conditions of Soviet power. It is stated in the article that, despite the publication of numerous decrees, instructions, rules by government structures in relation to the institute of graduate school in the 1930s, there were no clear recommendations on the nature of the process of training scientific personnel. Supervisors of post graduate students, as a rule, themselves determined the scope of requirements for applicants. The author reveals the relative freedom of historians in determining the conditions and scientific criteria for entering the scientific community of neophytes.

Key words:

Soviet science; thesis; dispute; dissertation culture; postgraduate studies; history education.

Становление советской аспирантуры по истории в СССР в 1930-е годы: законодательное регулирование и практика

© Скворцов А. М., 2021

1. Введение

В 1918 году ученые степени и звания в России были отменены. До середины 1920-х годов процесс подготовки специалистов высшей квалификации не становился предметом законодательного регулирования советского правительства. Действовал же по инерции проверенный десятилетиями институт «оставленных для подготовки к профессорскому званию», функционировавший следующим образом: если имелся выпускник, который отличался во время прохождения университетского курса способностями к научной деятельности, то профессор мог выступить с мотивированным ходатайством об оставлении такого молодого человека при университете для сдачи магистерских экзаменов и написания диссертации. Первый акт государственного регулирования системы подготовки кадров приходится на 1925 год, когда была организована аспирантура. Кадры в сфере науки предполагалось готовить в специальных научно-исследовательских учреждениях под руководством состоящих там действительных членов. Пройдя необходимые испытания, начинающий исследователь становился научным сотрудником 1-го разряда. Рубеж 1920—1930-х годов отмечен ростом численности аспирантов, однако их статус (как в процессе обучения, так и после него), а также объем требований к ним не был четко определен. Туманны были и перспективы трудоустройства. Но с 1932 года происходит постепенное возвращение факультетской структуры в вузах, лекционно-семинарской системы подготовки, а также высшего исторического образования. Восстановление ученых степеней и званий в 1934 году вписывается в этот ряд преобразований.

Процесс оформления советской системы подготовки кадров высшей квалификации неоднократно привлекал внимание исследователей. В советской историографии эта тема изучалась в связи с историей университетов и университетского образования. Юбилей МГУ в 1955 году и юбилей Октябрьской революции 1957 и 1967 годов породили целый ряд трудов, основывающихся прежде всего на архивных данных, отчасти же — на мемуарных свидетельствах. Обозначая основные вехи нормативно-правового оформления структуры высшего образования 1920—1930-х годов, следя за изменением партийно-правительственной линии в отношении вузов, исто-

рики 1950—1980-х годов стремились раскрыть «руководящую роль Коммунистической партии и Советского государства в создании новой высшей школы и советской социалистической интеллигенции» [Галкин, 1958, с. 3]. Первое постреволюционное десятилетие оказывалось наполненным острой борьбой между марксистскими идеологами и дореволюционными профессорами, в ходе которой и после ее завершения советское правительство, неустанно заботясь о возвращении новых поколений ученых, постоянно увеличивало бюджет научно-исследовательских институтов и вузов, оптимизировало факультетскую структуру и меняло учебные планы для реализации социально-экономических и политических задач [Бутягин и др., 1957, с. 47—75; Высшая школа СССР за 50 лет, 1967, с. 16—46; Чанбарисов, 1988 и др.]. Оценивая реформы 1920—1930-х годов как обоснованные актуальной повесткой и планомерно ведущие к укреплению и развитию научных и научно-образовательных учреждений, авторы, писавшие на обозначенную тему, в качестве доводов использовали статистические данные, указывая на количественный рост в изучаемое время университетов, аспирантов, профессорско-преподавательского контингента, научных сотрудников, особенно подробно об этом см. в работе: [Чуткерашвили, 1961]. Но за многочисленными постановлениями правительства и партии, цифровыми данными, которые предлагались читателю, совершенно не просматривался сложный многогранный процесс формирования тех или иных норм, происходивший зачастую под влиянием диалога между властью и научным сообществом [см., напр.: Дубровский, 2017, с. 140—181]. Не учитывалась и реальная практика аттестации аспирантов, хотя и существующая в рамках установленных правил, но предполагавшая определенную свободу как в определении механизмов оценки способности соискателя к самостоятельной научной работе, так и в вынесении заключения о представленных к защите диссертационных сочинений; см., например, заключения о диссертациях Н. М. Дружинина и А. И. Неусыхина, 1929: [Гришина, 2014, с. 58]. В этом контексте система подготовки кадров, сложившаяся в 1930-е годы, лишь формально может быть названа «советской». При всех вводимых новациях и заявляемых декларациях от опыта XIX — начала XX веков отрешиться было невозможно, и мнение «старой» профессуры все же оказалось актуальным и востребованным. Поэтому не представляется корректной наметившаяся на рубеже XX—XXI веков тенденция создания образа дореволюционного поколения ученых как жертв советской политики и идеологии [Ушмаева, 2008, с. 5—69]. Изучение отдельных судеб историков, процесса складывания советских научных учреждений в контексте неинституционального подхода, выявление механизмов взаимодействия власти и ученой корпорации [Гришина, 2006,

с. 51—58; Дубровский, 2017, с. 140—181; Груздинская и др., 2018; Долгова, 2020 и др.] позволяют судить о сложносоставном характере понятий «советская историческая наука» и «советская диссертационная культура».

2. Программы подготовки аспирантов второй половины 1930-х годов

Первые программы подготовки аспирантов после восстановления ученых степеней и званий предполагали большой компонент учебных аудиторных занятий. Уже в 1934 году Совнарком в качестве обязательного условия для поступающих на эту ступень образования выдвинул наличие документа об окончании высшего учебного заведения [О подготовке научных и научно-педагогических работников, 1934]. Согласно еще Правилам приема 1932 года, претендентам достаточно было пройти соответствующие подготовительные курсы [Правила приема аспирантов, 1932, с. 12]. Такие невысокие «входные» требования, очевидно, напрямую связаны с классовым подходом в проведении приемной кампании. В 1932 году состав аспирантов первого курса предполагался следующий: не менее 75 % из рабочих и крестьян, не менее 75 % членов партии и комсомольцев, не менее 25 % представителей «культурно-отсталых народностей РСФСР» [О наборе аспирантов в вузы Наркомпроса, 1932, с. 11]. К началу 1933 года 37,6 % аспирантов происходили из рабочих и крестьян, 51,4 % являлись членами и кандидатами ВКП(б), то есть в 5 раз больше, чем на начало первой пятилетки [Высшая школа за 50 лет, 1967, с. 40].

Как известно, некоторое время, на рубеже 1920—1930-х годов, полноценное высшее историческое образование с необходимой специализацией в университетах отсутствовало. Этот пробел для первых аспирантов подразумевалось восполнить на начальных стадиях обучения. В новых реалиях требовалась «быстрейшая подготовка молодой научной смены», поэтому Наркомпрос выделил для МГУ и ЛГУ по 20—25 мест в аспирантуру [Зайдель, 1934, с. 126]. На историческом факультете МГУ эти места распределились следующим образом: 3 места заняли аспиранты по древней истории, по 4 — по средневековой и новой истории, 7 — по истории СССР, 2 — по истории колониальных и зависимых стран [Ушмаева, 2008, с. 124]. Каждое научно-образовательное учреждение самостоятельно определяло программу подготовки научных кадров, лишь диамат, истмат и философия были обязательными минимумами вне зависимости от специализации.

В МИФЛИ в середине 1930-х годов программа аспирантов включала общие исторические курсы со специальным уклоном. Так, подготовка медиевистов содержала, помимо древних и иностранных языков, палеографии, общий курс по Истории средних веков, Истории Римской империи, Источниковедению, Историографии [ЦГАМ (ЦХД после 1917 года),

ф. 2378, оп. 2, д. 251, л. 1 об.]. Похожая интенсивная программа подготовки аспирантов имела и в ЛГУ. О. А. Добиаш-Рождественская, выступая на защите диссертации С. М. Пумпянского в Ленинградском университете в 1937 году, сказав, обращаясь к соискателю: «Период, когда Вы проходили общую школу аспирантуры (речь идет о 1934—1937 годах. — А. С.), отличался известным своеобразием: в руководстве аспирантов участвовала тогда вся профессура и все проходили через ряд семинариев, приобщаясь к этой общей школе. Вы все прошли вспомогательные исторические дисциплины, много работали над историографией и источниковедением, усваивали навыки лабораторной научной работы. В некоторых отношениях вы, ваше поколение выходило хорошо вышколенным технически и научно» [ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 12, д. 846, л. 18]. На защите А. С. Бартенева И. М. Гревс отметил, что диссертант в течение трех лет посещал его спецсеминары по чтению средневековых текстов [ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 12, д. 253, л. 4]. Все перечисленное способствовало интеграции дореволюционного опыта в условия 1930-х годов и, таким образом, установлению определенной преемственности с прежними традициями.

Аспирантский план Института истории Академии наук получился еще более насыщенным. От будущих соискателей ученых степеней требовались знания как по истории СССР, так и по всеобщей истории (древней, средневековой, новой). На первый взгляд, вводимая организация обучения отсылает к опыту подготовки научных сотрудников 2-го разряда в 1920-е годы в рамках Института истории РАНИОН [Скворцов, 2015, с. 163]. Однако имеется существенное отличие: в 1930-е годы для аспирантов были введены лекционные курсы по различным историческим периодам, от чего принципиально отказались в предшествующее десятилетие.

Фактически аспиранты приравнивались к студентам. Причем еще в июне 1934 года Наркомпрос, выступая против такого подхода, разослал письмо, где подверг критике перегрузку аспирантов семинарскими занятиями, «методам и объему почти ничем не отличающимися от студенческими», а также «смежными (подсобными) дисциплинами», подчеркивая крайнюю нежелательность многопредметности в планах [Об организации работы с аспирантами, 1934, с. 26].

Предлагаемый для прочтения список литературы для аспирантов АН СССР оказывался чрезмерно большим — 17 000 страниц в семестр, то есть в идеале следовало прочитывать по 600 страниц в день [АРАН, ф. 1577, оп. 2, д. 8, л. 77]. Очевидна была невыполнимость предъявляемых требований. Для исправления сложившейся ситуации 10 июня 1938 года в Институте истории АН была организована дискуссия. Фримовская, выражая мнение товарищей, просила освободить аспирантов-русинов от испытаний по

всеобщей истории и разрешить сдавать только тот период, по которому тот или иной соискатель специализировался [АРАН, ф. 1577, оп. 2, д. 8, л. 76]. В. И. Пичета выступал за сокращение лекционной части и организацию семинаров по какому-то одному источнику, чтобы готовить обучающихся к научно-исследовательской работе. В качестве аргумента звучало следующее утверждение: «По этому плану студент пассивно выполняет работу, он только получает художественные впечатления от лекций... Пусть не послушают курса о Петре или Екатерине, но будет приобретать знание литературы, ведя семинары» [АРАН, ф. 1577, оп. 2, д. 8, л. 84]. Показательны и обращение историка к традициям «старых» университетов и апелляция к дореволюционному авторитету — В. О. Ключевскому, который, по словам В. И. Пичеты, сказал следующее своему ученику: «Владимир Иванович, не гонитесь за тем, чтобы прочитать все книги, а гонитесь за изучением источников и умением понимать и поднимать источники» [АРАН, ф. 1577, оп. 2, д. 8, л. 82]. Акцентируем внимание на том, что научное сообщество имело определенную самостоятельность в выработке требований к лицам, желающим получить ученую степень, а также в отношении процесса их подготовки. В своих рассуждениях оно часто исходило из накопленного в XIX — начале XX веков опыта и транслировало его.

Итак, первоначально составленные учебные планы получились перегруженными и оказались невыполнимыми для многих аспирантов. Статистические данные свидетельствуют о малом количестве защит в установленные сроки среди первых наборов в обновленную в 1934 году аспирантуру. Так, в 1937 году послевузовское образование на историческом факультете ЛГУ получило 15 человек, но ни одного не защитилось [ЦГА СПб, ф. 7240, оп. 14, д. 416, л. 62], в 1938 году из 28 выпустившихся защитились всего лишь 3 человека. На партсобраниях часто были слышны восклицания: «На что тратятся огромные государственные средства, и кто отвечает за такую антигосударственную политику!?» [ЦГАИПД, ф. 984, оп. 5, д. 25, л. 77]. На историческом факультете МГУ из 20 поступивших в аспирантуру в 1934 году смогли завершить обучение только 10 человек [Ушмаева, 2008, с. 124].

3. Становление специализации на исторических факультетах в 1930-е годы

Возрождение полноценного исторического образования в 1934 году подразумевало не только восстановление преподавания курса русской и зарубежной истории с древности и до современности, но и специализацию с 4-го курса по истории древнего мира, истории средних веков, новой истории, истории СССР и истории колониальных и зависимых народов [Об от-

крытии исторических факультетов в университетах, 1934, с. 5]. В Ленинградском университете выбор специализации по истории древнего мира предусматривал изучение следующих дисциплин: Историография истории древнего мира, История античной философии, История античной литературы, История античной науки и техники, История Византии, История археологических открытий, История античного искусства; семинары по Римской империи и доклассовому обществу; Древние языки. Факультативно можно было освоить Историю античной промышленности, Историю древневосточных религий, Латинскую эпиграфику, Историю рабских восстаний, Историю греческой колонизации [Об учебном плане исторического факультета, с. 3]. В составленных в 1930-е годы программах обучения обращает на себя внимание следующее важное обстоятельство. Их разработчики, следуя традициям дореволюционных университетов, стремились дать студентам не только узкое историческое, но комплексное историко-филологическое образование, уделяя большое внимание языковой подготовке (в том числе и по древним языкам) и вводя курсы по истории литературы. Например, учебный план исторического факультета МГУ включал такие предметы, как Введение в языкознание (40 ч.), История русской литературы (120 ч.), История всеобщей литературы (160 ч.) [Ушмаева, 2008, с. 114]. Е. В. Гутнова (студентка МГУ, 1934—1939 годы) так вспоминает начало учебы: «На первых двух курсах большое место в нашей учебе занимали латынь и политэкономия. Латынь с самого начала вызывала у нас почтительное изумление» [Гутнова, 2001]. В полной мере воссоздать прежнюю, бытовавшую до 1917 года структуру учебного процесса не представлялось возможным, но все же прослеживается попытка включить хотя бы ее элементы. Показателен в этом отношении состав кафедры древней истории ЛГУ в 1934—1937 годах, который был одним из самых больших на факультете прежде всего за счет наличия в коллективе филологов-классиков (хотя для преподавателей, получивших образование в дореволюционное время, довольно сложно провести границу между историком-антиковедом и филологом-классиком) и включал в себя: С. И. Ковалева (заведующий кафедрой), С. А. Жебелева, С. Я. Лурье, Л. Л. Ракова, И. И. Толстого, О. О. Крюгера, И. М. Троцкого (Тронского), Н. Н. Залесского, М. Е. Сергеенко, Я. М. Боровского, А. Н. Зографа, К. М. Колобову, Н. П. Баранова, В. В. Петухову, Т. С. Стахевич; числились в данном структурном подразделении и специалисты по Древнему Востоку: В. В. Струве, Н. А. Шолпо, Ю. Я. Перепелкина, Ю. П. Францева [Календарь-справочник ЛГУ, 1937, с. 132].

Первоначально отсутствовали учебные пособия, хрестоматии, ощущался недостаток тиражей специализированной научной литературы и журналов, поэтому лекция как форма передачи знания от преподавателя

студентам играла существенную роль, ей отдавался безусловный приоритет в образовательном процессе. Выпускник исторического факультета должен был в первую очередь обладать определенной суммой знаний о прошлом своей страны и зарубежных государств, чтобы реализовывать себя в качестве педагога по истории. Поэтому даже в Московском университете вплоть до 1944/1945 годов не предполагалась защита дипломных работ (отменена еще в 1932 [Чанбарисов, 1988, с. 250]), но обязательной была сдача государственных экзаменов по различным разделам истории и марксизму-ленинизму. Показательно также, что в педагогических институтах в 1934 году из учебного плана оказался исключенным курс источниковедения. Критикуя такой подход, С. В. Фрязинов отмечал: «Сведения по источниковедению на различных курсах исторического факультета должны теперь даваться лишь попутно, при ознакомлении студентов с тем или другим историческим периодом» [Фрязинов, 1935, с. 124]. В таком контексте данный курс не столько формирует исследовательские навыки, сколько дает самые общие представления о разновидностях источников. Тот же С. В. Фрязинов, получивший высшее образование незадолго до революции, предлагал ввести источниковедение на третьем году обучения перед занятиями в спецсеминарах на четвертом курсе [Фрязинов, 1935, с. 125], чтобы предварительно погрузить студентов в область методики работы с историческими документами. При разработке учебного плана исторического факультета МГУ в 1934 году также дискутировался вопрос о включении в него источниковедения и историографии как отдельных дисциплин [Насонкина, 1968, с. 329].

На спецсеминарах, посвященных узким научным проблемам, прививались навыки исследовательской работы. Студенты исторического факультета МГУ должны были в обязательном порядке сдать две курсовые работы — по всеобщей и русской истории [Ушмаева, 2008, с. 114]. По кафедре древней истории МГУ в 1937/1938 годы работали следующие спецсеминары: Конец Римской республики (А. В. Мишулин), Римская империя в III в. (Н. А. Машкин); по кафедре Средних веков — Французский абсолютизм XVII века (С. Д. Сказкин), Франция в XVI веке (С. Д. Сказкин), История средневекового города (В. В. Стоклицкая-Терешкович), Английская деревня в XIII веке (Е. А. Косминский), [Насонкина, 1968, с. 340, 344]. Очевидно, предлагаемая тематика находилась в поле научных интересов преподавателей.

Е. А. Косминский неоднократно выступал на Ученом совете факультета по вопросам методики ведения семинаров на различных этапах подготовки историков — просеминаров на первых курсах и спецсеминаров на заключительных курсах, а в одной из статей он особо отметил: «Практические занятия... должны занимать центральное место в системе вузов-

ского преподавания истории... Только путем самостоятельной работы над определенными темами студент может усвоить критический и творческий подход к историческому материалу; никакое слушание лекций, никакое чтение книг не даст такого глубокого и прочного усвоения как фактов, так и научной методологии, как практическая работа» [Косминский, 1945, с. 38]. Примечательно, что в цитируемой методической работе профессор-медиевист настаивал на старом дореволюционном варианте написания и произношения «семинарий» вместо распространившегося в 1930-е годы и в итоге утвердившегося на немецкий лад «семинар»; не соглашался он и с наименованием «практикум» [Косминский, 1945, с. 38, подстрочник]. Такая приверженность, казалось бы, к устаревшей лексике объясняется, думается, не только формальными соображениями. Благодаря в том числе Е. А. Косминскому на историческом факультете МГУ сложилось представление о семинаре, которое утвердилось еще в XIX веке, как форме занятий, где организовывалась работа с первоисточниками, а не повторение и углубление лекционного курса [Насонкина, 1968, с. 337].

Первый опыт защит дипломных проектов перед государственной экзаменационной комиссией и широкой общественностью в конце 1944 — начале 1945 годов признан успешным, поэтому было решено данную практику продолжить. Такая форма аттестации стала своего рода смотром лиц, желающих продолжить обучение в аспирантуре (ряд авторов был рекомендован для поступления в аспирантуру, некоторые работы — к публикации), а для студентов — первым публичным (с присутствием не только узких специалистов) диспутom. Причем работы расценивались именно как плод научной деятельности, поэтому резкой критике подвергались слишком широкие темы (например, «Внешняя политика Людовика XI»), грозившие превращению исследования в общий очерк, основанный на пересказе имеющейся литературы [Епифанов, 1945, с. 49].

4. Введение индивидуальных программ подготовки аспирантов

Сложившаяся система обучения на воссозданных исторических факультетах позволила исключить преподавание в аспирантуре общих курсов и организовать индивидуально-ориентированную подготовку научных и педагогических кадров, уделив большее внимание специальным вопросам с первого курса. Уже в Порядке обучения аспирантов по историческим дисциплинам, утвержденном Управлением университетов и НИУ Наркомпроса 27 июля 1935 года, важная роль отводилась кафедре как контролирующей аспиранта структуре и научному руководителю, который нес «полную ответственность за высококвалифицированную подготовку аспиранта» [ОР РНБ, ф. 254, д. 34, л. 2], что позже найдет отражение в По-

ложении об аспирантуре 1939 года. Согласно документу, руководство и ответственность за подготовку аспирантов возлагались на заведующего кафедрой, который составлял индивидуальную программу обучения. Программа предусматривала теоретические занятия по социально-экономической дисциплине, двум иностранным языкам и специальным дисциплинам в избранной области знания, участие в методической работе кафедры, педагогическую работу, самостоятельную научно-исследовательскую работу, прохождение научно-производственной практики, подготовку и защиту диссертации [Положение об аспирантуре, 1947, с. 300—301]. Решение о степени готовности аспиранта к защите выносила кафедра, но фактически весь процесс контролировал научный руководитель, который и определял порядок работы и объем литературы для изучения. На первом и втором курсах аспирант должен был разобрать по два проблемных специальных вопроса (по первому сделать письменный исследовательский доклад, по второму — обзорный доклад по научной литературе). Прочитанный минимум подлежал проверке на коллоквиуме. Третий же год посвящался выполнению диссертации [ОР РНБ, ф. 254, д. 34, л. 2—3].

В архивах сохранился написанный рукой С. Я. Лурье план М. Н. Ботвинника 1940 года, проходившего аспирантуру по античной истории. Документ позволяет увидеть ту фундаментальную подготовку, которую проходил соискатель перед защитой диссертации. Предполагалось подробное углубленное изучение конкретной истории Древней Греции и Рима; античной литературы, философии, искусства, мифологии и права; специальных исторических дисциплин; классических языков. Воспроизведем фрагмент самого плана.

«1 семестр

История Греции до битвы при Мантинее (по Белоху);

Изучить на русском Геродота, Фукидида, Ксенофонта, биографии Плутарха, «Афинскую политику» и «Политику» Аристотеля;

По греческому государственному праву — Виламовица, В. Keil;

Греческая литература периода расцвета. Круазе. История греческой литературы (соответствующие главы), или Магаффи;

Изучить греческую религию и мифологию по S. Wide, M. Nilsson.

2 семестр

История Греции после 362 г. (по Белоху);

Чтение в переводе Арриана, Плутарха;

Эллинистическая литература по Магаффи или Круазе;

Прослушать курс греческой эпиграфики;

История античной философии. Пособия Гомперца, Таннери, Лурье;

Чтение текста с преподавателем: 1—2 страницы в неделю (Фукидид, Плутарх), самостоятельно по 5 страниц в неделю (Ксенофонт, Диодор, Лу-

киан). Параллельно латынь — трудный текст — Цицерон и Тацит. По 1-ой странице в день Саллюстия, Цезаря» [СПбФ АРАН, ф. 133, оп. 3, д. 82, л. 17].

3 и 4 семестры были посвящены углубленному изучению истории Рима, римского государственного права, религии и мифологии, а также греческой папирологии. План предполагал большой компонент самостоятельной работы обучающегося, а в качестве учебных занятий — лишь участие в спецсеминаре по чтению авторов и специальным историческим дисциплинам. Той же самой логики придерживалась, например, и О. А. Добиаш-Рожественская. Составленная ею программа аспиранта П. Н. Семенова (поступил в 1939 году), которому предстояло заниматься историей Первого Крестового похода, включала изучение литературы общего характера по истории Франции и Испании, крестоносного движения, посещение занятий по латинскому и немецкому языкам, спецсеминаров И. М. Гревса по памятникам Каролингской эпохи и по источниковедению у научного руководителя [ОР РНБ, ф. 254, д. 34, л. 20].

Личные дела аспирантов ЛГУ с конца 1930-х годов содержат типографским способом изготовленный «Индивидуальный план учебной и научно-исследовательской работы аспиранта», который включает следующие разделы:

Подготовка аспиранта по специальности:

Кандидатский минимум по общей специальности (порядок его прохождения по годам с указанием обязательной и дополнительной литературы)

Кандидатский минимум по узкой специальности (порядок его прохождения по годам с указанием обязательной и дополнительной литературы)

Специальные курсы, семинары и лаборатории (с указанием форм участия в них аспиранта — тем докладов, рефератов, экспериментальных работ)

Темы научных докладов на заседаниях кафедры

Коллоквиумы по специальным дисциплинам с указанием срока

Подготовка аспиранта по основам марксизма-ленинизма

Прохождение кандидатского минимума по семестрам

Курсы и семинары

Перечень дополнительной литературы в соответствии со специальностью аспиранта

Срок коллоквиума (в конце 1 года обучения)

Подготовка аспиранта по иностранным языкам

Диссертационная работа аспиранта

Тема диссертации

Краткая характеристика темы диссертации и обоснование ее теоретической и практической значимости

*План подготовки диссертации**Тема доклада по диссертационной работе на заседании кафедры**Список основной литературы и источников по диссертации**Срок завершения диссертации представления ее к защите**Педагогическая практика (второй и третий годы обучения)*

Научные командировки, экспедиции и экскурсии (см., например, план Ф. Г. Яковиди: [ОА СПбГУ. Личные дела. Св. 84, д. 2261, л. 16—21 об.]).

Обозначенные пункты заполнял научный руководитель, который и определял порядок сдачи кандидатских минимумов. Он же следил за их реализацией. Никаких специальных распоряжений «сверху» об объеме требуемых с аспиранта знаний не поступало. Обращает на себя внимание опять же отход от лекционной формы занятий с аспирантами в пользу самостоятельной проработки ими списка научных изданий и участия обучающихся в семинарах в виде представления докладов по теме исследования. Осуществление контроля над выполнением минимума производилось на коллоквиумах. Такая относительная свобода в наполнении содержательной стороны процесса обучения и позволяла проводить научным руководителям «старой» школы дореволюционные стандарты и требования, предъявляемые при аттестации соискателей ученых степеней.

5. Заключение

Итак, с 1932/1933 годов наблюдается отказ от «экспериментов» предшествующих лет в деле организации учебного процесса в вузах. Восстановление ученых степеней актуализировало вопрос о характере процесса подготовки ученых-историков. Составленные в связи с этим первые учебные планы середины 1930-х годов учитывали отсутствие на рубеже 1920—1930-х годов систематического исторического образования и предполагали большой компонент лекционных занятий и насыщенный учебный процесс, что значительно осложняло первым аспирантам путь к получению научной квалификации. С 1934 года восстанавливаются исторические факультеты, а вместе с ними и специализация на старших курсах. Кафедра как структурное подразделение снова стала выполнять и педагогические, и научные функции. Размытые и максимально общие формулировки в законодательстве относительно требований к аспирантам и назначение научного руководителя персонально ответственным за качество предоставляемых работ способствовали тому, что к концу 1930-х годов именно научные руководители определяли так называемый кандидатский минимум и саму траекторию обучения в аспирантуре. На примере выстраивающейся в 1930-е годы системы подготовки кадров высшей квалификации прослеживается относительная свобода ученых в определении условий и научных крите-

риев вхождения в профессиональное сообщество. В основе этих критериев лежал предшествующий дореволюционный опыт.

Источники и принятые сокращения

1. АРАН — *Архив* Российской Академии наук. Ф. 1577 (Институт истории АН). Оп. 2. Д. 8. Лл. 76, 77, 82, 84.
2. Гутнова Е. В. Пережитое [Электронный ресурс] / Е. В. Гутнова. — Москва : РОС-СПЭН, 2001. — Режим доступа : https://royallib.com/read/gutnova_evgeniya/peregitoe.html#572781 (дата посещения 2.08.2021).
3. Елифанов П. П. Первая сессия защиты дипломных работ на истфаке МГУ. Декабрь 1944 г. — январь 1945 г. / П. П. Елифанов // Доклады и сообщения исторического факультета. — 1945. — Выпуск 3. — С. 44—49.
4. Зайдель Г. Исторический факультет ЛГУ / Г. Зайдель // Борьба классов. — 1934. — № 5—6. — С. 126.
5. *Календарь-справочник* Ленинградского государственного университета им. А. С. Бубнова на 1937 г. — Ленинград : Ленинградский государственный университета, 1937. — 304 с.
6. Косминский Е. А. Методика исторического семинария для начинающих (просеминарии) / Е. А. Косминский // Доклады и сообщения исторического факультета. — 1945. — Выпуск 3. — С. 38—44.
7. ОА СПбГУ — *Объединенный архив* Санкт-Петербургского университета. Личные дела. Св. 84. Д. 2261. Лл. 16—21 об.
8. *Об организации* работы с аспирантами, 9 июня 1934 г. // Бюллетень народного комиссариата по просвещению РСФСР. — 1934. — № 22. — С. 26—27.
9. *Об открытии* исторических факультетов в университетах, 3 апреля 1934 г. // Бюллетень народного комиссариата по просвещению РСФСР. — 1934. — № 12. — С. 5.
10. *Об учебном* плане исторического факультета // Ленинградский университет. — 1934. — 12 июня. — № 26 (194). — С. 4.
11. *О наборе* аспирантов в вузы Наркомпроса в 1932/1933 учебном году // Бюллетень народного комиссариата по просвещению РСФСР. — 1932. — № 35. — С. 10—11.
12. *О подготовке* научных и научно-педагогических работников. Постановление от 13 января 1934 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=16601#r73zngSBJ5e2PgIB> (дата посещения 2.08.2021).
13. ОР РНБ — *Отдел* рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 254 (О. А. Добиаш-Рожественская). Д. 34. Лл. 2, 3, 20.
14. *Положение* об аспирантуре. Утверждено СНК СССР 31 марта 1939 г. // Высшая школа : основные постановления, приказы, инструкции. — Москва : Советская наука, 1948. — С. 299—305.
15. *Правила* приема аспирантов в университеты, педвузы и научно-исследовательские институты Наркомпроса РСФСР на 1932 год // Бюллетень народного комиссариата по просвещению РСФСР. — 1932. — № 35. — С. 12—13.
16. СПбФ АРАН — *Санкт-Петербургский* филиал архива Российской Академии наук. Ф. 133 (С. Я. Лурье). Оп. 3. Д. 82. Лл. 17.
17. Фрязинов С. О преподавании истории на исторических факультетах педвузов / С. Фрязинов // Борьба классов. — 1935. — № 6. — С. 124—127.

18. ЦГА СПб — *Центральный* государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 7240 (Санкт-Петербургский государственный университет). Оп. 12. Д. 846. Лл. 4, 18, 62.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алеврас Н. Н.* Опыт и традиции оппонирования диссертаций в российских университетах второй половины XIX — начала XX века (из диссертационной практики ученых-историков). Институты экспертизы диссертаций / Н. Н. Алеврас // *Magistra Vitae* : электронный журнал по историческим наукам и археологии. — 2017. — № 2. Часть 1. — С. 145—161.
2. *Алеврас Н. Н.* Опыт и традиции оппонирования диссертаций в российских университетах второй половины XIX — начала XX века (из диссертационной практики ученых-историков). Неофициальные оппоненты / Н. Н. Алеврас // *Magistra Vitae* : электронный журнал по историческим наукам и археологии. — 2018. — № 2. — Часть 3. — С. 160—175.
3. *Бутягин А. С.* Университетское образование в СССР / А. С. Бутягин, Ю. А. Салтанов. — Москва : Московский государственный университет, 1957. — 296 с.
4. *Высшая школа СССР за 50 лет. (1917—1967)* / Под ред. В. П. Елютина. — Москва : Высшая школа, 1967. — 272 с.
5. *Гришина Н. В.* Диссертационные диспуты конца 1920-х гг. : становление новых дисциплинарных нормативов (на примере диспутов Н. М. Дружинина и А. И. Неусыхина / Н. В. Гришина // *Харківський історіографічний збірник*. — 2014. — № 13. — С. 50—59.
6. *Гришина Н. В.* Историки «старой школы» : проблема вживания в советскую действительность / Н. В. Гришина // *Историк в меняющемся пространстве российской культуры* : сборник статей / Под ред. Н. Н. Алеврас. — Челябинск : Каменный пояс, 2006. — С. 51—58.
7. *Груздинская В. С.* Очерки истории институциональной структуры советской исторической науки 1920—1930-х гг. / В. С. Груздинская, А. И. Ключев, О. В. Метель. — Омск : ИЦ КАН, 2018. — 171 с. — ISBN 978-5-6041558-9-9.
8. *Долгова Е.* Рождение науки : ученые в 1920—1930-е гг. / Е. Долгова. — Москва : Российский государственный гуманитарный университет, 2020. — 469 с. — ISBN 978-5-7281-2874-8.
9. *Дубровский А. М.* Власть и историческая мысль в СССР (1930—1950-е гг.). / А. М. Дубровский. — Москва : Политическая энциклопедия, 2017. — 622 с. — ISBN 978-5-8243-2098-5.
10. *Мамонтова М. А.* Трансформация нормативной стороны «диссертационной культуры» в СССР в 1930—1970-е гг. / М. А. Мамонтова // *Мир историка : историографический сборник*. — 2014. — Выпуск 9. — С. 146—175.
11. *Насонкина Л. И.* Историческое образование в Московском университете (1934—1941) / Л. И. Насонкина, Л. В. Кошман // *Очерки по истории советской науки и культуры*. — Москва : Московский государственный университет, 1968. — С. 328—361.
12. *Скворцов А. М.* Секция древней истории Института истории РАН ИОН как центр антиковедения 1920-х гг. / А. М. Скворцов // *Вестник Челябинского университета*. — История. — 2015. — № 14 (369). — Выпуск 64. — С. 159—165.
13. *Ушмаева К. А.* Высшее историческое образование в России (20—90-е годы XX века) / К. А. Ушмаева. — Ставрополь : Ставропольский государственный университет, 2008. — 498 с. — ISBN 5-88648-588-0.

14. Чанбарисов III. X. Формирование советской университетской системы / III. X. Чанбарисов. — Москва : Высшая школа, 1988. — 255 с. — ISBN 5-06-001156-5.
15. Чуткерашвили Е. В. Развитие высшего образования в СССР / Е. В. Чуткерашвили. — Москва : Высшая школа, 1961. — 240 с.

MATERIAL RESOURCES

- About the opening of the historical faculties in universities, 3 April 1934. (1934). *The Bulletin of the people's Commissariat for education of the RSFSR*, 12: 5. (In Russ.).
- About the curriculum of the faculty of history. (1934). *Leningrad University*. June 12, 26 (194): 4. (In Russ.).
- Archive of the Russian Academy of Sciences. F. 1577 (Institute of History of the Academy of Sciences). Op. 2. D. 8. Ll. 76, 77, 82, 84.* (In Russ.).
- Calendar-directory of the Leningrad State University named after A. S. Bubnov for 1937.* (1937). Leningrad: Leningrad State University. 304 p. (In Russ.).
- Department of Manuscripts of the Russian National Library. F. 254 (O. A. Dobiash-Rozhdestvenskaya). D. 34. Ll. 2, 3, 20.* (In Russ.).
- Epifanov, P. P. (1945). The first session of the defense of theses at the Faculty of History of Moscow State University. December 1944 — January 1945. *Reports and communications of the Faculty of History*, 3: 44—49. (In Russ.).
- Fryazinov, S. (1935). On teaching history at the historical faculties of pedagogical universities. *Struggle of classes*, 6: 124—127. (In Russ.).
- Gutnova, E. V. (2001). *The experience*. Moscow: ROSSPEN. Available at: https://royallib.com/read/gutnova_evgeniya/peregito.html#572781 (accessed 2.08.2021). (In Russ.).
- Kosminsky, E. A. (1945). Methodology of historical seminary for beginners (proseminarii). *Reports and reports of the Faculty of History*, 3: 38—44. (In Russ.).
- On the organization of work with graduate students, June 9, 1934. (1934). *The Bulletin of the people's Commissariat for education of the RSFSR*, 22: 26—27. (In Russ.).
- On the recruitment of graduate students to universities of the People's Commissariat for Education of the RSFSR in 1932/1933 academic year. (1932). *Bulletin of the People's Commissariat for Education of the RSFSR*, 35: 10—11. (In Russ.).
- On the training of scientific and scientific-pedagogical workers. (1934). In: *Resolution of January, 13*. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&b ase=ESU&n=16601#r73zngSBJ5e2PgIB> (accessed 2.08.2021). (In Russ.).
- Regulations on postgraduate studies. Approved by the SNK of the USSR on March 31, 1939. (1948). In: *Higher School: basic resolutions, orders, instructions*. Moscow: Sovetskaya Nauka. 299—305. (In Russ.).
- Rules for admission of graduate students to universities, pedagogical colleges and research institutes of the People's Commissariat of the RSFSR for 1932. (1932). *Bulletin of the People's Commissariat for Education of the RSFSR*, 35: 12—13. (In Russ.).
- St. Petersburg branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences. F. 133 (S. Ya. Lurie). Op. 3. D. 82. L. 17.* (In Russ.).
- The Central State Archive of St. Petersburg, St. Petersburg Central State Archive. F. 7240 (St. Petersburg State University). Op. 12. d. 846. Ll. 4, 18, 62.* (In Russ.).
- United Archive of St. Petersburg University. Personal matters. St. 84. d. 2261. Ll. 16—21 vol.* (In Russ.).

Zaidel, G. (1934). Historical Faculty of LSU. *Struggle of classes*, 5—6: 126. (In Russ.).

REFERENCES

- Alevras, N. N. (2017). Experience and traditions of dissertation confrontation in Russian universities of the second half of the XIX — early XX century (from the dissertation practice of historians). Institutes of dissertation examination. *Magistra Vitae: electronic journal of Historical Sciences and Archeology*, 2 (1): 145—161. (In Russ.).
- Alevras, N. N. (2018). Experience and traditions of dissertation confrontation in Russian universities of the second half of the XIX — early XX century (from the dissertation practice of historians). Unofficial opponents. *Magistra Vitae: electronic journal of Historical Sciences and Archeology*, 2 (3): 160—175. (In Russ.).
- Butyagin, A. S., Saltanov, Yu. A. (1957). *University education in the USSR*. Moscow: Moscow State University. 296 p. (In Russ.).
- Chanbarisov, Sh. Kh. (1988). *The formation of the Soviet University system*. Moscow: Higher School. 255 p. ISBN 5-06-001156-5. (In Russ.).
- Chutkerashvili, E. V. (1961). *Development of higher education in the USSR*. Moscow: Higher School. 240 p. (In Russ.).
- Dolgova, E. (2020). *The Birth of science: scientists in the 1920s—1930s*. Moscow: Russian State University for the Humanities. 469 p. ISBN 978-5-7281-2874-8. (In Russ.).
- Dubrovsky, A. M. (2017). *Power and Historical Thought in the USSR (1930s—1950s)*. Moscow: Political Encyclopedia. 622 p. ISBN 978-5-8243-2098-5. (In Russ.).
- Elyutin, V. P. (ed.). (1967). *Higher School of the USSR for 50 years. (1917—1967)*. Moscow: Higher School. 272 p. (In Russ.).
- Grishina, N. V., Alevras, N. N. (ed.). (2006). Historians of the “old school”: the problem of getting used to Soviet reality. In: *The historian in the changing space of Russian culture: a collection of articles*. Chelyabinsk: Stone Belt. 51—58. (In Russ.).
- Grishina, N. V. (2014). Dissertation debates of the late 1920s: the formation of a new disciplinary regulation (on the example of the debates of N. M. A. I. Druzhinina and Novostina). *Kharkiv Historiographical Bulletin*, 13: 50—59. (In Russ.).
- Gruzinskaya, V. S., Klyuev, A. I., Metel, O. V. (2018). *Essays on the history of the institutional structure of Soviet historical science of the 1920s—1930s*. Omsk: IC KAN. 171 p. ISBN 978-5-6041558-9-9. (In Russ.).
- Mamontova, M. A. (2014). Transformation of the normative side of “dissertation culture” in the USSR in the 1930s—1970s. *The World of the historian: a historiographical collection*, 9: 146—175. (In Russ.).
- Nasonkina, L. I., Koshman, L. V. (1968). Historical education at Moscow University (1934—1941). In: *Essays on the history of Soviet science and culture*. Moscow: Moscow State University. 328—361. (In Russ.).
- Skvortsov, A. M. (2015). Ancient History Section of the RANION Institute of History as the center of antiquity of the 1920s. *Bulletin of the Chelyabinsk University. History*, 14 (369) / 64: 159—165. (In Russ.).
- Ushmaeva, K. A. (2008). *Higher historical education in Russia (20—90-ies of the twentieth century)*. Stavropol: Stavropol State University. 498 p. ISBN 5-88648-588-0. (In Russ.).

Скрыдлов А. Ю. Формирование органов административной статистики в Российской империи: Статистическое отделение Министерства полиции (1811—1819) / А. Ю. Скрыдлов // Научный диалог. — 2021. — № 12. — С. 461—478. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-461-478.

Skrydlov, A. Yu. (2021). Formation of Administrative Statistics Bodies in Russian Empire: Statistical Department of Ministry of Police (1811—1819). *Nauchnyi dialog*, 12: 461-478. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-461-478. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-461-478

Формирование органов административной статистики в Российской империи: Статистическое отделение Министерства полиции (1811—1819)

Скрыдлов Андрей Юрьевич
orcid.org/0000-0001-9913-3580
кандидат исторических наук,
заведующий Сектором истории
Академии наук
и научных учреждений
askrydlov@gmail.com

Санкт-Петербургский филиал
Института истории
естествознания и техники
им. С. И. Вавилова
Российской академии наук
(Санкт-Петербург, Россия)

Formation of Administrative Statistics Bodies in Russian Empire: Statistical Department of Ministry of Police (1811—1819)

Andrey Yu. Skrydlov
orcid.org/0000-0001-9913-3580
PhD in History, Head of the Sector
of History, the Academy of Sciences
and Scientific Institutions
askrydlov@gmail.com

S.I. Vavilov Institute for the History
of Science and Technology
of Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg Branch
(St. Petersburg, Russia)

© Скрыдлов А. Ю., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена изучению истории создания и первых лет деятельности Статистического отделения Министерства полиции в контексте деятельности ведомственных ученых подразделений России. На основе широкого круга опубликованных и архивных материалов автор рассматривает предпосылки организации учреждения, нормативно-правовую базу, регулировавшую его работу на раннем этапе, исследует эволюцию структуры и кадрового состава. Отмечено, что идеи сосредоточения статистических функций в одном ведомстве появились в России в начале XVIII века и приобрели особенную актуальность в период царствования Александра I. Анализируя делопроизводственную документацию, автор корректирует устоявшуюся в историографии дату создания ведомства и отмечает особенности его положения в составе Министерства полиции. Сделан вывод о том, что создание Статистического отделения носило характер административного эксперимента, финансирование его деятельности на раннем этапе осуществлялось из сторонних источников, а сотрудники не входили в штат министерства. Отмечено, что эффективность работы отделения напрямую зависела от личной заинтересованности руководителей — министра полиции А. Д. Балашева и профессора К. Ф. Германа. Им удалось подготовить основу для последующих усовершенствований в работе ведомства.

Ключевые слова:

Статистическое отделение Министерства полиции; формирование статистических органов.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the history of creation and the first years of activity of the Ministry of Police Statistical Division in the context of the departmental scientists of Russian subdivisions activities. Based on a wide range of published and archival materials, the author examines the prerequisites for the organization of the institution, the legal framework that governed its work at an early stage, examines the evolution of the structure and staffing. It is noted that the idea of concentrating statistical functions in one department appeared in Russia at the beginning of the 18th century and acquired particular relevance during the reign of Alexander I. Analyzing the clerical documentation, the author corrects the date of creation of the department, established in historiography, and notes the peculiarities of its position within the Ministry of Police. It is concluded that the creation of the Statistical Office was in the nature of an administrative experiment, funding for its activities at an early stage was carried out from third-party sources, and employees were not part of the staff of the ministry. It was noted that the effectiveness of the department's work directly depended on the personal interest of the leaders — the Minister of Police A.D. Balashev and Professor K.F. Herman. They managed to prepare the basis for further improvements in the work of the department.

Key words:

Statistical Division of the Ministry of Police; the formation of statistical bodies.

Формирование органов административной статистики в Российской империи: Статистическое отделение Министерства полиции (1811—1819)

© Скрыдлов А. Ю., 2021

1. Введение

Проблема взаимоотношений науки и власти является одной из наиболее обсуждаемых в современном науковедении. Потребность государства в фундаментальных научных открытиях и прикладных исследованиях обусловлена разнообразными факторами — развитием экономики, повышением эффективности государственного управления, обеспечением обороноспособности или международного престижа [Наука и кризисы, 2003, с. 4—6]. При этом формы привлечения научного сообщества к решению государственных задач претерпевали эволюцию в исторической ретроспективе. В отечественной истории науки своеобразным рубежом в этом процессе можно считать первую половину XIX века, когда участие ученых в решении стоящих перед государством задач стало носить систематический характер и обрело конкретные организационные формы. Одной из них стало создание в структуре центральных органов власти ученых подразделений, призванных осуществлять научное обеспечение государственного управления [Мироснос, 2000, с. 4].

В ряду ведомственных ученых комитетов и советов особое место занимает Статистическое отделение Министерства полиции, созданное в 1811 году и ставшее первым органом административной статистики в России. До настоящего времени в современной историографии отсутствовали специальные исследования, детально раскрывающие историю создания и начальный период деятельности этого учреждения. Общие сведения об обстоятельствах его появления и результатах работы нашли отражение в трудах дореволюционных авторов по истории отдельных государственных ведомств [Варадинов, 1859; Юбилейный сборник, 1913]. На эти издания в последующие десятилетия опирались советские историки при подготовке обобщающих трудов по истории статистической науки. Важной вехой в этом отношении стала публикация двух томов фундаментального труда М. В. Птухи, вышедших в 1955 и 1959 годах [Птуха, 1955; Птуха, 1959]. Автор планировал посвятить истории развития государственной статистики в России отдельный очерк, однако не успел реализовать намеченную исследовательскую программу и ограничился лишь краткой харак-

теристикой деятельности органов административной статистики в первой половине XIX века. В 1970-е годы к истории статистических учреждений в своих исследованиях обращались А. И. Гозулов и Н. К. Дружинин, которые попытались продолжить работу М. В. Птухи [Гозулов, 1972; Дружинин, 1979]. Собрав и систематизировав большой объем материала, советские авторы в своих оценках и выводах порой были вынуждены руководствоваться известным тезисом В. И. Ленина о том, что «у нас имеется лишь лживая, неряшливая канцелярски-путаная статистика разных “ведомств”, скорее заслуживающая названия полицейской отписки» [Ленин, 1947, с. 173—174]. Переосмысление традиционного для марксистско-ленинской историографии классового подхода к истории статистических учреждений началось на рубеже 1990-х годов. Важную роль в этом процессе сыграли работы Г. Б. Плошко и И. И. Елисеевой [Плошко и др., 1990]. В современных исследованиях центральные и местные административно-статистические учреждения рассматриваются как часть аппарата государственного управления [Елисеева, Дмитриев, 2016; Ефимова, 2015; Ефимова, 2016]. История административной статистики изучается в связи с развитием системы ведомственных ученых подразделений императорской России [Миронос, 2000] и включается в международный контекст [Взаимосвязи ..., 2013; Смит-Петер, 2005; Smith-Peter, 2007]. При этом основное внимание авторов обобщающих работ сосредотачивалось на истории статистики пореформенной России, тогда как специфический период институционального оформления государственных статистических учреждений, который пришелся на первые десятилетия XIX века, изучен недостаточно полно.

Между тем сохранившийся в архивах Санкт-Петербурга источник-ный материал позволяет закрыть эту историографическую лауну. Документы, проливающие свет на историю создания и поиск оптимальной формы организации Статистического отделения, отложились, главным образом, в фондах РГИА. Они включают проекты и записки министра полиции А. Д. Балашева, касающиеся устройства статистической части в его министерстве, а также различные делопроизводственные материалы [РГИА, ф. 1167, 1284, 1286, 1290]. К сожалению, значительная часть архива Статистического отделения за рассматриваемый период была утрачена в июле 1828 года в результате пожара [РГИА, ф. 1286, оп. 4, 1828, д. 62, д. 904; РГИА. ф. 1290, оп. 912, 1828, д. 9].

2. Первые опыты организации административной статистики в России

Идеи сосредоточения сведений из губерний и провинций в одном учреждении начали появляться еще в Петровскую эпоху. В известных ис-

точниках впервые эта мысль была высказана А. А. Курбатовым, который в 1721 году представил проект создания нового высшего государственного учреждения — «Кабинет-коллегиума». Среди его функций Курбатов называл систематический сбор сведений о состоянии государства: «всякие из всех коллегий перечневые табели <...> содержались в том правлении, ради того, ежели царское величество <...> изволит чего спросить» [Павлов-Сильванский, 1897, с. 47—48]. Документ был опубликован Н. П. Павловым-Сильванским, который связывал проект Курбатова с последующей реорганизацией Сената, проведенной Петром I. Именно на Сенат были возложены обязанности по сбору отчетности из коллегий и организационной поддержке географо-статистических обследований местности.

В 1760-е годы к вопросу создания государственного статистического органа обратился А. Л. Шлецер. В своих работах он предлагал использовать шведский опыт и организовать в России так называемую «Статистическую контору». Главные задачи такого учреждения, по мысли ученого, состояли в учете численности населения, сборе и обобщении сведений о рождаемости, смертности, браках. «Контора» должна была готовить ежегодные отчеты о приросте населения и предлагать меры по его увеличению [Schlözer, 1768]. Сведения о населении предполагалось извлекать из церковных списков, которые следовало усовершенствовать и сделать обязательными для заполнения в приходах. По поручению И. И. Тауберта Шлецер подготовил новые образцы бланков, которые планировали разослать по церковным приходам. Проект создания «Статистической конторы» остался нереализованным. По сведениям Шлецера, он так и не попал в руки Екатерины II. Автор в своих мемуарах задавался вопросом: «Один взгляд на мир возможностей! Что бы вышло из русской статистической конторы, если бы она состоялась? <...> сколько совершенно новых и при том более точных данных приобрела бы вследствие этого вся наука» [Шлецер, 1875, с. 142].

Всплеск реформаторской активности в сфере центрального управления в начале XIX века актуализировал вопрос об организации статистических исследований. Первые попытки наладить обработку поступающих из губерний сведений принято датировать 1802 годом, когда при Министерстве внутренних дел было создано «общество дворян» из 10 человек. В историографии неоднократно высказывался тезис о том, что это «общество» следует считать первым центральным органом административной статистики в России. Историк статистики А. И. Гозулов отмечал, что «группа дворян из десяти человек» была организована «для упорядочения сведений о положении губерний с тем, чтобы создать в дальнейшем общую статистику России» [Гозулов, 1972, с. 54]. Между тем штаты министерств, утвержденные императором 7 января 1803 года, предусматривали возможность

определения «молодых дворян до 10 человек» сверх штата при любом из министерств [ПСЗ-1, т. XXVII, № 20582]. В обстановке дефицита кадров для обеспечения аппарата управления такие стажеры сначала «приобретали познание в делах», а затем «могли быть с пользой употребляемы к отправлению возложенных по департаментам должностей» [Миронос, 2000, с. 60]. Таким образом, поручение «молодым дворянам» рутинной и трудоемкой работы по извлечению статистических сведений из губернских отчетов можно рассматривать скорее в контексте получения практических навыков работы с ведомственной документацией, нежели как серьезную попытку составления статистического описания России. Сведений о результатах их деятельности в министерской отчетности не сохранилось.

К этому же времени относятся попытки упорядочить губернскую отчетность — согласно циркуляру министра В. П. Кочубея от 4 сентября 1804 года губернаторам давались рекомендации по структуре отчета и форме статистических ведомостей. Однако за реализацию министерских предписаний и сбор сведений отвечали местные административные органы, которые не имели необходимой квалификации. Отчетность, по признанию самого Кочубея, не имела «всего совершенства», содержала неполные и искаженные сведения [Елисеева и др., 2016, с. 15—17].

3. Создание Статистического отделения Министерства полиции

Новый этап министерской реформы, связанный с деятельностью М. М. Сперанского, существенно ускорил формирование органов административной статистики. Согласно Манифесту 25 июля 1810 года «О разделении государственных дел на особые управления...», среди прочих изменений в структуре государственного управления, создавалось Министерство полиции, в которое передавалась часть функций МВД [ПСЗ-1, т. XXXI, № 24307]. В круг полномочий нового ведомства вошло рассмотрение годовых губернаторских отчетов, а также «донесений от мест <...> о числе родившихся, браком сочатавшихся и умерших <...> о продовольствии столиц и городов <...>» [ПСЗ-1, т. XXXI, № 24326]. Назначенный на пост министра генерал-адъютант А. Д. Балашев оказался убежденным сторонником создания в России эффективной системы административной статистики [Скрыдлов, 2021, с. 112—120].

25 июня 1811 года император утвердил манифест «Об общем учреждении министерств», который определил полномочия и организационную структуру Министерства полиции [ПСЗ-1, т. XXXI, № 24307]. Проведение каких-либо специальных статистических исследований среди обязанностей министерства прямо не называлось. Тем не менее Балашев считал полезным «дать части сей, с Высочайшего соизволения, некоторое распро-

странение». В письме одному из чиновников министерства А. Н. Астафьеву от 20 марта 1811 года министр отмечал, что «в каждом благоустроенном государстве статистическая часть составляет один из самых важнейших предметов правления» и заявлял о намерении «употребить особенное <...> старание к восстановлению оной». Астафьеву поручалось, «присоединив к себе профессора Германа, принять в ведение <...> сведения, которые по статистической части Российской империи при Министерстве полиции относиться могут» [РГИА, ф. 1286, оп. 3, д. 330, л. 16]. Письмо аналогичного содержания было направлено экстраординарному академику по классу статистики, профессору Петербургского педагогического института К. Ф. Герману. В историографии закрепилось мнение, что письма Балашева от 20 марта 1811 года означали создание при Министерстве полиции Статистического отделения [Высшие и центральные..., 2021, с. 49] и именно эту дату «нужно считать началом государственной статистики, поскольку последняя получила узаконенный государственный орган» [Елисеева и др., 2016, с. 19]. На наш взгляд, содержание писем не указывает на возникновение нового подразделения внутри министерства, а лишь содержит поручение подготовить проект его создания. Как следует из отчетной «Записки об учреждении Статистической части при бывшем Министерстве полиции», подготовленной Германом в 1823 году, «Бывший г. министр полиции Балашев <...> предписал 20 марта 1811 года служившему при Министерстве полиции статскому советнику Астафьеву, приняв себе в помощь находящегося при сем же министерстве профессора Германа, исполнить следующее: 1). Пополнив находившиеся по сему предмету в министерстве сведения, поставить на вид и те, кои найдутся нужными для усовершенствования оного; 2) Составить подробный план статистической части, при сем Министерстве составиться имеющейся» [РГИА, ф. 1286, оп. 3, д. 330, л. 12]. Таким образом, Астафьеву и Герману было поручено принять дела по статистической части и подготовить предложения по эффективной организации работы в этом направлении. Говорить о создании статистического подразделения на этом этапе несколько преждевременно.

Пять месяцев спустя, 23 августа 1811 года последовало предписание Балашева, посвященное устройству статистической части. Министр счел правильным «отделить ученую часть статистическую от части исполнительной». К обязанностям исполнительной части было отнесено следующее: «1) Составление предписаний начальникам губерний на основании принятого плана <...> 2) Рассматриваться в оном будут неудобства и препятствия, которые встретят начальники губерний в исполнении статистических требований <...> 3) Составляться будут инструкции и наставления чиновникам, по сему предмету в разные губернии рассылаемые». Задачи

ученой части определялись как: «1) Составление плана об устройстве Статистической части; 2) Извлечение сведений из полученных отчетов губернаторских и отчетов, посылаемых чиновниками по сей части. 3) Составление замечаний на каждый отчет или статистическое сведение» [РГИА, ф. 1286, оп. 3, д. 330, л. 12]. Предписание от 23 августа 1811 года, без сомнения, означало создание в составе Министерства полиции статистического учреждения с определенной структурой и перечнем полномочий.

Поскольку «Учреждение министерств» не предусматривало Статистического отделения в составе Министерства полиции, его создание приобрело характер административного эксперимента, структура и деятельность регулировалась исключительно внутриминистерскими предписаниями. Следствием этого стало отсутствие специального штата и финансирования. Из адрес-календаря, зафиксировавшего список чиновников министерства на декабрь 1811 года, следует, что оба руководителя статистической части, Астафьев и Герман, должны были состоять при общей канцелярии министерства. Однако в конце 1811 года Астафьев покинул Министерство полиции, и его имя было исключено из перечня служащих министерства. В результате в адрес-календаре осталась несогласованная запись: «Статистической части начальники отделений: кол[лежский] сов[етник] Карл Федорович Герман, Императорской Академии наук экстраордин[арный] академик и Педагогического института профессор» [Месяцослов, 1812, с. 574]. 19 января 1812 года последовало распоряжение Балашева «по случаю выбытия из министерства полиции г. Астафьева <...> всем чиновникам исполнительного отделения находиться в распоряжении начальника ученого отделения» [РГИА, ф. 1286, оп. 3, д. 330, л. 13]. Таким образом, Герман стал руководителем первого в России органа административной статистики.

4. Кадровый состав Статистического отделения

Биография Германа демонстрирует удачное сочетание научно-преподавательской деятельности и государственной службы. Уроженец Данцига, он получил образование в Геттингенском университете — центре немецкой школы статистики-государствоведения. В 1795 году Герман перебрался в Россию, где сделал успешную научную карьеру, получив в 1806 году кафедру статистики в Педагогическом институте [РГИА, ф. 1343, оп. 51, д. 454, л. 143; Дмитриев, 2017; Скрыдлов 2017]. Определенную известность в научном сообществе и правящих кругах Герман получил благодаря изданию в 1806—1807 годах «Статистического журнала» — первого в России периодического издания, посвященного проблемам статистики и политической экономии. В журнале Герман опубликовал первую часть своей работы «Теория статистики», где указывал на необходимость развития ста-

тистических учреждений в России, ссылаясь на опыт европейских государств [Герман, 1806, с. 17—18]. Во главе таких учреждений, по мнению Германа, должны были стоять ученые, а государственной власти следовало обеспечить им необходимую поддержку при соблюдении научной автономии [Герман, 1806, с. 26—27]. Среди подписчиков журнала были видные сановники того времени: В. П. Кочубей, Н. Н. Новосильцов, А. С. Строганов, А. С. Шишков и др. Не исключено, что Балашев также был знаком с его содержанием и попробовал воплотить в жизнь идеи Германа.

К 1811 году Герман был избран экстраординарным академиком по классу статистики и пользовался репутацией крупнейшего в столице специалиста в этой области. До приглашения в Министерство полиции он уже имел опыт работы с МВД, для которого «занимался собиранием и составлением статистических сведений» [РГИА, ф. 1286, оп. 3, д. 330, л. 3]. Поручив руководство Статистическим отделением Герману, Балашев предоставил ему возможность самостоятельно определить наилучшее устройство нового ведомства. Жалование руководителю отделения было определено сверх штата министерства на основании высочайшего повеления императора Государственному казначейству и составило 2000 рублей в год [РГИА, ф. 1286, оп. 3, д. 330, л. 45].

28 августа 1811 года Герман направил Балашеву записку с первыми размышлениями о распределении обязанностей внутри Статистического отделения. За собой он предполагал оставить «сочинение плана об устройстве статистической части», а для работы по извлечению сведений из статистических отчетов рекомендовал нескольких чиновников: «Извлечение сведений из первых (статистических отчетов до 1811 года. — А. С.) поручено г-ну Якобу, из ответов — коллежскому асессору Корнееву, а для подобного обрабатывания последнего предмета еще нет в виду чиновника. <...> извлечение статистических материалов из всех известных сего рода сведений, получаемых от губернаторов <...> препоручено коллежскому асессору Дюфуру» [РГИА, ф. 1286, оп. 3, д. 330, л. 21].

Вопрос о жаловании сотрудников подразделения решался в обход утвержденных штатов министерства. Позднее, в одном из представлений Комитету министров Балашев писал о том, что «не считал удобным <...> сим новым заведением увеличивать расходы Государственного казначейства, а полагал обратить на сей предмет часть доходов из Адресных контор, в недавнем пред тем времени заведенных в обеих столицах». Для обеспечения новой структуры кадрами, он «отделил по способностям к сему роду занятий некоторых чиновников, как из Министерства полиции, так и из ведения здешнего Военного губернатора» [РГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 189, л. 668—668 об].

Некоторые из сотрудников, занятые по статистической части, в штатах министерства могли быть распределены по другим подразделениям министерства. Так, например, упомянутый выше А. М. Дюфур, согласно адрес-календарю на 1813 год, состоял чиновником по особым поручениям [Месяцослов, 1813, с. 611]. В делопроизводственных документах министерства за 1817 год сохранился именной перечень чиновников, занятых в работе Статистического отделения. Известно, что к статистическим работам в это время было привлечено не менее 13 человек, кроме того, инструкции Балашева предусматривали некоторое число чиновников, «отправляемых в губернии для описаний» [РГИА, ф. 1286, оп. 3, д. 330, л. 29]. Анализ адрес-календарей за 1818—1819 годы показал, что названные сотрудники не числились в штатах Министерства полиции и Санкт-Петербургской губернии. Единственным указанием на проводимые в министерстве статистические исследования оставалась должность Германа, который состоял «по статистической части» при Общей канцелярии министерства.

Результативность сотрудников отделения во многом зависела от распорядка работы. Поясняя Балашеву специфику научных занятий, профессор указывал, что «труд ученых требует спокойствия и уединения, и следовательно, невозможно его производить в тех комнатах, где собираются все чиновники». Герман предлагал министру разрешить сотрудникам ученой части «заниматься дома» и назначить присутственный день в министерстве [РГИА, ф. 1286, оп. 3, д. 330, л. 21—21 об.]. Эти предложения были утверждены министром.

5. Поиск оптимальной структуры Статистического отделения и первые результаты

О первых результатах работы отделения Герман сообщал в донесении от 15 мая 1812 года. Из отчета следует, что «ученый стол окончил 41 сравнительную табель и 43 статистические таблицы» [РГИА, ф. 1286, оп. 2, 1812, д. 311, л. 4]. В январе 1812 года «25 сравнительных таблиц, 2 общих табели и 41 статистических таблиц» были представлены Александру I и «служили поводом к всемиловитейшему награждению чиновников статистического отделения и к рескрипту, <...> в коем предназначалось более обширности статистическим занятиям» [РГИА, ф. 1290, оп. 1, д. 9, л. 15—15 об.]. Балашев лично занимался поиском необходимой отделению литературы. В одном из писем Н. П. Румянцеву он отмечал, что граф во время управления внешней торговлей принес «величайшую пользу статистике Российской империи, приказав собрать самые важные сведения касательно настоящего положения азиатских народов». Балашев просил Румянцева передать ему на время эти статистические сочинения [ГАРФ, ф. 917, оп. 1, д. 634, л. 1].

К марту 1812 года был подготовлен проект усовершенствования работы Статистического отделения. Он закреплял статус учреждения при общей канцелярии министерства и предполагал создание двух столов — о состоянии государственного хозяйства и о состоянии государственного устройства. Проблему нехватки кадров предполагалось решить уже известным способом — учредить «сословие молодых людей, желающих посвятить себя российской статистике, служа без жалования». Будучи профессором Педагогического института, Герман имел возможность привлекать к работе в ведомстве своих учеников. После успешного прохождения практики «отличные своими способностями и прилежанием» студенты могли быть определены «на штатные вакансии сего отделения» [РГИА, ф. 1284, оп. 1, кн. 33, д. 298, л. 224; Елисеева, Дмитриев, с. 20]. Реализации этого проекта помешали обстоятельства субъективного свойства. 28 марта 1812 года Балашев получил высочайший рескрипт с распоряжением состоять генерал-адъютантом при императоре, а дела в Министерстве полиции передать С. К. Вязьмитинову. Формально сохраняя звание министра, Балашев в последующие годы занимался исполнением особых поручений Александра I. Отказавшись от всех прочих обязанностей в министерстве, Балашев, тем не менее, оставил за собой контроль над работой статистической службы, придавая особое значение «статистическому эксперименту» [Юбилейный сборник..., 1913, с. 2].

В рапорте от 15 мая 1812 года Герман просил Балашева выделить ему отдельного чиновника для ведения текущего делопроизводства. Создание исполнительного стола предусматривалось еще предписанием Балашева от 23 августа 1811 года, однако разделение функций к этому времени так и не было реализовано. Герман сообщал Балашеву о том, что канцелярские дела находятся «в разных руках и останавливают успехи ученых занятий». 30 июля 1812 года Балашев утвердил рапорт Германа и проект инструкции исполнительному столу. В последующие годы ведомство пополнилось новыми подразделениями и к 1817 году включало «следующие части и столы: ученый, ревизионный, исполнительный, депо карт, а также библиотеку». Ученый стол занимался подготовкой статистических работ, ревизионный отвечал за корректность количественных данных и «обязан был ревизовать только в отношении нумерическом как работы ученого стола, так и сами документы, в отделение поступающие от разных мест и лиц». В обязанности депо карт входило хранение поступающих в отделение карт и атласов, а также составление статистических карт [РГИА, ф. 1286, оп. 3, д. 330, л. 22—24].

Служебная карьера Балашева складывалась таким образом, что в 1813 году он был вынужден покинуть Россию для участия в Заграничных походах и выполнения дипломатических поручений. После его отъезда Статистическое отделение, выведенное из непосредственного подчинения ис-

полнявшего обязанности министра С. К. Вязьмитинова, оказалось в непростом положении. В отчетах Герман писал о том, что «с 1813 года началось его (отделения. — А. С.) падение, ибо ожидаемого законного устройства оно не получило». Из донесений о деятельности отделения следует, что за первый год его существования были подготовлены 41 сравнительная табель и 43 сравнительные таблицы [РГИА, ф. 1286, оп. 2, 1812, д. 311, л. 4]. В последующие годы научные результаты стали заметно скромнее: за весь период с 1813 по 1818 годы было подготовлено лишь 25 таблиц и 2 общие табели [РГИА, ф. 1290, оп. 1, д. 9, л. 15 об.]. В этот период ведомство занималось преимущественно «составлением разных сведений для видов правительства» и «текущими делами по приказанию начальства» [РГИА, ф. 1290, оп. 1, д. 9, л. 11]. Среди причин снижения активности отделения Герман называл нехватку кадров: «чиновники, мало-помалу, выходят из отделения <...> в отделении находятся ныне налицо только три чиновника, но которые беспрестанно заняты одной текущей частью» [РГИА, ф. 1290, оп. 1, д. 9, л. 11—11 об.].

Из воспоминаний Балашева известно, что по возвращении в Россию в январе 1816 года в ходе одной из бесед с императором он «упомянул о статистической части, продолжать ли ее? Г[осударь] отвечал, непременно, потому что я от нее со временем ожидаю большой пользы» [Научно-исторический архив СПб ИИ РАН, ф. 16, оп. 1, д. 217, л. 84]. В октябре 1816 года министр затребовал отчет о работе отделения [РГИА, ф. 1286, оп. 3, д. 330, л. 23], а 18 июня 1817 года утвердил новый «Образ канцелярского производства дел» [РГИА, ф. 1286, оп. 3, д. 330, л. 26—28]. 9 августа 1817 года Балашев приступил к комплексной реорганизации статистической части. В составе отделения, кроме уже действующего ученого стола, появились счетная и чертежная части, а также регистратура. Были детализированы обязанности каждого подразделения [РГИА, ф. 1286, оп. 3, д. 330, л. 26—28 об.].

6. Несостоявшийся проект А. Д. Балашева «О статистическом учреждении»

Новый порядок работы Статистического отделения просуществовал около полутора лет. Далее в карьере Балашева произошел резкий поворот, и 1 ноября 1819 года он был назначен генерал-губернатором пяти центральных губерний. Министерство полиции ликвидировалось, его функции передавались в МВД. Статистическое отделение, созданное в порядке внутриминистерского эксперимента, оказалось в неопределенном состоянии.

Желая закрепить положение статистического органа в структуре центрального управления империи, 17 ноября 1819 года Балашев представил в Комитет министров записку «О статистическом учреждении». Обосно-

вывая необходимость существования органа административной статистики, Балашев отмечал, что «заведение сие принесет со временем немаловажную услугу государству и пользу службе в великой надобности в статистических сведениях для всякого государственного чиновника». Генерал-адъютант ссылаясь на европейский опыт: «Правительства всех почти стран признали нужду в средоточии собирания, поверки и приведения в общие и сравнительные таблицы как официальных сведений, так и всех издаваемых сочинений по предметам статистики. Без сего способа <...> правительства не будут иметь никогда надлежащего познания о настоящем состоянии народа» [РГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 189, л. 669 об].

Главной задачей статистического органа Балашев считал «доставление способов каждому занимающемуся, а в особенности государственному чиновнику, получать основания не гадательно принятые, но извлеченные из сведений, по возможности, полных, проверенных». Ведомство было ответственно за то, что «выданное им сведение есть лучшее и достовернейшее из всех возможных». Как и прежде, учреждение предполагалось разделить на три отделения — ученое, счетное и чертежное. Важным новшеством стала идея создать при новой структуре Статистическое общество — научно-просветительскую организацию, состоящую из действительных членов, комиссионеров и корреспондентов [РГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 189, л. 670] Общество должно было объединить профессионалов в области статистической науки, завести собственную библиотеку, издавать научные труды и журнал.

Расходы на содержание нового учреждения Балашев оценивал в 60 тыс. рублей. По его замыслу, статистическая часть «ввиду большой важности и общегосударственного значения» должна была существовать самостоятельно и ее не следовало передавать в ведение какого-либо министерства. Возглавлять это учреждение должен был директор, а надзор за его деятельностью поручался главному попечителю из «государственных сановников» [РГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 189, л. 671]. Очевидно, что на место директора мог претендовать Герман, а пост попечителя рассчитывал занять сам Балашев.

Проект был рассмотрен на заседании Комитета министров, однако не нашел поддержки. Члены комитета решили, что статистическое учреждение «по общему распорядку государственного управления не может само по себе составлять никакой отдельной части». Комитет постановил передать статистическое отделение в Министерство внутренних дел, и это решение было утверждено императором.

7. Заключение

После неудачной попытки придать статистическим начинаниям официальный статус Балашев был вынужден отменить все распоряжения по стати-

стической части. 18 декабря 1819 года он сообщил об этом Герману [РГИА, ф. 1286, оп. 3, д. 330, л. 37]. В объединенном под началом Кочубея МВД Статистическое отделение долгое время существовало при канцелярии министра, и ему не было дано каких-либо новых инструкций. В 1823 году по распоряжению министра оно было включено в состав Департамента полиции исполнительной, при этом вопрос о финансировании и штатах оставался нерешенным. 15 ноября 1827 года Комитет министров рассмотрел представление управляющего МВД В. С. Ланского о штатах министерства. В соответствии с этим документом Статистическое отделение как самостоятельное подразделение министерства предполагалось упразднить, а его функции передать первому отделению Департамента полиции исполнительной. Комитет одобрил новые штаты, но они не были утверждены императором. Отделение долгое время находилось под угрозой ликвидации, и только в 1834 году, по инициативе министра Д. Н. Блудова, было реорганизовано и получило утвержденные правила [ПСЗ-2, т. IX, № 7684].

Таким образом, генезис административной статистики в России совпал с этапом активного реформирования центральных государственных учреждений. Создание первого статистического органа носило экспериментальный характер, а начальный этап его деятельности оказался сопряжен с традиционными для российского управленческого аппарата трудностями — нехваткой финансирования, штатных единиц и квалифицированных кадров. Решающую роль в развитии Статистического отделения сыграла личная заинтересованность министра Балашева и профессора Германа, которым удалось подготовить основу для последующих усовершенствований нормативно-правовой базы и практик статистических исследований.

Источники и сокращения

1. РГИА — *Российский государственный исторический архив*. Ф. 1263. (Комитет министров) Оп. 1. Д. 189. Л. 668—674 ; Ф. 1284 (Департамент общих дел МВД). Оп. 1. Кн. 33. Д. 298. Л. 224 ; Ф. 1286 (Департамент полиции исполнительной МВД). Оп. 2. 1812. Д. 311. Л. 3—5 ; Оп. 3. Д. 330. Л. 3—32 ; Оп. 4. 1828 г. Д. 62 ; Д. 904. Л. 1—10 ; Ф. 1290 (Центральный статистический комитет МВД). Оп. 1. Д. 9. Л. 15—15 об. ; Оп. 912. 1828. Д. 9. Л. 1—5 ; Ф. 1343. Оп. 51. Д. 454. Л. 143.
2. ГА РФ — *Государственный архив Российской Федерации*. Ф. 917 (Дивов Павел Гаврилович). Оп. 1. Д. 634. Л. 1.
3. *Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН* — Научно-исторический СПб ИИ РАН. Ф. 16. (Балашовы). Оп. 1. Д. 217. Л. 84.
4. ПСЗ-1 — *Полное собрание законов Российской империи* : Собрание первое. Т. XXVII. № 20582 ; Т. XXXI. № 24307, 24326, 24687.
5. ПСЗ-2 — *Полное собрание законов Российской империи* : Собрание второе. Т. IX. № 7684.

6. *Месяцослов* с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето 1812 от Рождества Христова. — Санкт-Петербург : При Императорской Академии наук, 1812. — Ч. 1. — 647 с.

7. *Месяцослов* с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето 1813 от Рождества Христова. — Санкт-Петербург : При Императорской Академии наук, 1813. — Ч. 1. — 688 с.

8. *Месяцослов* с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето 1818 от Рождества Христова. — Санкт-Петербург : При Императорской Академии наук, 1818. — Ч. 1. — 858 с.

9. *Месяцослов* с росписью чиновных особ, или Общий штат Российской империи на лето 1819 от Рождества Христова. — Санкт-Петербург : При Императорской Академии наук, 1819. — Ч. 1. — 927 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Варадинов Н. В.* История Министерства внутренних дел. В 3 ч. / Н. В. Варадинов. — Санкт-Петербург : В типографии Министерства внутренних дел, 1859. — Ч. 2. — Книга 1. — 632 с.

2. *Взаимосвязи* российской и европейской экономической мысли : опыт Санкт-Петербурга / Под ред. И. И. Елисеевой и А. Л. Дмитриева. — Санкт-Петербург : Нестор-история, 2013. — 480 с. — ISBN 978-5-44690-099-2.

3. *Высшие* и центральные государственные учреждения России 1801—1917. В 4 т. — Санкт-Петербург : Наука, 2001. — Т. 2. — 302 с.

4. *Герман К. Ф.* Теория статистики / К. Ф. Герман // Статистический журнал. — 1806. — Т. I. — Ч. 1. — С. 1—29.

5. *Гозулов А. И.* Очерки истории отечественной статистики / А. И. Гозулов. — Москва : Статистика, 1972. — 312 с.

6. *Дмитриев А. Л.* Карл Федорович Герман : статистик и экономист (к 250-летию со дня рождения) / А. Л. Дмитриев // Вестник СПбГУ. Экономика. — 2017. — Т. 33. — № 3. — С. 433—451. — DOI: 10.21638/11701/spbu05.2017.305.

7. *Дружинин Н. К.* Развитие основных идей статистической науки / Н. К. Дружинин. — Москва : Статистика, 1979. — 269 с.

8. *Елисеева И. И.* Очерки по истории государственной статистики России / И. И. Елисеева, А. Л. Дмитриев. — Санкт-Петербург : Росток, 2016. — 288 с. — ISBN 978-5-94668-208-4.

9. *Ефимова М. Р.* Сочетание практической, научной и педагогической деятельности — традиции отечественных статистиков / М. Р. Ефимова // Вопросы статистики. — 2015. — № 4. — С. 80—88.

10. *Ефимова М. Р.* Сочетание практической, научной и педагогической деятельности — традиции отечественных статистиков (Часть II — XX век) / М. Р. Ефимова // Вопросы статистики. — 2016. — № 1. — С. 68—78.

11. *Ленин В. И.* Предисловие к русскому изданию брошюры «К. Каутский. Нет больше социал-демократии!» / В. И. Ленин // Ленин В. И. Сочинения. 4-е издание. — Москва : Государственное издательство политической литературы, 1947. — Т. 10. — С. 173—174.

12. *Любезников О. А.* Н. Н. Новосильцов и А. Д. Балашев : разработка и реализация преобразований в системе местного управления при императоре Александре I / О. А. Любезников, А. Ю. Скрыдлов // Клио. — 2012. — № 12. — С. 108—115.

13. Миронос А. А. Ученые комитеты и советы министерств и ведомств в XIX веке : Задачи, структура, эволюция / А. А. Миронос. — Нижний Новгород : ННГУ, 2000. — 255 с. — ISBN 5-85746-603-2.
14. Наука и кризисы : Ист.-сравнит. очерки / ред.-сост. Э. И. Колчинский. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2003. — 1038 с. — ISBN 5-86007-314-3.
15. Павлов-Сильванский Н. П. Проекты реформ в записках современников Петра Великого : Опыт изучения русских проектов и неизданные их тексты / Н. П. Павлов-Сильванский. — Санкт-Петербург : Типография В. Киршбаума, 1897. — 86 с.
16. Плошко Б. Г. История статистики / Б. Г. Плошко, И. И. Елисеева. — Москва : Финансы и статистика, 1990. — 294 с. — ISBN 5-279-00304-2.
17. Птуха М. В. Очерки по истории статистики в СССР. В 2 т. / М. В. Птуха. — Москва : Издательство Академии наук СССР, 1955. — Т. I. — 471 с.
18. Птуха М. В. Очерки по истории статистики в СССР. Статистика в Академии наук, ученых обществах и учебных заведениях. 1801—1863 / М. В. Птуха. — Москва : Издательство Академии наук СССР, 1959. — Т. II. — 476 с.
19. Скрыдлов А. Ю. Академик К. Ф. Герман : на пересечении науки и государственной службы (к 250-летию со дня рождения ученого) / А. Ю. Скрыдлов // Социология науки и технологий. — 2017. — № 1. — С. 16—27.
20. Скрыдлов А. Ю. Министр полиции А. Д. Балашев и организация статистических исследований в России / А. Ю. Скрыдлов // Российская история. — 2021. — № 2. — С. 112—120. — DOI: 10.31857/S086956870014463-0.
21. Смит-Петер С. Русская статистика первой половины XIX в. в общеевропейском контексте / С. Смит-Петер // Вопросы истории естествознания и техники. — 2005. — № 4. — С. 125—136.
22. Шлецер А. Л. Общественная и частная жизнь Августа Людвиг Шлецера, им самим описанная / А. Л. Шлецер. — Санкт-Петербург : Типография Императорской Академии наук, 1875. — 532 с.
23. Юбилейный сборник Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. — Санкт-Петербург : [б. и.], 1913. — 374 с.
24. Smith-Peter S. Defining the Russian People : Konstantin Arsen'ev and Russian Statistics before 1861 / S. Smith-Peter // History of Science. — 2007. — № 45/1. — Pp. 47—64.
25. Schlözer A. L. Von der Unschädlichkeit der Pocken in Rußland und von Rußlands Bevölkerung überhaupt / A. L. Schlözer. — Dieterich : Göttingen u.a., 1768. — 154 p.

MATERIAL RESOURCES

- GA RF — *State Archive of the Russian Federation. F. 917 (Pavel Gavrilovich Divov). Op. 1. d. 634. L. 1.* (In Russ.).
- Months with the painting of officials, or the General staff of the Russian Empire for the summer of 1819 from the Birth of Christ, 1.* (1819). St. Petersburg: At the Imperial Academy of Sciences. 927 p. (In Russ.).
- RGIA — *Russian State Historical Archive. F. 1284 (Department of General Affairs of the Ministry of Internal Affairs). Op. 1. Book 33. d. 298. l. 224; F. 1290 (Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs). Op. 1. D. 9. L. 15—15 vol.; Op. 912. 1828. D. 9. L. 1—5. F. 1343. Op. 51. D. 454. L. 143; F. 1263. (Committee of Ministers) Op. 1. D. 189. L. 668—674; F. 1286 (Police Department*

- of the Executive Ministry of Internal Affairs). Op. 2. 1812. d. 311. L. 3—5; Op. 3. d. 330. l. 3—32; Op. 4. 1828. d. 62; D. 904. L. 1—10. (In Russ.).
- Scientific and Historical St. Petersburg Institute of the Russian Academy of Sciences*. F. 16. (Balashov). Op. 1. d. 217. l. 84. (In Russ.).
- The Complete Collection of laws of the Russian Empire: The first Collection*. Vol. XXVII. № 20582; vol. XXXI. № 24307, 24326, 24687. (In Russ.).
- The Complete Collection of laws of the Russian Empire: The second Collection*. Vol. IX. № 7684. (In Russ.).
- The monthly book with the painting of officials, or the General staff of the Russian Empire for the summer of 1812 from the Birth of Christ, 1.* (1812). St. Petersburg: At the Imperial Academy of Sciences. 647 p. (In Russ.).
- The monthly book with the painting of officials, or the General staff of the Russian Empire for the summer of 1813 from the Birth of Christ, 1.* (1813). St. Petersburg: At the Imperial Academy of Sciences. 688 p. (In Russ.).
- The monthly book with the painting of officials, or the General staff of the Russian Empire for the summer of 1818 from the Birth of Christ, 1.* (1818). St. Petersburg: At the Imperial Academy of Sciences. 858 p. (In Russ.).

REFERENCES

- Dmitriev, A. L. (2017). Karl Fedorovich German: statistician and economist (to the 250th anniversary of his birth). *Bulletin of St. Petersburg State University. Economy*, 33 (3): 433—451. DOI: 10.21638/11701/spbu05.2017.305. (In Russ.).
- Druzhinin, N. K. (1979). *Development of the basic ideas of statistical science*. Moscow: Statistics. 269 p. (In Russ.).
- Efimova, M. R. (2015). Combination of practical, scientific and pedagogical activity — traditions of domestic statisticians. *Questions of statistics*, 4: 80—88. (In Russ.).
- Efimova, M. R. (2016). Combination of practical, scientific and pedagogical activity — traditions of domestic statisticians (Part II — XX century). *Questions of statistics*, 1: 68—78. (In Russ.).
- Eliseeva, I. I., Dmitriev, A. L. (2016). *Essays on the history of state statistics of Russia*. Saint Petersburg: Rostock. 288 p. ISBN 978-5-94668-208-4. (In Russ.).
- Gozulov, A. I. (1972). *Essays on the history of domestic statistics*. Moscow: Statistics. 312 p. (In Russ.).
- Herman, K. F. (1806). Theory of statistics. *Statistical Journal*, 1 (1): 1—29. (In Russ.).
- Higher and central state institutions of Russia 1801—1917: In 4 volumes*, 2. (2001). St. Petersburg: Nauka. 302 p. (In Russ.).
- Interrelations of Russian and European economic thought: the experience of St. Petersburg*. (2013). St. Petersburg: Nestor-history. 480 p. ISBN 978-5-44690-099-2. (In Russ.).
- Jubilee collection of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs*. (1913). St. Petersburg: [b. i.]. 374 p. (In Russ.).
- Lenin, V. I. (1947). Preface to the Russian edition of the pamphlet “K. Kautsky. There is no more social democracy!” *Lenin V. I. Essays. 4th edition*, 10. Moscow: State publishing house of political literature. 173—174. (In Russ.).
- Lubeznikov, O. A., Skrydlov, A. Y. (2012). N. N. Novosiltsov and A. D. Balashev: development and implementation of reforms in the system of local administration under the Emperor Alexander I. *Klio*, 12: 108—115. (In Russ.).

- Mironos, A. A. (2000). *Scientific committees and councils of ministries and departments in the XIX century: Tasks, structure, evolution*. Nizhny Novgorod: UNN. 255 p. ISBN 5-85746-603-2. (In Russ.).
- Science and crises: Ist.-compare. Essays*. (2003). St. Petersburg: Dmitry Bulanin. 1038 p. ISBN 5-86007-314-3. (In Russ.).
- Pavlov-Silvansky, N. P. (1897). *Reform Projects in the Notes of Contemporaries of Peter the Great: The Experience of studying Russian projects and their unpublished texts*. St. Petersburg: V. Kirshbaum Printing House. 86 p. (In Russ.).
- Ploshko, B. G., Eliseeva, I. I. (1990). *History of statistics*. Moscow: Finance and Statistics. 294 p. ISBN 5-279-00304-2. (In Russ.).
- Ptukha, M. V. (1955). *Essays on the history of statistics in the USSR. In 2 volumes, I*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 471 p. (In Russ.).
- Ptukha, M. V. (1959). *Essays on the history of statistics in the USSR. Statistics in the Academy of Sciences, scientific societies and educational institutions. 1801—1863, II*. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 476 p. (In Russ.).
- Schlözer, A. L. (1768). *Von der Unschädlichkeit der Pocken in Rußland und von Rußlands Bevölkerung überhaupt*. Dieterich: Göttingen u.a. 154 p. (In Germ.).
- Shletzer, A. L. (1875). *Public and private life of August Ludwig Shletzer, described by himself*. St. Petersburg: Printing House of the Imperial Academy of Sciences. 532 p. (In Russ.).
- Skrydlov, A. Yu. (2017). Academician K. F. German: at the intersection of science and public service (to the 250th anniversary of the scientist's birth). *Sociology of Science and Technology*, 1: 16—27. (In Russ.).
- Skrydlov, A. Yu. (2021). Minister of Police A. D. Balashev and the organization of statistical research in Russia. *Russian History*, 2: 112—120. DOI: 10.31857/S086956870014463-0. (In Russ.).
- Smith-Peter, S. (2005). Russian statistics of the first half of the XIX century in a pan-European context. *Questions of the history of Natural science and Technology*, 4: 125—136. (In Russ.).
- Smith-Peter, S. (2007). Defining the Russian People: Konstantin Arsen'ev and Russian Statistics before 1861. *History of Science*, 45/1: 47—64.
- Varadinov, N. V. (1859). *History of the Ministry of Internal Affairs. At 3 o'clock*, 2 (1). St. Petersburg: In the printing house of the Ministry of Internal Affairs. 632 p. (In Russ.).

Сорокин А. А. Система земских выборов по Положению о земских учреждениях 1890 года в оценках российской периодической печати / А. А. Сорокин, М. В. Медоваров // Научный диалог. — 2021. — № 12. — С. 479—496. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-479-496.

Sorokin, A. A., Medovarov, M. V. (2021). System of Zemstvo Elections According to Regulations on Zemstvo Institutions of 1890 in Estimates of Russian Periodicals. *Nauchnyi dialog*, 12: 479-496. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-479-496. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-479-496

Система земских выборов по Положению о земских учреждениях 1890 года в оценках российской периодической печати

Сорокин Александр Анатольевич

orcid.org/0000-0003-1710-0801

кандидат исторических наук

старший преподаватель

ведущий научный сотрудник

skaliger1989@yandex.ru

Медоваров Максим Викторович

orcid.org/0000-0002-9921-2219

кандидат исторических наук, доцент

старший научный сотрудник

mmedovarov@yandex.ru

Национальный исследовательский
Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
(Нижний Новгород, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Совета по грантам Президента РФ
в рамках научного проекта
№ МК-2631.2021.2 «Институт земских
выборов в общественно-политическом
дискурсе Российской империи
на рубеже XIX—XX вв.»

System of Zemstvo Elections According to Regulations on Zemstvo Institutions of 1890 in Estimates of Russian Periodicals

Alexander A. Sorokin

orcid.org/0000-0003-1710-0801

PhD in History, Senior Lecturer

Leading Researcher

skaliger1989@yandex.ru

Maxim V. Medovarov

orcid.org/0000-0002-9921-2219

PhD in History, Associate Professor

Senior Research Fellow

mmedovarov@yandex.ru

National Research
Lobachevsky State University
of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod, Russia)

Acknowledgments:

The research was carried out with
the financial support of the Grant Council
of the President of the Russian Federation
within the framework of the scientific project
No. MK-2631.2021.2 “The Institute
of Zemstvo elections in the socio-political
discourse of the Russian Empire at the turn
of the XIX—XX centuries”

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена малоизученному вопросу о реакции российской периодической печати на изменения в земском избирательном законодательстве по Положению о земских учреждениях 1890 года. Впервые рассмотрены позиции ведущих консервативных («Московские ведомости», «Гражданин», «Русское обозрение», «Русский вестник», «Новое время»), либеральных («Новости», «Неделя», «Вестник Европы», «Русская мысль», «Русские ведомости», «Судебная газета») и народнических («Русское богатство», «Новое слово», «Северный вестник») изданий. Показано отношение периодической печати к ключевым изменениям в системе земских выборов: учреждению сословных избирательных собраний, привилегированному положению дворянства, изменению порядка представительства от крестьян, лишению избирательных прав евреев, изменению порядка утверждения членов и председателей земских управ. Авторы доказывают, что отдельные нормы нового избирательного закона не устраивали как консервативные, так и либеральные и народнические издания. При этом внутри каждой из этих групп не было единого подхода. Отдельные консервативные издания в своих предложениях и критике были близки к либеральным («Новое время»), и наоборот («Новости», «Неделя»). В целом каждое из изданий концентрировалось преимущественно на отдельных изменениях, критикуя или поддерживая их, а также предлагая свои варианты их изменения.

Ключевые слова:

земское избирательное законодательство; Вестник Европы; Русское обозрение; земские выборы; земская контрреформа; самоуправление; крестьяне.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the little-studied issue of the reaction of the Russian periodicals to changes in the zemstvo electoral legislation in accordance with the Regulations on zemstvo institutions in 1890. The positions of the leading conservative ("Moskovskie vedomosti", "Grazhdanin", "Russian Review", "Russian Bulletin", "Novoye Vremya"), liberal ("Novosti", "Nedelya", "Bulletin of Europe", "Russian Thought", "Russkie vedomosti", "Sudebnaya Gazeta") and populist ("Russian wealth", "Novoye Slovo", "Severny Vestnik") editions. The attitude of periodicals to key changes in the system of zemstvo elections is shown: the establishment of estate electoral meetings, the privileged position of the nobility, a change in the order of representation from peasants, the deprivation of voting rights for Jews, a change in the procedure for approving members and chairmen of zemstvo councils. The authors argue that certain provisions of the new electoral law did not suit both conservative and liberal and populist publications. At the same time, there was no single approach within each of these groups. Some conservative publications in their proposals and criticism were close to the liberal ones ("Novoye Vremya"), and vice versa ("Novosti", "Nedelya"). In general, each of the editions focused mainly on individual changes, criticizing or supporting them, as well as proposing their own versions of their changes.

Key words:

zemstvo electoral legislation; Bulletin of Europe; Russian Bulletin; zemstvo elections; zemstvo counter-reform; self-government; peasants.

Система земских выборов по Положению о земских учреждениях 1890 годов в оценках российской периодической печати

© Сорокин А. А., Медоваров М. В., 2021

1. Введение

Вопрос о развитии системы местного самоуправления и институтов представительства являлся одним из ключевых в Российской империи после проведения «Великих реформ» Александра II и дополнительно обострился в период «контрреформ» 1889—1892 годов. Земские учреждения к этому времени имели длительный опыт практической деятельности, и выборы в них становились знаковым общественно-политическим событием, регулярно освещаемым как в центральной, так и региональной периодической печати.

Изменение земского избирательного законодательства со вступлением на престол Александра III становилось вопросом времени, что объективно было связано с целым рядом обстоятельств. Во-первых, за два десятилетия избирательных кампаний накопилась обширная практика казусов, курьезов и нарушений. Во-вторых, земские собрания неоднократно выступали с заявлениями или ходатайствами об изменении отдельных статей Положения о земских учреждениях в части, касающейся выборов. В-третьих, это было связано с политическими воззрениями Александра III и сущностью его внутривластного курса.

Стоит отметить, что историография земской контрреформы в принципе не слишком богата. Со времен специальной монографии Л. Г. Захаровой прошло более полувека [Захарова, 1968]. П. А. Зайончковский, Ю. Б. Соловьев и Г. А. Герасименко затрагивали данную тему бегло [Зайончковский, 1970, с. 401—411; Соловьев, 1973, с. 191—193; Герасименко, 1990, с. 22—23]. Это характерно и для зарубежной историографии [Manning, 1982; Freeze, 1986; Wcislo, 1990]. Современные российские исследователи Д. А. Николаев, С. В. Филиппева и П. В. Галкин делают акцент на паллиативности Положения 1890 года, концентрируясь на анализе изменений норм Положения 1890 года по сравнению с Положением 1864 года [Николаев, 2002; Филиппева, 2014; Галкин, 2017]. Что касается изучения именно земского избирательного законодательства, то фактически единственными фундаментальными работами на эту тему являются монографии Н. И. Свечникова (однако в ней акцент сделан на нормах Положения 1864 г.) и В. В. Куликова [Свечников, 2020; Куликов, 2009].

Между тем вне поля зрения историков осталась общественная реакция на земскую контрреформу. Органы печати стали обсуждать Положение 1890 года еще до его публикации, на основании известных проектов и слухов. В данном случае, однако, мы сосредоточимся на оценке конкретных статей Положения в русской печати сразу после его выхода, то есть с июля 1890 г. Последовательно рассмотрим консервативную, либеральную и народническую прессу, отдавая себе отчет в том, что внутри каждого идейного лагеря также могли встречаться разные точки зрения на данную контрреформу.

2. Основные изменения в организации земских выборов по Положению 1890 года

Положение о земских учреждениях 1890 года внесло ряд изменений в порядок выборов в земские гласные и на должности земского самоуправления. Для выборов в гласные устанавливалось два избирательных собрания: из личных и потомственных дворян (первое) и из прочих лиц (второе). Менялся порядок избрания гласных от крестьян. Во-первых, крестьяне не имели права участвовать в других избирательных собраниях даже при наличии личного имущественного ценза. Во-вторых, от сельских обществ могли избираться только крестьяне (в отличие от Положения 1864 года, когда от крестьянской курии могли быть избраны и представители других сословий). В-третьих, крестьяне избирали уже не самих гласных, а только кандидатов, из числа которых губернатор затем уже утверждал часть гласными. Число гласных от первого собрания в уездном земском собрании должно было составлять не менее половины от количества всех уездных гласных. К самой процедуре голосования следовало приступить, если являлось более 2/3 от числа подлежащих избранию гласных, в противном случае все явившиеся избиратели признавались гласными [Высочайше утвержденное Положение..., 1890].

Был сужен круг лиц, участвующих в съездах мелких землевладельцев недвижимости в уездах и городах, поскольку минимальный порог для участия в них был повышен с 1/20 до 1/10 земского ценза (то есть 1/10 от составляющего земский ценз числа десятин земли или имущество стоимостью не менее 1500 руб.). Сами съезды уполномоченных от таких владельцев должны были проходить отдельно для дворян и недворян [Высочайше утвержденное Положение..., 1890].

Полностью лишены были избирательных прав евреи. Из числа избирателей были исключены владельцы торговых и промышленных заведений (ранее их годовой оборот в 6 тыс. рублей приравнивался к полному избирательному цензу). Несколько понижен был земельный ценз для участия в выборах (если ранее минимальный его размер составлял 200 десятин, то

теперь — 125). При этом устанавливался ценз оседлости — срок владения составляющего ценз имуществом должен был быть не менее 1 года [Высочайше утвержденное Положение ..., 1890].

В состав уездных земских собраний по должности вошли городские головы, а в состав губернских земских собраний — уездные предводители дворянства. Было повышено минимальное количество гласных в уездных земских собраниях (с 10 до 15) и, напротив, сокращено максимальное (с 96 до 40) [Высочайше утвержденное Положение ..., 1890].

Губернатор и министр внутренних дел имели право не утверждать в должности не только председателей, но и членов управ. Министр внутренних дел в отдельных случаях имел право назначать как председателей, так и членов управ [Высочайше утвержденное Положение ..., 1890]. Введение этой статьи позволило сделать Д. А. Николаеву не совсем верный, на наш взгляд, вывод о том, что по Положению 1890 года председатели губернских управ должны были назначаться правительством [Николаев, 2002, с. 71].

Председатели управ могли избираться только из лиц, имеющих по закону право на вступление на государственную службу. Это позволяло увольнять членов и председателей управ в административном порядке. Вместе с тем новый закон не допускал возможность «семейных захватов» должностей в управах, запретив одновременное занятие выборных должностей лицами, состоящими в первой степени свойства и в близких степенях родства. Также в этих целях была ограничена выдача доверенностей для участия в выборах.

3. Оценки консервативной печати

«Гражданин» В. П. Мещерского еще до принятия нового Положения выпустил ряд статей, критикующих деятельность и порядок формирования земских учреждений. В частности, издание не удовлетворяли выборы в губернские собрания и управы: «В губернские гласные, по преимуществу, стараются быть выбранными председатели и члены уездных управ и неперменные члены крестьянских присутствий; первые заинтересованы в расположении губернского земского собрания на случай грешков и неполадок со своими братьями (так как направление к прокурору дел о преступлениях по должности уездных управ зависит от губернского земского собрания); вторые же — прямо в избрании на свои места (что производится также в губернском земском собрании)» [Губернский гласный, 1890, с. 1]. Такой порядок, по мнению издания, приводил к тому, что губернские управы становились фактически неподконтрольными как имеющие «свою сильную партию» в собрании [Там же].

Поддержав введение земских участковых начальников, «Гражданин» предлагал следующим шагом провести реформу земского самоуправления

ния. При этом сама «реформа» понималась им весьма радикально: «... реформа земства, даже самая его отмена, далеко не вызвала бы того ропота и опасений за самостоятельность крестьянского самоуправления, какие и до сего дня сопровождают введение земских начальников» [Наследие реформы, 1890, с. 1]. Представительные выборные институты для В. П. Мещерского были чуждыми, и он полагал, что возможна безболезненная их отмена [Наследие реформы, 1890, с. 1].

«Московские ведомости» негативно относились к земству, видя в нем рассадник либерализма и предтечу парламентаризма. Не останавливал газету и тот факт, что ведущие роли в земских учреждениях принадлежали дворянству: «Правда, в земских собраниях заседало и дворянство, но дворянство, в лице многих своих представителей уже готовое продать свое первородство за чечевичную похлебку прав политических, дворянство, готовое ради этих *прав* (здесь и далее курсив приведен по источнику. — А. С.) смешаться с “интеллигенцией”» [Московские ведомости, 1890, 31 января].

Положение 1890 года понималось редакцией «Московских ведомостей» как коренной переворот, и газета утверждала, что либеральная печать ошибается, когда заявляет о сохранении основных начал земского самоуправления: «... новое земское положение уничтожает чисто выборный характер земской службы и придает ей значение службы государственной, обуславливая занятие должностей правительственной санкцией» [Московские ведомости, 1890, 18 июля].

Сословный характер выборов воспринимался как естественная фиксация существующего деления общества на сословно-бытовые группы, среди которых дворянство как «наиболее просвещенное сословие в государстве» имеет первенствующее значение. Всесословность же избирательного права по Положению 1864 года, по мнению авторов газеты, не гарантировала качества состава и деятельности земских учреждений [Московские ведомости, 1890, 21 сентября].

Н. В. Щербань, видный публицист, который сам избирался гласным Таврического губернского земского собрания, опубликовал на страницах «Московских ведомостей» серию статей под названием «Улучшения в земстве». Введенная новой земской избирательной системой доминирующая роль дворянского землевладения понималась им как благо, которое «оградит интересы хлебопашцев всех сословий и вернее обеспечит населению заботливость о местных хозяйственных потребностях». Земцы в его дефиниции — «слуги государства», как и остальные чиновники, и утверждение членов управ в должности — часть этой трактовки [Московские ведомости, 1890, 30 августа].

Все основные изменения были названы «улучшением земского контингента». К числу наиболее значимых из них было отнесено увеличение

дворянского представительства. Также приветствовалось ограничение права доверия голоса в избирательном собрании у женщин только родственникам, а не любым избирателям. Установление срока владения составляющим ценз имуществом воспринималось как средство борьбы с фиктивными цензами. При этом вызывало недовольство, что это норма распространялась на всех, включая наследников: «Нужен ли непременно год фактического личного владения, владения от собственного имени — *коренному* землевладельцу, *наследнику по закону*, особенно наследнику родовым имуществом, связанному со своею землею с колыбели (если не от дедов и прадедов)?» [Московские ведомости, 1890, 18 сентября]. Позитивно оценивалось лишение крестьян возможности избирать гласных не из своей среды: «Из *своей* среды поселяне умеют выбирать преимущественно деловитых хозяев; в оценке людей чуждой сферы легко могут ошибиться, поддаваясь “развивающим” нашептываниям просветителей “меньшей братии”, без которых кое-где не обходилось в недавнее время, да которые и всегда и везде водятся» [Там же].

Только что возникший журнал «Русское обозрение» выступил с заявлением о недостаточности, слабости и паллиативности принятых мер. Д. Н. Цертелев разъяснял читателям своего журнала сущность нового Положения по пунктам и отмечал вред от коллегиальности земской управы. Укрепление же сословности вообще всегда открыто провозглашалось «Русским обозрением» как желанная цель. Неудивительно, что к положительным моментам реформы Цертелев относил допуск к выборам юридических лиц, введение дворянского сословного ценза в дополнение к имущественному («сословное начало в земских учреждениях получает очевидно первенствующее значение»), повышение кворума для заседания земских собраний до 50 % гласных [Цертелев, 1890, с. 385—388]. Причиной контрреформы Цертелев называл необходимость обуздать поползновения либеральных земств принимать решения по политическим вопросам [Цертелев, 1890, с. 391].

Особое внимание «Русское обозрение» уделило критической оценке реакции других журналов и газет на земское Положение 1890 года. Журнал солидаризировался с «Московскими ведомостями» (что неудивительно, учитывая во многом совпадающий коллектив сотрудников двух изданий), обличил лицемерный переход на консервативные позиции «Новостей» и «Русских ведомостей», осудил либеральные нотки в «Новом времени» [Цертелев, 1890, с. 391—397]. Общий вывод «Русского обозрения» был двойственным: «Новое Положение не удовлетворит, конечно, ни поклонников земского самоуправления, ни его безусловных противников» [Цертелев, 1890, с. 385].

«Русский вестник» видел в новом Положении связующее звено «между общему системою государственного управления и общественною самодеятельностью» [Внутреннее обозрение, 1890, с. 298]. В целом позитивно были оценены сословный характер выборов и устранение от них евреев, что было важно для журнала еще на этапе корректировки основных начал нового акта [Внутреннее обозрение, 1890, с. 299].

«Новое время» в результате введения нового Положения воспринимало земство в виде «выборного ведомства, введенного в общий строй наших уездных и губернских административных учреждений в порядке полной подчиненности губернатору» [Новое время, 1890, 3 июля]. В статье с символическим названием «Нет людей» эффективность деятельности земства также подвергалась сомнению: «За тридцать лет этого бесплодного и никому не нужного писания и говорения на земле не сложилось ни малейшего зачатка самопомощи для борьбы с ростовщицеством банков и жидов» [Новое время, 1890, 12 августа].

Разделение избирателей на сословные группы оценивалось как возвращение «к земским порядкам допетровской Руси». Сословность при этом не отменяла «всесословности» (за счет установления пропорций представительства от сословных групп), по мнению редакции: «Сделано все, что казалось возможным сделать для того, чтобы ослабить влияние на ход земских дел новых людей, приобретающих оседлость в деревне, и торгово-промышленного класса, сделано все, чтобы обеспечить поместному дворянству решающий голос в земстве» [Новое время, 1890, 9 июля]. Вместе с тем газета сомневалась в целесообразности сохранения возрастного ценза в 25 лет. Кроме того, в одной из публикаций ставилась под сомнение эффективность имущественного ценза и поднимался вопрос о замене его на образовательный: «Теперь же выходит сушая нелепость: по имущественному цензу в земстве сплошь и рядом сидят люди невежественные, еле грамотные, не разумеющие бумажного языка, а в городах толпятся без куска хлеба люди с высшим образованием, но без всякого имущественного ценза, а потому и к службам их не допустят» [Новое время, 1890, 12 августа].

4. Либеральная пресса: особенности критики

Отметим, что некоторые издания, традиционно считавшиеся либеральными или близкими к ним (газеты «Новости» и «Неделя»), в своих оценках оказались близки к консерваторам. Так, «Шагом вперед» и улучшением земства называли новое Положение «Новости», опубликовавшие цикл статей «Обновленное земство» [Новости ..., 1890, 1 июля]. Вместе с тем признавалось не столь широкое предоставление избирательных прав по сравнению с Положением 1864 года («весьма заметный пробел и недо-

чет»), хотя и ожидалось, что последуют корректировки, поскольку целый круг русских подданных «не может быть обделен правом выбора гласных». Сама же новая, сословная система выборов признавалась оптимальной [Новости ..., 1890, 4 июля]. Подчеркивалось, что прежнее разделение избирателей «открывало возможность вторжения в земское управление самых сомнительных, алчных и противообщественных элементов». Заявляя, что земство нуждается в «усилении образованного элемента», редакция газеты этим обосновывала предпочтения дворянству на выборах: «трудно было бы поднять личный состав земства, чувствительно увеличить в нем образованный элемент, не дав дворянству численного перевеса в земских собраниях» [Новости ..., 1890, 8 июля].

Приветствовался и новый порядок выборов от крестьян (только из своей среды): «Этим окончательно устраняется прежний порядок, при помощи которого в гласные от крестьян сплошь и рядом попадали лица, забаллотированные в так называемых землевладельческих съездах, весьма нередко (если не в большинстве случаев) — самый негодный, паразитический элемент в земстве». В то же время высказывалось мнение, что крестьянские выборы можно было организовать и иначе, чтобы выделить «действительно знающих и достойных людей»: для этого предлагалось избирать на сельских сходах по одному уполномоченному, а уже на волостном собрании таких уполномоченных — одного или двух гласных от волости [Новости ..., 1890, 4 июля]. Для газеты было важно, чтобы каждая волость имела своего представителя в земстве, даже если бы для этого и пришлось увеличить общее число гласных в собрании. Это объяснялось тем, что волость является «слишком крупной территориальной единицей» [Новости, 1890, 8 июля]. В целом делался вывод, что уменьшение количества гласных от крестьян по новому Положению в земских собраниях будет нивелироваться «улучшением постановки выборов от крестьян» [Новости, 1890, 7 июля].

После обнародования нового Положения «Неделя» констатировала, что «новое земское управление представляется не столько самоуправлением, сколько казенным управлением с привлечением к нему местных обывателей, преимущественно дворян» ввиду сильного влияния губернской администрации на выборы членов управ. Для газеты это представлялось благом, поскольку «теперь уже становятся невозможными такие случаи, как заполнение земства колонистами или купцами» [Неделя, 1890, 8 июля].

Что касается сословных выборов, то, признавая создание наиболее благоприятных условий для дворянства, «Неделя» подчеркивала заслуги именно дворянского сословия в развитии земского дела [Неделя, 1890, 17 июня]. Указывая, что промышленники отныне будут практически устранены от представительства в земстве, газета выдвигала тезис: «Что важнее, земля

или люди?». Резюмируя все нововведения, газета предполагала два сценария дальнейшего развития земского самоуправления. Согласно первому, «земское собрание действует дружно, оживленно, решения его не встречают задержек, и земское дело является живым общественным делом». Второй вариант был более пессимистичным: «Гласные не ездят на собрание и вместо постановлений последнего действуют доклады, сочиненные назначенными членами управы, т. е. не земцами, а чиновниками» [Неделя, 1890, 22 июля].

«Русской мыслью» новеллы в отношении порядка выборов членов и председателей управ (утверждение в должности, возможное назначение, приравнивание их к должностям государственной службы и, вследствие этого, появление возможности увольнения в административном порядке) были охарактеризованы как установление подчинения земства администрации [Новое «положение», 1890, с. 178].

В «Вестнике Европы» велась заочная полемика с изданиями, доказывавшими, что основные начала земской реформы 1864 года были сохранены: «Бессословный характер местного самоуправления, независимость земских деятелей — все это не *частности*, не *формальные стороны* “преобразований, вызванных отменой крепостного права”, а важнейшие их черты, определявшие собою их общий дух и внутренний смысл» [Арсеньев, 1890, с. 807]. К. К. Арсеньев доказывал, что Положение 1864 года стремилось «к равновесию между избирательными группами», в редких случаях допуская перевес одной из них над другой. Теперь же, по его мнению, в условиях сословной системы выборов будет доминирование дворянства. В подтверждение этого тезиса он приводил тот факт, что в ряде губерний (в частности, Орловской, Саратовской и Псковской) в рамках прежней избирательной системы число уездных гласных от городов и сельских обществ в совокупности несколько превышало число гласных от землевладельцев. Перспектива потерять прежнее соотношение вызывала недовольство. Отрицательно он относился и к включению ряда дворян в губернские земские собрания без выборов (уездных предводителей дворянства) [Арсеньев, 1890, с. 810—811].

Устранение от участия владельцев торговых и промышленных заведений также было воспринято негативно. Не отрицая, что многие из них менее заинтересованы в развитии земского дела (по сравнению с землевладельцами), а также что наличие такой группы избирателей способствовало злоупотреблениям, «Вестник Европы» заключал: «Логическим выводом отсюда было бы, однако, не упразднение целой категории избирателей, а упорядочение ее и ограничение ее значения» [Арсеньев, 1890, с. 811].

Не удовлетворял и новый порядок избрания гласных от крестьян. Оптимальной Арсеньев считал схему, в рамках которой и крестьяне-общинники

и имеющие личный ценз крестьяне получают избирательное право, причем последние не участвуют в выборах гласных от сельских обществ. Кроме того, утверждение в гласные из числа избранных крестьянами кандидатов могло сузить степень их самостоятельности [Арсеньев, 1890, с. 812—813].

Еще одной составляющей в критике порядка избрания гласных от крестьян стало лишение последних возможности избирать представителей некрестьянских сословий. В этом отношении «Вестник Европы» полемизировал с «Новостями», доказывая, что по Положению 1864 года это «составляло противовес сословной исключительности и увеличивало шансы внимания земских собраний к интересам народной массы». Вместе с тем подчеркивалось, что в условиях отсутствия непосредственного избрания от крестьян по новому Положению отказ от прежней возможности даже желателен и целесообразен (в противном случае, по мнению журнала, губернские власти стали бы утверждать в гласные от сельских обществ преимущественно местное начальство, что еще больше сузило бы реальное крестьянское представительство) [Арсеньев, 1890, с. 813].

Также критике было подвергнуто и лишение избирательных прав евреев, хотя и с ремаркой, что на практике это не окажет существенного влияния ввиду небольшого количества евреев — собственников недвижимости, проживающих на территории земских губерний [Арсеньев, 1890, с. 812].

Что касается возможного назначения членов и председателей управ министерством внутренних дел в случае неутверждения по итогам выборов, то, в отличие от «Русской мысли», «Вестник Европы» был склонен к сдержанному оптимизму: «Закон 12-го июня разрешает спорный вопрос в смысле сравнительно благоприятном для выборного начала. <...> Нужно надеяться, что такая комбинация условий будет встречаться крайне редко» [Арсеньев, 1890, с. 823].

У новой избирательной системы виделось только два преимущества. Во-первых, это отказ от включения в состав земских собраний крупных собственников без выборов и гласных по назначению администрации [Арсеньев, 1890, с. 813—814]. А во-вторых, это понижение размера земельного ценза, которое было логично в условиях роста цен на землю [Арсеньев, 1890, с. 815—816]. В целом же, по мнению «Вестника Европы», новое Положение существенно изменило состав земских собраний, ограничило их самостоятельность и приблизило земские управы к «общему типу присутственных мест» [Новый устав, 1894, с. 390].

«Судебная газета» вопрошала, в какой степени земское представительство на условиях нового Положения может служить выразителем нужд и потребностей местного населения, если в средней полосе России 89 % земельных собственников устранены от участия в выборах за счет цензовых

норм. Отмечая, что законодателем не было установлено ранее проектировавшееся при разработке нового Положения включение в состав земских собраний крупных собственников без выборов, газета приходила к выводу, что это было осуществлено фактически. В отношении же дворянского представительства признавалось, что новая система во многом закрепит существующее положение, поэтому этот вопрос относился к числу принципиальных, а не практических. Влияние министерства на формирование состава управ было отнесено к числу тех сторон нового акта, которыми устанавливалось «крайнее расширение административного контроля над всеми сторонами земской жизнедеятельности». В целом делался вывод, что земство лишалось автономии и взамен приобретало «неустанно блюдущего за ним руководителя с повелительно-указующим перстом и начальственными полномочиями» [Судебная газета, 1890].

«Русские ведомости» отнеслись к новому Положению менее эмоционально. Отмечалось, что основные черты земского самоуправления остались в неприкосновенности, а новая система выборов лишь теоретически закрепляла практическое доминирование дворянского сословия в земстве. При этом делалась оговорка: «Мы не принадлежим к числу поклонников такой системы избрания, точно так же, как мы не стояли на стороне и прежнего порядка земских выборов, основанного на имущественном цензе, притом довольно высоком» [Русские ведомости, 1890, 4 июля]. В то же время газета считала ошибкой сохранение возможности предводителям дворянства избираться в председатели управ, что могло приводить к коллизиям, когда одно и то же лицо возглавляет распорядительный орган, то есть земское собрание (по должности), и исполнительный, то есть управу [Русские ведомости, 1890, 12 сентября].

5. Оценки народников

«Северным вестником» пересмотру акта 1864 года были даны осторожные оценки, в частности, было указано, что основные его принципы были сохранены законодателем [События и новости, 1890, с. 99]. Признавая, что наиболее существенные изменения затронули порядок выборов, журнал отмечал, что предоставление преобладающего значения дворянству *de jure* имело место в земских учреждениях по прежней схеме выборов *de facto*. Анализируя состав земских собраний, избранных в 1883 году, авторы журнала настаивали, что в сословном отношении существенных изменений по новому Положению в уездном земстве не произойдет: ожидалось, что доля дворян повысится с 42,4 % до 55,3 %, а доля купцов, разночинцев и крестьян упадет — с 19,1 % до 13,8 % и с 38,5 % до 30,9% соответственно [События и новости, 1890, с. 103—104].

Вместе с тем «Северный вестник» находил у новой системы выборов и определенные недостатки. Во-первых, объединение личных и потомственных дворян, по его мнению, приведет к тому, что в уездах с крупными городскими центрами преимущество получают чиновники-домовладельцы из числа личных дворян, что может негативно сказаться на характере интересов земского собрания в таком составе («интересы города и городских жителей, личных дворян, совершенно иные, чем уездного населения») [События и новости, 1890, с. 101—102]. Во-вторых, отмечалось, что следовало бы еще более увеличить минимальное количество гласных в уездных собраниях [События и новости, 1890, с. 102—103].

Также был сделан вывод, что губернаторам «представлен немалый простор в назначении гласных представителей крестьян». При этом в целом новые положения закона в части, касающейся выборов, оценивались положительно: «Самое производство выборов, равно как и порядок их обжалования, страдавшие доселе отсутствием указания закона, теперь урегулированы» [События и новости, 1890, с. 102].

Большая зависимость от администрации в целом воспринималась как позитивный сдвиг: предполагалось, что это должно повлиять на уменьшение значения «дельцов, не пренебрегающих часто незаконными средствами в надежде на то, что своя партия их не выдаст головою, не отдаст под суд». Кроме того, отмечался и иной характер земской службы в этих условиях. Отмечалось, что она может отныне привлечь людей, не смотрящих «на нее как на повинность перед обществом, облекающих доверием своих избранных», но видящих в ней «сопряженную с чинопроизводством карьеру, открывающую доступ к высшим административным должностям» [События и новости, 1890, с. 106].

«Русское богатство» критиковало порядок выборов от крестьян. Во-первых, в большинстве уездов число гласных было меньше числа волостей. Это позволяло сделать вывод, что «на практике крестьяне почти везде лишены возможности непосредственно избирать своих представителей» (журнал выступал за представительство каждой из волостей хотя бы одним гласным в уездных собраниях). Во-вторых, в связи с особенностями оплаты за службу, в гласные от крестьян были в значительном количестве избраны «большую частью люди богатые», заранее заявившие, что примут звание гласных безвозмездно, без содержания. В-третьих, ставилась под сомнение целесообразность окончательного выбора гласных от крестьян губернатором в связи с тем, что последний «не может знать хорошо всю ту массу лиц, между которыми ему предстоит сделать выбор» (в качестве альтернативы предлагалось избирать гласных из числа кандидатов путем жребия) [Земский, 1891, с. 178—180].

Также «Русское богатство» выступало против сословной организации съездов мелких владельцев, находя, что было бы правильнее разделить их не по сословному признаку, а по роду недвижимости (земля и иная недвижимость), чтобы избежать ситуаций, когда мелкие землевладельцы из недворян могут вовсе быть лишены представительства. Более того, предлагалось дать право мелким владельцам избирать не уполномоченных для участия в избирательном собрании, а непосредственно гласных в целях квотирования представительства крупных и мелких собственников в земских собраниях [Земский, 1891, с. 182].

Еще одно предложение органа народников заключалось в признании несовместимости должности земского начальника со званием гласного в связи с тем, что значительное количество гласных от крестьян состояло из волостных старшин и писарей, находившихся в непосредственном подчинении у земских начальников, которые на практике применяли свою власть по отношению к крестьянским гласным и в рамках участия в земских собраниях [Земский, 1891, с. 185—186].

Неодобительно «Русское богатство» отнесилось и к ст. 20 Положения о праве избирать в гласные управляющих имениями, находя эту статью источником возможных злоупотреблений [Земский, 1891, с. 187—188].

«Новое слово» в 1894 году выпустило статью А. А. Пыпина к 30-летию земских учреждений, в которой утверждалось, что ставка «охранителей» на разрыв «с заветами старого земства» за счет усиления представительства крупного землевладения в земских собраниях провалилась [Пыпин, 1894, с. 409]. При этом отмечалось, что «темные силы», под которыми понимались противники земства, сформировались еще ранее: «Остатки крепостников приподняли голову, сплотились с людьми наживы и, опираясь на волостных старшин, писарей и кулаков из разжившихся мироедов-крестьян, составили сильную партию в земстве. Прикрываясь желанием спасти отечество и протестуя в земстве против господства тлетворных идей в виде равномерного для всех сословий земского обложения, эти охранители поставили своей целью захват “земского пирога” и недопущение никаких расходов, необходимых для развития земского хозяйства» [Пыпин, 1894, с. 406].

6. Заключение

Таким образом, обращение к газетам и журналам 1890 года позволяет уточнить и скорректировать наши представления о новом земском Положении и о реакции различных общественных сил на него. В целом, исходя из отношения центральной российской периодической печати к преобразованию земского Положения, можно выделить три группы изданий: под-

державшие новое Положение, выступившие с его осуждением и заявившие о том, что ничего существенного в земстве не изменилось.

В первую группу, одобрявшую контрреформу как более или менее эффективную меру против политических и хозяйственных злоупотреблений земств, вошли «Гражданин», «Московские ведомости», «Русское обозрение», «Русский вестник», «Новое время», «Новости» и «Неделя». При этом «Гражданин» и «Русское обозрение» стояли на самых крайних позициях, и для них идеальным вариантом виделась бы отмена выборного земского самоуправления. Для этой группы изданий сословный характер выборов, доминирование дворянства, а также частичное встраивание земства в систему государственной службы представлялись благом и условиями проправительственного, государственного характера деятельности земства.

Ко второй группе, стоявшей на либеральных позициях и отстаивавшей бессословный характер местного самоуправления, можно отнести «Русскую мысль», «Вестник Европы», «Судебную газету», «Русское богатство», «Новое слово». Эти издания изначально поддерживали либеральные преобразования Александра II, и отказ от них (или их пересмотр) для них виделся шагом назад, поскольку они высоко оценивали появившиеся в 1860-е годы институты земского самоуправления и мирового суда, видя в них в том числе и средство сглаживания различий в правовом статусе между сословиями.

Третью, промежуточную позицию заняли «Русские ведомости» и «Северный вестник»; впрочем, они оказывались ближе ко второй группе в том, что прогнозировали рост дворянского влияния в земстве, хотя и в рамках основных начал реформы 1864 года. Оба издания также отличались от предыдущей группы тем, что не идеализировали избирательную систему предыдущего земского Положения (в частности, «Русские ведомости» были против высокого имущественного ценза).

Естественно ожидать, что сторонниками контрреформы в первую очередь должны были стать консервативные журналы и газеты, а противниками — либеральные и народнические. Тем не менее действительность оказалась гораздо сложнее. Вопреки стереотипам, консервативные органы печати («Гражданин», «Московские ведомости», «Русское обозрение», «Русский вестник», «Новое время») далеко не полностью и не во всем поддерживали контрреформу, желая видеть ее более радикальной в смысле отказа от выборного начала и встраивания земства в административную вертикаль. Некоторые либеральные («Новости») и левые («Северный вестник», «Неделя») издания неожиданно приветствовали реформу, найдя в ней положительные черты. Основная часть либеральной («Вестник Европы», «Русские ведомости», «Судебная газета») и народнической («Рус-

ское богатство», «Новое слово») прессы восприняла Положение 1890 года враждебно, яростно отстаивая «демократические» начала Положения 1864 года, в их представлении сводившиеся к независимости земств от администрации.

Вместе с тем, помимо критики, публицисты рассмотренных нами изданий вносили также определенные предложения по совершенствованию Положения 1890 года. К их числу относятся прямые выборы гласных от крестьян и увеличение представительства от них, устранение земских начальников от участия в земских собраниях, предоставление избирательного права при наличии образовательного ценза, образование избирательных собраний по роду имущественного ценза, а не по сословному признаку. Эти предложения, равно как и сами дискуссии в печати, впоследствии способствовали продолжению обсуждения вопроса о дальнейших изменениях в системе земского избирательного законодательства в рамках соответствующих циркуляров министерства внутренних дел губернаторам в 1897 и 1902 годах.

Источники и принятые сокращения

1. [Арсеньев К. К.] Хроника. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. — 1890. — Кн. 8. — С. 806—825.
2. Внутреннее обозрение // Русский вестник. — 1890. — Т. 209, Август. — С. 286—303.
3. Высочайше утвержденное Положение о губернских и уездных земских учреждениях : закон от 12 июня 1890 г. № 6927 // Полное собрание законов Российской империи : собрание третье (1881—1913). Т. X, Ч. 1: Законы (6505—7339). — Санкт-Петербург : Государственная типография, 1893. — С. 493—511.
4. Губернский гласный. Земская управа и ревизия // Гражданин. — 1890. — № 8. — С. 1.
5. Земский В. Г. Внутренняя хроника // Русское богатство. — 1891. — № 11. — С. 168—221.
6. Московские ведомости : газета. — 1890. — 31 января.
7. Московские ведомости : газета. — 1890. — 18 июля.
8. Московские ведомости : газета. — 1890. — 30 августа.
9. Московские ведомости : газета. — 1890. — 18 сентября.
10. Московские ведомости : газета. — 1890. — 21 сентября.
11. Наследие реформы // Гражданин. — 1890. — № 17. — С. 1.
12. Неделя : газета. — 1890. — 17 июня.
13. Неделя : газета. — 1890. — 8 июля.
14. Неделя : газета. — 1890. — 22 июля.
15. Новое время : газета. — 1890. — 3 июля.
16. Новое время : газета. — 1890. — 9 июля.
17. Новое время : газета. — 1890. — 12 августа.
18. Новое «положение» о земских учреждениях // Русская мысль. — 1890. — Кн. VII. — С. 176—181.
19. Новости и Биржевая газета. Второе ежедневное издание. — 1890. — 1 июля.
20. Новости и Биржевая газета. Второе ежедневное издание. — 1890. — 4 июля.
21. Новости и Биржевая газета. Второе ежедневное издание. — 1890. — 7 июля.

22. Новости и Биржевая газета. Второе ежедневное издание. — 1890. — 8 июля.
23. Новый устав лечебных заведений // Вестник Европы. — 1894. — Кн. 11. — С. 390.
24. Пыпин А. Современное земство // Новое слово. — 1894. — № 2. — С. 405—414.
25. Русские ведомости : газета. — 1890. — 4 июля.
26. Русские ведомости : газета. — 1890. — 12 сентября.
27. События и новости // Северный вестник. — 1890. — № 7, Отд. II. — С. 99—118.
28. Судебная газета : газета. — 1890. — 22 июля.
29. [Цертелев Д. Н.] Современная летопись // Русское обозрение. — 1890. — № 7. — С. 385—405.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галкин П. В. Земская «контрреформа» или «коррекция реформ» (по материалам избирательных кампаний в Московской губернии) / П. В. Галкин // Русская политология. — 2017. — № 1 (2). — С. 152—166.
2. Герасименко Г. А. Земское самоуправление в России / Г. А. Герасименко. — Москва, 1990. — 264 с. — ISBN 5-02-008496-4.
3. Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия / П. А. Зайончковский. — Москва, 1970. — 442 с.
4. Захарова Л. Г. Земская контрреформа 1890 г. / Л. Г. Захарова. — Москва : Издательство Моск. ун-та, 1968. — 178 с.
5. Куликов В. В. Становление земского самоуправления: законодательство и практика / В. В. Куликов. — Киров, 2009. — 335 с. — ISBN 978-5-904327-08-8.
6. Николаев Д. А. Положения о земских учреждениях 1864 г. и 1890 г.: общее и особенное в развитии земского законодательства России во второй половине XIX века / Д. А. Николаев // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: История. — 2002. — № 1. — С. 69—73.
7. Свечников Н. И. Формирование основ земского избирательного права в период подготовки и проведения реформ местного самоуправления во второй половине XIX века / Н. И. Свечников, Г. В. Синцов. — Пенза, 2020. — 164 с. — ISBN 978-5-907262-85-0.
8. Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века / Ю. Б. Соловьев. — Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1973. — 383 с.
9. Филиппева С. В. Законодательные изменения в деятельности земских учреждений в результате контрреформы 1890 г. / С. В. Филиппева // Вестник Воронежского института экономики и социального управления. — 2014. — № 3. — С. 47—53.
10. Freeze G. L. The Soslovie (Estate) Paradigme and Russian Social History / G. L. Freeze // The American Historical Review. — 1986. — Vol. 91, № 1. — P. 11—36.
11. Manning R. T. The crisis of the old order in Russia. Gentry and government / R. T. Manning. — Princeton, 1982. — 555 p.
12. Wcislo F. W. Reforming rural Russia: state, local society and national politics / F. W. Wcislo. — Princeton, 1990. — 347 p.

MATERIAL RESOURCES

Arsen'ev, K. K. (ed.). (1890). Chronicle. Internal review. *Vestnik Evropy*, 8: 806—825. (In Russ.).
Events and news. (1890). *Severnnyy vestnik*, 7 (2): 99—118. (In Russ.).
Internal review. (1890). *Russkiy vestnik*, 209 (August): 286—303. (In Russ.).

- Provincial vowel. Zemsky government and revision. (1890). *Grazhdanin*, 8: 1. (In Russ.).
Moskovskie vedomosti. (1890). (In Russ.).
 Nedelya. (1890). (In Russ.).
 Novoe vremya. (1890). (In Russ.).
 New “provision” on the zemstvo institutions. (1890). *Russkaya mysl*, 7: 176—181. (In Russ.).
Novosti i Birzhevaya gazeta. Second daily edition. (1890). (In Russ.).
 New statutes of medical institutions. (1894). *Vestnik Evropy*, 11: 390. (In Russ.).
 Pypin, A. (1894). Modern zemstvo. *Novoe slovo*, 2: 405—414. (In Russ.).
Russkie vedomosti. (1890). (In Russ.).
Sudebnaya gazeta. (1890). (In Russ.).
 The highest approved Regulations on provincial and district zemstvo institutions: Act of June 12, 1890. № 6927. (1893). In: *Complete collection of laws of the Russian Empire. Third collection (1881—1913)*. St. Petersburg: Gosudarstvennaya tipografiya. X (1). 493—511. (In Russ.).
 The legacy of reform. (1890). *Grazhdanin*, 17: 1. (In Russ.).
 Tsertelev, D. N. (ed.). (1890). Contemporary chronicle. *Russkoe obozrenie*, 7: 385—405. (In Russ.).
 Zemskiy, V. G. (1891). Internal Chronicle. *Russkoe bogatstvo*, 11: 168—221. (In Russ.).

REFERENCES

- Filipitseva, S. V. (2014). Legislative changes in the activities of zemstvo institutions as a result of the counter-reform of 1890. *Bulletin of the Voronezh Institute of Economics and Social Management*, 3: 47—53. (In Russ.).
 Freeze, G. L. (1986). The Soslovie (Estate) Paradigme and Russian Social History. *The American Historical Review*, 91 (1): 11—36.
 Galkin, P. V. (2017). Zemsky “counter-reform” or “correction of reforms” (based on materials from election campaigns in the Moscow province). *Russian political science*, 1 (2): 152—166. (In Russ.).
 Gerasimenko, G. A. (1990). *Zemstvo self-government in Russia*. Moscow. 264 p. ISBN 5-02-008496-4. (In Russ.).
 Kulikov, V. V. (2009). *Formation of zemstvo self-government: legislation and practice*. Kirov. 335 p. ISBN 978-5-904327-08-8. (In Russ.).
 Manning, R. T. (1982). *The crisis of the old order in Russia. Gentry and government*. Princeton. 555 p.
 Nikolaev, D. A. (2002). Regulations on zemstvo institutions in 1864 and 1890: general and specific in the development of zemstvo legislation in Russia in the second half of the XIX century. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University. Series: History*, 1: 69—73.
 Solov'ev, Yu. B. (1973). Autocracy and nobility at the end of the XIX century. Leningrad: Nauka, Leningrad branch. 383 p. (In Russ.).
 Svechnikov, N. I., Sintsov, G. V. (2020). *Formation of the foundations of zemstvo electoral law during the preparation and implementation of reforms of local self-government in the second half of the XIX century*. Penza. 164 p. ISBN 978-5-907262-85-0.
 Weislo, F. W. (1990). *Reforming rural Russia: state, local society and national politics*. Princeton. 347 p.
 Zakharova, L. G. (1968). *Zemsky counter-reform 1890*. Moscow: Publication of the Moscow University. 178 p. (In Russ.).
 Zayonchkovskiy, P. A. (1970). *Russian autocracy at the end of the XIX century*. Moskva. 442 p. (In Russ.).

Чемакин А. А. Городские выборы на Кубани (весна — осень 1919 года) / А. А. Чемакин // Научный диалог. — 2021. — № 12. — С. 497—515. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-497-515.

Chemakin, A. A. (2021). City Elections in Kuban (Spring — Autumn 1919). Nauchnyi dialog, 12: 00-00. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-00-00. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-12-497-515

Городские выборы на Кубани (весна — осень 1919 года)

Чемакин Антон Александрович

orcid.org/0000-0001-6078-4044

Scopus ID 57194240668

Researcher ID I-6060-2018

кандидат исторических наук,
старший преподаватель
a.chemakin@spbu.ru

Санкт-Петербургский
государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено
при финансовой поддержке
Российского научного фонда,
проект № 21-78-00015

City Elections in Kuban (Spring — Autumn 1919)

Anton A. Chemakin

orcid.org/0000-0001-6078-4044

Scopus ID 57194240668

Researcher ID I-6060-2018

PhD in History, Senior Lecturer
a.chemakin@spbu.ru

St. Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia)

Acknowledgments:

The study was funded
by the Russian Science Foundation,
project № 21-78-00015

© Чемакин А. А., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена выборам в городские думы Кубанского края, проходившие весной — осенью 1919 года. Автор подробно останавливается на кубанском избирательном законе, согласно которому впервые в России была использована достаточно редкая избирательная система — панаширование, и результатах его применения. Рассматриваются избирательные кампании в Екатеринодаре и других городах края, анализируются результаты голосования и состав гласных. На примере Екатеринодара показаны различия в электоральных предпочтениях жителей «буржуазных» и «пролетарских» районов, а также влияние образовательного и имущественного уровня, рода занятий на политические предпочтения горожан. Особое внимание уделяется истории с убийством в редакции газеты «Утро Юга», причиной которого стала борьба между умеренно социалистическими избирательными объединениями, а одним из непосредственных поводов — предвыборные стихи С. Я. Маршака. Общие итоги выборов показывают, что в большинстве городов края победу одержали «правые» домовладельческие списки, но при этом автор полагает, что причиной этого было не столько изменение настроений масс, сколько абсентеизм левого и центристского электората.

Ключевые слова:

городские выборы; Кубанский край; Екатеринодар; Гражданская война; домовладельцы; эсеры; С. Я. Маршак; А. М. Белоусов.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the elections to the city councils of the Kuban Territory, which took place in the spring and autumn of 1919. The author dwells in detail on the Kuban electoral law, according to which, for the first time in Russia, a rather rare electoral system — panachage — was used, and on the results of its application. Election campaigns in Yekaterinodar and other cities of the region are considered, the results of voting and the composition of councillors are analyzed. By the example of Yekaterinodar, the difference in electoral preferences of residents of “bourgeois” and “proletarian” regions is shown, as well as the influence of the educational and property level, occupation on the political preferences of the townspeople. Special attention is paid to the story of the murder in the editorial office of the newspaper “Utro Yuga”, which was caused by the struggle between moderately socialist electoral associations, and one of the immediate reasons was S. Ya. Marshak's election poems. The general results of the elections show that in most cities of the region the victory was won by the “right” homeowners' lists, but the author believes that the reason for this was not so much a change in the mood of the masses as the absenteeism of the left and centrist electorate.

Key words:

city elections; Kuban Territory; Yekaterinodar; Civil War; homeowners; SRs; S. Ya. Marshak; A. M. Belousov.

Городские выборы на Кубани (весна — осень 1919 года)

© Чемакин А. А., 2021

1. Введение

Осенью 1917 года, после захвата власти в Петрограде большевиками, руководство кубанского казачества взяло курс на отделение региона от Советской России. В январе 1918 года была провозглашена независимая Кубанская народная республика, но она не смогла оказать серьезного сопротивления большевикам, и ее руководство вынуждено было покинуть свою столицу — Екатеринодар. Вступив в союз с антибольшевистской Добровольческой армией, казачьи власти к концу лета 1918 года вернули контроль над Екатеринодаром, но, получив помощь от добровольцев, вынуждены были отказаться от курса на независимость Кубани. В январе 1919 года кубанские войска вошли в состав Вооруженных сил Юга России (ВСЮР), хотя статус региона, именовавшегося теперь Кубанским краем, так и не был до конца урегулирован. Вернувшись в состав «белой» России, Кубань во многом сохраняла автономное положение, в силу чего ее законодательство порой серьезно отличалось от законодательства тех местностей, которые напрямую подчинялись командованию ВСЮР.

Весной и осенью 1919 года в Кубанском крае прошли выборы в городские думы. Сам факт проведения выборов во время Гражданской войны, пусть и в тыловом районе, заслуживает пристального внимания. У нас нет надежного инструментария для определения политических воззрений всего населения Кубани, но выяснить некоторые тенденции в антибольшевистском лагере при помощи изучения результатов муниципальных выборов вполне возможно. Кубанские выборы 1919 года примечательны еще и тем, что на них применялась новая для России избирательная система — панаширование. Кроме того, избирательная кампания порой сопровождалась достаточно ожесточенной борьбой, выливавшейся на страницы прессы, оставившей след в творческом наследии поэта С. Я. Маршака и чуть не стоившей ему жизни. Работ, освещающих все аспекты избирательной кампании на Кубани, нет, но можно отметить ряд исследований, в которых говорится о выборах в главном городе края — Екатеринодаре [Леусян, 2001; Леусян, 2002; Леусян, 2003; Макаровская, 2004, с. 136—140], о кубанском выборном законодательстве [Макеев и др., 2004, с. 76—77], а также об инциденте с С. Я. Маршаком [Куценко, 1997, с. 192—193; Ратушняк, 2018, с. 57].

2. Избирательная система

Срок полномочий городских дум, избранных в 1917 году по закону Временного правительства, истекал 1 января 1919 года, но думы Кубани до этой даты не дожили — сначала они были разогнаны большевиками, а затем казачьими властями. В конце 1918 года комиссией, образованной Краевым правительством, был подготовлен проект нового закона о выборах [Проект ..., 1918]. Впервые в России вводилась достаточно редкая разновидность пропорциональной избирательной системы — панаширование (от фр. *Panacher* — придавать пестроту, пестро разукрашивать, смешивать), к тому времени используемая преимущественно на муниципальных выборах в Швейцарии и дающая возможность голосовать за кандидатов из разных списков. Кубанский вариант панаширования, разработанный бывшим майкопским городским головой А. А. Колычевым, отличался от швейцарского образца возможностью отдавать голоса даже тем лицам, которые не были включены в заявленные списки.

Первоначальная версия постановления о выборах, принятая Советом Кубанского краевого правительства 10 января 1919 года, предполагала, что активным и пассивным избирательным правом пользуются все российские граждане старше 25 лет, имеющие 2-летний ценз оседлости, при этом права голоса лишались лица, состоящие на действительной военной службе. Гласные должны были избираться на 4-летний срок при обновлении половины состава думы каждые 2 года. Для заявления списка кандидатов нужно было предоставить городскому голове подписи избирателей, количество которых должно было быть не меньше половины количества избираемых гласных.

Выборы производились путем подачи избирательных записок, в которых указывались имя, отчество, фамилия и номер кандидатов, количество которых не могло превышать общее число избираемых гласных. Избиратель, подающий свой голос за весь заявленный список целиком, мог не указывать кандидатов, а написать лишь номер списка. Избирательная записка без изменений или просто с номером списка получала неофициальное название «твердой» — подобные записки обычно не составлялись самими избирателями, а печатались кандидатскими объединениями и раздавались горожанам. Если избиратель хотел внести изменения в такую записку, вычеркнув или дописав какого-нибудь кандидата, он имел право это сделать, а все вписанные им лица, не фигурирующие в заявленных списках, относились к «списку индивидуальных кандидатур». Также избиратель мог составить свою собственную печатную или рукописную записку и включить в нее как любых кандидатов из заявленных списков, так и лиц, в них отсутствующих.

Подсчет голосов происходил следующим образом. Заявленный список получал за каждую «твердую» записку количество баллов, равное количеству избираемых гласных. К результату, полученному после подсчета «твердых» записок, прибавлялись баллы, полученные кандидатами данного списка в исправленных и индивидуальных («нетвердых») записках. Результат списка индивидуальных кандидатур получался посредством сложения баллов, полученных каждым из его кандидатов. Затем общее количество баллов, поданных за все списки, делилось на число избираемых гласных, и получалось избирательное частное. Путем деления баллов, полученных каждым списком, на избирательное частное устанавливалось количество гласных, избранных по нему. Таким образом, сначала в соответствии с пропорциональной системой определялось количество мест, полученных списками, а затем эти места распределялись внутри каждого списка в соответствии с количеством голосов, поданных за того или иного кандидата [Постановление ..., 1919; Бабин-Корень, 1919; Наказ ..., 1919].

Избирательная система, преподносимая ее разработчиками чуть ли не как вершина демократической мысли, вызвала немало вопросов. Во-первых, она получалась чрезвычайно сложной и запутанной, объяснить ее рядовому избирателю было непросто, а подсчет баллов занимал длительное время. Во-вторых, существовали опасения, что большевики, не имеющие возможности заявить свой партийный список, попытаются проникнуть в думу через список индивидуальных кандидатур. В-третьих, избиратели одних списков имели возможность влиять на состав гласных, избранных по другим спискам, в результате чего в думу могли пройти самые неожиданные персонажи, а опытные городские работники — остаться без мандатов. По мнению одного из публицистов, это была не «система», а «избирательное лото» [Бабин-Корень, 1919, с. 22—23].

В конце февраля — начале марта 1919 года Законодательная рада рассмотрела законопроект о выборах и внесла в него лишь несколько изменений, самыми важными из которых были снижение возрастного ценза с 25 лет до 21 года и отмена 2-летнего ценза оседлости для пассивного избирательного права [Закон ..., 1919].

3. Предвыборная кампания в Екатеринодаре

Наибольшее внимание было привлечено к выборам в краевом центре — Екатеринодаре, назначенным на 25 августа 1919 года. Всего было заявлено пять списков — домовладельцев (80 кандидатов на 100 мест), эсеров (30), кадетов (33), квартальной организации (84) и меньшевиков (29) [ГАКК, ф. Р-1547, оп. 1, д. 124, л. 74]. В списке домовладельцев были и люди обеспеченные и известные (купцы, чиновники, гласные старой «цензовой»

думы), и мелкие окраинные домовладельцы, которые не могли похвастаться большим состоянием. Кандидаты домовладельцев были преимущественно беспартийными, но при этом среди них имелись люди, по своим взглядам близкие как к кадетам, так и к крайне правым монархическим организациям.

Главным соперником домовладельцев должен был стать Социалистический блок, аналогичный тому, который уже побеждал на думских выборах 1917 года. Эсеры провели опрос членов партии, чтобы выяснить, поддерживают ли они блок или выступают за самостоятельное участие [ГАКК, ф. Р-1318, оп. 1, д. 10, л. 95 об]. Победил второй вариант, и эсеры пошли на выборы в одиночку. В ответ меньшевики также выставили самостоятельный список РСДРП.

Под вывеской квартальной организации в думу выдвинулись члены действующей управы, включая городского голову И. Н. Дицмана. Здесь были и либералы, и бывшие члены социалистических партий, и беспартийные, общее же направление списка было умеренно прогрессивным. Квартальная организация могла бы попробовать договориться с другой центристской группой — кадетами, но те также решили идти на выборы самостоятельно.

Кроме официально заявленных списков, на выборах фигурировали и несколько рекомендательных. Так, по городу распространялся Объединенный демократический список, созданный группой эсеров и меньшевиков, выступавших за объединение «демократии». Так как блок между их партиями не состоялся, они вошли в соглашение с народными социалистами и кооператорами и выставили рекомендательный список [К городским ..., 1919], включавший в себя преимущественно кандидатов из списков эсеров и меньшевиков, а также много беспартийных [К выборам ..., 1919].

Активно рекламировался и «деловой» список от Торгово-промышленной группы, в котором фигурировал 71 человек, причем 17 из них также присутствовали в кадетском списке, 15 — в домовладельческом, 14 — квартальных комитетов, 3 — меньшевистском, 1 — эсеровском, 21 кандидат в заявленных списках не значился. Торгово-промышленники призывали голосовать за личности, а не за партии, поэтому и предлагали поддержать их рекомендательный список [ГАКК, ф. Р-1547, оп. 1, д. 124, л. 27 об—28].

К середине августа в городе развернулась агитационная кампания. Домовладельцы в своих плакатах апеллировали к материальным запросам избирателей и их страхам: «Если вы хотите сохранить свою собственность, избавиться от тяжелых налогов и гнета квартирного закона, голосуйте за список № 1 (домовладельцев)» [Ширский, 1919]; «Если не хотите, чтобы у вас отняли ваш дом и вышвырнули вас из собственного жилища, голосуйте за список № 1» [Миронов, 1919b, с. 6]; «Кто не желает быть рабом своего квартиранта, голосуй за домовладельцев!» [Балкевич, 1919, с. 3] По-

казательно, что представители этого списка даже не пытались обращаться к тем жителям, у которых домов не было.

Социалисты-революционеры, в свою очередь, называли домовладельцев и кадетов «врагами народа» и призывали голосовать «за истинное народовластие, за социализм, за федеративную демократическую республику и против всякой диктатуры, против насилия над свободной волей трудящихся» [ТАКК, ф. Р-1547, оп. 1, д. 124, л. 24]. Лозунги эсеров касались практически исключительно вопросов общероссийского характера, не имевших никакого отношения к городской думе. Как и домовладельцы, эсеры обращались исключительно к своему рабоче-крестьянскому электорату и даже не предпринимали попыток привлечь на свою сторону другие слои населения.

Казалось бы, основное противостояние должно идти между левыми и правыми, но из-за принципиального различия их платформ столкновений между конкурирующими группами не происходило, и каждая из них занималась мобилизацией своих сторонников [Балкевич, 1919, с. 3]. Но если на правом фланге у домовладельцев особых конкурентов не было, а центристские группы оказались слабыми, левые списки начали конкурировать между собой, и поэтому главным событием выборов стала склока между эсерами, меньшевиками и сторонниками «объединенных демократов». По мнению сотрудника севастопольской газеты «Юг», после перехода деникинской Ставки в Таганрог Екатеринодар возвратился в «первобытное состояние» небольшого провинциального города, и местные деятели — за отсутствием высшей политики — занялись сведением личных провинциальных счетов [В-ий, 1919].

Поэт С. Я. Маршак, подводя итог борьбе за голоса избирателей, опубликовал на страницах газеты «Утро Юга» цикл небольших сатирических стихотворений, объединенных общим заголовком «Предвыборная агитация». Вот как он отзывался о лидерах предвыборной гонки: «*Домовладельцы*. Скажи: какое существо // Ты любишь искренно, сердечно // И беззаветно? О, конечно, // Домовладельца своего.... // Пусть обветшалое жилище // Не исправлялось с давних пор, // Пусть мог бы быть гораздо чище // Твой неудобный, мрачный двор, // Пусть часто дождь струится с крыши // На кресла, стулья и столы, // Пусть у тебя прогрызли мыши // Давно прогнившие полы, — // Будь благодарен, недостойный, // За то, что позднень порой // Сидишь ты в хижине спокойной, // А не на улице сырой... // За все былые прегрешенья // Домохозяев ты прости // И непременно в воскресенье // Их список в урну опусти! *Екатеринодарские эсеры*. О доморожденных эсерах // Сказать возможно лишь одно: // В их списке много пятен серых, // Но есть и темное пятно» [Д-р Фрикен, 1919]. Печатающая эти стихи, Маршак еще не знал, что последняя их строчка вскоре приведет к трагедии.

4. Результаты екатеринодарских выборов

День голосования прошел спокойно. В выборах приняли участие 7713 избирателей (13,5 %), недействительными по тем или иным причинам были признаны около 3 % записок. Убедительную победу одержали домовладельцы (табл. 1).

Таблица 1

Результаты выборов в городскую думу Екатеринодара
[ГАРФ, ф. Р-446, оп. 2, д. 69, л. 140 об;
ГАКК, ф. Р-1547, оп. 1, д. 124, л. 73]

	Список	Количество записок	Процент голосов за список	Количество избранных гласных
1	Домовладельцев (№ 1)	3407	45,52 %	49
2	Екатеринодарской организации Партии социалистов-революционеров (№ 2)	2206	29,48 %	30
3	Екатеринодарской организации Российской социал-демократической рабочей партии (№ 5)	590	7,88 %	9
4	Партии народной свободы (№ 3)	303	4,05 %	5
5	Квартальной организации (№ 4)	165	2,20 %	4
	Индивидуальные списки	813	10,86 %	3
	Всего	7484	100,00 %	100

Из таблицы видно, что 89 % избирателей отдали голоса за заявленные списки, не решившись вносить в них изменения или предлагать альтернативные. Опасение, что большевики при помощи индивидуальных списков проникнут в думу, не оправдалось: гласными стали всего 3 человека, не фигурировавшие в заявленных списках (все они были предложены «торгово-промышленниками»). Зато при распределении мест между кандидатами сказался главный недостаток панаширования — «обезглавливание» списков. В особенности от избирательной системы пострадали квартальные организации: внутри их списка первое место занял кандидат № 7, второе — № 46, третье — № 41, четвертое — № 9, вся «головка» списка в думу не прошла. Похожая ситуация сложилась у меньшевиков: несмотря на то, что они провели в думу 9 своих представителей, наиболее заметные их деятели — бывший депутат Государственной думы И. П. Покровский (№ 1) и секретарь Северо-Кавказского Совета профсоюзов М. Н. Розов (№ 2) — остались без мандатов. В меньшей степени особенности избирательной системы отразились на кадетях, эсерах и домовладельцах [ГАКК, ф. Р-1547, оп. 1, д. 124, л. 73, 74].

Весьма показательными оказались результаты голосования в разрезе городских районов. По предложению секретаря городской управы П. В. Миронова Екатеринодар был разбит на 11 участков в соответствии с естественными районами города (табл. 2). I и II участки были крупнобуржуазные, III, IV и V — мелкобуржуазные, во всех них преобладал интеллигентный служилый пролетариат и владельческие слои населения. VI, VII, VIII и IX — рабочие участки, причем в первых двух было немало квалифицированных рабочих, в последних же доминировали неквалифицированные рабочие и люди, занимающиеся сельским хозяйством (преимущественно малороссы). X и XI участки, относящиеся к району Сады, при анализе состава населения Мионов не принимал во внимание из-за слишком малого количества избирателей, не дающего устойчивых процентных соотношений [Мионов, 1919b, с. 5].

Таблица 2

Характеристика населения и итоги голосования по участкам
[ГАКК, ф. Р-1547, оп. 1, д. 124, л. 58]

Участки	1*	2	3	4	5	6	7	8	9	10
I (Старейший)	9,1	33,6	12,3	10,0	24,7	1,3	14,4	50,0	14,5	36,5
II (Торговый)	8,5	31,0	16,3	12,4	23,4	0,6	14,2	52,6	10,0	37,4
III (Троицкий)	7,7	33,2	13,8	15,4	20,3	0,9	17,0	47,5	22,0	30,5
IV (Дмитриевский)	7,7	25,5	21,4	17,4	18,1	1,0	15,1	44,5	26,8	28,7
V (Железнодорожный)	4,8	24,6	12,1	23,8	26,8	1,5	15,1	41,3	40,6	18,1
VI (Северо-западный)	3,1	8,1	21,7	23,7	33,3	5,0	12,2	47,2	40,3	12,0
VII (Промышленный)	3,2	13,0	22,4	26,5	27,5	2,9	13,3	39,1	32,8	28,1
VIII (Покровский)	2,2	5,5	17,4	20,6	40,0	7,7	9,8	36,7	40,5	22,8
IX (Дубинский)	1,7	7,1	9,2	20,8	45,1	12,0	9,4	43,8	46,4	9,8

* 1 — % семей, главы которых имеют высшее образование, 2 — имеют среднее образование, 3 — являются владельцами предприятий (преимущественно, небольших), 4 — квалифицированными рабочими, 5 — неквалифицированными рабочими, 6 — занимаются сельским хозяйством, 7 — % участвовавших в выборах, 8 — % голосов за домовладельцев, 9 — % голосов за эсеров, 10 — % голосов за остальные списки.

Из таблицы видно, что за домовладельцев голосовали равномерно по всему городу — чуть лучше в «буржуазных» районах, чуть хуже в «пролетарских». В то же самое время эсеры победили в двух округах, в которых было наименьшее количество глав семей с высшим и средним образованием, наименьшее количество владельцев предприятий и наибольшее количество рабочих и людей, занимающихся сельским хозяйством. «Эсеровские» Покровский и Дубинский участки отличались и самой низкой явкой, хотя в 1917 году на Дубинке явка была лучшей в городе.

Убедительная победа домовладельцев была следствием того, что им удалось мобилизовать заметную часть своего электората, тогда как сторонники социалистов в большинстве своем остались дома: из примерно 10 тыс. домовладельцев проголосовало около 3,5 тыс. (35 %), а из 45 тыс. жителей, не имеющих своих домов, — тоже около 3,5 тыс. (менее 8 %) [Балкевич, 1919, с. 3]. П. В. Миронов полагал, что домовладельцы, поставленные квартирным законом, повышением прямых налогов и различными реквизициями в положение эксплуатируемых, оказались единственной группой, заинтересованной в деятельности думы. За победивший список голосовали и некоторые другие избиратели, не имеющие своих домов, но пострадавшие по «порядку» [Миронов, 1919b, с. 6].

5. Убийство в редакции газеты «Утро Юга»

Хотя избиратели вели себя пассивно, кампания на левом фланге шла достаточно бурно и яростно, и на следующий день после голосования это ожесточение вылилось в кровавый инцидент. Левая газета «Утро Юга» несколько раз резко негативно высказалась про члена Кубанской краевой рады, секретаря Совета профессиональных союзов и бывшего присяжного поверенного А. М. Белоусова (№ 3 в списке эсеров). Так, в частности, на страницах газеты была опубликована неподписанная заметка «А. М. Белоусов», в которой утверждалось, что ее герой вымогал у «Утра Юга» 3 тысячи рублей [А. М. Белоусов, 1919]. Сложно сказать, насколько эти обвинения были обоснованными, но совершенно точно то, что личность Белоусова была достаточно одиозной [Ратушняк, 2018, с. 57—58], а сотрудники редакции «Утра Юга» отнюдь не были рыцарями в белых доспехах. Как вспоминал современник событий, издатели газеты умело сочетали демократические и социалистические передовицы с «целями осуществления определенных биржевых и коммерческих планов», которые и составляли главную ее задачу [Роз-в, 1925, с. 216]. Скорее всего, и предвыборные атаки на разные списки были щедро оплачены определенными финансовыми группами, стоявшими за газетой. Так или иначе, эсер посчитал себя оскорбленным и отправился выяснять отношения.

В 12 часов дня 26 августа Белоусов в сопровождении своего однопартийца В. Э. Серого и журналиста М. Д. Брэма (Брейтермана) пришел в редакцию «Утра Юга» на Красной улице. Подойдя к С. Я. Маршаку, он потребовал назвать имя автора заметки. Маршак, сказав, что за заметку отвечает вся редакционная коллегия, отказался назвать имя. Член редколлегии Н. С. Надеждин заметил Белоусову, настаивавшему на своем: «Ведь вы, Александр Матвеевич, сами журналист и знаете, что псевдонимы не раскрываются». Белоусов возразил: «Автор заметки подлец, и с такими разговаривают только посредством оружия. Я его вызываю на дуэль».

Некоторое время Белоусов продолжал требовать назвать имя автора, а представители газеты отказывались это сделать, заявляя, что за нее отвечает коллегия и она от ответственности не уклоняется. Вдруг Белоусов неожиданно обратился к Маршаку: «Кого вы имели в виду во вчерашнем вашем фельетоне под выражением “темные пятна”? Меня?» Маршак ответил: «Вас». Белоусов ударил Самуила Яковлевича по лицу. Есть и немного иное изображение диалога между ними. Белоусов спросил, кто был автором стихотворного фельетона «Предвыборная агитация» и кого он подразумевал под «темным пятном» в списке партии эсеров. Маршак ответил: «Писал я, и имел в виду вас», — и тут же получил удар.

Надеждин, стоявший рядом, в ответ ударил по лицу Белоусова, началась драка. Некоторые члены редакции и Серый бросились разнимать дерущихся, но Белоусов выхватил из кармана браунинг и произвел два выстрела в Надеждина, прижатого к перегородке. Второй выстрел достиг цели: сотрудник «Утра Юга» был ранен в правую сторону груди навылет. Но Белоусова это не остановило, и он начал беспорядочную стрельбу во все стороны, в результате которой случайно ранил своего спутника Серого, попав ему в голову. Произведя пять выстрелов, Белоусов прекратил стрельбу, а затем медленно приставил пистолет к своему правому виску. Рука его дрожала, и, когда он все же решился нажать на курок, произошла осечка. Он оглянулся и увидел окровавленного Серого, лежащего на полу. Со словами «Что я сделал? Я убил бедного товарища Серого» Белоусов опустился перед раненым и стал помогать врачу перевязывать его. Через некоторое время преступник был доставлен в здание Рады под конвоем казаков, а затем передан городской страже. Раненых увезли в больницу. Надеждин отделался относительно легко: у него был перебит нервный узел, вследствие чего парализовало правую руку. Серый скончался тем же вечером, не приходя в сознание [Покушение ..., 1919; Подробности ..., 1919].

«Так закончилась в Екатеринодаре партийная борьба: началась базарной руганью и кончилась убийством», — отмечала газета «Отклики Кавказа» [Предвыборная ..., 1919].

6. Выборы в других городах Кубанского края

В период с апреля по октябрь 1919 года выборы состоялись и в шести других городах края. В Горячем Ключе, который получил статус города лишь в 1917 году, выборы прошли в конце апреля. Высокая явка — почти 61 % — была обусловлена тем, что население города впервые избирало городскую думу, а кроме того, голосование шло в течение четырех дней. Основная борьба развернулась между двумя списками, получившими неофициальные названия «отцов города» и «детей города». В первом были

представлены местные деятели, бывшие у власти в Горячем Ключе еще в те времена, когда он был местечком, во втором находились лица более молодые, как по положению, так и по возрасту, и с более демократическим уклоном. Места в думе распределились так: «отцы» — 19, «дети» — 13, три других списка, политическое лицо которых осталось невыясненным, — 4, 3 и 1 соответственно [Миронов, 1919а].

На выборах в Анапе конкурировали два заявленных списка — «правый» союза домовладельцев и «умеренный» учительского союза, местных кооператоров и группы домовладельцев. Перед выборами в среде анапских домовладельцев произошел раскол, и в итоге некоторые из них примкнули ко второму списку. Список союза домовладельцев запомнился избирателям своей рекламой и широковещательными обещаниями, совершенно невыполнимыми в текущих условиях. Дошло до того, что представители этого списка обещали повысить оклады правительственным служащим, хотя этот вопрос совершенно не относился к компетенции городской думы. Такая неумная реклама вызывала у многих горожан смех, но оказалось, что большинство избирателей ей поверило. В итоге первый список получил 46 мест, а второй — 4 [Дьячков-Тарасов, 1919, с. 26—27].

В Ейске явка оказалась самой низкой среди всех городов края — менее 9 %, но это вполне объяснимо тем, что голосование было назначено на начало августа. Многие из горожан считались таковыми лишь формально, по сути же они являлись хлеборобами, а конец июля и первая половина августа были для них самой горячей порой полевых работ [N., 1919, с. 31]. На выборах победил список квартальных попечительств, занявший 23 места. Левый демократическо-трудовой список, выдвинутый блоком профессиональных союзов, получил 19 мест, земледельческо-трудовой (от кредитного товарищества) — 14, список союза домовладельцев — 12, список союза квартиронанимателей — 2 [Городская Дума, 1919].

В Майкопе было заявлено три списка — от союза домовладельцев, от общественных организаций и от еврейской общины. Победа домовладельцев ожидалась с самого начала, но никто представить себе не мог, что она окажется настолько убедительной. В итоге домовладельцы получили 3570 голосов (80,3 %), «общественники» — 543 (12,2 %), евреи — 120 (2,7 %), индивидуальные списки — 215 (4,8 %) [ГАРФ, ф. Р-446, оп. 2, д. 69, л. 140об]. Первому списку это принесло 59 мест, второму — 9, третьему — 2, никто из «индивидуалистов» не был избран. На такой исход повлияла явка разных групп населения: если среди домовладельцев и их семей она составила около 36 %, то среди остального населения города — примерно 7—8 % [Е.Г.Л., 1919].

Относительно активно прошла предвыборная кампания в Армавире, в котором было три заявленных списка: список общества домовладельцев,

объединенный демократический список и список православных прихожан. В списке домовладельцев присутствовали члены бывшей городской управы, заводчики, банковские деятели, а также несколько врачей, педагогов и юристов [Выборы ..., 1919]. В своей агитации они делали упор на критику «болтунов», к которым относили всех партийных людей [С. Р., 1919]. В объединенный демократический список вошли партии социал-демократов, социалистов-революционеров, представители трудовой интеллигенции, профессиональные союзы рабочих и союз крестьян [ОСК ЦСПИ ГПИБ]. В своих изданиях они критиковали конкурирующие списки: домовладельцев — за отсутствие программы, приходской список — «за вынесение святого религиозного чувства на базар житейской суеты» [Кто ..., 1919]. Победу одержали «демократы», получившие 42 места, домовладельцы провели в гласные 26 кандидатов, а прихожане — 2.

Городские выборы состоялись также в Темрюке, где победу праздновали домовладельцы (или силы, близкие к ним) [Гельфгот, 1919b, с. 6].

7. Общие итоги выборов в Кубанском крае

В конце 1919 года эсер А. П. Гельфгот подвел итоги выборов в статье, опубликованной в журнале «Местное самоуправление на Северном Кавказе». Благодаря наличию корреспондентов на местах, ему удалось собрать статистику голосования — настолько полную, насколько это было возможно. Анализируя итоги волеизъявления, для удобства он разделил все списки на «левые», «умеренные», «правые» и «неизвестные». Мы, принимая в целом это деление, решили выделить еврейский список в отдельную категорию «меньшинств», а также переместить из «правых» в «умеренные» екатеринодарских кадетов и армавирских прихожан, программа которых была вполне «прогрессивной» [Группа ..., 1919]. Итоги голосования на Кубани [Гельфгот, 1919b, с. 4, 6] могут быть отражены следующим образом (табл. 3 и 4).

Таблица 3

Явка

Город	Количество избирателей	Подано голосов	Явка
Горячий Ключ	588	358	60,9 %
Анапа	7933	1256	15,8 %
Ейск	20169	1786	8,9 %
Майкоп	18402	4457	24,2 %
Екатеринодар	57133	7713	13,5 %
Армавир	19000	6993	36,8 %
Темрюк	6500	2000	30,8 %
Всего по краю	129725	24563	18,9 %

Таблица 4

Состав новоизбранных дум

Город	Всего гласных	Левые	Умерен.	Правые	Нац. меньш.	Неизв.
Горячий Ключ	40	0	13	19	0	8
Анапа	50	0	4	46	0	0
Ейск	70	19	39	12	0	0
Майкоп	70	0	9	59	2	0
Екатеринодар	100	39	12	49	0	0
Армавир	70	42	2	26	0	0
Темрюк	70	18	0	52	0	0
Всего по краю	470	118	79	263	2	8

Сравнение с думскими выборами 1917 года показывает, что в Ейске явка упала в 6 с лишним раз, в Екатеринодаре — в 4 раза, в Майкопе и Анапе — почти в 2 раза, в Темрюке — в 1,5 раза, и лишь в Армавире падение не превышало нескольких процентов [Гельфгот, 1919а, с. 4]. Общая явка по краю составила 18,9 %, а средняя — 27,3 % (если считать без учета Горячего Ключа с его спецификой — 21,7 %). По всей видимости, основным мотивом абсентеистов было не сознательное решение бойкотировать выборы, а усталость от политики, посвящение всего своего времени выживанию и поискам денег и пропитания, а также неверие в то, что городская дума может что-то изменить.

Один из журналистов еще в ходе кампании справедливо писал, что результатом апатии большинства будет «торжество активного меньшинства в лице либо будирующих социалистов, либо групп, наиболее заинтересованных имущественно в общественном хозяйстве» [Передовая ..., 1919]. Социалисты, как оказалось, выступили не очень успешно, сохранив свои прежние позиции только в Армавире и отчасти в Екатеринодаре, зато домовладельцы в большинстве своем действовали активно и слаженно. Если обратиться к политическому облику избранных гласных, то получится, что 56 % мест получили «правые», 25,1 % — «левые», 16,8 % — «умеренные», 0,4 % — «меньшинства», 1,7 % — «неизвестные». Левые круги сокрушались, что «в результате применения всеобщего избирательного права органы местного самоуправления оказались вновь, как и при городском положении 1892 года, в руках реакционно-цензовых элементов» [Гельфгот, 1919а, с. 3].

8. Заключение

Итак, может создаться впечатление, что на Кубани происходило резкое оправление городских масс, но сразу стоит обратить внимание на то, что

победившие домовладельцы не представляли из себя структуры с единой идеологией. Да, именно в их списках нашли себе пристанище «цензовики» из дореволюционных дум, бывшие царские бюрократы и деятели монархических организаций, но из этого совершенно не следует, что мелкий окраинный домовладелец, голосуя за подобные списки, желал непременно реставрации «старого режима». Конечно, успех домовладельцев показал, что часть городского населения видит в них оплот порядка и не испытывает особого пиетета перед «завоеваниями революции», но отсюда было очень далеко до возможности создания на их основе хоть сколько-нибудь дееспособной контрреволюционной партии. К тому же, если вновь обратиться к явке, мы увидим, что электорат домовладельцев представлял собой пусть заметное, но все же абсолютное меньшинство горожан (так, в Екатеринодаре их список поддержали 6 % жителей, имеющих право голоса [Миронов, 1919b, с. 6]).

Люди, голосовавшие в 1917 году за умеренно социалистические списки, на выборы в большинстве своем не пришли: одна их часть могла разочароваться в своих избранниках, другая — перейти к большевикам, посчитав их лучшими выразителями социалистических идей. За годы гражданской войны оказались серьезно дискредитированными не только умеренно левые, но и центристские группы, провалившиеся везде, кроме Ейска. Эти «промежуточные» объединения, пытавшиеся за счет более мягкой и компромиссной риторики объединить различные слои населения, также не были поддержаны избирателями. Крахом умеренно социалистических и либеральных групп и воспользовалась наиболее сплоченная и активная «правая» группа — домовладельцы. Таким образом, победа домовладельцев была обусловлена невольной помощью со стороны левого и либерального электората, проголосовавшего ногами.

Еще одной особенностью кубанских выборов было практически полное отсутствие борьбы за избирателей оппонентов. Каждая из групп ограничивалась ритуальными обвинениями в адрес противников и занималась мобилизацией своего собственного электората. Впрочем, эта своеобразная поляризация электората выражалась лишь в риторике и не переходила в какие-либо уличные столкновения между правыми и левыми. Весьма показательно, что единственный заметный инцидент — убийство в редакции «Утра Юга» — произошел из-за конфликта на левом поле, которое яростно делили между собой эсеры, меньшевики и «объединенные демократы».

Во время избирательной кампании не было заметно никаких попыток большевиков организовать бойкот, но апатия, царившая в душах жителей Кубани, была лучшей союзницей красных. На такой тыл нельзя было положиться, что и показали дальнейшие события. Весной 1920 года городские думы Кубани были окончательно разогнаны победившими большевиками.

Источники и принятые сокращения

1. А. М. Белоусов // Утро Юга : газета. — 1919. — № 188—216. — С. 1.
2. Бабин-Корень Б. Новые кубанские правила о выборах гласных городских дум и собрание России / Б. Бабин-Корень // Местное самоуправление на Северном Кавказе: журнал. — 1919. — № 2. — С. 19—24.
3. Балкевич Л. Итоги Екатеринодарских выборов / Л. Балкевич // Местное самоуправление на Северном Кавказе: журнал. — 1919. — № 13. — С. 3—4.
4. Выборы кандидатов в гласные от домовладельцев // Отклики Кавказа: газета. — 1919. — № 201. — С. 1.
5. В-ий С. Дикие нравы / С. В-ий // Юг: газета. — 1919. — № 34. — С. 1.
6. ГАКК — Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1318 (Екатеринодарский совет профессиональных союзов). Оп. 1. Д. 10. Л. 95 об.
7. ГАКК — Государственный архив Краснодарского края. Ф. Р-1547 (Коллекция документов по истории Кубани, собранная краеведом Мироновым П. В.). Оп. 1. Д. 124. Л. 24, 27 об—28, 58, 73, 74.
8. ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-446 (Политическая канцелярия Особого совещания при главнокомандующем ВСЮР). Оп. 2. Д. 69. Л. 140 об.
9. Гельфгот А. Городские Думы в 1919 году (Статистическая справка) / А. Гельфгот // Местное самоуправление на Северном Кавказе: журнал. — 1919b. — № 19—20. — С. 3—7.
10. Гельфгот А. Кто победил? / А. Гельфгот // Местное самоуправление на Северном Кавказе: журнал. — 1919a. — № 14. — С. 3—5.
11. Городская Дума // Бюллетень газ. «Русское слово»: газета. — 1919. — № 81. — С. 2.
12. Группа православных прихожан // Отклики Кавказа: газета. — 1919. — № 214. — С. 2.
13. Г-желло В. К выборам в думу / В. Г-желло // Кубанское слово: газета. — 1919. — № 353—114. — С. 3.
14. Дьячков-Тарасов В. Дебют домовладельцев / В. Дьячков-Тарасов // Местное самоуправление на Северном Кавказе: журнал. — 1919. — № 11. — С. 26—28.
15. Д-р Фрикен [Маршак С. Я.] / Д-р Фрикен // Утро Юга: газета. — 1919. — № 188—216. — С. 1.
16. Е.Г.Л. Результаты выборов / Е.Г.Л. // Местное самоуправление на Северном Кавказе: журнал. — 1919. — № 13. — С. 31.
17. Закон о выборах в органы городского самоуправления // Кубанец: газета. — 1919. — № 49. — С. 1.
18. К выборам в думу // Утро Юга: газета. — 1919. — № 176—204. — С. 2.
19. К городским выборам // Утро Юга: газета. — 1919. — № 178—206. — С. 2.
20. Кто они! // Предвыборный листок. Издание группы демократических избирателей: газета. — 1919. — № 1. — С. 1.
21. Миронов П. Выборы гласных в гор. Горячем Ключе / П. Миронов // Местное самоуправление на Северном Кавказе: журнал. — 1919a. — № 9. — С. 30—31.
22. Миронов П. Екатеринодарский электорат в цифрах / П. Миронов // Местное самоуправление на Северном Кавказе: журнал. — 1919b. — № 13. — С. 4—7.
23. Наказ городским управам о производстве выборов гласных городских дум Кубанского Края // Местное самоуправление на Северном Кавказе: журнал. — 1919. — № 6—7. — С. 47—52.

24. ОСК ЦСПИ ГПИБ — *Отдел* специальных коллекций Центра социально-политической истории Государственной публичной исторической библиотеки. Коробка «Деникин. Добровольческая армия». Листовка «Граждане-Избиратели!»
25. *Передовая* статья // Свободная речь: газета. — 1919. — № 168. — С. 1.
26. *Подробности* драмы в «Утре Юга» // Вольная Кубань: газета. — 1919. — № 188. — С. 1.
27. *Покушение* на убийство членов редакц. коллегии «Утро Юга» // Утро Юга: газета. — 1919. — № 189—217. — С. 1
28. *Постановление* Совета Кубанского Краевого Правительства 10 января 1919 года // Местное самоуправление на Северном Кавказе: журнал. — 1919. — № 1. — С. 35—41.
29. *Предвыборная* борьба и «демократы» // Отклики Кавказа: газета. — 1919. — № 192. — С. 1.
30. *Проект* новых правил о производстве выборов гласных городских дум // Вольная Кубань: газета. — 1918. — № 124. — С. 3—4.
31. *Роз-в Г.* Белая печать на Юге России в 1918—1920 гг. / Г. Роз-в // Былое: журнал. — 1925. — № 6 (34). — С. 206—221.
32. *С.Р.* Перед выборами / С. Р. // Местное самоуправление на Северном Кавказе: журнал. — 1919. — № 13. — С. 30.
33. *Ширский П.* Домовладельцы и эсеры / П. Ширский // Утро Юга: газета. — 1919. — № 220—248. — С. 1.
34. *Н.* Результаты выборов / Н. // Местное самоуправление на Северном Кавказе: журнал. — 1919. — № 12. — С. 31—32.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Куценко И. Я.* С. Я. Маршак: жизнь и творчество на Кубани / И. Я. Куценко. — Майкоп: Адыгея, 1997. — 880 с.
2. *Леусян О. А.* Выборы гласных Екатеринодарской городской думы в 1919 г. / О. А. Леусян // Музейный вестник (к 25-летию музея-заповедника). — Краснодар, 2001. — С. 96—102.
3. *Леусян О. А.* Екатеринодарское городское самоуправление в годы Гражданской войны (1917—1920 гг.) / О. А. Леусян // Историко-археологический альманах. — Москва — Армавир, 2002. — Вып. 8. — С. 171—175.
4. *Леусян О. А.* Екатеринодарское городское самоуправление и власть в годы Гражданской войны (1917—1920 гг.) / О. А. Леусян // Культурная жизнь Юга России. — 2003. — № 4 (6). — С. 44—47.
5. *Макаровская Н. В.* История города Екатеринодара — Краснодара в первой трети XX века : диссертация ... кандидата исторических наук: 07.00.02 / Н. В. Макаровская. — Краснодар, 2004. — 237 с.
6. *Макеев В. В.* Законодательство о местном самоуправлении Кубанского края в годы Гражданской войны (1917—1920 гг.) / В. В. Макеев, Л. П. Рассказов, П. И. Остапенко // Юристы-правоведы. — 2004. — № 3 (10). — С. 72—78.
7. *Ратушняк Т. В.* Кубанская адвокатура во время Великой революции и Гражданской войны. 1917—1920-е гг. / Т. В. Ратушняк // Голос минувшего. — 2018. — № 3—4. — С. 51—64.

MATERIAL RESOURCES

A group of Orthodox parishioners. (1919). *Responses of the Caucasus: newspaper*, 214: 2. (In Russ.).

- A. M. Belousov. (1919). *Morning of the South: newspaper*, 188—216: 1. (In Russ.). Attempted murder of editors. collegiums “Morning of the South” (1919). *Morning of the South: newspaper*, 189—217: 1. (In Russ.).
- Babin-Root, B. (1919). New Kuban rules on elections of public councilors and gathering of Russia. *Local government in the North Caucasus: magazine*, 2: 19—24. (In Russ.).
- Balkevich, L. (1919.). Results of the Ekaterinodar elections. *Local government in the North Caucasus: magazine*, 13: 3—4. (In Russ.).
- City Duma. (1919). *Bulletin Gaz. “Russian word”: newspaper*, 81: 2. (In Russ.).
- Details of the drama in “Morning of the South”. (1919). *Free Kuban: newspaper*, 188: 1. (In Russ.).
- Dr. Friken [Marshak S. Ya.]. (1919.). *Morning of the South: newspaper*, 188—216: 1. (In Russ.).
- Draft new rules on the production of elections of public councilors. (1918). *Volnaya Kuban: newspaper*, 124: 3—4. (In Russ.).
- Dyachkov-Tarasov, V. (1919). Debut of homeowners. *Local government in the North Caucasus: magazine*, 11: 26—28. (In Russ.).
- E.G.L. (1919). Election results. *Local government in the North Caucasus: magazine*, 13: 31. (In Russ.).
- Editorial. (1919). *Free speech: newspaper*, 168: 1. (In Russ.).
- Election of candidates for vowels from homeowners. (1919). *Responses of the Caucasus: newspaper*, 201: 1. (In Russ.).
- GARF — *State Archives of the Russian Federation. F. P-446 (Political Chancellery of the Special Meeting under the Commander-in-Chief of the Armed Forces of Yugoslavia)*. (In Russ.).
- Gelfgot, A. (1919a). Who won? *Local government in the North Caucasus: magazine*, 14: 3—5. (In Russ.).
- Gelfgot, A. (1919b). City Dumas in 1919 (Statistical Information). *Local government in the North Caucasus: magazine*, 19—20: 3—7. (In Russ.).
- G-zhello, V. (1919). Towards the elections to the Duma. *Kuban word: newspaper*, 353—114: 3. (In Russ.).
- Law on elections to city government bodies. (1919). *Kubanets: newspaper*, 49: 1. (In Russ.).
- Mironov, P. (1919a). Elections of vowels in the mountains. Goryachy Klyuche. *Local government in the North Caucasus: magazine*, 9: 30—31. (In Russ.).
- Mironov, P. (1919b). Yekaterinodar electorate in figures. *Local government in the North Caucasus: magazine*, 13: 4—7. (In Russ.).
- N. (1919). Election results. *Local self-government in the North Caucasus: magazine*, 12: 31—32. (In Russ.).
- Order to city councils on the production of elections of public councils of the Kuban Territory. (1919). *Local government in the North Caucasus: magazine*, 6—7: 47—52. (In Russ.).
- OSK TsSPI GPIB — *Department of Special Collections of the Center for Socio-Political History of the State Public Historical Library. Box “Denikin. Volunteer Army”. Leaflet “Citizens-Voters!”* (In Russ.).
- Pre-election struggle and “democrats”. (1919). *Responses of the Caucasus: newspaper*, 192: 1. (In Russ.).
- Resolution of the Council of the Kuban Regional Government on January 10, 1919. (1919). *Local government in the North Caucasus: magazine*, 1: 35—41. (In Russ.).

- Rose., G. (1925). White seal in the South of Russia in 1918—1920. *Past: magazine*, 6 (34): 206—221. (In Russ.).
- S.R. (1919). Before the elections. *Local self-government in the North Caucasus: magazine*, 13: 30. (In Russ.).
- SACC — *State Archives of the Krasnodar Territory. F. R-1318 (Yekaterinodar Council of Trade Unions)*. (In Russ.).
- SACC — *State Archives of the Krasnodar Territory. F. R-1547 (Collection of documents on the history of the Kuban, collected by local historian P. Mironov)*. (In Russ.).
- Shirsky, P. (1919). Homeowners and Social Revolutionaries. *Morning of the South: newspaper*, 220—248: 1. (In Russ.).
- Towards city elections. (1919). *Morning of the South: newspaper*, 178—206: 2. (In Russ.).
- Towards the Duma elections. (1919). *Morning of the South: newspaper*, 176—204: 2. (In Russ.).
- V. S. (1919). Wild morals. *South: newspaper*, 34: 1. (In Russ.).
- Who are they! (1919). *Election leaflet. Edition of the group of democratic voters: newspaper*, 1: 1. (In Russ.).

REFERENCES

- Kutsenko, I. Ya. (1997). *S. Ya. Marshak: life and work in the Kuban*. Maikop: Adygea. 880 p. (In Russ.).
- Leusyan, O. A. (2001). Elections of members of the Yekaterinodar City Duma in 1919. In: *Museum Bulletin (to the 25th anniversary of the Museum-Reserve)*. Krasnodar. 96—102. (In Russ.).
- Leusyan, O. A. (2002). Yekaterinodar city self-government during the Civil War (1917—1920). In: *Historical and archaeological almanac*, 8. Moscow — Armavir. 171—175. (In Russ.).
- Leusyan, O. A. (2003). Yekaterinodar city government and power during the Civil War (1917—1920). *Cultural life of the South of Russia*, 4 (6): 44—47. (In Russ.).
- Makarovskaya, N. V. (2004). *History of the city of Yekaterinodar — Krasnodar in the first third of the XX century*. PhD Diss. Krasnodar. 237 p. (In Russ.).
- Makeev, V. V., Rasskazov, L. P., Ostapenko, P. I. (2004). Legislation on local self-government of the Kuban Territory during the Civil War (1917—1920). *Yurist-pravoved*, 3 (10): 72—78. (In Russ.).
- Ratushnyak, T. V. (2018). Kuban advocacy during the Great Revolution and the Civil War. 1917—1920s. *Voice of the Past*, 3—4: 51—64. (In Russ.).

АВТОРАМ

Журнал «Научный диалог». ISSN 2225-756X, e-ISSN 2227-1295
Включен в Перечень ВАК с 1 декабря 2015 года
Индексируется в WoS <Emerging Sources Citation Index>
Индексируется в Google Академия
Индексируется в РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)
Включен в международную базу ERIH с 11 июня 2015 года.
Идентификационный номер журнала в ERIH – 485900.
Включен в Международный реестр периодических изданий Global Serials Directory Ulrichs Web
Размещается на платформах EBSCO, НЭБ-РИНЦ (eLibrary), на сайте журнала и др.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-47018 от 18.10.2011
Подписной индекс 29255 в Объединенном каталоге «Пресса России»
Обязательные экземпляры журнала отправляются в ИТАР-ТАСС (Российскую книжную палату), Российскую государственную библиотеку, Роспечать и др.
Электронный адрес: nauka-dialog@mail.ru
Сайт: <http://www.nauka-dialog.ru/>

Группы научных специальностей, по которым издание входит в Перечень ВАК**Научные специальности в рамках групп научных специальностей, по которым издание входит в Перечень ВАК**

10.01.00 Литературоведение	10.01.01 Русская литература 10.01.03 Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы) 10.01.08 Теория литературы. Текстология 10.01.09 Фольклористика 10.01.10 Журналистика
10.02.00 Языкознание	10.02.01 Русский язык 10.02.03 Славянские языки 10.02.04 Германские языки 10.02.19 Теория языка 10.02.20 Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание
07.00.00 Исторические науки и археология	07.00.02 Отечественная история 07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода) 07.00.07 Этнография, этнология и антропология 07.00.09 Историография, источниковедение и методы исторического исследования 07.00.15 История международных отношений и внешней политики

Журнал «Научный диалог» — рецензируемое периодическое издание открытого доступа (open access), публикующее материалы гуманитарного профиля. Издаётся с 2012 года.

Принимаются к рассмотрению (1) обзорные статьи, содержащие теоретические и статистические обобщения; (2) статьи, в которых представлены результаты исследования эмпирического материала.

Все статьи, поступившие в редакцию, проходят внутреннее рецензирование (анализируются актуальность темы, новизна и оригинальность решений, доказательная база, строгость и однозначность выводов, оснащённость научным аппаратом, качество иллюстративного материала) и публикуются на основании заключения рецензента из числа членов редакционного совета журнала и решения главного редактора. Выполняется двойное слепое рецензирование (автор не знает рецензента; рецензент не знает автора). Если статья будет оценена как не соответствующая требованиям журнала, автор статьи оповещается о необходимости переработки статьи или об отказе в публикации.

Рецензирование статей проводится в срок не более **60** дней. Издательство берет на себя обязательство опубликовать статью не позднее четырех месяцев с момента получения положительной рецензии на статью. Сроки публикации 2—4 месяца.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ

Шрифт Times New Roman, 14 pt (при использовании дополнительных шрифтов они должны быть представлены в редакцию в электронном виде). Межстрочный интервал — полуторный. Поля: левое — 3 см, остальные — 2 см. Абзацный отступ — 1,25.

В начале статьи слева без отступа указывается УДК (для получения обращаться к сотрудникам библиотек).

Ниже (через строку) с выравниванием по левому краю без отступа полужирным шрифтом приводится название статьи.

Далее — сведения об авторе / авторах (шрифт — 11 pt) по образцу:

© **Иванова Анна Ивановна** (2021), orcid.org/0000-0001-3815-8615, доктор филологических наук, доцент кафедры славистики филологического факультета, Белградский государственный университет (Белград, Сербия), ivanova@mail.ru.

Аннотация – шрифт 12 pt (не менее 150 слов), выравнивание «по ширине», абзацный отступ 1,25 (с использованием клише: *Рассматривается вопрос... Уделяется внимание... Представлены результаты сопоставительного анализа... Поднимается вопрос о... Особое внимание уделяется... Новизна исследования видится в том, что... Актуальность исследования обусловлена... Приводятся определения... Автор останавливается на... Доказано, что... Предлагается классификация... Выполнен обзор... Представлена авторская разработка... Описан опыт многолетней работы автора ... и под.*).

Ключевые слова – шрифт 12 pt (4–9 слов или словосочетаний, разделенных точкой с запятой).

Основной текст – выравнивание «по ширине», абзацный отступ автоматический — 1,25. Структурирование статьи подразумевает деление текста на смысло-

вые части. Каждый подраздел должен иметь краткий тематический заголовок. Если исследование имеет характер эксперимента, то структурировать статью допускается по модели, традиционной для публикаций в международных изданиях: Введение, Методика, Результаты и обсуждение, Выводы.

Внутритекстовые ссылки приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Поланин, 2004, с. 47] или [Поланин, 2004, с. 47–48]. Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке указывается сокращенное наименование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: [СРНГ, т. 8, с. 75] или [ФСРГС, с. 7] (при этом сокращения должны быть указаны в списке источников). Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Егоров, 1983, с. 213–218; Капитонова, 1991, с. 83]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Истрин, 1984; Истрин, 1997]. При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Иванов, 2001a; Иванов, 2001b]. Если авторов двое или трое, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае русскоязычного источника, «et al.» – в случае с источником на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Микрофлора ..., 1994], [Методика расчета ..., 2007, с. 17].

Цитаты обязательно снабжаются указанием на номер страницы.

Список литературы приводится после текста статьи, составляется по алфавиту, нумеруется, предваряется словом «Литература», выполняется шрифтом 12 pt. Сначала в алфавитном порядке приводится перечень работ на русском языке (кириллица), затем, также по алфавиту, работ на иностранных языках (латиница). Список литературы должен свидетельствовать о том, что автор знаком с научной литературой по теме статьи, поэтому рекомендуется включать в библиографический список не менее чем 15 позиций, в том числе желательно, если позволяет область исследования, представлять библиографические описания зарубежных публикаций по данной теме. Если статья написана с использованием лексикографических источников (словарей), архивных материалов, картотек, то они подаются отдельным списком перед списком литературы под заголовком «Источники и принятые сокращения».

Библиографические описания выполняются по ГОСТ Р 7.0.9-2009 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическое обеспечение издательских и книготорговых процессов. Общие требования» (<http://www.gosthelp.ru/gost/gost48640.html>). Фамилия автора книги или (при его отсутствии) первое слово названия книги выделяется курсивом. При наличии у книги двух или трех авторов первым элементом библиографической записи указывают только имя первого автора. Имена всех авторов приводят за косой линией. Если авторов четыре и более, описание книги начинают с заголовка, а за косой линией приводят имя первого автора с пометкой «[и др.]». Необходимо указывать изда-

тельство, в котором выпущена книга. Обязательно указывается общее количество страниц в книге либо диапазон страниц, на которых размещена, например, статья в журнале.

ПРИМЕРЫ:

Источники и принятые сокращения

1. Женщина — председатель колхоза // За Родину : газета. — 1946. — № 10. — С. 1.
2. КСРНГ — Картотека Словаря русских народных говоров (хранится в Институте лингвистических исследований Российской академии наук, Санкт-Петербург).
3. Николаев А. Председатель во хмелю / А. Николаев // Сталинский призыв : газета. — 1953. — № 126 (990). — С. 4.
4. ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными. — Ленинград : Изд-во Ленинградского ун-та, 1967—2008. — Вып. 1—20.
5. СПГ — Словарь пермских говоров / под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. — Пермь : Книжный мир, 2000—2002. — Вып. 1—2.
6. ГАСО — Государственный архив Свердловской области. Ф. Р1813 (Областное статистическое управление). Ф. Р1813. Оп. 1. Д. 227. Л. 84. Д. 518. Л. 20.
7. ЦДООСО — Центр документации общественных организаций Свердловской области. Ф.4. (Обком КПСС). Оп.53. Д.187. Лл. 2, 6.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выготский Л. С. Психология искусства / Л. С. Выготский. — Москва : Искусство, 1986. — 329 с.
2. Вьюговская Е. Схемы выдвижения в стандартизированном интервью / Е. Вьюговская, А. Ипатова, Д. Рогозин // Телескоп : журнал социологических и маркетинговых исследований. — 2012. — № 4. — С. 40—45.
3. Карасик В. И. Религиозный дискурс / В. И. Карасик // Языковая личность : проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики : сборник научных трудов. — Волгоград : Перемена, 1999. — С. 5—19.
4. Матвеева А. С. Служебное деловое письмо : теория, история, трансформация в условиях информатизации общества : автореферат диссертации ... кандидата педагогических наук : 05.25.02 / А. С. Матвеева. — Краснодар, 2012. — 22 с.
5. Мунье Э. Персонализм : краткое введение к вопросу [Электронный ресурс] / Э. Мунье. — Режим доступа : http://anthropology.rchgi.spb.ru/munie/munie_s1.html.
6. Некоторые перспективы исследования смысловых образований личности / А. Г. Асмолов, Б. С. Братусь, Б. В. Зейгарник, В. А. Петровский, Е. В. Субботский, А. У. Хараш, Л. С. Цветкова // Вопросы психологии. — 1979. — № 4. — С. 118—127.
7. Собкин В. С. Психологический анализ уровней литературного развития старшеклассников : диссертация кандидата психологических наук / В. С. Собкин. — Москва, 1982. — 169 с.
8. Garibaldi L. Mussolini e il Professore : Vita e diari di Carlo Alberto Biggini / L. Garibaldi (ed.). — Milano : Mursia, 1983. — 362 p.

9. Giglio C. Dodecaneso / C. Giglio // Oriente moderno. — 1929. — № 8. — P. 347.
10. Rosselli A. Come l'Italia conquista il Dodecanneso [Electronic resource] / A. Rosselli. — Access mode : <http://www.anpi.it/militari/rodi.html>.

Англоязычные сведения о статье и ее авторах готовятся редакцией после принятия статьи к публикации (авторские переводы не принимаются) и размещаются в конце статьи.

Автор направляет статью через «Личный кабинет» на сайте журнала. Условия публикации размещаются на сайте журнала <http://www.nauka-dialog.ru/>. Справку можно получить по тел. **(343)3458984, 89120458984.**

Каждая статья, опубликованная в журнале «Научный диалог» с 2017 года, имеет идентификатор DOI. Пожалуйста, если в своих последующих статьях, направляемых в любые другие журналы, Вы будете цитировать свою статью или делать ссылку на любые другие опубликованные в нашем журнале статьи, то **УКАЗЫВАЙТЕ** номера DOI этих статей (образец оформления выходных данных статьи с номером DOI см. в начале каждой статьи).

CONTENTS

LINGUISTICS

<i>Anchimiuk, O., Szymula, R.</i> Means of Expressing Dualism in Sermon “Slovo na Novyy God. V Chem Schastye Cheloveka, i Gde Ego Nayti?”	9
<i>Bagiyan, A. Yu. Monogarova, A. G.</i> Productive Manipulation as an Element of University Advertising Discourse: Pragma-Axiological Analysis	30
<i>Berezovich, E. L., Leontyeva, M. O.</i> Vocabulary for Lower Back and Lumbar Pain in Russian Dialects: ‘utin’ and ‘chemer’	50
<i>Kunshchikova, M. O.</i> Metalinguistic Activity of Wordplay Creator in Classroom Bilungal Dialogs	71
<i>Leontyeva, T. V., Shchetinina, A. V.</i> Identity as an Organizing Idea of New Vocabulary and Phraseology	89
<i>Rogaleva, E. I., Golovina, L. S., Mikhailova, I. M.</i> Representation of Game Phrase-Making Mechanisms in Educational Dictionary: Practical Lexicography	106
<i>Shirokova, E. N.</i> Internet News Headlines: Ontological and Orthological Aspects	122
<i>Shchenikova, E. V., Zhdanova, E. A.</i> Holophrasemes with a Central Component ‘zhe’: Derivational Models.....	139

LITERARY STUDIES. JOURNALISM. FOLKLORE

<i>Avtaeva, N. O., Gordeeva, E. Yu., Shcherova, M. S.</i> Family’s World in Mirror of Women’s Press in New Economic Policy’s Period	160
<i>Bogdanova, O. V., Vlasova, E. A.</i> Gospel of Joseph (I. Brodsky’s poem “Gorbunov and Gorchakov”).....	180
<i>Voicou O.K., Zhukov A.P., Kovalev B.V.</i> Genre Originality of Novel by M. Vargas Llosa “Green House”	205
<i>Zhatkin, D. N., Ryabova, A. A.</i> Russian Reception by James Hogg (Soviet period)	221
<i>Zhitenev, A. A.</i> About One Cinema Ekphrasis of Sh. Abdullaev	241
<i>Kihney, L. G., Lamzina, A. V.</i> Epitaph Dedication to Gumilyov by His Fellow Acmeists: a Play of Obvious and Secret Meanings	256

HISTORICAL SCIENCES

<i>Batomunkueva, S. R.</i> History of Mahakala Cult in Buryatia	273
<i>Dubrovskaya, E. Yu.</i> Political Self-Identification of Russian Military Personnel in Finland in Spring 1917.....	289

<i>Dudaiti, A. K.</i> Iran's Foreign Policy in 1933-1939: Problems of Diversifying Relations with Leading World Powers.....	309
<i>Zagorodnyuk, N. I.</i> Organization of Medical Care for Prisoners of Tobolsk Prison Castle: End of XVIII — First Half of XIX Century	327
<i>Zaitseva, L. G., Bobrov, D. S.</i> Communication Routes of Upper Irtysh Region of 17th — Early 18th Centuries in “Horographic Book” and “Drawing Book of Siberia” by S. U. Remezov	344
<i>Kuleshova, E. V., Starostin, D. N.</i> Periodization of Antiquity's History in Studies of I. M. Grevs and N. I. Kareev in Late XIX — Early XX Centuries	363
<i>Pozdeev, I. L.</i> Mari of Udmurtia: Factors of Preserving Traditional Culture in Modern Conditions	380
<i>Polovnikova, M. Yu.</i> Bishop Apollos (Belyaev) and Development of Vyatka Diocese in 1866—1885	396
<i>Rudkovskaya, M. M.</i> Documents on History of Russian Naval Emigration in Regional Archives of Southern France: Problems of Search and Study	413
<i>Symonenko, E. S.</i> Sam Hughes and Mobilization of Canadian Volunteers for War (August 1914 — October 1915)	429
<i>Skvortsov, A. M.</i> Formation of Soviet Postgraduate Studies in History in USSR in 1930s: Legislative Regulation and Practice.....	444
<i>Skrydlov, A. Yu.</i> Formation of Administrative Statistics Bodies in Russian Empire: Statistical Department of Ministry of Police (1811—1819).	461
<i>Sorokin, A. A., Medovarov, M. V.</i> System of Zemstvo Elections According to Regulations on Zemstvo Institutions of 1890 in Estimates of Russian Periodicals.....	479
<i>Chemakin, A. A.</i> , City Elections in Kuban (Spring — Autumn 1919).....	497
TO AUTHORS.....	516

ПОДПИСКА

на журнал

«Научный диалог»

Уважаемые читатели!

На журнал «Научный диалог» можно оформить подписку.

Подписной индекс **29255**
в Объединенном каталоге «Пресса России».

Вы можете подписаться онлайн через
Интернет-каталог «Пресса по подписке».

Вы можете также заказать редакции любой
из уже вышедших номеров журнала, сделав запрос
в адрес редакции: **nauka-dialog@mail.ru.**

Опубликованные в журнале материалы представлены
в Международном каталоге периодических изданий
Global Serials Directory Ulrichs Web
(www.ulrichsweb.com/ulrichsweb/)

НАУЧНЫЙ ДИАЛОГ

2021. № 12

Главный редактор
Татьяна Валерьевна Леонтьева

NAUCHNYI DIALOG

(Naučnyj dialog = Nauchnyy dialog = Scientific Dialogue = ND)

2021. № 12

Editor-in-Chief:
Tatyana Valeryevna Leontyeva

Компьютерная верстка и дизайн:
Издательский Дом «Ажур»

Подписано в печать 24.12.2021. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Усл. печ. л. 30,56. Тираж 500 экз. Заказ 24/12-1.

Отпечатано в ООО «Издательский Дом «Ажур».
620075, г. Екатеринбург, ул. Восточная, 54.
Тел. (343) 350-78-28, 350-78-49.

© Центр научных и образовательных проектов, 2021
Свободная цена